

ПАСКВАЛЕ·ВИЛАРИ

**ДЖИРОЛАМО
АВОНАРОЛА
И·ЕГО·ВРЕМЯ**

Томъ I

**ПЕРЕВОДЪ·СЪ·ИТАЛЬЯН-
СКАГО·Д·Н·БЕРЕЖКОВА**

І · 9 · І · 3

**ИЗД·«ГРЯДУЩІЙ ДЕНЬ»
РЕДАКТОРЪ А·А·ВОЛЫНСКІЙ**

Тип. „Якорь“, Казачий пер., II.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ редактора А. Л. Воынскаго.	СТР.
Предисловіе ко второму изданію	I
Предисловіе къ первому изданію	XII

КНИГА ПЕРВАЯ.

(1452—1494).

ГЛАВА I.	
Отъ рожденія Савонаролы до его поступленія въ монастырь (1452—1475).	1
ГЛАВА II.	
Отъ поступленія въ монастырь до перваго путешествія во Флоренцію. (1475—1481).	17
ГЛАВА III.	
Лорендо Великолѣпный и Флорентійцы его времени.	31
ГЛАВА IV.	
Марсиліо Фичино и Академія Платона.	41
ГЛАВА V.	
Первое пребываніе Савонаролы въ Тосканѣ, путешествія въ Ломбардію, возвращеніе во Флоренцію. (1481—1490).	57
ГЛАВА VI.	
Философія Савонаролы.	74
ГЛАВА VII.	
Первыя работы Савонаролы религіознаго содержанія и его толкованія на Библію.	87
ГЛАВА VIII.	
Савонарола проповѣдуетъ въ Соборѣ на тексты, взятые изъ Евангелій. Выступаетъ противникомъ Лорендо Великолѣпнаго. Проповѣди его на тексты изъ перваго посланія Іоанна Богослова. (1491).	97
ГЛАВА IX.	
Смерть Лорендо Медичи и Иннокентія VIII. Избраніе Александра VI. Путешествіе Савонаролы въ Болонью. Отдѣленіе Монастыря Св. Марка отъ Ломбардской Конгрегаціи. Реформа монастыря. (1492—1493 г.).	114

ГЛАВА X.

СТР.

Савонарола излагаетъ основные пункты своего ученія въ Рождественскій Постъ 1493 года. Въ проповѣдяхъ Великаго Поста 1494 года предсказываетъ приходъ французовъ.	132
--	-----

КНИГА ВТОРАЯ.

(1494—1495).

ГЛАВА I.

Нашествіе французовъ на Италію. (1494).	149
---	-----

ГЛАВА II.

Медичи изгнаны изъ Флоренціи. Савонарола отправляется посломъ въ лагерь французовъ. (Ноябрь 1494).	163
--	-----

ГЛАВА III.

Мятежъ въ Пизѣ. Съѣздъ Карла VIII во Флоренцію, его трактатъ съ республикой и его отъѣздъ. (Ноябрь 1494).	175
---	-----

ГЛАВА IV.

Условія политической жизни Флоренціи по уходѣ французовъ. Савонарола предлагаетъ новую форму правленія. (Декабрь 1494).	189
---	-----

ГЛАВА V.

Устройство новаго правленія трудами Савонаролы. Великій Совѣтъ и Совѣтъ Восьмидесяти. Реорганизация налоговъ посредствомъ взиманія $\frac{1}{10}$ части доходовъ или поземельнаго налога. Разсужденія о законѣ всеобщаго мира и ашшеляція на рѣшенія «шести боговъ», одобреніе соотвѣствующихъ законовъ. Возстановляется торговый судъ. Аккопіаторы слагаютъ свою власть, парламенты уничтожаются, учреждается Ломбардъ. Мнѣнія итальянскихъ политиковъ о реформахъ, введенныхъ Савонаролою. (1494—1495).	207
---	-----

ГЛАВА VI.

Пророчества Савонаролы и его труды пророческаго характера.	233
--	-----

ГЛАВА VII.

Во Флоренціи начинаютъ образовываться различныя партіи. Савонарола проповѣдуетъ въ праздники на псалмы. Въ Великій Постъ проповѣдями на кн. Іова начинаетъ общую реформу нравовъ, достигая блестящихъ результатовъ. Обращеніе Фра Бенедето. (1495).	247
---	-----

КНИГА ТРЕТЬЯ.

(1495—1497.)

ГЛАВА I.

Карлъ VIII возвращается во Францію. Союзники помогаютъ Пьеро Медичи въ его попыткѣ овладѣть Флоренціею. Савонарола проповѣдуетъ противъ тираніи и Медичи: послѣдніе отражены (1495—1496).	269
---	-----

ГЛАВА II.

СТР

Савонарола приглашается папским Бreve въ Римъ. Его отвѣтъ. Новое Бreve запрещаетъ ему проповѣдь, но «Десять» добиваются молчаливой отмѣны распоряженія. Савонаролѣ предлагается кардинальская шапка, но онъ отказывается. (1495—1496). . . . .

283

ГЛАВА III.

Въ Великій Постъ 1496 года Савонарола вновь выступаетъ съ проповѣдью. . . . .

305

ГЛАВА IV.

Различные ученые отзывы о доктринахъ Савонаролы. Обращеніе къ нему правителей Италіи и его отвѣты. Разговоръ папы съ флорентійскимъ посломъ. Савонарола вновь появляется на церковной кафедрѣ и проповѣдуетъ по праздникамъ на книгу Руфъ и пророка Михея. (1496). . . . .

323

ГЛАВА V.

Слѣдствіе обстоятельствъ и военныя неудачи республики въ борьбѣ съ Пизой. Смерть Пьеро Каппони. Угрозы членовъ Лиги, призывающихъ императора Максимилиана въ Италію. Новое Бreve папы противъ Савонаролы и отвѣтъ послѣдняго. Республика осаждена въ Ливорно императоромъ и союзниками. Савонарола вновь выступаетъ на церковной кафедрѣ. Флорентійцы чудеснымъ образомъ избѣгаютъ всѣхъ опасностей. (1496). . . . .

345

ГЛАВА VI.

Франческо Валори, избранный гонфалоньеромъ, предлагаетъ нѣкоторые новые законы. Карнавалъ. Сожженіе «суеты». Монахи Св. Марка покупаютъ библіотеку Медичи. Идея Савонаролы о красотѣ. Его защита поэзіи, его стихотворныя произведенія. (1497) . . . . .

366

Русскій переводъ изслѣдованія П. Виллари разбитъ, какъ и итальянскій оригиналъ, на два тома, при чемъ всѣ примѣчанія автора, помѣщенные имъ въ текстѣ, мы дадимъ на послѣднихъ страницахъ нашего изданія, съ точнымъ обозначеніемъ главъ и мѣстъ, къ которымъ они относятся. Ни одно изъ указаній Виллари, представляющихъ историко-литературный интересъ, не будетъ опущено: въ цѣломъ изложеніе, идущее подъ строками основного текста, не только поясняетъ отдѣльныя характеристики автора, но и раздвигаетъ горизонтъ изученія и пониманія эпохи итальянскаго ренессанса въ существеннѣйшихъ чертахъ ея философіи и быта.

Безъ передачи на русскій языкъ пришлось оставить лишь подлинныя документы того времени, на латинскомъ и старо-итальянскомъ языкахъ. приводимые авторомъ безъ всякихъ поясненій, какъ контрольный матеріалъ, по которому писалась «Жизнь Савонаролы». Мы дадимъ только ихъ перечисленіе въ концѣ второго тома, дополнивъ при этомъ изслѣдованіе Виллари—по его-же указаніямъ—цѣлымъ рядомъ документовъ высокаго интереса и значенія. Такъ, въ отдѣлѣ добавленій читатель найдетъ, въ переводѣ Д. Н. Бережкова, нѣкоторыя письма Савонаролы и выдержки изъ наиболѣе знаменитыхъ проповѣдей его на церковныя и общественно-политическія темы. Матеріалы эти ставятъ передъ нами личность флорентійскаго монаха въ интимныхъ чертахъ его живого слова, его индивидуальнаго ораторскаго таланта.

Кромѣ того, мы дадимъ отдѣльной книгой небольшою трактатъ Савонаролы объ искусствѣ: «Apologetico del poetare»—«Апология творчества». въ переводѣ Лики Риола (Капри). Трактатъ этотъ, сводъ эстетическихъ воззрѣній автора, представляетъ для русской публики особенный интересъ. Читатель найдетъ въ немъ какъ-бы историческій прообразъ тѣхъ идей, которыя въ наши дни, среди иныхъ условій реальной и идеальной жизни, съ такою горячностью защищалъ Л. Н. Толстой.

А. Волыскій.

С.-Петербургъ,
1912. Сентябрь.

Pasquale Villari

Начну съ разказа о томъ, какимъ образомъ я пришелъ къ рѣшенію заняться личностью Савонаролы.

Въ 1848 году, еще молодымъ человѣкомъ, я жилъ въ Неаполѣ. Когда однажды я больной лежалъ въ кровати, одинъ изъ моихъ пріятелей подарилъ мнѣ только-что изданную *Audin de Rians* во Флоренціи небольшую книжку, содержащую въ себѣ трактатъ объ управленіи Флоренціею и собраніе стихотвореній Джироламо Савонаролы. Имя Савонаролы было мнѣ тогда рѣшительно неизвѣстно. Я тотчасъ-же принялся за чтеніе его стихотвореній, при чемъ меня поразили фактъ, показавшійся мнѣ чрезвычайно страннымъ. Авторъ не былъ въ собственномъ смыслѣ поэтомъ. Стилъ его былъ невыдержанъ. языкъ часто неправиленъ, стихъ иногда хроmalъ,—и все это въ трудѣ, относящемся ко вѣременамъ Полиціана, Макиавелли и Гвиччардини, когда въ искусствѣ и литературѣ красота формы возводилась почти въ культъ. Но особенно страннымъ мнѣ показалось то, что, несмотря на всѣ указанные недостатки, при чтеніи этихъ стихотвореній, получалось совершенно ясное впечатлѣніе, что авторъ ихъ обладаетъ возвышенной, благороднѣйшей душой.

Какимъ-же образомъ, разсуждалъ я самъ съ собой, это могло такъ рѣзко сказаться въ стихотвореніяхъ, имѣющихъ столь мало артистической цѣнности? По этому поводу я рѣшилъ написать журнальную замѣтку.

Задавшись этой цѣлью, я сталъ разыскивать въ изслѣдованіяхъ по литературѣ и политикѣ данныя относительно Савонаролы. Но, по мѣрѣ того, какъ я подвигался въ своихъ изысканіяхъ впередъ, мнѣ казалось, что трудности не только не уменьшаются, а скорѣе растутъ. Одни изслѣдователи видѣли въ немъ человѣка великой доброты, святости и учености, одареннаго пророческимъ духомъ, краснорѣчіемъ, которымъ онъ увлекалъ свою аудиторію до михрадочнаго возбужденія. Благо-

даря этому краснорѣчю, онъ сдѣлался господиномъ надъ флорентійскими народами и далъ ему форму правленія, какую желалъ. Другіе, наоборотъ, видѣли въ немъ фанатичнаго монаха, обманщика, который хотѣлъ вернуть Флоренцію къ Среднимъ Вѣкамъ, который вводилъ народъ въ заблужденіе своими выдуманными пророчествами, врага Медици и великой культуры Возрожденія, которую тѣ всячески поощряли и которой покровительствовали. Онъ дошелъ даже до того, что собралъ въ одну кучу и сжегъ множество произведений современнаго ему искусства.

Во всякомъ случаѣ, выяснилось, что этотъ монахъ, который выставялъ себя вѣрнымъ католикомъ, вступилъ въ ожесточенную борьбу съ папой, оказался послушникомъ его, былъ имъ отлученъ, но объявилъ отлученіе недѣйствительнымъ, апеллируя на него къ собору. Наконецъ, онъ вооружилъ противъ себя и самый народъ, который возсталъ на него и, въ согласіи съ папой, повѣсилъ его, сжегъ тѣло и пепелъ бросилъ въ Арно. Вокругъ его личности возникли безконечные споры, которые, казалось, конца не будутъ. Кто считалъ его святымъ и пророкомъ, кто еретикомъ, предтечей Лютера, кто обманщикомъ. Обо всемъ этомъ нельзя было разсуждать и все это изложить въ тѣсныхъ рамкахъ журнальной статьи. Нужна была біографія. И я рѣшилъ написать ее.

Для этого я прочиталъ историческія изслѣдованія о томъ времени, сдѣлалъ необходимыя изысканія въ публичныхъ и частныхъ книгохранилищахъ, нашелъ въ библіотекахъ нѣкоторыхъ монастырей произведенія монаха, его аскетическіе трактаты, его письма, проповѣди, и въ короткое время закончилъ свою работу. Вынужденный въ концѣ 1849 г. уѣхать изъ Неаполя, я поселился во Флоренціи, куда привезъ и свою рукопись съ намѣреніемъ здѣсь напечатать ее. Пока я подыскивалъ издателя, мнѣ пришло на мысль произвести новыя изысканія во флорентійскихъ архивахъ и библіотекахъ. И въ скоромъ времени я долженъ былъ убѣдиться, что неизданныхъ матеріаловъ, для меня совершенно неизвѣстныхъ, было огромное множество, и нужно было думать не объ исправленіи или дополненіи сдѣланной уже работы, а о

томъ, чтобы вновь писать ее. Не колеблясь, я разорвалъ свою рукопись, бросилъ ее въ корзину и началъ свою работу вновь, не считаясь съ тѣмъ, что было написано мною ранѣе. Общее мое развитіе было тогда далеко отъ совершенства, и я вынужденъ былъ, въ виду представлявшихся мнѣ все новыхъ, самыя разнообразныхъ, проблемъ, раньше, чѣмъ приступить къ надлежащему выполнению работы въ цѣломъ, предварительно заняться дальнѣйшимъ самообразованиемъ. Такъ прошло много лѣтъ, пока, между 1859—1861 г.г., могли увидѣть свѣтъ два тома моего настоящаго труда. Хотя трудъ этотъ и былъ принятъ читателями благосклонно, былъ нѣсколько разъ перепечатанъ, переведенъ на многие языки, однако, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ А. А. Волюнский обратился ко мнѣ отъ имени книгоиздательства «Грядущій День» съ предложеніемъ опубликовать его въ русскомъ переводѣ, я, естественно, задался вопросомъ: можетъ-ли предметъ моего изслѣдованія дѣйствительно быть интересенъ для страны не католической и не протестантской, не чувствующей ни симпатій, ни антипатій къ папѣ? Какой интересъ можетъ имѣть для нея несчастная борьба, поднятая въ Италіи экзальтированными монахами противъ Ватикана?

Причины, вызвавшія Савонаролу на ожесточенную борьбу съ папой и со всѣмъ тогдашнимъ обществомъ, были общаго характера. Развращеніе, внесенное Медичи во Флоренцію, поведеніе Людовико Моро, Аррагонскаго дома въ Неаполѣ и другихъ владѣтельныхъ особъ Италіи, въ особенности соблазнъ, творимый папой Александромъ VI и его сыновьями, вызывали въ немъ непреодолимое стремленіе къ противодѣйствию. Искренняя любовь къ добру, къ чистотѣ нравовъ, къ евангельской добродѣтели, заставила его вступить въ ожесточенную борьбу съ тѣми, кто толкалъ Италію на путь разврата, къ гибели. Чувство это, какъ онъ самъ выражается, было «какъ-бы огнемъ, который пожиралъ и жегъ» его изнутри. Одушевляемый имъ, онъ безъ колебанія шелъ на вѣрную муку. Онъ хотѣлъ оставаться католикомъ, хотѣлъ уважать догматы и авторитетъ церковный, но, жестокой врагъ всякихъ пороковъ, онъ, въ борьбѣ съ

ними, не считался ни съ мірскимъ, ни съ церковнымъ авторитетомъ, ни съ какой догмой. Самая политическая свобода, которой онъ такъ горячо сочувствовалъ, была для него лишь средствомъ къ тому, чтобы побудить людей къ добродѣтели. Эта его горячая любовь къ добру и составляетъ самую сущность его характера, сохраняющую за его исторической личностью неослабѣвающее съ теченіемъ времени значеніе. Эта-же любовь является причиной, почему онъ кажется какъ-бы живущимъ въ глубинѣ совѣсти флорентійскаго народа, который непрерывно, на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, въ день его смерти усыпалъ цвѣтами то мѣсто на Площади Синьории, гдѣ онъ былъ подвергнутъ смертной казни. И въ то время, когда, казалось, о немъ всего болѣе забывали, мы видимъ его какъ-бы внезапно вставшимъ изъ гроба по зову народа, обращающагося къ нему въ минуты скорби и смятенія. Такъ было и въ 1908 году, когда Италия должна была испытать глубокое потрясеніе отъ объявшаго ее социальнаго движенія. Тогда внезапно возродился обычай, оставленный нѣсколько времени тому назадъ, разсыпать цвѣты на Площади. Всюду, даже за границей, начали устраивать собранія, издавать о немъ брошюры, цѣлныя изслѣдованія. Былъ даже основанъ цѣлый журналъ, посвященный памяти Савонаролы. Монахи Св. Марка рѣшили издать всѣ его произведенія и надѣялись добиться согласія папы не только на это, но и на канонизацію ихъ собрата по Ордену, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ втайнѣ уже и почитали его за святого. Въ Италіи, въ Англіи, во Франціи и особенно въ Германіи вновь взялись за изученіе политической и религіозной дѣятельности Савонаролы. Горячо обсуждался тогда вопросъ, можно или нѣтъ оправдать непослушаніе этого вѣрнаго католика папѣ, отказъ его признать силу за отлученіемъ, его проповѣдь и совершеніе литургій послѣ отлученія. Но спустя нѣкоторое время споры эти, часто очень научные, внезапно прекратились, но и послѣ нихъ историческая фигура Савонаролы ни въ какомъ отношеніи существенно не претерпѣла измѣненій. Нравственная сторона его характера, эта сущность его личности, которой онъ все принесъ въ

жертву, ради которой онъ добровольно претерпѣлъ мученичество, осталась все той-же, безъ малѣйшихъ перемѣнъ.

Этотъ нравственный элементъ присуиъ всему человечеству, переходитъ границы разныхъ національностей, общъ всѣмъ культурнымъ народамъ. Въ одной славянской рукописи, почти современной Савонаролѣ, сохранилось извѣстiе о нѣкоемъ авонскомъ монахѣ *), остановившемся, на пути въ Россiю, во Флоренци. Здѣсь онъ имѣлъ случай узнать Савонаролу, о которомъ и говоритъ подробно. Онъ не могъ не выразить своего глубокаго удивленiя предъ этимъ проповѣдникомъ (хотя и латинскимъ), который «своими поучительными рѣчами», вдохновляемыми Священнымъ Писанiемъ, «оказываетъ нравственную помощь своимъ согражданамъ и совершенно исправилъ ихъ развращенные нравы». Это глубокое нравственное чувство является преобладающимъ и въ русской литературѣ, главнымъ образомъ, въ романахъ Толстого. Въ нихъ оно составляетъ существеннѣйшую часть и выражено весьма ясно. Съ энтузіазмомъ возносится здѣсь въра простаго человека, который умѣетъ жить для другихъ до самопожертвованiя, который не вѣритъ въ надменную гордость ума, который своимъ личнымъ примѣромъ совершенствуется, обращаетъ на путь истины другихъ.

Это-же чувство воодушевляло и Савонаролу течение всей его жизни. Оно было причиной сначала его успѣховъ, а затѣмъ и его мученичества.

Но эта именно нравственная сторона его характера и составляетъ меня вѣрить, что исторiя монаха Св. Марка можетъ быть интересна и для русскихъ читателей.

П. Виллари.

Флоренція, 1912.

---

*) Максимъ Грекъ.
Переводчикъ.

Предисловіе ко второму изданію.

Прошло болѣе 25 лѣтъ съ того момента, какъ книга эта въ первый разъ появилась въ свѣтъ. Въ такой продолжительный періодъ времени историческія изслѣдованія объ итальянскомъ Возрожденіи значительно двинулись впередъ, и я самъ чувствую, что взглядъ мой на него во многомъ измѣнился. Если бы я приступилъ къ труду о Савонаролѣ теперь, то, несомнѣнно, онъ вышелъ-бы во многихъ отношеніяхъ инымъ, хотя мое мнѣніе о характерѣ и историческомъ значеніи этого лица остается въ главномъ такимъ-же, какимъ оно было и прежде. Но въ данный моментъ я не намѣренъ предложить читателю новой книги,—напротивъ, хочу перепечатать старую въ томъ видѣ, въ какомъ она была написана въ свое время, сдѣлавъ при этомъ лишь самыя необходимыя дополненія и исправленія.

За это время, какъ это и весьма естественно, я замѣтилъ нѣкоторыя ошибки, которыя нужно было устранить. Кромѣ того, втеченіе столькихъ лѣтъ появилось не мало изданій новыхъ важныхъ документовъ. Покойный графъ Карлъ Каппони, большой поклонникъ и почитатель памяти Савонаролы, продолжалъ ранѣе начатыя имъ изслѣдованія. Не мало издано новыхъ документовъ въ «Archivio Storico Italiano». Во Флоренціи, въ Феррарѣ, въ Моденѣ и другихъ городахъ также печатались разные, относящіеся къ тому времени, документы. Чтобы напрасно не утомлять читателя, не буду перечислять ихъ здѣсь подробно: онъ найдетъ ссылки на нихъ въ примѣчаніяхъ. При томъ-же мой уважаемый ученикъ, проф. А. Коши, такъ преждевременно скончавшійся, далъ уже подробный и весьма тщательный разборъ ихъ. Упомяну здѣсь лишь о двухъ изданіяхъ,

представляющихъ особенный интересъ. Одно изъ нихъ сдѣлано Каппелли въ 1869 году въ Моденѣ и включаетъ въ себѣ депеши посланника герцога д'Есте во Флоренціи, нѣкоторыя не изданныя письма Савонаролы, а равно и письма герцога Ерколе I, его большаго друга. Къ этому изданію приложено ученое введеніе. Другое изданіе представляетъ собою собраніе «Новыхъ Документовъ» изъ Флорентійскаго Архива, напечатанное по порученію доминиканца Чеслао Байона въ 1876 кавалеромъ А. Герарди. Важные сами по себѣ, документы эти сопровождаются тонкимъ критическимъ анализомъ, со всѣми вытекающими изъ него значительными и вѣрными выводами. Правда, по совершенно справедливому замѣчанію профессора Коши, какъ эти, такъ и другіе, вновь опубликованные документы не вносятъ никакой существенной перемѣны въ высказанный нами взглядъ на жизнь и характеръ Савонаролы, но они сообщаютъ намъ подробности, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, а равно проливаютъ свѣтъ на нѣкоторые частные факты, которые до сихъ поръ не были достаточно обслѣдованы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ и самимъ удалось собрать много новыхъ матеріаловъ и произведеній Савонаролы. Мы добыли, напримѣръ, точную копію съ его помѣтокъ на поляхъ Библии, хранящейся въ Національной Библіотекѣ во Флоренціи и на вшитыхъ въ нее отдѣльныхъ листахъ. Здѣсь-же мы нашли не мало неизданныхъ его трактатовъ и проповѣдей. Изъ драгоценнаго собственноручнаго кодекса Савонаролы, находящагося въ музеѣ Св. Марка во Флоренціи, мы тоже извлекли нѣсколько конспектовъ его рѣчей, до сихъ поръ неизвѣстныхъ. Они даютъ намъ свѣдѣнія о первыхъ годахъ его пребыванія во Флоренціи въ эпоху Лоренцо Великолѣпнаго. Масса неизданныхъ писемъ посланниковъ разоблачаетъ предъ нами съ полною очевидностью тѣ недостойныя интриги, какія въ свое время замышлялись противъ него повсюду. Кромѣ того, мы пользовались и другими документами и неизданными трудами Савонаролы, на которые намъ придется ссылаться.

Впродолженіе этихъ 25 лѣтъ о Савонаролѣ напечатано очень немного книгъ, представляющихъ извѣстную историческую цѣн-

ность. Изъ нихъ наиболѣе шума надѣлалъ романъ («Ромола») Джорджъ Эліотъ. Но это удивительное произведеніе великой англійской писательницы не могло прибавить ничего новаго къ исторіи, выводы которой она принимала, какъ это и естественно, безъ всякихъ споровъ.

Біографія Савонаролы, изданная позднѣе В. Р. Кларкомъ, по собственному признанію автора, является ничѣмъ инымъ, какъ простою компиляціею. Байонъ, напротивъ, тщательно приготовился писать новый трудъ: онъ собралъ, перевелъ и издалъ три тома духовно-религіозныхъ произведеній Савонаролы. Для него-то, какъ мы сказали, Герарди разыскивалъ и опубликовалъ свои «Новые Документы». Но онъ былъ такъ убѣжденъ, что пишетъ жизнь святого, придавалъ такое значеніе его чудесамъ и пророчествамъ, такъ подробно останавливался на нихъ, что историческая цѣнность его изслѣдованія оказалась, вслѣдствіе этого, очень невысокаго достоинства. Настоящимъ образомъ онъ не воспользовался даже и «Новыми Документами». А преждевременная смерть и окончательно прервала его попытки создать полную біографію Савонаролы, къ чему онъ готовился столько лѣтъ.

Совсѣмъ иное мы должны сказать о біографическомъ трудѣ знаменитаго берлинскаго профессора Л. Ранке, изданномъ въ 1877 году. Своей глубокой критической проницательностью онъ угадалъ и тотчасъ-же опредѣлилъ все историческое, моральное и религіозное значеніе Савонаролы. Его краткій, ясный и сжатый разсказъ, основанный на работахъ другихъ изслѣдователей, на опубликованныхъ документахъ и на нѣкоторыхъ хроникахъ, нельзя сказать, чтобы содержалъ въ себѣ что-нибудь существенно новое, за исключеніемъ, разумѣется, того, что приносить сюда громадный талантъ самого автора. Трудъ его едва-ли можетъ быть названъ въ собственномъ смыслѣ біографіей, — это скорѣе историческій очеркъ: ни одно изъ произведеній Савонаролы не подвергнуто въ немъ никакому анализу. И, однако, какъ это бываетъ со всѣми великими умами, даже въ такомъ краткомъ трудѣ профессоръ Ранке затронулъ новый и очень важный для біографа Савонаролы вопросъ. По-

дробно мы говорили о немъ въ другомъ мѣстѣ, а потому здѣсь коснемся его лишь вкратцѣ.

Съ давнихъ поръ разными итальянскими учеными высказывалось мнѣніе, не находившее, впрочемъ, сторонниковъ, что двѣ старинныя біографіи, приписываемыя одна Бурламаки, другая Пико, поддѣльны. Профессоръ Ранке серьезно занялся рѣшеніемъ этого вопроса. По его соображеніямъ, біографія, авторомъ которой долженъ быть признанъ Джіованни Франческо Пико, написана, какъ это указывается въ предисловіи, въ 1530 г., во время флорентійской осады, о которой упоминается въ XXIV главѣ ея. Въ эти дни, говоритъ онъ, партія «Піаньони» вновь взяла верхъ во Флоренціи, а вмѣстѣ съ нею воскресла и память о Савонаролѣ. Восторженная фантазія его приверженцевъ начала группировать вокругъ него все новыя и новыя легенды. Онѣ-то и были собраны Пико. Слѣдовательно, книга эта, написанная въ позднѣйшую эпоху, въ атмосферѣ всеобщаго энтузіазма, не можетъ имѣть серьезнаго историческаго значенія.

Біографія, приписываемая Бурламаки, напротивъ, совсѣмъ не могла быть его произведеніемъ, ибо онъ умеръ въ 1519 г., а въ ней встрѣчаются упоминанія о событіяхъ, гораздо болѣе позднихъ, и есть даже указаніе на 1566 годъ, повторяющееся два раза. По мнѣнію Ранке, она представляетъ собою компиляцію, составленную по труду Пико: она не только ссылается на этотъ трудъ, но въ иныхъ мѣстахъ воспроизводитъ его буквально. Такимъ образомъ, эти два главныхъ источника сводятся къ одному, который къ тому-же не выдерживаетъ никакой критики, не подтверждается никакими серьезными историческими данными. Вотъ почему знаменитый нѣмецкій профессоръ старался въ своихъ изслѣдованіяхъ обосноваться, насколько это было возможно, только на печатныхъ документахъ и хроникахъ, изъ которыхъ еще неизданнымъ трудамъ Черетани и Паренти онъ придавалъ большое, даже преувеличенное значеніе: въ молодости своей онъ имѣлъ случай сдѣлать изъ нихъ разныя выписки, которыми теперь и воспользовался. Но если такое отношеніе къ источникамъ и допустимо въ обыкновенномъ историческомъ

очеркъ, то въ трудѣ, гораздо большемъ по размѣрамъ, въ настоящемъ «жизнеописаніи», отказъ отъ древнихъ біографовъ можетъ принести очень много вреда. Но не большею солидностью отличаются и знаменитыя хроники Черетани и Паренти, сообщающія о Савонаролѣ не мало свѣдѣній, но свѣдѣній, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ обширнаго повѣствованія и не всегда вполне безпристрастныхъ. Кромѣ того, историческая цѣнность этихъ хроникъ нисколько не выше многихъ другихъ, уже изданныхъ. Мы постоянно пользовались ими въ первомъ изданіи этого труда, но такъ-какъ дѣло идетъ о временахъ, когда политическія страсти были очень живы, когда взаимоотношенія партій были особенно обострены, намъ приходилось часто сопоставлять ихъ съ другими, чтобы не впасть въ ту или иную ошибку. Во всякомъ случаѣ, если-бы мы вздумали пользоваться только хрониками и печатными документами, у насъ сразу исчезла-бы масса фактовъ и анекдотовъ, необходимыхъ для того, чтобы уловить историческій колоритъ и реальныя черты характера Савонаролы, его родственниковъ, друзей и товарищей. Безъ нихъ получился-бы сухой и краткій разсказъ, лишенный всякой занимательности и увлекательности. Вотъ почему вопросъ, поднятый профессоромъ Ранке, былъ вопросомъ капитальной важности для біографа Савонаролы.

Если-бы онъ писалъ свой трудъ во Флоренціи, имѣя подъ руками всю массу рукописей того времени, мы увѣрены, что онъ пришелъ-бы къ иному заключенію объ этихъ двухъ біографіяхъ и не устранилъ-бы ихъ съ такой легкостью изъ общаго кругозора. Самъ Пико, бывший втеченіе цѣлыхъ шести лѣтъ другомъ Савонаролы, разсказываетъ намъ, на первыхъ страницахъ вступленія, что онъ рѣшилъ описать его жизнь тотчасъ-же послѣ его мученической кончины, а на основаніи писемъ его мы съ увѣренностью можемъ сказать, что біографія была доведена до конца въ 1520 году. Впослѣдствіи онъ видоизмѣнялъ ее, улучшалъ и дополнялъ, почему и напечаталъ ее только въ 1530 году, какъ это онъ и говоритъ въ предисловіи: «я отложилъ изданіе до настоящаго времени».

Итальянская біографія, которая, по общепринятому мнѣнію, приписывается Фра Пачифико Бурламаки, конечно, была напи-

сана не имѣ, ибо онъ умеръ въ 1519 году, между тѣмъ какъ въ ней говорится о событіяхъ и временахъ, гораздо болѣе позднихъ. Въ 1761 году она въ первый разъ была издана въ «*Addizioni alla Miscellanea del Baluzio*» по кодексу, представляющему не особенно вѣрную копію съ болѣе древняго. Въ библіотекахъ Флоренціи имѣется гораздо болѣе древніе и болѣе авторитетные кодексы, въ большинствѣ случаевъ XVI вѣка. Кодексы эти такъ и остались-бы анонимными, если-бы позднѣйшей рукой въ нихъ не было обозначено имя Бурламаки, внезапно выплывшее къ самому концу этого столѣтія. Какъ эти древніе кодексы, такъ и позднѣйшіе, имѣющіеся въ большомъ количествѣ, разнятся между собою во многихъ пунктахъ. Но самое главное въ нихъ это тѣ пророчества и чудеса, которыя преданными памяти Савонаролы переписчиками увеличивались и видоизмѣнялись сообразно съ преданіями, существовавшими въ монастырѣ Св. Марка или другихъ монастыряхъ Ордена. Біографическая-же часть разсказа всюду остается одна и та-же, съ нѣкоторой лишь разницей въ порядкѣ и формѣ изложенія.

Всѣ эти разнообразныя передѣлки такъ называемаго кодекса Бурламаки имѣютъ своимъ основаніемъ «Латинскую Біографію», которую онѣ болѣе или менѣе свободно переводятъ и которая находится среди рукописей Національной Библіотеки во Флоренціи, поступившихъ сюда изъ упраздненныхъ монастырей. По начертанію буквъ манускриптъ этотъ можно отнести къ первой половинѣ XVI вѣка. Множество поправокъ и перечеркнутыхъ мѣстъ заставляютъ думать, что онъ представляетъ собою оригиналъ. Частыя-же повторенія и безпорядокъ, большій, чѣмъ въ другихъ компиляціяхъ, подтверждаютъ, что эта біографія и есть тотъ первоначальный источникъ, изъ котораго почерпали свои свѣдѣнія позднѣйшіе писатели или, лучше сказать, который они почти буквально переводили. Біографія эта анонимна, но авторомъ ея, безъ сомнѣнія, былъ монахъ Св. Марка, современникъ и вѣрный послѣдователь Савонаролы. Это мы узнаемъ отъ него самого. Въ 1524 году онъ продолжалъ еще писать свою книгу, въ которой

передаетъ только факты, имъ самимъ видѣнные или слышанные отъ свидѣтелей, заслуживающихъ довѣрія. Онъ пользовался біографическимъ «Письмомъ» Плачидо Чиноцци, біографіей Пико, которую называетъ «достойной удивленія», и другими трудами. Очевидное доказательство его удивительнаго усердія мы находимъ въ томъ, что онъ постоянно отсылаетъ читателя къ кодексу, находящемуся теперь въ бібліотекѣ Риккарди (2053), писанному той-же рукой и заключающему въ себѣ, вмѣстѣ съ трудами Чиноцци и Пико, драгоценнѣйшее собраніе подлинныхъ документовъ. Это «жизнеописаніе», или «Латинская Біографія», какъ мы ее будемъ называть въ отличіе отъ другихъ, является, такимъ образомъ, не только первоисточникомъ труда, приписываемаго Бурламаки, но произведеніемъ свидѣтеля-очевидца, основаннымъ на работахъ другихъ современныхъ ему писателей и на документахъ первостепенной важности, собранныхъ и переписанныхъ его рукою. Если-же авторъ и высказываетъ удивленіе передъ біографіей Пико и часто пользуется ею, то это еще не значитъ, что онъ считаетъ достаточнымъ для себя дать намъ простое подражаніе ей, воспроизведеніе ея или краткій пересказъ ея содержанія. Напротивъ, сочиненіе его гораздо обширнѣе, включаетъ въ себѣ больше фактическихъ данныхъ и имѣетъ самостоятельную историческую цѣнность. Болѣе того: нѣтъ ничего невѣроятнаго, что самъ Пико пользовался «Латинской Біографіей» въ своихъ исправленіяхъ и прибавленіяхъ, о которыхъ онъ говоритъ въ своемъ введеніи. Несомнѣнно одно, что первоначальная рукопись Пико, находящаяся въ кодексѣ Риккарди № 2053, не упоминаетъ о многихъ фактахъ, имѣвшихъ мѣсто позднѣе 1520 г. О нихъ говоритъ «Латинская Біографія», а затѣмъ они были внесены Пико въ печатное изданіе его труда 1530 года.

Ясно, что эти двѣ древнія біографіи не могутъ быть сведены, какъ того хочетъ профессоръ Ранке, къ одной, потому что, хотя онѣ и имѣютъ между собою связь, но, несомнѣнно, каждая изъ нихъ представляетъ неоспоримую и самостоятельную историческую цѣнность. Что касается Бурламаки, или «Латинской Біографіи», которой онъ пользовался, то можно

съ увѣренностью сказать, что, провѣряя и сопоставляя даваемые имъ свѣдѣнія съ подлинными документами, нельзя не убѣдиться въ правдивости сообщаемыхъ имъ историческихъ фактовъ. Поэтому, мы будемъ продолжать ссылаться на него, подъ его условнымъ именемъ, принятымъ, за неимѣніемъ другого, и самимъ профессоромъ Ранке. Но показанія его будемъ постоянно сличать съ показаніями латинскаго оригинала и біографіи Пико, авторитетъ котораго менѣе подверженъ сомнѣнію.

Впрочемъ, изъ сказаннаго съ полною очевидностью вытекаетъ, что если-бы мы отложили въ сторону работы Пико и Бурламаки, у насъ все-же оставалась-бы возможность замѣнить ихъ показанія другими данными: мы могли-бы возстановить почти всѣ факты, ими рассказанные, на основаніи не только документовъ, хроникъ и произведеній Савонаролы, но и на основаніи большею частью еще не опубликованныхъ трудовъ Фра Бенедетто, Лоренцо Віоли, Доменико и Джироламо Бенивиени, Плачидо Чиноцци, «Письмо» котораго, часто нами цитируемое, является, быть можетъ, древнѣйшимъ источникомъ существующихъ жизнеописаній. Этого не могъ сдѣлать профессоръ Ранке въ Берлинѣ, не имѣя тѣхъ кодексовъ, которыми полны флорентійскія бібліотеки и которые создаютъ твердую базу для рассказовъ двухъ древнихъ біографовъ.

Нѣкоторое сомнѣніе въ душѣ современнаго читателя оставляютъ, конечно, чудеса и странные пророчества, которымъ мы не можемъ вѣрить и о которыхъ Пико и Бурламаки распространяются самымъ подробнымъ образомъ. Но о нихъ говорили и имъ вѣрили тогда всѣ послѣдователи Савонаролы. О нихъ писали не только біографы, но и лѣтописцы. Кто, однако, на этомъ основаніи вздумалъ-бы усумниться во всемъ прочемъ, что рассказываютъ намъ современные писатели о монахѣ Св. Марка, тотъ впалъ-бы въ жестокую ошибку. Здѣсь дѣло идетъ не о легендахъ или мифахъ, возникшихъ у необразованныхъ и первобытныхъ людей, которые не способны къ анализу, къ критикѣ, которые не умѣютъ разбираться въ вопросахъ исторической достовѣрности. Напротивъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ,

весьма естественнымъ для того вѣка: люди становились часто слишкомъ легковѣрными благодаря своему стремленію сомнѣваться рѣшительно во всемъ. Чтобы вѣрить въ сверхъестественное, необходимо было чудо, и его выдумывали, не находя его въ реальной дѣйствительности. Такимъ образомъ, смѣясь надо всѣмъ и все отрицая, люди того времени кончали тѣмъ, что слѣпо вѣрили въ окулътныя науки, въ чудодѣйства, въ предвѣщанія, въ духовъ, населяющихъ воздухъ, при чемъ существованіе послѣднихъ допускали даже Гвиччіардини и Макіавелли. Это явленіе представляетъ собою одну изъ тѣхъ задачъ, которую историкъ Савонаролы долженъ изучить съ особенной тщательностью и во что-бы то ни стало разрѣшить. Только тогда мы и найдемъ объясненіе той катастрофы, которая закончилась его мученической смертью, первый зародышъ той болѣзни, которою до настоящаго времени страдаетъ итальянскій народъ, не умѣющий придавать религіознымъ вопросамъ ни въ наукѣ, ни въ жизни всего того значенія, всей той цѣны, какую они имѣютъ на самомъ дѣлѣ.

Вотъ что побудило насъ 25 лѣтъ тому назадъ приступить къ составленію біографіи Савонаролы. Вотъ что дало намъ настойчивость и терпѣніе изучить всѣ извѣстные источники и заняться разысканіемъ новыхъ, пересмотрѣть и съ особенной тщательностью исправить нашъ первоначальный трудъ. Мы выпускаемъ его теперь новымъ изданіемъ, при чемъ убѣжденія наши, повторяемъ, не подверглись никакимъ перемѣнамъ. Теперь мы лишь съ большою твердостью обосновываемъ наше мнѣніе о монахѣ Св. Марка и его палацахъ. Насъ нисколько не смущаютъ заявленія тѣхъ, которые въ итальянскомъ Возрожденіи хотятъ видѣть одно лишь возстановленіе язычества — какъ будто христіанство должно было исчезнуть тогда окончательно! Напротивъ, это послѣднее, съ Реформаціей Лютера и съ движеніемъ противу-реформаціоннымъ въ средѣ самого католичества, получило только новую силу. Историческое величіе Савонаролы заключается для насъ въ томъ, что онъ осмѣлился вѣрить, когда всѣ сомнѣвались, въ томъ, что онъ выступилъ противъ порочной жизни

Борджіа, противъ скептическаго цинизма философовъ, выдвигая на первый планъ забытыя и осмѣянные права христіанства, свободы и разума. Онъ первый началъ говорить о нравственномъ обновленіи человѣка, тогда-какъ всѣ думали только на тему обновленія чисто интеллектуальнаго. Онъ первый призналъ въ добродѣтели прочное основаніе для религіи и истинный рычагъ свободы, тогда-какъ всѣ, казалось, были убѣждены, что добродѣтель христіанская и политика, отечество и религія находятся въ неизбѣжномъ и непримиримомъ противорѣчій между собою. Этотъ пунктъ его доктрины заставилъ отнестись къ нему съ уваженіемъ даже ученыхъ того времени, хотя онъ и отрицалъ жестоко ихъ крайніе выводы: они только казались, а не были на самомъ дѣлѣ вполне довольны язычествомъ, которое оставляло въ ихъ душѣ скорбную пустоту. Равнымъ образомъ, это-же заставляло удивляться ему и многихъ политиковъ, людей болѣе осторожныхъ и осмотрительныхъ, которые видѣли, что управление государствомъ въ такомъ духѣ, какъ будто совсѣмъ не существуетъ никакой совѣсти, противорѣчить ихъ разуму и глубоко возмущаетъ ихъ душу. Казалось, такимъ образомъ, что монахъ Св. Марка, обличая и тѣхъ, и другихъ, открывалъ имъ ихъ собственные сокровеннѣйшія мысли, возвращалъ утраченный миръ ихъ совѣсти. Это-то обстоятельство и объясняетъ намъ ихъ великое благоговѣніе и преклоненіе предъ нимъ. Только тотъ, кто близко не знаетъ Савонаролы, можетъ подумать, что онъ какъ-бы хочетъ возвратиться къ среднимъ вѣкамъ, принести землю въ жертву небу, жизнь гражданскую — церковной. Но тому, кто хорошо изучилъ его жизнь, его труды, онъ открывается такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ жаждалъ всего идеальнаго въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, настойчиво твердилъ современникамъ, что безъ добродѣтели, безъ самоотреченія, безъ нравственнаго величія, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлое общество, неминуемо идутъ къ гибели. Окруженный учеными, философами, поэтами и артистами, между которыми насчитывалось не мало горячихъ его послѣдователей, онъ вовсе не былъ врагомъ итальянскаго Возрожденія. Но онъ лишь ясно видѣлъ, чувство-

валъ, чего не доставало этому движенію и что въ послѣдствіи привело его къ гибели. Вдохновенно, краснорѣчиво, горячо возвѣщалъ онъ это съ церковной кафедры и былъ предтечей, провозвѣстникомъ будущаго въ истинномъ смыслѣ этого слова. Вѣрѣ въ добродѣтель, освящаемую религіей и освящающую человѣческую свободу, онъ посвятилъ всю свою жизнь и за нее умеръ. Въ итальянскомъ Возрожденіи, существенную часть котораго онъ составляетъ, Савонарола является фигурой героической, окруженной ореоломъ мученичества, несмотря на всѣ свои суевѣрія, ошибки, галлюцинаціи и слабости. И до тѣхъ поръ, пока люди будутъ чтить добрыя дѣла, они всегда должны будутъ чувствовать къ нему самое высокое уваженіе.

Предисловіе къ первому изданію.

Имя монаха Джироламо Савонаролы, гремѣвшее при его жизни по всему свѣту и втеченіе долгаго періода времени привлекавшее къ себѣ вниманіе нашихъ наиболѣе выдающихся писателей, въ XVIII вѣкѣ было совершенно забыто. Если-же кто и вспоминалъ его тогда, то развѣ только съ чувствомъ презрѣнія къ нему. Такова, впрочемъ, участь всѣхъ людей, преданныхъ религіи, всѣхъ трудовъ, посвященныхъ вопросамъ духа. Бэйль выражалъ въ своемъ «Словарѣ» лишь общепринятое мнѣніе, когда холодно и цинически жестоко обрушивалъ на несчастнаго монаха свои остроумные и ядовитые сарказмы: онъ называлъ его смѣшнымъ и низкимъ обманщикомъ, достойнымъ той мученической смерти, какую претерпѣлъ.

Въ 1782 году одинъ анонимный писатель выпустилъ на итальянскомъ языкѣ біографію Савонаролы, ложно помѣтивъ мѣстомъ ея изданія Женеву. Въ сущности, авторъ держался тѣхъ-же идей, что и Бэйль. Но то, что послѣдній говорилъ только въ ироническомъ тонѣ, тотъ выражалъ съ явнымъ презрѣніемъ и озлобленіемъ: у Бэйля, холоднаго скептика, срывались съ пера ядовитые сарказмы, у него-же все это выходило гнѣвно и какъ-то необычайно злобно. Біографія эта принадлежитъ перу Модесто Растрелли, довольно извѣстнаго въ свое время историка. Но слишкомъ уже очевидное увлеченіе автора лишаетъ его книгу всякой цѣнности, несмотря на то, что въ ней имѣются нѣкоторыя новыя данныя, добытыя самостоятельно, что написана она языкомъ очень живымъ, хотя и не всегда правильнымъ и сдержаннымъ, какимъ обыкновенно писали многіе изъ авторовъ восемнадцатаго вѣка.

Спустя годъ въ Ливорно вышла въ свѣтъ новая «Исторія о. Джироламо Савонаролы» и тоже анонимная. Авторомъ ея

былъ доминиканецъ Винченцо Барсанти, который, въ отвѣтъ указанному выше біографу, съ большимъ жаромъ выступилъ съ защитой своего собрата по ордену. Барсанти былъ единственнымъ человѣкомъ, читавшимъ тогда и восхищавшимся проповѣдями Савонаролы. Онъ изучалъ древнихъ біографовъ и ту драгоцѣнную рукопись, которая втеченіе долгаго времени считалась затерянною, а именно — «Дневникъ» Лоренцо Віоли. Прилежно, аккуратно и терпѣливо собиралъ онъ свѣдѣнія о предметѣ, хотя и не возбуждавшемъ симпатій въ его современникахъ, но близкомъ его сердцу. Нисколько не увлекаясь теченіями своего вѣка, онъ составилъ книгу, которая, казалось, была написана нѣсколько вѣковъ тому назадъ и, по характеру своему, чрезвычайно подходила къ трудамъ древнихъ біографовъ. Въ ней какъ-бы оживаетъ духъ лѣтописцевъ. Автору недостаетъ простоты и непосредственности ихъ стиля, но мы видимъ у него ту-же любовь, тѣ-же заблужденія и тотъ-же фанатизмъ. Нѣтъ лишь той наивной оригинальности, которая въ живыхъ краскахъ могла-бы возстановить передъ нами описываемую эпоху. Затѣмъ, біографія такъ уснащена выдержками и опроверженіями данныхъ, приводимыхъ Растрелли, что чтеніе ея представляло большія трудности, мѣшавшія ближе подойти къ личности Савонаролы. Дѣйствительно, въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ со времени появленія этой книги о монахѣ Св. Марка никто ничего не писалъ, и самое имя его, казалось, было предано забвенію.

Въ XIX вѣкѣ возникли новыя идеи, и историческая литература получила иное направленіе. Средніе вѣка, бывшіе въ такомъ пренебреженіи въ эпоху Вольтера, вновь вошли въ почетъ, религіозныя занятія перестали считаться чѣмъ-то недостойнымъ людей серьезныхъ. Явилась, наконецъ, возможность съ похвалою отзываться и о Савонаролѣ, не рискуя показаться смѣшнымъ въ глазахъ кого-бы то ни было. Германія съ жаромъ устремилась къ новымъ изысканіямъ, и ей первой принадлежитъ честь возбужденія серьезнаго вниманія всего литературнаго міра къ характеру и ученію доминиканскаго монаха.

Въ 1835 г. выпустилъ въ свѣтъ біографію Савонаролы Рудельбахъ. Не имѣя у себя подъ рукою никакихъ данныхъ и не будучи въ состояніи сообщить фактамъ, уже извѣстнымъ, новаго освѣщенія, онъ не останавливается особенно подробно на характерѣ Савонаролы, а главнымъ образомъ указываетъ и поясняетъ его значеніе, какъ мыслителя. Онъ былъ, несомнѣнно, первымъ, кто сумѣлъ изложить въ цѣльной системѣ все богословіе Савонаролы на основаніи его трудовъ. Онъ имѣлъ смѣлость, послѣ столькихъ жестокихъ нападокъ на Савонаролу, высказать предъ лицомъ всей Европы мнѣніе, что труды послѣдняго заслуживаютъ вниманія ученыхъ, что авторъ ихъ имѣлъ высокій созерцательный умъ. Онъ утверждалъ это съ искреннимъ энтузіазмомъ, ибо былъ убѣжденъ, что говоритъ о Савонаролѣ неизвѣстную до сихъ поръ истину. Книга имѣла въ Германіи большой успѣхъ, можетъ быть, не столько изъ за ея достоинствъ, сколько изъ за той цѣли, какую она преслѣдовала: Рудельбахъ хотѣлъ видѣть въ Савонаролѣ предтечу Реформаціи. Еще Лютеръ окрестилъ Савонаролу именемъ мученика протестантизма. Но въ XVIII вѣкѣ взглядъ этотъ былъ окончательно забытъ. Теперь-же, благодаря Рудельбаху, который поддерживалъ и подтверждалъ его тщательнымъ изученіемъ всѣхъ произведеній Савонаролы, взглядъ этотъ какъ-бы возродился къ новой жизни. Съ этого момента въ Германіи и Англіи симпатіи писателей къ монаху Св. Марка были обезпечены навсегда.

Если, однако, отнести къ труду Рудельбаха съ полнымъ безпристрастіемъ, то придется сказать, что въ немъ попадаются ошибки самага грубаго свойства. Оставляя въ сторонѣ все, что касается въ собственномъ смыслѣ исторіи Савонаролы, такъ-какъ здѣсь мы не находимъ у него ничего новаго, мы увидимъ, что самый анализъ доктрины монаха весьма далекъ отъ совершенства. Авторъ постоянно усиливается уложить ее на прокрустовомъ ложѣ, искажая и передѣлывая ее такъ, что пришлось-бы заподозрить его добросовѣстность, если-бы не было извѣстно, до какой степени духъ партійности можетъ ослѣплять человѣка. Когда Рудельбаху приходится имѣть дѣло съ такими произведеніями Савонаролы, которыя слишкомъ уже

идуть въ разрѣзъ съ собственными его идеями, онъ прямо оставляетъ ихъ безъ вниманія. Таково, напримѣръ, его изложеніе «Тріумфа Креста». Первые три книги этого труда, перепечатаннаго даже «Пропагандой Вѣры», излагаютъ ту часть христіанскаго вѣроученія, въ отношеніи которой протестанты и католики держатся почти совершенно одинаковыхъ воззрѣній,— и Рудельбахъ тщательно излагаетъ ее, выдвигая черты отдаленнѣйшаго сходства двухъ религіозныхъ міросозерцаній. Но когда онъ доходитъ до четвертой книги, гдѣ Савонарола говоритъ о таинствахъ, гдѣ католицизмъ его обнаруживается съ очевидностью, не допускающею ни малѣйшаго сомнѣнія, нѣмецкій ученый просто бросаетъ разборъ ея и начинаетъ говорить о другомъ. И это случается съ нимъ довольно часто.

Наиболѣе интереснымъ отдѣломъ этой книги могъ-бы быть тотъ, въ которомъ подвергается анализу такъ называемый «пророческій характеръ» Савонаролы. Это былъ вопросъ совершенно новый, важный и въ первый разъ серьезно затронутый. Но Рудельбахъ, вмѣсто того, чтобы заняться тщательнымъ собираніемъ фактовъ и безпристрастной оцѣнкой ихъ значенія, пускается въ изложеніе разныхъ теорій, имѣвшихъ свое основаніе единственно въ его фантазіи. Сначала онъ опредѣляетъ, что нужно разумѣть подъ «евангельскимъ пророчествомъ», затѣмъ перечисляетъ цѣлый рядъ пророковъ Реформаціи, въ числѣ коихъ упоминаетъ аббата Джіоакино, Св. Бригиду и Савонаролу. Всякому понятно, что такъ исторіи не пишутъ и фактовъ не объясняютъ. Подобный образъ дѣйствій скорѣе является блужданіемъ въ области фантазіи для доказательства предвзятаго мнѣнія.

Другая біографія на нѣмецкомъ языкѣ была издана въ Берлинѣ въ 1836 г. и написана Карломъ Мейеромъ: авторъ обратилъ въ ней особенное вниманіе на тѣ данныя, которыя Рудельбахъ опустилъ, на жизнь и характеръ Савонаролы. Долго и съ необычайнымъ терпѣніемъ онъ рылся въ бібліотекахъ и архивахъ Флоренціи и Венеціи. Собравъ массу драгоценныхъ документовъ, онъ возвратился къ себѣ на

родину и приступилъ къ работѣ. Почти всѣ кодексы, о которыхъ позднѣйшіе біографы говорятъ, какъ объ открытыхъ ими, почти всѣ документы, напечатанные потомъ подъ именемъ «новыхъ», были извѣстны Мейеру: онъ цитируетъ ихъ или цѣликомъ воспроизводитъ въ своей книгѣ. Но, какъ это ни невѣроятно, авторъ не сумѣлъ извлечь изъ этого матеріала никакой пользы для дѣла. У него замѣчается какое-то странное смѣшеніе, съ одной стороны, удивительнаго прилежанія и терпѣнія и, съ другой, непростительной небрежности и неточности. Онъ оплакиваетъ утрату нѣкоторыхъ документовъ, а между тѣмъ они находятся въ тѣхъ самыхъ кодексахъ, которые онъ открылъ и на которые дѣлаетъ постоянныя ссылки. Провѣряя, далѣе, изданные имъ документы, мы часто находимъ въ нихъ такіе ошибки и пропуски, которые непростительны даже для самаго нерадиваго историка и рѣшительно необъяснимы въ трудѣ Мейера, писателя обыкновенно очень внимательнаго и точнаго. Онъ пишетъ біографію знаменитаго человѣка по новымъ и чрезвычайно важнымъ матеріаламъ, но если читатель не будетъ постоянно просматривать его примѣчаній, то ему и въ голову не придетъ, что книга его есть плодъ самостоятельныхъ изысканій. Савонарола остается въ его трудѣ человѣкомъ мертвымъ или, лучше сказать, какой-то пустой отвлеченностью: новые факты не исправляютъ и не прибавляютъ ничего къ тому неопредѣленному и смутному представленію, какое создали о немъ біографы предыдущихъ эпохъ. Книга Мейера является яснымъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что самые драгоценные документы совершенно бесполезны въ рукахъ человѣка, который не умѣетъ ими пользоваться.

Почти то-же мы должны сказать и о той части книги, гдѣ разсматривается ученіе Савонаролы. Правда, Мейеръ старается нѣсколько умѣрить преувеличенные выводы Рудельбаха и не видитъ въ трудахъ Савонаролы столь цѣльной и абсолютной системы протестантскаго богословія, какую видитъ тотъ, но все-же и онъ всѣми силами старается выставить его настоящимъ мученикомъ Реформаціи. Самыя доказательства, къ которымъ онъ прибѣгаетъ въ данномъ случаѣ, почти

не отличаются отъ доказательствъ Рудельбаха. Извиненіемъ для послѣдняго служить, во всякомъ случаѣ, необузданная его фантазія, съ которой онъ никакъ не могъ справиться. Но Мейеръ, который въ своихъ изслѣдованіяхъ всегда робокъ, всегда остороженъ, подвигается впередъ съ необыкновенной умѣренностью, не заслуживаетъ прощенія. Что мы должны будемъ сказать, на примѣръ, когда узнаемъ, что съ особенной тщательностью онъ разсуждаетъ о томъ, почему Савонарола почти ничего не говоритъ о чистилищѣ, почему враги обвиняютъ его въ недостаточномъ вниманіи къ Дѣвѣ Маріи? Ему хотѣлось-бы сдѣлать отсюда заключеніе, что монахъ уже шелъ навстрѣчу идеямъ Реформаціи, но, при шаткости основаній, твердо обосноваться на этомъ взглядѣ онъ не могъ. Противъ воли ему приходили на память проповѣди и разсужденія Савонаролы о Пресвятой Дѣвѣ, граничащія съ фанатизмомъ, слова его, въ которыхъ онъ открыто убѣждаетъ всѣхъ вѣрующихъ молиться за умершихъ.

Мы должны отмѣтить еще одну грубую ошибку Мейера. Шагъ за шагомъ онъ слѣдуетъ за Савонаролой и подробно излагаетъ ту часть его доктрины, которая представляетъ простое заимствованіе у Св. Оомы и у схоластиковъ, но отъ его вниманія постоянно ускользаетъ то, что есть въ ней чисто савонароловскаго, что придаетъ ей характеръ извѣстной оригинальности. Время отъ времени онъ отмѣчаетъ тѣ мѣста, въ которыхъ, по его мнѣнію, заключаются сѣмена Реформаціи, но самъ онъ кажется мало убѣжденнымъ въ томъ, что говоритъ, и потому не увлекаетъ за собою и читателя. Когда-же, затѣмъ, онъ начинаетъ разсуждать о пророчествахъ Савонаролы, то уже и совсѣмъ трудно становится понять, что-же собственно онъ хочетъ сказать. Повидимому, Мейеръ стремится опровергнуть мнѣніе Рудельбаха, стремится доказать, что Савонарола не былъ пророкомъ, что онъ самъ не придавалъ себѣ такого значенія и не желалъ, чтобы и другіе почитали его за такового. Но у него не хватаетъ духа твердо высказать такое сужденіе, находящееся въ рѣшительномъ противорѣчій съ фактами, и, по обыкновенію,

начинаетъ колебаться, путаться и отдѣливаться общими фразами.

Сравнивая между собой эти двѣ нѣмецкія біографіи, мы должны придти къ заключенію, что фантастическая диссертация Рудельбаха, при массѣ допущенныхъ въ ней ошибокъ, даетъ намъ вѣрное изображеніе, если можно такъ выразиться, грубоватой оригинальности Савонаролы. Оно выше изображенія Мейера, при всѣхъ его ученыхъ изысканіяхъ, при всѣхъ его документахъ, при всей точности разсказа, на какую онъ претендуетъ. Слишкомъ легко прощались ошибки Рудельбаху и слишкомъ несправедливо забывались достоинства Мейера. Но, по существу, общественное мнѣніе оказалось гораздо болѣе справедливымъ, чѣмъ этого можно было ожидать.

Благодаря двумъ послѣднимъ нѣмецкимъ біографіямъ, а еще болѣе — благодаря авторитету Лютера, сложилось убѣжденіе, что Савонарола и въ самомъ дѣлѣ былъ предтечей Реформации. Поэтому, симпатіи къ нему въ Англіи и Сѣверной Германіи все росли, и вниманіе Европы съ безпокойнымъ любопытствомъ стало обращаться къ исторіи этого человѣка. Тогда-то изъ монастыря Св. Марка раздался авторитетный голосъ, пожелавшій возвратить Савонаролу католичеству и свободѣ. Падре Винчендо Маркезе изъ Ордена Проповѣдниковъ былъ уже извѣстенъ въ Италіи своею «Исторіей Художниковъ-Доминиканцевъ». Изящный писатель. убѣжденный католикъ. горячо любившій правду и свободу. онъ сдѣлался въ монастырѣ Св. Марка страстнымъ поклонникомъ Савонаролы. Съ уваженіемъ, переходящимъ временами въ чувство религіознаго благоговѣнія, онъ собиралъ все, что напоминало объ этомъ монахѣ. Онъ работалъ въ бібліотекахъ и архивахъ Флоренціи и результаты своихъ изысканій печаталъ въ «Archivio Storico Italiano». Много извѣстій, проливающихъ новый свѣтъ на предметъ его изслѣдованія, доставили ему неизданныя письма и работы Савонаролы. Правда, эти документы не всегда были документами особенной важности, но таковыми сумѣли ихъ сдѣлать тщательность и проницательность ихъ издателя, извлекавшаго изъ нихъ весьма полезные для исторіи выводы. Имя автора и важность пред-

мета, имъ трактуемаго, сдѣлали то, что его изданія были приняты всѣми съ большими симпатіями. Польщенный такимъ къ себѣ вниманіемъ, Падре Маркезе выпустилъ, наконецъ, въ свѣтъ свою «Исторію монастыря Св. Марка». Главный и наиболѣе замѣчательный отдѣлъ этого труда представляетъ собою почти цѣльную біографію Савонаролы. Здѣсь авторъ изображаетъ его, какъ реформатора въ области нравственной, политической и религіозной, описываетъ его жизнь и характеръ, разсуждаетъ объ его литературныхъ произведеніяхъ и проповѣдяхъ. Остановивши, затѣмъ, свое вниманіе на той сторонѣ его дѣятельности, о которой другіе біографы почти ничего не говорятъ, онъ раскрываетъ предъ нами всю его великую любовь къ свободѣ, которая была первой причиной воздвигнутыхъ на него гоненій, самой его смерти. Благоговѣніе къ мученику монастыря Св. Марка вдохнуло въ Падре Маркезе безыскусственную красоту рѣчи, придающую его книгѣ особый отпечатокъ правдивости и жизненности, какого совсѣмъ не замѣчается у нѣмецкихъ біографовъ. Книга снискала заслуженный успѣхъ, и вниманіе итальянцевъ съ горячимъ энтузіазмомъ вновь обратилось къ монаху, смѣло выступившему когда-то противъ Борджіа и Медичи, стремившемуся возстановить древнее единеніе свободы и религіи въ ихъ истинныхъ, общихъ принципахъ, перенесшему мученическую смерть за имя Божіе и за отечество.

Трудъ Падре Маркезе, пробудивъ всеобщій интересъ къ Савонаролѣ, не могъ, однако, вполне удовлетворить читателей. Имъ не было сдѣлано цѣлаго ряда изысканій, необходимыхъ для біографа въ собственномъ значеніи этого слова. Ему была извѣстна только часть его трудовъ и проповѣдей. Поэтому, онъ могъ написать краснорѣчивую главу для своей «Исторіи монастыря Св. Марка», но создать произведеніе, которое обнимало-бы всю жизнь и дѣятельность Савонаролы, что, впрочемъ, и не входило въ программу его книги, онъ не былъ въ силахъ. Къ этому нужно прибавить и то, что будучи горячимъ поклонникомъ Савонаролы и считая его почти за святого, онъ и не могъ быть совершенно безпристрастнымъ его историкомъ.

Необходимы были новыя изысканія, новыя труды. И вотъ, во Франціи, въ 1853 году, появляется біографія Савонаролы въ двухъ томахъ. Авторъ ея, Perrens, лично работалъ надъ ней во Флоренціи и, кромѣ того, черезъ обязательнаго и ученаго аббата Бернарди въ Пьемонтѣ, добылъ копіи со многихъ документовъ бібліотеки Св. Марка въ Венеціи, изъ которыхъ иные, хотя и были извѣстны въ Германіи благодаря труду Мейера, для Италіи и Франціи оказались совершенно новыми. На основаніи этого чрезвычайно цѣннаго матеріала Perrens и написалъ свою книгу. Правда, трудъ его составленъ съ поспѣшностью, иногда даже слишкомъ очевидно, но все-же онъ гораздо полнѣе всѣхъ ранѣе появившихся изслѣдованій о Савонаролѣ, и авторъ вполнѣ заслужилъ тѣ похвалы, какія выпали на его долю за это сочиненіе.

Первый томъ, содержанія чисто фактическаго, читается съ большимъ удовольствіемъ. Правда, авторъ не особенно краснорѣчивъ, но зато здѣсь мы встрѣчаемся, наконецъ, съ яснымъ, послѣдовательнымъ и подробнымъ изображеніемъ всей дѣятельности Савонаролы. Бурная, полная тревоженій драма его жизни захватываетъ читателя, увлекаетъ его, такъ сказать, собственнымъ своимъ краснорѣчіемъ, поддерживаетъ въ немъ вниманіе и какъ-бы покрываетъ въ его глазахъ недостатки автора. И, тѣмъ не менѣе, очень важный дефектъ лежалъ въ самой основѣ этого труда. Perrens не составилъ себѣ ясной идеи о предметѣ, о которомъ ведетъ рѣчь, у него нѣтъ твердо выработаннаго мнѣнія о лицѣ, которое желаетъ охарактеризовать, а это, въ свою очередь, порождаетъ и въ душѣ читателя тягостную неувѣренность, которую авторъ точно нарочно старается еще усилить. Мы только-что начинаемъ удивляться, напримѣръ, мужеству Савонаролы, какъ онъ уже даетъ намъ понять, что этотъ монахъ бывалъ иногда и слишкомъ слабъ духомъ. Мы только-что собираемся выразить свой восторгъ предъ твердостью, выказанною имъ въ борьбѣ съ Медичи, какъ авторъ начинаетъ уже упрекать его въ лести. Perrens точно боится высказаться точно и ясно о героѣ своего разсказа, а когда подобное сужденіе срывается у него

съ пера противъ его воли, онъ тотчасъ-же старается ослабить его. Въ послѣдніе и наиболѣе торжественные моменты жизни несчастнаго монаха авторъ совсѣмъ оставляетъ его и даже разражается противъ него обвиненіями, не только не подкрѣпляя необходимыми доказательствами своихъ суровыхъ словъ, но даже не ознакомившись хорошенько съ тѣми документами, которые были уже тогда извѣстны. Благодаря всему этому, въ душѣ читателя остается какая-то неувѣренность, какой-то горькій осадокъ: не знаешь, кого больше слѣдуетъ винить—Савонаролу или его біографа.

Еще болѣе важный недостатокъ надо отмѣтить во второмъ томѣ. Здѣсь рѣчь идетъ о литературныхъ трудахъ Савонаролы, при чемъ дается или краткое ихъ содержаніе или отдѣльныя изъ нихъ выдержки, но никогда не высказывается никакого опредѣленнаго сужденія или критики. Perrens самъ заявляетъ о своей некомпетентности въ вопросахъ, касающихся религіозныхъ доктринъ. Но при этомъ онъ впадаетъ въ ошибки, которыхъ не можетъ извинить ему и самая его скромность. Напримѣръ, изобразивъ Савонаролу искреннимъ католикомъ, онъ, затѣмъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, ссылагся на авторитетъ, по его словамъ, гораздо болѣе заслуживающій вѣры, чѣмъ самъ онъ, и даетъ въ приложеніи длинную выписку изъ Рудельбаха, въ которой нѣмецкій біографъ, наоборотъ, усиливается доказать, что мы имѣемъ дѣло съ предтечей Лютера. Такъ онъ своими собственными руками разрушаетъ то, что создалъ. Правда, не онъ самъ переводилъ эти страницы, и можно предположить, что поспѣшность не позволила ему даже внимательно прочесть ихъ, но развѣ серьезный писатель, какимъ онъ несомнѣнно былъ, въ правѣ разрѣшать себѣ такія небрежности? И все-же, книга его, какъ мы сказали, была наиболѣе полной изъ всѣхъ, какія только Италія имѣла о Савонаролѣ, за что французскій біографъ и пользуется у насъ вполне заслуженнымъ уваженіемъ.

Появлялись потомъ и другія работы, но всѣ онѣ по достоинству своему гораздо ниже только-что указанныхъ. Рю, во Франціи, въ своемъ «Art chrétien», написалъ нѣсколько

весьма краснорѣчивыхъ страницъ о Савонаролѣ. Въ Германіи Газе издалъ краткій опытъ популярнаго его жизнеописанія, а Ленау небольшую, но полную картинности и силы поэму. Въ Англіи появилось много біографій Савонаролы, но всѣ онѣ были простыми компиляціями, написанными безъ достаточнаго знакомства съ фактами и всегда съ одной цѣлью — представить монаха Св. Марка однимъ изъ мучениковъ Реформаціи. Последній англійскій трудъ изданъ въ 1853 году, въ двухъ большихъ томахъ, и, пожалуй, имѣетъ нѣкоторыя достоинства. Madden, авторъ его, держится довольно умѣреннаго католицизма, но съ излишней настойчивостью хочетъ приписать Савонаролѣ свои личныя воззрѣнія. Хотя онъ и заявляетъ, что тщательно изучилъ предметъ, но выказываетъ мало знакомства съ хронологіей и памятниками Италіи, и въ книгѣ своей постоянно впадаетъ въ разныя ошибки. Онъ говоритъ, напри- мѣръ, что Савонарола отличался такой дѣятельностью и неутомимостью, что въ одинъ и тотъ-же день иногда успѣвалъ произносить по двѣ проповѣди: сказавши одну въ церкви Санта Марія дель Фіоре, онъ шелъ говорить другую въ Соборѣ! *).

Такимъ образомъ, для итальянцевъ книга его была рѣшительно бесполезна, а для иностранцевъ вредна, ибо давала не точныя представленія о предметѣ. По правдѣ сказать, англичане не дали о Савонаролѣ ни одного труда, достойнаго этихъ истинныхъ мастеровъ исторической литературы.

Занимаясь біографіей Савонаролы втеченіе многихъ лѣтъ, мы не опустили рукъ предъ трудностью предпринятой нами работы. Напротивъ, всѣ вышедшія до насъ сочиненія служили только импульсомъ къ возможно лучшему выполненію ея, постоянно напоминали объ обязанности не щадить для сего никакихъ усилій, никакихъ стараній. До самаго конца нашимъ правиломъ было — прочитывать всѣ новѣйшіе труды, но авторитетность признавать только за современниками Савонаролы, за его собственными произведеніями, за подлинными документами. Все, что было возможно, было

*) Соборъ во Флоренціи посвященъ Св. Маріи дель Фіоре.

Прим. переводчика.

нами усвоено и тщательно проверено, такъ-какъ мы неоднократно убѣждались въ неточности цитатъ, приводимыхъ другими.

Покончивъ съ новѣйшими біографами, мы взялись за изученіе древнихъ, особенно Падре Пачифико Бурламаки и Графа Джіованни Франческо Пико дела Мирандола. Бурламаки, родомъ изъ Лукки, изъ хорошей семьи, былъ однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ слушателей Савонаролы, благодаря которому онъ и поступилъ въ монашество, въ орденъ доминиканцевъ. Постриженіе онъ принялъ въ Луккѣ, въ Санъ-Романо, въ 1499 году, черезъ годъ послѣ мученической кончины Савонаролы, и умеръ въ 1519 году, стяжавъ славу святого человека. Онъ былъ лично знакомъ съ Савонаролою, встрѣчалъ близкихъ его друзей, бесѣдовалъ съ тѣми, которые были очевидцами наиболѣе важныхъ событій его жизни, самъ былъ свидѣтелемъ многихъ изъ нихъ. Трудъ свой онъ писалъ сравнительно безыскусственно, не какъ завзятый историкъ. Но зато въ немъ чувствуется неподдѣльная живость лѣтописца, видна тщательность и прекрасное знакомство съ излагаемыми фактами. Біографія эта, оставшаяся нѣкоторое время въ рукописи и вначалѣ неизвѣстная, стала потомъ быстро распространяться по монастырямъ въ копіяхъ и послужила образцомъ для безконечнаго множества жизнеописаній Савонаролы, составленныхъ фанатичными его послѣдователями. Впрочемъ, среди нихъ не оказалось ни одной, которая имѣла-бы какое-нибудь значеніе. Въ 1761 г. Манзи напечаталъ ее, наконецъ, въ своихъ „Addizioni alla Miscellanea del Baluzio“. Онъ прибавилъ къ рассказаннымъ въ ней чудесамъ немало и другихъ, сохранныхъ Падре Тимотео Боттонио, къ словамъ котораго, впрочемъ, мы должны относиться съ крайнею осторожностью.

Графъ Джіованни Франческо Пико дела Мирандола, племянникъ знаменитаго Джіованни Пико, тоже лично зналъ Савонаролу и питалъ къ нему величайшее уваженіе. Онъ жилъ во Флоренціи въ ту бурную эпоху, которую намъ бревался впоследствии описать, присутствовалъ при мученической кончинѣ монаха и съ благоговѣніемъ сохранялъ его реликвіи. Философъ

и изящный писатель, владѣвшій въ совершенствѣ латинскимъ языкомъ, онъ считался однимъ изъ самыхъ ученыхъ и неиспорченныхъ людей своего времени. Съ невѣроятнымъ трудолюбіемъ онъ собиралъ все, касающееся Савонаролы, писалъ и переписывалъ свой трудъ въ различныхъ видахъ, читалъ его многимъ изъ друзей Савонаролы и, наконецъ, издалъ въ 1530 году.

Сходство, наблюдаемое между двумя послѣдними біографіями, таково, что могло подать поводъ къ предположенію, ужъ не имѣемъ-ли мы тутъ дѣло съ копіей, не пользовался-ли одинъ авторъ трудомъ другаго, какъ образцомъ для себя. Но свидѣтельства современныхъ писателей и анализъ старинныхъ кодексовъ привели насъ къ убѣжденію, что біографіи эти во многихъ своихъ частяхъ не связаны между собою ничѣмъ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы окончательно убѣрились въ добросовѣстности обоихъ авторовъ и убѣдились, что ихъ слова гораздо болѣе заслуживаютъ довѣрія, чѣмъ это можно было предположить по тону ихъ трудовъ, часто фанатичному и суевѣрному.

Было-бы дѣломъ совершенно излишнимъ перечислять здѣсь всѣ неизданныя біографіи, которыми намъ приходилось пользоваться. Упомянемъ лишь біографіи Фра Марко дела Каза и Фра Плачидо Чиноцци и третью, которая гораздо важнѣе ихъ, анонимную, находящуюся въ библіотекѣ Magliabecchiana во Флоренціи. Всѣ онѣ представляютъ собою труды современниковъ Савонаролы, братій монастыря Св. Марка. Еще большей извѣстностью пользуется жизнеописаніе, составленное Падре Серафино Рацци, тоже монахомъ этого монастыря. Трудъ его, по существу, ничто иное, какъ компиляція, сдѣланная по Пико и Бурламаки. Рацци не былъ современникомъ Савонаролы и не обладалъ необходимымъ для подобнаго рода изысканій талантомъ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ случай бесѣдовать съ флорентійскими сторожилами, которые еще помнили Савонаролу, и, между ними, съ восьмидесятилѣтнимъ Лоренцо Віоли, рукопись котораго, «Дневникъ», онъ читалъ и краткое содержаніе которой передалъ въ своей біографіи. Кромѣ того, онъ собралъ и переписалъ массу апологій и другихъ литературныхъ памятниковъ, имѣющихъ своимъ предметомъ жизнь и ученіе Савонаролы.

Изучивъ біографіи, мы обратились къ розысканію новыхъ документовъ, въ особенности такихъ, которые имѣютъ отношеніе къ процессу Савонаролы, всегда возбуждавшему величайшее любопытство. Печатные источники по этому предмету были всѣмъ извѣстны. Но Савонарола подвергался допросу три раза, и намъ удалось отыскать два послѣдовательныхъ протокола, а равно и нѣкоторыя записи о процессахъ его товарищей по мученической кончинѣ, Фра Сильвестро и Фра Доменико. Въ этихъ документахъ имѣются чрезвычайно важныя данныя, но при пользованіи ими слѣдуетъ соблюдать особенную осторожность, ибо во многихъ мѣстахъ они были поддѣланы и искажены нотаріусомъ Синьоріи. Допросы и показанія многихъ другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ процессъ Савонаролы, или просто выступавшихъ въ немъ въ качествѣ свидѣтелей, находились въ кодексѣ флорентійскаго архива, открытомъ Мейеромъ, но съ надлежащею тщательностью имъ не обслѣдованномъ. Кодексомъ этимъ пользовался отчасти и Реггенс. Въ свою очередь, мы тоже извлекли отсюда массу полезныхъ свѣдѣній, рисующихъ исторію послѣднихъ дней Савонаролы. Такую-же службу сослужили намъ и другіе документы, найденные, но не изученные Мейеромъ.

Новые розыски привели насъ къ открытію подлиннаго и чистосердечнаго показанія Фра Доменико, писаннаго имъ самимъ. Что касается такихъ-же показаній Савонаролы, то мы убѣдились, что найти ихъ нѣтъ никакой надежды. Ему не было позволено писать ихъ собственноручно: даваемые имъ отвѣты заносились на бумагу нотаріусомъ, но съ разными искаженіями. На основаніи добытыхъ такимъ путемъ данныхъ и были составлены впослѣдствіи три слѣдственныхъ дѣла, при чемъ въ нихъ внесены были еще и новыя измѣненія: одно изъ нихъ было предназначено къ печати, а два другихъ остались неизданными. На первоначальные наброски нотаріуса, болѣе или менѣе близкіе къ истинѣ, можно было-бы еще положиться въ нашихъ изысканіяхъ, но, сохраняемые нѣкоторое время въ секретѣ, они были затѣмъ совершенно уничтожены. Впрочемъ, намъ удалось отыскать двѣ рукописи, авторы которыхъ видѣли эти наброски и имѣли возможность сравнить ихъ съ фальсифицированнымъ изложеніемъ

процессовъ и отмѣтить существенныя различія между этими документами.

Одинъ изъ этихъ манускриптовъ представляетъ собою третью часть «*Vulnera Diligentis*» Фра Бенедетто, близкаго друга и послѣдователя Савонаролы. Мы еще будемъ имѣть случай говорить объ этомъ трудѣ и объ его авторѣ, теперь же для насъ достаточно будетъ сказать, что манускриптъ этотъ, въ которомъ рѣчь идетъ почти исключительно о процессѣ, не былъ до сихъ поръ извѣстенъ никому. Другая рукопись — «Апология» или «Дневникъ» Лоренцо Виоли. Долгое время она считалась утраченной, но, къ счастью, найдена нами. Виоли, тотъ самый, который записалъ проповѣди Савонаролы, изложилъ все, что видѣлъ или слышалъ о немъ, объ его жизни, горячо защищалъ его и не оставлялъ своего труда до восьмидесятилѣтняго возраста, когда, потерявъ зрѣніе, долженъ былъ прекратить работу.

Такимъ образомъ, намъ удалось сгруппировать вокругъ процесса Савонаролы всѣ необходимыя данныя, всѣ самыя мелкія подробности. Даже такой запутанный фактъ, вызывавшій не мало споровъ, какъ испытаніе огнемъ, является теперь предъ нами въ освѣщеніи полной правды.

Установивши со всею точностью и несомнѣнностью факты первостепенной важности, мы обратились къ подробному изученію трудовъ самого Савонаролы. На этотъ разъ наше удивленіе предъ невѣроятной, непростительной небрежностью біографовъ было безгранично: мы должны были воочію убѣдиться, что они даже и не читали тѣхъ его произведеній, на которыя дѣлали постоянныя ссылки. Чѣмъ инымъ объяснить себѣ, въ самомъ дѣлѣ, ихъ незнакомство съ матеріалами, въ нихъ заключенными, полное ихъ невѣдѣніе по отношенію къ религіозной доктринѣ Савонаролы и абсолютную ихъ неосвѣдомленность относительно его философскихъ воззрѣній? Они имѣютъ дѣло съ истиннымъ мыслителемъ и сами того не замѣчаютъ. Останавливаются на трудахъ его, не представляющихъ особеннаго интереса, и упускаютъ изъ виду произведенія, раскрывающія передъ нами всю его самобытность. Они постоянно задаются вопросомъ:

что думалъ Савонарола во время своего заключенія, каково было состояніе его духа, а сами почти не читають того, что имъ было написано въ тюрьмѣ. Мы рѣшили, поэтому, не оставлять безъ вниманія ни одной его строки, и посвятили нѣсколько лѣтъ усидчиваго труда тяжелой работѣ, безъ которой написать біографію, въ собственномъ смыслѣ этого слова, было невозможно.

Не довольствуясь печатными трудами Савонаролы, мы стали разыскивать письма и разныя произведенія его, еще неизданныя, и трудъ нашъ увѣнчался успѣхомъ. Прежде всего, мы рѣшили, такъ сказать, уловить его на поляхъ Библіи, покрытыхъ его собственноручными микроскопическими и страшно неразборчивыми помѣтками. Мы были первыми и, вѣроятно, единственными, кто обслѣдовалъ ихъ, и теперь съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что Савонарола всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ, что въ уединеніи своей кельи, въ своихъ интимныхъ замѣткахъ, повторялъ то-же, что говорилъ съ церковной кафедры въ присутствіи всего народа. Затѣмъ, письма его дали намъ возможность прослѣдить его отношенія къ друзьямъ и къ семьѣ, а равно уяснили намъ исторію его спора съ Римомъ. Много свѣта пролило на послѣднее обстоятельство открытіе новыхъ папскихъ Бреве, до сихъ поръ оставшихся неизвѣстными.

Новаго обслѣдованія требовала и политическая дѣятельность Савонаролы въ связи съ перипетіями въ жизни флорентійской республики. Для насъ недостаточно было великолѣпныхъ разсказовъ Нарди, Макиавелли и Гвиччiarдини, недостаточно было и изслѣдованій Мейера и П. Маркезе. По кодексу «Постановленій», законовъ республики, мы въ точности могли воспроизвести весь политическій строй Флоренціи. При помощи набросковъ рѣчей, произнесенныхъ въ разныхъ Совѣтахъ, мы ознакомились съ господствовавшими тогда страстями и людьми, которые дали этому городу новую форму правленія, новую жизнь. Мы не знаемъ, пользовался-ли кто-нибудь въ новѣйшее время этими флорентійскими «Практиками», но думаемъ, что въ нихъ скрывается невѣдомое еще сокровище древней мудрости и граждан-

ственного краснорѣчія итальянцевъ. Наконецъ, сопоставляя эти документы съ проповѣдями Савонаролы, мы могли подмѣтить, до какой степени монахъ Св. Марка былъ настоящимъ духовнымъ творцомъ той великой политической драмы, которую мы изучаемъ.

Отсюда ясно, почему мы не могли въ этой біографіи отдѣлить разсказа о внѣшнихъ событіяхъ отъ анализа произведеній Савонаролы и почему мы должны были такъ часто приводить подлинныя его слова. Книги и, въ особенности, проповѣди Савонаролы не должны разсматриваться только какъ труды чисто лектатурнаго характера: онѣ являются для него главнымъ и почти единственнымъ орудіемъ вліянія на людей. Онѣ легли въ основу переустройства всей республики. Ими онѣ подготавливаетъ нравственное и религіозное возрожденіе всего народа. Поэтому, онѣ неотдѣлимы отъ его дѣйствій, а иной разъ сами являются событіями первостепенной важности въ его жизни. Но въ восемнадцати или двадцати томахъ его рѣчей и аскетическихъ произведеній, въ многочисленныхъ брошюрахъ и письмахъ, проблески высочайшаго генія, порывы удивительнаго краснорѣчія часто затемняются массой схоластическихъ и наивныхъ концепцій. Безъ упорнаго труда біографа, безъ разработки этой, такъ сказать, каменистой почвы, геній Савонаролы еще долгое время оставался-бы явленіемъ, почти никому невѣдомымъ.

Здѣсь мы не будемъ подробно говорить о другихъ хроникахъ или манускриптахъ, провѣренныхъ или прочитанныхъ нами. Мы просмотрѣли неизданную корреспонденцію частныхъ лицъ, секретныя письма разныхъ пословъ и тайныхъ агентовъ итальянскихъ правительствъ, массу религіозныхъ и политическихъ брошюръ, опубликованныхъ и неопубликованныхъ, поэтическія народныя сказанія,—вообще все, что такъ или иначе могло дать вѣрное представленіе о людяхъ, о страстяхъ того времени, общественнаго или церковнаго характера.

Въ заключеніе этого слишкомъ обширнаго предисловія мы должны признаться читателю, что для успѣшнаго выполненія нашего труда, кромѣ всѣхъ этихъ изысканій, всѣхъ этихъ новыхъ документовъ, особенное значеніе имѣло то обстоятельство,

что мы приступили къ нему и продолжали его безъ всякой предвзятой мысли. Мы взяли за него потому, что Савонарола принималъ весьма большое, еще невыясненное участіе въ событіяхъ времени, образующаго переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ первымъ этапамъ новѣйшей культуры. Но мы вовсе не желали, чтобы монахъ XV вѣка оказался подъ нашимъ перомъ провозвѣстникомъ идей и страстей вѣка девятнадцатаго. Мы писали исторію Савонаролы не для того, чтобы выразить свои симпатіи опредѣленной политической партіи, не для того, чтобы нападать или защищать Римъ. Если-бы Савонарола въ результатѣ нашихъ изслѣдованій оказался еретикомъ или невѣрующимъ, мы, безъ всякаго сомнѣнія, изобразили-бы его именно такимъ. Но онъ обрисовался истиннымъ католикомъ, и такимъ мы представляемъ его читателю. Та система, которая стремится сдѣлать изъ исторіи орудіе партійности, орудіе для подтвержденія извѣстныхъ взглядовъ, какъ-бы они ни были возвышенны и благородны сами по себѣ, намъ всегда казалась абсолютно ложною. Кто хочетъ рассказывать о событіяхъ прошлаго, становится на почву священную и неприкосновенную. Нѣтъ никакой нужды выставлять себя чѣмъ-то въ родѣ проповѣдника добродѣтели или свободы. Разъ навсегда слѣдуетъ убѣдиться, напротивъ, что исторія — живая драма, которая ведетъ человѣка къ свободѣ, расширяя его нравственный горизонтъ, развивая въ немъ чувство гражданственности. Поэтому, кто вноситъ сюда хотя-бы самое незначительное искаженіе, вызываетъ поползновеніе исправить предначертанія неба и тѣмъ самымъ разрушаетъ уже существующую высочайшую гармонію.

Вотъ какія соображенія легли въ основу «Исторіи Савонаролы и его времени». Если намъ удалось доказать, что его имя занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ ряду благородныхъ итальянскихъ мыслителей, героевъ и мучениковъ, мы сочтемъ нашу цѣль достигнутой и наши труды щедро вознагражденными.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(1452—1494).

ФРА БЕРТОЛМЕО.

САВОНАРОЛА.

Сант-Марко. Флоренция

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ рожденія Савонаролы до его поступленія въ монастырь.

(1452—1475).

Колыбелью древняго рода Савонаролы былъ городъ Падуа. Еще около 1256 г. хроники упоминають о нѣкомъ Антоніо Савонаролѣ, храбромъ воинѣ, защищавшемъ свой родной городъ отъ вторженія тирана Эззелина. Въ память этого событія одни изъ падуанскихъ городскихъ воротъ носятъ до сихъ поръ названье Савонароловскихъ. Въ половинѣ XV вѣка одинъ изъ отпрысковъ этой фамиліи перешелъ въ Феррару, по приглашенію герцоговъ д'Эсте, бывшихъ въ то время тамъ правителями. Николо III, любитель наукъ и искусствъ, покровитель ученыхъ, полагавшій свою гордость въ томъ, чтобы дворъ его блисталъ выдающимися умами, пригласилъ къ себѣ Микеле Савонаролу. Послѣдній былъ тогда знаменитымъ докторомъ въ падуанской медицинской школѣ. При своихъ широкихъ познаніяхъ, онъ былъ одушевленъ живымъ религіознымъ чувствомъ и отличался состраданіемъ къ бѣднымъ, которыхъ лѣчилъ безвозмездно. Память о немъ сохранилась въ потомствѣ не только благодаря многочисленнымъ ученымъ его трудамъ, но и благодаря нѣжному чувству, какое онъ питалъ къ внуку своему Джироламо Савонаролѣ, впоследствии снискавшему себѣ такую извѣстность во всемъ мірѣ.

Прибывши въ Феррару въ 1440 г., онъ сталъ блестяще преподавать медицину въ тамошнемъ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался врачомъ при герцогскомъ дворѣ, снискалъ

всеобщую любовь и достигъ многихъ почестей. Папа Николай V пожаловалъ его титуломъ Іерусалимскаго Кавалера, а преемники маркиза Николо Ш одарили его землями, предоставили ему доходныя мѣста и даже уступили ему въ ленъ небольшое владѣніе. Наслѣдникъ Николо Ш Ліонелло, сохранивъ за нимъ званіе придворнаго медика, увеличилъ ему содержаніе и освободилъ его отъ прочихъ обязанностей, чтобы обезпечить ему досугъ для чисто научныхъ занятій.

О сынѣ его Николо мы знаемъ очень немного. Кажется, что онъ изучалъ схоластику и медицину, но какихъ-либо трудовъ съ его именемъ до насъ не дошло. Онъ проводилъ время въ придворныхъ увеселеніяхъ, проматывая средства, приобретенныя трудами и неутомимой дѣятельностью своего отца.

Жена его, Елена, изъ извѣстной въ Мантуѣ фамиліи Бонакossi, была, наоборотъ, женщиной выдающагося ума и обладала весьма твердой, почти мужской силой воли. Лѣтописцы даютъ намъ о ней немного свѣдѣній, но и то, что они сообщаютъ, свидѣлствуетъ о высокихъ ея душевныхъ качествахъ. Въ самомъ дѣлѣ, письма, съ которыми Джироламо обращался къ ней въ минуты скорби, предъ лицомъ надвигавшихся на него опасностей, почти какъ къ единственному вѣрному другу, подтверждаютъ наше мнѣніе объ ея достоинствахъ и даютъ намъ право еще разъ отмѣтить сдѣланное уже наблюденіе, что у великихъ людей однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ и неизмѣнныхъ чувствъ является именно любовь къ матери, доходящая до благоговѣнія, любовь, которую можно было-бы называть культомъ.

Джироламо Савонарола, жизнь котораго мы будемъ рассказывать, родился 21 Сентября 1452 года и былъ третьимъ изъ дѣтей Николо и Елены. Біографы сообщаютъ много чудеснаго даже о времени его самой нѣжной юности. Но всякій знаетъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ подобнаго рода рассказамъ. Можно всетаки повѣрить, что онъ не обладалъ тѣми чертами, которыя особенно привлекательны въ дѣтяхъ: онъ не отличался ни красотой, ни рѣзвостью, но былъ тихъ и серьезенъ. Никто, конечно, и не предчувствовалъ, какую бу-

душность готовить судьба этому ребенку. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что старшій братъ его, Онъибене, посвятилъ себя военной службѣ, а второй занялся управленіемъ отцовскими имѣніями, вѣроятно потому, что ему не улыбалась никакая другая карьера, едва лишь Джироламо вышелъ изъ дѣтскаго возраста, какъ всѣ упованія семьи обратились на него. Рѣшено было сдѣлать изъ него знаменитаго медика. Эта профессія казалась единственно благородной и достойной: на ней держалась вся слава рода Савонаролы. Поэтому, дѣдъ его, Микеле, окружилъ его самымъ горячимъ попеченіемъ. Съ тѣмъ терпѣніемъ и той сердечностью, какія приобрѣтаются только годами и продолжительнымъ опытомъ, съ ясностью и точностью ума, воспитаннаго на изученіи естественныхъ наукъ, онъ взялся за развитіе умственныхъ способностей мальчика, за насажденіе въ немъ первыхъ идей, первыхъ понятій. Лучшей школы и пожелать было трудно, и скоро молодой Джироламо отвѣтилъ на терпѣливую и нѣжную любовь дѣда тѣмъ, что пристрастился къ занятіямъ и книгамъ ранѣе, чѣмъ приобрѣлъ способность вполнѣ понимать ихъ. Онъ стремился къ нимъ, какъ къ кладу, содержащему неоцѣнимыя сокровища.

Къ несчастію, дѣдъ его скончался слишкомъ рано, и единственнымъ руководителемъ мальчика остался теперь отецъ, который и сталъ преподавать ему философію. Естественныя науки входили тогда въ общую систему философскаго знанія, какъ самый высшій отдѣлъ его: поэтому, изученіе медицины и начиналось обыкновенно съ философіи. Послѣдняя-же, какъ извѣстно, была въ то время проникнута духомъ схоластики. Правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и даже въ Феррарѣ стали тогда пробиваться первые проблески платоновской философіи, появилось нѣсколько вѣрныхъ переводовъ произведеній Аристотеля съ греческаго языка. Но объ этомъ тогда говорили, какъ о самой послѣдней новинкѣ. Книгами, по которымъ учился молодой Савонарола, были произведенія Св. Ѳомы и арабскіе комментаріи Аристотеля. Они были даны ему въ руководство, какъ необходимое пособіе къ медицинѣ. Интересно, что, несмотря на свою юность, онъ всецѣло, съ какимъ-то особеннымъ удо-

вольствіемъ углублялся въ лабиринтъ запутаннѣйшихъ силлогизмовъ и уже скоро прославился, какъ искусный диспутантъ. Произведенія Св. Тома привлекали къ себѣ Савонаролу съ какой-то мистической силой: онъ погружался въ нихъ до самозабвенія, проводилъ надъ ними цѣлые дни, и стоило большого труда оторвать его отъ нихъ, заставить его интересоваться предметами, имѣющими болѣе близкое отношеніе къ медицинѣ. Такимъ образомъ, природный складъ ума увлекалъ и звалъ его въ одну сторону, а родители старались развить въ немъ стремленія совсѣмъ другого рода. Въ немъ началась уже та никому невѣдомая борьба, которая позднѣе должна была рѣшить его будущность и разочаровать его родныхъ въ ихъ надеждахъ. Безсознательно влюбленный въ правду, онъ испытывалъ возбужденіе, знакомое всякому юношѣ, когда сама природа, кажется, приглашаетъ его радостно вступить въ жизнь. Съ увлеченіемъ онъ читалъ древнихъ писателей, самъ писалъ стихи, учился рисованью и музыкѣ.

Къ сожалѣнію, у насъ рѣшительно нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя могли-бы полнѣе обрисовать жизнь Савонаролы за этотъ періодъ времени. Исторія точно хотѣла скрыть отъ насъ, какъ шло его внутреннее развитіе, какъ воспитывался его умъ, какія, въ частности, онъ оказывалъ успѣхи въ занятіяхъ, каковы были трудности, съ которыми ему приходилось бороться, какъ, вообще, складывались интеллектуальныя и душевныя настроенія человѣка, на долю котораго выпала такая выдающаяся роль въ событіяхъ всего міра. Это молчаніе біографовъ объясняется, можетъ быть, просто отсутствіемъ какихъ-либо крупныхъ фактовъ, которые стоило-бы сохранять для потомства. Истинная исторія его юности сводится, очевидно, къ тѣмъ сокровеннымъ мыслямъ, къ тѣмъ интимнымъ впечатлѣніямъ, о которыхъ могли знать лишь немногіе. Чтобы составить себѣ хоть какое-нибудь представленіе о томъ, какъ складывался его духовный обликъ, мы должны обратить наше вниманіе на ту среду, въ какой ему приходилось вращаться. Онъ никогда не былъ человѣкомъ, всецѣло погруженнымъ въ свои созерцанія,—напротивъ, онъ постоянно чувствовалъ влеченіе къ обществу,

къ народу, жизнью котораго интересовался всегда, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда непреодолимое отвращеніе къ господствующимъ порокамъ заставляло его искать уединенія.

Кто бросить взглядъ на то запустѣніе, въ какомъ находится теперь Феррара, на эти безлюдныя улицы, гдѣ рѣдко-рѣдко встрѣтишь человѣка, гдѣ трава пробивается между плитами мостовой, тотъ съ трудомъ представитъ себѣ все великолѣпіе столицы герцоговъ д'Эсте съ 100.000 населеніемъ, съ Дворомъ, однимъ изъ первыхъ въ Италіи, съ постоянными проѣздами чрезъ нее князей, императоровъ, папъ, съ празднествами, которыми, казалось, и конца не будетъ. И, однако, такова была Феррара, когда тамъ родился и жилъ Савонарола. Происходя изъ семьи, вращавшейся въ придворныхъ сферахъ, онъ постоянно слышалъ вокругъ себя разговоры о разныхъ торжествахъ и увеселеніяхъ, какія тамъ происходили: имъ, несомнѣнно, онъ былъ обязанъ первыми впечатлѣніями своего дѣтства. Поэтому, мы не уклонимся далеко отъ нашего предмета, если скажемъ нѣсколько словъ о дворѣ герцоговъ д'Эсте.

Въ 1402 году областю Феррары и нераздѣльной еще тогда отъ нея богатой и плодородной моденской провинціей управлялъ съ титуломъ маркиза Николо III. Впродолженіе цѣлыхъ 16 лѣтъ онъ велъ упорную борьбу съ жившею въ окрестныхъ замкахъ знатью. Лишь послѣ того, какъ силою оружія, хитростью и коварствомъ ему удалось подчинить ее себѣ, онъ сдѣлался неограниченнымъ владыкою всей области и мирно предался заботамъ о блескѣ своего Двора. Тогда-то были построены дворецъ Бельригвардо, церковь Санта Марія Бельфіоре, заложена колокольня при соборѣ и масса великолѣпныхъ зданій. Мы видѣли уже, что онъ пригласилъ къ себѣ изъ Падуи Микеле Савонаролу, а затѣмъ и многихъ другихъ. Между ними былъ и знаменитый ученый Гварино изъ Вероны, которому онъ поручилъ воспитаніе двухъ своихъ незаконныхъ сыновей—Ліонелло и Борсо. Впослѣдствіи они были узаконены и, по ясно выраженной волѣ своего отца, наслѣдовали ему въ управленіи предпочтительно предъ Ерколе, законнымъ его сыномъ, но бывшимъ тогда совсѣмъ еще ребенкомъ.

По смерти Николо III государствомъ правили послѣдовательно Ліонелло съ 1441 г. и Борсо—съ 1450 г. Это относится къ довольно трудному времени. Прекращеніе рода Висконти, возмущеніе въ Миланѣ, зависть Венеціи и другихъ сосѣднихъ государствъ были причинами, вызвавшими всеобщіе раздоры: казалось почти невозможнымъ, чтобы д'Эсте не были вовлечены въ нихъ той или другой изъ воюющихъ сторонъ. И, однако, они не только сумѣли удержаться отъ войны, но примирили между собой и враждовавшихъ правителей государствъ, такъ-что область феррарскую стали называть даже «землею мира». Впрочемъ, славой своей д'Эсте были обязаны главнымъ образомъ великолѣпію своего Двора и ореолу меценатства, которымъ они окружили себя ранѣе другихъ государей Италіи. Въ самомъ дѣлѣ, Ліонелло былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими учеными: Гварино, Валла, Трапезунціо и другіе считали его своимъ покровителемъ. Самъ онъ писалъ рѣчи на латинскомъ языкѣ, сонеты на народно-итальянскомъ, положилъ основаніе знаменитымъ музеямъ д'Эсте, привелъ въ цвѣтущее состояніе университетъ, основалъ госпиталь Св. Анны и построилъ много общественныхъ зданій. Дворъ его отличался необычайной пышностью, а празднества, данныя имъ по случаю свадьбы, заставили говорить о себѣ всю Италію. Правленіе его Феррарой продолжалось всего 9 лѣтъ. Послѣ его смерти въ 1450 г. ему наследовалъ Борсо, своею щедростію и роскошью скоро заставившій всѣхъ забыть даже Ліонелло. Маркизь Борсо нѣсколько напоминалъ собою типъ Медичи: онъ не былъ лишенъ добрыхъ качествъ, но всѣ они проистекали изъ желанія первенствовать, заставить говорить о себѣ. Когда справедливость не была ему во вредъ, онъ любилъ ее и требовалъ со всею строгостію, чтобы она была соблюдаема. Но еще болѣе самой справедливости онъ любилъ репутацію справедливаго, которую стяжалъ у всѣхъ. Онъ равномерно распредѣлил въ народѣ налоги, принялъ на свой счетъ расходы по университету, ввелъ въ Феррарѣ книгопечатаніе, которое только-что тогда началось, основалъ Чертозу, воздвигъ бастіоны города со стороны По и расширилъ свои владѣнія. Распри, происходившія въ

Италіи во дни Ліонелло, къ его времени усилились, такъ-что положеніе его было еще болѣе труднымъ. И, однако, онъ умѣлъ держаться нейтралитета и былъ посредникомъ почти во всѣхъ несогласіяхъ, какія только возникали тогда между отдѣльными итальянскими государствами. Слава его распространилась такъ далеко, что ему были присланы богатые подарки даже изъ Индіи, гдѣ его считали королемъ Италіи.

Если-бы мы сказали, что славу онъ снискалъ себѣ, главнымъ образомъ, роскошью Двора и празднествами, которыми тѣшилъ феррарскій народъ, то такое утвержденіе показалось-бы, несомнѣнно, нѣсколько страннымъ, но, по существу, было-бы совершенно вѣрнымъ. Его прославленная справедливость никогда не выдерживала серьезнаго испытанія, и къ нему самому можно предъявить немало тяжкихъ обвиненій. Хваленая мудрость, съ какою ему удавалось сохранить миръ въ то время, какъ сосѣди воевали другъ съ другомъ, сводилась, въ концѣ концовъ, просто къ искусству никогда не вмѣшиваться въ чужія дѣла и быть всегда готовымъ примкнуть къ болѣе сильной сторонѣ. Но маркизь Борсо радушно открывалъ свой домъ для всѣхъ, имѣлъ рѣдкое собраніе рукописей и древностей, одѣвался въ золотую парчу. Дворъ его носилъ самыя роскошныя одежды, какія только можно было найти тогда въ Италіи. Онъ имѣлъ великолѣпнѣйшихъ соколовъ, собакъ и лошадей. Даже шуты его сдѣлались знаменитостями въ своемъ родѣ, а описанія празднествъ, какія онъ устраивалъ, расходились въ печатныхъ копіяхъ по всей Италіи.

Когда въ 1452 году императоръ Фридрихъ III, направляясь въ Римъ короноваться, прошелъ чрезъ Феррару съ 2000 солдатъ, Борсо, окруженный духовенствомъ и всею знатію, встрѣтилъ его, сидя подъ богатымъ балдахиномъ, и потомъ, въ продолженіе цѣлыхъ десяти дней, увеселялъ весь городъ турнирами, обѣдами, музыкой и танцами. На возвратномъ пути изъ Рима императоръ рѣшилъ возвести Борсо въ герцогское достоинство. Праздники по этому поводу возобновились еще съ большей пышностью. На площади былъ выстроенъ богатый павильонъ, въ которомъ возсѣдалъ императоръ въ мантии и коронѣ, украшенной доро-

гими камнями, стоимость которых исчислялась въ 150.000 флориновъ. Борсо, одѣтый въ золотую парчу и также отягченный всякими драгоценностями, выступилъ изъ своего дворца въ сопровожденіи феррарской знати, при несмолкаемыхъ кликахъ народа: «герцогъ, герцогъ, да здравствуетъ герцогъ Борсо!». Подойдя къ императору и преклонивши предъ нимъ колѣно, онъ получилъ отъ него желаемый титулъ.

Но праздники, на которыхъ, по своему возрасту, могъ присутствовать Савонарола, были еще болѣе великолѣпны. Поводомъ для нихъ служили обстоятельства чрезвычайно серьезнаго характера. Тогда шли непрестанные толки о паденіи Константинополя (1453), о все возрастающей силѣ турокъ, объ опасности, какая угрожала отъ нихъ христіанскому міру. Всѣмъ хотѣлось крестоваго похода противъ нихъ, хотя, вслѣдствіе общаго равнодушія и недостатка энергіи, никто не двигался съ мѣста.

Въ 1458 году, Энеа Сильвіо Пикколомини, занявшій папскій престолъ подъ именемъ Пія II, рѣшилъ собрать въ Мантуѣ соборъ, на которомъ лично хотѣлъ побудить христіанскихъ князей къ священной войнѣ. Въ 1459 году, въ сопровожденіи десяти кардиналовъ, шестидесяти епископовъ и множества свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ, съ небывалой помпой проходилъ онъ по итальянскимъ городамъ, старавшимся отличиться одинъ передъ другимъ въ роскоши пріема и оказаніи ему почестей. Во Флоренцію вступилъ онъ, несомый Галеаццо Марія Сфорца, Малатестю, Манфреди и Орделаффи. Республика устроила въ честь его такія-же празднества, какими она обыкновенно привѣтствовала прибытіе императора или другихъ важныхъ свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ. Въ Феррару онъ вошелъ подъ парчевымъ балдахиномъ. Улицы, по которымъ двигалась процессія, были покрыты матеріями и усыпаны цвѣтами. Въ окнахъ висѣли драгоценныя ковры, повсюду въ городѣ слышались музыка и пѣніе. Въ соборѣ Гварино сказалъ на латинскомъ языкѣ длинную, полную эрудиціи, хвалебную рѣчь св. Отцу, который былъ задержанъ здѣсь торжествами на цѣлыхъ восемь дней. То-же было и на дальнѣйшемъ пути его слѣдованія вплоть до Мантуи,

куда онъ и прибылъ, наконецъ, 27 мая 1459 г. Удивительное умѣнье Пія II владѣть латинскимъ языкомъ сказалось здѣсь во всемъ своемъ блескѣ: онъ заставилъ слушателей плакать, когда началъ описывать бѣдствія константинопольскихъ христіанъ. Послѣ него говорилъ извѣстный своей ученостью Франческо Филельфо. Затѣмъ была произнесена на латинскомъ языкѣ рѣчь Ипполитой, дочерью Франческо Сфорца. Но особенную жалость вызвали къ себѣ греческіе послы, когда, въ яркихъ краскахъ изобразили всю глубину несчастья, постигшаго ихъ отечество, дикую жестокость турокъ. Владѣтельные князья предложили имъ свою помощь, кто деньгами, кто людьми, а герцогъ Борсо обѣщалъ дать на содержаніе войскъ 300.000 флориновъ, сумму, для него прямо-таки непомѣрно великую. Впрочемъ, скоро обнаружилось, что это была скорѣе хитрость, чѣмъ дѣйствительное желаніе совершить нѣчто полезное. Всѣ приготовленія дѣлались лишь на словахъ, и достаточно было сумасбродной попытки Рене Анжуйскаго, который съ горстью французовъ двинулся на завоеваніе неаполитанскаго королевства, чтобы все предпріятіе рухнуло окончательно.

Въ 1460 году папа возвратился въ Феррару, не достигнувъ цѣли, и, тѣмъ не менѣе, этотъ пріѣздъ его сюда сопровождался еще большими празднествами, чѣмъ первый. Герцогъ встрѣтилъ его на По, на великолѣпномъ суднѣ, среди безчисленнаго множества нарядныхъ лодочекъ, съ знаменами и музыкой. Медленно двигались онѣ за герцогскимъ судномъ, занимая рѣку на всемъ видимомъ ея протяженіи. На берегахъ, усыпанныхъ цвѣтами, въ ожиданіи папы, стояло множество молодыхъ людей, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды съ гирляндами въ рукахъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ Верховный Первосвященникъ долженъ былъ вступить на берегъ, были разставлены статуи языческихъ боговъ, какъ будто тоже вышедшихъ ему навстрѣчу!

По всей вѣроятности, Савонарола присутствовалъ на этомъ праздникѣ и слышалъ затѣмъ разговоры о немъ. Трудно, конечно, выразить словами, какое впечатлѣніе все это произвело на его дѣтскую душу. Его религіозная ревность возмущена была до глубины такой профанаціей, сердце его съ самого

нѣжнаго возраста раздиралось страстями, вынуждавшими его вступить въ открытую борьбу съ обществомъ, въ которомъ ему приходилось вращаться.

Между тѣмъ ничто не измѣнилось при дворѣ Борсо, и весело протекала при немъ жизнь феррарскаго народа. То-же, къ сожалѣнію, дѣлалось во всѣхъ прочихъ итальянскихъ государствахъ: всюду господствовали индифферентизмъ и развращенность нравовъ, росли языческія традиціи, всюду народъ предавался необузданному и беззаботному веселью.

9 августа 1471 года герцогъ умеръ. Не успѣвъ еще остыть трупъ его, какъ Николо, сынъ Ліонелло, и Ерколе I (законный сынъ Николо III, немного возмущавшій къ этому времени) вступили между собой въ ожесточенную борьбу за наслѣдство, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивая личные свои интересы. Перевѣсъ остался на сторонѣ Ерколе. Съ торжествомъ проѣхалъ онъ по улицамъ города и громкими кликами народа былъ привѣтствованъ, какъ законный правитель. Приверженцы Николо были перебиты, а успѣвшіе спастись бѣгствомъ заочно были осуждены на смерть. Затѣмъ опять начались обычные праздники, съ музыкой и плясками, и народъ какъ-будто совершенно забылъ про кровь, которая лилась наканунѣ. Таковъ былъ знаменитый, пышный и веселый дворъ Эсте, таковы были правители, въ которыхъ заискивала и которыхъ, безъ сомнѣнія, до небесъ превозносила семья Савонаролы.

Напрасно стали-бы мы спрашивать у біографовъ, каковы были впечатлѣнія и мнѣнія молодого Джироламо относительно только-что указанныхъ событій: они обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ. Зато они говорятъ намъ объ его уединенномъ и печальномъ образѣ жизни, описываютъ его походку, походку усталого человѣка, погруженнаго въ свои думы, отмѣчаютъ его необычайную молчаливость, постепенное исхуданіе, молитвы, становившіяся все горячѣе, долгіе часы, проводимые имъ въ церкви, частые посты. «Бѣги земли жестокой, бѣги береговъ скупыхъ»— вотъ слова, которыя часто и какъ-бы противъ воли слетали съ устъ его. Онъ весь погруженъ въ чтеніе Библии и произведеній св. Ѳомы. Онъ отдыхаетъ единственно лишь за музыкой,

наигрывая разныя печальныя мелодіи, или за писаніемъ стиховъ, не лишенныхъ силы и естественности, передающихъ скорбь его сердца. Примѣръ этому можно видѣть въ его пѣснѣ «О разрушеніи міра», написанной въ 1472 году. Въ ней онъ ясными словами описываетъ намъ свое душевное состояніе, печаль и безотрадность своихъ мыслей:

Vedendo sotto sopra tutto il mondo,
 Ed esser spenta al fondo
 Ogni virtude ed ogni bel costume,
 Non trovo un vivo lume,
 Nè pur chi de' suoi vizii si vergogni.
 . . . . .
 . . . . .
 Felice ormai chi vive di rapina!
 E chi dell'altrui sangue più si pasce;
 Chi vedoe spoglia e i suoi pupilli in fasce,
 E chi di povri corre alla ruina!
 Quell'anima è gentile e peregrina,
 Che per fraude e per forza fa più acquisto;
 Chi sprezza il ciel con Cristo,
 E sempre pensa altrui cacciare al fondo,
 Colui onora il mondo.

По разсказамъ біографовъ, подобныя чувства волновали душу Савонаролы съ такой силой, что, посѣтивъ разъ, по настоянію своихъ родителей, герцогскій дворецъ, онъ послѣ этого далъ себѣ слово никогда больше не ходить туда и съ настойчивостью, особенно замѣчательною въ его возрастѣ, сдержалъ его. И въ самомъ дѣлѣ, это мрачное четырехугольное зданіе, съ своими четырьмя башнями, съ широкими рвами и подъемными мостами, являлось для всѣхъ символомъ тиранніи, свившей гнѣздо въ средѣ феррарскаго народа. Эти стѣны еще не были тогда освящены памятью Элеоноры и Тассо, безсмертныя тѣни которыхъ какъ-бы до сихъ поръ блуждаютъ по великолѣпнымъ заламъ дворца и заставляютъ забывать о мрачныхъ событіяхъ, имѣвшихъ здѣсь мѣсто. Напротивъ, тогда у всѣхъ еще жива была память о несчастной, кончившейся смертью, любви Паризины. Тогда еще не посѣщали изъ простаго любопытства, какъ теперь, подземныхъ казематовъ замка.

куда еле пробивается свѣтъ сквозь тяжелыя желѣзныя рѣшетки: тамъ слышался тогда звукъ цѣпей и стоны заживо погребенныхъ узниковъ. На верху-же, надъ ихъ головами — музыка, танцы, пиры безъ конца, постоянный звонъ серебряной посуды, блескъ майоликъ, венеціанскихъ стакановъ! Подобные контрасты не могли пройти незамѣченными Савонаролой, его горячимъ сердцемъ, его страстной душой. Онъ содрогался при видѣ такихъ сценъ и всю жизнь сохранялъ тяжелое воспоминаніе о томъ, что прошло передъ его глазами въ юности. Нигдѣ, кромѣ церкви, онъ не находилъ покоя, когда имъ овладѣвали черныя мысли. Молитва была постояннымъ подкрѣпленіемъ для этой пламенной души: онъ орошалъ слезами подножія престоловъ, по цѣлымъ часамъ простаивалъ предъ ними, прося у Бога утѣшенія отъ золъ, господствовавшихъ въ этотъ необузданный, низкій и развратный вѣкъ.

Въ это именно время по сосѣдству съ Савонаролой проживалъ, вмѣстѣ съ своей пріемной дочерью, флорентійскій изгнанникъ, носившій громкое имя Строцци. Гражданинъ, изгнанный изъ отечества Данте, долженъ былъ привлекать къ себѣ вниманіе молодого Саваноролы. Онъ видѣлъ въ немъ страдальца, угнетаемаго за любовь къ свободѣ и отечеству, и всѣхъ, кто жилъ въ его домѣ, представлялъ себѣ людьми, совершенно отличными отъ окружающаго его общества. Его глаза встрѣчались съ глазами молодой флорентіянки, и онъ испыталъ то первое волненіе сердца, которое заставляеть вѣрить въ возможность счастья на землѣ. Міръ рисовался ему въ новомъ освѣщеніи. Воображеніе, распаляемое надеждами, уже уносилось въ даль грядущаго блаженства, и вотъ однажды, со всѣмъ свойственнымъ ему пыломъ и довѣрчивостью, онъ открылъ душу любимой дѣвушкѣ. Но каково было его отчаяніе, когда онъ долженъ былъ выслушать гордый отвѣтъ, когда ему, вмѣстѣ съ отказомъ, дано было понять, что Строцци никогда ни унизятся до того, чтобы породниться съ какими-то Савонаролами! На это оскорбленіе онъ отвѣтилъ словами, полными негодованія, но сердце его осталось разбитымъ. Въ одинъ мигъ весь міръ его надеждъ и мечтаній, столь долго лелѣемый въ душѣ, раз-

летѣлся, какъ дымъ, и счастье, на которое онъ такъ разсчитывалъ, вдругъ оказалось недостижимымъ: онъ вновь остался одинокимъ среди толпы, которая отталкивала его отъ себя. Онъ былъ еще молодъ, двадцатилѣтнимъ юношей, но событія, происшедшія на его глазахъ при вступленіи Ерколе I на престолъ, поселили въ немъ настоящее отчаяніе, а глубокая привязанность, въ которой онъ полагалъ все счастье жизни, кончилась жестокой неудачей. Въ чемъ было искать успокоенія его разбитой душѣ? Невольно мысли его обращались къ Богу:

Se non che una speranza
 Pur al tutto non lascia far partita,
 Ch'io so che in l'altra vita
 Ben si vedra qual alma fu gentile,
 E chi alzò l'ale a più leggiadro stile.

Религіозное чувство все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало его душой, давало его сердцу новый источникъ упоеній и указывало дорогу жизни, не угрожающую никакими опасностями. Молитва его становилась все горячѣе, и онъ почти всегда заключалъ ее словами: «укажи мнѣ, Господи, путь, какимъ должна идти душа моя». Мірская жизнь становилась для него день ото дня все тягостнѣе. Въ Феррарѣ-же въ то время только и думали, что о празднествахъ, къ которымъ герцогъ питалъ настоящую страсть. Карнавалъ 1473 года былъ великолѣпнѣе обыкновеннаго, а продолженіе всего Великаго Поста шли усиленные приготовленія къ новымъ, еще большимъ празднествамъ, такъ-какъ ожидали прибытія изъ Неаполя невѣсты герцога, Элеоноры Арагонской. Все это только усиливало недовольство Савонаролы: ища уединенія, онъ сталъ избѣгать людей, въ умѣ его все чаще и чаще возникала мысль объ оставленіи всего мірскаго, объ окончательномъ посвященіи себя Богу, а благоговѣніе, какое онъ питалъ къ Св. Өомѣ, влекло его къ ордену Св. Доминика. Въ 1474 году, будучи въ Фазнцѣ, онъ услышалъ проповѣдь одного августинца. Слова его такъ сильно запечатлѣлись въ его душѣ, что съ этого дня онъ безповоротнo рѣшилъ постричься въ монахи.

На обратномъ пути въ Феррару онъ все время былъ веселъ, но лишь вступилъ онъ подъ кровъ родительскій, какъ убѣдился, что для него начинается новое, тяжелое испытаніе: нужно было скрывать свое рѣшеніе. Какъ-бы догадываясь обо всемъ, мать слѣдила за нимъ пристальнымъ взоромъ, который, казалось, хотѣлъ проникнуть во всѣ тайныя его намѣренія: онъ болѣе не смѣлъ прямо смотрѣть ей въ глаза. Борьба эта продолжалась цѣлый годъ, и онъ часто потомъ мысленно возвращался къ этому тяжелому періоду своей жизни. «Если-бы я, говорилъ онъ, открылъ тогда свою душу, сердце мое, кажется, разорвалось-бы отъ скорби, и я отказался-бы отъ рѣшенія, мною уже принятаго». Однажды, 23 апрѣля 1475 года, сидя у себя дома, онъ взявъ въ руки лютню и запѣлъ мелодію, полную такой грусти, что мать его, какъ-бы озаренная духомъ прозрѣнія, вдругъ участливо обратилась къ нему и сказала: «Сынъ мой, это сигналъ къ отъѣзду». Но и на этотъ разъ онъ пересилилъ себя и дрожащей рукою продолжалъ водить по лютнѣ, не подымая глазъ.

Слѣдующій день, 24 апрѣля, былъ великимъ днемъ для Феррары. Весь городъ справлялъ праздникъ Св. Георгія. Родители Савонаролы участвовали вмѣстѣ съ прочими въ этомъ празднествѣ. Тогда-то Савонарола и рѣшилъ покинуть родительскій кровъ. Оставшись одинъ, онъ собрался въ путь и ушелъ въ Болонью. Здѣсь онъ явился въ монастырь Св. Доминика и выразилъ желаніе поступить въ монахи, причемъ просилъ опредѣлить его къ самымъ грубымъ работамъ. Онъ хотѣлъ быть слугою для всѣхъ и пришелъ туда, какъ говорилъ, чтобы понести суровую эпитимію за свои грѣхи, а не затѣмъ, чтобы перейти, какъ обыкновенно тогда бывало, «отъ Аристотеля мірскаго къ Аристотелю монастырскому». Онъ былъ принятъ и тотчасъ-же сталъ готовиться къ искусу.

Но какъ только онъ остался наединѣ съ самимъ собою, мысль его тотчасъ-же устремилась въ родительскій домъ, и немедленно, 25-го апрѣля, онъ пишетъ своему отцу чрезвычайно сердечное письмо, въ которомъ старается утѣшить его и объяснить причину своего рѣшенія покинуть міръ. Этой при-

чиной была невозможность переносить долге великую развращенность вѣка, видѣть усиленіе пороковъ и попраніе всякой добродѣтели по всей Италіи. Имъ руководилъ не дѣтскій капризъ: онъ сдѣлалъ этотъ шагъ послѣ долгихъ размышлений и многихъ страданій. Онъ не посмѣлъ открыться отцу лично, потому-что, по всей вѣроятности, у него не хватило-бы тогда духу привести въ исполненіе задуманный планъ. «Дорогой батюшка, писалъ онъ въ заключеніе, умоляю васъ, не умножайте вашей печалью моей скорби, и безъ того слишкомъ великой. Успокойтесь сами и постарайтесь утѣшить матушку и дайте мнѣ ваше общее благословеніе».

Въ такомъ духѣ было написано все письмо. Въ немъ Савонарола указывалъ еще, что въ комнатѣ у окна онъ оставилъ разныя бумаги, гдѣ описано его душевное состояніе. Отецъ тотчасъ-же пересмотрѣлъ всѣ книги сына, и на указанномъ мѣстѣ, дѣйствительно, нашелъ рукопись «О презрѣннѣи къ міру». Здѣсь мы находимъ выраженіе тѣхъ-же чувствъ, что и въ письмѣ: нравы своего времени Савонарола сравниваетъ съ нравами Содомы и Гоморры. «Не осталось никого, ни одного человека нельзя найти, который любилъ-бы добро: намъ нужно учиться у дѣтей и у простыхъ женщинъ, ибо только у нихъ осталась еще хоть тѣнь невинности. Добрые угнетены, и народъ итальянскій похожъ на египтянъ, державшихъ въ порабощеніи народъ Божій. Но уже голодъ, наводненія, болѣзни и множество другихъ симптомовъ являются вѣстниками грядущихъ бѣдъ, предвѣщаютъ гнѣвъ Господень. Раздѣли, о Господи, снова раздѣли воды Чермнаго Моря и потопа нечестивыхъ въ волнахъ Твоего гнѣва!» Это небольшое произведеніе Савонаролы всѣмъ біографами считалось потеряннымъ, но затѣмъ было найдено въ одной флорентійской семьѣ, которой оно, какъ святыня, было ввѣрено Марко Савонаролою еще въ 1604 г. Важность его неоспорима: изъ него ясно видно, что Савонарола, еще до поступленія въ монастырь, предчувствовалъ готовившіяся Италіи бѣдствія, что въ немъ уже тогда было живо убѣжденіе въ своемъ сверхъестественномъ посланничествѣ, на какое уготовляетъ его Богъ. Онъ проситъ Господа, чтобы воды Чермнаго

Моря дали проходъ добрымъ и потопили нечестивыхъ, но въ то-же время не можетъ скрыть и надежды, что посохъ, который долженъ управлять стихіей, будетъ со временемъ врученъ ему. Напрасно онъ хотѣлъ скрыть это отъ самого себя, напрасно онъ хотѣлъ унижаться и исполнять въ монастырѣ самыя черныя работы: въ груди его рождались надежды и намѣренія, имѣвшія экстраординарный характеръ.

Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвели на его родителей всѣ эти посланія Савонаролы, но не подлежитъ сомнѣнію, что они горько жаловались на внезапное рѣшеніе своего сына, такъ какъ имѣется второе письмо Савонаролы, въ которомъ онъ, почти теряя терпѣніе, осуждаетъ ихъ неумѣренную скорбь. «Если-бы какой-нибудь владѣтельный князь, писалъ онъ, намекая на карьеру своего старшаго брата, опоясалъ меня мечемъ и принялъ меня въ свою свиту, вы сказали-бы, что онъ дѣлаетъ этимъ большую честь вашему дому, что онъ доставилъ вамъ радость, а теперь, когда Господь Іисусъ Христосъ опоясываетъ меня Своимъ мечемъ и дѣлаетъ меня Своимъ воиномъ, вы плачете!» Родители должны были, наконецъ, примириться съ совершившимся фактомъ. Савонарола-же всей душой предался новымъ своимъ обязанностямъ

Небольшого роста, съ смуглымъ цвѣтомъ лица, Савонарола обладалъ нѣсколько желчнымъ, сангвиническимъ темпераментомъ. Сложенія онъ былъ въ высшей степени деликатнаго и тонкаго. Чрезвычайно живые темносѣрые глаза его часто сверкали огнемъ изъ-подъ черныхъ бровей. Носъ орлиный, ротъ широкій, губы полныя, общимъ своимъ складомъ выражавшія несокрушимую твердость въ разъ принятыхъ рѣшеніяхъ, лобъ, изборожденный глубокими морщинами, указывавшій на умъ, непрестанно погруженный въ размышленіе о высокихъ предметахъ. Савонарола не былъ красивъ, но вся фигура его выражала строгое благородство характера. А полная грусти улыбка придавала иногда его грубоватымъ и суровымъ чертамъ выраженіе такой доброты, что, при одномъ взглядѣ на этого человѣка, рождалось полное къ нему довѣріе. Обращеніе его было простое, безъ всякой изысканности, рѣчь—безъ прикрасъ. Но въ минуту

одушевленія слово его становилось властнымъ и мощнымъ, покоряло и убѣждало съ неотразимою силою.

Въ эти дни онъ наложилъ на себя глубочайшее молчаніе и болѣе, чѣмъ когда-либо, былъ погруженъ въ созерцаніе небесныхъ видѣній. Когда онъ прогуливался по монастырскому двору, онъ казался какою-то тѣнью: такъ изнурили его постоянные посты и воздержаніе. Испытанія, тяжелыя для подвергающихся искусу, казались ему легкими, такъ-что постоянно приходилось сдерживать его и не давать ему впадать въ крайности. Когда онъ не постился, онъ ѣлъ столько, сколько необходимо было для поддержанія силъ. *Ложемъ ему служилъ плетеный изъ прутьевъ матрасъ съ мѣшкомъ, набитымъ соломой, и холщевая простыня.* Одежда его была самая грубая, но чистота во всемъ была образцовая. Его скромность, смиреніе, послушаніе были выше всякихъ сравненій. Молитва его была такъ усердна, что вызывала всеобщее удивленіе. Братія утверждала, что въ эти моменты онъ погружался въ состояніе какого-то экстаза. Казалось, что стѣны монастыря, отдѣливъ его отъ міра, возвратили ему душевный покой, что, кромѣ послушанія и молитвы, ему ничего на свѣтѣ не было нужно.

ГЛАВА II.

Отъ поступленія въ монастырь до перваго путешествія во Флоренцію.

(1475—1481).

Савонарола пробылъ въ монастырѣ Св. Доминика въ Болоньѣ цѣлыхъ 7 лѣтъ. Здѣсь, среди пустынныхъ дворовъ, въ величественномъ храмѣ, гдѣ покоится прахъ знаменитаго основателя Ордена подъ великолѣпнымъ балдахиномъ работы Николо Пизанскаго, онъ въ подвигахъ и молитвахъ проводилъ все свое время. Монастырское начальство скоро замѣтило его глубокую ученость и необыкновенныя качества его ума. Поэтому, вмѣсто того, чтобы поручать ему грубыя работы, кото-

рымъ онъ исключительно хотѣлъ посвятить себя, на него была возложена обязанность обученія новиціевъ. Сначала Савонарола скорбѣлъ, что у него отнимаютъ время, обыкновенно посвящаемое имъ молитвѣ и другимъ религіознымъ упражненіямъ, но, потомъ, принявъ въ соображеніе, что послушаніе стало первымъ его долгомъ, что ему теперь открывается возможность направлять своихъ сотоварищей на путь добродѣтели и истинной религіи, онъ охотно примирился со своей новой обязанностью. Тѣмъ не менѣе, было-бы ошибочно предположить, что этимъ смиреніемъ и послушаніемъ исчерпывались всѣ его мысли и желанія. Духъ его, полный вѣры, былъ весь порывъ и огонь. Развращенность вѣка побудила его замкнуться въ монастырѣ, гдѣ, казалось, онъ обрѣлъ душевный миръ въ молитвѣ и уединеніи. Но когда онъ размышлялъ о безотрадномъ положеніи, въ какомъ находилась церковь, душа его возмущалась, въ груди загоралось негодованіе, рождались смѣлая идеи, которыя онъ напрасно старался обуздать при помощи религіозной дисциплины и усилій воли.

Годъ, когда онъ оставилъ міръ, былъ для него годомъ особенно напряженной религіозной экзальтаціи. Свои сокровенныя мысли онъ излилъ тогда въ стихотвореніи, озаглавленномъ: «О разрушеніи церкви». Въ немъ онъ обращается къ церкви, которая представлена у него въ образѣ чистой Дѣвы, съ вопросомъ: «Гдѣ древніе твои учителя, гдѣ древніе святыя? Гдѣ чистое ученіе, милосердіе, первоначальная чистота?» Въ отвѣтъ, взявъ его за руку, Дѣва ведетъ его въ пещеру и говоритъ ему: «когда я увидала, что гордость и властолюбіе проникли въ Римъ и все тамъ осквернили, я ушла и заключилась въ этомъ мѣстѣ,

«Гдѣ и провожу жизнь въ плачѣ».

Она показываетъ ему глубокія язвы, покрывающія ея прекраснѣйшее тѣло. Въ порывѣ жалости Савонарола обращается къ святымъ на небесахъ и приглашаетъ ихъ оплакать такое бѣдствіе:

«Упало, низвержено чистѣйшее зданіе, храмъ Божій!»

Но кто довелъ дѣло до такого состоянія?—вновь спрашиваетъ Савонарола. И церковь, намекая на Римъ, отвѣчаетъ: «Лживая

и гордая блудница». Тогда молодой и благоговѣнно настроенный новицій, отшельникъ и смиренный монахъ, произноситъ одну изъ тѣхъ фразъ, которыя сразу разоблачаютъ передъ нами всю его душу: «скажи мнѣ, ради Бога, Дѣва: развѣ нельзя сокрушить эти огромныя крылья»? На что церковь какъ-бы укоризненно отвѣчаетъ ему: «А ты плачь и молчи: мнѣ кажется, это будетъ всего лучше».

Такимъ былъ Савонарола въ монастырѣ: постъ и молитва укрѣпляли его сердце, онъ отдыхалъ за обученіемъ новиціевъ. Но въ то-же время въ душѣ его зарождались глубокая скорбь и неустойчивое недовольство при видѣ церкви Христовой, покинутой и отданной во власть разврата. Онъ молчитъ и плачетъ, но въ умѣ его часто мелькаетъ мысль: «о, Господи, да развѣ нельзя сломать эти огромныя крылья, крылья гибели»? А если мы представимъ себѣ, свидѣтельницами какихъ событийъ была эта экзальтированная душа, ту грустную картину безстыдной жизни при римскомъ дворѣ, которая раскрывалась передъ глазами Савонаролы, то не трудно будетъ понять, какимъ огнемъ должно было загорѣться и безъ того пылкое сердце монаха.

Уже со времени кончины Ція II (1464) началась та скандальная развращенность папъ, которая въ Александрѣ VI достигла своего апогея. Вѣроломство и необычайная скупость Павла II (1464—1471) скоро стали извѣстны всему міру. А когда ему наследовалъ подъ именемъ Сикста IV Франческо делья Ровере (1471), легко было предвидѣть, что для церкви наступаютъ дни еще болѣе печальные. Открыто утверждали тогда, что новый папа избраніемъ своимъ обязанъ подкупамъ: въ Римѣ поименно называли всѣхъ, продавшихъ свои голоса на конклавѣ, и прямо указывались тѣ должности, какія ими были за это получены. Скандальное сладострастіе Сикста рѣшительно не имѣло никакихъ предѣловъ. Его расточительность равнялась его ненасытной жадности золота. Страсти настолько ослабляли его, что для достиженія своихъ низкихъ цѣлей онъ не отступалъ ни передъ какими средствами, даже самыми безчестными: не было на свѣтѣ такой подлости, на какую онъ не былъ-бы способенъ.

Сокровища, съ такой неимовѣрной жадностью накопленныя Павломъ II, быстро исчезли, а расточительность племянниковъ Сикста скоро показала, въ чьи собственно руки они попали. Племянниковъ у папы было четверо: одинъ — префектъ Рима, другой — кардиналъ, впослѣдствіи папа Юлій II, третій — купилъ за 40.000 дукатовъ золота городъ Имола и женился на дочери Галеаццо Сфорца. Но самымъ безстыднымъ изъ всѣхъ и въ то-же время наиболѣе любезнымъ сердцу дяди былъ Піетро Ріаріо. Предпочтеніе, оказываемое папой этому двадцатилѣтнему молодому человѣку, было таково, что порождало въ Римѣ массу самыхъ соблазнительныхъ слуховъ. Изъ простаго монаха онъ былъ возведенъ въ достоинство кардинала-прелата съ титуломъ Св. Сикста, патріарха константинопольскаго, архіепископа флорентійскаго. Онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ при папскомъ дворѣ. Когда онъ отправлялся въ Ватиканъ, улицы становились слишкомъ тѣсны для толпы, которая сопровождала его. Въ его пріемныхъ комнатахъ тѣснилось гораздо болѣе народу, чѣмъ у самаго папы. Роскошь его жизни, по словамъ одного современнаго ему писателя, превосходила все, что могли придумать наши предки и что въ состояніи будутъ вообразить себѣ наши внуки. Принимая пословъ Франціи, онъ устроилъ въ честь ихъ обѣдъ, великолѣпію котораго должны были служить всѣ извѣстныя тогда искусства. Въ поискахъ за тѣмъ, что представляло изъ себя какую-нибудь рѣдкость или что считалось тогда особенно цѣннымъ, была поставлена на ноги вся страна. Были приложены всѣ усилія къ тому, чтобы воспроизвести это великолѣпіе въ будущемъ оказалось невозможнымъ. Стихотворныя описанія этого праздника обошли Италію, распространились за предѣлами Альпъ, по всей Европѣ. Но роскошь перешла всякія границы, когда въ Римѣ остановилась (1473) Элеонора Аррагонская, дочь неаполитанскаго короля, на пути къ своему жениху, герцогу Феррарскому. Невѣсту встрѣтили послы и кардиналы. Всѣ улицы, по которымъ она должна была пройти до Ватикана, были покрыты коврами и разными матеріями. Молодымъ Ріаріо былъ нарочно выстроенъ для нея поблизости къ собственному дому дворецъ изъ велико-

лѣннаго дерева, внутренность котораго блистала шелками и золотомъ. Обѣденные приборы, стаканы и всякаго рода посуда сдѣланы были изъ золота и серебра. Меньше, чѣмъ въ годъ, кардиналъ Ріаріо истратилъ 200.000 флориновъ и, несмотря на богатѣйшіе доходы, онъ сдѣлалъ еще долгу на 60.000 флориновъ. Но все-же онъ по прежнему продолжалъ вести самый широкій образъ жизни. Въ этомъ-же самомъ году онъ отправился въ Миланъ, гдѣ вступилъ въ соперничество въ роскоши съ самимъ Галеаццо, однимъ изъ наиболѣе распутныхъ герцоговъ того времени. Отсюда онъ поѣхалъ въ Венецію и тамъ предался такому отчаянному кутежу, что силы, наконецъ, измѣнили ему. Возвратившись въ Римъ, онъ скончался 5 января 1474 года. Таково было начало той глубокой болѣзни папства, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ непотизма. Сикстъ IV продолжалъ дѣйствовать въ томъ-же духѣ вплоть до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1484 году. Но какъ ни былъ развращенъ тотъ вѣкъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, большинство все-же негодовало при видѣ такого церковнаго нестроенія. Міръ съ отвращеніемъ относился къ соблазну, производимому четырьмя племянниками папы и самимъ папой, сдѣлавшимся, въ своихъ стремленіяхъ къ власти и деньгамъ, въ своей распущенности, послушнымъ рабомъ своихъ страстей.

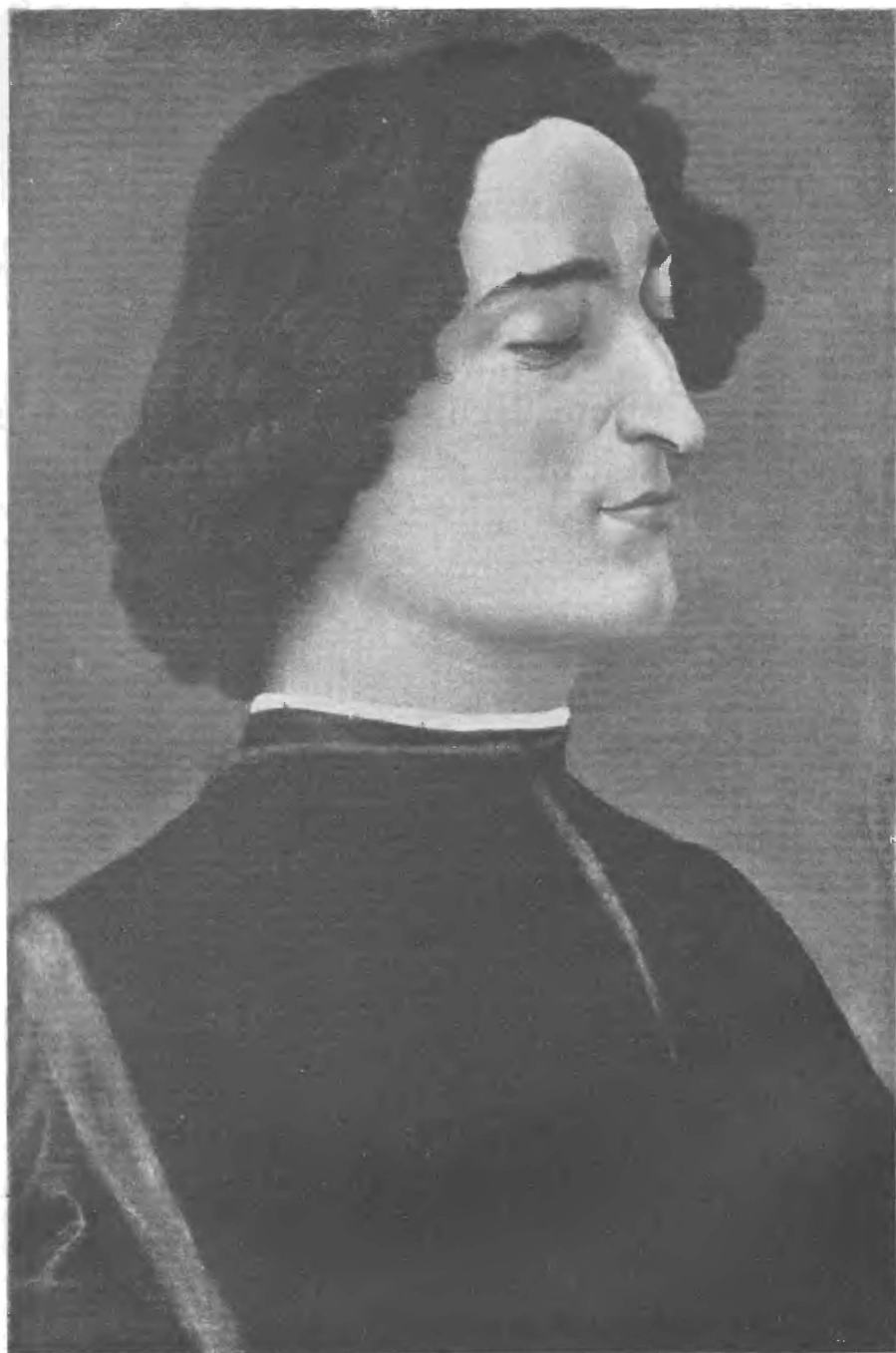
Нравственное состояніе прочихъ государствъ Италіи носило тотъ-же безотрадный характеръ. Поистинѣ, это были несчастныя времена! Свобода была утрачена народами повсюду и давно, владѣтельныя особы, тираннически управлявшія областями, не обладали уже той энергіей, той политической прозорливостью, какія присущи были ихъ предкамъ и возбуждали всеобщее удивленіе. Съ исчезновеніемъ сильныхъ характеровъ, пылкихъ, не знавшихъ никакихъ границъ честолюбія, княжескіе роды, казалось, стали явнымъ образомъ вырождаться по всей странѣ. Въ неаполитанскомъ королевствѣ Альфонсу Великодушному наслѣдовалъ (1458) Фердинандъ I Арагонскій, котораго, по справедливости, слѣдовало-бы назвать жестокимъ. Онъ не зналъ другого способа избавляться отъ своихъ враговъ, кромѣ хитрости, лицемерія и предательства, былъ скупъ и мелоченъ до того, что

отъ своего лица велъ торговлю, покупая и потомъ перепродавая по высокимъ цѣнамъ хлѣбные продукты своихъ-же собственныхъ подданныхъ. Во Флоренціи проницательному и умному Козимо Медичи наследовалъ (1465) чрезвычайно неспособный сынъ его Піеро: въ недолгіе годы своего правленія онъ довелъ первенствующее положеніе своего дома до такого состоянія, что, умри онъ нѣсколько лѣтъ позднѣе, сыну его, Лоренцо, едва-ли удалось-бы удержать въ своихъ рукахъ бразды правленія. Въ Миланѣ храброму полководцу и хитрому политику Франческо Сфорда наследовалъ слабый Галеаццо (1466), и, наконецъ, въ Венеціи, за ловкой и предприимчивой политикой Франческо Фоскари, выступила на сцену политика Пасквале Малипiero (1457). Самыми замѣчательными проявленіями его дѣятельности были празднества, устроенныя имъ на площади Св. Марка. Такое всеобщее измѣльчаніе можно было-бы назвать фатальнымъ, мистическимъ, если-бы оно просто не объяснялось тѣмъ, что прежніе правители достигали власти, преодолевая тысячи затрудненій, устраняя съ своего пути всевозможныя опасности, торжествуя надъ безчисленными врагами, тогда-какъ дѣти ихъ, родившись и воспитавшись въ мирное время, среди придворной знати, съ раннихъ лѣтъ пріучались къ самому изнѣженному образу жизни.

Но этихъ бѣдствій было для Италіи какъ будто мало. Къ нимъ присоединилось множество другихъ, не менѣе тяжкихъ. Казалось, слабость правителей возбуждающе дѣйствовала на ихъ подданныхъ: были люди, готовые идти на всякія опасности, на предпріятія самыя отчаянныя, лишь-бы измѣнить ненавистный порядокъ вещей. II, дѣйствительно, годы эти были по преимуществу годами заговоровъ. Въ одномъ 1476 г. ихъ было три. Джироламо Джентиле сдѣлалъ попытку освободить Геную отъ миланскаго ига, Ольджіати, Висконти и Лампуньяни въ церкви закололи герцога Галеаццо, но затѣмъ и сами были растерзаны разсвирѣпѣвшимъ народомъ на улицахъ Милана. Въ Феррарѣ Николо д'Есте съ 600 человекъ пытался отнять городъ у брата своего Ерколе, но погибъ вмѣстѣ съ большинствомъ своихъ сторонниковъ. Всѣ заговоры кончились

БОТТИЧЕЛЛИ.

ДЖУЛИАНО МЕДИЧИ.

Королевский Музей, Берлин.

неудачей и слѣдствіемъ своимъ имѣли лишь ухудшеніе жизни народныхъ массъ и усиленіе деспотизма, принимавшаго съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе жестокой характеръ.

И, тѣмъ не менѣе, опасность не только никого не останавливала, а, напротивъ, казалось, возбуждала людей къ самымъ отчаяннымъ предпріятіямъ: заговоры росли. Самый ужасный изъ нихъ былъ приведенъ въ исполненіе во Флоренціи въ 1478 году 26 Апрѣля, когда въ соборѣ, во время литургіи, въ моментъ возношенія Св. Даровъ, Пацци пронзили кинжалами Джуліано Медичи. Они хотѣли убить и Лоренцо, но это имъ не удалось: тотъ успѣлъ выхватить шпагу и, отражая удары, укрыться въ Сакристіи. Анджело Полиціано, который захлопнулъ за нимъ двери, рассказываетъ, что въ этотъ моментъ въ церкви все пришло въ необычайное смятеніе, и вся она огласилась криками. Казалось, что рушится самый соборъ. Все было необычайно въ этомъ заговорѣ: предусмотрительность и смѣлость, съ какими онъ былъ задуманъ, моментъ, выбранный для приведенія его въ исполненіе, знатность фамилій, принимавшихъ въ немъ участіе, количество лицъ, павшихъ его жертвой какъ во время самого смятенія, такъ и послѣ. Но особенно удивительно было число и санъ клириковъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Одному священнику врученъ былъ на храненіе кинжалъ, который долженъ былъ поразить Лоренцо Медичи. Кардиналъ Франческо Сальвіати былъ душой всего заговора въ Римѣ и Флоренціи. Самымъ-же горячимъ и неутомимымъ подстрекателемъ къ нему былъ, по общему мнѣнію, самъ Святой Отецъ, Сикстъ IV. Онъ надѣялся этимъ путемъ расширить владѣнія своихъ племянниковъ. А когда онъ увидѣлъ, что заговоръ не удался, онъ не могъ болѣе сдержать своей ярости и безъ всякаго стѣсненія объявилъ себя непримиримымъ врагомъ флорентійцевъ и повелъ противъ нихъ открытую борьбу.

Въ такія времена и при подобныхъ обстоятельствахъ складывался духовный обликъ Джироламо Савонаролы. Съ ужасомъ и скорбью наблюдалъ онъ жизнь народовъ, тѣ внѣшнія условія, въ какихъ протекала дѣятельность церкви. И, кромѣ молитвы и усиленныхъ умственныхъ занятій, онъ не находилъ для себя

никакого утѣшенія. Уваженіе, какимъ онъ постоянно пользовался въ монастырѣ, возрасло еще болѣе, и на него, вмѣсто обученія новиціевъ, стали возлагать миссію проповѣдничества. Савонарола съ жаромъ предался этому новому для него дѣлу. Первоначальное его намѣреніе быть молчаливымъ и отшельникомъ стало уступать настоятельной, все болѣе и болѣе раскрывавшейся въ немъ потребности въ дѣятельности умственной и нравственной: молодыя и бодрія силы его души находили здѣсь подходящее для себя поприще.

Въ проповѣдяхъ своихъ онъ, повидимому, держался метода своихъ лекцій. Главное мѣсто онъ отводилъ въ нихъ практическимъ совѣтамъ и правиламъ нравственности. Удаляясь отъ Аристотеля, онъ становился все ближе и ближе къ Библии. Эта послѣдняя сдѣлалась потомъ единственнымъ и неразлучнымъ спутникомъ всей его жизни. Ничего другого сказать объ этихъ проповѣдяхъ мы не можемъ: во первыхъ, потому, что изъ писателей того времени никто не обмолвился о нихъ ни однимъ словомъ, очевидно, вслѣдствіе незначительности ихъ успѣха у публики, а, во вторыхъ, потому, что отъ нихъ не дошло до насъ никакихъ отрывковъ. Мы знаемъ только, что Джіованни Гарцони, профессоръ философіи въ Болоньѣ, укорялъ Савонаролу за то, что онъ пренебрегалъ преподаанными ему риторическими правилами и ради Библии отказался отъ Пришано.

Въ 1481 году монастырское начальство отправило Савонаролу проповѣдывать въ Феррару. Здѣсь онъ какъ-бы совсѣмъ пересталъ существовать для общества: ни съ кѣмъ не встрѣчался изъ своихъ знакомыхъ и очень рѣдко съ родными, изъ боязни разбудить еще не совсѣмъ заглохшія въ его сердцѣ старыя привязанности. Улицы, дома, церкви — все напоминало ему прошлое, которое теперь онъ старался забыть. Сограждане, въ свою очередь, не особенно высоко цѣнили его, какъ проповѣдника: вотъ почему впослѣдствіи онъ жаловался на то, что на немъ оправдалось древнее изреченіе: «нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ». Не имѣя подъ руками ни одной изъ этихъ проповѣдей, трудно сказать что-нибудь положительное о причинѣ такого равнодушія къ нему слушателей. Вѣрнѣе всего то,

что Савонарола твердо шелъ своимъ путемъ, не желая слѣдовать манерѣ другихъ проповѣдниковъ, которые въ рѣчахъ своихъ съ церковныхъ кафедръ или вдавались въ безконечно запутанные схоластическіе софизмы, или прибѣгали къ выраженіямъ, въ наши дни недопустимымъ даже въ кабакахъ. Съ другой стороны, Савонарола не выработалъ еще своей собственной манеры говорить: онъ не былъ еще увѣренъ въ себѣ настолько, чтобы господствовать надъ аудиторіей и вести ее по новому пути. Тѣмъ не менѣе, уже и въ то время рѣчь его не была лишена извѣстной красоты и убѣдительности, о чемъ свидѣтельствуетъ множество анекдотическихкихъ разсказовъ, приводимыхъ біографами, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго. Онъ ѣхалъ однажды изъ Феррары въ Мантую на небольшомъ суднѣ по рѣкѣ По. Здѣсь-же находилось 18 солдатъ, которые играли и перебранивались между собой, не оказывая ни малѣйшаго уваженія ни къ одѣянію монаха, ни къ его достоинству. Въ негодованіи Савонарола обращаетъ къ нимъ свою рѣчь, и вскорѣ одиннадцать изъ нихъ бросаются къ его ногамъ, каясь въ своихъ грѣхахъ. Конечно, одно дѣло—сказать нѣсколько удачныхъ словъ солдатамъ и подѣйствовать на нихъ силой собственнаго убѣжденія, и другое—говорить съ кафедры къ многочисленной аудиторіи и произносить цѣлую проповѣдь. Въ одномъ случаѣ достаточно искренности, которою Савонарола обладалъ въ самой высокой степени, въ другомъ—требовалось искусство, котораго у него тогда еще, повидимому, не было.

Въ томъ-же 1481 году Феррарѣ стала угрожать тяжелая война. Многіе поспѣшили выѣхать изъ города. Университетъ, гдѣ доминиканцы преподавали богословіе, тоже вскорѣ былъ закрытъ. Глава Ордена, для сокращенія расходовъ, а также и для того, чтобы быть готовымъ ко всякимъ случаемъ, выслалъ изъ города большую часть монаховъ. Савонаролѣ приказано было идти во Флоренцію, куда онъ и отправился немедленно, навсегда распрощившись со своими родными, друзьями и отечествомъ, которое онъ видѣлъ въ послѣдній разъ.

Война эта, предпринятая первоначально только противъ герцога феррарскаго, разлилась мало по малу широко и раздѣ-

лила всю Италію на двѣ враждебныхъ партіи. Истинными причинами ея были, съ одной стороны, новые честолюбивые замыслы венеціанцевъ, искавшихъ владычества и на твердой землѣ, съ другой—не знавшія никакихъ предѣловъ стремленія папы расширить владѣнія своихъ племянниковъ. Впрочемъ, эти причины тщательно скрывались: папа выставлялъ тотъ предлогъ, что хотѣлъ отомстить герцогу за его помощь флорентійцамъ въ войнѣ, предпринятой послѣ неудавшагося заговора Падди. Венеціанцы вооружились изъ за разныхъ пограничныхъ недоразумѣній и вѣчнаго ихъ спора съ Феррарой о торговлѣ солью. Герцогъ феррарскій шелъ на всевозможныя уступки, но это ни къ чему не привело: папа и венеціанцы хотѣли войны во что-бы то ни стало. Они привлекли на свою сторону генуэзскую республику и множество мелкихъ владѣтелей Романьи и Марокъ. Сторону герцога приняла флорентійская республика, король неаполитанскій, герцогъ миланскій, къ которымъ примкнули мантуанскій маркизъ, Бентивольо, правитель Болоньи, и могущественный домъ Колонна. Такимъ образомъ, вся Италія оказалась подъ ружьемъ: одна флорентійская республика вмѣшалась въ эти споры только на словахъ, всѣ-же прочія государства вскорѣ открыли свои непріязненные дѣйствія. Герцогъ калабрійскій сражался съ папскими войсками, предводительствуемыми Роберто Малатеста. Колонна, выйдя изъ своихъ ленныхъ владѣній, опустошали римскую Кампанью, генуэзцы напали на западныя границы миланскихъ владѣній. Но главная роль въ этой войнѣ принадлежала венеціанцамъ: они сильно тѣснили Феррару двумя арміями, между тѣмъ, какъ третья направилась противъ герцога миланскаго. Они такъ ловко повели свое дѣло, что голодъ уже давалъ себя знать въ Феррарѣ, и долго сопротивляться она не могла. Ясно было, что венеціанцы используютъ всѣ выгоды предпринятаго похода.

Лишь только Сикстъ IV увидѣлъ, что намѣченная имъ добыча ускользаетъ изъ рукъ, онъ тотчасъ-же въ ярости перемѣнилъ фронтъ и заключилъ договоръ съ королемъ неаполитанскимъ, разрѣшилъ герцогу калабрійскому проходъ чрезъ свои владѣнія, отлучилъ венеціанцевъ, объявивъ ихъ врагами Христа,

и пригласилъ всѣхъ правителей Италіи поднять противъ нихъ войну. Эта внезапная переѣмна могла удивить развѣ только тѣхъ, кто не зналъ ни порывистой натуры Сикста, ни того, куда могла завести его жажда золота и новыхъ территоріальныхъ владѣній. Венеціанцы, однако, не испугались угрозъ папы, но его выходъ изъ союза измѣнилъ всѣ условія борьбы. Герцогъ калабрійскій со своими войсками успѣлъ снабдить Феррару провіантомъ и постоянно мѣшалъ осаднымъ работамъ, такъ-что война должна была затянуться надолго. Два войска стояли другъ противъ друга, не вступая въ рѣшительное сраженіе. Поля опустошались все болѣе и болѣе. Умирали отъ голода, но не отъ оружія. Въ такомъ вяломъ темпѣ шли дѣла до 1484 года, когда, наконецъ, всѣ устали отъ войны, одинаково раззорительной для обѣихъ сторонъ. Вождь венеціанцевъ принялъ предложенныя ему условія мира. Войска разошлись по домамъ, и война сразу прекратилась ко всеобщему удовольствію.

Только одинъ папа не переставалъ раздувать зажженное имъ пламя непріязни между народами: для него было слишкомъ тяжело отказаться отъ надеждъ, какія онъ возлагалъ на войну. Когда 12 августа 1484 года ему представились послы и стали читать условія мира, онъ вскочилъ со стула и въ гнѣвѣ закричалъ: «Вы говорите о мирѣ унижительномъ, позорномъ!» На слѣдующій день съ нимъ случился припадокъ подагры, которой онъ давно страдалъ, и Святой Отецъ скончался отъ скорби, причиненной ему извѣстіемъ о мирѣ.

Эта война и заставила Савонаролу уйти изъ Феррары во Флоренцію. Теперь мы застаемъ его на переходѣ чрезъ гористые и пустынные Аппенины, на пути въ новый для него городъ, къ чужимъ людямъ. Онъ шелъ, терзаемый мыслью, что папа, изъ-за развратныхъ юношей, вносилъ столько смуты во всю Италію, когда турки были, можно сказать, у дверей полуострова, когда не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ они вторглись въ Отранто. Вѣтеръ, шелестѣвшій между елями и буковыми деревьями, казалось, насвистывалъ проклятіе тѣмъ, которые раздирали ризу невѣсты Христовой, и, можетъ быть, будилъ въ

немъ воспоминаніе о собственномъ смѣломъ стихѣ: «да развѣ нельзя сокрушить эти огромныя крылья»!

Прибывши во Флоренцію въ 1481 году, онъ поселился въ монастырѣ Св. Марка, гдѣ пришлось ему провести самые счастливыя и самые несчастныя годы своей жизни. Такъ какъ въ преданіяхъ потомства имя Савонаролы неразрывно связано съ этимъ монастыремъ, то не будетъ излишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Въ началѣ XV вѣка это было жалкое зданіе, какія-то полуразвалины, гдѣ проживало нѣсколько монаховъ Сильвестринцевъ, ведшихъ настоѣлко соблазнительную жизнь, что многіе жаловались на нихъ въ Римъ. Козимо Веккіо, съ разрѣшенія папы, переселилъ ихъ въ другое мѣсто, а монастырь отдалъ доминиканцамъ, принадлежавшимъ къ ломбардской конгрегаціи. Нѣсколько позднѣе онъ рѣшилъ перестроить его съ самаго основанія: работы были поручены знаменитому архитектору Микелоццо Микелоцци, который и завершилъ ихъ въ 1443 году, употребивъ шесть лѣтъ труда и издержавъ 36.000 флориновъ. Козимо никогда не скунился, когда дѣло шло о церквяхъ, монастыряхъ, вообще о работахъ, которыя могли создать ему имя человѣка щедрого и усилить его вліяніе на народъ. Пока строился новый монастырь, онъ оказывалъ помощь доминиканцамъ, а теперь, когда работы пришли къ благополучному концу, онъ рѣшилъ, кромѣ всего прочаго, снабдить его богатой библіотекой: только тогда онъ могъ чувствовать себя вполне удовлетвореннымъ. Это не было дѣломъ легкимъ и дешевымъ, такъ-какъ вопросъ шелъ о манускриптахъ, цѣны на которые поднялись тогда до крайнихъ предѣловъ. Но ему представился весьма счастливый случай, которымъ онъ и воспользовался довольно ловко. Умеръ Николо Николи, самый знаменитый собиратель манускриптовъ, какихъ только знала тогда Европа, одинъ изъ наиболѣе ученыхъ людей своего времени, потратившій огромное состояніе и цѣлую жизнь на собираніе кодексовъ, которымъ удивлялась вся Италія. По духовному завѣщанію онъ оставилъ ихъ во всеобщее пользованіе, но воля его не могла быть приведена въ исполненіе, такъ какъ на его библіотекѣ

ПОПТОРМО.
Уффици.
Флоренція.

КОЗИМО
МЕДИЧИ.

лежали огромные долги. Козимо заплатилъ кредиторамъ и, выбравъ наиболѣ цѣнныя рукописи для себя лично, остальные передалъ въ монастырь Св. Марка. Такъ была открыта въ Италіи первая публичная библіотека, которую монахи содержали въ образцовомъ порядкѣ и тѣмъ доказали, что вполне достойны сдѣланнаго имъ подарка. Съ этого момента Санъ Марко сталъ какъ-бы центромъ цѣлаго умственнаго движенія, а такъ какъ монастырь примыкалъ къ конгрегаціи доминиканцевъ верхней Италіи, то во Флоренцію начали стекаться со всѣхъ сторонъ ученые монахи и тѣмъ самымъ способствовать распространенію доброй молвы о только-что основанномъ учрежденіи. Выдающіеся люди часто приходили сюда просто ради бесѣды съ монахами. Фра Джіовани изъ Фіезоле, извѣстный болѣе подъ именемъ Фра Беато Анджелико, щедрой рукой разсыпалъ по стѣнамъ его неподражаемыя сокровища своей кисти. Но особенно важно было то, что отцомъ монаховъ и духовнымъ наставникомъ ихъ былъ святой, по имени Антонинъ, одна изъ тѣхъ личностей, которыя, по истинѣ, служатъ украшеніемъ рода человѣческаго.

Въ исторіи трудно найти примѣръ самоотреченія, болѣе постояннаго, милосердія, болѣе дѣятельнаго, любви къ ближнему, болѣе евангельской. Нѣтъ почти ни одного благотворительнаго учрежденія во Флоренціи, котораго не основалъ-бы, не реорганизовалъ-бы Св. Антонинъ. Ему принадлежитъ благая мысль превращенія въ филантропическій институтъ общества Бигалло, основаннаго Санъ Піетро Мученикомъ для истребленія еретиковъ и оросившаго улицы и стѣны Флоренціи потоками крови. Теперь, вмѣсто того, чтобы жечь и поражать мечами на смерть, оно стало искать бездомныхъ сиротъ и всячески помогать имъ. Св. Антонинъ былъ основателемъ общества «добрыхъ мужей Св. Мартина», которое и до сихъ поръ занимается христіанскимъ дѣломъ собиранія добровольныхъ подаваній, чтобы разносить ихъ потомъ по домамъ «совѣстливыхъ бѣдняковъ». Рѣшительно невозможно перечислить все, что сдѣлалъ на пользу народа этотъ человѣкъ. Во времена Савонаролы многіе помнили, какъ онъ ходилъ по улицамъ города и по деревнямъ съ осликомъ, навьюченнымъ хлѣбомъ, одеждою и пр., помогая бѣдня-

камъ, пострадавшимъ отъ чумы или голода. Смерть его, послѣдовавшая въ 1459 году, была оплакана во Флоренціи, какъ общее несчастье. Когда въ 1481 г. Савонарола прибылъ въ монастырь Св. Марка, память о Св. Антонинѣ была настолько жива и въ такомъ у всѣхъ почетѣ, что тѣнь его, казалось, еще продолжала невидимо носиться по всѣмъ кельямъ. Имя его произносилось съ величайшимъ уваженіемъ. Его изреченія, бывшія у всѣхъ на устахъ, имѣли неоспоримый авторитетъ, и когда монахи хотѣли указать образецъ христіанской добродѣтели, они ссылались на Св. Антонина.

Въ первые дни своего пребыванія въ монастырѣ Савонарола былъ въ полномъ восхищеніи отъ всего, что видѣлъ. Прекрасное мѣстоположеніе города, прелестныя линіи тосканскихъ холмовъ, изящный языкъ и утонченныя манеры окружающихъ—все это заранѣе располагало его въ пользу Флоренціи. Хотѣлось насладиться жизнью въ этомъ, дѣйствительно, чудеснѣйшемъ изъ итальянскихъ городовъ, гдѣ природа и искусство соперничаютъ другъ съ другомъ въ красотѣ. Для его глубоко религіозной души флорентійское искусство было какъ-бы священной музыкой, и оно говорило ему о всемогуществѣ генія, вдохновляемаго вѣрою. Картины фра Беато Анджелико какъ-бы самихъ ангеловъ приглашали поселиться въ монастырѣ Св. Марка: стоя предъ ними, Савонарола погружался въ міръ блаженныхъ настроеній своей души. Благочестивые завѣты Св. Антонина, его еще живыя и столь цѣнимыя монахами дѣла милосердія, наконецъ, самая эта братія, образованная и благородная, какой онъ до сихъ поръ не встрѣчалъ,—все заставляло его предполагать, что онъ попалъ въ среду близкихъ ему по духу людей. Сердце его начинало жить новыми надеждами. Онъ уже не помнилъ болѣе испытанныхъ разочарованій и не представлялъ себѣ тѣхъ огромныхъ страданій, какія ожидали его во Флоренціи, среди людей, которыхъ ему придется вскорѣ поближе узнать и понять.

ВАЗ ІРІ.

ЛОРЕНЦО МЕДИЧІ.

Уффіци. Флоренція

ГЛАВА ТРЕТЯ.

Лоренцо Великолѣпный и Флорентійцы его времени.

Когда Савонарола прибылъ во Флоренцію, здѣсь уже много лѣтъ, въ ореолѣ славы и могущества, стоялъ у кормила власти Лоренцо Великолѣпный. Все принимало подъ его жезломъ видъ удачи и счастья. Партіи, спорами своими вносившія смуту въ городъ, прекратили свое существованіе. Были заточены по тюрьмамъ, изгнаны или преданы смерти всѣ, кто не хотѣлъ признать надъ собою владычества Медичи. Всюду царили тишина и спокойствіе. Праздники, танцы, турниры всецѣло поглощали вниманіе флорентійскаго народа, который, одно время столь ревнивый къ своимъ правамъ, теперь, казалось, забросилъ самую мысль о свободѣ.

Лоренцо принималъ постоянное участіе въ этихъ увеселеніяхъ. Онъ ихъ искалъ и каждый день придумывалъ все новыя. Но между всѣми измышленіями этого человѣка наибольшую извѣстность приобрѣли его «Карнавальныя пѣсни». Онѣ были предназначены къ распѣванію на маскарадахъ, для золотой молодежи, которая, изображая торжество смерти, нарядившись чертями или какъ-нибудь иначе, съ криками бѣгала по улицамъ города. Пѣсни эти рисуютъ намъ развращенность того вѣка лучше всякихъ другихъ описаній. Теперь не только молодые люди изъ хорошей семьи, но и послѣдняя чернь отнеслась-бы къ нимъ съ презрѣніемъ, а распѣваніе на улицахъ города было-бы сочтено за нарушеніе общественнаго благоприличія и не осталось-бы безнаказаннымъ. А тогда онѣ были любимымъ занятіемъ человѣка, о которомъ весь свѣтъ отзывался не иначе, какъ съ похвалами, который считался идеаломъ правителя, существомъ, изъ ряду вонъ выходящимъ по мудрости, политическимъ и литературнымъ гениемъ своего времени. И для многихъ онъ и понынѣ стоитъ на прежнемъ пьедесталѣ.

Ему прощается и кровь, пролитая, чтобы удержать несправедливо захваченную имъ и его приверженцами власть, и неурядица, какую онъ внесъ въ дѣла Республики, и неправильное присвоеніе общественныхъ денегъ на покрытіе громаднѣхъ личныхъ расходовъ, и безстыдное сладострастіе, которому, несмотря на свою болѣзненность и нездоровье, онъ предавался очертя голову. Даже быстрое и адское развращеніе народа, о которомъ онъ непрестанно и усердно хлопоталъ всѣми силами своего ума и воли, прощается ему только за то, что онъ былъ покровителемъ наукъ и искусствъ.

Соціальная жизнь Флоренціи того времени представляла довольно рѣзкіе контрасты. Образование было распространено повсюду. Всѣ знали языки латинскій и греческій, всѣ восхищались классическими писателями. Даже многія женщины снискали себѣ извѣстность красотой своихъ латинскихъ и греческихъ стиховъ. Изящныя искусства, въ особенности живопись, упавшая послѣ Джіотто, возродились къ новой жизни. Повсюду строились дворцы, церкви и другія зданія, отличающіяся особеннымъ вкусомъ. Но артисты, ученые, политики, высшіе классы общества и простой народъ—всѣ были испорчены душевно: въ нихъ угасла всякая гражданская и личная доблесть, всякое нравственное чувство. Религія сдѣлалась простымъ орудіемъ въ рукахъ правителей, служила цѣлямъ самаго низкаго лицемерія. Ни въ комъ не было вѣры ни гражданской, ни религіозной, ни нравственной, ни философской. Даже сомнѣніе не закрадывалось въ души современниковъ. Напротивъ, господствовало полнѣйшее равнодушіе ко всякимъ принципамъ. На ихъ лицахъ, носившихъ печать проницательности, остроумія и тонкой понятливости, мелькала холодная улыбка превосходства и снисхожденія всякій разъ, какъ только они замѣчали въ комъ—нибудь увлеченіе благородными и возвышенными идеями. Они ихъ не оспаривали, не подвергали сомнѣнію, какъ это сдѣлалъ-бы философъ-скептикъ: они лишь относились къ нимъ съ сожалѣніемъ, и эта инертность была для добродѣтели опаснѣе открытой и упорной борьбы. Только въ деревняхъ, въ простомъ народѣ, далеко

отъ всякихъ соприкосновеній съ политикой и науками, оставались еще живыми кое-какіе зачатки прежней нравственной доблести. Но и ихъ не легко было замѣтить.

Такое нравственное состояніе, по необходимости, должно было отразиться и на умственномъ складѣ общества. И въ самомъ дѣлѣ, философію замѣнила теперь простая ученость. Схоластика, противъ которой всѣ столько ратовали, но въ которой было не мало юности, жизненности, увлеченія, пришла въ окончательный упадокъ. Тѣхъ прекрасныхъ качествъ, какими она когда-то обладала, мы напрасно стали-бы искать въ произведеніяхъ XV вѣка. Произведенія изящной литературы были или результатомъ простой начитанности, или подражаніемъ Виргилію, Цицерону, Гомеру, Пиндару и т. д. Уже вскорѣ послѣ смерти Боккачіо, Франко Сакетти въ своихъ безыскусственныхъ стихахъ оплакивалъ упадокъ литературы, но, какъ онъ говорилъ, его огорчала главнымъ образомъ не утрата великихъ талантовъ, а отсутствіе надежды на появленіе ихъ въ будущемъ, то, что уже въ его время не было никого, кто могъ-бы, по крайней мѣрѣ, понимать ихъ, какъ слѣдуетъ. А если-бы онъ жилъ въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь теперь, онъ имѣлъ-бы еще болѣе основаній для своихъ жалобъ: ему пришлось-бы услышать, что итальянскій языкъ не способенъ къ выраженію высокихъ идей. Онъ встрѣтилъ-бы такихъ критиковъ, которые ставили «Божественную Комедію» ниже «Балладъ» и «Карнавальныхъ пѣсенъ» Лоренцо Медичи. Искусства, какъ извѣстно, позднѣе всего прочаго испытываютъ на себѣ слѣдствія нравственного и политическаго упадка народа, но въ то время и они уже перестали отражать тѣ высокія міровыя идеи, которыя Джіотто, Орканья и множество другихъ художниковъ сумѣли вложить въ памятники итальянскаго творчества. Ни Соборъ Св. Маріи дель Фіоре, ни Палаццо Веккіо не нашли-бы въ этотъ вѣкъ другого Арнольфо, который былъ-бы въ состояніи самымъ стѣнамъ ихъ придать отпечатокъ свободы и независимости.

Но если утрата свободы и влекла за собой, въ общемъ, такія печальныя послѣдствія, зато литература и искусства вы-

играли въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи: послѣ того, какъ всѣ пути къ политической дѣятельности, къ отличіямъ на гражданскомъ поприщѣ, къ доблестямъ общественнымъ были закрыты, послѣ того, какъ промышленность и торговля, доставляшія Флоренціи когда-то такія огромныя богатства, пришли въ упадокъ, всѣ, кто чувствовалъ въ себѣ хоть какія-нибудь силы, обратились къ занятіямъ поэзіей и наукой. И хоть не было уже тѣхъ высокихъ дарованій, какія процвѣтали во времена республики, зато народилось всеобщее стремленіе къ умственной работѣ, была налицо масса народная, набросившаяся на изученіе новыхъ языковъ, готовая писать новыя книги, новыя картины, и эта потребность была въ ней тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше она умѣла изъ подобныхъ занятій сдѣлать ступень къ достиженію другихъ, высшихъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, весь городъ представлялъ изъ себя какъ-бы одну большую школу, — страстью, господствовавшею въ каждомъ, было собрать по возможности больше древнихъ кодексовъ и античныхъ статуй. Всѣ разговоры сводились къ филологіи, къ грамматикѣ и, вообще, къ научнымъ предметамъ. Грековъ, которые послѣ паденія Константинополя переселялись на западъ, встрѣчали во Флоренціи съ восторгомъ. Своими уроками и ученостью они еще болѣе разжигали страсть къ произведеніямъ античныхъ писателей, возбуждали желаніе изучить Грецію, перерыть ея монастыри, храмы, самую землю, чтобы извлечь отсюда какіе-либо остатки древности. Предпринимались поѣздки на востокъ. Послѣ множества трудовъ и опасностей, растративъ все свое состояніе, люди возвращались на родину съ болѣе или менѣе цѣнными литературными сокровищами. Исторіи извѣстны удачно закончившіеся поиски въ этомъ направленіи, произведенные Поджіо Брачіолини почти во всѣхъ городахъ Европы. Извѣстны путешествія на востокъ Гварино Веронскаго, о которомъ говорили, что онъ посѣдѣлъ въ одно мгновеніе, когда при кораблекрушеніи погибли всѣ сокровища, собранныя имъ съ такимъ трудомъ. Извѣстны путешествія Джіовани Ауриспа, который возвратился въ Венецію болѣе чѣмъ съ 200 манускриптовъ, истративши на нихъ все свое состояніе.

Въ глубокой старости онъ былъ богатъ славою, но очень бѣденъ деньгами. Извѣстны путешествія Франческо Филельфо и многихъ другихъ, которые скитались тогда по землямъ классической Эллады. Каждый разъ, какъ кто-нибудь изъ нихъ возвращался въ Италію, особенно во Флоренцію, прибытіе его было общественнымъ праздникомъ, его триумфомъ. Навстрѣчу ему выходили первые люди страны. Правитель города принималъ его со всевозможными почестями, открытія его прославлялись въ литературѣ, въ частной дружеской перепискѣ только и рѣчи было, что о немъ. Затѣмъ, начинались споры о подлинности кодексовъ и ихъ толкованія, возбуждались вопросы филологическіе и грамматическіе, и тогда уже не было конца страстнымъ дебатамъ. Ученые оскорбляли другъ друга самымъ непозволительнымъ образомъ, задѣвая честь, репутацію одинъ другого. Это былъ, можно сказать, единственный видъ свободы, оставленной еще флорентійцамъ, которые хотя и пользовались, какъ будто, республиканскимъ управленіемъ, на самомъ-же дѣлѣ были всецѣло во власти тирана съ утонченными манерами, выдававшего себя, однако, за обыкновеннаго гражданина.

Что касается искусствъ, то имъ болѣе посчастливилось, хотя артисты еще сильнѣе другихъ предавались веселымъ удовольствіямъ того времени. Они и работали и наслаждались жизнью съ одинаковой беззаботностью. Обычай покровительствовать искусству, сдѣлавшійся всеобщимъ въ ту эпоху, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что по всей Италіи люди богатые, князья, церкви, монастыри добивались ихъ работъ: всюду ихъ приглашали и прекрасно принимали. Правда, они многое утратили въ высотѣ и универсальности идей, зато въ подражаніи, въ тонкости выраженія и въ механизмѣ сочетанія цвѣтовъ они сдѣлали большой шагъ впередъ. Тогда-же изобрѣтены были масляныя краски, что составило новую эру въ исторіи искусства. Скульптура и архитектура, въ которыхъ матеріалъ играетъ еще большую роль, чѣмъ въ живописи, также сдѣлали немалые успѣхи, какъ благодаря изученію греческихъ и римскихъ памятниковъ, статуй и другихъ монументовъ, такъ и благодаря постоянной практикѣ, которая научила преодолевать

тысячи техническихъ трудностей. Имена Донателло, Гиберти, Брунелески и многихъ другихъ остаются безсмертными. Искусство въ это время достигло, несомнѣнно, тонкости и изящества, какихъ не имѣло въ прошломъ и какія оно утратило уже въ слѣдующемъ столѣтіи.

Но факты, на которые мы только что указали, имѣли мѣсто, по большей части, раньше, чѣмъ окрѣпло господство Медичи во Флоренціи и, слѣдовательно, отъ нихъ рѣшительно не зависѣли. Любовь къ изученію классическихъ писателей была распространена еще со временъ Петрарки и Боккачіо и усиливалась постепенно. На путешествія и розысканія, описанныя выше, частныя лица тратили свое имущество, стремясь при этомъ къ снисканію лишь славы и не разсчитывая совѣмъ на возмѣщеніе своихъ расходовъ со стороны Медичи. Что касается артистовъ, то наиболѣе блестящая дѣятельность Брунелески (1379 — 1446), Гиберти (1378 — 1455), Донателло (1386 — 1466), Мазаччіо (1402—1428) падаетъ на начало вѣка, и самыя лучшія ихъ произведенія были исполнены безъ помощи или покровительства Медичи. Сооруженіе купола на соборѣ во Флоренціи, выполненное Брунелески, было рѣшено строителями собора еще въ 1407 г. и не было, слѣдовательно, дѣломъ Медичи. Двѣ двери Гиберти были начаты въ 1403 г. по порученію цеха купцовъ, который и заплатилъ только за первую изъ нихъ громадную по тому времени сумму въ 22.000 флориновъ. Капелла Кармине, въ которой работалъ Мазаччіо и другіе извѣстные артисты, была устроена на деньги частныхъ лицъ. Картины фра Беато Анджелико были написаны единственно по любви къ искусству и по побужденіямъ религіознаго чувства, при чемъ художникъ часто отказывался получать за нихъ плату.

Медичи, слѣдовательно, не создавали положенія вещей, котораго и не могли создать никакія человѣческія силы. Оно было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ естественнаго хода событій, пережитыхъ республикой на протяженіи многихъ вѣковъ, слѣдствіемъ естественнаго развитія національной культуры, результатомъ потерянной Италіей свободы. Медичи нашли этотъ порядокъ вещей готовымъ, выработаннымъ самой жизнью народа: они сумѣли

только съ рѣдкимъ умѣньемъ приспособиться къ нему и, ничего не ломая, обратить его къ своей выгодѣ. И если являлся когда-либо человѣкъ, про котораго можно сказать, что онъ какъ-будто былъ рожденъ для этого, то такимъ, несомнѣнно, былъ Лоренцо Великолѣпный. Одаренный отъ природы выдающимся умомъ, онъ унаслѣдовалъ отъ Козимо всю ту тонкую хитрость, благодаря которой, не будучи на самомъ дѣлѣ великимъ государственнымъ человѣкомъ, онъ умѣлъ выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній. Онъ въ высшей степени былъ одаренъ здравымъ смысломъ и особенной остротой ума, былъ ловокъ въ сношеніяхъ съ послами, еще ловчѣе въ уничтоженіи своихъ враговъ, рѣшителенъ и жестокъ, когда ему казалось, что того требуетъ необходимость. Онъ не взиралъ ни на преданность, ни на честное имя, ни на положеніе гражданъ: шелъ къ своей цѣли прямо, не страшась ни Бога, ни людей. Жестокое разграбленіе несчастной Волтерры, растрата капитала бѣдныхъ дѣвицъ, вслѣдствіе чего многія изъ нихъ, оставшись безъ приданаго, вступили на путь порока, безсовѣстная жадность, съ какой онъ налагалъ руку на общественное достояніе—все это темныя пятна на его совѣсти, которыхъ не могли смыть даже самые ярые его льстецы. Лицо его было, можно сказать, зеркаломъ его души. Въ немъ было что-то недоброе, непріятное. Цвѣтъ—желтоватый, ротъ довольно большой, носъ приплюснутый, голосъ гнусливый. Зато глаза его были живы и проницательны, лобъ высокъ, манеры самыя изысканныя, какія только можно было найти въ тотъ утонченный и просвѣщенный вѣкъ. Рѣчь живая, умная, ученая. Кому удавалось разъ попасть въ его интимный кружокъ, тотъ навсегда оставался подъ обаяніемъ его личности. Но нравственный обликъ его былъ очень не высокъ: онъ слѣдовалъ всему, что было худшаго въ теченіяхъ вѣка, и изъ распушеннаго, какимъ тотъ былъ, Лоренцо старался сдѣлать его особенно развратнымъ, употребляя къ тому всевозможныя средства. Предаваясь самъ удовольствіямъ, онъ вовлекалъ въ нихъ и народъ, чтобы тѣмъ самымъ усыпить и опьянить его. Флоренція въ его время сдѣлалась средоточіемъ вѣчныхъ празднествъ и удовольствій. Правда, въ этомъ-же кругу и среди

всеобщаго разгула подготовлялось и великое возрожденіе человѣческаго духа. Но это, казалось, происходило по естественному ходу вещей, безъ всякаго импульса со стороны, совершенно безотчетно. Наблюдателю-же, прежде всего, бросается въ глаза всеобщее увлеченіе удовольствіями, гордыня языческой образованностью, искусства и литература, которыя все больше погружались въ чувственность, при чемъ ихъ поощрялъ въ этомъ направленіи человѣкъ, всѣмъ и всѣми распоряжавшійся въ городѣ съ неограниченной властью.

У Лоренцо былъ довольно развитой вкусъ къ поэзіи и искусствамъ. Оставивъ въ сторонѣ всѣ заботы о торговыхъ интересахъ своего дома, онъ отдавалъ часы своего досуга наукамъ, въ которыхъ былъ воспитанъ наиболѣе учеными людьми своего времени. Ландино былъ его наставникомъ въ поэзіи, Арджиропуло—въ аристотелевской философіи, Фичино—въ платоновской. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ проявилъ особенную склонность къ искусствамъ, замѣчательную понятливость, рѣдкую точность въ выраженіи своихъ мыслей, чрезвычайно живое воображеніе. Позднѣе, когда онъ сталъ покровительствовать ученымъ и артистамъ, домъ его сдѣлался мѣстомъ собраний наиболѣе выдающихся людей той эпохи. Здѣсь можно было встрѣтить всѣхъ, кто только пользовался какою-нибудь извѣстностью въ литературномъ мірѣ. Многіе приходили даже изъ другихъ областей Италіи, лишь-бы только пожить въ этомъ избранномъ кружкѣ ученыхъ. И какъ въ собраніяхъ, которыя онъ устраивалъ въ своемъ домѣ, такъ и въ знаменитой Академіи Платона, онъ блисталъ умомъ, заимствуя и самъ, въ свою очередь, немало отъ общенія съ изысканно образованными людьми. За все это Лоренцо занялъ почетное мѣсто среди прославленныхъ современныхъ ему писателей, а труды его, до небесъ превознесенные еще въ то время, остаются предметомъ удивленія и въ наши дни. Стихи его, написанные въ народномъ духѣ, въ особенности басня «Амбра», отличаются естественностью, непринужденностью, запечатлѣны неподдѣльнымъ изяществомъ, наблюдательностью и знаніемъ природы, что, конечно, не было тогда зауряднымъ явленіемъ. Правда, въ нихъ часто замѣтно

слишкомъ очевидное подражаніе Полиціану, но даже тутъ Лоренцо нельзя отказать въ рѣдкихъ дарованіяхъ высокаго ума. Онъ былъ въ собственномъ смыслѣ слова чело-вѣкомъ своего времени: всѣ его достоинства имѣли своимъ источникомъ не сердце, а разумъ. Самая деликатность его манеръ была въ немъ слѣдствіемъ умственной культуры, а не благородства души. Покровительство ученымъ, правда, рождалось у него изъ страсти къ искусству, но въ то-же время такой образъ дѣйствій входилъ и въ его политическіе расчеты, помогая ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пріятно проводить время. Жизнь Лоренцо была, можно сказать, полна противорѣчій. Только-что приложивши всѣ свои старанія къ проведенію какого-нибудь новаго закона, направленнаго къ уничтоженію послѣднихъ проблесковъ свободы, только-что сдѣлавши распоряженіе о новыхъ конфискаціяхъ имуществъ или о преданіи кого-либо на смерть, онъ шелъ въ Академію Платона, гдѣ съ одушевленіемъ разсуждалъ о добродѣтели и безсмертіи души. Выходя оттуда, вмѣшивался въ толпу веселой молодежи и распѣвалъ вмѣстѣ съ ней свои «Карнавальныя пѣсни», предавался пьянству и разврату, а потомъ, возвратившись домой, за столомъ, съ Пульчи и Полиціаномъ, читалъ стихи и спорилъ о поэзій. И всему этому онъ отдавался цѣликомъ, такъ-что казалось, будто каждое новое дѣло составляетъ единственный интересъ его жизни. Но всего замѣчательнѣе то, что во всемъ этомъ круговоротѣ его жизни невозможно указать ни одного факта, который носилъ-бы характеръ истиннаго великодушія по отношенію къ народу, по отношенію къ близкимъ роднымъ. Если-бы нѣчто подобное имѣло мѣсто, панегиристы Лоренцо, конечно, уже не пропустили-бы случая упомянуть о немъ. Это—признакъ души мрачной и временъ, еще болѣе мрачныхъ, ибо если-бы добродѣтель и справедливость цѣнились, какъ слѣдуетъ, Лоренцо, конечно, постарался-бы, хотя-бы чисто показнымъ образомъ, пріобрѣсти соотвѣтствующую репутацію.

При Лоренцо Медичи находилось постоянно два чело-вѣка, имена которыхъ, сохранившіяся въ потомствѣ, пользовались тогда громкой европейской извѣстностью. Одинъ изъ нихъ

былъ Анджело Полиціано, ученый, даже для того высокообразованнаго времени выдававшійся своими глубокими познаніями въ области литературы, почти единственный, кто обладалъ жилкой истинной поэзіи. Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ началъ уже переводить Гомера, а въ 18 лѣтъ написалъ нѣсколько греческихъ эпиграммъ и одну латинскую элегію неподражаемой красоты на смерть Альбіера Альбицци. Едва ему исполнился 21 годъ, какъ онъ составилъ то блестящее стихотворное описаніе турнира Джуліано Медичи, которое сразу завоевало ему первое мѣсто среди поэтовъ вѣка и обезсмертило его имя. Благодаря этимъ трудамъ, онъ приобрѣлъ благоволеніе Лоренцо, сдѣлался его частнымъ секретаремъ, бібліотекаремъ, воспитателемъ его сыновей и всегда жилъ при немъ. Но въ этомъ новомъ и болѣе покойномъ положеніи священный огонь поэзіи, казалось, мало по малу угасалъ въ немъ, ученость-же его все росла и со временемъ сдѣлалась, дѣйствительно, необычайною. Лоренцо широко пользовался его услугами и, безъ сомнѣнія, много выигралъ отъ бесѣдъ съ такимъ высокообразованнымъ другомъ. Наоборотъ, доброе имя Полиціана не мало потеряло отъ этой чрезмѣрной его интимности съ Лоренцо, къ которому онъ питалъ искреннюю дружбу и почтеніе. Можетъ быть, этимъ только и слѣдуетъ объяснить себѣ то упорство, съ какимъ потомки обвиняли его въ порокахъ настолько гнусныхъ, что исторія отказывается даже назвать ихъ по имени.

Другимъ близкимъ другомъ Лоренцо былъ Луиджи Пульчи. Это былъ молодой человекъ изъ знатной фамиліи, братъ двухъ поэтовъ, имена которыхъ онъ почти заставилъ забыть, написавши свою знаменитую «Morgante Maggiore», поэму, полную огня, изящества, живыхъ, но необычайныхъ образовъ, гдѣ за молитвой къ Богородицѣ слѣдуетъ обращеніе къ Венерѣ, а затѣмъ сатира на безсмертіе души. Какова была поэма, таковъ былъ и человекъ, ее написавшій: веселый, причудливый, скептикъ, полный ироніи, любитель удовольствій до самозабвенія. Не отставая ни въ чемъ отъ Лоренцо, онъ былъ неизмѣннымъ спутникомъ его ночныхъ походовъ, его позволительныхъ и непозволительныхъ увеселеній. Свою поэму онъ

написалъ по настоянію матери Лоренцо, Лукреціи Торнабуони, и читалъ ее у нихъ за ужинами, сопровождая свою декламацію обильными возліяніями.

Кромѣ этихъ друзей, Лоренцо часто проводилъ время и съ артистами. Онъ принималъ живое участіе въ ихъ удовольствіяхъ и особенно любилъ ихъ необычайныя авантюры и ихъ нравы. Хотя онъ и не могъ помогать имъ такъ, какъ Козимо, который истратилъ цѣлыя сокровища на постройку церквей и дворцовъ, однако, принималъ ихъ всегда съ удовольствіемъ и оказывалъ имъ поддержку всяческими способами, какіе только были въ распоряженіи правителя города. И если-бы, основавъ знаменитые сады Св. Марка, онъ не сдѣлалъ для искусства ничего болѣе, то и за это одно онъ былъ-бы достоинъ величайшей похвалы. Тамъ онъ сосредоточилъ всѣ древнія статуи и фрагменты, какіе только ему удалось пріобрѣсти, всѣ рисунки лучшихъ художниковъ, и открылъ доступъ къ нимъ всѣмъ молодымъ людямъ, подающимъ какія-либо надежды. Здѣсь именно началъ работать своимъ рѣзцомъ Микель-Анджело Буонарроти, когда бѣднымъ и мало извѣстнымъ юношей нашелъ въ этихъ садахъ гостепріимный пріютъ, дѣлающій честь Лоренцо.

Но мы еще не сказали ни единого слова о человѣкѣ, который болѣе всякаго другого можетъ быть названъ креатурой Медичи, именно о Марсиліо Фичино, другъ и учитель Лоренцо, главъ Академіи Платона, о человѣкѣ, ученіе котораго распространилось тогда по всему міру и отчасти измѣнило воззрѣнія даже самого Савонаролы. Но объ Академіи Платона и ея основателѣ мы должны будемъ говорить болѣе подробно въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Марсиліо Фичино и Академія Платона.

Флорентинскій соборъ 1439 г., имѣвшій цѣлью соединеніе восточной и западной церквей, не далъ благихъ результатовъ для религіи, но развитію наукъ на западѣ принесъ весьма существенную пользу. Въ качествѣ представителя восточной

церкви прибылъ изъ Константинополя самъ императоръ Іоаннъ Палеологъ. Въѣстъ съ нимъ явилось во Флоренцію много выдающихся ученыхъ, которые говорили языкомъ Платона и Аристотеля, съ такой любовію и съ такимъ восхищеніемъ всѣми здѣсь тогда изучаемыхъ. Весьма естественно, что новоприбывшіе гости сразу-же нашли себѣ цѣлую толпу почитателей, сдѣлались центромъ вниманія, предметомъ всеобщаго ухаживанія.

Между ними были между прочимъ: Джіорджіо Сколари и Виссаріонъ, обратившійся потомъ въ католичество и сдѣлавшійся впоследствии кардиналомъ. Но самымъ почтеннымъ между ними былъ болѣе чѣмъ 80-лѣтній старецъ Джіорджіо Джемисто, имя котораго совершенно несправедливо забыто потомствомъ, хотя въ свое время онъ былъ самымъ выдающимся греческимъ философомъ. Можно сказать, что онъ какъ-бы жилъ среди традицій древняго міра: произведенія его были таковы, что самые опытные филологи должны были употреблять большія усилія, чтобы не смѣшать ихъ съ литературными памятниками лучшихъ временъ Эллады. За его благоговѣйное преклоненіе предъ Платономъ и глубокое знакомство съ его произведеніями ему присвоено было имя Джіорджіо Джемисто Плетоне. Его любовь къ древнимъ была такова, что въ словахъ его о приближеніи религіозной реформы, когда одно и то-же ученіе будетъ возвѣщено всему человѣчеству и исчезнетъ всякая разниа въ культахъ, слышится надежда на восстановленіе языческихъ божествъ, преобразованныхъ по его неоплатоновскимъ идеямъ. Главный его трудъ, гдѣ онъ развиваетъ свои идеи, подъ названіемъ «О законахъ», былъ сожженъ послѣ его смерти его противниками, какъ еретическій, и до насъ дошли отъ него только кое-какіе отрывки. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ его произведеніяхъ, онъ высказываетъ свои религіозныя убѣжденія со всею свойственною ему откровенностью. И, однако, таковы уже были времена, что именно онъ былъ выбранъ защитникомъ интересовъ греческой церкви на соборѣ! Предложеніе это онъ принялъ безъ всякихъ колебаній, ибо церковь восточную считалъ гораздо болѣе склонной къ принятію его идей, пользовавшихся уже сочувствіемъ въ самой Греціи, чѣмъ церковь западную. Въ Италіи ему оказанъ

былъ наилучшій пріемъ. Важность его манеръ, обширная ученость, его преклонный возрастъ, изящество ученыхъ работъ, написанныхъ языкомъ почти самого Платона, придавали ему авторитетъ, никѣмъ неоспариваемый. Но едва-ли онъ остался очень доволенъ тѣмъ отношеніемъ къ своимъ идеямъ, какое онъ встрѣтилъ во Флоренціи, гдѣ съ одинаковой жадностью читали тогда и Аристотеля, и Платона, гдѣ не отмѣчали, а, можетъ быть, даже и совсѣмъ не замѣчали разницы между воззрѣніями обоихъ философовъ. Послѣ продолжительнаго изученія аристотелевской философіи по арабскимъ комментаріямъ, итальянцы добыли, наконецъ, въ XV вѣкѣ и оригинальныя произведенія самого Платона и Аристотеля. Но они читали ихъ, не отличая одного отъ другого. Трудности языка и толкованій занимали пока все ихъ вниманіе: всѣ разсужденія сводились къ вопросамъ грамматики и филологіи, философскаго-же въ собственномъ смыслѣ этого слова образованія тогда еще не существовало. Но безъ всякаго сомнѣнія, начало его было уже близко, и развитіе его не могло нанести ущерба Платону, его философіи, которая легко могла ужиться съ христіанскою доктриной.

Джемисто сразу далъ всему вопросу теоретическую постановку своимъ трудомъ: «О разницѣ между философіей Платона и Аристотеля», въ которомъ, съ большою проницательностью и знаніемъ дѣла сравнивая эти двѣ системы, во всѣхъ пунктахъ отдалъ предпочтеніе Платону. Между греками возгорѣлся по этому поводу горячій споръ, въ которомъ приняли участіе и итальянцы. Образовалось, такимъ образомъ, два лагеря — платониковъ и аристотеликовъ, нападавшихъ другъ на друга съ неистовствомъ, совершенно невѣроятнымъ въ наши дни. Джіорджіо Сколари и Теодоро Газа, оба греки и послѣдователи Аристотеля, первые отвѣтили на этотъ трудъ Джемисто, одинъ—иронически, другой—съ задоромъ.

Въ защиту Джемисто выступилъ ученикъ его, Виссаріонъ, съ анонимнымъ письмомъ, которымъ онъ хотѣлъ ввести споръ въ болѣе приличныя рамки. Къ несчастію, у него сорвалось признаніе, что онъ считаетъ Теодоро Газа болѣе ученымъ. чѣмъ

Трапезунцію, который былъ тогда во Флоренціи. То былъ человѣкъ характера запальчиваго и надменнаго, грубый, готовый ссориться со всѣми. Онъ тотчасъ-же вмѣшался въ споръ и при томъ съ такой горячностью, что удивилъ всѣхъ. Самъ будучи почитателемъ Аристотеля, онъ съ одинаковой яростью нападалъ и на платониковъ, и на аристотеликовъ. Онъ называлъ ихъ при этомъ не любителями мудрости, а любителями мрака, посылалъ по ихъ адресу всевозможную ругань и грубыя насмѣшки, и, наконецъ, не ограничиваясь оскорбленіями живыхъ, съ бранью накинулся на умершихъ. Платонъ, по его словамъ, былъ преданъ всевозможнымъ порокамъ: чревоугодію, похотливости, всякаго рода кутежамъ, былъ человекомъ невѣрующимъ, безъ чести, безъ достоинства и т. д. Неприличный тонъ этихъ рѣчей, до такой степени лишенный всякой сообразности и правдоподобія, естественно, долженъ былъ вселить во всѣхъ честныхъ людяхъ отвращеніе. Всѣ съ негодованіемъ отвернулись отъ него. Но это нисколько не остановило Трапезунцію, и онъ продолжалъ свою полемику все въ томъ-же духѣ, до самой своей смерти, при чемъ такъ и не нашелъ ни въ комъ сочувствія.

Между тѣмъ Виссаріонъ работалъ надъ большимъ трудомъ: «На клеветниковъ Платона», который и выпустилъ, наконецъ, въ свѣтъ въ самый разгаръ споровъ. Побѣдоносно защитивши въ немъ память великаго философа, онъ доказывалъ, что разногласіе между Платономъ и Аристотелемъ вовсе не такъ велико, какъ многіе предполагали. Эллинскій Аристотель, говорилъ онъ въ заключеніе, можетъ и долженъ быть приведенъ въ согласіе съ Платономъ: это было сдѣлано александрійской школой, это-же могутъ и должны сдѣлать итальянцы XV вѣка. Такимъ образомъ, споръ принялъ болѣе систематическую, болѣе приличную форму, и во Флоренціи, наконецъ, восторжествовала та философія, которая постоянно была извѣстна подъ именемъ платоновской, но которая была скорѣе неоплатоновской или александрійской. Преданія о ней никогда не умирали въ Греціи, а теперь послѣдніе защитники ея пересадили ее въ Италію.

Самымъ замѣчательнымъ въ этомъ философскомъ спорѣ былъ тотъ пунктъ, на которомъ сосредоточивался весь интересъ

обѣихъ сторонѣ. Платонъ и Аристотель, по Джемисто, оба соглашаются, что природа направляетъ свои дѣйствія къ опредѣленной цѣли, но Платонъ утверждаетъ, что она дѣйствуетъ сознательно (*consulto agit*), то-есть, что въ ней есть духъ, субстанція, дающая себѣ отчетъ о задачахъ, къ которымъ стремится, Аристотель-же, наоборотъ, сравниваетъ ее съ работникомъ, который, разъ усвоивъ свое ремесло, работаетъ потомъ машинально (*non consulto*), хотя тоже всегда направляется къ опредѣленному концу. И здѣсь Джемисто отмѣчаетъ великое превосходство платоновской концепціи. Природа, говоритъ онъ, есть произведеніе Божіе, далеко превосходящее всякое созданіе рукъ человѣческихъ. Въ ней всегда соприсутствуютъ премудрость и промыслъ Божій, и если человѣкъ и можетъ дѣйствовать иной разъ по привычкѣ, то Богъ дѣйствуетъ всегда и только по высочайшему разуму. Вопросъ этотъ, хотъ и выраженный въ такой сухой и неопредѣленной формѣ, въ сущности своей былъ чрезвычайно важенъ. Дѣло шло о рѣшеніи проблемы: что дѣйствуетъ въ природѣ—разумъ или случай, есть-ли природа проявленіе божественнаго и всемірнаго духа, который оживляетъ вселенную и управляетъ ею, или-же она есть слѣпой результатъ тѣхъ законовъ, которые заложены въ матеріи. То, что Платоне сумѣлъ въ XV вѣкѣ сразу не только поставить итальянскую мысль на философскую почву, но и сосредоточить ее на самомъ жизненномъ ея вопросѣ, является доказательствомъ его глубокой философской проницательности. Не менѣе замѣчательно также и то, что современные ему ученые сразу поняли всю важность возбужденнаго имъ спора и съ такимъ жаромъ оспаривали другъ у друга почву.

Какъ только Джемисто увидѣлъ, что ученикъ его Виссаріонъ, хотя и въ умѣренной формѣ, но съ твердостью отстаиваетъ платоновскія идеи, и убѣдился, что онѣ берутъ уже перевѣсъ во Флоренціи, онъ уклонился отъ всякихъ дальнѣйшихъ споровъ и сталъ подыскивать лишь наиболѣе подходящіе способы еще крѣпче утвердить ихъ здѣсь. Онъ обладалъ особеннымъ искусствомъ вѣдრять въ людей то преклоненіе, тотъ, можно сказать, культъ, который онъ питалъ самъ къ Платону. Съ этой цѣлью

онъ сблизился съ Козимо Медичи, и послѣ многочисленныхъ бесѣдъ, которымъ тотъ внималъ всегда съ особеннымъ интересомъ, успѣлъ вызвать энтузіазмъ и въ душѣ этого всемогущаго тогда человѣка. Замѣтивъ увлеченіе послѣдняго новыми идеями, онъ пошелъ еще дальше: онъ сообщилъ ему свою мысль о возсозданіи во Флоренціи той древней Академіи, которая стяжала Греціи столько славы и была такъ полезна для философіи Платона. Идея эта очень понравилась Козимо, и онъ тотчасъ-же взялся за приведеніе ея въ исполненіе. Таково было происхожденіе знаменитой Академіи Платона, которая имѣла чрезвычайно важное значеніе для философскаго движенія того вѣка.

Обезпечивши, такимъ образомъ, торжество своихъ идей, Джемисто возвратился въ Пелопонезъ, чтобы провести тамъ многіе оставашіеся ему годы жизни. Но враги не оставили его въ покоѣ и вынудили продолжать борьбу: тотъ самый Сколари, который однимъ изъ первыхъ выступилъ противъ него во Флоренціи, сдѣлавшись теперь патріархомъ константинопольскимъ, поднялъ противъ него еще болѣе ожесточенную войну. Одушевляемый религіозной ревностью, онъ сталъ преслѣдовать его обвиненіями въ еретичествѣ и невѣріи. Когда-же Джемисто умеръ, онъ всячески старался очернить его память и, наконецъ, сжегъ его рукопись «О законахъ», трудъ, который, вслѣдствіе этого, почти окончательно погибъ для потомства. Тѣмъ не менѣе, память о Джемисто Плетонѣ осталась въ Италіи весьма живою: онъ снискалъ здѣсь такую любовь и уваженіе, что въ 1465 году, чрезъ 15 лѣтъ послѣ его смерти, Сигизмундъ Малатеста, возвращаясь съ войны изъ Морей, пожелалъ перенести, какъ святыню, тѣло его въ Римини. Здѣсь онъ положилъ его въ мраморный саркофагъ, на которомъ надпись прославляетъ его, какъ вождя философовъ и ученыхъ. Саркофагъ этотъ находится въ наружной стѣнѣ церкви Св. Франческо и является истиннымъ шедевромъ итальянскаго ренессанса, созданнымъ гениемъ Леонъ Баттиста Альберти.

Савонаролѣ не было тогда еще и 14 лѣтъ. Но, во всякомъ случаѣ, какія мысли могли родиться у него, когда онъ услышалъ объ оказанныхъ въ церкви Св. Франческо почестяхъ тому,

кто надѣялся видѣть возрожденіе язычества? И что онъ могъ чувствовать, когда узналъ, что въ той-же церкви самая великолѣпная капелла была назначена для постановки памятника Изоттѣ, (Divae Isottae Sacrum), которая, ранѣе чѣмъ стать женой, была сожительницей жестокаго Малатеста, святотатца и прелюбодѣя? Весь этотъ храмъ казался посвященнымъ скорѣе ему, Малатестѣ, Изоттѣ, богамъ языческимъ, чѣмъ Св. Дѣвѣ и Богу христіанскому. Это было, конечно, въ духѣ итальянскаго Возрожденія, и архитектура храма только выигрывала въ своемъ изяществѣ. Но если другіе могли превозносить кровожаднаго и безбожнаго мецената, профанировавшаго христіанскій храмъ изъ преклоненія передъ древностью, зато душа Савонаролы была полна огненной ненависти къ дѣламъ и людямъ этого типа.

Если упадокъ изученія греческой литературы заставилъ совершенно несправедливо забыть имя Джемисто, то всякій, кто будетъ читать исторію того времени, несомнѣнно увидить, что онъ былъ истиннымъ насадителемъ философіи Платона въ Италиі и, слѣдовательно, однимъ изъ наиболѣе почитаемыхъ тогда людей, которымъ культура наша, во всякомъ случаѣ, многимъ обязана. Но едва лишь онъ оставилъ Флоренцію, какъ Козимо тотчасъ-же понялъ, что безъ человѣка, который взялъ-бы на себя трудъ управленія Академіей, который сталъ-бы ея душою, она процвѣтать не можетъ.

Поэтому, вниманіе его остановилось на одномъ молодомъ ученомъ, который подавалъ самыя блестящія надежды: то былъ Марсилій Фичино, сынъ его домашняго врача (род. въ 1433 г.). Замѣтивъ его выдающіяся способности, онъ началъ щедро помогать ему матеріально и, вообще, оказывать ему всяческое поощреніе, рѣшивъ сдѣлать изъ него представителя новой философіи. Молодой Фичино давно уже съ жадностью изучалъ систему Платона и еще въ молодыхъ лѣтахъ писалъ о ней обширные трактаты. Но теперь, побуждаемый Козимо, онъ взялся за изученіе греческаго языка, началъ вникать и тщательно комментировать подлинныя произведенія великаго философа, подготавливая тотъ переводъ всѣхъ его трудовъ, который

и до сихъ поръ сохраняетъ все свое значеніе и пользуется авторитетомъ, несмотря на то, что филологія сдѣлала съ того времени большой шагъ впередъ. Преклоненіе Фичино предъ Платономъ, все увеличиваясь, дошло до того, что стали говорить, будто онъ, каноникъ церкви Санъ Лоренцо и возстановитель христіанской философіи, возжигалъ даже лампаду предъ его бюстомъ. Съ теченіемъ времени онъ распространилъ свои изысканія на всю древность, и встрѣчая имя неизвѣстнаго ему философа, тотчасъ-же съ жадностью пускался въ поиски за его произведеніями. Съ неутомимымъ рвеніемъ читалъ онъ аристотеликовъ, платониковъ, александрійцевъ, отыскивалъ отрывки Конфуція и Зороастра, изучалъ книгу Бытія, переходилъ отъ одного вѣка къ другому, отъ одной системы къ другой, какъ-бы самъ того не замѣчая. Достаточно было быть древнимъ, чтобы пользоваться его удивленіемъ. Одно время онъ клялся Аристотелемъ, теперь-же всей античностью въ ея цѣломъ. Это былъ большой шагъ впередъ, хотя уже со времени спора между приверженцами Аристотеля и приверженцами Платона можно было предвидѣть, что обращеніе къ разуму станетъ дѣломъ неизбѣжнымъ. Но раньше, чѣмъ придти къ такому результату, философіи необходимо было усвоить всю древность, и только переваривъ эту мудрость окончательнo, она могла достигнуть сознанія своей независимости.

Лихорадочное изученіе древнихъ писателей настолько завладѣло душой Фичино, что онъ сдѣлался какъ-бы живымъ словаремъ всей древней философіи, а труды его производятъ впечатлѣніе одной большой энциклопедіи всѣхъ ученій того вѣка. Онъ обладалъ познаніями также и въ естественныхъ наукахъ и въ области медицины, которымъ отецъ хотѣлъ посвятить его въ первые годы его воспитанія. Но эти познанія не научили его, въ своихъ сужденіяхъ, держаться опыта и наблюденія: чтобы подтвердить какую-нибудь истину, ему недостаточно было доводовъ разума, свидѣтельства цѣлой природы или всего человѣчества. Ему необходимо было найти подходящее мѣсто въ какомъ-либо стихѣ Платона или дру-

гого древняго автора, безразлично — скептика или матеріалиста.

Небольшой по объему и самъ по себѣ довольно мало-важный трудъ Фичино «Христіанская Религія» съ особенною отчетливостію показываетъ намъ странное смѣшеніе идей, какое царило у него въ головѣ. Онъ хочетъ доказать истинность ученія Христа, божественность Его посланничества, и начинаетъ рѣчь такъ: «пришествіе Христово много разъ было предсказано Сивиллами, стихи Virgilія, предвозвѣстившіе его, всѣмъ извѣстны. Платонъ, спрошенный, какъ долго продлится господство его философіи, отвѣтилъ: до тѣхъ поръ, пока не придетъ тотъ, кто откроетъ источникъ всякой истины. Порфирій сказалъ въ своихъ отвѣтахъ: боги возвѣстили Христа, въ высшей степени милосерднаго и святаго, и утверждали, что Онъ безсмертенъ, выражаясь о немъ съ большою благосклонностью». На такихъ и подобныхъ аргументахъ основывается почти весь трудъ его. И такъ, чтобы доказать истинность христіанской религіи, потребовались Сивиллы, Virgilій, Платонъ. Порфирій долженъ былъ заставить насъ, что объ Іисусѣ Христѣ съ благосклонностью свидѣтельствовали боги языческіе! Таковъ былъ складъ ума и таковъ былъ характеръ трудовъ Марсілія Фичино. То всеобщее восхищеніе, какое пробудили открытія древнихъ сокровищъ литературы, нашло себѣ въ немъ полное воплощеніе и настолько подчинило себѣ его умъ, что онъ сдѣлался неспособнымъ ни къ какому свободному полету мысли. Онъ совершенно наивно признавался своимъ друзьямъ, что, когда ему пришла въ голову первая мысль о большомъ трудѣ: «Богословіе Платона», онъ хотѣлъ было писать его въ чисто языческомъ духѣ и лишь по болѣе зрѣломъ размышленіи заставилъ себя придать ему христіанскій отпечатокъ.

«Богословіе Платона» является самымъ главнымъ трудомъ Фичино, тѣмъ, въ которомъ онъ постарался сконцентрировать всю свою ученость, приведя ее, по возможности, въ логическій и систематическій порядокъ. Но кто вздумалъ-бы искать здѣсь настоящаго философскаго единства, тотъ жестоко ошибся-бы. Такого единства не было въ головѣ самого автора:

произведенія его принимали всегда форму пространнаго разсужденія, прерываемаго и запутываемаго массой нейдушихъ прямо къ дѣлу идей, которыя онъ заимствовалъ у безконечнаго числа второстепенныхъ авторовъ. У него нѣтъ ни научной цѣльности, ни послѣдовательности разсужденій, ни даже того изящества формы, какого можно было-бы ожидать отъ чловека, всю жизнь посвятившаго изученію греческихъ писателей. Впрочемъ, нужно сказать, что истинное изящество является слѣдствіемъ ясности и точности идей, того свободнаго, непринужденнаго теченія мысли, которое было совершенно заглушено въ Фичино.

И, тѣмъ не менѣе, въ исторіи наукъ и, въ особенности, въ исторіи фисософіи, замѣчается какое-то единство, жизнь, которая присуща скорѣе самой наукѣ, чѣмъ тому, кто ее разрабатываетъ. Она дѣлаетъ постоянные успѣхи, идетъ впередъ, расчищая себѣ дорогу, несмотря на трудности, воздвигаемыя неспособностью писателей. Уже въ спорѣ платониковъ и аристотеликовъ вниманіе философовъ должно было остановиться на самомъ главномъ вопросѣ, и Фичино ходомъ вещей принужденъ былъ группировать свои идеи именно около него и приносить сюда, почти самъ того не замѣчая, нѣкоторое единство и систему. Какимъ образомъ дѣйствуетъ природа?—спрашивали тогда всѣ философы, но спрашивали не столько потому, что понимали важность этой темы, сколько потому, что она была выдвинута философствующей мыслью того времени. Фичино, хотя и былъ платоникомъ, предпочелъ-бы признать справедливость за обѣими сторонами или, по крайней мѣрѣ, не высказываться опредѣленно. Но это было уже невозможно для него: нужно было, наоборотъ, остановиться на этомъ вопросѣ и подвергнуть его всестороннему обсужденію. Такимъ образомъ, и въ «Богословіи Платона» мы имѣемъ дѣло съ проблемой, которая требовала опредѣленнаго рѣшенія, съ проблемой, вокругъ которой, по необходимости, группировались и всѣ прочіе вопросы.

Итакъ, міръ, по словамъ Фичино, оживотворенъ безконечнымъ количествомъ душъ: вода, земля, растенія, звѣзды, свѣтъ—

все имѣть свою «третью субстанцію», свою особую душу. Всѣ души разумны, безсмертны, но неотдѣлимы отъ тѣлъ. Онѣ поддерживаютъ въ природѣ вѣчную дѣятельность своимъ непрерывнымъ переходомъ одна въ другую. Благодаря имъ, вода самостоятельно творитъ свои живыя существа, земля постоянно цвѣтетъ, звѣзды движутся въ величайшемъ порядкѣ, и природа въ цѣломъ дѣйствуетъ сообразно съ вѣчнымъ разумомъ. Но чему соотвѣтствуютъ эти души? «Идеямъ» Платона или «формамъ» Аристотеля? И тѣмъ, и другимъ, отвѣчаетъ Фичино. По Платону, вещи существуютъ постольку, поскольку онѣ отвѣчаютъ идеѣ, по Аристотелю—поскольку онѣ имѣютъ форму. Послѣдній признаетъ въ вещахъ нѣкую первообщую основу, которая является прототипомъ для всѣхъ отдѣльных формъ. Въ сущности она ничѣмъ не отличается отъ идеи Платона: мы имѣемъ тутъ дѣло съ двумя построеніями мысли, тождественными съ концепціей разумной души, или третьей субстанціи. Такъ Фичино старается примирить Платона съ Аристотелемъ.

Это безконечное число душъ или третьихъ субстанцій раздѣлено на 12 разрядовъ, сообразно 12 созвѣздіямъ зодіака: онѣ имѣютъ непрерывное общеніе между собой и всѣ отражаются въ единичной душѣ человѣка, который является какъ-бы микро-космомъ творенія. Вотъ почему души природы могутъ вліять на душу человѣка: всѣ онѣ встрѣчаются въ ней, и этимъ объясняется и вліяніе звѣздъ. Если Марсъ, въ извѣстномъ своемъ положеніи, можетъ оказывать дѣйствіе на человѣка, то это потому, что въ немъ уже есть его духи, которымъ звѣзда придаетъ извѣстную силу. Если камень или трава будятъ въ насъ одну страсть и угашаютъ другую, то это потому, что третья субстанція этихъ вещей находитъ себѣ въ нашей душѣ соотвѣтствіе или противодѣйствіе. Такъ Фичино оправдывалъ всѣ суевѣрія своего вѣка, суевѣрія, отъ которыхъ и самъ онъ не былъ вполнѣ свободенъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ приписывалъ Сатурну обычную свою меланхолію, всегда носилъ множество амулетовъ, которые постоянно мѣнялъ, смотря по состоянію духа. А въ своемъ трактатѣ «*De vita coelitus comparanda*» онъ даетъ подробное изложеніе этого вліянія звѣздъ, камней, животныхъ, пространно разсуждаетъ

о таинственныхъ силахъ агата, топаза, зубовъ ехидны, когтей льва и проч. и проч.

Такія вѣрованія не были особенностью только одного Фичино, но, какъ мы уже говорили, свойственны были всему вѣку, а теперь стали приобрѣтать все новую и новую силу и становились достояніемъ массъ. Греки-ли заносили ихъ къ намъ съ востока, умы-ли тогда къ нимъ были особенно склонны вслѣдствіе отсутствія твердой вѣры и знаній, одно несомнѣнно, что ихъ держались самые серьезные люди того времени. Не имѣя ни силы, ни смѣлости вѣрить показаніямъ собственнаго своего сознанія, они жадно хватались за призраки фантазіи. Алхимія, звѣздохетство, оккультныя науки вновь получили доступъ въ университеты, во дворцы, пропагандировались на площадяхъ. Природа, казалось, полна была невѣдомыхъ силъ, таинственныхъ духовъ, которые входили въ общеніе съ людьми. Предчувствіе необычайныхъ событій, великихъ переворотовъ, страшныхъ несчастій было общимъ у всѣхъ народовъ и въ особенности сильно было у итальянцевъ. Пошли слухи о перемѣнахъ и реформахъ, которыя готовились въ области религіозной. Мы видѣли, что Плетоне ожидалъ торжества языческихъ боговъ, серьезный и ученый Ландино составилъ гороскопъ религіи и изъ соединенія Юпитера и Сатурна выводилъ, что 25 Ноября 1484 года долженъ совершиться великій переворотъ въ области христіанскихъ вѣрованій. То былъ вѣкъ сомнѣній и предразсудковъ, равнодушія и странной экзальтаціи. Итальянцы не хотѣли защищать своего отечества, но шли навстрѣчу тысячамъ опасностей въ поискахъ за древними кодексами. Сомнѣвались въ бытіи Божіемъ, а вѣрили въ духовъ. Макиавелли думалъ, что «воздухъ полонъ духовъ, которые, сочувствуя смертнымъ, предупреждаютъ ихъ дурными предзнаменованіями о приближающихся бѣдствіяхъ». Франческо Гвиччардини увѣрялъ, что «существуютъ воздушные духи, которые запросто говорятъ съ людьми». «Я самъ тому видѣлъ такое доказательство, что почти рѣшительно въ томъ увѣренъ». Слѣдовательно, Марсилій Фичино воспользовался древностью лишь для поддержанія странныхъ вѣрованій своего вѣка, и его нео-

платоновская философія оказывалась удивительно къ тому пригодной.

По Фичино, мы должны различать въ человѣкѣ двѣ души: одна—душа чувствительная, третья субстанція тѣла, которая неотдѣлима отъ него и послѣ смерти подвергаетъ его вѣчнымъ превращеніямъ матеріи, другая—«умъ», душа познающая, то божественное дуновеніе, которое вложено въ него Творцомъ. Она является духовной и всеобъемлющей нашей природой, есть микрокосмъ творенія и находится въ общеніи со всѣми душами. Несмотря на то, что она бываетъ не чужда земныхъ интересовъ, обуреваются страстями, подвергается скорбямъ и бѣдамъ, она все-же можетъ позвышаться и къ созерцанію вещей небесныхъ, можетъ видѣть далѣе настоящаго, предсказывать будущее и, въ экстазѣ, достигать блаженнаго лицезрѣнія Бога. Это лицезрѣніе, которымъ, между прочимъ, обладали Плотинъ и Порфирій, есть высшее счастье, на какое мы можемъ разсчитывать на землѣ. Оно есть подобіе того блаженства, какое ожидаетъ насъ на небѣ. Но что такое—по Фичино—Высочайшее Существо? Оно есть «Единство». Для него и для неоплатониковъ совершенное непременно должно быть «единымъ». Вотъ почему и Богъ существеннѣйше «единъ», болѣе того, Онъ есть самое «Единство». Можно было-бы также сказать, что Богъ есть «Умъ», но тогда нужно было-бы добавить, что умъ въ Немъ есть и душа, и тѣло въ одно и то-же время. Далѣе: Творецъ не хотѣлъ входить въ непосредственное соприкосновеніе съ природой. Поэтому, Онъ окружилъ свой престолъ ангелами, которые суть творенія разумныя и бессмертныя: чрезъ нихъ Онъ и сотворилъ всѣ третьи субстанціи, ввѣренныя теперь ихъ заботамъ. Такъ изъ Высочайшаго Существа исходитъ безконечная серія душъ, которыя творятся и управляются однѣ черезъ посредство другихъ. Только въ человѣка Творецъ восхотѣлъ вложить свое собственное дуновеніе, пожелалъ, чтобы онъ былъ произведеніемъ Его рукъ, созданъ по подобію Его Самого. По этой причинѣ, заключаетъ Фичино, въ центрѣ человѣческаго ума есть точка, въ которой и происходитъ высочайшее соприкосновеніе творенія съ Творцомъ.

Такова была сущность учения Фичино: оно представляет собою подражание неоплатоническим теориямъ, растворение, такъ сказать, всей древности въ Александрійской школѣ, смѣшеніе собственныхъ взглядовъ съ христіанскимъ ученіемъ посредствомъ странныхъ аллегорій и чисто дѣтскихъ пріемовъ. Идеи Платона, формы Аристотеля, третьи субстанціи, звѣзды, боги язычества и ангелы ветхаго и новаго заветовъ должны были сочетаться въ одной высочайшей идеѣ, которой какъ разъ и недоставало Фичино. И все-же онъ, хотя и смутно, но сознавалъ, что языческая и христіанская философіи не должны противорѣчить одна другой, что онѣ должны слиться воедино. Это составляло настоящую необходимость того вѣка. То, что онъ почувствовалъ и выразилъ ее, придаетъ его доктринѣ особенное значеніе въ исторіи, хотя ей и недостаетъ внутренней философской цѣнности, оригинальности, органическаго единства. И несмотря на все это, наука идетъ своимъ путемъ даже и въ трудахъ Фичино, который, можно сказать, самъ рѣшительно того не замѣчая, не желая того, двигалъ ее впередъ. Когда онъ говорилъ: море имѣетъ свою особую третью субстанцію, рѣки—свою, камни—свою и т. д., но что есть еще иная третья субстанція, болѣе общая, которая есть душа всей нашей планеты, подобно тому какъ въ каждой вещи есть форма, которая есть форма и всѣхъ прочихъ вещей, тогда онъ, безсознательно для самого себя, открывалъ путь первому самостоятельному и оригинальному философу, какого когда-либо имѣла Италія. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлалъ Джіордано Бруно, когда на крыльяхъ новаго умозрѣнія смѣло вознесся на тѣ высоты мысли, которыя должны были привести его къ столь гибельной для него развязкѣ? Онъ сочеталъ всѣ души Фичино въ одну. Эта душа, говорилъ онъ, есть душа міра, она есть въ одно и то-же время умъ, душа и тѣло, Богъ и природа. Она обнаруживается въ безконечныхъ видахъ и мірахъ, не знаетъ ни времени, ни пространства, въ ней—примиреніе всѣхъ противоположностей. Открывъ это новое и болѣе высокое «Единство» и слѣдуя указаніямъ своего собственнаго спекулятивнаго генія, онъ вполне сознательно порвалъ связь съ рабскими традиціями школы Платона и въ могучемъ порывѣ

вознесся въ свободную область знанія, гдѣ звѣзда его будетъ сіять вѣчнымъ свѣтомъ. Но Бруно появился цѣлое столѣтіе спустя послѣ Фичино. Послѣднему даже и не снилось, что онъ расчищаетъ путь такому смѣлому и рѣшительному противнику той самой древности, которую онъ такъ обожалъ и которой посвятилъ всю свою жизнь.

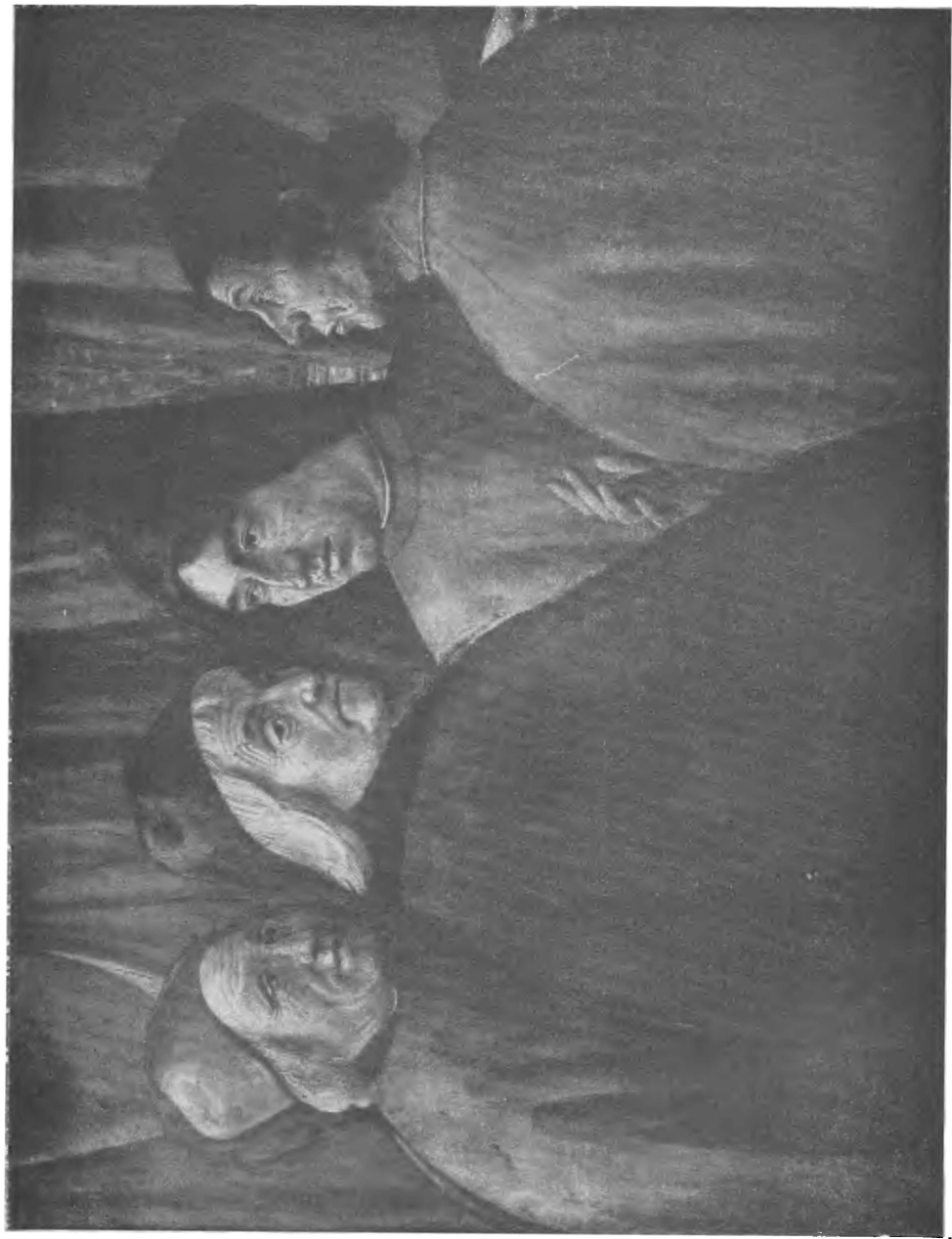
Кромѣ двухъ большихъ работъ—перевода твореній Платона и «Богословія Платона»—Марсилію Фичино принадлежитъ безчисленное количество переводовъ александрійскихъ писателей, трактатовъ, писемъ, рѣчей. Онъ читалъ публичныя лекціи въ высшей философской школѣ, былъ учителемъ Козимо, Піеро и Лоренцо Медичи, былъ душой новой Академіи, которая, наконецъ, поднялась на должную высоту подъ его руководствомъ, завоевывая себѣ симпатіи покровителей и всеобщее расположеніе. Самъ Лоренцо Великолѣпный посѣщалъ ее и принималъ живое участіе въ происходившихъ тамъ дебатахъ. Ученые стекались сюда цѣлыми толпами, всѣ искали чести быть допущенными въ нее. Здѣсь читались діалоги Платона, при чемъ роли выведенныхъ въ нихъ лицъ принимали на себя разные чтецы. Объяснялся текстъ, отстаивались приводимыя соображенія. Посредствомъ разныхъ натянутыхъ и странныхъ аллегорій отыскивались въ нихъ зачатки христіанскихъ идей, произносились по ихъ поводу длинныя латинскія рѣчи, въ которыхъ блисталъ своей обширной ученостью Марсилій, вызывая къ себѣ всеобщее удивленіе разносторонній и гибкій умъ Лоренцо. 27-ое ноября, день, въ который, какъ тогда думали, родился и умеръ Платонъ, и который, по древнему обычаю, торжественно справлялся неоплатониками, для Флорентійской Академіи сдѣлался какъ-бы религіознымъ праздникомъ. Бюстъ безсмертнаго поэта украшался лавровыми вѣнками и ставился на почетномъ мѣстѣ. Произносились рѣчи, пѣлись гимны. Нѣкоторые въ своемъ энтузіазмѣ шли еще далѣе: они предлагали просить папу о причисленіи Платона къ лику святыхъ.

Теперь трудно и представить себѣ то значеніе, какое для того времени имѣло это собраніе ученыхъ и какая честь проистекала отъ того для Фичино, Лоренцо и Флоренціи. Городъ

сдѣлался средоточіемъ итальянской образованности. Изъ Германіи, Франціи и Испаніи стекалась сюда учащаяся молодежь, чтобы присутствовать на публичныхъ лекціяхъ Фичино. Произведенія послѣдняго съ жадностью читались по всей Европѣ. Его качества и недостатки, его ошибки и вѣрные мысли—все способствовало къ его прославленію. То, что онъ сумѣлъ примирить въ одной философской системѣ язычество и христіанство, возбуждало всеобщій восторгъ. Его неоплатоническій мистицизмъ оказалъ огромное вліяніе на самого Савонаролу, котораго Фичино превозносилъ и которому удивлялся, пока тотъ имѣлъ успѣхъ, но отъ котораго въ черные для того дни отвернулся самымъ низкимъ образомъ вмѣстѣ со многими другими учеными. Какъ-бы тамъ ни было, несомнѣнно одно, что эти ученые, что Флоренція, Италія положили начало новой цивилизаціи. Лекціи профессоровъ привлекали повсюду массу слушателей. Университеты процвѣтали, велись непрестанные ученые споры, замѣчалось небывалое оживленіе въ области научныхъ изысканій. Латинскій языкъ, на которомъ почти всѣ говорили и писали въ то время, книгопечатаніе, благодаря которому новыя идеи могли распространяться по всему міру въ нѣсколько дней, непрестанное стремленіе поставить въ согласіе настоящее, прошедшее и будущее,—все это содѣйствовало сближенію людей, пробужденію въ нихъ сознанія своего единства, укорененію въ нихъ того чувства всеобщаго братства, которое будетъ, можетъ быть, когда нибудь послѣднимъ тріумфомъ христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, это движеніе было началомъ всей новѣйшей культуры, и Италія была первой виновницей его. Она сдѣлалась великой школой, которая несла міру свѣтъ гражданственности, была наставницей всѣхъ европейскихъ націй, которыя потомъ такъ жестоко отблагодарили ее за полученные благодѣянія. И ученые, и мыслители, и просто рабскіе подражатели древнимъ, и самъ Лоренцо Медичи, противъ своего желанія и намѣренія, всѣ были въ рукахъ Провидѣнія орудіемъ въ этомъ великомъ дѣлѣ, безсознательно трудились надъ заложеніемъ фундамента для новаго строя жизни, надъ завоеваніемъ свободы для мысли.

ГЕРМАНИКО.

ЛАНДЕНЪ. ПОЛНЦАНЪ. ФРИЧНО.

Santa Maria Novella. Флоренция.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первое пребываніе Савонаролы въ Тосканѣ, путешествія въ Ломбардію, возвращеніе во Флоренцію.

(1481—1490).

Едва Савонарола успѣлъ провести нѣсколько дней во Флоренціи, какъ онъ вновь почувствовалъ себя одинокимъ. По мѣрѣ того, какъ онъ сближался съ кѣмъ-нибудь изъ гражданъ, онъ тотчасъ-же начиналъ замѣчать въ немъ, сквозь всю его высокую умственную культуру, вѣчное сомнѣніе, терзавшее его душу, какой-то постоянный сарказмъ въ рѣчахъ. Это всеобщее отсутствіе принциповъ и вѣры вновь заставило его замкнуться въ самомъ себѣ. Оно огорчало его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ радужнѣе были надежды, родившіяся у него тотчасъ по прибытіи его во Флоренцію. Въ самихъ монахахъ Св. Марка онъ не замѣчалъ никакой истинной религіозности, даже имя Св. Антонина, которое такъ часто ими повторялось, произносилось скорѣе изъ побужденій тщеславія, чѣмъ по чувству благоговѣнія къ его памяти. Особенное негодованіе вызывали въ немъ тѣ самыя ученныя занятія, которыми такъ гордились флорентійцы. Для него было и ново, и противно видѣть, какъ они съ жаромъ разсуждали объ изреченіяхъ Платона и Аристотеля и совершенно не замѣчали того, что партійность и горячность спора часто ставили ихъ въ противорѣчіе съ самой религіей. Уже съ этихъ поръ, поэтому, онъ началъ питать къ душѣ какую-то вражду, почти презрѣніе ко всѣмъ этимъ ученымъ, писателямъ и философамъ, вражду, которая все увеличивалась и которая заставляла его иной разъ рѣзко выражаться даже о самой философіи, несмотря на то, что самъ онъ посвятилъ занятіямъ ею не мало времени и трудовъ и былъ глубокимъ ея знатокомъ.

Трудно думать, чтобы и флорентійцы, со своей стороны, чувствовали особую симпатію къ нему, потому-что глубокое и непреодолимое различіе въ характерахъ отталкивало ихъ отъ

новоприбывшаго монаха. Въ послѣднемъ все исходило отъ сердца, благородные порывы котораго управляли самыми движеніями его ума. Кромѣ того, его манеры и способъ выраженія мыслей были неизысканны, небрежны, выговоръ его былъ грубоватый, рѣчь простая, жесты слишкомъ живые, почти рѣзкіе. Флорентійцы-же, напротивъ, любили видѣть въ своихъ проповѣдникахъ выдержанность, соразмѣрность во всѣхъ движеніяхъ, въ словахъ и фразахъ, цѣнили видимыя усилія ихъ подражать древнимъ ораторамъ, требовали, чтобы постоянно приводились выдержки изъ писателей. Что-же касается содержанія проповѣдей, то ему не придавали большого значенія и часто даже рукоплескали тому, кто не скрывалъ, что и самъ онъ не имѣетъ большой вѣры. Савонарола, наоборотъ, въ своихъ рѣчахъ горячо выступалъ противъ пороковъ, противъ религіознаго индифферентизма клира и мірянъ, порицалъ поэтовъ и философовъ, осуждалъ странную привязанность къ древнимъ писателямъ и не хотѣлъ цитировать ничего другого, кромѣ Библии, которая служила единственною опорою для всѣхъ его проповѣдей. Во Флоренціи-же мало кто читалъ ее тогда, всѣ находили латинскій языкъ ея неправильнымъ и не желали портить себѣ стиля.

Савонарола прибылъ въ монастырь Св. Марка въ концѣ 1481 года, и уже въ слѣдующемъ году на него была возложена обязанность обученія новиціевъ, которую онъ и сталъ выполнять съ обычнымъ своимъ рвеніемъ. Подъ непрерывнымъ дѣйствіемъ мистическаго энтузіазма онъ совѣтовалъ своимъ ученикамъ ежедневное чтеніе Священныхъ Книгъ, на уроки часто приходилъ съ мокрыми отъ слезъ глазами и, вслѣдствіе своихъ постоянныхъ бдѣній и пламенныхъ молитвъ, въ состояніи какъ-бы экстатическомъ. Его вдохновенное слово обаятельно дѣйствовало на молодыхъ людей, которые внимали ему съ глубочайшимъ почтеніемъ. Какъ только наступилъ великій постъ, онъ былъ приглашенъ проповѣдывать въ церковь Санъ Лоренцо. Но здѣсь флорентійская публика, привыкшая къ другимъ формамъ церковнаго ораторства, искавшая совершенно иного краснорѣчія и учености, отнеслась къ нему, на-

противъ, холодно, равнодушно. Мало по малу аудиторія его пустѣла, и въ концѣ поста слушателей у него осталось всего человѣкъ 25, включая сюда женщинъ и дѣтей. Савонарола тотчасъ-же понялъ причину такого холоднаго къ себѣ отношенія. Онъ прекрасно видѣлъ, что за люди были тѣ, которые пользовались во Флоренціи успѣхомъ, и какіе они употребляли приемы, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе публики, искавшей какъ можно меньше разсужденій о вѣрѣ Христовой и утѣшавшейся только выдержками изъ языческихъ писателей, изящными фразами, скептическими или фривольными намеками. Не было нужды, слѣдовательно, огорчаться особенно сильно. Но кто знаетъ, какими терніями усѣяны первые шаги человѣка на практическомъ пути, сколько борьбы приходится ему выдержать съ самимъ собою прежде, чѣмъ онъ пріобрѣтетъ твердую увѣренность въ собственныхъ силахъ, тотъ легко пойметъ, что Савонарола не могъ остаться равнодушнымъ къ такому холодному приему. Онъ почувствовалъ себя связаннымъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности, потому-что предъ нимъ закрывался именно тотъ путь, который былъ необходимъ ему. У него была глубокая, непреодолимая потребность говорить толпѣ, двигать ее къ добродѣтели, къ религіозности, и этотъ огонь день ото дня возгорался въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Но какъ могъ онъ увлечь и зажечь своимъ краснорѣчіемъ аудиторію, которая не питала къ нему никакихъ симпатій? Циническая улыбка, съ какою выслушивали его, дѣйствовала на него расхолаживающимъ образомъ. Заставляя болѣзненно сжиматься его сердце, она дѣлала невозможнымъ какое-либо увлеченіе съ его стороны. Поэтому, онъ рѣшилъ, какъ совѣтовали ему и другіе, возвратиться къ чтенію лекцій и толкованію Библии. Рѣшеніе это было очень тяжело для него, но совершенно необходимо. Онъ принялъ его и объявилъ о немъ съ кафедръ своимъ немногочисленнымъ слушателямъ.

Къ счастью, какъ разъ въ это самое время начальство послало его въ Реджіо (Эмилія) для присутствованія на собравшемся тамъ Капитулѣ доминиканцевъ. Онъ отправился туда въ угнетенномъ состояніи духа и терзаемый мыслью о слу-

чившемся съ нимъ во Флоренціи. Дорогой извѣстія о войнѣ, возгорѣвшейся противъ его родного города, еще болѣе усиливали его грусть. Раздумывая о томъ, что всѣ эти бѣдствія были слѣдствіемъ ненасытнаго властолюбія папы, который, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, сѣялъ смуты въ Италіи, чтобы доставить различныя владѣнія своимъ сыновьямъ или племянникамъ, кто-бы они ни были, Савонарола возмущался все болѣе и болѣе и, преисполненный негодованія, прибылъ, наконецъ, въ Реджіо въ качествѣ представителя монастыря Св. Марка на собраніи Капитула доминиканцевъ. Вмѣстѣ съ нимъ на этомъ собраніи присутствовало не только множество лицъ духовнаго сана, но и нѣкоторые изъ мірянъ, снискавшихъ себѣ громкую извѣстность въ сферѣ литературы и науки.

Между этими послѣдними всеобщее вниманіе привлекалъ къ себѣ знаменитый Джіованни Пико деи Конти делла Мирандола. Ему не было тогда еще и двадцати лѣтъ, но о немъ уже шла молва по всей Италіи, какъ о какомъ-то чудѣ въ мірѣ науки. Многіе называли его «фениксомъ прошлыхъ культуръ», и подъ этимъ именемъ онъ и былъ извѣстенъ позднѣе. Его преждевременная понятливость и феноменальная память возбуждали всеобщее удивленіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ его. Дѣлая быстрые успѣхи въ наукахъ, онъ посѣтилъ главные университеты Италіи и Франціи, отдаваясь повсюду научнымъ занятіямъ съ лихорадочнымъ жаромъ. Не довольствуясь совершеннымъ знаніемъ латинскаго и греческаго языковъ, на которыхъ онъ писалъ лучше, чѣмъ на итальянскомъ, онъ первый взялся за изученіе восточныхъ языковъ и всѣхъ тѣхъ, для которыхъ находилъ или учителя или грамматику. Про него говорили, что онъ знаетъ 22 языка. И какъ въ языкахъ, такъ и въ наукахъ, онъ хотѣлъ быть универсальнымъ, думая, что онъ можетъ вмѣстить въ себѣ всѣ знанія того вѣка. Специалистъ по богословію и философіи, онъ искалъ между ними соглашенія, стремясь въ то-же время примирить язычество съ христіанствомъ. Похвалы, расточаемыя ему отовсюду, и самомнѣніе его были таковы, что, отправляясь въ 1486 году въ Римъ, онъ задумалъ новый и оригинальный турниръ. Онъ опубликовалъ 900 положеній, въ кото-

ПЬЕРО ДЕЛЛА МПРАНЦЮЛА.

Уффици. Флоренция.

рыхъ, по его мнѣнію, онъ сконцентрировалъ всѣ знанія того вѣка, и объявилъ, что готовъ защищать ихъ предъ кѣмъ угодно: онъ вызывалъ отъ своего имени ученыхъ на диспутъ, обѣщая даже покрыть путевыя издержки небогатыхъ изъ нихъ. Говоря правду, эти положенія сами по себѣ были очень бѣдны содержаніемъ, но такъ-какъ нѣкоторые изъ нихъ касались знаній астрологическихъ и задѣвали серьезныя проблемы философско-религіознаго характера, то всѣ они были цѣликомъ осуждены папой Иннокентіемъ VIII. Такъ диспутъ и не состоялся. Пико написалъ тогда Апологію съ выраженіемъ полного подчиненія суду Римской Куріи, но прощеніе получилъ только гораздо позднѣе. Однако, и это обстоятельство послужило лишь къ увеличенію его славы. Въ то время не было никого другого, за исключеніемъ развѣ Лоренцо Медичи, о комъ молва такъ широко и такъ быстро распространялась-бы по всему міру, какъ о Пико дела Мирандола. Потомство было, однако, гораздо строже къ нему, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ слава его все болѣе и болѣе меркла. Да и въ самомъ дѣлѣ, обширныя познанія его вовсе не были глубоки: онъ много уступалъ Полиціану въ изящной литературѣ и Фичино въ философіи. Въ 22 языкахъ и ихъ литературахъ, въ которыхъ онъ мнилъ себя знатокомъ, онъ былъ такъ несвѣдушъ, что одинъ еврей сумѣлъ продать ему 60 кодексовъ, увѣривъ его, что это книги, написанныя по повелѣнію Эздры, тогда-какъ то были всѣмъ извѣстныя книги Кабалы. Несомнѣнно также, что въ нѣкоторыхъ языкахъ онъ ушелъ немного далѣе простой азбуки. По итальянски онъ писалъ безъ всякаго изящества, литературныя-же его сужденія были такъ убоги, что мы видимъ его среди тѣхъ критиковъ, которые предпочитали стихи Лоренцо поэзіи Данте и Петрарки. Тѣмъ не менѣе, и у него были свои достоинства: онъ былъ первымъ, кто простеръ образованность своего вѣка и на восточные языки, до сихъ поръ никѣмъ не изучаемые, подалъ примѣръ неутомимой дѣятельности въ служеніи наукѣ, былъ однимъ изъ владѣтелей, который отказался отъ почестей своего званія, чтобы на равной ногѣ жить съ учеными людьми. Его живой умъ, удивительная память, многосторонняя и одуше-

вленная бесѣда, изящныя и благородныя манеры, красивая моложавая фигура съ массой бѣлокурыхъ волосъ, падающихъ на плечи вьющимися локонами—все въ немъ возбуждало симпатію и способствовало къ прославленію его имени. Таковъ былъ человѣкъ, около котораго толпились люди науки, находившіеся въ Капитулѣ Реджіо, къ которому относились съ особымъ почетомъ даже высшіе церковные сановники. Онъ только-что вышелъ изъ университетовъ Феррары и Болоньи, гдѣ закончилъ свои занятія по богословію и философіи. Юношеская красота его была въ полномъ расцвѣтѣ, краснорѣчіе его было всѣмъ извѣстно.

Савонарола сидѣлъ среди монаховъ, ушедши весь въ самого себя: капюшонъ покрывалъ его голову, лицо было блѣдное, изможденное. Глаза впалые, пристальные и сверкающіе, лобъ, изборожденный рѣзкими морщинами,—все въ его фигурѣ говорило о глубокихъ, волнующихъ думахъ. Два совершенно противоположныхъ характера, два человѣка, которые, казалось, никогда не поймутъ другъ друга, стояли рядомъ: красивый, деликатный, общительный, добродушный Пико и серьезный, нелюдимый, строгій и даже жесткій Савонарола. И, однако, между ними установилась съ этого момента та взаимная симпатія, которая съ годами крѣпла все болѣе и болѣе. Сердце Пико не было испорчено славой, похвалами и самомнѣніемъ. Не въ примѣръ ученымъ того вѣка, онъ обладалъ душой доброй по существу, дѣтски открытой для всего хорошаго и справедливаго. А это должно было привести къ вѣчной дружбѣ между ними, несмотря на всю кажущуюся противоположность ихъ натуръ.

Во время этого засѣданія Савонарола какъ-то сразу и неожиданно для всѣхъ воодушевился. Пока разсуждали о догмѣ, пока вопросъ шелъ о разныхъ схоластическихъ тонкостяхъ, онъ оставался неподвижнымъ, молчаливымъ и не принималъ никакого участія въ спорѣ. Но когда зашла рѣчь о дисциплинѣ, онъ поднялся, и голосъ его, казалось, загремѣлъ: пламя блеснуло въ словахъ его, всѣ затаили дыханіе, всѣ были поражены. Онъ говорилъ о развращеніи клира и церкви, и горячность его слова была такова, что увлекла его самого,

и ему пришлось сдѣлать усиліе надъ самимъ собой, чтобы остановиться. Своею рѣчью онъ произвелъ впечатлѣніе чело-
вѣка необычайнаго, одареннаго свыше. Многіе захотѣли узнать
его ближе, нѣкоторые вошли съ нимъ въ письменныя сно-
шенія. Но болѣе всѣхъ восхищенъ былъ его краснорѣчіемъ
молодой Пико, съ этого дня ставшій искреннимъ его почита-
телемъ, хотя тогда ихъ и не соединяли еще узы дружбы.
Онъ отзывался о немъ, какъ объ особенномъ человѣкѣ,
обладающемъ таинственной нравственной силой, какъ о че-
ловѣкѣ, котораго достаточно разъ увидѣть, чтобы уже никогда
не забыть его. Но теперь занятія классиками увлекали его къ
идеальнымъ интересамъ другого рода, давали его уму совер-
шенно иное направленіе.

Со своей стороны и Савонарола, возвратясь во Флоренцію,
тоже занялся своими собственными изслѣдованіями и уроками,
не оставляя, впрочемъ, и проповѣдничества, какъ это рѣшено
было у него передъ путешествіемъ. Проповѣдей, правда, гово-
рилъ онъ очень немного, да и то въ маленькой церкви delle
Murate, передъ немногочисленной аудиторіей, ибо равнодушіе
флорентійской публики къ нему все еще продолжалось. На цер-
ковной кафедрѣ, болѣе, чѣмъ когда-либо, господствовали тогда
ученость и язычество. Въ церкви Санто Спирито, напримѣръ,
проповѣдывалъ одинъ монахъ августинскаго Ордена, нѣкто Ма-
ріано да Дженнаццано, и храмъ не вмѣщалъ всѣхъ его слуша-
телей. Это былъ большой любимецъ Медичи, которые построили
для него даже особый монастырь за воротами С. Галло, и Ло-
ренцо Великолѣпный, который хотѣлъ слыть за человѣка уни-
версальнаго, бывалъ тамъ, чтобы вести съ нимъ споры по бого-
словію. Этотъ проповѣдникъ сдѣлался самымъ популярнымъ въ
городѣ и особенно между придворными учеными, которые цѣ-
лыми толпами ходили слушать его и отзывались о немъ съ
энтузіазмомъ. Въ одномъ письмѣ Полиціано очень краснорѣчиво
описываетъ достоинства этого оратора. Но въ своихъ похвалахъ
онъ, самъ того не замѣчая, раскрываетъ намъ и недостатки его
и его аудиторіи. «Я пошелъ слушать проповѣдь Дженнаццано,
пишетъ онъ своему другу Тристано Калько, съ большимъ пре-

дуббженіємъ противъ него, ибо слишкомъ уже громкія похвалы настроили меня недовѣрчиво. Но едва вошелъ я въ церковь, какъ его одежда, лицо, вся фигура измѣнили мое мнѣніе, и во мнѣ тотчасъ-же явилось предчувствіе и ожиданіе чего-то великаго. Признаюсь тебѣ, мнѣ неоднократно казалось, будто фигура его выросла на кафедрѣ до нечеловѣческихъ размѣровъ. Вотъ онъ начинаетъ говорить. Я весь превращаюсь въ слухъ предъ этимъ благозвучнымъ голосомъ, предъ изысканностью его рѣчи, предъ высотой его мыслей. Различаю вступленіе, наблюдаю періоды, восхищаюсь гармоничностью его заключеній» и т. д. Итакъ, даже человѣкъ такой учености и вкуса, какимъ былъ Полиціано, и тотъ отмѣчаетъ главнымъ образомъ выборъ словъ и благозвучіе заключительныхъ періодовъ. Потомство, правда, забыло самое имя Дженнаццано, но современники превозносили его до небесъ, и предъ такимъ соперникомъ Савонарола долженъ былъ стушеваться окончательно. Самъ Джироламо Бенивьени, тогда уже сдѣлавшійся почитателемъ Савонаролы, говорилъ ему: «отче, нельзя отрицать справедливости, пользы и необходимости вашего ученія, но вашъ способъ излагать его лишенъ изящества, особенно по сравненію съ Фра Маріано». На что тотъ отвѣчалъ почти сердито: «это изящество и красота рѣчи должны будутъ уступить передъ простотой проповѣди здраваго ученія». Но что-бы ни было впереди, а было несомнѣнно, что аудиторія Дженнаццано росла со дня на день. Онъ заучивалъ фразы, слова, жесты, съ изяществомъ декламировалъ латинскіе стихи, постоянно цитировалъ Аристотеля и Платона. Его проповѣди были подражаніемъ лекціямъ Фичино въ Академіи Платона, считавшимся образцомъ совершеннѣйшаго краснорѣчія. Часто онъ рассказывалъ съ кафедры анекдоты, заставлявшіе всѣхъ смѣяться, и, вообще, прибѣгалъ ко всяческимъ средствамъ, чтобы только привлечь какъ можно больше слушателей.

Торжество такого соперника не могло унижить Савонаролы. Но его возмущало то, что весь городъ, оставивъ всякое попеченіе о словѣ Божіемъ, даже въ церкви увлекался формой и искалъ въ проповѣдникѣ скорѣе подражателя Цицерону, чѣмъ

Библии, Св. отцамъ и мученикамъ вѣры. Но все это, вмѣсто того, чтобы заставить Савонаролу пойти на уступки, лишь сильнѣе возбуждало его негодованіе и утверждало его въ намѣреніи еще упорнѣе настаивать на своихъ идеяхъ. Холодность и равнодушіе народа все болѣе и болѣе внушали ему мысль о необходимости предпринятаго имъ дѣла, и онъ окончательно убѣждался, что его миссія отъ Бога. Передъ нимъ вставала исторія древнихъ пророковъ, которые всѣ должны были бороться съ жестоковѣчностью еврейскаго народа. Сравненіе это тревожило пламенную его душу и укрѣпляло его въ мысли объявить жестокою войну всѣмъ порокамъ того времени и соблазнамъ, творимымъ Римомъ. Въ своихъ молитвахъ, размышленіяхъ, въ своемъ экстазѣ, онъ жаждалъ непосредственнаго созерцанія Бога, того созерцанія, которое философія Фичино не только объявляла возможнымъ, но и объясняла научно, и котораго онъ, въ своемъ чувствѣ, въ своемъ религіозномъ мистицизмѣ, желалъ столь горячо, что, казалось ему, Господь внялъ его молебѣ.

Въ этой странной экзальтаціи, усиливаемой постоянными бдѣніями и лишеніями, не было ничего удивительнаго. Савонарола, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ немало различныхъ видѣній. Однажды, въ то время, какъ онъ разговаривалъ съ одной монахиней, ему вдругъ показалось, будто небо раскрылось надъ нимъ: предъ его очами проходятъ будущія бѣдствія церкви, онъ слышитъ голосъ, повелѣвающий объявить объ этомъ народу. Съ этого момента онъ уже рѣшительно убѣдился въ своемъ божественномъ посланничествѣ, призналъ его главной цѣлью всей своей жизни и не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ только о подысканіи наилучшаго способа къ ея выполненію. Онъ желалъ-бы имѣть голосъ, способный гремѣть по всей землѣ, чтобы крикнуть народамъ: «исправьтесь и обратитесь ко Господу»! Видѣнія Ветхаго Завета и Апокалипсиса развертывались предъ его воображеніемъ, какъ нѣчто реальное, и въ живыхъ образахъ представляли ему грядущія на Италію и церковь бѣдствія. Они символизировали для него и будущее возрожденіе, какъ слѣдствіе его трудовъ. Повсюду ему слышались голоса, приказыва-

вающіе идти по разъ принятому пути, не поддаваться утомленію, не останавливаться предъ равнодушіемъ флорентійскаго народа.

Въ этотъ самый (1484) годъ умеръ папа Сикстъ IV, и въ то время, какъ у многихъ родилась надежда, что новый избранникъ конклава приложитъ всѣ усилія къ устраненію золъ, терзавшихъ церковь, прошли слухи, что между кардиналами-избирателями возникли сильнѣйшія разногласія, и что разногласія эти грозятъ даже расколомъ. Тогда Савонарола написалъ «Похвалу», въ которой, обращаясь къ Иисусу Христу, говорилъ:

Deh! mira con pietate in che procella
 Si trova la tua sposa,
 E quanto sangue, oimè! tra noi s'aspetta,
 Se la tua man pietosa,
 Che di perdonar sempre si diletta,
 Non la riduce a quella
 Pace che fu, quando era poverella.

Послѣдовавшее, однако, затѣмъ избраніе папы отняло у добрыхъ католиковъ всякую надежду. По всей Италіи стали говорить о скандальной торговлѣ, какая происходила на конклавѣ, указывались цѣны и назывались имена продавшихъ свой голосъ. И Иннокентій VIII, едва лишь занялъ папскій тронъ, дѣйствительно, довелъ положеніе вещей до такого состоянія, что, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, заставилъ даже пожалѣть о временахъ Сикста IV! Когда онъ покровительствовалъ своимъ любимцамъ, онъ уже не прикрывалъ ихъ именемъ племянниковъ, а прямо величалъ ихъ князьями и открыто признавалъ за своихъ сыновей. Имѣя потомство и ведя распутную жизнь, онъ былъ чрезвычайно снисходителенъ ко всякаго рода порокамъ, такъ-что при немъ римскій дворъ сдѣлался притономъ разврата и всевозможныхъ соблазновъ. Всѣ были поражены этими фактами, угрожавшими религіи и безчестившими человѣчество. Нельзя было даже и предвидѣть, до чего дойдетъ Италія съ такими папами, которые становились все хуже и хуже. Когда умеръ Сикстъ, полагали, что положеніе не могло не улучшиться, а те-

перь пропала всякая надежда и всякая вѣра въ будущее. Что-же, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, долженъ былъ чувствовать Савонарола, если глубокое негодованіе кипѣло даже въ нравственно испорченномъ тогда народѣ? Легче представить себѣ бурю, которая бушевала въ его сердцѣ, чѣмъ описать ее.

Къ счастью, онъ былъ посланъ въ два ближайшихъ великихъ поста (1484 и 1485) проповѣдывать въ маленькое мѣстечко Санъ Джеминьяно въ Сіенскихъ горахъ. Тогда это былъ не запущенный и бѣдненькій городокъ, какимъ оно является теперь. Монументы, высокія башни, издалека еще бросающіяся въ глаза тому, кто путешествуетъ по Тосканѣ, церкви, украшенные лучшими произведеніями Доменико Гирландайо и Беноццо Гоццолі, свидѣтельствуютъ намъ, что Санъ Джеминіано славилось когда-то своимъ искусствомъ и гражданскими доблестями населенія. Жители его не имѣли, конечно, изысканной утонченности флорентійцевъ, но за то и не портили себѣ наивной простоты сердца всевозможными софистическими измышленіями, не заглушали христіанскихъ идей языческими фразами и не искали, какъ Полиціано, въ проповѣдникахъ только красоты періодовъ и вступленій, да благозвучныхъ заключительныхъ аккордовъ рѣчи. Въ этихъ горахъ и окружающихъ ихъ долинахъ царить вѣчная жизнерадостность. Весна тутъ божественно прекрасна, а обширный спокойный горизонтъ, открывающійся съ этихъ высотъ, примиряетъ человѣка съ природой и приближаетъ его къ Богу.

Итакъ, среди башенъ Санъ Джеминьяно голосъ Савонаролы раздавался увѣщеніе и свободнѣе. Здѣсь онъ въ первый разъ высказалъ тѣ идеи, которыя уже давно занимали его, и точно формулировалъ то, что должно было сдѣлаться лозунгомъ борьбы, знаменемъ всей его жизни:

1. Церковь будетъ наказана,
2. потомъ обновлена,
3. и это случится въ самомъ непродолжительномъ времени.

Онъ самъ насъ предупреждаетъ, что тогда онъ не выдавалъ своихъ мыслей за божественное откровеніе. Народъ не казался

ему еще достаточно зрѣлымъ для этого. Онъ основывался только на авторитетѣ Библии и на соображеніяхъ здраваго смысла.

Въ самомъ дѣлѣ, исторія еврейскаго народа представляетъ собою ничто иное, какъ смѣну нарушеній закона и постоянныхъ наказаній. Савонарола находилъ въ ней, поэтому, тысячи доказательствъ тому, что всеобщее развращеніе церкви дѣлаетъ неизбѣжнымъ гнѣвъ Божій. И эти доказательства онъ излагалъ съ тѣмъ большей силой и убѣжденіемъ, что они въ немъ самомъ поселили убѣжденіе въ его божественномъ посланничествѣ. Идеи его стали воплощаться въ небесныхъ видѣніяхъ и образахъ и доводить его до экзальтаціи лишь позднѣе. Всякій разъ, какъ онъ начиналъ говорить о развращенности нравовъ, о грядущихъ наказаніяхъ, онъ чувствовалъ, что какъ будто вырастаетъ душой: рѣчь его лилась свободнѣе, становилась сильнѣе и убѣдительнѣе, вниманіе народа оживлялось, аудитория наэлектризовывалась. Итакъ, въ Санъ Джеминьяно онъ набрелъ на вѣрный пугъ. Тамъ онъ узналъ, что грустныя предчувствія, которыя волновали его, были сокрыты и въ сердцахъ толпы, что, смѣло предсказывая грядущія бѣдствія, онъ тѣмъ самымъ заставлялъ итальянскій народъ сознательнѣе относиться къ самому себѣ. Во всѣхъ онъ находилъ тамъ сочувственный откликъ своимъ идеямъ. Во Флоренцію онъ возвратился болѣе спокойнымъ и болѣе увѣреннымъ въ себѣ. Но, кончивъ полной убѣжденностью въ истинности своихъ принциповъ, онъ опытомъ дошелъ до сознанія необходимости быть болѣе осмотрительнымъ и осторожнымъ въ своихъ рѣчахъ къ равнодушной толпѣ.

Итакъ, онъ вновь вступилъ въ свою скромную должность учителя и исполнялъ ее вплоть до начала великаго поста 1486 года, когда былъ посланъ проповѣдывать въ разные города Ломбардіи и, главнымъ образомъ, въ Брешию. Здѣсь онъ занялся изложеніемъ Апокалипсиса. Аудитория его на этотъ разъ оказалась еще болѣе отзывчивой, и онъ тотчасъ-же воодушевился: тонъ его рѣчей приобрѣлъ какую-то властность, голосъ его гремѣлъ. Онъ всѣхъ осуждалъ за грѣхи, обличалъ всю Италію и грозилъ страшнымъ гнѣвомъ Божиимъ. Онъ описалъ фигуры 24 старцевъ

и представилъ, какъ одинъ изъ нихъ, поднявшись со своего мѣста, возвѣстилъ будущія наказанія жителямъ Брешии. Городъ попадетъ подъ власть яростныхъ враговъ, на улицахъ прольются рѣки крови, жены будутъ отняты у мужей, дѣвицы изнасилованы, дѣти будутъ избиваемы на глазахъ матерей. Все исполнится ужаса, огня, крови. Поэтому, онъ всѣхъ увѣщевалъ покаяться, ибо Господь смилостивится надъ добрыми. Таинственная фигура старца произвела сильное впечатлѣніе на народъ. Казалось, будто голосъ Савонаролы и въ самомъ дѣлѣ гремитъ изъ другого міра. Угрозы его навели на всѣхъ трепетъ. И когда въ 1512 году городъ подвергли страшному разоренію солдаты Гастона де Фуа, при чемъ, говорятъ, погибло до 6000 человѣкъ, жители Брешии вспомнили тогда таинственного старца Апокалипсиса и феррарскаго проповѣдника.

Выдающійся успѣхъ проповѣдей этого великаго поста послужилъ началомъ къ распространенію славы Савонаролы въ Италіи и окончательно опредѣлилъ направленіе и цѣль его жизни, такъ-какъ съ этихъ поръ онъ уже пересталъ сомнѣваться въ самомъ себѣ. Однако, чистота и благородство его души были таковы, что, вмѣстѣ съ этой увѣренностью, въ немъ росли и скромность и смиреніе. Его обращеніе къ Богу, вѣра, религіозный экстазъ принимали необыкновенные размѣры, и Фра Себастьяно изъ Брешии, его товарищъ, рассказываетъ намъ, что во время молитвы Савонарола постоянно находился въ состояніи экзальтаціи, что при совершеніи литургіи онъ долженъ былъ уединяться, ибо внутренній порывъ доводилъ его до полной потери сознанія всего окружающаго. Голова его казалась иногда окруженной какимъ-то сіяніемъ.

Савонарола оставался въ Ломбардіи до Января 1489 года. Въ это время онъ жилъ въ Павіи и отсюда написалъ своей матери длинное письмо, полное любви и преданности. Въ немъ онъ извинялся предъ ней, что ничѣмъ, кромѣ молитвы, не въ силахъ помочь семьѣ, ибо его монашескіе обѣты воспрепятствуютъ ему поступать иначе, но что всей душой онъ участвуетъ въ ея скорбяхъ и радостяхъ. «Я отказался отъ міра и предался воздѣлыванію виноградника Божія въ разныхъ городахъ, чтобы

спасти не только свою душу, но и души другихъ. И если Господь далъ мнѣ талантъ, я долженъ употреблять его, какъ Ему угодно. А такъ-какъ Онъ призвалъ меня къ этому святому служенію, то будьте довольны, что я прохожу его внѣ моей родины, ибо оно сопровождается лучшими плодами здѣсь, чѣмъ въ Феррарѣ. Тамъ случилось-бы со мною то-же, что и со Христомъ, про котораго соотечественники Его говорили: не есть-ли Онъ плотникъ и Сынъ плотника? Внѣ-же Феррары мнѣ не говорятъ этого. Напротивъ, когда я собираюсь уходить, мужчины и женщины плачутъ и весьма цѣнятъ мои наставленія. Я хотѣлъ написать вамъ нѣсколько строкъ, но моя любовь къ вамъ увлекла меня, и я открылъ вамъ мое сердце гораздо болѣе того, чѣмъ предполагалъ это сдѣлать. Итакъ, знайте, что я теперь особенно твердъ въ мысли положить душу, тѣло и всѣ мои знанія, какія только мнѣ даны отъ Господа, на спасеніе ближняго моего, ради любви къ Нему. И такъ-какъ я не могу сдѣлать этого на родинѣ, то желаю послужить внѣ предѣловъ ея. Убѣждайте всѣхъ въ необходимости благочестивой жизни. Сегодня отправляюсь въ Геную».

О проповѣднической дѣятельности Савонаролы въ Генуѣ мы ничего не знаемъ. Намъ извѣстно только, что въ 1489 году онъ былъ внезапно вызванъ своимъ начальствомъ во Флоренцію. И что особенно замѣчательно, такъ это то, что приказъ посланъ былъ по настоянію Лоренцо Великолѣпнаго, который хотѣлъ этимъ доставить удовольствіе своему другу Пико дела Мирандола, горячо просившему его о томъ. Пико находился тогда въ самомъ затруднительномъ положеніи. Его 900 тезисовъ, опубликованныхъ въ 1486 году, недавно были осуждены Римомъ. Онъ тотчасъ-же поспѣшилъ объявить, что подчиняется авторитету церкви, а затѣмъ выпустилъ въ свѣтъ свою «Апологию». Но послѣдняя такъ разсердила папу, что онъ пригрозилъ Пико отлученіемъ, если тотъ не передѣлаетъ ее. Однако, исполнить это требованіе папы Пико рѣшительно отказывался: онъ не видѣлъ въ своихъ взглядахъ ничего еретическаго и потому продолжалъ отстаивать свои религіозно-философскія идеи. Столкновеніе это угрожало разростись въ серьезное событіе.

Пико былъ настолько возбужденъ, что Лоренцо Медичи, взявшій на себя посредничество, написалъ даже въ Римъ, прося папу не заходить слишкомъ далеко, если не хочетъ скандала, если хочетъ избѣжать риска видѣть благочестиваго, вѣрующаго человѣка отпавшимъ отъ церкви. Но Пико былъ спокоенъ и въ глубинѣ души смущенъ. Онъ чувствовалъ нужду въ авторитетномъ сужденіи человѣка, съ живой религіозной вѣрой соединяющаго въ себѣ и истинную независимость характера. Тогда предъ его умственнымъ взоромъ предсталъ образъ того благочестиваго монаха, изнуреннаго бдѣніемъ и молитвою, который гремѣлъ въ Реджіо противъ развращенности клира и церкви. Онъ упросилъ Лоренцо возвратить его во Флоренцію, увѣривъ его, что этотъ человѣкъ, во всякомъ случаѣ, сдѣлаетъ честь и ему, и городу. Лоренцо съ предупредительностью отнесся къ просьбѣ друга, предоставивши ему самому продиктовать письмо, которое за собственной своей печатью и послалъ начальникамъ Ордена. Такимъ образомъ, будущій противникъ Медичи, разрушитель ихъ власти, былъ приглашенъ, по инициативѣ ихъ главы, возвратиться во Флоренцію, въ монастырь Св. Марка. Пико и самъ еще не зналъ хорошенько Савонаролы, горячимъ послѣдователемъ котораго онъ долженъ былъ сдѣлаться позднѣе. Лоренцо тоже, несмотря на всю свою проницательность, не предвидѣлъ, какія опасности готовить онъ для своего дома и какой огонь разжигаетъ въ томъ монастырѣ, который построенъ былъ его дѣдомъ.

Савонарола, напротивъ, отправившись въ путь по долгу послушанія, возвращался съ предчувствіемъ, что его ожидаетъ что-то новое. Въ Брешии ему даны были свѣдѣнія странныя откровенія, рисовавшія передъ нимъ то, что ожидало его во Флоренціи, и онъ проникся увѣренностью, что теперь направляетъ его туда самъ Господь. Онъ выбралъ путь черезъ Болонью и пѣшкомъ сдѣлалъ переходъ черезъ Аппенины. Второй разъ уже шелъ онъ по этому пути. Онъ возвращался въ городъ, гдѣ такъ холодно былъ принять, и чувствовалъ, что не можетъ бороться противъ таинственной и неизвѣстной судьбы. Время было жаркое: дальняя дорога и сильное душевное напряженіе. окончательно уто-

мили его. Прибывши въ Піаноро, миляхъ въ 8 отъ Болоньи, онъ какъ-то сразу почувствовалъ упадокъ силъ, такъ-что не могъ продолжать пути, ни даже принимать пищи. Вдругъ появляется какой-то таинственный незнакомецъ, который возстановляетъ его силы и бодрость, отводитъ его въ гостинницу, гдѣ подкрѣпляетъ его пищей, сопровождаетъ потомъ до самой Флоренціи, до воротъ Санъ Галло, гдѣ и говоритъ ему: «не забудь-же выполнить то, на что ты посланъ Господомъ», и затѣмъ исчезаетъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что изнуренный, усталый Савонарола имѣлъ такое видѣніе, равно какъ очень возможно, что онъ счелъ за божественнаго посланника самого обыкновеннаго человѣка, который дѣйствительно проводилъ его и помогъ ему дорогой. Читатель можетъ изъ этихъ разсказовъ дѣлать какіе угодно выводы—мы-же передаемъ ихъ потому, что они составляютъ часть исторіи того времени: имъ вѣрили тогда самые великіе люди, и всѣхъ болѣе самъ Савонарола, какъ мы это отчасти уже видѣли и какъ еще увидимъ впоследствии. Несмотря, однако, на свои новыя предчувствія и экзальтированное состояніе духа, онъ не могъ, при видѣ стѣнъ Флоренціи и монастыря, не вспомнить того равнодушія и холодности, съ какими были приняты его первыя проповѣди. Онъ рѣшилъ, поэтому, и теперь соблюдать осторожность, чтобы не испытать новыхъ разочарованій. Опять взялся онъ за преподаваніе философіи новиціямъ, которые мало по малу сдѣлались для него предметомъ все болѣе усиленныхъ заботъ и которые внушали ему теперь самыя радужныя надежды. Онъ старался вложить въ нихъ свои чувства, свои идеи, сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно своихъ учениковъ, и спокойно ожидалъ лучшихъ временъ. Однако, молва, что возвращеніе его во Флоренцію состоялось по хлопотамъ Лоренцо, что Пико выразилъ такое горячее желаніе посовѣтоваться съ нимъ по поводу своего дѣла, привлекла къ нему всеобщее вниманіе и возбудила любопытство послушать его. Сперва его лекціи посѣщали только монахи, а затѣмъ стали просить позволенія присутствовать на нихъ и нѣкоторые изъ мірянъ. Волей-неволей Савонарола долженъ былъ согласиться на это. Такъ, въ садахъ Св. Марка, подъ кустами да-

масскихъ розъ, изъ уваженія къ нему поддерживаемыхъ монахами и до нашихъ дней, онъ началъ излагать Апокалипсисъ болѣе широкому кругу благосклонно настроенныхъ къ нему слушателей. Невольно лекціи его стали переходить въ проповѣдь. Аудиторія его ежедневно возрастала, и это обстоятельство придавало оратору мужество. Теперь его начали уже упрасивать, чтобы онъ попробовалъ выступить на церковной кафедрѣ съ обращеніемъ ко всему народу. Уступая этимъ настояніямъ, онъ сперва попросилъ слушателей помолиться за него Богу, чтобы Тотъ просвѣтилъ его въ этомъ предпріятіи, а затѣмъ въ одну изъ субботъ сказалъ: «завтра будемъ говорить въ церкви, это будетъ лекція и проповѣдь».

Было 1 Августа 1489 года. Церковь Св. Марка была полна народу. Одни стояли, другіе сидѣли, нѣкоторые висѣли, удѣпившись за желѣзныя рѣшетки, чтобы лучше видѣть и слышать проповѣдника, который, оставшись однажды незамѣченнымъ во Флоренціи, заставилъ теперь говорить о себѣ всю Верхнюю Италію. Въ своей проповѣди Савонарола продолжалъ изложеніе Апокалипсиса, и стѣны Св. Марка впервые услышали три знаменитыхъ уже его положенія. И ему удалось увлечь толпу искренностью, горячностью своей рѣчи. Достигнутый имъ на этотъ разъ успѣхъ былъ огромный. Савонарола взволновалъ всю Флоренцію. Ученые оставили Платона, чтобы разсуждать о великихъ достоинствахъ новаго христіанскаго проповѣдника.

Но такъ-какъ онъ каждый день продолжалъ предсказывать лишь грядущія бѣдствія, то скоро удивленіе и преклоненіе стали смѣняться у многихъ колебаніями и даже отчасти раздраженіемъ противъ него. Мнѣнія о немъ раздѣлились, и были люди, говорившіе, что Савонарола просто человѣкъ экзальтированный и безъ всякой образованности, что онъ производитъ впечатлѣніе скорѣе своими выкрикиваньями и фантастическими картинами, чѣмъ ясностью доводовъ или силой краснорѣчія. Но Савонарола уже зналъ заранѣе, что такихъ обвиненій ему не избѣжать. Поэтому, разъ выйдя на трудную дорогу, онъ рѣшилъ не отступать ни передъ чѣмъ. Онъ чувствовалъ обязанность начать, наконецъ, борьбу. Но раньше всего онъ считалъ

нужнымъ опубликовать нѣкоторыя изъ своихъ работъ: онѣ должны были, съ одной стороны, поучать народъ, а, съ другой, являлись отвѣтомъ на обвиненія ученыхъ въ томъ, будто ему недостаетъ образованности. И мы должны остановиться здѣсь и проанализировать эти работы, чтобы составить себѣ болѣе ясное представленіе о складѣ его ума. До сихъ поръ мы не имѣли случая говорить объ этомъ, такъ-какъ большая часть его проповѣдей и писательскихъ трудовъ, предшествующихъ этому времени, или окончательно погибла, или осталась въ формѣ неудобочитаемыхъ замѣтокъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Философія Савонаролы.

Философскія работы Савонаролы, большая часть которыхъ написана имъ въ видѣ руководствъ новиціямъ въ ихъ занятіяхъ, всегда считались самыми маловажными среди прочихъ его произведеній. Почти всѣ біографы, даже не читая ихъ, въ одинъ голосъ повторяли, что онѣ представляютъ собой слабое и рабское подражаніе Аристотелю и Св. Ѳомѣ. Есть много причинъ, послужившихъ къ распространенію такого, по нашему мнѣнію, совершенно ложнаго о нихъ представленія: прежде всего, незначительный объемъ этихъ работъ, засимъ, отношеніе къ нимъ самого Савонаролы, не придававшего имъ особо важнаго значенія, и, наконецъ, многочисленные упреки, какіе онъ высказывалъ въ нихъ по адресу философіи, философовъ и тщеты ихъ занятій. Нельзя было предположить, чтобы человѣкъ, столь сильно порицавшій философскую науку, могъ сдѣлать въ ея области что-либо достойное вниманія. И, дѣйствительно, на первый взглядъ, произведенія эти какъ-бы подтверждаютъ такое предвзятое о нихъ мнѣніе: въ большей своей части они являются переводомъ или сокращеніемъ Аристотеля и Св. Ѳомы.

Все это, однако, не могло заставить насъ отказаться отъ мысли подвергнуть ихъ тщательному разсмотрѣнію, какъ равно и отъ желанія самимъ удостовѣриться, на сколько справедливо сложившееся о нихъ сужденіе. Намъ извѣстно, среди какого мрака сокрыты первые проблески свѣта, дарованнаго намъ новой философіей, и какъ трудно было историкамъ добраться до нихъ. Извѣстно, что въ тѣ времена всѣ безъ исключенія подражали или Аристотелю, или Платону, или другому древнему философу. Но мы знаемъ также и то, что новая философія, едва лишь пробилъ часть ея возрожденія, проложила себѣ дорогу чрезъ платониковъ и аристотеликовъ, чрезъ всѣ существовавшія школы. Подражатели, переводчики и толкователи почувствовали новую жизнь, стали на новой путь. Но среди всѣхъ этихъ новаторовъ очень трудно найти хоть одного, кто всецѣло отрѣшился-бы отъ вліянія древнихъ писателей. Судить объ истинной заслугѣ философа эпохи Возрожденія мы должны не по тому, слѣдовалъ онъ или не слѣдовалъ Аристотелю, подражалъ онъ ему, или нѣтъ, копировалъ его или не копировалъ, а скорѣе по тому, признавалъ онъ или не признавалъ значеніе за своимъ собственнымъ разумомъ, за свидѣтельствомъ собственного своего сужденія. Живетъ-ли въ немъ дѣйствительно новый духъ? Вотъ о чемъ мы должны спрашивать. Берясь за разсмотрѣніе философскихъ работъ Савонаролы, мы не останавливались на томъ, сколько разъ приводитъ онъ выдержки изъ Аристотеля, подражаетъ Боэцію, передаетъ Св. Ѳому. Прежде всего мы искали, нѣтъ-ли тамъ какой-нибудь странички, гдѣ Савонарола говорилъ бы: хочу вѣрить въ собственный опытъ, въ собственный разумъ, хочу внять голосу, говорящему въ собственномъ моемъ сознаніи и въ сознаніи всего человѣчества.¶

Критически отнестись къ общепринятому о Савонаролѣ мнѣнію біографовъ насъ заставило то обстоятельство, что этотъ монахъ неустанно и съ особенной энергіей громилъ съ церковной кафедрѣ древность, заполонившую своими языческими идеями общество того времени. Тысячу разъ упрекаетъ онъ въ матеріализмъ ту самую аристотелевскую философію, слѣпымъ послѣдователемъ которой обыкновенно хотятъ выставить его.

«Вашъ Аристотель, говорилъ онъ постоянно, не въ состояніи даже доказать безсмертія души: у него нѣтъ твердо установившагося мнѣнія по вопросамъ такой важности, такъ-что я положительно не могу понять, какъ вы рѣшаетесь столь бесплодно тратить на него свое время». Особенное значеніе имѣетъ для насъ то обстоятельство, что въ своихъ политическихъ, моральныхъ и богословскихъ трудахъ онъ разсуждаетъ совершенно свободно, независимо, проявляя при этомъ замѣчательную тонкость анализа и осторожность въ выводахъ. Если-бы мы не желали идти въ разрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ, то должны были-бы сказать: Савонарола имѣлъ двѣ философіи, одна другой противорѣчащія. Въ одной онъ былъ рабомъ Аристотеля, послѣдователемъ той схоластики, которую многіе уже оставили,—и эту философію онъ излагалъ въ своихъ трудахъ и преподавалъ новиціямъ, въ другой онъ былъ свободенъ, независимъ, смѣлъ и гордъ,—ее мы видимъ въ безконечномъ рядѣ его богословскихъ, моральныхъ и политическихъ работъ, ее проповѣдывалъ онъ съ кафедръ, ею запечатлѣна вся его жизнь. Желаніе объяснить себѣ такое противорѣчіе и заставило насъ со всей тщательностью изучить всѣ произведенія, всѣ философскіе принципы Савонаролы. Оказалось, что никакого противорѣчія тутъ въ дѣйствительности и нѣтъ.

Въ то время господствовали двѣ философскихъ школы: платоновская и аристотелевская. Первая, зародившись во Флорентійской Академіи, распространилась по югу Италіи и, развиваясь все далѣе въ своихъ идеяхъ, окончательно выразилась, какъ мы видѣли, въ трансцендентальномъ идеализмѣ Джіордано Бруно. Вторая, обязанная своими первыми успѣхами Помпоначчіо, распространилась въ университетахъ Болоньи, Падуи, Павіи и по всей верхней Италіи. Она провозгласила опытъ, какъ основу знанія, дала сильный толчекъ развитію естественныхъ наукъ и кульминаціоннаго пункта своего достигла въ Галилеѣ Галилеи. Такимъ образомъ, въ новыя времена, какъ и у народовъ древности, Аристотель былъ истиннымъ насадителемъ экспериментальной философіи. Если-же имя его въ глазахъ многихъ утратило часть своего обаянія, то это случилось только потому, что

ученые часто не могли различить истиннаго Аристотеля отъ схоластическаго.

Изъ этихъ двухъ школъ впослѣдствіи образовалась третья, которая началась съ Бернардино Телезіо, но основана, собственно говоря, Томмазо Кампанелла. Оба они были изъ Калабріи. Телезіо былъ воспитанъ на экспериментальной философій и естественныхъ наукахъ въ Падуѣ. Желая отрѣшиться отъ Аристотеля, онъ полагалъ въ основу знанія опытъ. Но, въ дѣйствительности, онъ скорѣе слѣдовалъ Пармениду, идеи котораго собственно и выразилъ въ своей книгѣ «De rerum natura». Возвратившись на родину, онъ основалъ знаменитую Козентинскую Академію. Въ ней учился и доминиканецъ Томмазо Кампанелла, который, вслѣдствіе идеалистическаго склада своего ума, нѣсколько уклонился отъ направленія, принятаго Телезіо. Такъ получила начало третья школа, о которой мы говоримъ. Съ одной стороны, Кампанелла выдвигалъ впередъ опытъ и въ образованіи нашихъ понятій придавалъ такое значеніе нашимъ ощущеніямъ, что казался сенсуалистомъ чистѣйшей воды, съ другой — допускалъ *cognitio abdita*, или внутреннее созерцаніе первыхъ идей, и утверждалъ, что въ нихъ, безъ помощи ощущений, мы почерпаемъ высочайшую въ мірѣ достовѣрность. Но онъ никогда не могъ найти пути ни отъ первыхъ идей къ ощущеніямъ, ни отъ ощущений къ идеямъ. Его ученіе, поэтому, оказалось, по существу, несовершеннымъ эклектизмомъ, гдѣ экспериментальная философія стоитъ бокъ о бокъ съ однимъ изъ видовъ неоплатоновскаго идеализма, къ которому онъ склоненъ былъ по самой своей природѣ. Сюда-же постоянно примѣшивалось и богословіе Св. Оомы, но такъ, что всѣ эти разнообразныя элементы никогда не сплетались воедино и не сливались въ общую систему. Время отъ времени, впрочемъ, у него замѣчаются проблески истиннаго генія, во всемъ видна величайшая свобода и абсолютная независимость мышленія. Въ всякаго сомнѣнія, эта доктрина была плодомъ ума обширнаго, смѣлаго, предприимчиваго, нѣсколько неупорядоченнаго и сбивчиваго, но зато способнаго къ необычайной прозорливости и точности.

Савонарола страннымъ образомъ былъ поставленъ почти въ тѣ-же самыя условія, какія позднѣе породили философію Кампанеллы. Монахъ доминиканскаго Ордена, онъ долго изучалъ произведенія Св. Оомы, идеи котораго отчасти и усвоилъ. Воспитанный въ юности на опытныхъ наукахъ и аристотелевской философіи, онъ, при естественной своей склонности къ мистицизму, попалъ потомъ во Флоренцію, гдѣ очутился въ центрѣ неоплатоновской философіи, рядомъ съ Марсиліо Фичино и Академіей. Самый душевный складъ его имѣлъ сходство со складомъ души Кампанеллы: это былъ тотъ-же свободный, смѣлый духомъ человѣкъ, хотѣвшій умомъ своимъ обнять всю вселенную. Иногда изъ души его лилась свѣтлая мысль. Онъ то блисталъ неожиданными умозаключеніями, то запутывался въ схоластическихъ тонкостяхъ. Предъ Кампанеллой Савонарола имѣлъ, впрочемъ, то большое преимущество, что въ глубинѣ его сердца и ума была заложена нравственная идея, ясная, опредѣленная, могучая—душа всѣхъ его мыслей, свѣтъ жизни, единство его бытія. Философіи этихъ двухъ доминиканцевъ настолько сходны между собою, что приходится удивляться только, какъ не замѣчали этого до насъ другіе.

Приступая теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію трудовъ Савонаролы, мы, прежде всего, отмѣтимъ, что изъ старыхъ каталоговъ его рукописей видно, насколько тщательно онъ изучилъ всѣ существовавшія тогда науки и какъ много онъ оставилъ послѣ себя произведеній, большая часть которыхъ съ теченіемъ времени была утрачена и между которыми мы должны особенно отмѣтить сводъ почти всѣхъ твореній Аристотеля и Платона. Но печатныя его работы всѣ вмѣстѣ представляютъ собой всего только одинъ томъ, заключающій въ себѣ четыре небольшихъ трактата: «Краткое изложеніе философіи, нравственности, логики» и небольшую брошюру о «Раздѣленіи и свойствахъ всѣхъ наукъ».

«Краткое изложеніе философіи» начинается съ разсужденія о бытіи, о движеніи, о первомъ двигателѣ, о происхожденіи и исчезновеніи вещей, затѣмъ изслѣдуетъ всю природу и, начиная съ предметовъ неодушевленныхъ, проходитъ всю лѣстницу

ихъ до человѣка. Савонарола описываетъ намъ міръ, какъ представляли его тогда послѣдователи Аристотеля, то есть, какъ-бы одно громадное животное, въ которомъ существуютъ три великихъ души: растительная, чувствительная и разумная. Мы не будемъ здѣсь подробно слѣдовать за авторомъ, потому-что онъ повторяетъ только идеи школы и ничего болѣе. Но когда онъ начинаетъ излагать теорію познанія, предъ нами сразу открывается весь смѣлый умъ Савонаролы, весь его чуждый какихъ-либо стѣсненій духъ. Поэтому мы и познакомимся съ ней нѣсколько поближе. «Чтобы идти къ неизвѣстному, говоритъ онъ, нужно начинать съ вещей извѣстныхъ, потому-что только этимъ путемъ удастся легко отыскать истинное. Ощущенія для насъ болѣе близки и понятны. Они собираются нашей памятью, перерабатываются умомъ, дѣлающимъ изъ множества отдѣльных фактовъ одинъ общій выводъ. Это и есть опытъ. Но умъ не останавливается на этомъ, а идетъ далѣе, и соединяя вмѣстѣ многіе опыты, достигаетъ всеобщихъ истинъ. Истинная мудрость направляется, слѣдовательно, къ первымъ началамъ, къ первымъ причинамъ: она умозрительна, свободна, верховна. Итакъ, всякое наше познаніе начинается съ ощущенія. Поэтому, въ философіи та часть ея, которая занимается міромъ чувственныхъ вещей, должна предшествовать той части, которая имѣетъ предметомъ своимъ міръ, недоступный чувствамъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ слѣдующимъ образомъ разсуждаетъ о процессѣ преобразованія ощущеній въ идеи: «ощущенія собираются въ формѣ представленій въ нашемъ воображеніи: здѣсь ими овладѣваетъ разсудокъ и съ присущей ему способностью перерабатываетъ ихъ въ акты мышленія». Наши познанія образуются, слѣдовательно, чрезъ посредство чувствъ, безъ помощи разсудочныхъ процессовъ и безъ какого-бы то ни было авторитетнаго наученія со стороны. Но самъ интеллектъ не могъ-бы переработать ощущеній въ идеи, если-бы въ немъ не было уже заранѣе готовыхъ понятій: безъ нихъ онъ былъ-бы только простою потенціей, неспособной перейти къ акту познанія, неспособной даже понять простое значеніе словъ. Слѣдовательно, всякое знаніе основой своей должно имѣть: во

первыхъ, данныя, добытыя раньше нашими чувствами, и, во вторыхъ, предсуществующіе уже въ насъ первоначальные принципы. Эти послѣдніе принимаются нами безъ всякихъ доказательствъ, потому-что они истинны и очевидны сами по себѣ. Они представляются далекими и трудными для пониманія, но самая сущность ихъ есть истина и очевидность. Они истинны не только сами въ себѣ, но еще и постольку, поскольку служатъ основой тѣхъ принциповъ опыта, которые кажутся намъ столь близкими и легкими. И, дѣйствительно, особенною популярностью пользуются именно тѣ идеи, которымъ дѣйствіе бытія присуще по преимуществу, какъ, напр., Богъ, всѣ первыя построенія мысли, всѣ первые принципы. Нашъ интеллектъ идетъ отъ потенціи къ акту познаванія: въ потенціи онъ видитъ отчетливо, почти интуитивно, тѣ основныя начала, которыя кажутся ему очень ясными и близкими. Но когда онъ переходитъ къ познаванію, т. е., когда отъ частнаго мы должны возвыситься къ общему, тогда, напротивъ, эти самыя принципы становятся для него послѣдними и при томъ чрезвычайно трудными. Трудность, такимъ образомъ, заключается не въ познаваніи ранѣе существующихъ понятій интеллекта, а въ установленіи связи между первыми идеями и первоначальными ощущеніями, въ пополненіи существующей между ними огромной пустоты, другими словами, въ томъ, какъ положить начало научному разумѣнію міра.

Вотъ фундаментальная проблема философіи въ проникающѣйшемъ истолкованіи Савонаролы. Но далѣе этого онъ не шелъ. Онъ даже не пробовалъ преодолевать тѣ трудности, которыя самъ ясно замѣчалъ. Часто повторяетъ онъ, что индукція наиболѣе подходящій методъ въ переходѣ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, но, довольствуясь этимъ общимъ мѣстомъ, онъ въ своей системѣ оставляетъ тотъ-же самый пробѣлъ, какой мы находимъ въ философіи Кампанеллы. У него множество идей, которыя плохо согласуются между собою. Ученіе Платона и Аристотеля смѣшивается у него съ богословіемъ Св. Ѳомы, причемъ между ними не замѣчается никакой гармонической связи. Но этотъ недостатокъ легко можно изви-

нить Савонаролѣ, потому-что онъ не дѣлалъ изъ философіи своего единственнаго занятія, а въ его коротенькихъ трактатахъ, писанныхъ для руководства новиціевъ, нельзя было поднимать, а тѣмъ болѣе рѣшать, труднѣйшую изъ проблемъ науки.

Объ этомъ первомъ трактатѣ, о «Краткомъ изложеніи философіи», нѣтъ нужды болѣе говорить, потому-что авторъ во всемъ остальномъ рабски слѣдуетъ Аристотелю, часто копируетъ его или только сокращаетъ. Поэтому, мы обратимся къ его трактату «Мораль». Въ немъ онъ идетъ по стопамъ Св. Оомы, но вмѣстѣ съ тѣмъ приближается и къ идеямъ неоплатонической школы: здѣсь явно сказывается вліяніе Академіи и Фичино. «Послѣдняя цѣль человѣка, говоритъ онъ, есть, конечно, блаженство, которое состоитъ не въ созерцаніи сквозь отвлеченныя понятія, какъ того хотятъ философы, а въ чистѣйшемъ непосредственномъ ощущеніи Бога. На землѣ мы можемъ имѣть объ этомъ блаженствѣ лишь самое общее представленіе, только тѣнь его. Вся-же полнота и реальность его даются только въ жизни загробной. Хотя блаженство это и не можетъ быть достигнуто одними человѣческими усиліями, тѣмъ не менѣе всякій долженъ добиваться его посредствомъ нѣкотораго *motus ad beatitudinem*: благодаря послѣднему приобрѣтается расположеніе души, необходимое для его воспріятія. Только одинъ Богъ Самъ въ Себѣ блаженъ, человѣкъ-же идетъ къ блаженству путемъ множества усилій, *motibus multis*, которыя суть ничто иное, какъ добрыя дѣла, называемыя также заслугами, ибо блаженство ничто иное, какъ награда за добродѣтельные поступки». Здѣсь нужно отмѣтить, что какъ въ философіи, такъ и въ богословіи, Савонарола постоянно настаиваетъ на дѣйственности и необходимости добрыхъ дѣлъ и, слѣдовательно, на свободѣ человѣческой. «Если что отличаетъ человѣка отъ животныхъ, говоритъ онъ, такъ это — свободное самоопредѣленіе, которое не есть только извѣстная черта или характеръ дѣйствій, но самая сущность воли, *est ipsa hominis voluntas*». Далѣе, онъ ополчается противъ астрологовъ, утверждающихъ, что свобода подчинена звѣздамъ. «Наша свобода не можетъ быть фатально управляема постоянной силой, будутъ-ли то звѣзды, или страсти, или даже

самъ Богъ. Творецъ, напротивъ, не разрушаетъ, а сохраняетъ,— онъ управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми созданіями сообразно съ вложеннымъ въ каждую вещь закономъ природы. Теперь, если, какъ мы сказали, наша воля существенно свободна, если она сама свобода, то Богъ, если Онъ не хочетъ уничтожить ея совсѣмъ, можетъ управлять ею, не лишая ея этого свойства». Мы могли-бы отмѣтить въ этомъ трактатѣ и еще много тонкихъ и совершенно справедливыхъ положеній Савонаролы, но такъ-какъ съ ними намъ придется часто встрѣчаться въ другихъ его трудахъ, то сейчасъ мы оставимъ ихъ въ сторонѣ. Здѣсь-же мы приведемъ только нѣкоторые изъ его взглядовъ на правдивость, которые могутъ послужить къ опроверженію тѣхъ, кто хотѣлъ-бы думать, что онъ завѣдомо притворялся и изображалъ изъ себя пророка, не будучи таковымъ, для сильнѣйшаго воздѣйствія на воображеніе толпы. По нашему мнѣнію, подобное подозрѣніе въ неискренности по отношенію къ Савонаролѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергается всѣми его поступками, а равно и его словами. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ его «Морали». «Подъ правдивостью мы разумѣемъ такое поведеніе, когда человѣкъ въ дѣйствіяхъ и словахъ своихъ является тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, и скорѣе ниже своего дѣйствительнаго уровня, чѣмъ выше. Это не есть обязанность, исполняемая по требованію закона, а обязанность нравственная, которая является для человѣка долгомъ чести по отношенію къ его ближнему, ибо всякое обнаруженіе истины всегда составляетъ часть справедливости». Мы не будемъ говорить о «политикѣ» и «экономіи», которыя, по ученію схоластиковъ, составляли часть Морали, такъ-какъ болѣе подробно мы будемъ имѣть случай писать на эту тему при изслѣдованіи политическихъ воззрѣній автора. Точно также оставимъ безъ обслѣдованія и его «Логику», потому-что она представляетъ собою лишь сокращенное изложеніе діалектики схоластиковъ. Если, однако, и тутъ мы встрѣчаемся съ идеями, имѣющими какое-либо значеніе, то онѣ уже извѣстны намъ въ изложеніи, которое я сдѣлалъ выше.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о небольшомъ его трудѣ «Раздѣленіе всѣхъ наукъ», написанномъ Савонаролою

тогда, когда стали говорить, что онъ презираетъ поэзію и не признаетъ никакого значенія за философіей. Въ свое оправданіе онъ представилъ общую таблицу всѣхъ наукъ, доказывая при этомъ, что каждой изъ нихъ онъ отводитъ подобающее мѣсто и уважаетъ ихъ всѣ, но сообразно съ ихъ значеніемъ. Данная имъ таблица ясна, точна и составлена довольно удачно, но въ сущности своей есть ничто иное, какъ обычное подраздѣленіе наукъ въ духѣ схоластики. Философія разбита на раціональную и реальную: первая служитъ руководствомъ къ мышленію и есть Логика. Во второй идетъ рѣчь о дѣйствительномъ бытіи; она подраздѣляется на практическую и умозрительную. Практическая, въ свою очередь, распадается на механическую и моральную, смотря по тому, трактуетъ-ли она о профессіяхъ чисто механическихъ или о нравственныхъ дѣйствіяхъ человѣка. Моральная подраздѣляется на этику, экономію и политику. Философія умозрительная обнимаетъ три науки: физику, математику и метафизику въ зависимости отъ того, трактуетъ-ли она о томъ, что неотдѣлимо отъ матеріи, или о томъ, что отдѣлимо при помощи нѣкоторой абстракціи, или о томъ, что абсолютно нематеріально. Метафизика—это царица всѣхъ знаній. Она стремится къ высочайшимъ истинамъ и болѣе всѣхъ прочихъ наукъ облагораживаетъ и возвышаетъ человѣка. Но это—разсужденіе *secondo puri naturali*, прибавляетъ Савонарола, ибо, говоря по христіански, единственно истинная наука есть богословіе. Каждая изъ прочихъ наукъ разсматриваетъ отдѣльныя вещи подъ частными точками зрѣнія, и лишь богословіе обнимаетъ все въ одномъ всеобщемъ кругозорѣ. Оно есть главная изъ наукъ и разсматриваетъ всѣ вещи въ ихъ первопричинахъ. Но именно поэтому-то богословію и недостаточно обычнаго свѣта, а необходимъ свѣтъ божественный. Отсюда легко видѣть, какъ предъ этой высшей наукой всѣ другія знанія должны померкнуть и отступить на задній планъ. Отсюда-же происходитъ и то чрезмѣрное презрѣніе, какое Савонарола выказалъ въ послѣдствіи по отношенію къ философій, поэзій и, вообще, къ наукамъ свѣтскимъ.

Мы остановились здѣсь лишь на главныхъ подраздѣленіяхъ и ничего не сказали о Пинтикѣ, которую Савонарола, по

принятому въ схоластикѣ обыкновенію, разсматриваетъ, какъ часть Логикѣ, потому-что объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить болѣе подробно въ другомъ мѣстѣ. Ограничимся лишь одной выдержкой изъ нея, гдѣ высказывается порицаніе тѣмъ, кто во всемъ, а особенно въ поэзіи, хотѣлъ-бы рабски слѣдовать древнимъ писателямъ. «Нѣкоторые настолько стѣснили себя и настолько подчинили свою собственную мысль тиранніи древнихъ, что не только не желаютъ утверждать ничего, что шло-бы въ разрѣзъ съ ихъ воззрѣніями, но ничего и такого, чего-бы тѣ уже не сказали... Что-же тому за причина? Какія неопровержимыя доказательства приводятъ они въ пользу такого образа дѣйствій? Древніе такъ не говорили, и мы не будемъ говорить. А если древніе ничего не дѣлали хорошаго, развѣ и мы не должны дѣлать его?». И таковъ былъ обыкновенный тонъ рѣчей Савонаролы. Въ тотъ вѣкъ, когда не появлялось ни одной книги, которая до небесъ не перевозносила-бы древнихъ, какъ достойныхъ подражанія во всемъ, одинъ Савонарола поднялъ голосъ противъ такихъ преувеличеній. Но онъ сдѣлалъ и еще нѣчто большее, когда, совершенно оставивъ въ сторонѣ древнихъ, взялъ въ руководители свой собственный разумъ и пошелъ впередъ, опираясь только на него одного. Такъ поступалъ онъ не въ однихъ только своихъ философскихъ работахъ: какъ мы сказали выше, множество еще болѣе ясныхъ доказательствъ подобнаго-же образа дѣйствій можно указать въ его проповѣдяхъ, въ его богословскихъ и политическихъ произведеніяхъ. Возьмемъ, напримѣръ, самый главный его трактатъ: «Тріумфъ Креста», въ которомъ все христіанское ученіе изложено на основаніи одного лишь естественнаго разума. Тамъ, во вступленіи, онъ говоритъ: «такъ-какъ въ этой книгѣ мы разсуждаемъ только на основаніи собственного ума, мы не будемъ ссылаться ни на какой авторитетъ и будемъ держаться такого метода, какъ будто никому на свѣтѣ, какъ-бы мудръ онъ ни былъ, вѣрить нельзя, а должно вѣрить одному лишь естественному разуму». И въ другомъ мѣстѣ: «намъ слѣдуетъ восходить отъ видимыхъ вещей къ невидимымъ, потому-что всякое наше познаніе начинается съ ощущеній, передаю-

щихъ только внѣшніе атрибуты тѣлъ. Но разумъ нашъ, по свойственной ему проникаемости, доходитъ до самой сущности вещей натуральныхъ и отъ разсмотрѣнія ихъ возносится къ познанію вещей невидимыхъ». Слѣдуетъ замѣтить, что мысли эти выступаютъ въ его трудѣ не въ качествѣ отрывочныхъ, случайныхъ замѣчаній: напротивъ, онѣ находятся въ самомъ началѣ его и поставлены тамъ для поясненія плана и метода, съ какими Савонарола предполагаетъ выполнить всю работу. Каждой главѣ предпосылается гипотеза, будто ни отъ кого въ мірѣ мы ничему не научены, и тутъ-же авторъ настаиваетъ на томъ, что никакого другого авторитета, кромѣ собственнаго нашего опыта, собственнаго нашего разсудка, допускать нельзя. Отъ извѣстнаго поднимаясь къ неизвѣстному, онъ идетъ такимъ образомъ до самаго конца. И, вообще, въ какихъ-бы проповѣдяхъ или другихъ произведеніяхъ Савонарола ни провозглашалъ необходимость добродѣтели или опредѣленныхъ политическихъ реформъ, практическая независимость его духа выступаетъ при этомъ, какъ это мы увидимъ впоследствии, съ полною очевидностью, съ полною ясностью.

Если мы примемъ во вниманіе, что Савонарола жилъ въ XV вѣкѣ, когда Марсилій Фичино считался величайшимъ философомъ Европы, то вынуждены будемъ признать, что этотъ монахъ Св. Марка былъ однимъ изъ первыхъ, кто стремился къ сверженію ига внѣшней авторитетности въ вопросахъ теоретическаго мышленія, и что похвалы, высказанныя нами по его адресу, правдивы и основаны на внимательномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи его трудовъ. Еще Пачифико Бурламаки, одинъ изъ древнѣйшихъ его біографовъ, знавшій лично Савонаролу, писалъ: «съ самой ранней молодости онъ не желалъ судить объ авторахъ по ихъ славѣ и не слѣдовалъ тѣмъ или инымъ мнѣніямъ только потому, что они были общеприняты, но всегда устремлялъ свое вниманіе на истинное положеніе вещей и руководствовался лишь своими собственными соображеніями». Эти немногія и простыя слова даютъ намъ о Савонаролѣ гораздо болѣе вѣрное представленіе, чѣмъ описанія послѣдующихъ біографовъ, и мы, по долгомъ и тщательномъ

изученіи его трудовъ, вполнѣ соглашаемся съ сужденіемъ древняго хроникера.

При всемъ томъ, мы считаемъ своею обязанностью предупредить читателя, что вовсе не желаемъ придавать заслугамъ Савонаролы въ исторіи философіи такого значенія, какого онѣ не имѣютъ на самомъ дѣлѣ. Весьма часто самъ онъ совершенно игнорируетъ философію, постоянно преслѣдуетъ ее своими обвиненіями, иногда отзывается о ней даже съ пренебреженіемъ. Свои работы въ этой области знанія онъ старается даже какъ-бы скрыть, почему онѣ такъ скоро и были забыты всѣми. Мы не встрѣчаемъ обслѣдованія ихъ ни въ одной исторіи философіи, онѣ не цитируются ни однимъ изъ послѣдующихъ мыслителей, и самъ Кампанелла, который, какъ мы видѣли, могъ-бы быть названъ его ученикомъ, не имѣлъ, вѣроятно, даже и понятія объ ихъ существованіи. Но если всѣ эти соображенія нѣсколько и ослабляютъ то значеніе, какое его труды имѣли въ движеніи философской мысли, какъ науки, то они отнюдь не должны быть принимаемы въ расчетъ, когда хотятъ составить себѣ представленіе объ умственной мощи самого Савонаролы. Для насъ особенно важно было знать интеллектуальную силу человѣка, занимавшаго такое видное мѣсто въ жизни своего вѣка, когда вся Европа готовилась къ обновленію своей культуры, къ возстановленію правъ человѣческаго разума. Какова-бы ни была миссія Савонаролы, каковы-бы ни были его стремленія и цѣли, для насъ болѣе всего необходимо было опредѣлить уровень его спекулятивной мысли и рѣшить, можно-ли его поставить въ ряду «новыхъ людей». И намъ кажется несомнѣннымъ одно, что если не поставитъ его во главѣ людей, предтечей и провозвѣстникомъ которыхъ онъ былъ, которымъ онъ не уступалъ ни въ самыхъ высокихъ добродѣтеляхъ, ни въ смѣлыхъ полетахъ мысли, ни въ странныхъ своихъ заблужденіяхъ, то никогда нельзя будетъ понять этого человѣка. О немъ написано очень много, но всего значенія его до настоящаго времени еще никто не опредѣлялъ. Савонаролу нельзя сравнивать ни съ кѣмъ изъ современныхъ ему ученыхъ или философовъ не только потому, что онъ вооружался противъ увле-

ченія язычествомъ, но и потому, что онъ гораздо серьезнѣе ставилъ проблему жизни. Его истинная самобытность заключается въ признаніи авторитета за разумомъ, за опытомъ и свѣдѣтельствомъ совѣсти въ вопросахъ теоретическихъ и практическихъ. При этомъ онъ не отдѣляетъ науки отъ религіи, вѣрнымъ послѣдователемъ которой онъ былъ. Онъ не допускалъ и мысли, какъ это дѣлали тогда многіе, что въ философіи можно вѣрить одному и совѣтъ противоположному въ религіи. Это обстоятельство и сдѣлало изъ него предтечу, пророка и мученика новыхъ временъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Первыя работы Савонаролы религіознаго содержанія и его толкованія на Библію.

Если мы прослѣдимъ то великое культурное движеніе, которое началось въ Европѣ въ XVI вѣкѣ послѣ итальянскихъ гуманистовъ и отчасти подъ вліяніемъ ихъ трудовъ, то найдемъ, что въ основѣ новыхъ религіозныхъ и философскихъ направленій, въ диспутахъ ученыхъ, въ ожесточенныхъ спорахъ на почвѣ науки—всюду чувствуется давно всѣми сознанныя потребность поставить челоѣка тѣмъ или инымъ способомъ въ болѣе близкія отношенія къ Богу. Эта потребность и внушила новый энтузіазмъ философамъ, богословамъ и мученикамъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, стремилась новая философія? Къ уничтоженію всякаго противорѣчія между жизнью землею и небесною, между духомъ и внѣшней природой, къ приведенію творенія, въ которомъ она признавала божественный духъ, къ его Творцу. При этомъ она доходила до смѣшенія всѣхъ вещей въ одномъ представленіи, что и выразилось въ пантеизмѣ, который провозгласилъ въ своихъ работахъ Джіордано Бруно и который онъ запечатлѣлъ своею кровью. Что обѣщали богословы временъ Реформаціи? Поставить вѣрующаго въ прямое общеніе съ Господомъ, безъ посредства священниковъ. Религіозные обряды начинаютъ считаться излишними, добрыя дѣла перестаютъ быть

необходимыми и за ними не признается уже никакой силы: благодать одна спасаетъ избранныхъ, и вѣрующій становится простымъ орудіемъ въ рукахъ Бога, на Котораго только онъ и долженъ былъ надѣяться. Эта новая любовь къ Богу, этотъ неодолимый порывъ души, который Бруно называетъ героическимъ вдохновеніемъ, эта вѣра въ божественное спасли, въ концѣ концовъ, человѣка отъ той бездны скептицизма, отъ той испорченности, какою въ большей или меньшей степени всѣ были заражены. Они возродили науку, вызвали Реформацію, вдохнули новую силу въ католицизмъ, обновили общество, дали начало всей новой культурѣ.

И мы замѣчаемъ, что уже съ конца XV вѣка всѣми овладѣваетъ какое-то новое чувство: начинаютъ вѣрить въ силу идей и принциповъ, является недовольство существующимъ порядкомъ вещей, рождаются новыя стремленія. Первымъ признакомъ этого обновленія, его, можно сказать, началомъ и жизненной основой была александрійская философія, которая обѣщала непосредственное созерцаніе Бога и въ этомъ полагала высшее блаженство человѣка. Поддержанная Фичино и Академіей, мысль эта сразу-же нашла массу послѣдователей и быстро проникла въ сердца людей въ такое время, когда, казалось, только одинъ матеріализмъ долженъ былъ царствовать вѣчно. Но то, что проложило себѣ дорогу при помощи книгъ, было прирождено Савонаролѣ съ дѣтства, было господствующимъ началомъ всей его дѣятельности и, можно сказать, самой его жизнью. Онъ ни къ чему не стремился, какъ только къ Богу, ничего не желалъ, какъ только увлечь за собою весь міръ въ область блаженства, о которомъ воздыхало его собственное сердце.

Въ такомъ видѣ представляются намъ работы, изданныя имъ въ свѣтъ около 1492 года: изъ нихъ большая часть заключается въ себѣ именно этотъ религіозный пылъ, этотъ священный трепетъ, какимъ полна была душа его. Почти всѣ онѣ очень невелики по объему, въ особенности трактаты о Смиреніи, о Молитвѣ, о Любви къ Иисусу Христу, о вдовьей жизни.— работы отчасти аскетическія, отчасти просто религіозныя и мо-

ральныя. Мы постараемся, по возможности точнѣе, изложить заключающіяся въ нихъ идеи, чтобы читателю виднѣе было. какими путями положено было начало вліянію Савонаролы на народъ.

«Смиреніе и милосердіе», такъ говоритъ онъ въ первомъ изъ своихъ трактатовъ, «суть двѣ высшія добродѣтели въ зданіи человѣческаго духа, потому-что смиреніе есть фундаментъ, который поддерживаетъ все строеніе, а милосердіе есть завершеніе и украшеніе его. Поэтому, необходимо, чтобы вѣрующій смирился передъ Богомъ, созналъ свою неспособность дѣлать добро безъ Его содѣйствія, необходимо, чтобы онъ призналъ дѣла свои, совершенныя безъ помощи Господа, только грѣхами. Недостаточно, чтобы это было убѣжденіемъ только ума его, нужно, чтобы это было глубокимъ чувствомъ души. Воля человѣка свободна. Онъ долженъ употреблять всѣ свои силы на искорененіе въ себѣ гордыни, на подготовленіе себя къ принятію благодати, а для этого наши внѣшніе подвиги не только полезны, но и необходимы. Пусть смирится вѣрующій и предъ высшими, и передъ равными, пусть унижится даже предъ меньшими. Но если, совершивъ это, онъ подумаетъ, что сотворилъ нѣчто великое, тогда, значитъ, внѣшнее смиреніе увеличилось за счетъ внутренняго, и вся заслуга его пропадетъ. Поэтому, постоянно и крѣпко держись идеи своего ничтожества».

«Молитва, говоритъ Савонарола въ трактатѣ на эту тему, есть одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для поддержанія въ душѣ чувства смиренія. Пусть-же будетъ она горячее, продолжительной, почти непрестанной. Будемъ помнить постоянно, что она должна сопровождаться смиреніемъ и милосердіемъ: безъ нихъ она—ничто. Молитва можетъ быть названа таковой только тогда, когда она горяча. Творя дѣла милосердія, человѣкъ, можно сказать, тоже молится».

Эти-же самыя идеи еще лучше выражены въ трактатѣ «О молитвѣ умной». «Тотъ, кто молится, долженъ говорить къ Богу, какъ если-бы Онъ присутствовалъ тутъ, потому-что Господь вездѣ, повсюду, въ каждомъ человѣкѣ, особенно-же въ душѣ справедливаго. Поэтому, не нужно искать Его на небѣ, или на

землѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Нужно искать его въ собственномъ сердцѣ, нужно поступать, какъ пророкъ, который говоритъ: услышу, что скажетъ Господь во мнѣ. Въ молитвѣ человѣкъ можетъ твердить только слова, и это будетъ чисто матеріальной стороною дѣла, можетъ внимать смыслу словъ, и это скорѣе будетъ наученіемъ, чѣмъ молитвой, наконецъ, можетъ всю свою мысль положить въ Богѣ,—это и есть единственно истинная молитва. Не слѣдуетъ останавливаться своимъ вниманіемъ на словахъ или выраженіяхъ, а нужно вознестись умомъ въ горнюю область и, такъ сказать, потеряться въ мысли о Богѣ. Въ этотъ моментъ вѣрующій забываетъ міръ и мірскія желанія, онъ имѣетъ какъ-бы тѣнь небеснаго блаженства. До такой высоты невѣжда можетъ достигнуть такъ-же легко, какъ и ученый. Даже часто случается, что тотъ, кто читаетъ псалмы, не понимая ихъ, возноситъ молитву гораздо болѣе угодную Богу, чѣмъ молитва ученаго, могущаго все объяснить. Въ самомъ дѣлѣ, слова вовсе не существенны въ молитвѣ. Напротивъ, когда человѣкъ приходитъ въ экстазъ, устная молитва становится почти препятствіемъ и должна уступить мѣсто молитвѣ умной. Отсюда видно, какъ жестоко ошибаются тѣ, которые предписываютъ опредѣленное количество молитвъ. Господь не хочетъ множества словъ, а теплоты духа». «Здѣсь намъ будутъ возражать, продолжаетъ Савонарола, защитники обрядовъ и внѣшняго культа церкви. Таковымъ мы отвѣтимъ словами Спасителя Самаритянѣ: Повѣрь мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Иерусалимѣ будете поклоняться Отцу... Но настаетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ (Іоан. IV, 21. 23). Это значитъ, что Господь желаетъ внутренняго служенія, безъ множества церемоній: такъ и было на самомъ дѣлѣ въ первоначальной церкви, когда не было нужды въ органахъ и пѣніи, чтобы возвысить духъ вѣрующаго къ Богу. Лишь когда оскудѣла ревность, начали вводиться обряды для уврачеванія душъ. Теперь-же хрістіане дошли до положенія больного, который потерялъ свои естественныя силы, а лѣкарства уже не имѣютъ на него дѣйствія.

Всякая ревность, всякое внутреннее служеніе Богу изсякли, обряды-же растутъ въ числѣ, но не достигаютъ своей цѣли. Поэтому, мы пришли возвѣстить міру, что внѣшній культъ назначается для пробужденія внутренняго, что обряды суть лишь средства къ возбужденію духа».

Но «Трактатъ о любви къ Іисусу Христу», въ очень короткое время выдержавшій много изданій, еще яснѣе отображаетъ въ себѣ тотъ мистическій энтузіазмъ, о которомъ мы говорили выше. «Любовь къ Іисусу Христу есть то живое чувство, по которому вѣрующій желаетъ, чтобы душа его сдѣлалась, такъ сказать, частью души Христовой, чтобы жизнь Господа воспроизводилась въ немъ не только внѣшнимъ образомъ, но своей внутренней божественной стороною. Онъ долженъ желать, чтобы ученіе Христово было въ немъ живо, желать переносить Его страданія, мистически сораспяться съ Нимъ на одномъ крестѣ. Эта любовь всемогуща, и ее нельзя имѣть безъ особенной благодати, потому-что она возвышаетъ человѣка надъ нимъ самимъ и объединяетъ конечное твореніе съ безконечнымъ Творцомъ. Человѣкъ, дѣйствительно, непрестанно возвышается отъ своей человѣчности къ божественности, когда одушевленъ этой любовью, сладчайшимъ изъ всѣхъ чувствъ. Она проникаетъ душу, овладѣваетъ тѣломъ и дѣлаетъ то, что вѣрующій живетъ на землѣ въ состояніи какъ-бы экстаза».

Мы привели почти буквально слова Савонаролы, потому-что эта идея любви, которая постоянно повторяется въ его произведеніяхъ, есть основной пунктъ его ученія, до сихъ поръ недостаточно еще рельефно отѣнесенный. Правда, что въ опредѣленіи ея Савонарола не особенно точенъ: то онъ говоритъ, что она ничто иное, какъ благодать, то—что это дѣятельное милосердіе по отношенію къ ближнему. На самомъ-же дѣлѣ любовь причастна и къ благодати, и къ милосердію, не будучи въ частности ни тѣмъ, ни другимъ. Когда благодать нисходитъ на человѣка, она тотчасъ-же порождаетъ и христіанское милосердіе: безъ благодати истиннаго милосердія быть не можетъ. Есть, однако, среднее состояніе, въ которомъ вѣрующій, чувствуя близость и почти вліяніе духа Божія, испытываетъ наивысшее бла-

женство, какъ-бы небесное опьяненіе. Это внутреннее состояніе души, предрасположенной къ воспріятію благодати, болѣе того, чувствующей уже приближеніе ея и порожденное ею христіанское милосердіе, и есть именно то, что Савонарола называетъ «любовію Іисуса Христа». Важность такой идеи въ его ученіи заключается именно въ утвержденіи, что эта любовь, хотя-бы она и была совершенно субъективнымъ состояніемъ нашей души, вполне достаточна, чтобы предрасположить человѣка къ воспріятію благодати. Христіанинъ, правда, не можетъ быть истинно милосерднымъ безъ благодати: она есть даръ Божій, и для полученія ея воля наша можетъ способствовать намъ очень немного. Но любви, которая, наоборотъ, есть только расположеніе, отъ насъ зависящее, человѣкъ легко можетъ достигнуть собственными силами. Благодать тогда привходитъ въ насъ какъ-бы естественно и милосердіе къ ближнимъ проистекаетъ изъ нашего сердца, какъ необходимое ея слѣдствіе. Итакъ, любовь обладаетъ сверхчеловѣческой силой соединять конечное твореніе съ безконечнымъ Творцомъ и до извѣстной степени объясняетъ тайну человѣческой свободы и божественнаго всемогущества.

Этотъ трактатъ заканчивается нѣкоторыми «воодушевляющими размышленіями», въ которыхъ Савонарола изливаетъ свои чувства въ замѣчаніяхъ относительно милосердія, благодати Господа, горячаго желанія, какое имѣетъ душа его быть съ Нимъ едино, сораспяться съ Нимъ на одномъ крестѣ, быть прободенной тѣми-же гвоздями и вѣнчаться тѣми-же терновымъ вѣнцомъ. Конечно, если мы будемъ ихъ читать со скептицизмомъ нашихъ дней, мы не признаемъ за ними никакого значенія. Если-же, напротивъ, мы примемъ во вниманіе, что они были написаны для народа, что они являются выраженіемъ души, доходившей до самозабвенія въ своей всецѣлой преданности Богу, души человѣка, которому этотъ священный энтузіазмъ доставлялъ утѣшеніе, намъ незнакомое, то будемъ смотрѣть на нихъ правильнѣе. Еще большее значеніе они приобретутъ въ нашихъ глазахъ, если вспомнимъ, что Савонарола удалось заразить энтузіазмомъ весь народъ, доведенный учеными до полного скептицизма. Онъ былъ первымъ, кто

предвидѣль и предчувствовалъ, что эта новая любовь, это новое возбужденіе, овладѣвъ толпою, должны будутъ пробудить въ ней религіозное чувство и возродить міръ.

Въ книгѣ «О Вдовьей Жизни», изданія которой начали появляться еще съ 1491 года, онъ вдовамъ преподаетъ разныя наставленія, касающіяся нравственности. Изъ нея можно видѣть, на сколько ошибочно мнѣніе тѣхъ, кто представляетъ намъ Савонаролу врагомъ супружеской жизни, кто приписываетъ ему намѣреніе сдѣлать изъ Флоренціи нѣчто въ родѣ одного обширнаго монастыря, тогда-какъ въ дѣйствительности онъ держался въ этомъ отношеніи взглядовъ, полныхъ здраваго смысла. Вдовы, говоритъ онъ, суть какъ-бы сироты, находящіяся подъ особымъ покровительствомъ Божиимъ. Истинная ихъ жизнь должна-бы заключаться въ оставленіи всѣхъ мірскихъ заботъ, въ полнѣйшей преданности Богу. Вдовица должна быть похожей на «горлицу, которая есть существо цѣломудренное, потому-что, когда она теряетъ своего друга жизни, она никогда не сходитъ съ другими, но одинокая проводитъ все время въ скорби». «Тѣмъ не менѣе, если для воспитанія дѣтей, или изъ-за бѣдности, или ради невозможности противустоять требованіямъ плоти, вдова вновь захотѣла-бы выйти замужъ, пусть она дѣлаетъ это: это будетъ гораздо лучше, чѣмъ окружать себя поклонниками, давать поводъ къ клеветамъ и жить среди тысячи искушеній. Вдова, которая не чувствуетъ себя въ силахъ поддерживать строгое благоприличіе, переносить трудныя условія своего положенія, пусть лучше возвращается къ достойной всякаго уваженія жизни замужней женщины. А вдовы, которыя, напротивъ, чувствуютъ въ себѣ больше силы и достаточно мужества для жизни въ одиночествѣ, пусть будутъ образцомъ для прочихъ женщинъ. Хорошая вдова всегда должна одѣваться въ темное, жить уединенно, избѣгать общества мужчинъ, быть воплощеніемъ серьезности, сохранять на лицѣ своемъ такую суровую строгость, чтобы никто не осмѣливался обратиться къ ней со словомъ или улыбкой малопочтительными. Подобная жизнь сама по себѣ будетъ постояннымъ примѣромъ для другихъ женщинъ. Поэтому, пусть не прибѣ-

гаеть къ словамъ, когда она хочеть научить кого-нибудь. Да и, вообще, не слѣдуетъ давать совѣтовъ другимъ, если того не требуетъ абсолютная необходимость: ихъ можно давать только своимъ дѣтямъ и внукамъ. Для серьезной вдовы неприлично интересоваться чужой жизнью и осуждать другихъ за ихъ ошибки. Ни въ коемъ случаѣ нейдетъ ей быть или даже казаться только суетной, тщеславной. Подъ предлогомъ спасенья другихъ она не должна переставать думать о себѣ».

Этими и другими подобными книжками, одна за другой появлявшимися въ печати, Савонарола достигалъ своей цѣли, ибо съ каждымъ днемъ росло къ нему уваженіе ученыхъ и любовь народа. Несмотря, однако, на то, что въ своихъ философскихъ трудахъ онъ единственнымъ руководителемъ признавалъ разумъ, а въ произведеніяхъ религіознаго характера всецѣло отдавался непосредственному чувству, ему самому казалось, что всего этого еще недостаточно, чтобы вполне убѣдить тѣхъ, которые непремѣнно хотѣли опираться на какой-бы то ни было авторитетъ. Несомнѣнно, довольно часто онъ отдавался своимъ идеямъ и увлекался до такой степени, что провозглашалъ ихъ неоспоримыми истинами. Совершенно вѣрно, что въ своей религіозной экзальтаціи, считая себя находящимся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Богомъ, онъ не чувствовалъ необходимости приводить какія-либо доказательства въ подтвержденіе своихъ видѣній и откровеній. Все-же, когда нужно было убѣдить другихъ, заставить замолчать высокомеріе и заносчивость ученыхъ, увѣрить народъ въ сверхъестественномъ, авторитетъ какой-нибудь книги становился въ тотъ вѣкъ рѣшительно необходимымъ. Но что могло служить авторитетомъ въ его глазахъ, какъ не Священное Писаніе, въ которое одно только онъ и вѣрилъ? Кто посмѣлъ-бы противостоятъ словамъ Господа? Библия была самымъ надежнымъ руководителемъ его съ юныхъ лѣтъ, утѣшеніемъ въ его скорбяхъ. Она воспитала его и послужила къ образованію всего его душевнаго склада. Не было въ ней строчки, которой не помнилъ-бы онъ наизусть, не было въ ней страницы, которую онъ оставилъ-бы безъ комментаріевъ и изъ которой не

заимствовалъ-бы какой-либо идеи для своихъ проповѣдей. Среди постоянныхъ занятій ею и размышлений по поводу ея словъ, она стала для него не книгою, а живымъ, говорящимъ міромъ, міромъ безконечнымъ, въ которомъ онъ находилъ объясненіе прошедшаго, настоящаго и будущаго. Едва лишь онъ открывалъ Св. Писаніе, какъ уже чувствовалъ себя наэкзальтированнымъ при мысли, что будетъ читать слово Божіе. Онъ видѣлъ въ ней какъ-бы микрокосмъ, аллегорію всей исторіи рода человѣческаго. Содержаніе Библии было неисчерпаемымъ источникомъ для его мыслей. Поэтому, онъ испещрялъ поля этой священной книги безконечными помѣтками, въ которыхъ и выражалъ то, что особенно волновало его въ данную минуту, снабжалъ каждый стихъ ея множествомъ поясненій.

Только изучивъ всѣ проповѣди Савонаролы, можно составить себѣ представленіе о томъ, какъ всесторонне пользовался онъ Библіей. Чтобы въ общихъ хотя-бы чертахъ составить себѣ идею объ этомъ теперь-же, замѣтимъ, что, кромѣ буквальнаго толкованія Библии, онъ дѣлалъ почти къ каждому стиху ея еще четыре толкованія: духовное, нравственное, аллегорическое и мистическое. Для ясности возьмемъ первый стихъ книги Бытія. «Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю» и т. д. Духовный смыслъ имѣетъ отношеніе къ духу. Поэтому, небо и земля могутъ означать тѣло и душу. Нравственный смыслъ относится къ морали: небо и земля означаютъ разумъ и инстинктъ. Аллегорическій смыслъ двойствененъ: одинъ относится къ исторіи еврейской церкви, другой—къ исторіи христіанской. Въ первомъ случаѣ небо и земля представляютъ Адама и Еву, Солнце и Луна—великаго первосвященника и царя еврейскаго народа. Во второмъ случаѣ подъ ними подразумѣваются народъ избранный и язычники, папа и императоръ. Мистическій смыслъ относится къ церкви торжествующей. Поэтому, небо и земля, солнце, луна и звѣзды означаютъ ангеловъ, людей, Иисуса Христа, Божию Матерь, Святыхъ и такъ далѣе.

При такомъ способѣ толкованія Библии Савонарола находилъ въ ней подтвержденіе всѣмъ своимъ мыслямъ, всѣмъ вдохновеніямъ и пророчествамъ, воображаемымъ и дѣйстви-

тельнымъ. Не было ничего значительнаго или маловажнаго, событія общественнаго или частнаго, интереса священнаго или мірскаго, чему онъ не находилъ-бы соотвѣтственнаго мѣста въ Библии. Правда, онъ предупреждалъ, что надо быть осторожнымъ въ этихъ толкованіяхъ. «Необходимо, писалъ онъ на поляхъ своей Библии, знаніе языка и исторіи, постоянное чтеніе, продолжительное обращеніе съ Св. Писаніемъ. Нужно избѣгать идти противъ разумѣнія, противъ мнѣній, принятыхъ церковью и ея учителями. Не надо дѣлать натяжекъ при толкованіи Библии въ нашихъ цѣляхъ, потому - что тогда человѣческій разумъ былъ-бы поставленъ на мѣсто божественнаго слова. Но кто можетъ быть для вѣрующаго руководителемъ въ этомъ морѣ опасностей, въ этомъ лабиринтѣ, въ которомъ не разобраться слабому человѣческому разуму? Имъ будетъ руководить благодать Божія. Поэтому, пусть готовится вѣрный къ чтенію Библии, очищая сердце свое, упражняясь въ дѣлахъ милосердія, отрѣшаясь умомъ своимъ отъ всего земнаго, ибо въ книгу эту нельзя проникнуть только однимъ интеллектомъ, но необходимо вопрошать ее душой и сердцемъ. Только тогда можно будетъ безопасно пуститься въ путь по этому безконечному міру Св. Писанія и овладѣть свѣтомъ, необходимымъ для спасенія. Но не всѣмъ въ равной степени дается этотъ даръ. Богъ время отъ времени посылаетъ на землю людей, которымъ сообщаетъ бѣльшій свѣтъ, чѣмъ другимъ: они-то и должны прояснить темные умы массы народной. Таковы учителя церкви, которымъ часто Господь говорилъ въ духѣ, непосредственно разоблачая передъ ними сокровенное, чтобы они были руководителями и свѣтомъ для вѣрующихъ».

Несмотря на всѣ эти предосторожности, Савонарола самъ очутился на краю пропасти, откуда выбраться благополучно было очень трудно. При столь гибкой и столь широко понимаемой имъ системѣ толкованія, авторитетомъ божественнаго слова можно было подтвердить какое угодно положеніе. Если-бы онъ позволилъ себѣ увлечься, то Св. Писаніе, вмѣсто того, чтобы удерживать порывы его воображенія, могло-бы, напротивъ, поощрять его къ дальнѣйшимъ заблужденіямъ. И въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, какъ экзальтированная фантазія рисо-

вала ему странныя видѣнія будущаго, всякій разъ, какъ слышались въ воздухѣ голоса, предсказывающіе грядущія бѣдствія, предносились его очамъ бичи, угрожающіе Италіи и перкви, онъ всегда находилъ подтвержденія всему этому на какой-нибудь страницѣ Библіи. Его собственное убѣжденіе въ ихъ достовѣрности было тѣмъ крѣпче, чѣмъ наивнѣе и искреннѣе была его душа. Не нужно забывать и того, что на этомъ пути поддерживала его и неоплатоническая философія Фичино, который въ своихъ аллегорическихъ толкованіяхъ классиковъ слѣдовалъ методу не менѣе гибкому и произвольному. Такимъ образомъ, традиціи, наука вѣрка и собственный складъ ума Савонаролы непреодолимо толкали его по опасному пути. Но обо всемъ этомъ мы будемъ имѣть случай болѣе подробно говорить въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Савонарола проповѣдуетъ въ Соборѣ на тексты, взятые изъ Евангелій. Выступаетъ противникомъ Лоренцо Великолѣпнаго. Проповѣди его на тексты изъ перваго посланія Іоанна Богослова.

(1491).

Флорентійцы все усерднѣе и усерднѣе стали посѣщать проповѣди Савонаролы, такъ-что скоро церковь Св. Марка не могла уже вмѣстить всей толпы желающихъ его послушать. Въ Великомъ Посту 1491 года Савонарола рѣшилъ, поэтому, проповѣдывать въ Соборѣ Санта Марія дель Фіоре. Казалось, съ этого момента онъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ на церковной каѳедрѣ, повелителемъ народной массы, энтузіазмъ которой день ото дня все увеличивался. Картины, рисуемыя монахомъ, овладѣвали воображеніемъ толпы, его угрозы грядущими бѣдствіями оказывали магическое дѣйствіе на душу каждаго, ибо зловѣщія предчувствія, повидимому, были тогда у всѣхъ. Его только-что опубликованныя сочиненія заставили съ уваженіемъ говорить о немъ и людей науки, до сихъ поръ не знавшихъ, какъ смотрѣть на него. Но подобная перемѣна въ ихъ отношеніяхъ къ Саво-

наролѣ не удержала его отъ жестокихъ порицаній, направленныхъ противъ скептицизма и развращенности наиболѣе образованныхъ литературныхъ дѣятелей того времени.

Все это, понятно, очень не нравилось Лоренцо Медичи, и уже въ самомъ скоромъ времени приверженцы его образовали довольно сильную оппозицію Савонаролѣ. Послѣдній долженъ былъ призадуматься надъ этимъ обстоятельствомъ и хорошенько сообразить, не лучше-ли было-бы для него оставить пока въ сторонѣ свои видѣнія, образы, угрозы грядущими бѣдствіями и ограничиться только чисто религіозными и нравственными вопросами. Но вскорѣ онъ убѣдился, что для него гораздо легче пожелать подобной переменѣ, чѣмъ привести ее въ исполненіе. Въ «Сборникѣ Откровеній» онъ описываетъ ту борьбу, какую пришлось ему выдержать съ самимъ собою въ дни, предшествовавшіе второму воскресенью Поста. «Все, что заставляло меня уклоняться отъ принятаго мною пути, становилось мнѣ скучнымъ, и сколько разъ ни раздумывалъ я измѣнить свою тактику, мнѣ тотчасъ дѣлалось противно за самого себя. Мнѣ вспоминается, что въ періодъ моихъ проповѣдей въ Соборѣ въ 1491 г. я однажды приготовилъ слово по поводу этихъ видѣній, но рѣшилъ воздержаться отъ него, да, вообще, и на будущее время перестать говорить о нихъ. Богъ свидѣтель, что всю субботу и ночь подъ воскресенье я бодрствовалъ до самого разсвѣта, но не усмотрѣлъ для себя никакого другого пути, никакой возможности учить иначе. На зарѣ, когда я уже былъ утомленъ долгимъ бдѣніемъ и ослабѣлъ духомъ, я услышалъ во время молитвы голосъ, говорившій мнѣ: глупецъ, или ты не видишь, что Господь хочетъ, чтобы ты шелъ по прежнему пути? Вслѣдствіе этого я сказалъ въ этотъ день проповѣдь, которая заставила трепетать всю аудиторию».

Недавно намъ удалось найти сокращенное изложеніе этой проповѣди, сдѣланное самимъ Савонаролою. При всей неполнотѣ своей, оно все-таки даетъ довольно ясную идею о ней. Савонарола съ страшной силой громить клиръ, который, по его словамъ, жаждетъ только наживы, весь ушелъ въ исполненіе однихъ внѣшнихъ обрядовъ, сдѣлавъ изъ нихъ

предметъ торговли, и рѣшительно забылъ интересы жизни внутренней. «Отцы, сами преклоняясь предъ этимъ идоломъ, побуждаютъ сыновей своихъ идти въ духовное званіе, чтобы пользоваться церковными доходами и привилегіями. Поэтому вы и слышите часто: счастливъ тотъ домъ, въ которомъ есть кто-нибудь, занимающій хорошее мѣсто въ духовномъ мірѣ. А я вамъ говорю: придетъ время, когда скажутъ: горе этому дому, и всѣ вы почувствуете надъ собою лезвіе меча. Поступайте, какъ я васъ учу, предпочитайте, чтобы сыновья ваши скорѣе шли по общему съ другими пути, чѣмъ избирали духовную карьеру изъ-за выгодъ. Теперь нѣтъ благодати, нѣтъ такого дара Духа Святаго, который не продавался и не покупался-бы. А бѣдные, между тѣмъ, отягчены податями, и когда они приходятъ, чтобы заплатить невыносимо обременительныя для нихъ суммы денегъ, богатые кричатъ имъ: отдайте намъ и остальное. Есть такіе, которые, зарабатывая 50, платятъ налоговъ 100. Богатые-же платятъ мало, ибо налоги распредѣляются произвольно. Когда вдовы плачутъ, имъ говорятъ: убирайтесь вонъ. Когда бѣдные жалуются, имъ говорятъ: платите и платите».

Обратившись, затѣмъ, къ изобличенію дурныхъ обычаевъ, онъ говоритъ въ заключеніе: «запомните хорошенько, богатые, что на васъ придетъ наказаніе! Городъ этотъ не будетъ болѣе называться Флоренціею, но мерзостью запустѣнія, городомъ крови, вертепомъ разбойниковъ. Всѣ вы тогда будете бѣдными, несчастными, а ваше имя, о священнослужители, будетъ позоромъ для носящихъ его. Я не хотѣлъ болѣе говорить отъ Твоего, о Господи, имени, но Ты сильнѣе меня и побѣдилъ меня. Твои слова сдѣлались во мнѣ какъ-бы огнемъ, который жжетъ мозгъ костей моихъ. Я сталъ позоромъ и посмѣшищемъ въ глазахъ людей. Но я день и ночь призываю Господа и говорю вамъ: знайте, что приближаются новыя времена».

«Когда Христосъ пришелъ обновить міръ. Онъ нашелъ вниманіе къ себѣ только въ Іудеѣ, но и тамъ было мало вѣрующихъ. Но Онъ призвалъ ихъ къ себѣ на гору и ими преобразовалъ потомъ родъ человѣческій. Вы меня отвергаете, осмѣиваете, а я собираю немногихъ учениковъ, которые отка-

жуются отъ всего ради Иисуса Христа. Они не захотятъ ни привилегій, ни доходовъ церковныхъ, не примутъ ни даровъ, ни милостыни, а только хлѣбъ насущный. Будутъ одѣваться, какъ бѣдные, не будутъ заискивать у сильныхъ міра сего, не будутъ испрашивать милости у магистратовъ, когда тѣ идутъ въ Палаццо, не будутъ возводить богатыхъ зданій, не будутъ цѣлыми днями посѣщать женщинъ, разнося имъ иконки и четки. Будутъ правдивы, тверды въ вѣрѣ, будутъ имѣть откровенія и многую премудрость, но не премудрость Скота или поэтовъ, а, напротивъ, премудрость собственной совѣсти и Св. Писаній. Они не будутъ говорить о своихъ видѣніяхъ, пока слава Господня не озаритъ всего міра. Тогда вы поймете, что я говорю вамъ. Сейчасъ это вамъ не по силамъ. Поэтому, нужно просить Господа, чтобы Онъ просвѣтилъ васъ. Ничего другого не остается вамъ дѣлать».

Эта проповѣдь можетъ дать намъ нѣкоторую идею и о прочихъ великопостныхъ проповѣдяхъ Савонаролы 1491 года, отъ которыхъ до насъ дошли лишь отрывочныя собственноручныя его замѣтки, весьма несовершенныя и часто рѣшительно неудобопонятныя. Мы знаемъ только, что на этотъ разъ онъ имѣлъ необычайный успѣхъ, но зато возбудилъ противъ себя и громкій ропотъ тѣхъ, кто считалъ себя лично задѣтымъ его обличеніями. 10 Марта 1491 года онъ писалъ Фра Доменику да Пешіа, который проповѣдывалъ тогда въ Пизѣ и былъ уже горячимъ его послѣдователемъ: «наши дѣла идутъ хорошо, ибо Господь дивно намъ помогаетъ, хотя мы и встрѣчаемъ противодѣйствіе во вліятельныхъ лицахъ города и хотя многіе боятся, чтобы съ нами не случилось того-же, что съ Фра Бернардино. Но я возлагаю всю надежду мою на Господа, Который постоянно укрѣпляетъ мой духъ и поддерживаетъ меня въ моей настойчивости. Я проповѣдую обновленіе церкви, основываясь только на Священномъ Писаніи. Соберитесь-же съ духомъ и возвращайтесь скорѣе: я расскажу вамъ о дѣлахъ Божіихъ, достойныхъ всякаго удивленія».

Что проповѣди этого Великаго Поста имѣли большой успѣхъ, мы имѣемъ тому очевидное доказательство, кромѣ свидѣтельства

біографовъ, еще и въ томъ замѣчательномъ фактѣ, что несмотря на описываемыя въ нихъ видѣнія, угрозы, намеки, на возбужденныя ими неудовольствія, Савонарола былъ приглашенъ Синьоріей на 4-й день Пасхи (6 Апрѣля) произнести проповѣдь въ Палаццо. «Я здѣсь какъ-бы на водахъ Тиверіадскаго моря, началъ онъ. Предъ правителями города я не чувствую себя такъ спокойно, какъ въ церкви: здѣсь мнѣ необходимо быть сдержаннѣе и учтивѣе, подобно Христу въ домѣ Фарисея. Итакъ, я вамъ скажу, что всякое зло и всякое благополучіе города зависигъ отъ его главы. Отсюда вытекаетъ его огромная отвѣтственность за проступки даже самые незначительные, ибо, если-бы онъ шелъ добрымъ путемъ, то и цѣлый городъ могъ-бы стать святымъ. Мы должны ловить рыбу въ этомъ морѣ сѣтями, которыя не оставляли-бы возможности уйти даже самой мелкой рыбешкѣ, идти впередъ безъ излишнихъ предосторожностей, а высказываться, напротивъ, совершенно свободно и откровенно. Тираны неисправимы, ибо горды, ибо любятъ лицемѣрныя похвалы, ибо не хотятъ возвратитъ обратно захваченное несправедливо. Они предоставляютъ общественное управленіе дурнымъ чиновникамъ, склоняются на лесть, не выслушиваютъ несчастныхъ, не судятъ богатыхъ. Претендуютъ, чтобы бѣдные и крестьяне работали на нихъ даромъ, или терпятъ эти претензіи въ своихъ чиновникахъ, вносятъ подкупы въ выборы, продаютъ право на сборы пошлинъ, чтобы еще болѣе отяготить народъ. Поэтому на васъ лежитъ обязанность устранять несогласія, творить справедливость въ судахъ, желать честности во всѣхъ».

Что подобный тонъ рѣчей не долженъ былъ нравиться Лоренцо,—это всякому понятно. Уже и безъ того многіе называли его тираномъ и единогласно обвиняли въ томъ, что онъ развратилъ магистраты и незаконно присвоилъ себѣ имущество, принадлежавшее городу и частнымъ лицамъ. Для него, поэтому, было очень ясно, на кого осмѣливался дѣлать намеки монахъ Св. Марка. Но эта-же смѣлость снискала Савонаролѣ и еще большую славу, и въ іюнѣ того-же 1491 года онъ избранъ былъ настоятелемъ монастыря.

Новая должность, выдвигая его впередъ и давая ему болѣе почетное положеніе, сообщила ему и больше независимости. И вотъ онъ, прежде всего, отказывается подчиняться обычаю, утвердившемуся въ монастырѣ, чтобы вновь избранный пріоръ шелъ на поклонъ къ Лоренцо для выраженія ему какъ-бы своей покорности. «Я признаю мое избраніе, говорилъ онъ, только отъ Бога и Ему Одному буду оказывать повиновеніе». Лоренцо былъ очень огорченъ этимъ и говорилъ: «Вы видите: чужеземецъ пришелъ въ мой домъ и не удостаиваетъ меня даже своимъ посѣщеніемъ!» Не желая, однако, вступать въ открытую борьбу съ настоятелемъ монастыря и поднимать много шума изъ-за 'какого-то монаха, онъ сначала хотѣлъ привлечь его къ себѣ ласкою. Онъ часто заходилъ въ монастырь слушать мессу и, по окончаніи ея, прогуливался по саду. Но Савонарола никогда не прекращалъ своихъ занятій ради того только, чтобы составить ему компанію. Братія монастыря обыкновенно спѣшила извѣщать его о такихъ посѣщеніяхъ, но онъ говорилъ ей въ отвѣтъ: «если онъ меня не ищетъ, оставьте его ходить въ свое удовольствіе». Савонарола до вольно рѣзко отзывался о поведеніи Лоренцо, онъ зналъ о томъ вредѣ, какой тотъ нанесъ общественной нравственности, и не хотѣлъ сближаться съ тираномъ, въ которомъ видѣлъ не только врага и разрушителя свободы, но и главное препятствіе къ обращенію народа къ истинно христіанской жизни. Лоренцо началъ тогда посылать въ монастырь богатые вклады и милостыни. Но это должно было только усугубить и безъ того уже невысокое представленіе, какое Савонарола составилъ себѣ о нравственной сторонѣ его личности. На это онъ дѣлалъ намеки даже съ церковной кафедры, говоря, что добрая собака не перестаетъ лаять, охраняя господское добро, когда ей бросаютъ кость. Вскорѣ послѣ этого онъ нашелъ въ кружкѣ для милостыни нѣсколько золотыхъ монетъ, которыя могъ опустить туда только Лоренцо. Савонарола тотчасъ-же отослалъ ихъ «Добрымъ мужамъ Св. Мартина» для раздачи бѣднымъ, заявивъ, что для нуждъ монастыря достаточно мѣди и серебра. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Бурламаки, «Лоренцо, наконецъ

убѣдился, что подобной тактикой ничего съ Савонаролой не подѣлаешь».

Тогда Лоренцо подослалъ къ нему пятерыхъ изъ наиболѣе почетныхъ флорентійскихъ гражданъ съ порученіемъ убѣдить его воздержаться отъ проповѣдей и дѣйствій въ подобномъ духѣ, при чемъ они должны были поставить на видъ всѣ тѣ опасности, какимъ онъ подвергалъ и себя, и монастырь. Но Савонарола прервалъ ихъ, сказавъ: «я знаю, что вы пришли не по собственному побужденію, а васъ подсылаетъ ко мнѣ Лоренцо. Скажите ему, чтобы онъ каялся въ своихъ грѣхахъ, ибо Господь ни предъ кѣмъ не имѣетъ страха и не щадитъ князей земли». Когда-же тѣ замѣтили ему, что онъ можетъ подвергнуться изгнанію, онъ отвѣтилъ: «Я не боюсь вашихъ изгнаній, ибо этотъ вашъ городъ на землѣ все равно, какъ маленькое чечевичное зернышко. Новое ученіе должно восторжествовать, старое-же падетъ. И хотя я и чужестранецъ, а Лоренцо здѣшній гражданинъ, даже первый въ городѣ, но я долженъ остаться здѣсь, а онъ непременно уйдетъ отсюда». Затѣмъ онъ высказалъ нѣсколько замѣчаній относительно положенія, въ какомъ находилась тогда Италія и Флоренція, съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, что собесѣдники его были поражены. Около того-же самого времени, находясь, однажды, въ ризницѣ церкви Св. Марка, онъ, въ присутствіи многихъ, опредѣленно заявилъ, что скоро порядокъ вещей въ Италіи долженъ будетъ измѣниться. что Лоренцо, папа и король неаполитанскій близки къ смерти.

Савонарола чрезвычайно ревниво относился къ своей церковной независимости и рѣшилъ не уступать никому и ни въ какомъ случаѣ. Его мистическая экзальтація росла со дня на день и во всей своей силѣ проявлялась тогда, когда слушателями его были только монахи его монастыря. Въ этихъ случаяхъ онъ отдавался образному краснорѣчію своихъ словъ и съ одушевленіемъ убѣждалъ братію съ презрѣніемъ относиться ко всему внѣшнему и служить только духовному. Открывая имъ свою душу, онъ овладѣвалъ ими вполне. «Вотъ уже 27 мѣсяцевъ, сказалъ онъ однажды, какъ я началъ здѣсь свои про-

повѣди на Апокалипсисъ, то есть, началъ говорить новое и новымъ образомъ. Будучи разъ на нѣкоей горѣ, я видѣлъ тамъ городъ укрѣпленный, который сталъ вдругъ рушиться, какъ-бы отъ землетрясенія. Жители его жили въ постоянныхъ раздорахъ между собой. Тогда я подумалъ: городъ этотъ, должно быть, лишенъ крѣпкаго основанія, а граждане не имѣютъ милосердія. Я сошелъ въ долину и увидѣлъ, что подъ городомъ была пещера. Тотчасъ-же я началъ строить новый городъ на ровномъ мѣстѣ, прося помощи у другихъ. Но нѣкоторые, напротивъ, уносили у меня камни, другіе смѣялись надо мною и со старыхъ стѣнъ поражали меня стрѣлами. Въ отчаяніи я хотѣлъ уже удалиться, но Господь приказалъ мнѣ продолжать начатое». Затѣмъ онъ разъяснилъ, что подъ стрѣлами онъ разумѣетъ неправильныя идеи ученыхъ, которые тетивой ложной науки и злой воли сгибали лукъ правоты. Новый городъ—это духовная жизнь, гонимая людьми міра сего. «Молитесь въ духѣ, продолжалъ онъ, ибо Господь хочетъ, чтобы побѣда была одержана, и прилежно просите Его, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ многихъ опасностей. Легко склонить людей къ опредѣленной внѣшней жизни: посѣщать литургію, ходить на исповѣдь. Но очень трудно привести ихъ къ жизни внутренней, предрасположить ихъ къ благодати. Нужно избѣгать лишней обрядности. Эта обрядность не составляетъ чего-нибудь существеннаго, ибо она неодинакова въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Древніе и безъ нея жили благочестиво. Теперь же, при множествѣ церковныхъ церемоній, ко всему стали обращаться съ пренебреженіемъ и все сдѣлали орудіемъ наживы, какъ это доказываетъ всеобщая жадность до бенефицій. По результатамъ-же можно судить и о причинѣ: недостаетъ вашему городу христіанской любви, а, слѣдовательно, и твердаго фундамента. Горячѣе молитесь въ духѣ, чтобы Господь соизволилъ даровать торжество новому ученію. Не ходите во слѣдъ ученію ложному, но все испытайте по смыслу Писанія».

Эта необычайная твердость, этотъ восторженный мистицизмъ, съ такою силой вспыхнувшій среди развращеннаго и полуязыческаго флорентійскаго общества, произвели необычай-

ный эффект. Лоренцо уже чувствовалъ серьезность всего того, что готовилось: онъ не хотѣлъ прибѣгать къ крайнимъ и опаснымъ мѣрамъ, но въ то-же время не хотѣлъ и уступать предъ этой, какъ ему казалось, вызывающей смѣлостью монаха. Поэтому, чтобы ослабить возрастающее вліяніе новаго проповѣдника на народъ, онъ уговорилъ Фра Маріано да Дженнаццано снова выступить на церковной кафедрѣ съ проповѣдью, поручивъ ему съ особенной силой обличить самонадѣянность тѣхъ, кто рѣшается предсказывать будущее. Дженнаццано обладалъ всей беззащитностью, лукавствомъ и лицемеріемъ придворнаго, и хотя въ проповѣдяхъ своихъ и прибѣгалъ къ неестественно-условнымъ жестамъ, ко вздыханіямъ и слезамъ, однако, слывъ за ученаго и пользовался большимъ благорасположеніемъ у креатуръ Лоренцо, которыхъ восхвалялъ съ кафедры. До сихъ поръ онъ казался другомъ Савонаролы и, повидиму, радовался вмѣстѣ съ нимъ успѣху, котораго тотъ достигъ. Но едва лишь ему предложили выступить съ обличеніями Савонаролы, какъ онъ тотчасъ-же принялъ это порученіе съ удовольствіемъ. Въ день Вознесенія Господня онъ долженъ былъ проповѣдывать въ церкви своего монастыря, въ Санъ Галло, на текстъ изъ Библии: «не ваше дѣло знать времена или сроки» (Дѣян. I. 7). Слухъ объ этомъ быстро распространился по городу: всѣ ожидали проповѣди съ нетерпѣніемъ, и въ назначенный день въ церкви собралась огромная толпа народа. Весь цвѣтъ общества былъ тутъ на лицо: прибылъ Плачидо Чиноцци, вполнѣдствіи монахъ Св. Марка и біографъ Савонаролы, Пико делла Мирандола, тогда еще большой почитатель Дженнаццано. Полиціано и самъ Лоренцо Медичи, который своимъ присутствіемъ хотѣлъ придать большую торжественность подготовляемому имъ пораженію Савонаролы. Но Дженнаццано не выдержалъ и выдалъ себя своею горячностью. Онъ началъ сыпать по адресу Савонаролы всевозможными обвиненіями, называлъ его пустымъ и ложнымъ пророкомъ, сѣятелемъ соблазна и безпорядковъ въ народѣ, и все это такъ грубо, въ такомъ вульгарномъ тонѣ, что внушилъ слушателямъ отвращеніе къ себѣ. Въ этотъ день онъ сразу погубилъ свою репутацію краснорѣчиваго оратора, съ такимъ

трудомъ пріобрѣтенную трудами многихъ лѣтъ. Чиновцы и Пико навсегда отвернулись отъ него и перешли на сторону Савонаролы, учениками и горячими послѣдователями котораго они сдѣлались впоследствии. Полиціано тоже чрезвычайно непріятно былъ пораженъ этой проповѣдью, а Лоренцо сконфуженъ и озадаченъ.

Такимъ образомъ, то, что должно было послужить къ пораженію Савонаролы, обратилось, напротивъ, къ его торжеству. Въ слѣдующее воскресенье онъ произнесъ проповѣдь на тотъ-же текстъ, но толкуя его въ свою пользу. Въ ней онъ отвѣчаетъ на обвиненія и нападки того, кто изъ лицемѣрнаго друга такъ внезапно объявился его открытымъ врагомъ. Теперь Савонарола остался на полѣ брани безъ соперниковъ, ибо продолжать свои проповѣди Дженнаццано не осмѣливался. Впрочемъ, послѣдній, вновь надѣвъ на себя маску лицемѣрія, старался показать видъ, что не обращаетъ на случившееся никакого вниманія. Онъ пригласилъ Савонаролу къ себѣ въ монастырь, и они, торжественно отслуживъ вмѣстѣ мессу, обмѣнялись взаимными любезностями. Но въ глубинѣ души франдисканецъ очень живо чувствовалъ понесенное имъ пораженіе. Считается первымъ проповѣдникомъ Италіи, почти совершенно уничтожить своего соперника, когда тотъ въ первый разъ появился во Флоренціи, а теперь быть самому побѣжденнымъ, униженнымъ въ глазахъ всѣхъ—было слишкомъ тяжело. Этого нельзя было перенести спокойно. Онъ затаилъ въ своей груди глубокую ненависть къ Савонаролѣ, поклялся отомстить ему, непрестанно старался создать ему новыя опасности, новыхъ враговъ, пока, на самомъ дѣлѣ, не успѣлъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ виновниковъ его гибели.

Лоренцо увидѣлъ, что планы его не удались. Тогда, уже чувствуя въ себѣ зачатки той болѣзни, которая должна была свести его въ могилу, и утомившись вести борьбу съ человекомъ, къ которому противъ воли начиналъ чувствовать уваженіе, онъ предоставилъ ему полную свободу. И Савонарола не злоупотребилъ ею.

До сего времени мы судили о проповѣдяхъ Савонаролы

лишь по краткимъ, болѣе или менѣе отрывочнымъ, замѣткамъ. Изъ напечатанныхъ въ цѣломъ видѣ самыми первыми должны считаться проповѣди его на Первое Посланіе Св. Іоанна, по времени своего появленія относящіяся приблизительно къ 1491 году. Поэтому, намъ необходимо здѣсь остановиться на нихъ, чтобы по нимъ ближе познакомиться съ характеромъ его краснорѣчія. Дать общій обзоръ цѣлаго ряда проповѣдей—это, несомнѣнно, предпріятіе очень смѣлое: самая форма произведеній подобнаго рода не даетъ ни единства предмета, ни какой-либо связи между отдѣльными частями. Если-же присоединить сюда нѣсколько безпорядочный характеръ склада ума и работъ Савонаролы, то будетъ понятно, какъ трудно найти въ нихъ тотъ опорный пунктъ, отъ котораго можно было-бы отправиться въ своихъ изысканіяхъ и при анализѣ признать за основной. Обыкновенно онъ начинаетъ свою рѣчь какимъ-нибудь текстомъ изъ Библии, около котораго, сообразно съ указаннымъ методомъ толкованія, группируетъ всѣ богословскія, политическія и моральныя идеи. какія представляются въ данную минуту его уму, обосновывая ихъ при этомъ все новыми и новыми цитатами. Такимъ образомъ, получается масса самаго разнообразнаго, но безпорядочно разбросаннаго матеріала, въ которомъ читатель легко можетъ потерять руководящую мысль. Иногда, однако, Савонарола высвобождается изъ этой путаницы, порываетъ связь со всякими условными формами: рѣчь его затрагиваетъ живой предметъ, который захватываетъ вниманіе и самого оратора, и его аудиторіи. Воображеніе его воспламеняется, удивительныя картины предносятся его уму, голосъ его звучитъ сильнѣе, жесты становятся живѣе, глаза сверкаютъ. Моментъ,—и предъ нами своеобразный, великій и мощный ораторъ. Но скоро онъ погружается въ тотъ-же искусственно созданный міръ плохо между собой вяжущихся и плохо прочувствованныхъ идей, но съ тѣмъ, чтобы вновь подняться надъ ними и затѣмъ опять въ нихъ погрузиться. Освободиться отъ нихъ вполне ему не удавалось никогда. Но и онъ не могли всецѣло подчинить его себѣ. Поэтому, кто читаетъ и вдумывается въ эти проповѣди.

тотъ вынужденъ придти къ заключенію, что Савонарола былъ рожденъ ораторомъ, но что ему недоставало соотвѣтствующаго искусства. Вотъ почему, когда предметъ вдохновлялъ и захватывалъ всего его цѣликомъ, природный талантъ выдвигался впередъ, и онъ становился поистинѣ краснорѣчивымъ. А если мы начнемъ сравнивать его съ наиболѣе знаменитыми его современниками, напримѣръ, съ Фра Паоло Аттаванти и Фра Роберто да Лечче, которые то расплывались въ схоластическихъ тонкостяхъ, то освобождались отъ нихъ, но лишь затѣмъ, чтобы унизиться до шутовскаго, вульгарнаго тона, совершенно неумѣстнаго на церковной кафедрѣ, Савонарола покажется намъ настоящимъ гигантомъ даже въ моменты наименѣе для него счастливые. Всякій, внимательно читающій его проповѣди, сразу-же замѣтитъ, что повсюду у него разсѣяна масса попутныхъ идей и частныхъ замѣчаній, если и умаляющихъ значеніе его, какъ оратора, зато свидѣтельствующихъ о немъ, какъ о глубокомъ мыслителѣ.

Множество примѣровъ этого рода представляютъ именно вышеупомянутыя проповѣди его на Первое Посланіе Св. Іоанна, произнесенныя, по всей вѣроятности, въ праздничные дни 1491 года. Въ нихъ ораторъ подробно излагаетъ таинственную сторону Литургіи, сопровождая свои слова разъясненіями и совѣтами, весьма полезными для народа. Если-бы мы подробно стали излагать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ, и указывать всѣ затронутые въ нихъ вопросы, мы получили-бы о нихъ крайне несовершенное представленіе. Для дѣла гораздо лучше будетъ, если мы ограничимся выборомъ только тѣхъ мыслей и отрывковъ, которые являются, такъ сказать, типичными по отношенію ко всѣмъ остальнымъ. Можно было-бы привести, напримѣръ, его разсужденія о «словѣ жизни», предметѣ, кажется, особенно близкомъ его сердцу. Теперь эти разсужденія должны показаться искусственными и неимѣющими большого значенія. Но кто при-смотрится къ нимъ внимательно и припомнитъ, въ какомъ положеніи находились тогда науки богословскія и, вообще, все религіозное образованіе народа, тотъ будетъ пораженъ ихъ ори-

гинальностью и вынужденъ будетъ признать въ Савонаролѣ силу мышления, изъ ряда вонъ выходящую.

Итакъ, вотъ что мы читаемъ у него: «наше слово въ своей послѣдовательности произношенія слоговъ появляется не сразу все, а отдѣльными частями, и когда одна часть его живетъ, другія всѣ еще не существуютъ. Будучи-же произнесено все, оно—все перестаетъ и существовать. Но Логось, божественное слово, не имѣетъ частей: онъ исходитъ сразу во всей своей цѣльности, какъ нѣкая недѣлимая сущность, разливается въ твореніи, живетъ и пребываетъ вѣчно, какъ небесный свѣтъ, съ которымъ онъ сходствуетъ. Вотъ почему Логось есть «слово жизни», даже сама жизнь, единая съ Отцомъ. Правда, мы понимаемъ слово жизнь въ различныхъ смыслахъ: иной разъ подъ нимъ мы разумѣемъ самое существованіе живыхъ твореній, иногда, напротивъ, оно обозначаетъ для насъ то, что составляетъ смыслъ ихъ дѣятельности. Поэтому, мы и говоримъ: жизнь такого-то человѣка есть наука, жизнь птицы есть пѣніе. Но истинная жизнь—одна: она есть Богъ, потому-что въ Немъ Одномъ все сущее находитъ свое бытіе. Она то и является той блаженной жизнью, которая составляетъ цѣль человѣка и въ которой заключается вѣчное, абсолютное счастье. Земная жизнь не только обманчива, но ею нельзя и пользоваться цѣликомъ, такъ-какъ ей недостаетъ единства. Если ты любишь богатство, ты долженъ отказаться отъ чувственныхъ наслажденій. Если предаешься послѣднимъ, ты долженъ отказаться отъ научныхъ занятій. Если посвятишь жизнь наукѣ, не займешь выдающейся должности. Но наслажденія небесной жизнью всѣ объединяются въ лицезрѣніи Бога, который есть высшее блаженство».

Савонарола посвящаетъ немало времени на развитіе подобныхъ идей, но все-же гораздо чаще останавливается на обличеніи дурныхъ обычаевъ вѣка, осуждая одинъ за другимъ всѣ пороки, которые господствовали тогда. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ онъ объ играхъ: «если вы увидите въ эти дни людей, занимающихся играми, не думайте, что это христіане: нѣтъ, они хуже невѣрныхъ. они служители діавола и справляютъ праздникъ ему. Это люди жадные, богохульники, клеветники, стараю-

щієся замарать честное имя другихъ, наушники, противные Богу, воры, убійцы, исполненные всякаго нечестія. Втеченіе этихъ праздниковъ я не позволяю вамъ ни подъ какимъ видомъ участвовать въ какихъ-либо играхъ. Вы должны пребывать въ непрерывной молитвѣ, непрестанно благодаря Бога о имени Господа Іисуса Христа. Да будетъ проклятъ тотъ, кто будетъ самъ играть или кто позволитъ играть другимъ. Избѣгайте общества такихъ людей, ибо проклятъ отецъ, играющій въ присутствіи сына, прокята мать, играющая въ присутствіи дочери. Итакъ, да проклятъ будетъ всякій, кто-бы онъ ни былъ, кто будетъ играть или согласится на то, чтобы играли другіе. Будешь, говорю, проклятъ во градѣ, проклятъ въ полѣ. Прокята трапеза твоя, смертные останки твои, проклятъ плодъ чрева твоего и плодъ земли твоей, стада воловъ твоихъ и овецъ твоихъ. Будешь проклятъ во исходѣ и во входѣ твоёмъ». Противъ ростовщичества и исканія чрезмѣрныхъ выгодъ онъ гремитъ: «благодаря своей жадности, не живете счастливо ни вы, ни дѣти ваши. Вы изыскали множество искуснѣйшихъ способовъ къ добыванію денегъ, множество операций, которыя вы называете законными, но которыя, на самомъ дѣлѣ, абсолютно безчестны. Вы внесли развращеніе въ администрацію и магистраты... Никто не можетъ увѣрить васъ, что грѣшно заниматься ростовщичествомъ или неправильнымъ размѣномъ денегъ,—вы защищаете это на погибель душъ своихъ... Нѣтъ ни въ комъ стыда давать деньги подъ большіе проценты,—напротивъ, дѣлающій иначе считается глупцомъ. Итакъ, на васъ исполняется слово пророка Исаи: грѣхъ свой яко содомскій возвѣстиша и явиша, а также слова пророка Іереміи: лицо жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдиться. Ты говоришь, что хорошая и счастливая жизнь заключается въ богатствѣ, а Христосъ говоритъ: блаженіи нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное. Ты говоришь, что блаженство въ удовольствіяхъ и похотяхъ, а Христосъ говоритъ: Блаженіи плачущіе, яко тѣмъ утѣшатся. Ты говоришь: счастливъ тотъ, кого всѣ прославляютъ, а Христосъ говоритъ: блаженіи будете, если люди васъ будутъ презирать и гнать. Путь жизни указанъ намъ, но никто его не

хочетъ, никто не усваиваетъ его себѣ. Поэтому, Христосъ требуетъ васъ на судъ къ Себѣ, ибо, много претерпѣвши для наученія васъ жизни, которая должна всѣхъ спасти, Онъ имѣетъ всѣ основанія справедливо обвинять васъ. Къ вамъ относится то, что говоритъ Онъ чрезъ пророка: я усталъ, взывая къ нимъ. Охрипла гортань моя, ибо каждый день я кричу имъ устами проповѣдниковъ, и никто не внимаетъ».

Иногда Савонарола обращается къ сердцу народа, старается тронуть его и чрезъ то обратить его къ добру. «О, если-бы я могъ убѣдить васъ оставить заботу о земномъ и обратиться къ небесному! Несомнѣнно, если-бы Господь оказалъ эту милость мнѣ и вамъ, я счелъ-бы себя счастливейшимъ изъ смертныхъ! Но это даръ божій. Никто не можетъ придти ко Мнѣ, говоритъ Господь, если не Отецъ привлечетъ его. Я не могу просвѣтить васъ внутренно, могу только кричать вамъ въ уши. Но къ чему это, если разумъ вашъ не просвѣщенъ изнутри, если не возжено въ васъ чувство любви»? «И кто можетъ сдѣлать это, если не слово Господне? Прилагайте-же усилія къ пониманію его, трудитесь, какъ это вы дѣлаете съ зерномъ, размалывая его и перетирая, чтобы добыть изъ него муку. Въ противномъ случаѣ, къ чему имѣть полныя житницы? Къ чему послужили-бы сокровища Священнаго Писанія, если-бы изъ нихъ не извлекался духовный смыслъ? Поэтому, я буду прилагать всѣ усилія въ несеніи апостольскаго служенія, возвѣщая вамъ Слово Божіе,—ваше-же дѣло быть не только слушателями, но и исполнителями его».

Но Савонарола превзошелъ самого себя, когда онъ [предложилъ слушателямъ изложеніе Евангельскаго чтенія на Крещеніе Господне: проповѣдь его была не только картинна и горяча, но и полна величайшаго искусства. «Когда-же Иисусъ родился во Вифлеемѣ Іудейскомъ, въ дни царя Ирода, пришли въ Іерусалимъ волхвы съ востока и говорятъ: гдѣ родившійся царь Іудейскій? ибо мы видѣли звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему. Замѣчайте слова и внимайте таинствамъ... Итакъ, Тотъ, Которымъ все сотворено, теперь самъ рождается во времени. Начало всѣхъ вещей, послѣ того, какъ

оно сотворило все существующее, рождается и имѣетъ Матерью молодую дѣвицу... Тотъ, Который въ рукѣ содержитъ весь міръ, Самъ носится дѣвою. Тотъ, Который превыше всѣхъ вещей, имѣетъ родину, начинаетъ быть соотечественникомъ людей, другомъ людей, братомъ людей и сыномъ человѣческимъ. Вотъ какъ приблизился къ вамъ Богъ. Итакъ, взыщите Господа, доколѣ есть время найти Его, призывайте Его, доколѣ Онъ близокъ... Это и есть, несомнѣнно, тотъ хлѣбъ, который нисходитъ съ неба и обновляетъ сердца ангеловъ и людей. Это и есть общій хлѣбъ для ангеловъ и людей»...

«Итакъ, внимайте, братія моя, и не будьте заблуждающимися. Откройте очи ваши и посмотрите, кто суть тѣ, которые приходятъ. Къ вамъ взываю, о человѣцы, и обращеніе мое къ сынамъ человѣческимъ: вотъ Магн, вотъ Халдеи, вотъ тѣ, которые не родились среди христіанъ, которые не были крещены, вотъ тѣ, которые не были научены истинамъ евангельскимъ, вотъ тѣ, которые не укрѣплены множествомъ таинствъ церковныхъ, вотъ тѣ, которые не слыхали проповѣдей. Се волсви отъ востока: отъ среды народа нечестиваго и грѣшнаго, отъ дальнихъ странъ, издалека, они идутъ, не тяготясь ни расходами, ни утомленіемъ, ни опасностями пути. Придоша. Когда же они пришли? Когда весь міръ былъ полонъ идолослуженія, когда обоготворялись камни и дерево, когда земля полна была мрака, тьмы, когда всѣ люди исполнены были неправды... Когда они пришли? Когда Іисусъ былъ младенцемъ, когда Онъ возлежалъ на сѣнѣ, когда Онъ былъ еще слабъ, когда не совершалъ еще чудесъ... Мы видѣли звѣзду Его на востокѣ: звѣзду, которая возвѣщала Его пришествіе. Вотъ что они видѣли. Звѣзду, не какія-нибудь другія чудеса: не прозрѣніе слѣпцовъ, не воскрешеніе мертвыхъ, не что-нибудь, для всѣхъ явно чудесное. И пришли поклониться Ему. Мы совершили далекій путь, чтобы только поклониться слѣду ногъ Его. Если-бы мы могли видѣть Его, если-бы могли поклониться Ему, прикоснуться къ Нему, принести Ему наши дары, мы сочли-бы себя блаженными. Мы оставили отечество, оставили родныхъ, оставили друзей, оставили царства, оставили всѣ бо-

гата, какія имѣемъ. Пришли сюда, совершивъ столь далекій путь, среди многихъ опасностей, съ такою поснѣшностью, лишь для того, чтобы поклониться Ему. Для насъ достаточно и этого, мы цѣнимъ это дороже нашихъ царствъ, желаемъ этого болѣе всего въ нашей жизни... Что мы скажемъ на это, братіе? Что скажемъ по совѣсти? О, вѣра живая, о, любовь высочайшая! Теперь вы видите, какова была жестоковѣйность іудейская, каково было окаменѣніе сердецъ, ибо люди эти не были тронуты ни чудесами, ни пророчествами, ни этимъ гласомъ»!

«Но зачѣмъ намъ обращать свою рѣчь противъ іудеевъ, а не противъ насъ самихъ? Зачѣмъ видѣть сучецъ въ глазу ближняго, а не замѣчать цѣлаго бревна въ своемъ собственномъ? Вотъ, теперь Господь Иисусъ Христосъ не младенецъ во ясляхъ, а великій Богъ на небесахъ. Онъ уже кончилъ свою проповѣдь, совершилъ чудеса, распятъ, воскресъ, сидитъ одесную Отца, послалъ Духа Святаго въ міръ, послалъ апостоловъ, покорилъ Себѣ языки... Вездѣ уже царство небесное. Вотъ открыта дверь. Господь прошелъ Свой путь, апостолы и мученики слѣдовали Ему. Но ты лѣнивъ, всякое усиліе тяготитъ тебя, и ты не хочешь идти по стопамъ Христовымъ. Вотъ каждый день растетъ жадность, увеличивается пропасть лихонимства, все заражено страстью къ роскоши, гордость восходитъ до облаковъ. Вы—сыновья отца вашего діавола и хотите творить похоти его. Охъ, какъ хорошо приложимо къ вамъ изреченіе: вотъ я иду къ народу, который не зналъ меня и не призывалъ Моего Имени. Ежедневно я простираю руки къ этому невѣрному народу, который идетъ по пути погибели, къ народу, который вызываетъ меня на ярость».

Это описаніе маговъ, идущихъ изъ дальнихъ странъ, среди множества опасностей, искать Иисуса, еще младенца, въ то время, какъ христіане остаются равнодушными къ Тому, Кто, уже выросши, во всей своей славі, простираетъ руки, призывая ихъ къ Себѣ,—это описаніе было однимъ изъ тѣхъ, которыя наиболѣе плѣняли народъ. Да и вся проповѣдь была одной изъ лучшихъ, какія только произносилъ когда-либо Савонарола. Такіе примѣры неподдѣльнаго, льющагося отъ сердца, горячаго

краснорѣчія были рѣшительно неизвѣстны въ тотъ вѣкъ учености и подражательности. Тогда исчезло уже и то, очень наивное, почти дѣтское, но полное искренности, краснорѣчіе, какое мы видимъ въ проповѣдяхъ XIV вѣка, и котораго послѣднимъ и наиболѣе славнымъ представителемъ былъ Санъ Бернардино изъ Сіены. Проповѣдники, какъ мы уже сказали, если не были грамматиками, какъ Дженнаццано, часто угодоблялись народнымъ шутамъ, или говорили языкомъ схоластическимъ, котораго никто болѣе не понималъ. Поэтому, весь секретъ того благорасположенія, какое снискалъ себѣ Савонарола, заключается въ его мистическо-религіозномъ одушевленіи въ чувствѣ, какое онъ умѣлъ вдохнуть въ народъ. Его голосъ былъ единственнымъ, которому удалось стать близкимъ, обаятельнымъ для слушателя. Онъ говорилъ языкомъ, который трогалъ сердце толпы, обсуждалъ вопросы, которые прямо ея касались, былъ искреннимъ борцомъ за правду, обладалъ горячею любовью къ добру, глубоко чувствовалъ скорби той аудиторіи, къ которой говорилъ, и былъ, поэтому, единственнымъ истинно краснорѣчивымъ ораторомъ того вѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ угасло святое краснорѣчіе Отцовъ и Учителей церкви первыхъ вѣковъ, не появлялось уже никого, чье слово достойно было-бы быть переданнымъ слѣдующимъ поколѣніямъ. Фра Джироламо Савонарола вновь поставилъ проповѣдничество на почетное мѣсто, вдохнулъ въ него жизнь. Поэтому, по всей справедливости, онъ можетъ быть названъ первымъ ораторомъ новыхъ вѣковъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Смерть Лоренцо Медичи и Иннокентія VIII. Избраніе Александра VI. Путешествіе Савонаролы въ Болонью. Отдѣленіе Монастыря Св. Марка отъ Ломбардской Конгрегации. Реформа монастыря.

(1492—1493 г.).

Лоренцо Великолѣпный удалился въ свою чудную виллу въ Кареджи. Жестокая болѣзнь терзала его внутренности, и уже съ первыхъ чиселъ апрѣля не оставалось никакой надежды на

его выздоровленіе. Напрасно доктора испытывали на немъ всѣ средства, какими располагало тогда медицинское искусство. Напрасно прибылъ знаменитый медикъ Лаццаро изъ Павіи: его чудодѣйственный напитокъ изъ дистиллированныхъ жемчужинъ не оказалъ ни малѣйшаго вліянія. Лоренцо былъ близокъ къ смерти. Немногіе друзья, оставшіеся вѣрными въ послѣдніе минуты жизни, выказывали ему самое горячее участіе. Фичино и Пико постоянно навѣщали его, а Анджело Полиціано не отходилъ отъ его постели. Послѣдній искренно любилъ своего покровителя, чувствовалъ, что онъ теряетъ въ немъ того, кому всѣмъ былъ обязанъ въ жизни и къ кому изъ признательности былъ привязанъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ. Напрасно старался онъ скрыть свою печаль, напрасно старался удерживать слезы: Лоренцо останавливалъ на немъ свой пристальный, полный загадочности, взглядъ умирающаго, и тотъ, не владѣя собой, заливался горькими слезами.

Эти проявленія глубокой любви дѣлали послѣдніе часы Лоренцо торжественными. Чувствуя приближеніе смерти, онъ со всей искренностью устремилъ теперь всѣ свои помыслы къ религіи и, казалось, рѣшительно измѣнился. Въ самомъ дѣлѣ, когда принесены были Св. Дары, онъ собралъ послѣднія силы, чтобы встать, пожелалъ, чтобы друзья поддержали его подъ руки и помогли ему встрѣтить священника. Но тотъ, замѣтивъ его необычайное волненіе, долженъ былъ попросить его снова лечь въ постель. Потребовалось немало усилій, чтобы хоть нѣсколько успокоить Лоренцо. Прошедшее вставало въ памяти умирающаго въ страшномъ, ужасающемъ видѣ: чѣмъ ближе становился смертный часъ, тѣмъ тяжелѣе казались ему совершенные имъ въ жизни грѣхи, тѣмъ большей карою они грозили ему. Даже таинства, которыми теперь напутствовали его, какъ умирающаго, и тѣ не въ состояніи были ослабить въ немъ этого чувства ужаса, потому-что, потерявъ всякую вѣру въ людей, онъ не полагался на искренность даже собственнаго своего духовника. Привыкнуши видѣть во всѣхъ полнѣйшее повиновеніе каждому своему жесту, всеобщее преклоненіе предъ своей волей, онъ не могъ представить себѣ, чтобы кто-нибудь посмѣлъ

отказать ему и въ отпущеніи грѣховъ. Поэтому, разрѣшеніе ихъ, полученное имъ отъ священника, нисколько не ослабило тяжести, гнетущей его совѣсть, и терзанія его становились все болѣе и болѣе ужасными. «Никто и никогда не осмѣливался сказать мнѣ рѣшительное нѣтъ», думалось часто ему теперь, и эта мысль, бывшая раньше предметомъ его гордости, сдѣлалась для него теперь источникомъ мученій.

Но вотъ его воображенію внезапно предстаетъ суровый образъ Савонаролы. Онъ вспоминаетъ, что монахъ этотъ никогда не уступалъ ни заискиваніямъ съ его стороны, ни угрозамъ: «я не знаю другого настоящаго монаха, кромѣ него», восклицаетъ онъ и выражаетъ желаніе исповѣдаться у него. Тотчасъ-же было послано въ монастырь Св. Марка за Савонаролою. Послѣдній былъ такъ удивленъ этимъ необычнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ для себя приглашеніемъ, что едва повѣрилъ ему. Сначала онъ отвѣтилъ, что ему кажется бесполезнымъ идти въ Кареджи, ибо его слова, безъ всякаго сомнѣнія, не будутъ приняты Лоренцо особенно благосклонно. Но когда ему было описано тяжелое положеніе больного и горячее его желаніе исповѣдаться у него, онъ тотчасъ-же отправился въ путь.

Лоренцо въ этотъ день чувствовалъ себя ближе, чѣмъ когда-либо, къ смерти. Онъ призывалъ къ себѣ своего сына Піеро, далъ ему послѣднія наставленія и простился съ нимъ. Когда друзья его, удалившіеся на время этого разговора, вновь вошли въ его комнату и увели отъ его постели юношу, слишкомъ волновавшаго его своимъ присутствіемъ, Лоренцо выразилъ желаніе видѣть Пико делла Мирандола. Тотъ немедленно явился. Пріятная фигура этого милаго и спокойнаго молодого человѣка, казалось, подѣйствовала успокоительно на больного. Обратившись къ нему, Лоренцо сказалъ: «мнѣ и смерть показалась-бы гораздо тяжелѣе, если-бы я сперва не повидался съ тобою и не провелъ хоть нѣсколько пріятныхъ минутъ въ твоёмъ обществѣ». Лицо его прояснилось, рѣчь сдѣлалась почти веселой, онъ началъ смѣяться и шутить съ своимъ другомъ. Лишь только Пико вышелъ, какъ въ комнату вошелъ

Савонарола и почтительно приблизился къ постели умирающаго. Лоренцо желалъ покаяться предъ нимъ, чтобы получить отъ него прощеніе особенно въ трехъ грѣхахъ: въ разграбленіи Волтерры, въ присвоеніи денегъ, принадлежавшихъ попечительству о бѣдныхъ дѣвушкахъ, слѣдствіемъ чего было вступленіе многихъ изъ нихъ на путь разврата, и, наконецъ, въ пролитіи крови послѣ заговора Пацци. Говоря объ этомъ, прежде еще, чѣмъ началась настоящая исповѣдь, Лоренцо опять заволновался, и Савонарола, чтобы успокоить его, повторялъ: «Богъ благъ, Богъ милосердъ». «Но, прибавилъ онъ, едва лишь Лоренцо кончилъ говорить, для прощенія этихъ грѣховъ необходимы три условія». «Какія, отче?», спросилъ Лоренцо. Лицо Савонаролы приняло строгое выраженіе и, считая по пальцамъ правой руки, онъ началъ говорить: «Первое. Необходимо имѣть живую и крѣпкую вѣру въ милосердіе Божіе». «О, ее я имѣю!» «Второе. Необходимо, чтобы вы сами загладили содѣянное вами зло или за вѣщали сдѣлать это за васъ своимъ сыновьямъ». Лоренцо, казалось, былъ удивленъ и огорченъ подобнымъ требованіемъ. Однако, пересиливъ себя, кивкомъ головы выразилъ свое согласіе и на это условіе. Савонарола всталъ. Въ то время, какъ правитель Флоренціи казался жалкимъ на своемъ одрѣ болѣзни, фигура строгаго доминиканца точно выросла. «Послѣднее. Необходимо возвратить флорентійскому народу его свободу». Видъ Савонаролы былъ величествененъ, голосъ почти грозенъ. Глаза, чтобы отгадать ожидаемый отвѣтъ, впились въ лицо Лоренцо. Но послѣдній, собравъ всѣ силы, какія еще оставались у него въ эту минуту, съ негодованіемъ отвернулся отъ Савонаролы, не произнеся ни одного слова. Такъ Савонарола и ушелъ, не давъ отпущенія грѣховъ, даже не исповѣдавъ его, какъ слѣдуетъ. Лоренцо, терзаемый угрызеніями совѣсти, вскорѣ послѣ того испустилъ духъ. Это было 8 апрѣля 1492 года.

Смерть Лоренцо Медичи внесла много перемѣнъ въ ходъ жизни Италіи вообще и Тосканы въ частности. Его осмотрительность, умѣнье ловко обходиться съ правителями сосѣднихъ государствъ, поддерживать съ большимъ искусствомъ согласіе, или, по крайней мѣрѣ, равновѣсіе между ними, создали ему

славу руководителя всей итальянской политики. А Флоренція, благодаря ему, сдѣлалась центромъ, гдѣ рѣшались наиболѣе важныя дѣла страны. Напротивъ, Піеро былъ, казалось, совершенной противоположностью своему отцу. Красивый, здоровый, онъ весь отдавался чувственнымъ наслажденіямъ и физическимъ упражненіямъ. У него была большая способность экспромтомъ говорить стихи, при чемъ выговоръ его былъ мягкій, пріятный. Онъ полагалъ свою гордость въ верховой ѣздѣ и въ турнирахъ, въ состязаніяхъ стрѣльбы, кулачнаго боя и единоборства, въ которыхъ считалъ себя настолько ловкимъ, что вызывалъ на споръ первыхъ силачей Италіи, нарочно пріѣзжавшихъ для этого во Флоренцію. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ всю гордость фамиліи Орсини, но отъ отца—ни одной изъ тѣхъ обходительныхъ, приличныхъ манеръ, которыя снискали тому такую популярность. Напротивъ, обращеніе его было грубо, отталкивающе, онъ до того поддавался порывамъ своего гнѣва, что однажды публично далъ пощечину своему кузену. Подобныя вещи считались во Флоренціи болѣе нетерпимыми, чѣмъ явное нарушеніе закона, и не могли не создать ему множества враговъ.

Его поведеніе не нравилось не однимъ только частнымъ лицамъ: съ самыхъ-же первыхъ шаговъ своей политической дѣятельности онъ сумѣлъ оттолкнуть отъ себя всѣхъ владѣтельныхъ особъ Италіи, такъ-что при немъ Флоренція скоро потеряла то первенствующее положеніе, какое создалъ ей Лоренцо. Онъ рѣшительно пренебрегалъ важными государственными дѣлами и всячески заботился лишь о закрѣпленіи власти въ своихъ рукахъ, чтобы уничтожить послѣдніе остатки той призрачной свободы, которые съ такой предусмотрительностью Лоренцо оставлялъ неприкосновенными и къ которымъ народъ былъ еще очень привязанъ. Народная масса становилась, поэтому, все болѣе и болѣе недовольною имъ. Образовалась оппозиція, постоянно возраставшая отъ вступленія въ ея ряды даже такихъ лицъ, которыя при отцѣ его были преданными друзьями дома Медичи. У всѣхъ явилось ожиданіе чего-то новаго, какой-то переменны, которая была тѣмъ болѣе желательна и необходима, что Піеро, видя себя покинутымъ людьми съ добрымъ име-

немъ, былъ вынужденъ приблизить къ себѣ новыхъ и неспособныхъ совѣтниковъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ аудиторія Савонаролы расширялась съ каждымъ днемъ: на него установился взглядъ, какъ на руководителя партіи, противной Медичи. То обстоятельство, что Лоренцо предъ смертью пожелалъ исповѣдаться у него, въ высшей степени подняло его престижъ въ глазахъ даже тѣхъ, кто былъ до сихъ поръ поклонникомъ этого правителя. Отъ его сына они теперь отвернулись, какъ изъ-за грубаго его поведенія, такъ и вслѣдствіе мало надежной его политики. Народъ, въ свою очередь, вспоминалъ, какъ въ ризницѣ Св. Марка, въ присутствіи многихъ уважаемыхъ гражданъ, Савонарола предсказалъ близкую смерть Лоренцо, папы и короля неаполитанскаго. Одна часть этого предсказанія оправдалась, другая была, повидимому, близка къ своему осуществленію.

Въ самомъ дѣлѣ, силы Иннокентія VIII быстро угасали: давно уже онъ сталъ впадать въ какую-то сонливость, и временами приближеннымъ казалось, что онъ уже умеръ. Когда испробованы были всѣ средства для возбужденія въ немъ жизнедѣятельности и всѣ они оказались безрезультатными, одинъ медикъ, еврей по происхоженію, предложилъ сдѣлать надъ нимъ опытъ, до сихъ поръ производившійся только надъ животными, опытъ переливанія крови посредствомъ какихъ-то новыхъ приборовъ. Кровь дряхлаго первосвященника должна была быть перелита въ жилы молодого человѣка, а кровь послѣдняго въ жилы папы. Три раза пытались произвести опасный опытъ, но онъ не приносилъ никакого облегченія больному и кончался смертью молодого человѣка отъ проникавшаго въ его жилы воздуха. За пострадавшаго уплачивалось при этомъ по дукату. Наконецъ, докторъ-еврей бѣжалъ, а 25 іюля 1492 года скончался Иннокентій VIII. Начались новые выборы папы.

Испорченность нравовъ при римскомъ дворѣ дошла до того, что тѣ самыя злоупотребленія, которыя прежде совершались тайно и все-же были причиной соблазна и всеобщихъ жалобъ, творились теперь у всѣхъ на глазахъ, почти никого не удивляя. Всѣхъ избирателей на конклавѣ было только 23, и

избраніе свелось къ простой продажѣ голосовъ: верхъ одержалъ Родериго Борджіа, предложившій высшую цѣну за папскій тронъ, наобѣщавшій, кромѣ того,^а большее число должностей и разныхъ церковныхъ бенефицій своимъ избирателямъ. Жители Рима равнодушно смотрѣли, какъ мулы, нагруженные золотомъ, входили во дворъ Асканіо Сфорца, могущественнаго соперника Борджіа. Въ вознагражденіе за поданный въ пользу новаго папы голосъ, Сфорца былъ назначенъ вице-канцлеромъ и получилъ много другихъ доходныхъ должностей. О подробностяхъ этой купли-продажи говорили тогда, какъ о вещахъ обычныхъ и естественныхъ.

Имя Александра VI. принятое новымъ папой, достаточно извѣстно своей болѣе чѣмъ печальной славой, чтобы нужно было останавливаться и говорить о немъ подробно. Испанецъ по происхожденію, онъ изучалъ юриспруденцію въ Италіи. Его необыкновенное умѣнье говорить, его замѣчательная ловкость въ управленіи дѣлами, особенно финансовыми и административными, а всего болѣе—покровительство, оказанное ему дядей его Калликстомъ III, постепенно возвысили его до кардинальскаго званія, съ которымъ сопряжены были чрезвычайно богатые доходы. Его главною страстью была ненасытная жадность къ деньгамъ: она постоянно заставляла его поддерживать близкія сношенія съ маврами, съ турками, съ евреями, вопреки всякимъ предразудкамъ того вѣка и вопреки всѣмъ принятымъ тогда обычаямъ. Такъ онъ собралъ огромныя богатства, при помощи которыхъ и достигъ теперь папскаго престола. Онъ любилъ пожить широко, не стѣснялся въ удовлетвореніи своихъ чувственныхъ наклонностей и постоянно находился подъ влияніемъ какой-нибудь женщины. Когда онъ сдѣлался папой, такою женщиной была знаменитая Ванноцца, не разъ доставлявшая ему удовольствіе быть отцомъ. Говорили, что предъ тѣмъ любовницей его была мать ея, а впослѣдствіи стали утверждать, что мѣсто бабушки и матери заняла Лукреція Борджіа, дочь его и Ванноццы, бывшая причиной столькихъ скандаловъ и кровавыхъ драмъ. Драмъ эти извѣстны всему міру и сдѣлали имя этой семьи позоромъ рода человѣческаго. Такова была слава

человѣка, вступавшаго теперь на папскій престолъ. Извѣстіе объ его избраніи, несмотря на официальные поздравленія, было встрѣчено въ Италіи всеобщимъ неудовольствіемъ. Гвиччіардини утверждаетъ, что даже Фердинандъ Неаполитанскій, не плакавшій на похоронахъ своихъ собственныхъ дѣтей, не могъ теперь удержаться отъ слезъ.

Несмотря на все это, начало новаго правленія какъ-бы задалось цѣлью опровергнуть предвзятыя о немъ мнѣнія: въ первый разъ проявился хоть какой-нибудь порядокъ въ управленіи папскими доходами. Всевозможныя преступленія, которыя въ прошлые года еженедѣльно насчитывались чуть не сотнями въ Кампаньѣ и другихъ областяхъ и которыя теперь стали преслѣдоваться со всею возможною строгостію, вдругъ, какъ-бы чудомъ какимъ-то, прекратились. Впрочемъ, очень скоро стало извѣстно, что всѣмъ этимъ преслѣдовалась лишь одна цѣль: легче собрать съ подданныхъ побольше денегъ и создать прочныя, надежныя владѣнія для сыновей папы, которые и прежде уже были извѣстны необузданностью своихъ страстей и жестокостью совершенныхъ ими преступленій.

Событія эти навели страхъ на всю страну. Всѣ съ ужасомъ задавали себѣ вопросъ: что-же будетъ дальше? И невольно взоры обращались къ тому, кто раньше уже предсказалъ эти бѣдствія, грозившія Италіи и церкви, и чьи слова страннымъ образомъ оправдывались теперь. Двое изъ владѣтельныхъ особъ, которымъ Савонарола предсказалъ смерть, уже сошли въ могилу. Третій, благодаря своей дряхлости, тоже не могъ протянуть долго, а церковь давно уже не находилась въ столь печальномъ положеніи, какъ теперь. Три знаменитыхъ «Положенія» переходили изъ устъ въ уста. Глубокое уныніе духа среди искренно вѣрующихъ привело ихъ къ тому, что они стали придавать полную вѣру пророчествамъ Савонаролы. Суевѣрный страхъ, распространяясь въ обществѣ, все болѣе и болѣе способствовалъ популярности монаха Св. Марка. Что касается его самого, то онъ въ одно и то-же время былъ и причиной и жертвой этихъ злобѣщихъ предчувствій: предсказанія его повсюду возбуждали ужасъ. Онъ видѣлъ, что почти всѣ вѣрили имъ, почти всѣ ста-

новились на сторону его идей, а это одушевляло и подкрѣпляло его больше всего. Представленные времена казались ему, наконецъ, близкими. Онъ читалъ и перечитывалъ пророковъ, проповѣдывалъ все съ большимъ жаромъ въ церквахъ Санъ Лоренцо и Санта Репарата. Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго, если въ такомъ состояніи возбужденности видѣнія его умножились.

Въ этомъ 1492 году, какъ онъ самъ рассказываетъ намъ, ихъ было у него два, и онъ ни на минуту не задумался признать ихъ за божественныя откровенія. Въ ночь, предшествовавшую послѣдней проповѣди рождественскаго поста, онъ видѣлъ посреди неба руку съ мечемъ, на которомъ было написано: «Мечъ Господень на землю скоро и неукоснительно». Слышалъ многіе ясные и внятные голоса, которые обѣщали милосердіе божіе добрымъ, угрожали наказаніями злымъ и возвѣщали, что гнѣвъ Господень близокъ. Вдругъ мечъ обращается къ землѣ: воздухъ омрачается. Дождемъ льются мечи, стрѣлы и огни. Слышатся ужасные громы. Война, голодъ, чума опустошаютъ землю. Видѣніе кончилось приказаніемъ Савонаролѣ предупредить обо всемъ этомъ людей, вдохнуть въ нихъ страхъ божій, убѣдить ихъ просить Господа, чтобы Онъ послалъ для своей церкви добрыхъ пастырей, которые, наконецъ, позаботились-бы о заблудшихъ душахъ. Это видѣніе позднѣе было представлено въ безчисленномъ множествѣ гравюръ и медалей и сдѣлалось почти символомъ Савонаролы и его ученія. Въ Великій Постъ, а именно въ Великую Пятницу, онъ видѣлъ воздвигшійся посреди Рима черный крестъ, который достигалъ вершиною своею неба, а боковыя части простиралъ надъ всею землею. На немъ было написано: «крестъ гнѣва божія». Небо, покрытое темными тучами, бороздилось молніями и стрѣлами. Была ужасная буря. Шелъ градъ. Въ одно мгновеніе, затѣмъ, все сдѣлалось яснымъ, все измѣнилось: среди Иерусалима возсталъ золотой крестъ, освѣщавшій весь міръ, на которомъ было написано: «крестъ милосердія божія». Всѣ народы спѣшили поклониться ему.

Съ большимъ, чѣмъ когда-либо, жаромъ Савонарола началъ говорить о предстоящихъ бѣдствіяхъ и объ имѣющемъ потомъ быть обновленіи, ссылаясь уже теперь не только на

доводы разсудка, но и на видѣнія. Въ такомъ духѣ продолжалъ онъ свою дѣятельность втеченіе всего 1492 года и особенно во дни Великаго Поста, когда въ церкви Санъ Лоренцо онъ началъ свои знаменитыя проповѣди «о Ноевомъ Ковчегѣ», возбуждавшія множество толковъ и законченныя имъ еще съ большимъ успѣхомъ въ 1494 году, какъ это мы скоро увидимъ, когда будемъ подробно говорить на эту тему.

Въ это-же самое время, противъ всякаго ожиданія, мы часто находимъ его далеко отъ Флоренціи: въ Февралѣ и Маѣ 1492 г. онъ былъ въ Венеціи. Немного ранѣе или немного позднѣе онъ былъ въ Пизѣ, гдѣ произнесъ нѣсколько проповѣдей въ монастырѣ св. Екатерины и гдѣ подружился со Стефаномъ Кодипонте, сдѣлавшимся потомъ однимъ изъ наиболѣе преданныхъ и горячихъ его послѣдователей. Великимъ Постомъ 1493 г. Савонарола былъ въ отсутствіи еще болѣе продолжительное время и проповѣдывалъ въ Болоньѣ. Это путешествіе было устроено, вѣроятно, Піеро Медичи, который стѣснялся съ монахомъ Св. Марка еще меньше, чѣмъ его отецъ. Чрезъ посредство римскаго или миланскаго начальства, онъ могъ удалить изъ Флоренціи наскучившаго ему популярнаго проповѣдника, вокругъ котораго группировались его враги. На мѣсто его вновь былъ приглашенъ Дженнаццано. Братія монастыря была весьма огорчена продолжительнымъ отсутствіемъ своего настоятеля, который старался утѣшать ихъ письмами. «Я всегда вспоминаю вашу сладкую любовь и часто веду о ней рѣчь съ Фра Базиліо, возлюбленнымъ моимъ сыномъ и вашимъ собратомъ во Христѣ Іисусѣ... Мы чувствуемъ себя здѣсь очень одинокими, и подобно двумъ горлицамъ, тоскующимъ по веснѣ, ожидаемъ времени, когда можно будетъ возвратиться въ благословенныя мѣста, туда, гдѣ мы привыкли жить среди цвѣтовъ и радостей Св. Духа... Но если вы слишкомъ огорчены, думая, что не можете жить безъ меня, это значитъ, что ваша любовь еще несовершенна: потому-то Господь и взялъ меня отъ васъ на нѣкоторое время».

Въ Болоньѣ Савонарола оставался съ большой неохотой. Удаленный изъ Флоренціи, какъ человѣкъ, слишкомъ горячо

принимавшій къ сердцу интересы народа, онъ находился теперь въ городѣ, управляемомъ желѣзной рукой Бентивольо, гдѣ нужно было держаться очень осторожно. Вынужденный проповѣдывать совѣмъ не такъ, какъ того требовали его природныя наклонности, онъ получилъ здѣсь прозваніе «человѣка-простеца, проповѣдника для женщинъ». Тѣмъ не менѣе, аудиторія его была довольно обширна, ибо, привлекаемая его именемъ, на проповѣди его постоянно собиралась очень большая толпа. Иногда, вмѣстѣ съ другими, приходила сюда и жена самого Бентивольо, но приходила всегда поздно и въ сопровожденіи длинной свиты изъ дамъ, пажей и кавалеровъ. Производимый при этомъ ею шумъ каждый разъ прерывалъ рѣчь проповѣдника. Это было безпорядкомъ, съ которымъ Савонарола никакъ не могъ примириться. Сначала онъ просто прерывалъ свою рѣчь, рассчитывая, что и это будетъ уже достаточнымъ порицаніемъ. Но дѣло шло все хуже и хуже, и тогда онъ сталъ дѣлать намеки, что грѣшно отрывать вѣрныхъ отъ религіозныхъ упражненій. Гордая дама, уязвленная этими замѣчаніями, стала приходиться все позднѣе, при чемъ старалась производить еще больше шума и выказывать еще больше презрѣнія къ словамъ проповѣдника. Савонарола, прерванный въ одинъ прекрасный день, по обыкновенію, въ самый горячій моментъ проповѣди, наконецъ, не выдержалъ и воскликнулъ: «вотъ, вотъ идетъ діаволь, чтобы прервать слово Божіе!». Жена Бентивольо была приведена этими словами въ такую ярость, что приказала двоимъ изъ своихъ стремянныхъ покончить съ нимъ тутъ-же, на кафедрѣ. Но у тѣхъ не хватало духу на столь ужасное злодѣяніе. Болѣе, чѣмъ когда-либо, раздраженная мыслию, что какой-то монахъ осмѣлился такъ унижить ее, она послала двухъ другихъ тѣлохранителей настигнуть его въ кельѣ, и если не убить его, то, по крайней мѣрѣ, нанести ему какое-нибудь тяжелое оскорбленіе. Но Савонарола сумѣлъ принять ихъ съ такимъ присутствіемъ духа, говорилъ съ ними такъ твердо и властно, что, выслушавши его, они ушли сконфуженными. Къ счастью, Великій Постъ близился уже къ концу, и онъ скоро простился съ своими слушателями. Однако,

желая доказать, что онъ ничего не боится, онъ сказалъ всѣмъ во всеуслышаніе съ кафедръ: «сегодня вечеромъ я отправляюсь по дорогѣ во Флоренцію съ моей палочкой и деревянной фляжкой и переночую въ Піаноро. Если кто хочетъ чего-нибудь отъ меня, пусть пожалуетъ ко мнѣ до моего отхода. Однако, знайте, что смерть моя будетъ имѣть мѣсто не въ Болоньѣ».

Во Флоренціи Савонарола нашелъ положеніе дѣлъ очень ухудшившимся, благодаря тому, что дерзость Піеро все увеличивалась, а народное недовольство день ото дня проявлялось все яснѣе и яснѣе. Пріоръ Св. Марка очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Ему приходилось или молчать, или вновь подвергнуться опасности быть высланнымъ изъ города подъ видомъ какого-нибудь порученія отъ начальниковъ Рима или Ломбардіи. Принявъ все это въ соображеніе, онъ вспомнилъ, что тосканская конгрегация существовала, какъ самостоятельная, отдѣльная отъ ломбардской, вплоть до 1448 года. Онѣ были объединены лишь въ этомъ году послѣ того, какъ чума опустошила всѣ монастыри Тосканы. Не должно было, поэтому, быть дѣломъ невозможнымъ восстановленіе первоначальной независимости Тосканской Конгрегации теперь, когда количество братіи ея вновь увеличилось. И вотъ, со всѣмъ присущимъ ему жаромъ онъ взялся за исполненіе этого проэкта, отъ котораго зависѣли его будущіе планы. Весьма вѣроятно, что хлопоты свои по этому дѣлу онъ началъ еще съ 1492 года, когда былъ, какъ мы сказали, нѣсколько разъ въ Венеціи, гдѣ жилъ тогда генералъ Ордена, Іоакимъ Турріано. При этомъ онъ въ первый разъ выказалъ большую сообразительность и практичность въ дѣлахъ, но здѣсь-же со всей очевидностью обнаружилась недалковидность и непослѣдовательность Піеро Медичи. Онъ позволилъ себѣ покровительствовать просьбѣ, которая была направлена исключительно лишь къ тому, чтобы уничтожить возможность какого-бы то ни было вмѣшательства съ его стороны въ дѣла монастыря. Онъ заставилъ представителей городского управленія написать нѣсколько писемъ къ флорентійскому послу при римскомъ дворѣ и къ кардиналу неаполитанскому, покровителю Ордена, съ просьбой поддержать ходатайство Савонаролы. По-

ведение его необъяснимо было именно теперь, когда онъ объявилъ себя покровителемъ Братъевъ Миноритовъ, вѣчныхъ враговъ Доминиканцевъ, проповѣдывавшихъ, вопреки запрещенію Синьоріи, изгнаніе евреевъ и не разъ вызывавшихъ этимъ серьезные безпорядки во Флоренціи. Но по той-ли причинѣ, что онъ не взвѣсилъ всѣхъ послѣдствій своей просьбы, потому-ли, что хотѣлъ, по своему обыкновенію, сдѣлать непріятность Людовико Моро, думалъ-ли онъ возстановленіемъ Тосканской Конгрегации потѣшить свое тщеславіе, или надѣялся, отстаивая ее, приобрести благорасположеніе монаховъ Св. Марка, несомнѣнно одно, что Піеро въ этомъ случаѣ оказалъ весьма сильную поддержку Савонаролѣ. Послѣдній, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, тотчасъ-же послалъ въ Римъ Фра Роберто Убальдини, Фра Александра Ринуччини и Фра Доменико да Пешіа. Фра Доменико въ это время былъ уже извѣстенъ, какъ самый искренній и горячій поклонникъ Савонаролы. Уроженецъ Пистойскихъ горъ, онъ обладалъ всей энергіей горцевъ. Искренній и вѣрующій, полный энтузіазма и преданности Савонаролѣ, онъ считалъ его пророкомъ, посланнымъ Богомъ во Флоренцію и, не колеблясь ни минуты, готовъ былъ броситься ради него хоть въ огонь.

Прибывъ въ Римъ, эти монахи увидѣли, что рекомендацій, съ какими они явились изъ Флоренціи, было рѣшительно недостаточно для того, чтобы одержать верхъ надъ ломбардцами, нашедшими себѣ, благодаря Людовико Моро, сильную поддержку въ лицѣ многихъ пословъ. Споръ монастырей, казалось, начиналъ дѣлаться вопросомъ государственной важности: съ одной стороны, Флоренція, кардиналъ неаполитанскій, Піеро и кардиналъ Медичи писали и дѣйствовали въ пользу монастыря Св. Марка. Съ другой, монахи Ломбардіи, Моро, Венеція, Неаполь—были противъ. Изъ Рима писали Савонаролѣ, что нужно оставить всякую мысль объ успѣхѣ предпріятія. Но онъ, напротивъ, отвѣчалъ: «не сомнѣвайтесь, будьте тверды и вы одержите побѣду: Господь раззоряетъ совѣты народовъ и разстраиваетъ планы правителей».

И въ самомъ дѣлѣ, побѣда была одержана совѣтмъ не-

ожиданнымъ и страннымъ образомъ. Въ Римѣ прошелъ слухъ, что многіе изъ монаховъ Св. Марка вовсе не хотятъ предложеннаго Савонаролою раздѣленія. Послѣдній, собравши на торжественное засѣданіе всю свою братію, заставилъ ее подписаться подъ нарочито составленной просьбой, засвидѣтельствованной Синьоріей. И, тѣмъ не менѣе, 22 мая 1493 года, казалось, исчезла всякая надежда на счастливый исходъ дѣла. Папа, не желая заниматься дѣлами, распустилъ Консисторію, сказавъ, что въ этотъ день онъ не хочетъ подписывать никакихъ бумагъ. Остался только кардиналъ неаполитанскій, съ которымъ онъ и началъ разговаривать, увлекаясь, по своему обыкновенію, веселой и остроумной бесѣдой. Кардиналу этотъ моментъ показался очень удобнымъ: вынувъ изъ кармана заранѣе уже приготовленное Бreve, онъ сталъ просить Святого Отца скрѣпить его. Тотъ, шутя, отказывался, а кардиналъ, тоже шутя, снялъ у него перстень съ пальца и приложилъ печать. Только-что онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ, точно предчувствуя возможность подобной вещи, прибыли отъ Ломбардской Конгрегаціи чрезвычайные послы съ новыми и очень вѣскими рекомендательными письмами. Но папа уже не хотѣлъ и слышать болѣе объ этомъ, столь наскучившемъ ему дѣлѣ, и сказалъ: «если-бы вы пришли раньше, вы были-бы выслушаны, а теперь дѣло уже сдѣлано». Такъ монастырь Св. Марка отстоялъ свою независимость, и слова Савонаролы оправдались.

Ломбардцы, столь неожиданно потерпѣвши неудачу, употребили всѣ^и усилія, чтобы уничтожить^и, или, по крайней мѣрѣ, ослабить значеніе Бreve, и въ своихъ стараніяхъ нашли содѣйствіе у того-же самаго Піеро Медичи, который, одержавъ надъ ними верхъ, теперь вновь хотѣлъ помочь имъ. Но было уже слишкомъ поздно: монастырь Св. Марка, сдѣлавшись центромъ и главой Конгрегаціи, фактически зависѣлъ лишь отъ Рима и отъ Генерала Ордена. Послѣдній тотчасъ-же перевелъ Савонаролу и Фра Доменико да Пешии во Флоренцію, такъ-какъ до сихъ поръ они считались приписанными къ болонскому монастырю, строго приказавъ ломбардской братіи пре-

кратить напрасное сопротивление и воздержаться отъ какихъ-бы то ни было непрязненныхъ дѣйствій противъ Санъ Марко. Савонарола вновь былъ избранъ пріоромъ, а генералъ, письмомъ отъ 15 Ноября 1494, утвердилъ его въ званіи начальника провинціальныхъ монастырей. Такимъ образомъ, въ новомъ положеніи Савонарола почувствовалъ себя, наконецъ, совершенно независимымъ и могъ говорить свободно, никого не боясь: теперь трудно было удалить его изъ Флоренціи, ставшей единственнымъ законнымъ его мѣстопробываніемъ. Онъ одинъ съ самаго начала оцѣнилъ всю важность добытаго при помощи хлопотъ Бреве, другіе-же поняли это только гораздо позднѣе. Зато новыя и большія опасности надвигались очень быстро. Савонарола зналъ это, готовился къ нимъ и торопился дѣломъ.

Прежде всего, нужно было заняться разными преобразованіями въ монастырѣ и утвердить въ немъ извѣстную дисциплину. Одно время онъ думалъ удалиться съ братіей своей на какую-нибудь уединенную гору и вести тамъ жизнь отшельническую, полную лишеній. Эту мысль онъ подробно развивалъ и передъ своими учениками. Но теперь эти юношескія мечты должны были уступить мѣсто болѣе зрѣлымъ идеямъ. Нужно было думать не объ оставленіи міра, а о томъ, чтобы жить въ немъ и постараться направить его на путь истины,— о подготовленіи не отшельниковъ, а добрыхъ монаховъ, которые вели-бы примѣрную жизнь и были-бы готовы пролить кровь свою за спасеніе души. Исправить нравы, возжечь вѣру въ сердцахъ, преобразовать церковь: вотъ чего хотѣлъ теперь Савонарола. И если-бы Господь помогъ ему въ исполненіи этихъ святыхъ его желаній, онъ отправился-бы изъ Италіи вмѣстѣ съ наиболѣе сильными духомъ братьями на Востокъ, чтобы и туда понести Христову вѣру. Константинополь былъ мечтою многихъ въ тотъ вѣкъ: люди политики хотѣли смирить здѣсь гордыню враговъ Европы и возстановить Латинскую Имперію, монахи хотѣли обратить ко Христу невѣрныхъ и возвратить Іерусалимъ въ руки правовѣрныхъ, масса народная думала, вмѣстѣ съ Савонаролой, что приближается

время, о которомъ говорятъ пророчества, что должно быть, наконецъ, едино стадо и единъ пастырь.

Первой реформой Савонаролы было возстановленіе въ монастырѣ во всей строгости обѣта нищеты. Св. Доминикъ, какъ извѣстно, въ страшныхъ выраженіяхъ грозилъ своимъ проклятіемъ тому, кто осмѣлился-бы соблазнить монаховъ его ордена въ ихъ обѣтѣ нестяжательности. И, тѣмъ не менѣе, послѣ св. Антонина, завѣтъ этотъ сохранился только на стѣнахъ монастыря: благодаря небольшимъ измѣненіямъ въ уставѣ, Санъ Марко получилъ право приобрѣтать имущества, и уже въ самое короткое время въ его распоряженіи оказались очень большія богатства. Савонарола возстановилъ во всей силѣ древнее правило, распродавъ имѣнія, которыми владѣлъ монастырь вопреки прямымъ запрещеніямъ основателя Ордена. А такъ-какъ добродѣтельныхъ пожертвованій поступало очень мало, то объ удовлетвореніи нуждъ братіи слѣдовало позаботиться какимъ-нибудь другимъ способомъ. Для этого онъ, прежде всего, уменьшилъ расходы по монастырю: одѣлъ братію въ болѣе бѣдныя платья, кельи ихъ постарался обставить по возможности проще, удаливъ изъ нихъ всякія излишнія украшенія, запретилъ имѣть книги съ миниатюрами, золотыя и серебряныя распятія и другіе предметы роскоши. Но и это мало помогло дѣлу. Тогда Савонарола нашелъ нужнымъ устроить такъ, чтобы монахи добывали себѣ средства къ жизни своими собственными трудами: для этого онъ завелъ школы, гдѣ изучались живопись, скульптура, архитектура, искусство писать и украшать миниатюрами кодексы. Въ этихъ школахъ должны были заниматься и зарабатывать необходимыя для покрытія общемонастырскихъ нуждъ деньги послушники и тѣ изъ братіи, которые менѣе другихъ были способны къ прохожденію высшихъ духовныхъ подвиговъ. На нихъ-же должно было лежать и управление дѣлами монастыря. Священники и начальствующие, по этому плану, свободнѣе могли-бы тогда заниматься исповѣдью, могли-бы болѣе прилагать заботъ о спасеніи душъ пасомыхъ и менѣе отвлекались-бы отъ прямыхъ своихъ обязанностей воспитанія ума и сердца новиціевъ. Самые-же опытные въ духовной жизни

и наиболѣ свѣдущіе въ богословіи монахи должны были все цѣло посвятить себя дѣятельности проповѣднической и съ этой цѣлью переходить изъ одного города въ другой въ сопровожденіи одного только послушника, который своими трудами содержалъ-бы своего компаньона: тогда тотъ смѣло могъ-бы всѣмъ говорить горькую истину, не боясь, что его лишатъ за это милостыни и что ему нечѣмъ будетъ жить.

Особеннымъ поощреніемъ Савонаролы пользовались въ монастырѣ три группы наукъ: богословіе, философія и мораль. Выше-же всего онъ ставилъ изученіе Священнаго Писанія, для лучшаго уразумѣнія котораго преподавались греческій, еврейскій и другіе восточные языки. Эти-же языки должны были сослужить свою службу въ особенности тогда, когда, какъ онъ надѣялся, онъ и его сподвижники призваны будутъ Господомъ на проповѣдь Евангелія Туркамъ.

Не всѣ эти идеи легко было привести въ исполненіе, не всегда добровольно и братія подчинялась имъ, и все-же монастырь скоро сталъ процвѣтать: росло усердіе и ревность къ занятіямъ, возрастала любовь къ св. книгамъ и духъ религіозности. Но легко было и успѣвать, когда всѣ видѣли въ своемъ настоятелѣ живое и наглядное воплощеніе тѣхъ идей, какія онъ старался виѣдрить въ нихъ. Одежда его была самая грубая, постель самая жесткая, келья самая бѣдная. Строгій къ другимъ, онъ былъ еще требовательнѣе къ самому себѣ. Изъ писемъ, писанныхъ имъ въ эти дни, ясно видно, что онъ находился въ состояніи особенно экзальтированномъ, убѣжденный, что началась новая и великая реформа, которой желаетъ и которую проводить самъ Богъ. «Что мы дѣлаемъ», отвѣчалъ онъ въ письмѣ отъ 10 сентября 1493 года одной настоятельницѣ монастыря въ Феррарѣ, которая высказывала ему разныя недоумѣнія по поводу вводимыхъ имъ новшествъ, «что мы дѣлаемъ, какъ не отбрасываемъ все излишнее и не возвращаемся къ простотѣ и бѣдности, этимъ древнимъ правиламъ нашего Ордена? Новостью, напротивъ, казалось-бы видѣть, что принявшіе добровольную нищету строятъ себѣ великолѣпные дворцы. Мы начали тѣмъ, что стали усердно и продолжительно

молиться, а затѣмъ внятно слышали голосъ Божій, обращенный къ намъ. Если-бы я могъ говорить съ вами, я разъяснилъ-бы, что весь міръ лежитъ во мракѣ, что все развращено, что наступило время обновить народъ Божій. Пора, пора, пора, мать моя возлюбленнѣйшая! Господь ожидаетъ, и мы не должны обращать вниманія на сужденія равнодушныхъ. Нужно готовиться къ преслѣдованіямъ, которыя неизбѣжно выдвигаются противъ всякаго добраго начинанія. И мы готовы къ нимъ!»

Подобнымъ-же энтузіазмомъ началъ заражаться и весь народъ, вполнѣ теперь расположенный въ пользу монастыря Св. Марка. Весьма многіе изъ простого народа и многіе изъ знатныхъ горожанъ искали въ немъ постриженія: говорили, что даже Анджело Полиціано и Пико делла Мирандола весьма сильно были расположены къ тому-же. Число братіи возросло необычайно, такъ-что старыя зданія монастыря вскорѣ не могли уже вмѣщать всѣхъ.

Замѣчательнѣе-же всего то, что такой-же энтузіазмъ сообщился и другимъ монастырямъ Тосканы. Монастыри Св. Доминика въ Фіезоле, Прато, Биббіена, два монастыря св. Магдалины въ долинѣ Муньоне и Леччето просили принять ихъ въ новую Тосканскую Конгрегацию и, дѣйствительно, были присоединены къ ней въ разное время. Дѣло дошло до того, что монахи Камальдольскаго Ордена монастыря «Ангеловъ» заключили черезъ нотаріуса условіе, которымъ обязывались перемѣнить Орденъ, чтобы присоединиться къ Св. Марку. Однако, Савонарола отвергъ ихъ просьбу, потому-что подобное присоединеніе далеко переходило-бы границы власти, предоставленной ему Бреве. Онъ не хотѣлъ давать своимъ врагамъ повода къ справедливымъ обвиненіямъ: его желаніемъ было собрать вокругъ себя лишь доминиканцевъ Тосканы, да и этого очень трудно было достигнуть вслѣдствіе политической розни, раздиравшей эту страну. И, въ самъ дѣлѣ, реформу свою онъ успѣлъ ввести только въ Пизѣ, куда ходилъ лично, да и то съ большимъ трудомъ: изъ 44 монаховъ, которые находились тамъ, на нее согласились лишь четверо, между коими первымъ былъ Стефано Кодипонте, упомянутый нами выше. Остальные-же

ушли изъ города. Впрочемъ, и это неудачное объединеніе разстроилось, какъ только Пиза возмутилась противъ Флоренціи. Въ Сіенѣ было того хуже: тамъ произошелъ почти бунтъ изъ-за его нововведеній, такъ-что онъ получилъ отъ тамошней Синьоріи приказъ оставить городъ. Въ негодованіи возвратился онъ тогда во Флоренцію, гдѣ Конгрегація Св. Марка, возросшая и окрѣпшая, процвѣтала все болѣе и болѣе, благодаря той ревности, какая одушевляла всѣ входившіе въ ея составъ монастыри, и той симпатіи, съ какой относилось къ ней все общество.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Савонарола излагаетъ основные пункты своего ученія въ Рождественскій Постъ 1493 года. Въ проповѣдяхъ Великаго Поста 1494 года предсказываетъ приходъ французовъ.

Въ Рождественскій Постъ 1493 года Савонарола возобновилъ свои проповѣди во Флоренціи: увѣренность его въ себѣ возросла, рѣчь его стала болѣе свободной, аудитория расширялась. Теперь говорилъ не только монахъ образцовой жизни, предсказанія котораго такъ странно оправдывались, отъ котораго самъ Лоренцо Великолѣпный пожелалъ получить предсмертное отпущеніе грѣховъ, но и независимый глава Тосканской Конгрегаціи. Все это такъ увеличивало его вліяніе и силу, что теперь онъ могъ идти впередъ смѣло, не боясь мести со стороны Пьеро Медичи. Дурная жизнь итальянскихъ владѣтельныхъ князей и высшихъ духовныхъ особъ, церковныя нестроенія, приближеніе бѣдствій и искреннее желаніе людей благочестивыхъ, чтобы бѣдствія эти настали скорѣе и чтобы, такимъ образомъ, былъ положенъ предѣлъ всеобщей порчѣ нравовъ— были предметами, около которыхъ вращалась рѣчь Савонаролы во всѣхъ его 25 проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ Рождественскій Постъ этого года на псаломъ «Сколько благъ». Въѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ онъ подробно останавливается на болѣе важ-

ныхъ пунктахъ христіанскаго богословія: онъ хотѣлъ представить изложеніе почти всего своего вѣроученія, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, чтобы глубже запечатлѣть его въ душахъ слушателей и тѣмъ подготовить ихъ къ грядущимъ бѣдствіямъ. Смѣло можно сказать, что со стороны богословской эти проповѣди являются лучшими изъ проповѣдей Савонаролы.

Итакъ, передадимъ ученіе Савонаролы о вѣрѣ его-же собственными словами. «Вѣра есть даръ Божій, сообщаемый во спасеніе всякому вѣрующему. Однако, чада моя, не вздумайте заблуждаться вмѣстѣ со многими, которые говорятъ: если-бы я видѣлъ какое-нибудь чудо, хотя-бы, напримѣръ, воскрешеніе мертваго, то я увѣровалъ-бы. Говорящіе такъ ошибаются, потому-что вѣра наша зависитъ не отъ нашей воли, а есть даръ сверхъестественный, то есть, она есть свѣтъ, свыше сообщаемый уму человѣка. И кто хочетъ его получить, тотъ долженъ внутренно подготовиться къ нему и смириться предъ Богомъ». «Здѣсь могутъ сказать: если всѣ вещи, которымъ предназначена опредѣленная цѣль, достигаютъ ея естественными средствами, то отчего-же природа человѣка не довѣдетъ сама себѣ въ достиженіи указаннаго ей назначенія? Можетъ быть, человѣкъ ниже животнаго? Нѣтъ: это должно быть объяснено его превосходствомъ и высокими свойствами его натуры, ибо онъ имѣетъ цѣль божественную, выше законовъ природы стоящую. Но почему-же, можешь ты спросить меня тогда, почему одни являются избранниками, а другіе—нѣтъ? Предметы вѣры, сынъ мой, старайся понимать при свѣтѣ вѣры-же, такъ именно, какъ тебѣ излагаетъ ихъ Св. Писаніе. Идти-же далѣе ты не долженъ, если не хочешь заблудиться. Кто ты, который хочешь спорить съ Богомъ? Развѣ скудельникъ не имѣетъ власти надъ глиной, чтобы изъ одной и той-же массы сдѣлать сосудъ для благороднаго или для низкаго употребленія? На избранныхъ Господь показываетъ свое милосердіе, а на злыхъ свое правосудіе. Но если ты спросишь: почему Богъ избралъ того, а не этого? Почему Иванъ предпочтенъ Петру? я скажу тебѣ, что такъ хочетъ Богъ и что другого отвѣта на это нѣтъ. Оригенъ хотѣлъ перейти эти границы и училъ, что

предназначеніе зависить отъ заслугъ другой жизни, предшествующей настоящей. Пелагіане говорили, что оно зависить отъ нашихъ поступковъ въ настоящей жизни. По ученію этихъ еретиковъ, начало добрыхъ дѣлъ исходитъ отъ насъ самихъ, а завершеніе ихъ и конецъ зависятъ уже отъ Бога. Они хотѣли выйти изъ границъ, точно указанныхъ нашему разуму, и впали въ ересь. Св. Писаніе очень ясно въ данномъ случаѣ: не въ одномъ только мѣстѣ, а во многихъ оно говоритъ, что не конецъ только добраго дѣла, а и начало его исходитъ отъ Бога. Даже болѣе: всѣ наши добрыя дѣла—это проявленіе самого Бога, Который творить ихъ въ насъ». «Слѣдовательно, несправедливо то мнѣніе, что Богъ сообщаетъ намъ благодать за добрыя дѣла или за наши прежнія заслуги, что изъ-за нихъ мы назначены къ вѣчной жизни, что именно эти дѣла и заслуги являются причиной предопредѣленности нашей жизни. Совсѣмъ наоборотъ: наши добрыя дѣла и заслуги являются слѣдствіемъ предопредѣленія, какъ мы сказали выше».

«Скажи мнѣ, Петрѣ, скажи мнѣ, о, Магдалина, за что вы находитесь теперь въ раю? Вѣдь вы-же грѣшили, какъ и мы. Ты, Петрѣ, который исповѣдалъ Сына Божія, бесѣдовалъ съ Нимъ, слышалъ Его проповѣдь, видѣлъ Его чудеса и только съ двумя учениками созерцалъ преображеніе Его на горѣ Оаворѣ. ты, который слышалъ гласъ Отчій, потомъ, изъ-за словъ простой женщины, трижды отрекся отъ Него. Затѣмъ ты былъ возстановленъ въ благодати, сдѣланъ главой церкви и теперь наслаждаешься небеснымъ блаженствомъ: за что ты имѣешь столько благъ? Исповѣдуй-же, что спасенъ ты не за твои заслуги, но по добротѣ Господа, который далъ тебѣ всѣ эти блага, который приобщилъ тебя къ благодати и свѣту въ этой жизни. И ты, Магдалина, которая всѣмъ была извѣстна, какъ грѣшница, ты много разъ слышала твоего учителя Іисуса Христа. Несмотря на это, ты оставалась упорной, и хотя сестра твоя Марѳа и исправляла тебя и уговаривала измѣнить жизнь, ты не внимала ей. Но когда угодно стало Господу, когда Онъ коснулся твоего сердца, ты, какъ опьяненная, прибѣжала съ алавастромъ мура въ домъ фарисея и, бросившись къ ногамъ сладкаго Учи-

теля, слезами омочила ноги Его и удостоилась услышать блаженныя слова: отпускаются тебѣ многіе грѣхи твои. И, потомъ, ты такъ возлюблена была Спасителемъ, что первая изъ всѣхъ удостоилась видѣть Его воскресшаго и явилась апостоломъ для самихъ апостоловъ. Эти милости, Магдалина, эти дары были не слѣдствіемъ заслугъ твоихъ, но того, что Господь возлюбилъ тебя и возжелалъ тебѣ блага».

Если, однако, мы будемъ останавливаться только на подобнаго рода выдержкахъ, внѣ связи съ прочими рѣчами Савонаролы, то въ нихъ очень легко будетъ увидѣть нѣкоторую опору для тѣхъ нѣмецкихъ и англійскихъ писателей, которые хотѣли сдѣлать изъ Савонаролы предтечу протестантизма, гласящаго: оправданіе сообщается чрезъ одну только вѣру безъ добрыхъ дѣлъ, вѣрующій является почти совершенно пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ Божіихъ. Господь можетъ избрать человѣка или оставить его на погибель, при чемъ свободная воля ничѣмъ не въ силахъ помочь дѣлу спасенія. Савонарола, несомнѣнно, болѣе, чѣмъ кто-либо, чувствовалъ все ничтожество твари предъ лицомъ Создателя. Самъ падая ницъ предъ Нимъ, онъ старался вселить то-же чувство смиренія и въ свою аудиторію. Но все это не даетъ еще намъ права искажать основныя мысли его ученія, къ изложенію которыхъ онъ возвращался столько разъ и которыя развивалъ съ такой ясностью, что относительно характера ихъ не можетъ возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія. И дѣйствительно, какъ только труды его были обслѣдованы со всею тщательностью, иностранные писатели, о которыхъ мы говорили выше, должны были признать себя разбитыми на всѣхъ пунктахъ своими-же собственными соотечественниками.

Необходимость добрыхъ дѣлъ, свободное самоопредѣленіе и содѣйствіе человѣка благодати, являющейся все-же незаслуженнымъ даромъ Божіимъ,—вотъ аргументы, къ которымъ постоянно возвращается Савонарола. Онъ все время твердитъ, что мы не только можемъ, но и должны готовить себя къ полученію этого дара вѣры и благодати. Тѣмъ, кто съ своей стороны прилагаетъ всѣ усилія къ полученію его, никогда не будетъ въ немъ отказано. По его мнѣнію, приготовить и

предрасположить себя къ принятію его можно тремя способами: усиліемъ вѣрить, молиться и творить добрыя дѣла. «Поэтому, мы никогда не должны осуждать грѣшника, а скорѣе скорбѣть объ его грѣхахъ и имѣть къ нему состраданіе, ибо до тѣхъ поръ, пока есть воля и благодать Божія, онъ всегда можетъ обратиться къ Господу. Если кто спроситъ насъ: почему воля свободна?—мы ему отвѣтимъ: потому-что она—воля. Необходимо, поэтому, чтобы человѣкъ содѣйствовалъ акту оправданія и дѣлалъ, со своей стороны, все, что можетъ, а Господь уже не оставитъ его. Хочешь-ли ты, братъ мой, имѣть любовь Іисуса Христа къ себѣ? Повинуйся Божественному гласу, который зоветъ тебя. Господь зоветъ тебя каждый день,—дѣлай-же и ты что-нибудь».

Девизомъ Савонаролы, усвоеннымъ имъ еще въ юности, было: всякій знаетъ «столько, сколько дѣлаетъ». И, въ самомъ дѣлѣ, мы сказали-бы, что его доктрина есть доктрина дѣлъ, если-бы, напротивъ, не обязаны были назвать ее доктриной любви, въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ изъяснили его выше, т. е., подразумѣвая подъ нимъ такое состояніе души, въ которомъ она, уже сама по себѣ предрасположенная къ благодати, чувствуетъ ея приближеніе и воспаляется влеченіемъ къ ближнему. «Эта любовь, говоритъ онъ, есть также даръ Божій. Она подобна огню, сожигающему все сухое, и всякій, кто располагаетъ себя къ принятію ея, тотчасъ-же чувствуетъ ее нисходящей въ свое сердце, чтобы воспламенить его. Несомнѣнно, великая вещь—могучая любовь, потому-что она все дѣлаетъ, все движетъ, все побуждаетъ и надъ всѣмъ возносится. Не дѣлается ничто, если нѣтъ порыва любви... И такъ-какъ любовь христіанская есть самая высшая изъ всѣхъ видовъ любви, то она творитъ великія и удивительныя вещи. Она легко и радостно выполняетъ весь божественный законъ, будучи сама мѣрою и правиломъ всѣхъ мѣръ, всѣхъ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій частный законъ есть мѣра, норма одного, именно даннаго поступка, а не другого. Не такова любовь христіанская: она есть мѣра и законъ для всего и для всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Поэтому, кто имѣетъ этотъ законъ хри-

стіанской любви, тотъ хорошо управляетъ и своими дѣйствіями и дѣйствіями другихъ, хорошо постигаетъ всѣ законы. Это весьма легко провѣрить на пастыряхъ, имѣющихъ попеченіе о душахъ: если они руководятся только буквой церковныхъ законовъ, которые, по самому существу своему, суть законы частные, то безъ христіанской любви, этой мѣры и закона универсальнаго, они никогда не будутъ въ состояніи управлять хорошо. Возьми примѣръ съ врача, который несетъ любовь и христіанское милосердіе къ больному: если онъ добръ и сердеченъ, ученъ и опытенъ, нѣтъ никого, кто-бы былъ лучше его. Ты увидишь, что любовь научитъ его всему и будетъ мѣрою и правиломъ всѣхъ мѣръ, всѣхъ правилъ его медицины. Онъ перенесетъ тысячи трудовъ, самъ не замѣчая того, разспроситъ обо всѣхъ мелочахъ, назначитъ лѣкарства и пожелаетъ видѣть ихъ приготовленіе, не оставитъ больного ни на минуту. Если, напротивъ, онъ будетъ гоняться только за выгодой, тогда онъ не будетъ уже заботиться о больномъ, и самыя познанія его въ медицинѣ будутъ уменьшаться». «Посмотри, что творитъ любовь: возьми, напримѣръ, отношенія матери къ ребенку. Кто научилъ эту молодую женщину, которая раньше не имѣла дѣтей, ухаживать за своимъ младенцемъ? Любовь. Посмотри, сколько трудовъ переноситъ она и днемъ и ночью, чтобы возрастить его, но всякій трудъ, даже самый большой, кажется ей легкимъ. Что тому за причина? Любовь. Посмотри, сколько улыбокъ, сколько нѣжности, сколько ласковыхъ словъ измысляетъ она въ обращеніи съ своимъ малюткой. Кто научилъ ее этому? Любовь. Возьми примѣръ съ Христа, который, движимый высочайшимъ милосердіемъ, сталъ ради насъ младенцемъ, во всемъ уподобился сынамъ человѣческимъ: въ претерпѣніи голода, жажды, жары, холода и всякой нужды. Что заставило Его сдѣлать все это? Любовь. Онъ ведетъ бесѣды то съ праведниками, то съ мытарями, живетъ такъ, что всѣ и мужчины, и женщины, и малые, и большіе, и бѣдные, и богатые—всѣ могутъ подражать Ему, каждый на свой манеръ и сообразно съ своимъ положеніемъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, каждый можетъ спастись... И что заставило Его вести столь обыкновенную и вѣстѣ столь

удивительную жизнь? Несомнѣнно, любовь. Любовь привязала Его къ колоннѣ бичеванія, любовь возвела Его на крестъ, любовь воскресила Его, заставила Его вознестись на небеса и, такимъ образомъ, выполнить всѣ таинства искупленія». «Это вотъ единственное, это вотъ настоящее ученіе. А проповѣдники нынѣшніе только и толкуютъ, что о пустыхъ тонкостяхъ».

Такъ онъ дѣлаетъ переходъ къ разсужденіямъ о клирикахъ. «Они постоянно услаждаютъ слухъ разговорами объ Аристотелѣ, Платонѣ, Виргиліи и Петраркѣ и нисколько не заботятся о спасеніи душъ. Зачѣмъ, вмѣсто столькихъ книгъ, они не излагаютъ только той единой книги, въ которой заключается законъ и духъ жизни? Евангеліе, о христіане, Евангеліе нужно было-бы постоянно носить съ собою: я говорю не о книгѣ, а о духѣ его. Если ты не имѣешь духа любви христіанской, а носишь Евангеліе съ собою, это тебѣ ни къ чему не послужитъ. Охъ, насколько еще глупѣе тѣ, которые навѣшиваютъ себѣ на шею разныя писанія папъ, ладонки и бумажки съ текстами св. книгъ, такъ-что кажутся похожими на разносчиковъ, которые идутъ на базаръ. Христіанская любовь не въ бумагахъ. Истинныя книги Христовы—это апостолы и святые, истинное чтеніе состоитъ въ подражаніи ихъ жизни. Но теперь люди сдѣлались книгами діавола. Они говорятъ противъ гордости и самолюбія, а сами погружены въ нихъ по уши, проповѣдуютъ цѣломудріе, а сами держатъ наложницъ, приказываютъ поститься, а сами живутъ въ роскоши. Они—безполезныя книги, ложныя книги, вредныя книги, книги діавола, ибо этотъ врагъ рода человѣческаго запечатлѣваетъ въ нихъ все свое лукавство». «Эти прелаты превозносятся своимъ саномъ и презируютъ другихъ. Они суть тѣ, которые желаютъ, чтобы ихъ уважали и боялись, они суть тѣ, которые ищутъ первыхъ сѣдалищъ въ синагогѣ, первыхъ каедръ Италіи. Они хотятъ, чтобы утромъ, встрѣчая ихъ на площадяхъ, всѣ привѣтствовали ихъ и называли ихъ учителями и равви. Они увеличиваютъ воскрилія ризъ своихъ и филактеріи. Говорятъ съ важностью и желаютъ, чтобы ихъ понимали съ полуслова».

Отъ прелатовъ онъ переходитъ къ характеристикѣ итальян-

скихъ владѣтельныхъ особъ. «Эти дурные правители посланы въ наказаніе за грѣхи ихъ подданныхъ. По истинѣ, они уловляютъ души ко грѣху: ихъ дворцы и придворные штаты являются убѣжищами всѣхъ животныхъ и чудовищъ земныхъ, то есть, при-тономъ злодѣевъ и мошенниковъ. Послѣдніе сбѣгаются туда, потому-что тамъ находятъ себѣ средство и поощреніе къ удовлетворенію всѣхъ необузданныхъ своихъ желаній, всѣхъ злыхъ своихъ страстей. Тамъ имѣютъ пребываніе дурные совѣтники, которые, чтобы высасывать послѣднюю кровь изъ народа, изыскиваютъ все новые налоги и новыя подати. Есть тамъ философы и поэты-льстецы, которые съ помощью всевозможныхъ выдумокъ и басенъ стараются вывести роды этихъ злыхъ правителей отъ боговъ, но что всего хуже, тамъ есть и монахи, которые поступаютъ такимъ-же образомъ. Это, братіе, Вавилонъ, городъ глупцовъ и нечестивцевъ, городъ, который Господь хочетъ разрушить».

Здѣсь онъ подробно описываетъ устройство этого города, воздвигнутаго двѣнадцатикратною глупостью нечестивцевъ. «Они видятъ свѣтъ и тьму, но предпочитаютъ послѣднюю, они находятъ путь удобный и путь трудный и опасный, но предпочитаютъ второй. Вотъ они выходятъ въ море, взлѣзаютъ на кита, считая его скалой, и здѣсь останавливаются. Что это за люди? Чего они хотятъ? Слышу, что хотятъ построить тамъ городъ. Что вы дѣлаете? говорю я имъ: вы слишкомъ отягощаете животное, вы утонете. Но они, несмотря на это, трудятся, спорятъ, укрѣпляютъ, дерутся. Одинъ хочетъ подчинить себѣ другого, и, наконецъ, возстаетъ между ними тиранъ, который притѣсняетъ ихъ всѣхъ. Онъ ищетъ смерти своихъ враговъ, всюду имѣетъ шпионовъ, а отсюда—новыя войны, новые раздоры. Китъ, утомленный, въ концѣ концовъ, всѣмъ этимъ шумомъ, приходитъ въ движеніе, и всѣ тонутъ, а городъ Вавилонъ разрушается. Такимъ образомъ, заключаетъ Савонарола, ясно доказывается, что нечестивые гибнутъ благодаря дѣйствіямъ глупцовъ и что глупцы будутъ наказаны».

Очень легко было догадаться, что подъ этимъ городомъ глупцовъ Савонарола хотѣлъ изобразить могущество Пьеро Ме-

дичи и его друзей, могущество, которое, по его предсказаніямъ, скоро должно было пасть. Но онъ не останавливается и на этомъ. Сказавъ о развращеніи народа и итальянскихъ правителей, онъ снова и съ неменьшимъ жаромъ возвращается къ разсужденію объ еще болѣе важномъ предметѣ—о священникахъ и о церкви. Слѣдуя довольно странному толкованію нѣкоторыхъ выраженій Библии, онъ говоритъ: «сѣчивомъ и оскордомъ разрушиша ю. Діаволъ, когда видитъ, что человѣкъ слабъ, даетъ ему удары топоромъ, чтобы тотъ впалъ въ грѣхъ, а когда, напротивъ, видитъ, что онъ крѣпокъ, даетъ удары сѣкирой. Вотъ дѣвушка, честная и хорошо воспитанная: онъ приставляетъ къ ней развратнаго юношу, который обольщаетъ ее и ввергаетъ въ грѣхъ. Значить, діаволъ далъ ей ударъ сѣкирой. Вотъ гражданинъ, уважаемый всѣми: онъ входитъ во дворъ владыкъ, но тамъ приготовленъ уже для него хорошо отточенный топоръ, которому не можетъ противостать никакая добродѣтель. Но теперь мы живемъ во времена, еще болѣе грустные: діаволъ собралъ всю свою нечистую силу и страшными ударами потрясаетъ самыя двери храма. Подобно тому, какъ двери вводятъ насъ въ домъ, такъ и прелаты должны были-бы вводить насъ въ церковь Христову. Вотъ почему діаволъ направилъ свои тяжкіе удары противъ нихъ и разбилъ эти двери. Вотъ почему нѣтъ теперь въ церкви хорошихъ прелатовъ». «Развѣ ты не видишь, что они дѣлаютъ все на-выворотъ? У нихъ нѣтъ разума, они не умѣютъ отличить добра отъ зла, правды отъ лжи, сладкаго отъ горькаго: добро кажется имъ зломъ, правдивое ложью, сладкое горькимъ, и такъ все наоборотъ... Видишь, какъ прелаты и проповѣдники пристрастились нынѣ ко всему земному, какъ они жаждутъ земныхъ благъ: у нихъ нѣтъ заботливой мысли о спасеніи душъ. Для нихъ достаточно собиранія доходовъ. Проповѣдники говорятъ проповѣди ради удовольствія правителей, только для того, чтобы тѣ хвалили и величали ихъ... Они сотворили нѣчто еще худшее: не только разрушили церковь Божію, но сдѣлали изъ нея другую, на свой манеръ. Это церковь современная, построенная уже не изъ живыхъ камней, то есть, изъ христіанъ, твердыхъ въ живой вѣрѣ, и крѣпкая лю-

бовью: она построена изъ дерева, изъ христіанъ, приготовлен-
ныхъ, какъ солома, для адскаго огня... Перенесись въ Римъ и
обойди весь міръ христіанскій: въ домахъ прелатовъ и высшихъ
церковныхъ правителей ты не услышишь ничего, кромѣ разго-
воровъ о поэзіи и объ ораторскомъ искусствѣ. Итакъ, ступай
и посмотри: ты увидишь ихъ съ мірскими книгами въ рукахъ,
по Виргилію, Горацию и Цицерону учащихся, какъ править ду-
шами. Можетъ быть, ты хочешь видѣть церковь, управляемую
астрологами? Нѣтъ ни одного прелата, нѣтъ ни одного сановника,
который не стоялъ-бы въ близкихъ отношеніяхъ съ астрологомъ,
указывающимъ ему часъ и моментъ, когда ему слѣдуетъ садиться
на лошадь или дѣлать какое-нибудь дѣло. И они, эти важные са-
новники, не сдѣлаютъ ни одного шага противъ воли астрологовъ».

«Въ этомъ храмѣ есть только одна вещь, которая насъ осо-
бенно плѣняетъ: это—обиліе живописи и украшеній. Наша цер-
ковь обставлена множествомъ красивыхъ внѣшнихъ церемоній
при совершеніи службъ: стѣны увѣшиваются матеріями, носятся
большія хоругви, употребляются золотые и серебряные подсвѣч-
ники, сосуды—какъ все это величественно! Ты увидишь важ-
ныхъ прелатовъ съ красивыми золотыми, украшенными драго-
цѣнными камнями, митрами на головахъ, съ серебряными по-
сохами въ рукахъ. Ты увидишь ихъ у алтаря въ великолѣпныхъ
ризахъ и парчевыхъ облаченіяхъ: они распѣваютъ тамъ торже-
ственные вечерни и мессы, не торопясь, со множествомъ цере-
моній, съ органами и пѣвцами, производящими ошеломляющее
впечатлѣніе. Они кажутся тебѣ людьми великой серьезности и
святости, тебѣ и въ голову не придетъ, что они могутъ оши-
баться. Напротивъ, все, что они дѣлаютъ и говорятъ, должно-бы,
кажется, быть соблюдаемо, какъ Евангеліе. Вотъ какъ устроена
наша церковь! И люди живутъ этимъ вздоромъ, восхищаются
этими церемоніями и говорятъ, что церковь Иисуса Христа ни-
когда не процвѣтала такъ пышно, что богослуженіе никогда не
справлялось такъ тщательно, какъ теперь, что первые прелаты
были, можно сказать, прелатишками въ сравненіи съ нынѣш-
ними. Тѣ не имѣли ни столькихъ митръ изъ золота, ни столь-
кихъ сосудовъ. То немного, что они имѣли, они продавали,

чтобы помогать бѣднымъ. Наши-же прелаты, чтобы дѣлать сосуды, отбираютъ у бѣдныхъ то, безъ чего тѣ и жить не могутъ. Но знаешь, что я хочу тебѣ сказать? Въ первоначальной церкви сосуды были деревянные, зато прелаты золотые. Теперь - же церковь имѣетъ сосуды изъ золота, но зато прелатовъ изъ дерева». «Они ввели у насъ праздники въ честь діавола, они не вѣрятъ въ Бога и смѣются надъ таинствами нашей религіи. Что-же ты дѣлаешь, о Господи? Почто спиши? Возстань и приди освободить церковь Твою изъ рукъ діаволовъ, изъ рукъ тирановъ, изъ рукъ злыхъ прелатовъ. Или ты забылъ церковь свою? Или ты не любишь ея? Или она тебѣ не дорога? Мы, о Господи, сдѣлались поношеніемъ народовъ: Турки завладѣли Константинополемъ, мы потеряли Азію, мы потеряли Грецію, мы стали данниками невѣрныхъ. О, Господи Боже! Ты поступилъ съ нами, какъ разгнѣванный отецъ, Ты удалилъ насъ отъ лица Твоего! Ускори-же, по крайней мѣрѣ, наказаніе и карающую руку Твою, чтобы намъ дано было обратиться къ Тебѣ. Излей гнѣвъ Твой на людей. Но не соблазняйте, братіе, этими словами. Напротивъ, когда вы видите у благочестивыхъ желаніе наказанія, то объясняйте это тѣмъ, что они хотятъ искорененія зла и торжества царства Благословеннаго Іисуса Христа. Для насъ теперь не на что болѣе надѣяться, какъ только на то, что мечъ Господень скоро придетъ на землю».

Итакъ, въ этотъ Рождественскій постъ Савонарола разсуждаетъ о нравахъ, о политикѣ, о религіи и церкви, осуждаетъ правителей и священниковъ и приходитъ къ заключенію, что наказаніе приближается и что добрые должны желать его. Такимъ образомъ, изложивъ свое ученіе, онъ бросалъ теперь вызовъ всѣмъ сильнымъ земли: правители свѣтскіе и князья церкви, богатые, сановники духовные и свѣтскіе—всѣ были предметомъ его нападокъ. «Я, говоритъ Савонарола, подобенъ граду, который бьетъ всякаго, кто находится на открытомъ мѣстѣ». Вотъ почему, хотя проповѣди эти 1493 года и не принадлежатъ ни къ числу самыхъ краснорѣчивыхъ, ни къ числу самыхъ смѣлыхъ, онѣ все-же важны для насъ тѣмъ, что представляютъ мысль Саво-

наролы болѣ законченной во всѣхъ ея частяхъ. Въ нихъ мы находимъ и смѣлаго обличителя испорченности современной церкви и открытаго друга народа и свободы.

Мы не знаемъ въ точности, какія проповѣди были произнесены Савонаролою въ Великій Постъ 1494 года, но осенью этого года, по праздникамъ, онъ продолжалъ и закончилъ свои знаменитыя бесѣды «на Ноевъ Ковчегъ», начатыя, какъ мы видѣли, еще въ Великій Постъ 1492 года. Всѣ онѣ изданы вмѣстѣ, въ одномъ томѣ. О нихъ упоминаютъ всѣ біографы, при чемъ они единогласно говорятъ о глубокомъ впечатлѣніи, какое онѣ производили на народъ, объ аудиторіи удивленной и восхищенной, о предсказаніяхъ, чудеснымъ образомъ оправдавшихся. Къ сожалѣнію, наше сужденіе о нихъ можетъ быть только самымъ общимъ, такъ-какъ изданіе ихъ настолько неполно и невѣрно, что въ нихъ совсѣмъ почти не замѣтно личнаго отпечатка Савонаролы. Тотъ, кто ихъ записывалъ, не поспѣвалъ за ораторомъ и оставилъ рукопись въ самомъ несовершенномъ видѣ, полную пробѣловъ. Затѣмъ, чтобы придать ей болѣе литературную форму, онъ перевелъ ее и издалъ въ Венеціи на варварскомъ латинскомъ языкѣ. По этимъ причинамъ Квети и другіе подвергли сомнѣнію даже ея подлинность. Спора нѣтъ, безпорядочность этихъ рѣчей такова, что непрерывное чтеніе ихъ является дѣломъ рѣшительно невозможнымъ, но самыя идеи, изложенныя въ нихъ, или, вѣрнѣе, идеи, на которыя тамъ сдѣланы намеки, такъ очевидно принадлежатъ Савонаролѣ, а свидѣтельства историковъ настолько ясны, что сомнѣніе Квети является неприемлемымъ.

Показавъ въ предшествующихъ бесѣдахъ на книгу Бытія необходимость и близость наказаній, Савонарола въ проповѣдяхъ «на Ноевъ Ковчегъ» началъ строить мистическій ковчегъ, въ которомъ должны были найти себѣ убѣжище всѣ, желавшіе спастись отъ новаго и уже грядущаго потопа. Этотъ ковчегъ въ буквальномъ смыслѣ есть ноевъ ковчегъ, о построеніи котораго говорится въ книгѣ Бытія. Въ смыслѣ-же аллегорическомъ это есть союзъ добрыхъ: длина его — вѣра, ширина — христіанская любовь, высота — надежда. Савонарола посвятилъ развитію

этой аллегоріи цѣлый Великій Постъ 1492 года, и каждый день, толкуя на различныя манеры десять досокъ, изъ которыхъ построены былъ ковчегъ, вновь указывалъ тѣ добродѣтели, какими должны обладать истинные христіане, и тѣ обязанности, какія они должны исполнять. Наконецъ, утромъ въ Пасху ковчегъ былъ законченъ постройкой. «Да поспѣшитъ-же всякій, сказалъ онъ въ заключеніе, войти въ ковчегъ Господень. Нынѣ Ной зоветъ всѣхъ, дверь открыта. Но придетъ время, когда ковчегъ закроется, и многіе напрасно будутъ сожалѣть, что не вошли въ него». Въ проповѣдяхъ, сказанныхъ имъ въ теченіе этого Великаго Поста, а равно и въ другихъ, онъ продолжалъ говорить о близости бѣдствій. Такъ онъ возвѣстилъ новаго Кира, который побѣдоносно пройдетъ всю Италію, не встрѣтивъ никакого препятствія и не сломавъ ни одного копья. Очень многіе историки и біографы оставили намъ воспоминаніе объ этихъ предсказаніяхъ и о томъ ужасѣ, какой они сѣяли. Фра Бенедетто приводитъ слова своего учителя въ слѣдующихъ стихахъ:

Presto vedrai immerso ogni tiranno,
 E tutta Italia vedrai conquassata
 Con sua vergogna e vituperio e danno.
 Roma, tu sarai presto captivata;
 Vedo venir in te coltel dell'ira
 El tempo è breve e vola ogni giornata.

. . . . .
 Vuol renovar la Chiesa el mio Signore,
 E convertir ogni barbara gente,
 E sarà un ovile et un pastore.
 Ma prima Italia fatta fia dolente,
 E tanto sangue in essa s'ha a versare.
 Che rara fia per tutto la sua gente.

Впечатлѣніе отъ этихъ проповѣдей было такъ сильно и такъ всеобщее, что въ соборъ стекалось день ото дня все больше и больше народу. Савонарола, казалось, сдѣлался самой вліятельной личностью во Флоренціи. Пьеро Медичи не могъ скрыть своего безпокойства. Удивлялись только одному, что Савонарола такъ долго останавливается на построеніи ковчега и что, воз-

вратясь къ той-же темѣ осенью 1494 года, онъ не успѣлъ еще окончить изложенія той небольшой главы книги Бытія, которая говоритъ объ этомъ предметѣ. Онъ и самъ не могъ объяснить себѣ этой медленности. Ему показалось, что какая-то высшая сила двинула его, когда неожиданно онъ рѣшился закончить ее. И, въ самомъ дѣлѣ, въ третьей изъ проповѣдей онъ долженъ былъ излагать 17-й стихъ VI главы, гдѣ говорится уже о потопѣ. Это было 21 Сентября, день достопамятный для Савонаролы и для Флоренціи. Соборъ едва могъ вмѣстить всю массу народа, съ волненіемъ ожидавшаго этой проповѣди съ самаго ранняго утра. Наконецъ, ораторъ взошелъ на кафедру. Окинувъ взоромъ аудиторію и замѣтивъ необычайный трепетъ, охватившій ее, онъ воскликнулъ страшнымъ голосомъ: «се наведу воды на землю!»! Точно ударъ грома разразился въ церкви, ужасъ объялъ всѣхъ. Пико делла Мирандола рассказывалъ впослѣдствіи, что при этихъ словахъ Савонаролы онъ весь похолодѣлъ, волосы на головѣ стали у него дыбомъ. Самъ Савонарола признавался, что въ этотъ день онъ былъ взволнованъ не менѣе своихъ слушателей.

Чѣмъ-же можно объяснить такое необычайное и всеобщее возбужденіе? Въ эти именно дни, совершенно для всѣхъ неожиданно, какъ громъ на голову, пришло извѣстіе, что огромныя непріятельскія войска перешли Альпы и, какъ потокъ, текутъ все впередъ и впередъ для покоренія Италіи. Ходили, какъ всегда, преувеличенные слухи, что число враговъ безконечно, что они—гигантскаго роста, характера жестокаго и рѣшительно непобѣдимы. Всѣ, казалось, были захвачены врасплохъ. За исключеніемъ короля неаполитанскаго, ни одинъ изъ итальянскихъ князей не былъ готовъ оказать имъ хоть какое-нибудь сопротивленіе: національныя войска были слабы, наемныя—враждебны. Ужасъ настолько обуялъ души, что, казалось, будто повсюду уже течетъ кровь. Толпы стекались въ соборъ какъ-бы для того, чтобы умолять Савонаролу о помощи. Всѣ слова его оправдывались: мечъ Господень пришелъ на землю, бѣдствія уже начались. Лишь онъ одинъ предвидѣлъ будущее и предсказалъ его, онъ одинъ долженъ былъ знать и

способъ, какъ избавиться отъ постигшаго всѣхъ бѣдствія. Имя его было, поэтому, на устахъ всего народа. Со всѣхъ сторонъ взоры обратились на него: вдругъ, неизбѣжнымъ ходомъ событій, онъ сталъ дѣятелемъ политическимъ. Къ нему прибѣгали теперь самые вліятельные граждане. Какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, послѣдователи его очутились во главѣ городского управленія. Но условія политической жизни Флоренціи и Італіи измѣнились теперь до такой степени, что мы должны отступить нѣсколько назадъ и поговорить о нихъ болѣе подробно въ слѣдующей книгѣ.

КНИГА ВТОРАЯ.

(1494—1495).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нашествіе французовъ на Италію.

(1494).

Послѣ смерти Лоренцо Медичи и избранія новаго папы положеніе дѣлъ въ Италіи быстро пошло на ухудшеніе. Борджіа, снѣдаемый честолюбивымъ желаніемъ создать для своихъ сыновей самостоятельныя владѣнія, обращалъ свой жадный взоръ всюду, гдѣ только видѣлъ правителя слабаго или боязливаго, заключалъ и нарушалъ трактаты, союзы дружбы и клятвы. Всю Италію и цѣлую Европу онъ не задумался-бы подвергнуть какому угодно опасностямъ, лишь-бы только достигнуть своей цѣли. Не менѣе опасенъ былъ и характеръ Людовико Моро, одержимаго одновременно и честолюбіемъ и трусостью. Своей низостью и вѣроломствомъ онъ стяжалъ себѣ извѣстность по всей Италіи: трактаты, въ вѣрности которыхъ онъ клялся, онъ нарушалъ при первомъ-же удобномъ случаѣ. Болѣе того: въ тотъ самый моментъ, какъ онъ скрѣплялъ ихъ своею подписью, онъ уже обдумывалъ, какимъ образомъ можно было-бы нарушить ихъ, если-бы представилась къ тому надобность. Онъ хвалился тѣмъ, что онъ самый хитрый человѣкъ во всей Италіи, безъ устали строилъ все новые планы и новые заговоры, чтобы какъ можно лучше укрѣпиться въ своихъ владѣніяхъ, истребить своихъ враговъ и увеличить свою власть. Когда-же онъ боялся чего-нибудь, тогда всѣ его умственные способности напрягались до послѣдней степени, принимали видъ какой-то судорожной дѣятельности, такъ-что никто не могъ предвидѣть, какое рѣшеніе онъ приметъ. Къ несчастью для него и для Италіи, въ то время, о которомъ

мы говоримъ, имъ овладѣлъ страхъ, который и держалъ его въ состояніи постояннаго напряженія.

Господство надъ Миланомъ онъ силой отнялъ у племянника своего Джіованни Галеаццо, котораго и держалъ теперь въ павійской тюрьмѣ. Существовало подозрѣніе, что онъ отравляетъ его медленнымъ ядомъ. Дѣйствительно, этотъ молодой человѣкъ былъ слабъ, боленъ, и съ каждымъ днемъ силы все больше и больше оставляли его. Поэтому, самъ онъ не былъ въ состояніи оказать какое-нибудь противодѣйствіе Моро. Зато жена его, Изабелла Аррагонская, дочь Альфонса Неаполитанскаго, никакъ не могла примириться съ нарушеніемъ ихъ правъ, съ тѣмъ унижительнымъ и тяжелымъ положеніемъ, на какое они были осуждены. Она обращалась со своими жалобами ко всѣмъ итальянскимъ правителямъ, постоянно звала своего дѣда и отца придти и отомстить Моро за нанесенную имъ обиду и возвратить ей и ея мужу отнятое владѣніе. Король Фердинандъ и сынъ его, Альфонсъ, владыки обширнаго королевства, гордые славой, пріобрѣтенной ими въ борьбѣ съ баронами и при осадѣ Отранто, свысока относились къ Моро: въ своихъ письмахъ къ нему они называли его просто «Герцогомъ Бари» или даже «Господиномъ Людовико», постоянно грозили, что придутъ и отнимутъ у него насильственно захваченное имъ владѣніе, чтобы отдать его Изабеллѣ и ея мужу. Трудно, поэтому, описать, какъ скверно чувствовалъ себя тогда Моро и какіе планы роились у него въ головѣ. Если-бы онъ могъ предать огню всю Италію, весь міръ, чтобы спастись отъ охватившаго его страха, онъ, конечно, ни на одну минуту не задумался-бы сдѣлать это.

Лоренцо Медичи въ свое время проявилъ величайшую политическую мудрость: самъ соблюдая нейтралитетъ, онъ старался быть посредникомъ между враждующими сторонами и поддерживать между ними, по возможности, дружественныя отношенія путемъ сохраненія политическаго равновѣсія, за что и получилъ названіе «стрѣлки въсовъ Италіи». Еще съ 1480 года онъ связалъ союзнымъ договоромъ Неаполь, Миланъ и Флоренцію, и потомъ, поддерживая то одну, то другую сторону,

все время старался, чтобы союзъ этотъ какъ-нибудь не былъ нарушенъ. Но послѣ его смерти обстоятельства сразу-же измѣнились, и первой мыслью Моро было какъ-нибудь испытать дружбу своихъ союзниковъ. Для этого онъ предложилъ, чтобы послы трехъ державъ вмѣстѣ прибыли въ Римъ для поздравленія новаго папы съ восшествіемъ на престолъ и, какъ друзья, вмѣстѣ и представились Борджіа. Но Пьеро Медичи, изъ честолюбія желая представиться во главѣ особаго торжественнаго флорентійскаго посольства, снаряженнаго имъ со всей возможной пышностью, уговорилъ неаполитанскаго короля найти предлогъ отклонить это предложеніе Моро. Фердинандъ тотчасъ-же воспользовался случаемъ уязвить своего личнаго врага, не скрывъ отъ него въ то-же время, что онъ слѣдуетъ на этотъ разъ совѣтамъ Пьеро. Трудно вообразить, сколько подозрѣній возбуждалъ этотъ отвѣтъ въ душѣ Моро. Но скоро онъ долженъ былъ убѣдиться, что это было только признакомъ еще болѣе глубокаго разлада между союзниками и что онъ теперь окончательно предоставленъ самому себѣ, такъ-какъ Орсини, бывшіе въ качествѣ предводителей наемныхъ войскъ на службѣ у короля неаполитанскаго, успѣли привлечь Пьеро Медичи на свою сторону. Тогда Моро началъ думать только о своихъ собственныхъ интересахъ и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не рѣшилъ пригласить французовъ для завоеванія неаполитанскаго королевства. Этимъ и открылся длинный рядъ бѣдствій, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій раздирали Италію, уничтожили въ ней торговлю, въ корнѣ подорвали науки и искусства, заглушили всякій проблескъ свободы. Моро, несомнѣнно, положилъ начало всѣмъ этимъ несчастьямъ, но на его голову совершенно несправедливо обрушилась безконечная ненависть потомства, какъ будто онъ былъ единственной причиной послѣдующихъ событій. Въ дѣйствительности, они подготовлялись съ давняго времени, и ему рѣшительно неправильно приписываютъ такое историческое значеніе, какого онъ не имѣлъ даже и во злѣ, причиненномъ имъ всей странѣ.

Слишкомъ дѣятельная и безпокойная жизнь прошлыхъ временъ истощила Италію: въ XV вѣкѣ она преждевременно со-

старилась въ политическомъ отношеніи, была раздроблена и слаба. Вокругъ нея образовывались и быстро росли новыя государства, большія, крѣпкія, полныя жизненныхъ силъ. Турки были на верху своего могущества. Твердой ногой они стали въ Европѣ, угрожали съ моря и суши Италіи и всему Западу. Испанія объединила Королевства Кастиліи и Аррагоніи, изгнала мавровъ и уже, водимая гениемъ и предпріимчивостью Христофора Колумба, перебросила свои владѣнія за Атлантическій океанъ. Во Франціи Людовикъ XI своимъ желѣзнымъ деспотизмомъ успѣлъ смирить аристократію, облегчилъ положеніе простого народа, упорядочилъ финансы, объединилъ населявшія страну народности, расширилъ границы государства по направленію къ Рейну и Пиринеямъ. Въ то-же время, за смертью Рено Анжуйскаго, въ руки французскихъ королей перешло сперва его герцогство, потомъ Провансъ, а затѣмъ и всѣ права, на какія претендовалъ Анжуйскій Домъ по отношенію къ неаполитанскому королевству. Національныя силы Германіи, несмотря на то, что она казалась слабой подъ вялымъ и нерѣшительнымъ управленіемъ Максимилиана I, были живы, какъ никогда. Наконецъ, Швейцарцы, эта наилучшая по тому времени пѣхота въ Европѣ, готовы были каждую минуту сойти съ Альпъ во всемъ своемъ могуществѣ и поступить на службу ко всякому, кто только хорошо имъ заплатитъ.

Сознаніе собственной силы, любовь къ приключеніямъ, жажда цивилизаціи, а болѣе всего—чувство какой-то національной ревности толкали эти народы къ Италіи. Они никакъ не хотѣли простить ей, что она до сихъ поръ является учительницей всего міра, что молодежь со всѣхъ концовъ Европы еще стекается въ ея университеты, что она всегда была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ процвѣтаютъ науки и искусства, что при всѣхъ дворахъ господствуетъ мода на итальянскій языкъ и на все итальянское, что писатели, артисты, философы, медики, астрологи, мореплаватели итальянскіе превосходятъ всѣхъ другихъ своею славою, какъ ея знать и купцы — своими богатствами. Все это порождало какую-то смѣсь и любви и ненависти къ ней и инстинктивно влекло къ ней всѣ народы Европы.

Сѣмена культуры естественнымъ образомъ распространялись изъ Италіи по всему міру, но, не имѣя уже силъ быть завоевательницей, страна эта сама должна была быть завоевана другими. «Покореніе Италіи» сдѣлалось для Европы чѣмъ-то въ родѣ крестоваго похода XV вѣка: полководцы и государственные люди видѣли въ ней легкую и богатую добычу, ученые видѣли въ ней цѣлый міръ науки и искусствъ, который долженъ быть открытъ для всѣхъ, солдаты мечтали о разграбленіи сокровищъ, собранныхъ въ великолѣпныхъ дворцахъ и виллахъ. Всѣхъ—притягивали прекрасное небо и плодородныя поля Италіи.

Но если изъ всѣхъ этихъ народовъ кому-либо самой судьбой предназначено было перейти Альпы, то это, безъ сомнѣнія, были французы. Ихъ положеніе въ центрѣ Европы и на границѣ Италіи, ихъ характеръ, политическое и военное состояніе — все заставляло ихъ первыми выступить въ этомъ движеніи, которое должно было дать жизнь однимъ, отнявъ ее у другихъ. Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что тогда только что вступилъ на тронъ 22-хъ-лѣтній Карлъ VIII, полный какого-то необычайнаго стремленія къ авантюрамъ. Слабаго тѣлосложенія, небольшого роста, почти уродливый на видъ, онъ едва умѣлъ читать, не обладалъ ни умомъ, ни осторожностью, любилъ командовать, но не былъ въ состояніи поддержать своего авторитета среди близкихъ къ нему людей. Онъ всегда былъ окруженъ людьми низкаго происхожденія, которые, добиваясь его благорасположенія, достигали высшихъ должностей въ государствѣ. Постоянно они возбуждали его чисто дѣтское самолюбіе — подражать Людовику Святому, обезсмертить свое имя крестовымъ походомъ противъ Турокъ, при чемъ завоеваніе неаполитанскаго королевства должно было служить первымъ къ тому шагомъ. И въ то время, какъ они убѣждали его отстаивать свои права на это королевство, права, которыя, по мнѣнію многихъ, перешли отъ анжуйскаго дома къ королямъ Франціи, неаполитанскіе изгнанники, со своей стороны, неустанно буждали въ немъ тѣ-же честолюбивые замыслы. Правители Салерно и Бизиньяно, избѣжавшіе смерти при всеобщемъ истребленіи

неаполитанскихъ бароновъ, все время старались вооружить его противъ жестокаго деспотизма Фердинанда и Альфонса: они утверждали, что анжуйская партія очень сильна въ королевствѣ, клялись, что король Карлъ всѣмъ народомъ будетъ принятъ съ распростертыми объятіями. И, въ самомъ дѣлѣ, тяжелыя условія жизни неаполитанцевъ были всѣмъ извѣстны: желаніе какой-нибудь перемѣны, хотя, можетъ быть, нѣсколько преувеличиваемое изгнанниками, несомнѣнно, было всеобщимъ.

Что касается прочей Италіи, то замѣтно было, что прихода французовъ скорѣе желали, чѣмъ боялись, всѣ тѣ, которые любили свободу. Легкій и покладистый характеръ этого народа, невозможность предугадать, какое рѣшеніе будетъ принято имъ въ томъ или иномъ случаѣ, давали каждому надежду, что онъ получить отъ нихъ именно то, чего желаетъ. Поэтому, не было такого угнетеннаго города, такой терзаемой своимъ тираномъ республики, которые не надѣялись-бы съ приходомъ французовъ избавиться такъ или иначе отъ тяжелыхъ условій своей жизни. Еще къ Людовику XI съ разныхъ сторонъ приходили приглашенія двинуться въ Италію,—теперь-же, когда Людовико Моро отправилъ своихъ пословъ соблазнять къ тому Карла VIII, казалось, и самъ папа ничего не имѣлъ противъ этого. Потому-ли, что Александръ VI хотѣлъ напугать короля неаполитанскаго и потомъ предложить ему миръ за болѣе дорогую цѣну, потому-ли, что онъ позволилъ опутать себя хитрой политикой и ловкими происками Моро, потому-ли, что онъ, какъ и другіе, надѣялся на неизвѣстное будущее, несомнѣнно одно, что своимъ поведеніемъ и онъ подстрекалъ французовъ предпринять походъ на Италію.

И странное дѣло: этого нашествія, причинившаго намъ столько бѣдъ, желали въ то время почти всѣ итальянцы, а французы, наоборотъ, не желали. Французскіе бароны, собравшись на совѣтъ, открыто объявили себя противниками этого предпріятія, которое они считали необдуманнѣйшимъ и опаснѣйшимъ: не слѣдуетъ довѣряться, говорили они, такимъ союзникамъ, какъ Моро или какъ папа изъ фамиліи Борджіа, извѣстныхъ своимъ непостоянствомъ, своею измѣнчивостью. Нельзя съ презрѣніемъ

относиться къ военнымъ силамъ короля неаполитанскаго. Франція, небогатая деньгами, не можетъ выдержать продолжительной войны. Въ существѣ же дѣла, они не довѣряли своему королю, считая его неспособнымъ съ успѣхомъ вести столь трудное предпріятіе. Но Карлъ и вниманія не обратилъ на ихъ совѣты и слушался лишь двухъ лицъ, ничего не понимавшихъ ни въ войнѣ, ни въ дѣлахъ государственныхъ: Стефано Вера, бывшаго камердинера, а теперь маршала Бокера, и Вильгельма Брисоне, изъ простаго торговца успѣвшаго сдѣлаться министромъ финансовъ, а впослѣдствіи—кардиналомъ. Они одни, въ надеждѣ на новыя выгоды и полагаясь на обѣщанія папы и Моро, стояли тогда за войну и старались убѣдить короля въ ея необходимости.

Наконецъ, Карлъ VІІІ приказалъ посламъ неаполитанскаго короля оставить Францію, а затѣмъ отправилъ въ Италію четырехъ агентовъ, которымъ поручилъ собрать свѣдѣнія о настроеніи разныхъ тамошнихъ Дворовъ. Въ сущности, эти агенты не встрѣтили у правителей никакого сочувствія нашествію французовъ: венеціанская республика объявила себя нейтральной, Пьеро Медичи былъ искреннимъ другомъ Аррагонскаго дома, а папа, пригласивъ французовъ, перемѣнилъ фронтъ и казался теперь союзникомъ Неаполя. Неаполитанскому королю Фердинанду, когда наступилъ опасный моментъ, несмотря на всѣ его хлопоты и разныя обѣщанія, никакъ не удавалось привлечь на свою сторону Борджіа. Такъ онъ и умеръ 25 Января 1494 года, терзаемый въ послѣднія минуты агоніи жестокими угрызениями совѣсти и страхомъ, что его семейство находится наканунѣ потери королевства. Такимъ образомъ, послѣ долгой и счастливой жизни, онъ умиралъ, по выраженію одного современнаго писателя, *sine luce, sine cruce, sine Deo*. Сынъ его, Альфонсъ, продолжалъ изо всѣхъ силъ готовиться къ войнѣ: онъ набиралъ солдатъ, приводилъ въ порядокъ флотъ и даже успѣлъ привлечь на свою сторону папу, заплативъ ему 30.000 дукатовъ и предоставивъ его сыновьямъ доходныя мѣста.

Но если французскіе послы нашли, что всѣ итальянскіе правители, за исключеніемъ Моро, были противъ прихода ко-

роля, то они не могли не замѣтить, что населеніе, наоборотъ, очень желало этого. Въ особенности во Флоренціи, гдѣ Савонарола открыто, съ церковной кафедрѣ, приглашалъ «новаго Кира» перейти горы, общественное мнѣніе безъ всякаго стѣсненія объявляло себя на сторонѣ французовъ и противъ Пьеро Медичи. Послѣдній даже нѣкоторыхъ изъ своихъ родственниковъ вынужденъ былъ удалить на виллы, потому-что они приняли сторону народа. Наконецъ, послы, отправленные имъ во Францію для защиты и оправданія его политики предъ королемъ Карломъ, почти всѣ оказались противниками правленія Медичи. Въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, Пьеро Капони, человѣкъ характера рѣшительнаго, который совѣтовалъ просто выгнать изъ Франціи всѣхъ флорентійскихъ купцовъ и тѣмъ нанести тяжелый ударъ матеріальнымъ интересамъ республики: тогда весь народъ непремѣнно уже подымется противъ Медичи.

Все это должно было-бы побудить Карла выступить по возможности скорѣе. Но колебанія были, повидимому, въ натурѣ этого человѣка. Когда все уже было готово, когда нужно было дѣйствовать, тогда то и начались у него сомнѣнія. Только-что онъ убѣдился въ сочувствіи къ нему итальянскаго народа, какъ вдругъ прозрѣлъ всѣ трудности предпріятія. Но какъ разъ въ это время прибылъ въ Ліонъ, гдѣ тогда находился король, кардиналъ Санъ Пьеро in Vincoli, убѣжавшій изъ Остійской крѣпости. Сначала онъ угрожалъ и запугивалъ оттуда папу, но затѣмъ самъ былъ осажденъ и стѣсненъ въ ней до такой степени, что едва успѣлъ спастись бѣгствомъ отъ угрожавшей ему опасности. То былъ одинъ изъ немногихъ кардиналовъ, которые отказались продать свой голосъ Борджіа, смертельный врагъ его, постоянно называвшій его грубіаномъ и еретикомъ. Кардиналъ этотъ занялъ впослѣдствіи папскій престолъ подъ именемъ Юлія II. Онъ безъ устали велъ борьбу съ папой, хотѣлъ созвать соборъ для его низложенія. Не утрущали его ни годы, ни опасности, ни труды. Явившись къ королю, онъ разсѣялъ всѣ его колебанія и убѣдилъ его двинуться, наконецъ, въ походъ.

Но, прежде всего, нужно было раздобыться деньгами, которыхъ у Франціи было очень мало, несмотря даже на то, что

Людовико Моро предоставилъ уже въ ея распоряженіе 200.000 дукатовъ и обѣщалъ дать еще. Тогда обратились къ генуэзскимъ банкирамъ, заплативъ имъ за одолженіе очень большіе проценты. Заложили драгоцѣнности короны и нѣкоторыхъ придворныхъ вельможъ. Затѣмъ нужно было войти въ соглашеніе съ Испаніей и Императоромъ, чтобы не оставить у себя въ тылу двухъ враговъ. Съ первой былъ заключенъ союзный трактатъ съ уступкой ей Перпиньяно и графства Россильонъ, представлявшихъ какъ-бы ключъ къ Пиринеямъ и завоеванныхъ съ величайшимъ трудомъ Людовикомъ XI. Графство д'Артуа, другое пріобрѣтеніе того-же короля, было уступлено Максимилиану, которому, наконецъ, была отослана и дочь его, давно уже отвергнутая Карломъ, но не получавшая разрѣшенія выѣхать изъ Франціи, несмотря на всѣ просьбы ея отца. Все это, естественно, возмущало французовъ, которые считали оскорбленіемъ для своей національной чести эту уступку столь важныхъ провинцій, эти трактаты, затрогивавшіе достоинство страны, эти долги, ложившіеся невыносимымъ бременемъ на плательщиковъ. Никто не ожидалъ ничего хорошаго отъ предпріятія, противъ котораго высказывались чины и гражданскіе и военные и для начала котораго нужно было пойти еще на униженіе передъ сосѣдями. Однако, судьба благопріятствовала Франціи, такъ-какъ на ея счастье Италія не могла оказать ей никакого сопротивленія.

Наши военныя силы были тогда весьма плохи, чтобы не сказать, что ихъ совсѣмъ почти не было. Репутація-же, какою еще пользовались солдаты неаполитанскаго короля, удачно бившіеся противъ бароновъ, истреблявшіе ихъ одного за другимъ, ни въ какомъ случаѣ не могла служить ручательствомъ, что они устоятъ противъ кого-либо въ открытомъ полѣ. Наши знаменитые кондотьеры и наемные полководцы, которые когда-то съ такой честью сражались противъ иностранныхъ войскъ, которые первые положили начало военной наукѣ и одно время были для всей Европы учителями въ искусствѣ войны, болѣе уже не существовали. Ихъ преемники не унаслѣдовали ни одного изъ ихъ добрыхъ качествъ: къ войнѣ они стали относиться, какъ къ ремеслу, ведя ее самымъ позор-

нымъ образомъ. Вся работа ихъ сводилась лишь къ тому, чтобы получить какъ можно больше денегъ и въ то-же время сохранить въ цѣлости свою собственную персону. То были времена, о которыхъ Николо Макиавелли рассказываетъ, что часто два войска бились одно противъ другого втеченіе многихъ часовъ, при чемъ отъ ранъ не умиралъ никто, погибали-же только случайно упавшіе, которыхъ растаптывали лошади. Вся сила итальянскихъ войскъ заключалась тогда единственно въ кавалеріи, при чемъ всадники и лошади были покрыты такими тяжелыми бронями, что упавшій никакъ уже не могъ подняться безъ посторонней помощи. Пѣхота-же, наоборотъ, была вооружена слишкомъ легко. Лишь съ самаго недавняго времени начали употреблять аркебузы и пики, сражались вразсыпную, изъ-за рововъ и валовъ. Когда строились рядами, то фронтъ былъ слишкомъ широкъ, а флангъ тонокъ: непріятелю было очень легко прорвать всю цѣпь. Артиллерія, немногочисленная и тяжелая, перевозимая быками, съ трудомъ заряжаемая крупными, по большей части каменными ядрами, причиняла весьма мало вреда.

Напротивъ, французское войско было самымъ образцовымъ изъ всѣхъ, извѣстныхъ тогда въ Европѣ. Преобразованное согласно послѣднимъ требованіямъ военного искусства, оно полагало главную силу свою въ пѣхотѣ, которая шла въ бой колоннами изъ многихъ и тѣсно сплоченныхъ рядовъ. Отряды эти, благодаря разнымъ сложнымъ маневрамъ, ловко и быстро могли перестраиваться на какой угодно ладъ. Авангардъ состоялъ изъ 8000 швейцарцевъ, въ конницѣ служила наиболѣе богатая знать Франціи и золотая молодежь Шотландіи. Соревнованіе, которое возникало между ними, лишь увеличивало силы арміи. У французовъ было самое лучшее оружіе, какое только выдѣлывалось тогда. Пѣхота ихъ блистала прекрасными аллебардами и копьями, на каждую тысячу солдатъ полагалось по 100 аркебузовъ. Кромѣ колубринъ и фальконетовъ, у нихъ было 36 пушекъ съ конной запряжкой, съ лафетами на четырехъ колесахъ, изъ которыхъ два снимались, когда нужно было поставить орудія въ позицію. Орудія эти шли почти не отставая отъ пѣхоты, что для того времени было дѣломъ необыкновеннымъ. Всѣ толковали о чуде-

сахъ, какія должна была сотворить эта артиллерія, и флорентійскіе послы уже подробно описывали ее, какъ «нѣчто ужасное». Опреѣлить съ точностью цыфру французскаго войска почти невозможно, потому-что древніе писатели всегда очень неточны въ подобныхъ исчисленіяхъ, а способъ ихъ считать по количеству «вооруженныхъ людей» еще болѣе увеличиваетъ путаницу. Тѣмъ не менѣе, большинство думаетъ, что Карлъ VІІІ велъ съ собою 22 тысячи пѣхоты и 24 тысячи конницы, а съ присоединеніемъ сюда и всѣхъ, кто слѣдовалъ за войскомъ, равно и солдатъ Моро, которые должны были соединиться съ нимъ въ Италіи, силы его могли доходить до 60 тысячъ челоѣкъ.

Альфонсъ, король неаполитанскій, со своей стороны, тоже всѣми силами готовился къ войнѣ. Братъ его, Донъ Федерико, отправился съ войскомъ на осаду Генуи, куда стягивались морскія силы Франціи. Донъ Фердинандо, герцогъ калабрійскій, вмѣстѣ съ графомъ Питильяно и Джіанъ-Якопо Три-вульци, извѣстными въ то время полководцами, направился къ Романѣ, чтобы отвлечь войну отъ предѣловъ королевства.

Все это заставляло Карла торопиться походомъ, и тѣ самыя генералы, которые раньше высказывались противъ задуманнаго предпріятія, теперь старались ускорить его, будучи убѣждены, что всякое промедленіе можетъ только ухудшить положеніе дѣлъ. Но въ этотъ именно моментъ король началъ вновь терзаться сомнѣніями и колебаніями. Одно время казалось даже, что онъ окончательно перемѣнилъ свое рѣшеніе: многіе отряды, которые выступили уже въ походъ, получили приказаніе вернуться обратно. Тогда кардиналъ Санъ Піетро in Vincoli вновь явился къ королю и рѣзко сталъ обвинять его въ томъ, что онъ подвергаетъ поруганію не только свою личную честь, но и честь всей націи. Страстность его рѣчи побѣдила, наконецъ, нерѣшимость Карла: 22 августа 1494 года онъ двинулся съ войскомъ въ путь. Черезъ Монджиневро онъ направился къ Асти, куда навстрѣчу ему прибылъ Моро съ женой и герцогомъ феррарскимъ.

Но увлекшись праздниками и женщинами, Карлъ вновь забылъ о войнѣ. Благодаря-же удовольствіямъ, которымъ онъ предавался безъ всякой мѣры, онъ тяжело захворалъ и долженъ былъ остаться въ Асти цѣлый мѣсяцъ. Отсюда онъ пошелъ въ Павію, гдѣ посѣтилъ несчастнаго Джіованни Галеаццо, который во цвѣтѣ лѣтъ чахъ въ постели, выслушалъ жалобы его жены, которая, упавъ ему въ ноги, съ горькими слезами просила помочь имъ въ ихъ тяжеломъ положеніи. Казалось, король былъ очень растроганъ этими мольбами. Онъ обѣщалъ ей дѣятельную помощь, но едва лишь достигъ Пьяченцы, какъ къ нему пришла вѣсть о смерти Галеаццо. Ходили слухи, что онъ былъ отравленъ Моро. Все войско было возмущено этимъ: оно видѣло, съ какого рода союзникомъ ему приходилось имѣть дѣло. Одинъ лишь король, казалось, не думалъ обо всемъ этомъ. Вновь впавши въ колебанія, онъ не зналъ теперь, какой ему предпринять путь: на Романью или на Тоскану, А пока что, онъ остановился и предался удовольствіямъ.

Въ это время со всѣхъ сторонъ начали приходить извѣстія, благопріятныя для французовъ. Въ Романьѣ храбрый генералъ д'Обиньи, посланный туда, чтобы слѣдить за неаполитанцами, сумѣлъ со своимъ маленькимъ отрядомъ безъ всякихъ стычекъ такъ утомить непріятеля, что тотъ вынужденъ былъ уйти въ королевство. Въ Генуѣ герцогъ Орлеанскій заставилъ Донъ Федерико отступить предъ своею болѣе сильной флотиліей. Въ Рапалло, гдѣ стоялъ небольшой неаполитанскій гарнизонъ, высадились Швейцарцы, которые, при помощи морской артиллеріи, успѣли добратъся до города, разграбили и выжгли его, вырѣзали не только весь сдавшійся имъ гарнизонъ, но и всѣхъ жителей и даже 40 человѣкъ больныхъ, найденныхъ ими въ постеляхъ. Извѣстіе объ этомъ навело неописуемый ужасъ на всю Италію, гдѣ подобный жестокій способъ веденія войны въ то время былъ рѣшительно неизвѣстенъ. Неаполитанское войско отступило, города и мѣстечки, къ которымъ могли подойти непріятельскіе корабли, были въ ужасѣ отъ мысли, что и они могутъ подвергнуться участи несчастнаго Рапалло. Французское войско навело страхъ на всѣхъ, благодаря чему въ дальнѣй-

шемъ своемъ движеніи оно не встрѣчало почти никакого сопротивленія.

Въ это-же самое время прибыли въ лагерь короля Джіованни и Лоренцо Медичи, двоюродные братья Пьеро, державшіе сторону народа. Они убѣждали изъ своихъ помѣстій, куда были высланы, и теперь пришли увѣрить французовъ, что вся Тоскана рада ихъ проходу по ея территоріи. Вслѣдствіе этого, войско, двинувшись, наконецъ, по направленію къ Луниджіана, пошло вдоль Магра, по дорогѣ осадило замокъ Фивиццано, взяло его приступомъ и въ жестокости чуть-ли не превзошло самихъ Швейцарцевъ. Однако французы скоро замѣтили, что они выбрали дорогу очень опасную. Страна была безплодная. Слѣва возвышались горы, справа было море, гдѣ каждую минуту могъ появиться непріятель, впереди стояли крѣпости Сарцана, Сарцанелло и Пьетрасанта, которыя даже съ самымъ небольшимъ гарнизономъ легко могли запереть проходъ большому войску. Если-бы Пьеро Медичи имѣлъ мужество предпринять хоть какія-нибудь рѣшительныя мѣры, онъ могъ-бы и въ этотъ самый послѣдній моментъ отбросить французовъ, нанести имъ большой вредъ и покрыть ихъ позоромъ. Но, по истинѣ, казалось, что само Провидѣніе чудеснымъ образомъ вело эти войска на нашу гибель и что, несмотря на крайнюю безпечность короля, несмотря на то, что не было предусмѣтѣно даже самое необходимое, все сулило успѣхъ предпріятію.

Между тѣмъ, смутеніе во Флоренціи достигло крайней степени. Народная партія все время сочувствовала Франціи, но безумная политика Пьеро сдѣлала изъ короля врага, такъ-что вся страна подверглась грабежамъ и пожарамъ. Что-же было дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? Совершенно открыть ему путь, когда можно было предъявить рядъ условій, казалось и неблагоразумнымъ и унижительнымъ, запереть дорогу—значило объявить войну. Между тѣмъ, власть была въ рукахъ Пьеро, бездѣятельнаго, слабого, единственнаго виновника всей этой сумятицы. Всѣ, поэтому, съ напряженіемъ наблюдали, что предприметъ онъ, и при всеобщей опасности каждый съ удовольствіемъ услышалъ-бы вѣсть объ его паденіи. Положеніе, въ ка-

комъ онъ находился, было, дѣйствительно, очень скверное. Побѣдоносный, лично противъ него раздраженный, врагъ былъ уже близко. Безъ денегъ, безъ кредита, въ странѣ, настроенной къ нему враждебно, онъ потерялъ всякую способность оцѣнить положеніе вещей. Онъ послалъ Паоло Орсини съ нѣсколькими всадниками и 300 пѣхоты на усиленіе гарнизона Сарцаны, но потомъ тотчасъ-же, вслѣдствіе обуявшаго его страха предъ врагомъ, рѣшилъ лично отправиться въ лагерь короля и просить мира. Это, по его мнѣнію, должно было быть подобіемъ того путешествія, какое предпринялъ въ свое время отецъ его, Лоренцо, въ Неаполь, когда мужественно отдался въ руки короля Фердинанда, чтобы добиться болѣе почетныхъ условій мира. Но такого рода подражанія удаются въ исторіи очень рѣдко, и Пьеро, продѣлавшій изъ страха то, что Лоренцо сдѣлалъ по мужеству, увидѣлъ, что обманулся: чтѣ для его отца имѣло послѣдствіемъ увеличеніе власти и чести, ему принесло одно лишь униженіе и гибель. Съ дороги онъ писалъ во Флоренцію письма, полныя унынія, стараясь оправдать свои намѣренія. Онъ чувствовалъ, что идетъ на погибель: «*traho ad immolandum*», но всѣ отвернулись отъ него, и ему не оставалось другого выхода. Повидимому, онъ желалъ въ то-же время остаться вѣрнымъ и королю неаполитанскому. Между тѣмъ, 2 Ноября флорентійцы отправили семерыхъ пословъ, которые должны были догнать его, слѣдить за нимъ во всемъ, что онъ предприметъ, и стараться, не слишкомъ раздражая короля, заключить съ послѣднимъ условія, по возможности, не особенно тяжелыя. Но Пьеро прибылъ уже въ Пьетрасанта, гдѣ услышалъ, что Орсини, встрѣтившись по пути съ французами, былъ разбитъ ими. Вслѣдствіе этого, его желаніе заключить во что-бы то ни стало миръ еще болѣе усилилось: онъ послалъ королю просьбу о свободномъ пропускѣ и, получивъ его, явился въ лагерь. Тамъ онъ узналъ, что король съ авангардомъ уже цѣлыхъ три дня осаждаетъ Сарцанелло. Всякій другой на его мѣстѣ постарался-бы извлечь выгоду изъ того критическаго положенія, въ какомъ теперь очутилась французская армія, но онъ никакъ не могъ освободиться отъ обуявшаго его ужаса, а когда увидѣлъ холод-

ный и суровый приемъ, оказанный ему королемъ, то и совѣтъ потерялъ голову. Не посовѣтовавшись съ послами, онъ, по истинно невѣроятной глупости, приказалъ гарнизонамъ немедленно-же сдать всѣ три крѣпости французамъ. Последніе, конечно, тотчасъ-же заняли ихъ. Кромѣ того, онъ обѣщалъ доставить королю 200.000 флориновъ и уступить крѣпости Пизу и Ливорно на время, до окончанія войны.

Очутившись, такимъ образомъ, полными хозяевами всей тосканской территоріи, французы быстро пошли впередъ, сами почти не вѣря своему счастью, тому, что такъ чудесно избѣжали столькихъ опасностей. Мнѣніе, что само Провидѣніе покровительствуетъ имъ въ предпріятіи, сдѣлалось у нихъ всеобщимъ. Этому вѣрили не только солдаты, но и генералы, а больше всѣхъ самъ король. Онъ убѣдилъ себя, что и въ самомъ дѣлѣ онъ является тѣмъ новымъ Киромъ, котораго предвозвѣстилъ проповѣдникъ Св. Марка. Когда извѣстіе обо всемъ этомъ дошло до Флоренціи, оно привело всѣхъ въ неописуемое волненіе и послужило причиной новыхъ и важныхъ событій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

**Медици изгнаны изъ Флоренціи. Савонарола отправляется посломъ въ лагерь Французовъ.
(Ноябрь 1494).**

Мѣсяцъ Ноябрь начинался подъ дурными для Флоренціи предзнаменованіями. Неожиданная, почти невѣроятная, вѣсть объ оставленіи только что упомянутыхъ крѣпостей, завоеванныхъ республикой съ величайшимъ напряженіемъ силъ, стоившихъ ей огромныхъ денегъ и служившихъ ключемъ ко всей тосканской территоріи, возмутила народъ. Письма, приходившія изъ французскаго лагеря, а затѣмъ и возвратившіеся оттуда послы своими разсказами возбуждали въ городѣ еще большее негодованіе. Указывалось, какъ легко можно было-бы добиться отъ короля почетныхъ условій мира, съ какой низостью и вмѣстѣ съ

какимъ высокоуміемъ Пьеро Медичи предалъ цѣлую республику въ руки Карла VIII, не выслушавши даже пословъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись. Глубокимъ негодованіемъ, поэтому, дышали рѣчи всѣхъ. Народъ толпами сталъ собираться на улицахъ и площадяхъ, у многихъ въ рукахъ вновь появилось старинное оружіе, скрываемое болѣе полустолѣтія, появились кинжалы, про которые говорили, что они помнили тотъ день, когда Падди совершили въ соборѣ покушеніе на Медичи. Изъ мастерскихъ «шелкового и шерстяного цеха» показались на свѣтъ рабочіе, здоровые, коренастые, съ фізіономіями, не предвѣщающими ничего добраго, рабочіе, которые напоминали собой Чіомпи Микеле ди Ландо. Казалось, что флорентійцы, какъ-бы по волшебству, вдругъ отступили на цѣлый вѣкъ назадъ, что народъ, втеченіе 60 лѣтъ терпѣливо переносившій тираннію, рѣшилъ теперь не останавливаться ни предъ войной, ни предъ кровью, лишь-бы только вернуть себѣ свободу.

И, однако, при такомъ возбужденіи, господствовала всеобщая неувѣренность въ себѣ и недоувѣріе къ другимъ. Медичи не оставили никакой военной силы во Флоренціи, и народъ въ любой моментъ могъ сдѣлаться полнымъ хозяиномъ города. Но онъ не зналъ, на кого положиться, чьему довѣриться руководству. Впродолженіе минувшихъ 60 лѣтъ прежніе друзья свободы почти всѣ погибли въ ссылкахъ, въ изгнаніи, въ тюрьмахъ. Тѣ немногіе, которые еще понимали что-нибудь въ дѣлахъ государственныхъ, жили всегда въ дружбѣ съ Медичи, а толпа, освободившаяся отъ порабощенія и предоставленная себѣ самой, была способна только на своеволіе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ моментовъ, когда никто не въ силахъ предвидѣть, до какихъ крайностей, до какихъ жестокостей можетъ дойти дѣло. Народъ цѣлыми днями волновался на улицахъ, какъ бурный потокъ. Со злобой поглядывалъ онъ на дома тѣхъ, которые, притѣсняя его, собрали громадныя богатства. Безъ опредѣленной цѣли блуждалъ онъ по городу и лишь въ часы проповѣди массаами стекался въ соборъ. Никогда еще не было тамъ такой ужасной тѣсноты. Когда Савонарола всходилъ на кафедру, онъ видѣлъ предъ собой цѣлое море головъ, съ

устремленными на него взорами. На этихъ лицахъ написано было необычайное волненіе, необычайное возбужденіе. Изрѣдка же подъ верхней одеждой у нѣкоторыхъ сверкали даже латы.

Савонарола былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ тогда управлять толпой, ловившей каждое его слово и отъ него одного ожидавшей спасенія. Достаточно было одного неосторожнаго его слова, чтобы начался грабежъ наиболѣе вліятельныхъ гражданъ, чтобы вновь возгорѣлись старинныя междоусобицы, чтобы пролились потоки крови: слишкомъ уже были многочисленны нанесенныя народу обиды, слишкомъ велико было желаніе мщенія. Поэтому, онъ старался воздерживаться отъ рѣчей политическаго характера, но съ сердцемъ, преисполненнымъ любви, съ распростертыми объятіями, всей своей фигурой, возвышающейся надъ каедрою, голосомъ, гремѣвшимъ по всей церкви, онъ всѣхъ приглашалъ къ миру, къ любви, къ единенію. «Вотъ пришелъ мечъ, пророчества оправдываются, наказанія начинаются: вотъ Самъ Господь ведетъ эти полчища. О, Флоренція! Кончилось время пѣнія и плясокъ—теперь рѣками слезъ ты должна оплакивать свои вины. Твои грѣхи, Флоренція, твои грѣхи, Римъ, твои грѣхи, Италія, являются причиной этихъ бѣдствій. Итакъ, покайтесь, раздавайте милостыню, молитесь, будьте единомышленны. О народъ, я заступалъ тебѣ мѣсто отца. Всю жизнь мою трудился я, чтобы научить тебя истинѣ вѣры и доброму житію, а отъ тебя не видѣлъ ничего, кромѣ горя. Насмѣшками и позоромъ ты награждала меня. О, если-бы за все это дано было мнѣ видѣть тебя творящей добрыя дѣла! Народъ мой, чего другого я желалъ когда-либо, какъ не того, чтобы видѣть тебя спасеннымъ, видѣть тебя единомышленнымъ? Покайтесь, ибо царствіе небесное приближается». «Но я говорилъ это уже столько разъ, столько разъ громко кричалъ объ этомъ, столько разъ плакалъ о тебѣ, о Флоренція, что тебѣ не слѣдовало-бы ожидать еще новыхъ и новыхъ предупрежденій... Къ тебѣ обращаюсь, Господь мой, умершій изъ любви къ намъ и за грѣхи наши: прости, о Господи, прости флорентійскому народу, который хочетъ быть твоимъ». Такъ продолжалъ онъ проповѣдывать любовь, вѣру, согласіе душъ, съ такой горяч-

ностью, съ такимъ рвеніемъ, что потомъ много дней онъ чувствовалъ себя слабымъ, почти больнымъ. Эти проповѣди не могутъ быть отнесены къ числу самыхъ краснорѣчивыхъ, потому-что возбужденіе не давало ему времени на размышленія и на согласованіе ихъ съ требованіями ораторскаго искусства. Но чувство, съ какимъ онѣ были произнесены, захватывало, покоряло народъ, слѣшившій послѣ уличнаго шума въ мѣсто мира, гдѣ можно было слышать евангельскія слова. Дѣйствіе проповѣдей Савонаролы было таково, что, при всемъ огромномъ возбужденіи народныхъ страстей, въ тѣ дни не произошло никакихъ безпорядковъ, и возстаніе, которое, казалось, готово было разразиться на площади шумно и съ опасностью для многихъ, разрѣшилось мирно и спокойно въ Палаццо: новое чудо въ исторіи Флоренціи, которое всѣ современные историки единогласно приписываютъ благодѣтельному вліянію монаха св. Марка на народъ.

4 Ноября Синьорія собрала на экстренное засѣданіе «Соѣтъ Семидесяти» для рѣшенія вопроса: что предпринять? Всѣ эти представители города были приверженцами Медичи и ихъ ставленниками. Но постыдная сдача крѣпостей такъ ихъ возмутила, что они казались теперь скорѣе республиканцами. Законъ и старинный обычай флорентійскій требовали, чтобы никто не смѣлъ говорить на собраніи, пока не будетъ допрошенъ о томъ членами Синьоріи. Но и тогда можно было говорить лишь въ пользу предложенія, какое тѣ представляли на обсужденіе. Въ моменты волненій, впрочемъ, все это не соблюдалось со всею строгостью. Въ этотъ день всѣ были слишкомъ возбуждены, такъ-какъ вопросъ шелъ о спасеніи отечества. Синьорія спрашивала совѣта у всѣхъ, и всѣ хотѣли говорить. Однако, продолжительное раболѣпіе такъ повліяло на души собравшихся, что когда Лука Корсини нарушилъ древній обычай и, не будучи лично спрошенъ, поднялся и началъ говорить, что дѣла идутъ плохо, что городъ гибнетъ отъ безпорядковъ, что необходимо предпринять дѣйствительные шаги ко спасенію родины, удивленію всѣхъ не было конца: нѣкоторые начали перешептываться, другіе кашляютъ, наконецъ, и самъ ораторъ смѣшался и долженъ былъ прекратить рѣчь, не окончивъ ея.

Тѣмъ не менѣе тотчасъ-же послѣ него слово взялъ Якопо ди Танаи де'Нерли, очень смѣлый молодой человѣкъ, который и сталъ поддерживать предложенія Корсини, но скоро голова дрогнула и у него, а отецъ молодого оратора, весь переконфуженный, поднялся и обратился къ собранію съ просьбой извинить его сына, выступившаго говорить по молодости и глупости.

Наконецъ, поднялся Пьеро ди Джино Каппони: его крупная фигура, сѣдая голова, сверкающіе глаза и какая-то игривая буйность, точно буйность молодого коня, слышавшаго звукъ военной трубы, приковали къ себѣ вниманіе всѣхъ и заставили собраніе замолчать. Онъ уже былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, который говоритъ не много, но рѣшительно, а поступаетъ еще рѣшительнѣе. Говорилъ онъ просто. «Пьеро Медичи, сказалъ онъ, болѣе неспособенъ управлять государствомъ. Республика должна сама позаботиться о себѣ, наступило время избавиться отъ этого правленія дѣтей. Нужно отправить къ королю Карлу пословъ, которые, если встрѣтятся съ Пьеро, не должны его привѣтствовать. Пусть они изложатъ, что все зло произошло по его винѣ, что городъ всегда былъ другомъ французовъ. Нужно, потомъ, избрать почтенныхъ мужей, которые сумѣли-бы принять короля торжественно, но въ то-же время нужно вызвать изъ окрестныхъ мѣстностей войска и скрыть ихъ въ монастыряхъ и другихъ потайныхъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ солдатами пусть будутъ готовы на всякій случай и всѣ, чтобы, когда съ нашей стороны будетъ сдѣлано то, чего требуетъ приличіе въ отношеніи этого христіаннѣйшаго короля, и когда деньгами будетъ удовлетворена алчность французовъ, можно было, если они прибѣгнутъ къ дѣйствіямъ или предложеніямъ, тяжелымъ для насъ, смотрѣть имъ въ глаза безбоязненно, съ оружіемъ въ рукахъ. Болѣе-же всего, прибавилъ онъ въ заключеніе, не забудьте послать, вмѣстѣ съ другими послами, о. Джироламо Савонаролу, который пользуется теперь всеобщей любовью народа». И, могъ-бы прибавить онъ еще, полнымъ уваженіемъ короля, потому-что послѣдній, дѣйствительно, возымѣлъ какое-то почти религіозное почтеніе къ этому монаху, съ давняго времени уже предсказавшему его приходъ и увѣрявшему всѣхъ, что такъ судилъ Богъ.

5 Ноября были избраны новые послы: Пандольфо Ручелани, Джіованни Кавальканти, Пьеро Каппони, Танаи деи Нерли и Савонарола. Послѣдній предоставилъ остальнымъ тотчасъ-же отправиться въ Лукку, гдѣ они надѣялись встрѣтить короля, а самъ, вмѣстѣ съ двумя монахами, пошелъ вслѣдъ за ними, по своему обыкновенію, пѣшкомъ. Но прежде, чѣмъ пуститься въ дорогу, онъ еще разъ держалъ рѣчь къ народу и закончилъ ее словами: «Господь услышалъ твои молитвы: великая революція разрѣшилась мирно. Онъ Одинъ пришелъ на помощь городу, когда всѣ его оставили. Внимай, и ты увидишь несчастія, какія постигнуть другіе города. Итакъ, преуспѣвай, флорентійскій народъ, въ добрыхъ дѣлахъ, преуспѣвай въ мирѣ. Если ты хочешь, чтобы Господь продолжалъ быть милосерднымъ къ тебѣ, ты и самъ будь такимъ въ отношеніи къ братьямъ твоимъ, друзьямъ твоимъ, врагамъ твоимъ. Иначе и на тебя падутъ наказанія, уготованныя для прочей Италіи. Милости хочу, взываетъ къ вамъ Господь. Горе тому, кто ослушается Его повелѣній». Сказавъ эту проповѣдь, онъ направился въ Пизу, куда скоро прибыли другіе послы и король.

Какъ только Пьеро Медичи узналъ, что они прибыли отъ имени республики и не намѣрены оказывать ему ни малѣйшаго послушанія, онъ тотчасъ-же понялъ, что въ городѣ произошла какая-то очень важная перемѣна. Онъ началъ горячо просить короля помочь ему и обѣщалъ немедленно-же дать ему просимые имъ 200.000 дукатовъ. Затѣмъ, онъ приказалъ Паоло Орсини собрать своихъ людей, нанять, сколько только возможно, солдатъ въ окрестности и безъ замедленія идти къ Флоренціи, куда и самъ поспѣшно прибылъ вечеромъ 8 Ноября. На другой день, около 2 часовъ, онъ явился въ Палаццо въ сопровожденіи многочисленной толпы приверженцевъ съ намѣреніемъ собрать народъ на «Парламентъ» и вновь захватить управленіе городомъ въ свои руки. Но Синьорія, уже освѣдомленная объ его планахъ, позволила ему войти внутрь зданія лишь съ немногими лицами. Принявъ его очень холодно, она рекомендовала ему распустить наемныхъ солдатъ, чтобы не подвергать ни себя, ни городъ бесполезной опасности. Пьеро былъ смущенъ

этимъ холоднымъ и твердымъ пріемомъ, и не зная, на что рѣшиться, ушелъ, сказавъ, что подумаетъ, какъ ему поступить, а потомъ вернется и сообщить о своихъ намѣреніяхъ. По дорогѣ къ дому, онъ послалъ Орсини приказъ занять ворота С. Галло, а самъ, въ сопровожденіи вооруженной свиты, вновь явился къ Палаццо. Но здѣсь у входа его встрѣтило нѣсколько чиновниковъ, которые заявили ему, что имѣютъ приказъ пропустить только его одного, и то безъ оружія и чрезъ маленькую дверь. Это привело его въ страшное раздраженіе, и онъ съ угрозами повернулъ обратно. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ былъ позванъ назадъ: Антоніо Лорини, единственный между всѣми членами Синьоріи, который оставался еще другомъ Медичи, чрезъ ликтора пригласилъ его въ Палаццо. Въ этотъ день онъ исполнялъ обязанности Пропоста, который одинъ только имѣлъ право предлагать на рѣшеніе вопросы. Отъ него, слѣдовательно, зависѣло повести дѣло такъ, чтобы не было принято неблагопріятнаго для Пьеро рѣшенія. Кромѣ того, такъ-какъ ему были ввѣрены ключи отъ башни, то онъ не позволилъ звонить въ колокола, чтобы собрать народъ. Но теперь, противъ желанія всѣхъ позвавъ Пьеро обратно, онъ перешелъ всякія границы, и Лука Корсини, Якопо Нерли и Филиппоццо Гвальtierотти спустились внизъ, рѣшивъ силой не впускать бывшего тирана. Къ Пьеро-же, когда онъ услышалъ, что его зовутъ въ Палаццо, вернулась вся его гордость, и онъ хотѣлъ обойтись съ ними свысока, но Нерли оттолкнулъ его съ грубой бранью и захлопнулъ дверь.

Толпа, бывшая свидѣтельницей этой сцены, начала шумѣть и, чтобы выказать большее презрѣніе къ Пьеро, стала гнать его съ площади криками, махая на него краями своихъ капюшоновъ, а мальчишки провожали его свистками и градомъ камней. Пьеро, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, не смѣя ни пустить его въ дѣло, ни вложить въ ножны, со страхомъ жался къ толпѣ своихъ приверженцевъ отъ одного только крика того самого народа, къ которому недавно еще онъ относился съ такимъ высокоуміемъ. Когда, такимъ образомъ, одни отступали, а другіе наступали, вдругъ показался капитанъ стражи Пьеро Антоніо

дела Аквита. Онъ хотѣлъ было помочь Медичи, но тотчасъ-же былъ обезоруженъ невооруженной толпой народа. Увлечши, затѣмъ, его къ Барджелло, толпа заставила его освободить заключенныхъ, и любопытно, что оружіе, захваченное тамъ, первое поднималось теперь на защиту свободы. Въ это время колоколъ Синьоріи билъ уже въ набатъ, и весь народъ съ шумомъ бѣжалъ на площадь. Оставлялись дома, запирались лавки, всякій вооружался всѣмъ, что только попадало подъ руку: ножами, пиками, кольями. Нѣкоторые изъ маститыхъ гражданъ появились въ одеждахъ стариннаго покроя, съ заржавѣвшимъ оружіемъ, которое помнило еще времена республики, и всякій разъ, какъ они показывались въ толпѣ, ихъ привѣтствовали радостными кликами.

Только что народъ сталъ собираться на площади, какъ показался, весь въ пыли, Франческо Валори, прискакавшій на мулѣ изъ лагеря короля, куда онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ другими уполномоченными. Народъ обступилъ его, требуя извѣстій: въ одно мгновеніе онъ очутился въ самомъ центрѣ волнующейся толпы. Валори былъ однимъ изъ давнишнихъ приверженцевъ Медичи, которымъ не разъ пользовался еще Лоренцо, однимъ изъ тѣхъ пяти гражданъ, которыхъ онъ подсылалъ къ Савонаролѣ съ просьбой умѣрить тонъ своихъ проповѣдей. Но именно съ этого момента онъ и почувствовалъ особенную симпатію къ монаху, а затѣмъ, мало по малу, сдѣлался и однимъ изъ самыхъ горячихъ его послѣдователей. Плохое управленіе Пьеро окончательно склонило его на сторону народной партіи, болѣе отвѣчавшей и его личнымъ наклонностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ всѣ качества народнаго трибуна: горячій и смѣлый, недалекій умомъ, но пылкій сердцемъ, чрезмерно экспансивный въ своихъ поступкахъ, онъ чувствовалъ себя среди волнующейся толпы народа, какъ дома. Не сходя съ мула и не стряхнувъ съ себя пыли, онъ тотчасъ-же сталъ держать рѣчь къ толпѣ. Онъ разсказалъ, что сначала король принялъ пословъ очень хорошо, но что, потомъ, когда они, вслѣдъ за нимъ, прибыли въ Пизу, имъ былъ оказанъ пріемъ уже холодный, потому-что Пьеро Медичи раньше, чѣмъ оставить ла-

геръ короля, заключилъ съ нимъ позорнѣйшій договоръ, унижался предъ нимъ и надавалъ ему тысячи обѣщаній въ ущербъ городу. Видя, что народъ пришелъ отъ его словъ въ сильнѣйшее негодованіе, онъ сталъ во главѣ его и, при крикахъ: «дой шары!», вмѣстѣ съ толпой двинулся ко дворцу Медичи, чтобы взять его приступомъ.

Въ то время, какъ все это происходило на площади, Пьеро призывалъ къ себѣ Паоло Орсини съ солдатами и, вооружившись съ ногъ до головы, рѣшилъ силой пробиться въ Палаццо. Кардиналъ Джіованни, братъ его, отправился впередъ и, идя по улицамъ, старался привлечь народъ на свою сторону, восклицая: «palle, palle»! Однако, онъ ни въ комъ не вызвалъ къ себѣ сочувствія. Многіе, напротивъ, встрѣчаясь съ нимъ, или выглядывая изъ оконъ домовъ, отвѣчали ему угрожающими жестами. Дошедши до церкви Св. Варѣоломея, онъ замѣтилъ вооруженную и волнующуюся толпу народа, идущую навстрѣчу ему подъ предводительствомъ Валори. Онъ быстро повернулъ тогда назадъ, такъ-какъ увидѣлъ, что многіе стали готовить оружіе, а кое-гдѣ началась уже и свалка. Возвратившись домой, онъ узналъ, что Пьеро бѣжалъ: получивши отъ Синьоріи извѣщеніе, которое объявляло его и кардинала мятежниками, и услыхавъ, что послѣдній отступаетъ, онъ не имѣлъ духу даже подождать брата и съ небольшимъ отрядомъ солдатъ бросился къ воротамъ С. Галло. Здѣсь, въ этомъ предмѣстьѣ, населенномъ простымъ народомъ, до сихъ поръ постоянно преданнымъ дому Медичи, онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку привлечь хоть кого-нибудь на свою сторону. Но напрасно онъ возвышалъ свой голосъ, напрасно разбрасывалъ золото по улицамъ: даже чернь смотрѣла на него съ презрѣніемъ и бѣжала теперь къ Палаццо Синьоріи. Тутъ онъ окончательно убѣдился, что для него потеряна всякая надежда и что ему теперь нужно заботиться лишь о своемъ собственномъ спасеніи. Униженный и убитый столькими несчастіями, вдругъ обрушившимися на его голову, онъ направился по дорогѣ въ Болонью, и едва лишь успѣлъ выйти изъ города, какъ увидѣлъ, что ворота за нимъ закрылись. Онъ шелъ въ сопровожденіи немно-

гихъ солдатъ. Не менѣе его напуганные опасностью нападенія въ открытомъ полѣ со стороны крестьянъ и боясь быть ими убитыми, они почти всѣ разбѣжались дорогою еще раньше, чѣмъ успѣли покинуть предѣлы Тосканы. Усталый, выбившійся изъ силъ отъ длиннаго пути, съ немногими спутниками, онъ прибылъ, наконецъ, въ Болонью, гдѣ почти грубо былъ принятъ Бендивольо. «Я скорѣе позволилъ-бы изрѣзать себя въ куски, сказалъ тотъ, чѣмъ оставить государство». Впрочемъ, когда, немного времени спустя, такая-же опасность стала угрожать и ему, онъ, несмотря на всю свою гордость, тоже обратился въ позорное бѣгство. Между тѣмъ, Пьеро продолжалъ свой путь до Венеціи, гдѣ и нашелъ, наконецъ, ласковый приѣмъ и отдыхъ. Но здѣсь его ожидало новое огорченіе: Содерини, флорентійскій посолъ, объявилъ себя на сторонѣ новаго правительства. Зато Синьорія венеціанская приняла его со всѣми почестями, какія она имѣла обыкновеніе оказывать правителямъ, лишившимся власти, а это было большимъ утѣшеніемъ для его измученной души.

Ему казалось, что въ эти немногіе дни онъ пережилъ цѣлый вѣкъ: теперь онъ какъ-бы началъ пробуждаться отъ долгаго сна и понимать, какъ глупо было все его поведеніе, какъ низко было съ его стороны оставить государство, когда ему не угрожало еще никакой дѣйствительной опасности и когда король Карлъ былъ уже на его сторонѣ. Несомнѣнно, если-бы въ эти послѣдніе дни онъ выказалъ нѣсколько болѣе твердости духа, онъ смогъ-бы еще заглушить или сдержать въ извѣстныхъ предѣлахъ народныя волненія при самомъ началѣ ихъ, такъ-какъ помощь Франціи была уже близка. И, дѣйствительно, король былъ такъ къ нему расположенъ, что отправилъ даже пословъ въ Венецію, приглашая его вернуться. Но у Пьеро не стало духа еще разъ очутиться среди бунтующаго народа, мятежные крики котораго, казалось, до сихъ поръ еще наводили на него ужасъ. Въ это время прибылъ въ Венецію и братъ его, кардиналъ, который все-же показалъ значительно большее присутствіе духа. Онъ съ большимъ трудомъ и опасностями выбрался изъ города гораздо позднѣе его, переодѣвшись мона-

хомъ. Но прежде, чѣмъ убѣжать, онъ собралъ наиболѣе драгоценныя вещи, какія только въ суматохѣ попались ему подъ руку, и отнесъ ихъ въ монастырь Св. Марка, чѣмъ и спасъ ихъ отъ расхищенія. То-же сдѣлали и многіе другіе горожане, которые имѣли причины бояться ненависти народа. Такъ высоко стояла въ глазахъ всѣхъ честность Савонаролы и его братіи, что въ то время, какъ монастырь его сдѣлался какъ-бы центромъ народной партіи, приверженцы Медичи и даже самъ кардиналъ не смогли найти другого, болѣе безопаснаго мѣста для своихъ драгоценностей.

Синьорія тѣмъ временемъ назначила премію въ 2.000 флориновъ тому, кто доставитъ ей головы Пьеро и кардинала, и въ 5.000 флориновъ, тому кто представитъ ихъ живыми. Чтобы изгладить самое воспоминаніе о прежнемъ режимѣ, были уничтожены портреты бунтовщиковъ 1435 и 1478 года, написанные Андреа дель Кастаньо на стѣнахъ Барджелло и Боттичелли надъ воротами Доганы. Вызваны были изъ ссылки и изъ изгнанія Нерони, Пацци и многіе другіе и, между ними, Лоренцо и Джіовани Медичи, двоюродные братья Пьеро. Они, какъ только возвратились во Флоренцію, сняли съ своихъ домовъ гербъ Медичи съ шарами и, вмѣсто него, поставили гербъ народный. Даже фамилію свою они хотѣли перемѣнить изъ Медичи на Пополяни. Такъ льстиво стали они заискивать у того самого народа, который за нѣсколько дней передъ тѣмъ презирали!

Волненіе въ городѣ, между тѣмъ, все росло, и чернь, казалось, опьянѣла отъ всеобщаго безпорядка. Дома Джіовани Гвиди, нотаріуса и правителя отдѣла для редактированія приказовъ общины, и Антоніо Миніати, управляющаго ломбардомъ, были разграблены. Оба эти лица были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Медичи, постоянно изощрялись въ изысканіи новыхъ и новыхъ способовъ къ обложенію народа невыносимо тяжелыми налогами, за что и были ненавидимы всѣми во Флоренціи. Былъ разграбленъ также домъ кардинала Джіованни Медичи, садъ Св. Марка, гдѣ Лоренцо собралъ столько драгоценныхъ предметовъ искусства. Кровапролитія въ собственномъ смыслѣ

еще не было, но очень многіе готовы были начать его хоть сейчас-же: несомнѣнно, оно и началось-бы, если-бы приверженцы Савонаролы не употребляли всѣхъ усилій предотвратить его и если-бы съ часу на часъ не ждали возвращенія самого Савонаролы изъ Пизы, куда онъ отправился 13 числа со вторымъ посольствомъ. Съ своей стороны, и Синьорія старалась положить конецъ беспорядкамъ подъ угрозой строжайшихъ наказаній.

Какъ-бы нарочно для возбужденія еще большаго недовольства въ народѣ, изъ Пизы возвратились послы и принесли малоутѣшительныя вѣсти о королѣ Карлѣ. Они говорили королю: городъ дружелюбенъ ему и готовится теперь къ принятію его со всѣмъ почетомъ, какой приличествуетъ Его Величеству, но, съ своей стороны, проситъ только, чтобы принимаемый, какъ другъ, онъ, король, поступилъ и самъ подружески, — то есть, чтобы онъ теперь-же заключилъ условія: тогда радость народная выразится еще полнѣе. А тотъ въ отвѣтъ повторялъ лишь одно: «когда будемъ въ вашемъ городѣ, постараемся устроить все». Изъ его холодности ясно было видно, что настоянія, мольбы, обѣщанія денегъ и покорности и т. д., сдѣланныя ему Пьеро Медичи, возымѣли свое дѣйствіе и расположили его въ пользу бывшаго правителя. Послы, поэтому, возвращались теперь безъ всякаго опредѣленнаго отвѣта и достовѣрно могли сообщить только, что король рѣшительно не благорасположенъ къ республикѣ.

Однако, когда, послѣ неудавшейся попытки, они уже направились обратно во Флоренцію, во французскій лагерь явился Савонарола. Прошедши среди вооруженныхъ полчищъ, онъ предсталъ, наконецъ, предъ самимъ королемъ, который, въ присутствіи всѣхъ своихъ генераловъ, оказалъ ему самый ласковый пріемъ. Безъ большихъ вступленій, настоятель Св. Марка обратился къ нему съ рѣчью, сказанною голосомъ звучнымъ и тономъ почти властнымъ: «Христіаннѣйшій король! Ты являешься орудіемъ въ рукахъ Господа, который посылаетъ тебя облегчить страданія Италіи, какъ это я предсказалъ уже много лѣтъ тому назадъ. Онъ посылаетъ тебя реформировать церковь, которая лежитъ распростертою на землѣ. Но если ты не будешь спра-

ведливъ и милосердъ, если ты не отнесешься съ уваженіемъ къ Флоренціи, къ ея женщинамъ, къ ея жителямъ, къ ея свободѣ, если ты забудешь дѣло, на которое ты посланъ Богомъ, Онъ изберетъ другого для выполненія его. Надъ тобой-же тяжка будетъ рука Его, и накажетъ Онъ тебя ужаснѣйшими несчастьями. Это все я говорю тебѣ отъ имени Божія».

Король и генералы слушали грозныя слова Савонаролы съ величайшимъ вниманіемъ и, повидимому, вполне вѣрили имъ. У всѣхъ сложилось убѣжденіе, что войска ведетъ самъ Господь къ предопредѣленной цѣли. Лично король питалъ большое уваженіе къ тому, кто предсказалъ приходъ его, возвѣстивъ въ то-же время и успѣхъ предпріятія. Казалось, рѣчь эта поселила въ душѣ его страхъ и убѣдила его отнестись къ флорентійцамъ гораздо мягче, чѣмъ онъ предполагалъ сдѣлать это раньше, такъ-что Савонарола, возвратившись во Флоренцію вскорѣ послѣ прибытія туда пословъ, могъ сообщить городу болѣе благоприятныя вѣсти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

**Мятежъ въ Пизѣ. Въѣздъ Карла VIII во Флоренцію, его трактатъ съ республикой и его отъѣздъ.
(Ноябрь 1494).**

Вслѣдствіе все новыхъ и новыхъ безпорядковъ, положеніе дѣлъ въ Тосканѣ постепенно ухудшалось. Въ тотъ самый день, какъ Медичи изгнаны были изъ Флоренціи, вспыхнулъ мятежъ въ Пизѣ: городъ шумно требовалъ возвращенія свободы. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ пизанцы подпали подъ флорентійское, или, какъ они говорили, иностранное иго, они ничего не ждали съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ момента, когда въ состояніи будутъ сбросить его съ себя. Съ потерей независимости, они почти сразу-же замѣтили паденіе торговли и промышленности, уменьшеніе населенія и окончательное уничтоженіе всѣхъ своихъ свободныхъ установленій. Большая часть гражданъ предпочла совсѣмъ оставить городъ, чѣмъ терпѣть

рабство. Но, съ приближеніемъ французской арміи, вновь воскресли всѣ ихъ надежды. Къ тому-же Моро, который всегда любилъ ловить рыбу въ мутной водѣ и который уже составилъ планъ, какъ ему удобнѣе завладѣть Пизой, усиленно подстрекалъ ихъ къ возмущенію, обѣщая имъ всевозможную помощь и секретно обнадеживая ихъ даже чрезъ лицъ, близко стоявшихъ къ королю. И вотъ, едва лишь король успѣлъ войти въ городъ, какъ толпа съ криками стала бѣгать по улицамъ, разбивая флорентійскіе гербы, сбросила въ Арно находившійся на мосту Марцокко *) и на его мѣсто поставила статую короля, разграбила, затѣмъ, дома флорентійскихъ комиссаровъ, которые были, при всеобщемъ народномъ возбужденіи, изгнаны изъ города. Тотчасъ-же были провозглашены свобода и независимость, возвращены изгнанники. Стали готовить оружіе, деньги и людей для той славной, но несчастной пизанской войны, которая истощила впослѣдствіи, безъ всякой пользы, силы обѣихъ только что возродившихся республикъ и стоила жизни многимъ доблестнымъ гражданамъ.

Король, бывшій свидѣтелемъ всѣхъ этихъ беспорядковъ, сперва, казалось, поощрялъ ихъ, но, узнавъ объ изгнаніи флорентійскихъ комиссаровъ, сдѣлалъ видъ, что оскорбленъ этимъ. Ему, повидимому, хотѣлось, чтобы пизанцы отстаивали свободу и въ то-же время оказывали послушаніе и Флорентійцамъ! Народъ-же, напротивъ, разъ возмущеніе началось, дѣйствовалъ энергично и не терялъ времени. Озабоченный лишь тѣмъ, чтобы оставить свой гарнизонъ въ крѣпости, король пошелъ оттуда далѣе, не замѣчая того, что происходило вокругъ него, и не думая о тѣхъ надеждахъ, какія онъ поселилъ въ пизанцахъ. Такимъ образомъ, еще раньше, чѣмъ войти во Флоренцію, онъ уже причинилъ ей большую непріятность тѣмъ, что позволилъ подданнымъ ея возмутиться у себя на глазахъ и какъ-бы подъ покровительствомъ своихъ войскъ: примѣръ, очень опасный для всѣхъ прочихъ флорентійскихъ владѣній, не замедлившій найти себѣ подражаніе въ Ареццо, Монтепульчiano и другихъ городахъ. Карлъ продолжалъ свой путь.

*) Изображеніе льва—гербъ Флоренціи.

задержавшись лишь на нѣсколько дней въ Синьѣ, гдѣ онъ дождалъ, пока не улягутся беспорядки во Флоренціи и пока тамъ не будутъ подготовлены, какъ слѣдуетъ, торжества, затѣваемые по поводу его прихода. Въ Синью прибыли еще разъ флорентійскіе послы, чтобы вновь попытаться склонить его къ подписанію условій мира раньше, чѣмъ онъ двинется впередъ. Но отвѣтъ его неизмѣнно былъ все тотъ-же: «когда будемъ въ вашемъ городѣ, постараемся устроить все».

Положеніе флорентійцевъ, вслѣдствіе этого, было очень неопредѣленное, невыясненное. Медици были только что изгнаны, старое правленіе уничтожено, а новое еще не налажено. Въ городъ входилъ король, безъ всякихъ условій, во главѣ сильнаго войска и запятнанный уже итальянской кровью. Было отчего придти въ смущеніе. Къ счастью, у Синьорин не было недостатка въ благоразумныхъ и твердыхъ духомъ совѣтникахъ. Между ними, прежде всего, былъ Пьеро Каппони, который въ эти дни сдѣлался, такъ сказать, правой рукой республики, подобно тому, какъ Савонарола былъ ея душой и сердцемъ. Одинъ проповѣдывалъ любовь, миръ, единодушіе, другой поспѣвалъ всюду, гдѣ требовалась помощь или совѣтъ, готовилъ оружіе и солдатъ. Частные дома были снабжены всѣмъ необходимымъ для войны, заготовлены были колья и доски для устройства баррикадъ на улицахъ, въ монастыряхъ и дворахъ собраны были наемные солдаты, которые, по слухамъ, численностью своею достигали 6000 человѣкъ и готовы были выступить на защиту республики при первомъ-же ударѣ набатнаго колокола.

Намѣренія короля не были извѣстны, и потому къ нему посылались все новые и новые послы. А между тѣмъ, въ городѣ начали уже появляться французы отрядами человѣкъ въ 15—20, которые, съ чисто солдатской безцеремонностью, безоружные расхаживали по улицамъ и мѣломъ отмѣчали дома для расквартированья войскъ. Они старались казаться равнодушными, какъ-бы не обращая ни на что никакого вниманія, и все-же они не могли скрыть своего удивленія передъ величественными зданіями, поражавшими ихъ своимъ великолѣ-

піємъ, предъ открывающимися на каждомъ поворотѣ улицъ новыми и новыми городскими видами. Но что особенно поражало ихъ, такъ это—мрачные дворцы, казавшіеся неприступными крѣпостями, и башни, носившія еще на себѣ слѣды кровавыхъ междоусобныхъ битвъ. 15 Ноября они были свидѣтелями зрѣлища, которое серьезно напугало ихъ. Случайно прошелъ, а, можетъ быть, и намѣренно распушенъ былъ слухъ, что Пьеро Медичи приближается къ городу: колоколъ забилъ въ набатъ, улицы закишѣли озлобленнымъ народомъ. Казалось, сама земля порождала вооруженныхъ людей, которые бѣжали къ площади. Дворцы запирались на-глухо, башни укрѣплялись, улицы подготавливались къ загражденію перегородками, и французы въ этотъ день увидали первый опытъ баррикадныхъ укрѣпленій. Скоро узнали, что слухъ былъ ложенъ, и волненіе утихло съ такой-же быстротой, съ какой оно и вспыхнуло. Но въ душѣ этихъ чужестранцевъ осталось убѣжденіе, что ихъ тактика и ихъ большіе отряды, запертые въ тѣсныхъ улицахъ Флоренціи, помочь дѣлу, при такой новой и имъ совершенно неизвѣстной манерѣ воевать, не въ силахъ. И въ самомъ дѣлѣ, флорентійцы смотрѣли на пришельцевъ съ какой-то фамиллярностью, какъ-бы желая имъ сказать: «посмотримъ»! Теперь, съ возвращеніемъ свободы, имъ казалось, что они сдѣлались хозяевами всего міра и что для нихъ уже нѣтъ ничего страшнаго.

Тѣмъ временемъ дворецъ Медичи былъ приготовленъ для торжественной встрѣчи короля, дома наиболѣе почетныхъ гражданъ—для помѣщенія офицеровъ войска. Улицы, по которымъ должны были пройти французы, покрыты были навѣсами, украшены по-праздничному коврами. 17 Ноября Синьорія ожидала короля въ палаткѣ, устроенной у воротъ Санъ-Фредіано, а масса молодежи изъ знатныхъ фамилій встрѣтила его еще далѣе. Въ два часа пополудни состоялся, наконецъ, торжественный въѣздъ короля въ городъ. При его приближеніи члены Синьоріи встали, чтобы пойти къ нему навстрѣчу и привѣтствовать его, а мессеръ Лука Корсини приготовился читать составленную имъ по порученію гражданъ рѣчь. Но какъ разъ въ этотъ именно моментъ хлынулъ дождь, лошади стали бросаться изъ стороны въ

сторону, и вся церемонія разстроилась. Только мессеръ Франческо Гадди, одинъ изъ чиновниковъ Палаццо, сохранившій присутствіе духа и лучше другихъ своихъ согражданъ владѣвшій рѣчью, успѣлъ сказать въ этой суматохѣ нѣсколько приличествующихъ случаю словъ по-французски. Послѣ этого, король подѣ великолѣпнымъ балдахиномъ прослѣдовалъ далѣе. Фигура его представляла рѣшительный контрастъ съ многочисленнымъ и сильнымъ войскомъ, во главѣ котораго онъ шелъ. Онъ былъ почти уродливъ: голова большая, носъ длинный, ротъ широкій и постоянно полуоткрытый, глаза бѣлые, точно у слѣпого, ростъ маленькій, ноги необычайно тонкія, ступни безобразныя. Одѣтъ онъ былъ въ черную бархатную одежду съ накидкой изъ золотой парчи. Возсѣдалъ онъ на великолѣпномъ росломъ конѣ и совершалъ свой вѣздъ, какъ покоритель города, символомъ чего было тогда копье при бедрѣ. Но все это великолѣпіе лишь сильнѣе отбѣняло мизерность его фигуры. Рядомъ съ нимъ ѣхали гордый кардиналъ Санъ Пьеро in Vincoli, кардиналъ Санъ-Мало и нѣкоторые изъ маршаловъ. Слѣдомъ за ними двигалась королевская гвардія, состоящая изъ 100 стрѣлковъ, изъ молодыхъ людей лучшихъ фамилій Франціи—затѣмъ, 200 французскихъ кавалеровъ, которые шли пѣшкомъ съ великолѣпнымъ оружіемъ въ рукахъ и въ богатѣйшихъ одеждахъ. Далѣе, швейцарскій авангардъ, въ своихъ яркихъ и разнообразныхъ костюмахъ, съ блестящими аллебардами, съ огромными перьями на шлемахъ своихъ офицеровъ. На ихъ лицахъ отражалось все высокомеріе горцевъ и гордость сознанія, что они считаются первой пѣхотой въ Европѣ: большинство изъ нихъ было даже безъ латъ, которыя они съ презрѣніемъ сняли съ себя, чтобы сражаться съ открытой грудью. Гасконцы составляли центръ; это были люди низкорослые, живые, быстрые, которые, казалось, все возрастали количествомъ по мѣрѣ того, какъ войско подвигалось впередъ. Въ кавалеріи, гдѣ служила самая знатная французская молодежь, было болѣе всего роскоши: оружіе съ насѣчкой, верхняя одежда изъ золотой парчи, бархатныя знамена, вышитыя золотомъ, цѣпи и другія золотыя украшенія. Страшны были съ виду особенно кирасиры съ ихъ конями, казавшимися какими-то уродами

оттого, что уши и хвосты были у нихъ обрѣзаны. Стрѣлки были необычайно высоки ростомъ и вооружены огромными деревянными луками. Они были изъ Шотландіи и другихъ сѣверныхъ странъ и казались, какъ выражается одинъ историкъ того времени, людьми звѣроподобными.

Это разнообразіе вооруженія и одеждъ, этотъ порядокъ и дисциплина, объединявшіе народы, столь непохожіе одинъ на другой,—все это было новымъ и удивительнымъ зрѣлищемъ для Флоренціи и почти для всей Италіи, гдѣ не было еще постоянныхъ войскъ и гдѣ не знали никакихъ другихъ солдатъ, кромѣ наемныхъ. Мы не можемъ сказать, сколько человѣкъ было у короля при его вѣздѣ въ городъ: его артиллерія по другой дорогѣ направилась къ Риму, много гарнизоновъ оставлено было по крѣпостямъ, нѣкоторыя войска ушли въ Романью. Гадди, присутствовавшій при этомъ вѣздѣ, говоритъ, что численность войска достигала 12.000 человѣкъ, Ринуччини, тоже очевидецъ, насчитываетъ гораздо менѣе, а другіе—болѣе. Какъ-бы то ни было, но городъ и предмѣстья были полны французами.

Перешедши рѣку черезъ Понте Веккіо, украшенный по праздничному и оглашаемый музыкой, войска направились къ площади Синьоріи, гдѣ всюду были разставлены торжественныя колесницы, триумфальныя фигуры и статуи. Мимо Канто деи Пацци шествіе направилось къ Собору, обошло его кругомъ и достигло, наконецъ, его фасада. Народъ привѣтствовалъ войска криками въ честь Франціи, но король лишь глупо улыбался въ отвѣтъ на это и совершенно невпопадъ произносилъ приходившія ему на память итальянскія слова. Прибывши къ главному входу, онъ нашелъ уже здѣсь Синьорію, которая, во избѣжаніе грубой солдатской толкотни, должна была поспѣшить сюда окольными путями. Въ Соборѣ совершенно было торжественное богослуженіе. Затѣмъ, Карлъ VIII занялъ великолѣпный дворецъ Медичи; а солдаты расквартировались по городу. Эту и слѣдующую ночь городъ былъ иллюминированъ. День прошелъ въ празднествахъ, и, наконецъ, приступлено было къ переговорамъ объ условіяхъ мира.

Представителями, избранными для этой цѣли Синьоріей, были: мессеръ Гвидантонио Веспуччи, мессеръ Доменико Бонси, Франческо Валори и Пьеро Каппони—все граждане, пользовавшіеся особымъ уваженіемъ народа. Веспуччи былъ глубокимъ знатокомъ законовъ и дѣлъ государственныхъ, Бонси съ честью выполнялъ многочисленныя порученія въ качествѣ чрезвычайнаго посла при разныхъ дворахъ, Валори, котораго называли флорентійскимъ Катонемъ, сдѣлался, какъ мы уже видѣли, однимъ изъ вождей народной партіи, Каппони, о которомъ намъ приходилось уже много разъ упоминать, былъ одаренъ выдающимися способностями и обладалъ замѣчательно твердымъ характеромъ. Родился онъ въ 1447 году въ старинной флорентійской семьѣ, свободолубивой и благородной. Отецъ далъ ему коммерческое воспитаніе и убѣждалъ его не вмѣшиваться въ политику, потому-что времена были очень трудныя, и Пьеро Каппони, дѣйствительно, предался дѣламъ торговли съ такой энергіей, что многіе начали уже обвинять его въ чрезмѣрной жадности къ деньгамъ. Ему было около 30 лѣтъ, когда Лоренцо Медичи, умѣвшій выбирать и цѣнить людей, сталъ давать ему разныя дипломатическія порученія, за которыя тотъ брался съ большою охотою и которыя выполнялъ съ удивительной ловкостью. Въ этихъ случаяхъ Каппони выказалъ замѣчательное умѣнье распознавать характеры людей и пріобрѣтать вліяніе на тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло. Особенно искусно онъ дѣйствовалъ съ правителями, которые хвалились замкнутостью и загадочностью своего характера: Фердинандъ Неаполитанскій и сынъ его Альфонсъ много разъ, напримѣръ, слѣдовали его указаніямъ, предпочитая ихъ совѣтамъ своихъ генераловъ и министровъ. Но если Каппони, мѣняя торговлю на дипломатію, чувствовалъ себя хорошо, то, мѣняя дипломатію на занятіе военнымъ дѣломъ, чувствовалъ себя еще лучше: онъ убѣдился, что рожденъ не для того, чтобы стоять за прилавкомъ или вести переговоры, а скорѣе для того, чтобы быть полководцемъ. Открылъ ему глаза на самого себя счастливый случай. Онъ былъ комиссаромъ флорентійской республики въ лагерь Альфонса Арагонскаго, когда тотъ шелъ съ своими войсками на

помощь герцогу феррарскому. Неаполитанское войско было разбито папой, и Альфонсъ настолько растерялся, что, несомнѣнно, отказался-бы отъ дальнѣйшаго похода, если-бы Каппони не успѣлъ поддержать мужества какъ въ немъ, такъ и въ его солдатахъ. Слова свои, затѣмъ, онъ подтвердилъ и дѣломъ: онъ съ такой ловкостью повелъ войска въ бой, что самъ долженъ былъ признать себя храбрымъ солдатомъ, способнымъ не только безстрашно встрѣтить врага, но, при случаѣ, не безъ успѣха и командовать тѣми, у кого хватило-бы смѣлости слѣдовать за нимъ. Съ этого момента онъ оказывался всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ сраженія, и республика, увидавъ, что къ ея услугамъ имѣется такой прекрасный вождь, стала пользоваться имъ въ наиболѣе смѣлыхъ своихъ предпріятіяхъ. Чѣмъ труднѣе было порученіе, тѣмъ Каппони охотнѣе брался за него, стараясь быть при этомъ одновременно и солдатомъ, и полководцемъ. Впослѣдствіи это именно и погубило его.

Онъ всегда былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ гражданъ города, потребность-же въ живой дѣятельности заставляла его служить во многихъ случаяхъ даже Лоренцо Великолѣпному. Когда умеръ Лоренцо и государственныя дѣла перешли въ руки Пьеро, у него, какъ мы уже видѣли, не хватило терпѣнія поддерживать правительство, оказавшееся слабымъ, нерѣшительнымъ, лишеннымъ всякаго уваженія къ самому себѣ: онъ сдѣлался непримиримымъ противникомъ Медичи, въ изгнаніи которыхъ и принималъ самое дѣятельное участіе. За все это онъ пользовался у народа величайшимъ довѣріемъ и теперь ему, главнымъ образомъ, было вручено дѣло спасенія республики. И, въ самомъ дѣлѣ, Каппони лучше другихъ зналъ, какъ вести переговоры съ Карломъ, а, въ крайнемъ случаѣ, какъ дать ему и твердый отпоръ. Онъ много разъ бывалъ посломъ во Франціи, изучилъ характеръ ея населенія и говаривалъ обыкновенно: «когда наши итальянцы столкнутся съ французами, они перестанутъ ихъ такъ бояться». Итакъ, вся тяжесть предстоящаго важнаго и труднаго дѣла, естественно, падала на него, и онъ, чувствуя, что судьба цѣлаго народа зависитъ отъ него, какъ-бы выросъ душой.

Тѣмъ временемъ мать и жена Пьеро Медичи приступили къ королю и его совѣтникамъ: «давали подарки, дѣлали разныя обѣщанія, предлагали, что, если Пьеро удастся вернуться во Флоренцію, онъ будетъ править государствомъ вмѣстѣ съ французами». Такими словами онѣ успѣли окончательно склонить короля на свою сторону. Окруженный своими генералами, Карлъ очень сурово принялъ представителей республики и сталъ предъявлять новыя требованія, еще болѣе, чѣмъ прежде, неприемлемыя. Между прочимъ, онъ выражалъ даже мысль, что теперь онъ находится въ завоеванномъ имъ городѣ, такъ-какъ вошелъ въ него съ копьемъ при бедрѣ! Подобныя рѣчи только раздражали всѣхъ, не приводя ни къ какимъ результатамъ. Дѣло затягивалось и обострялось. А когда разъ, въ присутствіи флорентійскихъ представителей, король позволилъ себѣ сказать нѣсколько словъ въ пользу Пьеро Медичи, лица этихъ республиканцевъ вдругъ сдѣлались мрачными и въ самое короткое время внѣшній видъ города совершенно преобразился. Синьорія тотчасъ-же собралась въ Палаццо на засѣданіе, сюда-же были приглашены наиболѣе вліятельные граждане. Имъ сообщили объ угрожающей опасности и указали на необходимость быть готовѣ, чтобы, при первомъ-же ударѣ набатнаго колокола, явиться вооруженными и стать во главѣ народа. Слухи обо всемъ этомъ распространились по всему городу, и населеніе стало смотрѣть на французовъ весьма недружелюбно. Начались перебранки, а иногда дѣло доходило даже и до дракъ.

Одна изъ подобныхъ стычекъ приняла видъ настоящаго вооруженнаго столкновенія. Французскіе солдаты на веревкахъ водили по городу итальянскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ ими въ Луниджіана, и заставляли ихъ просить Христа-ради милостыню для уплаты наложеннаго на нихъ выкупа: безъ денегъ на свободу ихъ не отпускали и даже грозили убить ихъ. Это варварское зрѣлище возмутило флорентійцевъ. Болѣе смѣлые изъ молодежи перерѣзали веревку и дали возможность плѣнникамъ убѣжать, что вызвало величайшее негодованіе французовъ, которые не могли поймать бѣглецовъ. Въ ходъ было пущено оружіе. Флорентійцы не уступали: толпа росла, и смятеніе все

увеличивалось. Швейцарцы, вообразивъ въ этой суматохѣ, что подвергается опасности личность короля, побѣжали къ его дому, но на Борго Онъисанти встрѣтили сопротивленіе. Когда-же они хотѣли силой сломить его, изъ всѣхъ оконъ полетѣлъ на нихъ цѣлый градъ камней, заставившій ихъ отступить. Волненіе продолжалось уже болѣе часу, когда, наконецъ, королевскіе капитаны и знатные горожане, высланные Синьоріей, прекратили его. Но это былъ хорошій урокъ французамъ, нѣсколько сбившій съ нихъ спесь. Для того, чтобы распоряжаться Флоренціей на правахъ завоевателей,—имъ пришлось убѣдиться въ этомъ—недостаточно было войти въ нее «съ мѣломъ въ рукѣ и съ копьемъ при бедрѣ». Городъ, который, при ударѣ въ набатъ, превращался въ вооруженную крѣпость, запиралъ улицы, извергалъ изъ оконъ камни, горящіе фейерверки и, вообще, все, что попадалось подъ руку, представлялся чѣмъ-то загадочнымъ и страшнымъ даже для гордой швейцарской нѣхоты. Она видѣла теперь, что войско, запертое со всѣхъ сторонъ стѣнами, легко могло быть уничтожено, и была приведена этимъ въ ужасъ.

Синьорія воспользовалась этимъ удобнымъ моментомъ и, опираясь на содѣйствіе нѣкоторыхъ иностранныхъ пословъ, успѣла нѣсколько умѣрить требованія короля. Странныя претензіи были оставлены: о Пьеро и о признаніи города завоеваннымъ не подымалось болѣе и рѣчи, еще немного—и условія мира были-бы уже заключены. Король получалъ титулъ защитника флорентійской свободы и пріобрѣталъ право удерживать за собой крѣпости въ продолженіе двухъ лѣтъ, съ обязательствомъ, впрочемъ, возратить ихъ и раньше, если-бы до этого срока кончилась война. Было условлено дать ему порядочную сумму денегъ, но когда пришлось рѣшить, какую именно, вновь начались несогласія. Карлъ VIII помнилъ обѣщанія, сдѣланные ему Пьеро Медичи, его матерью и женой, и запросилъ такую сумму, какой республика ни въ какомъ случаѣ не могла дать безъ чрезмѣрнаго отягощенія народа. Отношенія, поэтому, вновь обострились, и послы постоянно ходили отъ короля къ Синьоріи и обратно, безъ всякихъ результатовъ, потому-что Карлъ упорствовалъ въ своихъ требованіяхъ. Каппони съ тру-

домъ сдерживалъ прирожденную ему горячность и негодованіе. Наконецъ, король приказалъ секретарю прочитатъ свой ультиматумъ, сказавъ при этомъ, что онъ ни въ чемъ болѣе не уступить. Представители республики, естественно, опять не могли согласиться на предлагаемыя имъ условія. Тогда, сердито оборотившись къ нимъ, онъ произнесъ угрожающимъ тономъ: «въ такомъ случаѣ мы вынуждены будемъ прибѣгнуть къ оружію». Какъ огонь, вспыхнулъ при этихъ словахъ Каппони. Выхвативъ изъ рукъ секретаря листъ, онъ разорвалъ его на глазахъ у короля и произнесъ слѣдующія слова, ставшія безсмертными: «а мы зазвонимъ въ наши колокола». И сказалъ онъ это такимъ тономъ, что уже чрезъ нѣсколько часовъ было подписано обѣими сторонами то самое условіе, на которое не могли склонить короля ни просьбы, ни хожденія пословъ взадъ и впередъ втеченіе многихъ дней.

Итакъ, трактатъ гласилъ: между республикой и королемъ заключается истинная, ненарушимая дружба, подданные того и другого государства будутъ взаимно пользоваться покровительствомъ, король пріобрѣтаетъ титулъ возстановителя флорентійской свободы, ему будетъ уплачено въ три пріема 120.000 флориновъ. Крѣпости не будутъ удержаны въ рукахъ французовъ долѣе двухъ лѣтъ, но онѣ должны быть возвращены и до того, если ранѣе кончится походъ на Неаполь, Пизанцы получаютъ прощеніе, лишь только выкажутъ повиновеніе Флоренціи. Равнымъ образомъ, отмѣнялась премія за голову Пьеро Медичи, но конфискація имущества кардинала Джіованни и Джульяно должна была продолжиться до тѣхъ поръ, пока не будутъ выплачены всѣ его долги. Послѣдній не имѣетъ права подходить къ флорентійской территоріи ближе, чѣмъ на 200 миль, братья его—на 100. Когда въ этомъ смыслѣ были составлены параграфы трактата, была принесена въ Соборъ присяга въ ихъ исполненіи. Вечеромъ городъ вновь былъ иллюминованъ, хотя въ народѣ уже не замѣчалось той благорасположенности къ королю, какая была раньше.

Но едва лишь успѣли уладить одну трудность, какъ тотчасъ-же возникла другая. Когда все было уже кончено, Карлъ,

вновь впадши въ нерѣшительность, не выказывалъ ни малѣйшаго желанія уходить изъ города. А между тѣмъ, Флоренція полна была иностранныхъ солдатъ, расквартированныхъ по домамъ, и солдатъ итальянскихъ, скрытыхъ повсюду. Магазины были заперты, торговля пріостановлена, все находилось въ неопредѣленномъ положеніи, а постоянныя ссоры между горожанами и иноземцами угрожали серьезными осложненіями. По ночамъ стали наблюдаться грабежи и частыя убійства—вещь, совершенно неслыханная до сихъ поръ во Флоренціи. При каждомъ, самомъ пустяшномъ недоразумѣніи, казалось, готовъ былъ взбунтоваться весь городъ. Случаи такого рода повторялись ежедневно. Поэтому, наиболѣе заботливые граждане всячески старались побудить короля какъ можно скорѣе оставить Флоренцію. Но все было напрасно. Подобное положеніе дѣлъ озабочивало всѣхъ, тѣмъ болѣе, что не предвидѣлось и способа, какимъ можно было-бы заставить Карла принять то или иное рѣшеніе.

Тогда вновь прибѣгли къ авторитету Савонаролы, который все стараніе свое прилагалъ къ тому, чтобы, по возможности, успокаивать народъ, и въ эти опасныя и смутныя времена онъ словами мира принесъ республикѣ не меньше пользы, чѣмъ Каппони своей геройской смѣлостью. Въ тѣ дни онъ постоянно говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ о всеобщемъ благѣ. «Пусть граждане отложить ненависть и гордость, пусть идутъ въ Палаццо съ душой чистой, съ желаніемъ блага общаго, а не личнаго, съ твердымъ намѣреніемъ возстановить въ городѣ единеніе и согласіе. Тогда воистину они приняты будутъ Господомъ». Онъ обращался ко всѣмъ классамъ общества и каждому въ отдѣльности доказывалъ, что прямая его выгода, въ здѣшней и загробной жизни, состоитъ въ защитѣ свободы, въ стремленіи къ единенію и согласію. Когда его попросили сходить къ королю и уговорить его удалиться изъ города, онъ тотчасъ-же принялъ это порученіе и, не теряя времени, отправился въ королевскую резиденцію. Офицеры и бароны хотѣли воспрепятствовать его проходу изъ боязни, что появленіе монаха разстроитъ всѣ ихъ планы относительно грабежа, какому они рѣшили предать этотъ богатѣйшій дворецъ. Но вспомнивъ, съ ка-

кимъ уваженіемъ относился къ нему постоянно король, они не стали противиться его настойчивымъ просьбамъ и пропустили. Карлъ, окруженный своими баронами, принялъ его чрезвычайно любезно. Савонарола-же обратился къ нему со слѣдующими многими словами: «Христіаннѣйшій Владыка, твое пребываніе здѣсь наноситъ огромнѣйшій вредъ и городу и твоему предпріятію. Ты теряешь время, забывая объ обязанности, возложенной на тебя Провидѣніемъ, а это вредитъ мірской твоей славѣ и душевному твоему спасенію. Выслушай теперь рѣчь раба Господня. Слѣдуй по пути твоему безъ замедленія. Бойся раззореніемъ этого города навлечь на себя гнѣвъ Божій».

Такимъ образомъ, 28 Ноября, около 3 часовъ дня, король вмѣстѣ съ войскомъ отправился, наконецъ, дальше, оставивъ по себѣ во флорентійскомъ народѣ недоброе воспоминаніе. Для нареканій на него были весьма достаточныя причины, и между ними не послѣднее мѣсто занимаетъ разграбленіе великолѣпнаго дворца Медичи, въ которомъ такъ великодушно и довѣрчиво было отведено ему помѣщеніе, разграбленіе, совершенное не солдатами его или низшими офицерами, но генералами и баронами. Даже самъ король присвоилъ себѣ нѣкоторыя драгоценныя вещи и, между прочимъ, рогъ единорога, стоявшій, по словамъ Commines, до 7.000 дукатовъ. Что дѣлали другіе, имѣя предъ глазами такой примѣръ, легко себѣ представить: «они безъ стыда присваивали себѣ все, говоритъ тотъ-же авторъ, что искушало ихъ жадность». Такъ погибли тѣ чудныя, драгоценныя коллекціи Медичи, которыхъ они не успѣли скрыть въ монастырѣ Св. Марка. Если-же отъ нихъ и осталось что-нибудь, чего французы не успѣли похитить, то все это было въ испорченномъ видѣ, годномъ только для продажи. И несмотря на это, радость по поводу избавленія города отъ опаснаго нашествія иностранныхъ войскъ была такова, что никто и не думалъ о понесенныхъ убыткахъ. Напротивъ, въ церквахъ служились благодарственные молебны, на улицахъ вновь закипѣла прежняя беззаботная жизнь, а въ Паллацо, наконецъ, стали подумывать объ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ новаго государства.

Флоренція приняла теперь совершенно иную фیزیономію.

Приверженцы Медичи, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, казалось, куда-то исчезли. Народная партія одна осталась во главѣ государства, а Савонарола управлялъ волей всего народа. Его называли настоящимъ пророкомъ, предсказавшимъ все происшедшее. Говорили, что онъ одинъ только былъ въ состояніи умѣрить гнѣвъ короля при входѣ его во Флоренцію, что онъ одинъ уговорилъ его и уйти изъ города, и, поэтому, отъ него одного ожидали теперь совѣта, помощи и руководства во всемъ, что предстояло дѣлать.

Люди прежняго режима точно хотѣли предоставить мѣсто новому поколѣнію: въ эти мѣсяцы умерли многіе изъ наиболѣе достойныхъ представителей временъ Медичи. Анджело Полиціано скончался 24 Сентября этого года «съ такимъ безславіемъ и въ такомъ презрѣніи у всѣхъ, какое только можетъ обрушиться на человѣка». Его обвиняли въ безчисленныхъ порокахъ, въ массѣ самыхъ противоестественныхъ грѣховъ, но истинной причиной этой ненависти къ нему было страшное озлобленіе всѣхъ противъ Пьеро Медичи, скорое изгнаніе котораго изъ Флоренціи, вмѣстѣ съ его друзьями, тогда уже предвидѣлось. Для смягченія этой ненависти недостаточно было даже и извѣстія, что послѣдними словами этого славнаго поэта и глубокаго ученаго были слова христіанскаго раскаянія. Онъ просилъ, чтобы тѣло его, облаченное въ доминиканское одѣяніе, было погребено въ церкви Св. Марка, гдѣ, дѣйствительно, оно и покоится теперь рядомъ съ Джіованни Пико дела Мирандола, умершимъ въ тотъ самый день, когда Карлъ VIII вступилъ во Флоренцію. Пико давно уже высказывалъ желаніе поступить въ монастырь Св. Марка и постричься. Но очень нерѣшительный, онъ не успѣлъ привести въ исполненіе своего намѣренія, такъ-какъ смерть постигла его слишкомъ рано, когда ему было всего 32 года. Предъ смертью онъ также упросилъ Савонаролу, чтобы тотъ опустилъ въ могилу его тѣло, облачивъ его предварительно давно желаемымъ имъ монашескимъ платьемъ.

Смерть этихъ двухъ славныхъ итальянцевъ напомнила всѣмъ о послѣднихъ часахъ и послѣдней исповѣди Лоренцо. Кружокъ приверженцевъ Медичи, распадаясь и тая, казалось,

хотѣлъ теперь признаться во всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, хотѣлъ испросить прощеніе въ нихъ у тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ такъ притѣснялъ, и у того самаго монаха, который былъ какъ-бы живымъ и краснорѣчивымъ олицетвореніемъ флорентійскаго народа. И, дѣйствительно, заслуживаетъ быть особенно отмѣченнымъ это обращеніе сторонниковъ Медичи къ монастырю Св. Марка, откуда въ свое время раздался первый призывъ къ свободѣ, первый сигналъ къ борьбѣ съ тиранніей тѣхъ-же Медичи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Условія политической жизни Флоренціи по уходѣ французовъ. Савонарола предлагаетъ новую форму правленія.
(Декабрь 1494).

Во Флоренціи, по древнѣйшему обычаю, всякая перемѣна формы правленія происходила съ согласія «Парламента». Народъ, по звону колокола, стекался на площадь, охраняемую въ этотъ моментъ вооруженною стражею. Синьорія выходила изъ Палаццо къ народу и испрашивала у него такъ называемую Баліа для себя или для своихъ друзей. Баліа была чѣмъ-то въ родѣ диктатуры, которая продолжалась мѣсяцы или даже годы. Она могла отъ времени до времени возобновляться и давала право избирать магистратовъ и даже мѣнять форму правленія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ народъ снова собирался на Парламентъ. Но при такой видимости свободы онъ былъ лишь послушнымъ орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ болѣе вліятельныхъ гражданъ: громкими криками онъ неизмѣнно выражалъ согласіе на всѣ предложенія и думалъ, что онъ доказываетъ свою независимость въ тотъ именно моментъ, когда закабалялъ себя въ рабство. Отсюда и явилась очень древняя флорентійская поговорка: «Chi disse Parlamento, disse guastamento». И въ самомъ дѣлѣ, при помощи Баліа и Парламента во Флоренціи долгое время господствовали Альбицци, а потомъ Медичи. И,

однако, такова уже была сила обычая, что, какъ только въ 1494 г. французы ушли, колоколь Синьоріи уже звонилъ 2 Декабря къ собранію на Парламентъ. Вооруженные служители Синьоріи наблюдали за улицами, ведущими на площадь, а народъ, гордый сознаніемъ своего значенія, собирався по-старинному, по группамъ, съ гонфалоньерами компаній, то есть, со знаменщиками во главѣ. Синьорія прочитала предложеніе, которымъ испрашивалось позволеніе назначить 20 Аккопіаторовъ, съ предоставленіемъ имъ власти втеченіе года избирать Синьорію и всѣхъ главныхъ начальниковъ разныхъ частей Управленія. Эти Аккопіаторы могли, подъ опредѣленными условіями и ограниченіями, избирать кого угодно изъ своей среды на всѣ должности, не исключая и гонфалоньера юстиціи. Радостно возбужденный народъ громкими криками одобрилъ это предложеніе, и такъ образовался новый порядокъ вещей, извѣстный подъ именемъ «Правленія Двадцати».

Въ старину правительство флорентійской республики состояло изъ 8 пріоровъ и гонфалоньера юстиціи, которые и представляли собой высшій магистратъ или Синьорію, мѣнявшуюся каждые два мѣсяца. 16 гонфалоньеровъ компаній, подъ знаменами которыхъ прежде собирався вооруженный народъ, вмѣстѣ съ 12 «Добрыми Мужами» служили чѣмъ-то въ родѣ ассистентовъ при Синьоріи. Всѣ они составляли коллегіи и назывались даже «тремя главными учрежденіями». Слѣдовали затѣмъ: «Совѣтъ Десяти», завѣдывавшій военными дѣлами и избираемый каждые 6 мѣсяцевъ, «Совѣтъ Восьми Гвардіи и Баліи», избираемый на 4 мѣсяца, въ вѣдѣніи котораго находились преимущественно преступленія уголовныя и политическія, и, наконецъ, два совѣта или собранія—народа и городской общины. Эти послѣдніе образовались еще тогда, когда городъ дѣлился на народъ въ собственномъ смыслѣ и на людей, болѣе или менѣе вліятельныхъ, претендовавшихъ на преимущественное право формировать Городское Управленіе изъ лицъ своей среды. Совѣтамъ ввѣрено было вотированіе законовъ и избраніе магистратовъ, въ чемъ и полагалась тогда самая сущность правленія и гарантія свободы республики. Во время Ме-

дичи, когда исчезло всякое различіе между горожанами, когда тираннія уравнила всѣхъ, два совѣта—народа и городской общины—потеряли всякій смыслъ существованія. И, тѣмъ не менѣе, Медичи продолжали собирать ихъ на засѣданія отчасти изъ пустого тщеславія, а отчасти также и потому, что они прекрасно видѣли, что народъ скорѣе привязанъ былъ къ ярлыку свободы, чѣмъ къ самой ея сущности. Лоренцо Великолѣпный, продолжая ту-же политику, оставилъ все старому, но въ то-же время учредилъ новый Совѣтъ, такъ называемый «Совѣтъ Семидесяти», который былъ составленъ только изъ его приверженцевъ. На него перенесены были главныя права старыхъ совѣтовъ и, въ особенности, право избранія магистратовъ: благодаря только этому Лоренцо и могъ быть полнымъ господиномъ республики.

Теперь, напротивъ, на состоявшемся Парламентѣ рѣшено было сохранить всѣ прежнія установленія неприкосновенными. Отмѣненъ былъ лишь Совѣтъ Семидесяти, власть котораго перешла къ Двадцати Аккопіаторамъ, такъ-что, можно сказать, измѣнились лишь лица и имена, а не форма правленія. Обязанности и права магистровъ въ то время не были точно разграничены, и каждый изъ нихъ почиталъ себя почти всемогущимъ. И, дѣйствительно, Синьорія управляла всѣми дѣлами государства. Она предлагала законы, назначала пословъ и объявляла войну, часто рѣшала возникавшія распри, осуждала на смерть и предписывала конфискацію имуществъ. Вообще говоря, законы предоставляли ей обширныя права, а того, чего не разрѣшали законы, она могла добиться путемъ экстраординарнымъ. Но этой неограниченной и произвольной власти Синьоріи найдена была узда въ томъ, что составъ ея мѣнялся каждые два мѣсяца. Въ результатѣ получилось, что засѣдать въ ней значило, въ сущности, гораздо меньше, чѣмъ обладать правомъ избирать членовъ Синьоріи, такъ-какъ тотъ, кто занималъ должность въ магистратѣ, обязанъ былъ чрезъ 2 мѣсяца сложить съ себя свою власть, а кто избиралъ на эту должность, могъ постоянно или втеченіе многихъ лѣтъ быть господиномъ положенія. Это прекрасно удалось продѣлать Лоренцо съ Совѣтомъ Семидесяти,

и никто не сомнѣвался, что теперь это удастся также и народу, получившему право избранія «Двадцати».

Но когда дѣло дошло до фактовъ, то сразу стало ясно, что ожиданія всѣхъ не оправдались. Республика была въ рукахъ Аккопіаторовъ, но государственная машина не работала: они имѣли власть надъ всѣмъ, но на самомъ дѣлѣ ни въ чемъ не были господами. Для Медичи, для Альбици или для другой фамиліи, при помощи друзей съ деньгами, съ большимъ авторитетомъ, еще возможно было управлять государствомъ, какъ имъ хотѣлось. Но что могли подѣлать 20 гражданъ, часто несходствовавшихъ ни въ убѣжденіяхъ, ни въ характерахъ, избранныхъ изъ разныхъ слоевъ общества, въ большинствѣ случаевъ несвѣдущихъ въ дѣлахъ государственныхъ? Несмотря на весь авторитетъ, которымъ они вполне законно были облечены, они сразу-же оказались и слабыми и неспособными къ управленію, и эта слабость ихъ проистекала главнымъ образомъ изъ невозможности дѣйствовать въ полномъ между собою согласіи. Это проявилось при производствѣ перваго-же избранія новаго гонфалоньера: собрать болѣе трехъ голосовъ для каждаго предлагаемаго кандидата оказалось совершенно невозможнымъ, и Аккопіаторы съ великимъ трудомъ должны были провести постановленіе, по которому избраннымъ считается тотъ, кто будетъ имѣть наибольшее количество голосовъ, хотя-бы оно и было менѣе того, какое требовалось по закону.

Такимъ образомъ, возстановленіе Парламентовъ сразу-же породило и древніе безпорядки, и не успѣло еще новое правленіе начать функціонировать, какъ всѣ уже стали подумывать о томъ, какъ-бы измѣнить его. Нельзя было не видѣть, что возрожденіе республики при помощи старинныхъ установленій, отъ которыхъ Медичи оставили одну только тѣнь, совершенно невозможно. Становилось ясно, что въ рукахъ Аккопіаторовъ оказался трупъ, въ который нельзя уже вдохнуть никакой жизни. Создалось убѣжденіе въ необходимости перестроить заново все управленіе, но всѣ сразу-же убѣдились, что успѣшно выполнить это дѣло тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе оно кажется

необходимымъ. Кромѣ того, со всѣхъ сторонъ возникали совершенно неожиданныя трудности.

Мятежъ въ Пизѣ день ото дня принималъ все болѣе тревожныя формы. Общая опасность примирила всѣхъ. Быстро составилось правительство, собирались войска, оружіе, деньги. Граждане были одушевлены горячей любовью къ свободѣ и независимости. Равнымъ образомъ, и остальная часть флорентійской территоріи была очень ненадежна: Аретццо и Монтепульчано, ободренные примѣромъ Пизы и подкрѣпленные денежною помощью Сіены, уже возмутились, другіе городки и мѣстечки готовы были сдѣлать то-же самое. Во Флоренціи почувствовалась экстренная надобность въ деньгахъ для веденія трехъ войнъ и для уплаты суммъ, обѣщанныхъ королю Карлу, теперь настойчиво требовавшему ихъ. Необходимо было платить солдатамъ, набирать войско, подыскивать полководцевъ и налагать новыя и тяжелыя повинности на народъ, и безъ того уже отягощенный ими. Со всѣмъ этимъ едва могло-бы справиться правительство сильное и единодушное, между тѣмъ какъ во Флоренціи оно было настолько слабо и неувѣренно, что его нужно было во что-бы то ни стало перемѣнить.

Кромѣ всего прочаго, за 60 лѣтъ владычества Медичи, населеніе Флоренціи окончательно утратило свою замѣчательную когда-то способность вырабатывать новыя законы и новыя установленія. Внезапно очутившись независимыми господами положенія, флорентійцы какъ-бы растерялись и смутились предъ своей собственной свободой. Теперь не было, какъ во времена правленія Альбицци, кружка аристократовъ, который взялъ-бы въ свои руки заботы о дѣлахъ общественныхъ. При Медичи наиболѣе обезпеченные граждане имѣли единственное преимущество предъ другими—пользоваться своими богатствами. Этими богатствами, да исполненіемъ какой-нибудь незначительной временной должности, которая давалась нѣкоторымъ въ знакъ особаго расположенія, они и наполняли свою жизнь. Но опытности или какого-либо интереса къ дѣламъ государственнымъ воспитать въ себѣ они не могли. О простомъ народѣ можно сказать, что онъ былъ окончательно деморализованъ. Тѣ прежнія корпораціи

«цеховъ», которыя одно время были средоточіемъ жизни промышленной и общественной, тѣ предпріятія, которыя доставляли городу необычайные доходы и которыя оказывали ему помощь въ продолжительныхъ и трудныхъ войнахъ, та шумная арена, на которой сходились для словесныхъ состязаній и гдѣ получали свое политическое воспитаніе флорентійскіе купцы, умѣвшіе давать мудрыя совѣты въ управленіи республикой и съ такимъ самоотверженіемъ служившіе ей,—все это существовало теперь лишь по имени. Народъ жилъ въ полной разобщенности интересовъ, безъ всякаго чувства солидарности. Составить новое правительство было трудно не только потому, что война истощила городъ, что древнія установленія утратили всю свою жизненность, а народъ—всякое политическое воспитаніе, но и потому, что къ новому положенію вещей не подходила ни одна изъ древнихъ формъ республиканской жизни.

Не только недоставало необходимой самодѣтельности въ народѣ, но не было и лицъ, которыя могли-бы руководить имъ въ важномъ и трудномъ дѣлѣ выработки новыхъ учрежденій. Мы видѣли, какъ среди бунтующей толпы выдвинулся Франческо Валори и повелъ ее за собой для изгнанія Медичи. Но насколько онъ былъ незамѣнимъ на площади, настолько-же былъ неспособенъ засѣдать въ Палаццо, ибо никогда не умѣлъ сдерживать своихъ страстей. Мы видѣли, какъ Пьеро Каппони обезсмертилъ свое имя предъ лицомъ короля и французскихъ генераловъ. Но онъ слишкомъ былъ нетерпѣливъ, когда приходилось обсуждать какое-либо рѣшеніе въ Совѣтѣ. Прервать разсужденія и рѣшить вопросъ мечемъ—было во вкусѣ Пьеро Каппони, но спорить, опровергать другихъ, разсуждать пространно, съ капюшономъ на головѣ и накидкой на плечахъ, было для него скучно. Въ латахъ, подъ солнцемъ, подъ дождемъ, подъ непріятельскими ядрами, онъ чувствовалъ себя гораздо лучше. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ добивался теперь только одного: чтобы его послали къ Пизѣ начать войну.

Итакъ, въ этотъ столь критическій моментъ не имѣлось въ виду ни одного человѣка, на котораго можно было-бы положиться. Предположить-же, что нужда породитъ новыхъ дѣятелей, было

трудно, потому-что, какъ мы уже сказали, прошло шестьдесятъ лѣтъ подъ тиранніей Медичи, и въ народѣ черезъ два поколѣнія постепенно утратилась необходимая опытность въ управленіи общественными дѣлами. Но такъ-какъ всякое несчастіе находитъ свою компенсацію, то и во Флоренціи въ это время начала уже нарождаться та школа итальянскихъ политиковъ, которая дала потомъ Николо Макиавелли, Франческо Гвиччардини и Донато Джіаннотти, теперь, когда отечество возвратило себѣ свободу, бывшихъ еще совершенно молодыми людьми. Во флорентійскомъ народѣ любовь къ свободѣ всегда была такъ сильна, что съ того самаго момента, какъ республиканскія установленія были уничтожены, означенныя лица начали разрабатывать теорію управленія и создали, такимъ образомъ, науку о государствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ трактатахъ они всегда начинаютъ съ замѣчанія, что высшимъ счастьемъ чловѣка на землѣ является возможность участія въ управленіи государствомъ, а когда тираннія не даетъ намъ этого, тогда ничего не остается другого, какъ искать его въ ученыхъ занятіяхъ, ожидая лучшихъ временъ и собирая уроки опыта для потомства. Но эта наука, бывшая тогда еще только въ самомъ зачаточномъ состояніи, не указывала никакого выхода изъ тѣхъ несчастій, какія раздирали Флоренцію въ разсматриваемое нами время. Не только не было видно среди этихъ мыслителей никого, кто-бы блескомъ своего имени сумѣлъ увлечь за собой народъ, но вся эта талантливая молодежь, живя одною только наукою, малоопытная въ дѣлахъ, неизвѣстная народу, конечно, и не могла пріобрѣсти вліянія на положеніе вещей во дни смутъ, когда міръ принадлежитъ силѣ. Нововоспитаніе этихъ людей, ихъ идеи складывались подъ вліяніемъ революціи. Въ ней возобладали и получили распространеніе ихъ политическія теоріи. Вотъ почему намъ необходимо познакомиться съ этимъ предметомъ нѣсколько ближе.

Политическія науки основываются нынѣ на общихъ принципахъ: требуется равномѣрное распредѣленіе власти, наилучшее дѣйствіе суда, возможная независимость для магистратовъ и самая широкая свобода личности. Тогда, наоборотъ, поли-

тическая наука итальянцевъ была почти исключительно анализомъ и изученіемъ страстей человѣка. Исходя изъ одной только мысли, что управлять—значить обладать наивысшимъ счастьемъ, быть на верху своихъ желаній, пришли къ тому заключенію, что всѣ должны искать этого. всѣ должны добиваться захватить въ свои руки управленіе страной, и каждый, по необходимости, въ ущербъ и во вредъ другимъ. Изъ этихъ положеній рождалась постоянная опасность подпасть подъ тираннію: ей, дѣйствительно, и поддались почти всѣ итальянскія правительства. На вопросъ: какое управленіе самое совершенное?—вся школа итальянскихъ политиковъ отвѣчала очень просто: то, которое не можетъ породить тирана. А какое-же управленіе не можетъ породить тирана? Такое, которое будетъ удовлетворять притязаніямъ всѣхъ классовъ гражданъ. Въ каждомъ городѣ, говорили тогда, всегда имѣются личности, которыя добиваются власти надъ другими, имѣются аристократы, которые желаютъ почестей, и народъ, который ищетъ свободы. Вотъ почему съ давнихъ поръ стали подыскивать форму правленія смѣшаннаго, которое-бы, совмѣстивъ въ себѣ различные элементы монархіи, аристократіи и демократіи, могло отвѣчать стремленіямъ и людей властныхъ, и аристократовъ, и народа. Надѣялись, что только такимъ образомъ и возможно будетъ твердо обезпечить свободу.

Переходя, затѣмъ, отъ теоріи къ практикѣ, взоръ флорентійскихъ политиковъ постоянно обращался къ Венеціи. Изъ всѣхъ итальянскихъ государствъ пережило всеобщее крушеніе только одно ея правительство: преуспѣвая во власти и чести, оно не видѣло еще тирана. Поэтому, желаніемъ Флоренціи и другихъ итальянскихъ республикъ, попавшихъ подъ тираннію, было возродиться въ формѣ венеціанскаго правленія: оно казалось самымъ совершеннымъ между всѣми. И, въ самомъ дѣлѣ, когда сравнивали непрерывный рядъ переворотовъ, имѣвшихъ мѣсто во Флоренціи, съ постояннымъ и строгимъ покоемъ венеціанской лагуны, получалось то-же впечатлѣніе, какое мы испытываемъ теперь, сравнивая внутреннюю политику Франціи съ политикой Англіи. Но для флорентійцевъ въ ихъ стремленіи насадить у себя формы венеціанскаго правленія возникали тѣ-

же трудности, какія испытали-бы теперь французы, если-бы они вздумали ввести у себя англійскія учрежденія. У Венеціанцевъ съ древнѣйшихъ временъ была сильная и вліятельная аристократія, во Флоренціи-же ея давно уже не было. Всякому было ясно, что здѣсь возможна лишь или абсолютная тираннія, или абсолютная свобода. И, тѣмъ не менѣе, всѣ искали способовъ ввести какъ-нибудь именно управленіе венеціанское. Разница была лишь въ томъ, что одни хотѣли нѣсколько расширить его, другіе, наоборотъ, сузить: все иное казалось невозможнымъ и непрактичнымъ. Таковы были разсужденія и споры, которые велись тогда на улицахъ, подъ общественными портиками и въ другихъ мѣстахъ.

Но пока всѣ путались въ отвлеченностяхъ и спорили на площадяхъ, пока въ Палаццо не появлялось никого, кто предложилъ-бы хоть какое-нибудь рѣшеніе, образумилъ-бы, убѣдилъ-бы прочихъ, а особенно Двадцать Аккопіаторовъ, безъ согласія которыхъ трудно было произвести какую-либо перемѣну, республика походила на корабль въ морѣ безъ компаса. При такомъ положеніи вещей, когда люди науки, лишенные всякой практичности, и люди дѣла, не обладавшіе достаточной ловкостью и развитіемъ, держались въ сторонѣ, стала опредѣляться новая категорія гражданъ: то была партія ученыхъ юристовъ, въ руки которыхъ судьба довольно часто отдаетъ кормило правленія, когда народъ переходитъ отъ тиранніи къ свободѣ. То обстоятельство, что они очень опытные въ судейскихъ дѣлахъ, что они уже по самой своей профессіи являются спеціалистами въ законахъ, всегда заставляетъ думать, что они-то и обладаютъ знаніемъ и практикой, необходимыми въ подобные трудные моменты. Несмотря на длинный и всегда грустный рядъ опытовъ, трудно убѣдить публику, что адвокаты никогда не умѣли выработать чего-нибудь устойчиваго въ политическомъ устройствѣ народовъ.

Какъ-бы тамъ ни было, но послѣ многихъ колебаній въ Совѣтахъ, собиравшихся въ Палаццо, одержало, наконецъ, верхъ мнѣніе адвокатовъ мессера Гвидантоніо Веспуччи и мессера Паоло Антоніо Содерини. Содерини, принадлежавшій къ народ-

ной партіи и бывший долгое время посломъ въ Венеціи, лучше всякаго другого могъ знать форму тамошняго правленія. Поэтому, онъ предложилъ уничтожить два Совѣта—народа и городской общины—и въ замѣнъ ихъ образовать «Великій Совѣтъ», на подобіе Великаго Совѣта венеціанскаго, для избранія магистратовъ и утвержденія законовъ, и Совѣтъ Меньшій, изъ людей болѣе знатныхъ и болѣе опытныхъ, на подобіе Совѣта Прегати, гдѣ рѣшались-бы дѣла, которыхъ невозможно обсуждать публично. Въстѣ съ тѣмъ, онъ предложилъ немедленно-же уничтожить правленіе «Двадцати» и оставить неприкосновенными Совѣты «Восьми», «Десяти» и «гонфалоньеровъ компаній». Относительно второй части проекта возраженій, казалось, не представлялось ни съ какой стороны, но относительно образованія Совѣтовъ, а, въ особенности, Великаго, мнѣнія рѣзко разошлись: установленію ихъ, главнымъ образомъ, противились аристократы, нашедшіе себѣ сильную поддержку въ лицѣ Веспуччи. Онъ особенно указывалъ на неспособность и несдержанность толпы, привелъ на память всѣ наиболѣе грустныя сцены изъ исторіи Флоренціи, говорилъ, что Великій Совѣтъ въ Венеціи составленъ изъ людей благородныхъ, а не изъ простого народа, несмотря на то, что послѣдній тамъ гораздо серьезнѣе, спокойнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ во Флоренціи, гдѣ умы болѣе изощрены, фантазія болѣе жива, страсти болѣе разнузданы. Съ другой стороны, ему возражали, что въ Венеціи *gentiluomo* означаетъ то-же, что *cittadino* во Флоренціи, ибо чернь здѣсь не имѣетъ правъ гражданства, что такъ-какъ во Флоренціи нѣтъ сословія аристократовъ, то управленіе Меньшаго Совѣта сведется къ тиранніи немногихъ, и что, наконецъ, совершенно несправедливо, послѣ того какъ народъ изгналъ Медичи, отнимать права на управленіе именно у него, виновника возстановленной свободы. Мнѣніе Содерини, безъ сомнѣнія, находило сочувствіе, главнымъ образомъ, у толпы и у болѣе благоразумныхъ гражданъ города, но за Веспуччи стояли Совѣты Палаццо. Тамъ скрывались еще многіе приверженцы Медичи, а также засѣдали и «Двадцать Аккопіаторовъ», которые, видя, что они должны будутъ лишиться власти, высказывались за образованіе такого правленія, которое сохра-

няло-бы въ ихъ рукахъ большую часть правъ. Впрочемъ, всѣмъ было ясно, что правительство немногихъ никогда не будетъ пользоваться расположеніемъ тѣхъ, кто не будетъ призванъ принимать въ немъ участіе: оно весьма легко могло-бы породить новые безпорядки, которые привели-бы къ ничѣмъ несдерживаемой разнузданности или даже вызвали-бы насильственное возвращеніе Медичи.

Обо всемъ этомъ шли безконечные споры въ Палаццо, гдѣ засѣданія Совѣтовъ продолжались до поздней ночи. Разъ обсужденіе вопросовъ перешло къ названнымъ выше двумъ адвокатамъ, гордымъ сознаніемъ того значенія, какое они приобрѣли въ эти дни, то рѣчамъ ихъ не предвидѣлось и конца. Говорили, разсуждали, переливали изъ пустого въ порожнее, въ то время, когда нужно было дѣйствовать, когда опасность войны была весьма велика, когда многіе города, бывшіе подъ властью республики, угрожали возстаніемъ, когда народъ могъ устать, ожидая разрѣшенія вопроса объ его будущихъ правахъ, и произвести безпорядки съ оружіемъ въ рукахъ. Многіе приведены были всѣмъ этимъ въ страхъ, многіе были смущены до того, что не знали, что говорить, чего держаться. Если ученые не въ силахъ были помочь народу, такъ-какъ они не были людьми дѣла, если на это не были способны люди жизни, такъ-какъ у нихъ не было практики и опыта свободы, то тѣмъ труднѣе было ожидать помощи отъ законовѣдовъ, ибо, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, опытность ихъ была недостаточна и наука о дѣлахъ государственныхъ ложна. Только здравый смыслъ, только истинная любовь къ общественному благу, только горячее и сильное желаніе быть полезнымъ, только одно это и могло спасти республику отъ такого нестроенія. Исторія даетъ намъ великій урокъ: въ тѣ ужасные моменты, когда міръ, кажется, долженъ сдѣлаться добычей наиболѣе смѣлаго, и хаосъ угрожаетъ своимъ возвращеніемъ на землю, когда все оказывается безсильнымъ, почетъ, знанія, вліяніе, богатства, когда самая смѣлость побѣждается разнузданнымъ своеволіемъ народа, единственное, что въ силахъ помочь дѣлу, это—добродѣтель, благородная воля и святая любовь къ добру. Поэтому, человѣкомъ.

предназначеннымъ спасти флорентійскій народъ, былъ монахъ Джироламо Савонарола. Пробилъ часъ, когда онъ долженъ былъ выступить на политическое поприще: самый ходъ событій неудержимо влекъ его на этотъ путь, несмотря на его твердое до сихъ поръ желаніе не вмѣшиваться ни во что.

Во флорентійской республикѣ часто случалось, что монахи вмѣшивались въ политику, бывали случаи, что ею занимались даже святые, какъ, напримѣръ, Екатерина Сіенская. Но Савонарола, занятый своею Библіей, проповѣдями и управленіемъ монастыремъ, не хотѣлъ отвлекаться отъ своего прямого дѣла. Хотя неумолимый ходъ вещей и увлекалъ его на политическое поприще съ необходимостью, которая была сильнѣе человѣческой воли, хотя онъ и видѣлъ, какъ, изъ-за всеобщаго шатанія мысли, народъ пребывалъ въ праздности и нищетѣ, хотя сердце и говорило ему, что любовь выше всѣхъ законовъ, однако, онъ продолжалъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи. И все-же, вопреки всѣмъ его усиліямъ, въ его проповѣдяхъ, произносимыхъ имъ на обычные темы, невольно стали проскальзывать новыя идеи, вызываемыя тѣми условіями, въ какихъ онъ теперь находился. «Оставьте роскошь и суету, говорилъ онъ, продайте лишнее и раздайте бѣднымъ. Граждане, давайте собирать во всѣхъ церквахъ милостыню для городскихъ и деревенскихъ нищихъ. Издержите на нихъ, по крайней мѣрѣ, втеченіе нынѣшняго года, деньги, какія вы назначаете обыкновенно на пособіе пизанскому университету. Если этого будетъ недостаточно, продадимъ сосуды и украшенія церковныя. Я первый хочу дать примѣръ этому. Но важнѣе всего—издайте постановление, чтобы лавки были открыты и дана была работа народу, который праздно шатается по улицамъ». Перейдя, затѣмъ, къ разсужденію о церкви, онъ объявилъ, что Господь желаетъ всю ее обновить, и произнесъ проповѣдь, въ которой, повторяя постоянно слова: «воспойте Господеви пѣснь нову», объяснялъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Господь желаетъ, чтобы вы все обновили, чтобы покончили съ прошлымъ, чтобы не оставалось ничего изъ дурныхъ обычаевъ, изъ дурныхъ законовъ, изъ дурного правленія». Но потомъ, точно испугавшись, что слишкомъ уже уклонился въ сторону

политики, онъ вновь обращалъ свою рѣчь къ церкви, говоря: «теперь настало время, когда слова должны уступить мѣсто дѣлу, пустыя церемоніи—истиннымъ чувствамъ. Господь сказалъ: взалкахся и не дасте ми ясти, нагъ, и не одѣясте Мене, но не сказалъ: вы не построили для Меня великолѣпной церкви или великолѣпнаго монастыря. Онъ предлагаетъ намъ дѣлать только дѣла милосердія. Поэтому, милосердіемъ и слѣдуетъ обновить все». Такимъ образомъ, въ первыхъ своихъ проповѣдяхъ на слова пророка Аггея онъ еще колеблется и сомнѣвается въ томъ, слѣдуетъ-ли ему или не слѣдуетъ принять дѣятельное участіе въ политикѣ.

Но чѣмъ сильнѣе становилось возбужденіе все возрастающей толпы его слушателей, тѣмъ менѣе рѣчи эти приносили практической пользы, требуемой даннымъ моментомъ, и монахъ какъ-бы насильственно и неопреодолимо превращался въ оратора политическаго. Онъ видѣлъ предъ собою народъ, мятущійся, удрученный, нуждающійся въ помощи и къ нему одному обращающій свой взоръ, полный довѣрія. Онъ видѣлъ тщетность науки, неспособность людей ученыхъ, скорбь многихъ, когда его здравый смыслъ, его сильная воля, его искренняя любовь къ добру весьма ясно указывали ему путь, по которому слѣдовало идти. Онъ какъ-бы выросъ духомъ: ему казалось, что у него хватитъ силъ примирить несогласныя стремленія и направить всѣхъ къ религіи и свободѣ. Онъ чувствовалъ себя способнымъ воодушевить собой, своей любовью, цѣлый народъ. «О, Флоренція, восклицалъ онъ тогда, я не могу выразить тебѣ всего, что чувствую... О, если-бы я могъ сказать тебѣ все, ты увидѣла-бы новый сосудъ, полный бродящаго вина, но закрытый, такъ-что оно не можетъ выйти вонъ».

Это говорилъ онъ 12 Декабря, въ третье воскресенье Рождественскаго Поста, и въ этотъ-же разъ началъ рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо, разсуждать о политикѣ. Онъ началъ съ разясненія теоріи, которая преобладала тогда въ школахъ, то есть, что владычество одного лица должно быть признано наилучшимъ, когда хорошъ правитель, и наихудшимъ, когда онъ плохъ: такое единоличное правительство сильнѣе всякаго другого и

является болѣе объединеннымъ какъ въ добрыхъ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и въ злыхъ, и представляетъ образъ власти Божіей въ природѣ, которая также ищетъ во всемъ единства. Таковъ былъ способъ выраженія школы и таково было начало проповѣди, которой Савонарола вступалъ на политическое поприще. Но, въ дальнѣйшемъ теченіи ея, здравый смыслъ его одержалъ верхъ надъ устарѣвшимъ формализмомъ. «Эти принципы, продолжалъ онъ, должны, однако, приспособляться къ характеру народа, къ которому хотятъ приложить ихъ. У народовъ сѣвера, у которыхъ много силъ, но мало даровитости, и у народовъ полудня, гдѣ, наоборотъ, мало силъ, но много даровитости, правленіе одного можетъ быть иной разъ наилучшимъ. Но въ Италіи и, особенно, во Флоренціи, гдѣ изобилуютъ и силы и дарованія, гдѣ умы утонченны и народъ безпокоенъ, правленіе одного непременно будетъ тиранническимъ. Единственное, что вамъ подходитъ, это—правленіе всѣхъ гражданъ. Горе тебѣ, Флоренція, если ты изберешь себѣ начальника, который сумѣетъ поставить себя выше прочихъ гражданъ и будетъ управлять ими! Отъ этихъ начальниковъ исходитъ все зло, какое раздираетъ городъ. Тиранъ есть имя человѣка дурной жизни, самаго негоднаго изъ всѣхъ, узурпатора правъ другихъ, человѣка, который губитъ и свою душу, и душу народа. Поэтому, первый законъ, какой вы должны издать, пусть будетъ слѣдующій: никто не можетъ никогда въ будущемъ стать единоличнымъ главою города. Въ противномъ случаѣ, все будетъ строиться на пескѣ. Тѣ люди, которые хотятъ возвышаться надъ другими и не умѣютъ сносить гражданскаго равенства, суть всегда самые дурные, гибель душъ и государствъ. О, народъ мой! Ты знаешь, что я никогда не хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣла государственный, вѣришь-ли ты, что я не сдѣлалъ-бы этого и теперь, если-бы это не было необходимо для спасенія душъ? Ты не хотѣлъ вѣрить, но теперь видишь, что всѣ мои слова оправдались, что они не мои, но исходятъ отъ Бога. Внимайте-же тому, кто не ищетъ ничего, кромѣ вашего спасенія. Очистите души ваши, приложите старанія къ устроенію общаго блага, забудьте частные интересы, и если съ этими чувствами

вы будете преобразовывать городъ, онъ будетъ славенъ, какъ никогда прежде. И ты, народъ флорентійскій, начнешь этимъ обновленіе всей Италіи, распрострешь крылья свои надъ всѣмъ міромъ, чтобы нести реформу во всѣ народы. Вспомни, Господь далъ ясныя доказательства того, что Онъ хочетъ все обновить и что ты есть народъ, избранный Имъ начать это великое дѣло. Ты долженъ слѣдовать повелѣніямъ того, Кто призываетъ тебя и приглашаетъ возвратиться къ жизни духовной. Открой, о, Господи, сердце этого народа, и пусть онъ пойметъ все, что есть во мнѣ и что Ты мнѣ открылъ и повелѣлъ».

«Ваша реформа должна начаться съ вещей духовныхъ, стоящихъ выше всего матеріальнаго, дающихъ послѣднему жизнь и управляющихъ имъ. Благо временное должно служить благу моральному и религіозному, отъ котораго оно зависитъ. И если вы слышали, что государства не управляются молитвами, вспомните, что это есть выраженіе тирановъ, недруговъ Божіихъ и общаго блага, правило для притѣсненія, а не для утѣшенія и свободы города. Напротивъ, если вы хотите добраго управленія, необходимо, чтобы вы возводили его къ Богу. Конечно, я и не вмѣшался-бы въ дѣла государственныхъ, если-бы это было не такъ, какъ я говорю».

«Итакъ, когда вы очистите души ваши, исправите намѣренія ваши, осудите игры, сластолюбіе и ругань, тогда примайтесь за составленіе правительства и сначала устройте его только въ общихъ чертахъ, чтобы потомъ разрабатывать уже въ подробностяхъ. Первый-же набросокъ его, модель и сущность должны состоять въ слѣдующемъ: всякая общественная должность вручается извѣстному лицу только съ согласія всего народа, которому принадлежитъ право избранія магистратовъ и утвержденія законовъ. Форма, которая была-бы наиболѣе пригодна этому городу, это—Великій Совѣтъ на подобіе венеціанскаго. Однако, я предлагаю вамъ собрать весь народъ подъ знамена 16 гонфалоньеровъ, и пусть каждая изъ группъ изберетъ одну изъ формъ правленія: изъ 16, такимъ образомъ полученныхъ, гонфалоньеры пусть потомъ отмѣтятъ 4 и представляютъ ихъ въ Синьорію, которая, совершивъ предварительно торжественное

моленіе, пусть назоветъ наилучшую. И ту, которую народъ выберетъ такимъ манеромъ, вы можете разсматривать за несомнѣнно указанную Богомъ. Я думаю, что въ результатѣ одержитъ верхъ форма венеціанская. Вы не должны стыдиться подражать ей, потому-что и венеціанцы имѣютъ ее отъ Господа, отъ Котораго исходитъ все доброе. Вы сами видите, что за время существованія этого управленія тамъ не возникало еще никакого раскола или разногласія по его поводу: поэтому, слѣдуетъ признать, что оно угодно самому Богу».

Послѣ этого Савонарола сказалъ еще нѣскольکو словъ о разныхъ, болѣе частныхъ, но тоже не терпящихъ отлагательства мѣрахъ. Одной изъ нихъ былъ пересмотръ налоговъ, которые, страшно несправедливо отягощая простой народъ, давали въ общемъ такъ мало, что, при всѣхъ жалобахъ на ихъ тяжесть, городъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Равнымъ образомъ, онъ предлагалъ, чтобы назначеніе на болѣе или менѣе важныя должности производилось общимъ голосованіемъ, на должности-же низшаго разряда—по жребію, чтобы, такимъ образомъ, всѣмъ давалась надежда на участіе въ управленіи. Въ заключеніе онъ рекомендовалъ общественныя молитвы, всеобщій миръ между гражданами стараго и новаго общественнаго строя.

Въ предшествовавшихъ проповѣдяхъ онъ дѣлалъ уже случайныя намеки на нѣкоторыя изъ этихъ идей, но 12 Декабря и затѣмъ послѣ онъ началъ развивать ихъ съ такимъ знаніемъ дѣла, что вызывалъ въ слушателяхъ всеобщее изумленіе. Наблюдая его жизнь и занятія, никто не думалъ, чтобы онъ могъ такъ тонко разбираться въ дѣлахъ государственныхъ. Его предложенія казались всѣмъ настолько здравыми и разумными, что сама Синьорія неоднократно присылала въ монастырь Св. Марка спрашивать его указаній, а равно приглашала его и въ Палаццо, гдѣ онъ не отказался произнести нѣсколько рѣчей.

Наконецъ, онъ собралъ однажды въ Соборѣ всѣ магистраты и народъ, за исключеніемъ женщинъ и дѣтей, и сказалъ проповѣдь, въ которой отстаивалъ въ особенности 4 пункта: 1) страхъ Божій и реформу нравовъ, 2) любовь къ народному управленію и общественному благу предпочтительно предъ вся-

кой частной пользой, 3) всеобщій миръ, по которому прощались всѣ вины друзьямъ прежняго правительства, прощались даже денежные штрафы и оказывалось снисхожденіе всѣмъ должникамъ государства, 4) форму «всеобщаго управленія», дающую право участія въ дѣлахъ всѣмъ гражданамъ, которымъ, по древнимъ законамъ, и принадлежить государство. Онъ рекомендовалъ форму Великаго Совѣта по примѣру Венеціи съ тѣмъ, чтобы она была приспособлена къ характеру флорентійскаго народа.

Эти предложенія, сдѣланныя съ церковной кафедры въ Санта Маріи дель Фіоре, монахомъ Савонаролою, когда всѣ пророчества его оправдались, когда въ душахъ всѣхъ царила неувѣренность, прозвучали съ необычайною авторитетностью и произвели огромное впечатлѣніе. Единогласное мнѣніе всѣхъ историковъ и наиболѣе компетентныхъ флорентійскихъ политиковъ сводится къ тому, что безъ этихъ проповѣдей въ Палаццо одержало-бы верхъ предложеніе Веспуччи, что повело-бы къ новымъ безпорядкамъ, къ новымъ переворотамъ. Но когда этотъ монахъ поднималъ свой голосъ въ защиту свободы, о противодѣйствіи ему не могло быть и рѣчи: народъ, который до сихъ поръ колебался и не зналъ, чего ему держаться, почувствовалъ теперь, что ему сразу все стало ясно. Онъ рѣшительно желалъ Великаго Совѣта на подобіе венеціанскаго и громкими криками требовалъ его установленія.

Божественный авторитетъ, который Савонарола примѣшивалъ къ политикѣ, имѣлъ очень большое значеніе во Флоренціи, гдѣ республика всегда стояла подъ спеціальнымъ покровительствомъ какого-нибудь святого и гдѣ религія и государство часто шли рука объ руку въ защитѣ свободы. Безъ сомнѣнія, нѣсколько странно было видѣть монаха, говорящаго о политикѣ съ церковной кафедры, но все это только увеличивало его вліяніе. Дѣйствительно, читая современныхъ историковъ, а также отзывы позднѣйшихъ ученыхъ, въ родѣ Джіаннотти, Гвиччіардини и Макиавелли относительно установленной тогда формы правленія, можно подуматъ, что во Флоренціи совершилось тогда какое-то чудо: монахъ, безъ всякой опытности въ мірскихъ дѣлахъ, при-

водитъ въ смущеніе мудрецовъ, спасаетъ отечество и основываетъ новую республику. А между тѣмъ, наоборотъ, этимъ лишь подтверждается та старая истина, что въ великихъ соціальныхъ опасностяхъ единственное спасеніе общества заключается въ той дѣйственной, въ той непосредственной силѣ, какая живетъ въ душахъ поистинѣ великихъ людей, то-есть, въ горячемъ и сильномъ стремленіи къ правдѣ, въ твердомъ и упорномъ желаніи добра. Этою силою въ высокой степени и обладалъ Савонарола. Она, можно сказать, составляла самую сущность его благороднаго характера. Въ моменты испытанія какая доктрина можетъ идти въ сравненіе съ такой мудростью? Какое благоразуміе можетъ похвалиться побѣдами надъ такою любовью?

А теперь, нужно-ли защищать этого монаха отъ обвиненія въ томъ, что онъ вмѣшался въ политику? Нужно-ли повторять, что онъ хотѣлъ свободы для большаго торжества религіи? Нужно-ли приводить на память примѣры и авторитетъ другихъ духовныхъ лицъ и монаховъ, поступавшихъ такъ-же? Повторимъ лучше, что Савонарола вмѣшался въ политику не по своей волѣ, а, какъ мы уже видѣли, былъ вовлеченъ въ нее неопреодолимымъ ходомъ вещей. Прибавимъ еще, что нѣтъ званія, нѣтъ обѣтовъ, нѣтъ такихъ законовъ, которые могли-бы устоять противъ законовъ природы, противъ клятвы, какую даетъ себѣ въ сердцѣ каждый честный человѣкъ—приносить добро подъ всякимъ видомъ, во всякое время и при всякихъ условіяхъ.

Но оставимъ въ сторонѣ всѣ эти бесполезныя разсужденія: первый шагъ былъ сдѣланъ, и послѣдствія его были неизбѣжны и многочисленны. Савонарола сразу сталъ во главѣ народа, и нужно было спѣшить съ образованіемъ новаго правленія, если не хотѣли, чтобы верхъ одержали многочисленные враги республики. Пьеро Медичи пробрался уже къ Неаполю во французскій лагерь, гдѣ очень хорошо былъ принятъ тѣмъ самымъ королемъ Карломъ, который столь недостойно носилъ званіе «покровителя флорентійской свободы». Тиранъ готовъ былъ вернуться во Флоренцію при первомъ-же удобномъ случаѣ. Нужно было, поэтому, всячески торопиться съ установленіемъ народнаго правительства, сдѣлать его единодушнымъ, сильнымъ, ува-

жаемымъ всѣми, если только не хотѣли стать жертвой новаго насилія. И мы увидимъ далѣе, съ какой мудростью, съ какой опытностью Савонарола продолжалъ предлагать основные законы новаго государства, какъ онъ заражалъ своимъ настроеніемъ весь народъ. Каждому казалось, что онъ и самъ проникнуть тѣми-же идеями, говорить тѣмъ-же языкомъ, что и Савонарола.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Устройство новаго правленія трудами Савонаролы. Великій Совѣтъ и Совѣтъ Восьмидесяти. Реорганизация налоговъ посредствомъ взиманія $\frac{1}{10}$ части доходовъ или поземельнаго налога. Разсужденія о законѣ всеобщаго мира и аппеляція на рѣшенія „шести бобовъ“, одобреніе соотвѣствующихъ законовъ. Возстановляется торговый судъ. Аккопіаторы слагаютъ свою власть, парламенты уничтожаются, учреждается Ломбардъ. Мнѣнія итальянскихъ политиковъ о реформахъ, введенныхъ Савонаролою.

(1494—1495).

Чтобы яснѣе представить себѣ все политическое значеніе Савонаролы, необходимо шагъ за шагомъ слѣдить за образованіемъ новаго правленія и въ то-же время читать произнесенныя имъ въ эти дни проповѣди. Мы увидимъ тогда, что каждому новому закону предшествуетъ одна или нѣсколько его проповѣдей, въ которыхъ онъ предлагаетъ, совѣтуетъ и объясняетъ этотъ законъ народу. Мы будемъ присутствовать на практикахъ Синьоріи въ Палаццо и услышимъ гражданъ, разсуждающихъ языкомъ Савонаролы, приводящихъ его доказательства его-же словами и при томъ такъ, что заставляютъ насъ думать, будто рѣчи ихъ суть повтореніе его проповѣдей, а законы, которые они обсуждаютъ, что-то въ родѣ его посланій. Тогда только мы въ правѣ будемъ сказать, что мы имѣемъ

предъ собою разительный примѣръ того, какъ одинъ человекъ можетъ стать душой цѣлаго народа. А когда, въ концѣ этого анализа, собравши всѣ законы вмѣстѣ и возстановивши систему предложеннаго имъ управленія, мы найдемъ все это достойнымъ удивленія въ отдѣльных частяхъ и гармоничнымъ въ цѣломъ, а равно выслушаемъ мнѣнія великихъ историковъ и политиковъ итальянскихъ, которые увѣряютъ насъ, что это устройство было лучшимъ, даже единственно хорошимъ, какое только имѣла Флоренція за всю свою продолжительную и бурную исторію,—тогда только мы и будемъ въ состояніи правильно судить о Савонаролѣ.

Онъ произносилъ проповѣди въ соборѣ въ то самое время, когда въ Палаццо происходила реформа установленій республики. Это были тѣ именно проповѣди, которыя онъ говорилъ въ Рождественскій Постъ, на пророка Аггея. Къ нимъ нужно присовокупить еще 8 проповѣдей на псалмы, которыя онъ сказалъ въ праздничные дни, слѣдовавшіе за постомъ. Главнѣйшее ихъ значеніе всецѣло политическое. Но онѣ никогда не теряютъ и своего религіознаго характера, потому-что для Савонаролы политическая реформа была лишь частью, да и то очень незначительною, реформы всеобщей. Новое правленіе, по его мысли, должно было быть лишь первымъ шагомъ къ обновленію церкви и нравственности. Поэтому-то онъ и не прекращалъ своихъ рѣчей о добрыхъ нравахъ и истинной религіозности: политика, напротивъ, давала ему постоянный поводъ возвращаться къ нимъ. По краснорѣчію эти проповѣди стоятъ не выше другихъ, но, несомнѣнно, онѣ суть самыя драгоцѣнныя изъ всѣхъ въ смыслѣ источника для исторіи того времени и для біографіи Савонаролы. Если по другимъ изъ нихъ мы знакомимся съ добротой его души или съ обширностью его богословской учености, то проповѣди, о которыхъ рѣчь идетъ въ настоящемъ случаѣ, обрисовываютъ предъ нами Савонаролу съ иной совершенно стороны его душевнаго склада и даютъ намъ ясное представленіе о всей мощи его характера. Въ нихъ мы находимъ полное изложеніе системы новаго правленія. Мы какъ-бы присутствуемъ при самомъ ходѣ его образованія, и на основаніи

даже только ихъ однихъ мы могли-бы возстановить почти всю исторію флорентійской республики тѣхъ дней.

Мы уже видѣли, какъ 12 Декабря Савонарола рѣшительно вступилъ на новый путь и какова, по его мысли, должна была быть форма правленія. 22 и 23 числа того-же мѣсяца мы присутствуемъ уже при обсужденіи закона чрезвычайной важности, всецѣло согласнаго съ идеями этого монаха и съ величайшимъ энтузіазмомъ вотированнаго въ Совѣтахъ Народа и Городского Управленія. Законъ этотъ, или, какъ говорили тогда, временная мѣра, полагалъ основаніе всему новому правленію, и мы должны, поэтому, обследовать его по возможности полнѣе. Онъ устанавливалъ Великій Совѣтъ и предоставлялъ ему право избранія всѣхъ главныхъ магистратовъ и утвержденія всѣхъ законовъ: другими словами, облакалъ его высшей властью въ государствѣ. Къ участию въ Великомъ Совѣтѣ приглашались всѣ, достигшіе 29-лѣтняго возраста, за которыми не числилось недоимокъ (*netti di specchio*). То были, такъ называемые, бенефициаты: по древнему закону это означало то, что лица эти или сами засѣдали, или имѣлись въ виду въ качествѣ кандидатовъ въ одномъ изъ главныхъ трехъ магистратовъ, или получали эту «бенефицию» отъ отца, дѣда или прадѣда. Здѣсь нѣтъ необходимости вдаваться въ изслѣдованіе происхожденія и цѣли этого древняго закона. Достаточно будетъ отмѣтить, что въ Великій Совѣтъ, вмѣсто всѣхъ гражданъ (какъ хотѣли понимать этотъ законъ лица, обвинявшія новое правительство въ излишней демократичности), были допущены только бенефициаты. Когда число ихъ переходило 1.500, новое постановленіе требовало раздѣленія ихъ на 3 части, при чемъ каждая изъ нихъ по очереди составляла Совѣтъ въ продолженіи 6 мѣсяцевъ. Первая перепись показала, что изъ всего населенія Флоренціи, доходившаго до 90.000 человекъ, только 3.200 были бенефициатами, имѣвшими узаконенный возрастъ,—слѣдовательно, Совѣтъ долженъ былъ втеченіи 18 мѣсяцевъ состоять изъ тысячи съ небольшимъ членовъ. Чтобы собраніе имѣло законную силу, требовалось присутствіе, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ всѣхъ избранныхъ. Кромѣ того, новый законъ уста-

навливалъ, «для того, чтобы поощрить юношей и побудить мужей къ добродѣтели», избирать каждые 3 года для участія въ Великомъ Совѣтѣ 60 гражданъ не бенефициатовъ и двадцать четыре человека 24 лѣтъ. Великій Совѣтъ, въ свою очередь, долженъ былъ, начиная съ 15 Января слѣдующаго года, избирать по восьмидесяти гражданъ 40 и болѣе лѣтъ, которые образовали-бы Совѣтъ Восьмидесяти, обновляемый каждые 6 мѣсяцевъ. На него была возложена обязанность постоянно помогать Синьоріи, которая должна была совѣтоваться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Вмѣстѣ съ коллегіями и магистратами онъ назначалъ пословъ и военныхъ комиссаровъ и рѣшалъ другія важныя дѣла, которыхъ нельзя было обсуждать публично.

Такимъ образомъ положено было основаніе новому правленію, въ которомъ Великій Совѣтъ и Совѣтъ Восьмидесяти представляли собой нѣчто въ родѣ Народнаго Собранія и Сената. Когда нужно было издать какой-нибудь законъ, Пропость, избираемый по очереди изъ членовъ Синьоріи, предлагалъ его этой послѣдней. Послѣ того, какъ законъ получалъ здѣсь одобреніе, его передавали на разсмотрѣніе въ коллегіи. Засимъ, собиралась обыкновенно Практика изъ опытныхъ гражданъ, если законъ былъ чрезвычайной важности, или, въ противномъ случаѣ, его прямо вносили въ Совѣтъ Восьмидесяти. Отсюда онъ переходилъ на разсмотрѣніе Великаго Совѣта, гдѣ и получалъ окончательную санкцію. Законы въ Совѣтахъ не обсуждались, а только вотиrowались, и никто не могъ говорить по ихъ поводу, если не былъ нарочито приглашаемъ къ тому Синьоріей, при чемъ говорить можно было только въ пользу предложенія. Наоборотъ, въ Практикѣ, когда Синьорія спрашивала мнѣніе присутствующихъ, граждане собирались для обсужденія вопроса по лавкамъ, на коихъ они сидѣли, или по магистратамъ, къ которымъ принадлежали, или по порядку, въ какомъ былъ вынутъ ихъ жребій. Обсудивши вмѣстѣ вопросъ, они, затѣмъ, для изложенія своихъ мнѣній выбирали одного, который и долженъ былъ резюмировать ихъ соображенія. Но если дѣло шло о новомъ законѣ, то говорить противъ него

не позволялось и здѣсь. Таковъ былъ еще древній обычай республики, которая, давъ сначала свободный доступъ въ Палаццо толпѣ, стремилась потомъ наложить на нее узду мѣрами, являвшимися недѣйствительными или даже вредными. Какъ-бы тамъ ни было, а временная мѣра, о которой идетъ рѣчь, гласитъ въ заключеніе слѣдующее: «такъ-какъ въ законахъ государства царитъ величайшій безпорядокъ, и ни въ самомъ городѣ, ни внѣ его, нѣтъ ни одного магистрата, который зналъ-бы въ точности свои права и обязанности,—постановляется: избрать необходимое число гражданъ, которые собрали-бы всѣ законы въ одинъ кодексъ». Пользу подобнаго постановленія могутъ оцѣнить лишь тѣ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ древними флорентійскими статутами и которые знаютъ, въ какомъ безпорядкѣ они находились и въ какое разстройство пришли подъ управленіемъ Медичи всѣ установленія и законы республики.

Вмѣстѣ съ закономъ о Великомъ Совѣтѣ, въ эти самые два дня изданъ былъ и другой законъ, требовавшій избранія десяти гражданъ для полного или частичнаго сложенія неуплаченныхъ податей и денежныхъ штрафовъ, а также, вообще, для преобразованія всѣхъ налоговъ, которые предположено было теперь взимать съ недвижимыхъ имуществъ, включая сюда и церковныя, если, однако, на это послѣдуетъ согласіе Рима.

Такимъ образомъ приведены были въ исполненіе предложенія Савонаролы съ буквальнымъ почти воспроизведеніемъ его словъ въ текстѣ законовъ. Новое правленіе было устроено. Аккошіаторы по необходимости вынуждены были отказаться отъ своихъ должностей, ставшихъ теперь ненужными. Два древнихъ Совѣта—народа и городской Общины—должны были немедленно быть распущены. Послѣдній, болѣе или менѣе важный, законъ, вотированный ими, былъ отъ 28 Декабря, коимъ отмѣнялась на нѣкоторое время пошлина на ввозимое въ городъ оружіе для того, чтобы каждому была предоставлена возможность легче запастись имъ. Синьорія, избранная на Январь и Февраль мѣсяцы 1495 года, первая стала представлять законы на утвержденіе Совѣта Восемидесяти и Великаго Совѣта, на кото-

рыхъ теперь лежала обязанность закончить формированіе и усовершенствованіе новаго правленія.

Первое, о чемъ нужно было теперь позаботиться, это была реформа налоговъ. Савонарола постоянно настаивалъ на этомъ вопросѣ въ своихъ проповѣдяхъ. «Обложите налогами только недвижимыя имущества, положите конецъ постояннымъ займамъ, уничтожьте произволъ»—вотъ что онъ совѣтовалъ магистратамъ. Народу-же онъ говорилъ: «Граждане, я желалъ-бы, чтобы вы твердо любили вашу коммуну и помогали-бы ей. Сынъ настолько обязанъ своему отцу, что никогда не можетъ совершенно расквитаться съ нимъ. Такъ и я вамъ говорю: коммунa есть вашъ отецъ, и потому всякій обязанъ помогать ей. А если ты скажешь: я не получаю отъ нея никакой пользы, то знай, что это не вѣрно, такъ-какъ она охраняетъ твое имущество, твое семейство, твоихъ дѣтей. Ты долженъ пойти туда и сказать: вотъ пятьдесятъ флориновъ, вотъ сто, тысяча—такъ дѣлаютъ добрые граждане, которые любятъ свое отечество». Словъ нѣтъ, беспорядокъ въ налогахъ былъ ужасный, но недовольство народа, вызванное сначала дѣйствительными причинами, съ теченіемъ времени стало уже переходить всякія границы, и многіе начали почти требовать, чтобы новое правительство освободило ихъ окончательно отъ всякихъ податей.

Въ старину, для флорентійской республики, чрезвычайно скромной въ своихъ издержкахъ, достаточно было доходовъ, поступавшихъ только отъ ея таможенъ. Но, потомъ, войны заставили ее прибѣгнуть къ займамъ. Первоначально займы эти дѣлались по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ. Съ теченіемъ времени ихъ стали производить все чаще и чаще, при чемъ они никогда сполна не выплачивались. Вслѣдствіе этого государственнѣй кредитъ упалъ до того, что никто уже не рѣшался рисковать своимъ имуществомъ: тогда изъ добровольныхъ займы пришлось сдѣлать принудительными. Въ случаѣ надобности, Синьорія стала облагать каждаго гражданина налогомъ по своему произволу, руководствуясь при этомъ только своими соображеніями объ его зажиточности. Естественно, что наиболѣе вліятельныя лица въ городѣ подъ всевозможными

предлогами уклонялись отъ подобныхъ поборовъ, и въ результатѣ оказалось, что всѣ главныя тяготы падали на простой народъ. Тогда со всѣхъ сторонъ начали раздаваться жалобы на такую несправедливость. Медици, желая снискать любовь народа и принизить партію аристократовъ, приказали произвести перепись недвижимыхъ имуществъ и сдѣлать оцѣнку ихъ, чтобы, въ случаѣ займа, можно было, соблюдая справедливость, обложить каждого, смотря по его достатку. Это мѣропріятіе вызвало сначала всеобщее сочувствіе и выразилось въ законѣ 1427 года. Но то, что было справедливо на словахъ, на дѣлѣ оказалось и несправедливымъ, и жестокимъ. Медици произвели оцѣнку и обложили налогами также измѣнчивыя и неподдающіяся точному учету имущества, вложенныя въ торговыя и промышленныя предпріятія—вещь во Флоренціи настолько новая и принятая съ такимъ неудовольствіемъ, что многіе единственно изъ-за этого прекратили свои торговыя дѣла. Кадастръ нанесъ, такимъ образомъ, послѣдній ударъ флорентійской промышленности. Но, принесъ столько вреда, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не устранилъ ни одного изъ существовавшихъ до сихъ поръ не порядковъ: займы продолжались, сумма ихъ варіировалась каждый разъ по произволу властей, а республика рѣдко бывала въ состояніи выплатить ихъ. Затѣмъ, оцѣнка имуществъ, вложенныхъ въ торговыя дѣла, основывалась на столь шаткихъ, неопредѣленныхъ данныхъ, что въ рукахъ Медици она являлась средствомъ для поощренія или притѣсненія кого угодно. Таково было положеніе вещей, когда 5 Февраля 1495 года въ Великій Совѣтъ внесенъ былъ на разсмотрѣніе новый законъ, реформировавшій налоги по идеямъ Савонаролы. Онъ былъ задуманъ съ такой мудростью, съ такимъ знаніемъ дѣла и основательностью, что дѣйствіе системы, которая была введена во времена Савонаролы и по совѣтамъ этого монаха, можно было наблюдать почти до нашихъ дней. Новый законъ устанавливалъ, въ первый разъ во Флоренціи и во всей Италіи, общій и опредѣленный налогъ на недвижимыя имущества: онъ полагалъ конецъ всякимъ займамъ и произволу и заставлялъ всѣхъ безъ различія гражданъ платить 10% съ доходовъ, доставляемыхъ недвижи-

мыми имуществами, безъ права требовать съ государства возврата этихъ денегъ. Этотъ налогъ назывался «Десятина». Для описи всѣхъ имуществъ и для сбора съ нихъ каждый годъ налоговъ въ одинаковомъ размѣрѣ тогда-же было основано новое присутственное мѣсто.

Послѣ того, какъ столь разумно и удачно проведенъ былъ этотъ важный законъ, за созданіе котораго Савонарола долженъ быть поставленъ на ряду съ наиболѣе выдающимися государственными преобразователями, слѣдовало немедленно рассмотреть и еще два закона не меньшаго значенія. Одинъ изъ нихъ касался умиротворенія гражданъ и всеобщей амнистіи: въ этомъ отношеніи, благодаря постояннымъ проповѣдямъ Савонаролы, казалось, не могло быть разногласія во мнѣніяхъ. Не то было съ другимъ, названнымъ «закономъ шести бобовъ», о которомъ мы считаемъ необходимымъ поговорить здѣсь подробно. Онъ подалъ поводъ къ долгимъ спорамъ въ «Практикѣ», а вскорѣ послужилъ и причиной многихъ значительныхъ безпорядковъ въ республикѣ, навлекши этимъ на память Савонаролы несправедливыя и тяжкія обвиненія.

Доселѣ, по дѣйствовавшимъ узаконеніямъ, преступленія противъ государства и преступленія уголовныя, когда, въ зависимости отъ ихъ важности, они не подлежали вѣдѣнію Синьоріи, должны были разсматриваться «Восемью Гвардіи и Баліи»: имъ давалось право «шестью бобами», то есть, шестью голосами подвергать гражданина ссылкѣ, изгнанію, подвергать его имущество конфискаціи и даже осуждать его на смерть. Благодаря постоянной смѣнѣ магистратовъ, благодаря тому, что лица, входившія въ составъ ихъ, не чужды были царившей во Флоренціи партійной ненависти, правосудіе ежедневно нарушалось самымъ безцеремоннымъ образомъ. Поэтому, всѣ сознавали необходимость установленія такой апелляціонной инстанціи, которая, введя въ извѣстныя границы чрезмѣрную власть «шести бобовъ», положила-бы предѣлъ злу, терзающему городъ. Таково-же было мнѣніе и Савонаролы.

Покончивъ во время Рождественскаго Поста свои проповѣди на пророка Аггея, онъ въ Январѣ и Февралѣ 1495 г.

произнесъ нѣсколько проповѣдей на псалмы, въ которыхъ постоянно рекомендовалъ всеобщій миръ и апелляцію на рѣшенія «шести бобовъ». Онъ почти ежедневно твердилъ: «Флоренція, умѣй прощать и старайся объ утвержденіи мира, перестань кричать: убійствъ, убійствъ, крови, крови!» «Нужно, продолжаетъ онъ, нѣсколько умѣрить эту власть шести бобовъ правомъ апелляціи къ Совѣту Восьмидесяти или Ста, избранному изъ членовъ Великаго Совѣта. Ты говоришь, что это уменьшаетъ авторитетъ Синьоріи, а я тебѣ говорю, что, напротивъ, увеличиваетъ. Или Синьорія хочетъ дѣлать зло, и тогда нельзя предоставлять ей такой возможности, или она хочетъ дѣлать добро, и тогда она найдетъ себѣ помощь въ Совѣтѣ честныхъ гражданъ». Въ другой разъ онъ съ настойчивостью совѣтуетъ преобразование судебныхъ порядковъ, возстаетъ противъ постоянного въ тѣ времена злоупотребленія пытками, требуетъ взаимнаго примиренія гражданъ и вновь заключаетъ свою рѣчь словами: «я тебѣ говорилъ о шести бобахъ, говорилъ, что нужно имѣть на нихъ палку, то есть Совѣтъ, къ которому можно было-бы апеллировать». Савонарола не переставалъ возвращаться къ тому-же предмету, указывая, что противодѣйствіе исходило отъ лицъ вліятельныхъ, которыя надѣялись, при помощи дружественной имъ Синьоріи, сдѣлаться хозяевами города и сразу-же избавиться отъ всѣхъ своихъ враговъ, какъ это удавалось имъ много разъ въ прошломъ. Таково было ихъ убѣжденіе. А для того, чтобы оно восторжествовало, они прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ и даже пригласили для проповѣди во Флоренцію нѣкоего Фра Доменико да Понцо, друга герцога миланскаго, и каждый день поднимали въ Санта-Кроче шумъ противъ Савонаролы, восклицая: «Свобода. Свобода!». Однако, всѣ ихъ усилія ни къ чему не привели. потому-что Синьорія вынуждена была предложить законопроектъ, который неоднократно разсматривался въ разныхъ совѣщаніяхъ, а затѣмъ, 15 марта 1495 г. былъ представленъ на одобреніе новой Практики, болѣе обыкновеннаго многочленной: на ея засѣданіе, въ виду чрезвычайной важности вопроса, были приглашены всѣ главнѣйшіе магистраты и наиболѣе уважаемые

граждане. Обычай требовалъ, чтобы законы представлялись на утвержденіе раньше, чѣмъ они дѣлались извѣстны публикѣ, но теперь всѣ уже знали о новомъ постановленіи, и, тѣмъ не менѣе, вниманіе всѣхъ было чрезвычайно напряжено, когда приступили къ чтенію текста временной мѣры.

Первая часть закона была совершенно согласна съ идеями Савонаролы. Казалось даже, будто онъ самъ писалъ ее. Она гласила приблизительно слѣдующее: «принимая во вниманіе, что въ благоустроенной республикѣ полезны единодушіе и согласіе, а также желая слѣдовать по стопамъ нашего Господа, Который во всѣхъ своихъ дѣлахъ, ходя-ли, проповѣдуя-ли, отдыхая-ли, всегда говорилъ: миръ,—затѣмъ, наблюдая то-же самое въ явленіяхъ природы, всегда направленныхъ, сообразно природѣ вещей, къ единству, почему и философъ сказалъ: сильна объединенная добродѣтель, и, наконецъ, получивъ предостереженіе сверхъестественными событіями, которыя мы испытали въ этомъ году при формированіи новаго правленія, а также милосердіемъ къ намъ Господа, Которому мы должны подражать,—Великолѣпные Члены Синьоріи и Гонфалоньеры опредѣляютъ, чтобы былъ установленъ всеобщій миръ, чтобы прощены были всѣ преступленія и были отмѣнены всѣ наказанія, которымъ подвергся кто-либо въ качествѣ приверженца прежняго правленія».

Переходя, затѣмъ, ко второй части, которая представляла собой совершенно другой законъ, они нѣсколько уклонились отъ совѣтовъ Савонаролы, формулируя ее такъ: «всякій правоспособный гражданинъ, который будетъ осужденъ за преступленіе противъ государства на смерть, или на какое-бы то ни было тѣлесное наказаніе, или на денежный штрафъ свыше 300 флориновъ, или будетъ оставленъ подъ подозрѣніемъ, или подвергнутъ изгнанію и такъ далѣе, можетъ втеченіе 8 дней апеллировать къ Великому Совѣту. Синьорія обязана въ этомъ случаѣ допустить всякаго желающаго говорить въ защиту обвиняемаго, и въ слѣдующіе 15 дней она должна вносить данный вопросъ до 6 разъ втеченіе двухъ дней въ указанный Совѣтъ и, получивъ $\frac{2}{3}$ голосовъ въ пользу обвиняемаго, оправдать его».

Пунктъ, въ которомъ изложенный законъ разнится отъ предложеній Савонаролы, весьма важенъ: вмѣсто того, чтобы установить право апелляціи, какъ предлагалъ тотъ, къ избранному Совѣту изъ немногихъ лицъ, умудренныхъ жизнью и опытныхъ въ законахъ, апелляція устанавливалась къ Великому Совѣту, гдѣ на рѣшеніе скорѣе могли повліять страсти, чѣмъ правосудіе, и гдѣ могла обнаружиться скорѣе неопытность большинства, чѣмъ благоразуміе немногихъ. Сначала высказывалось рѣшительное мнѣніе противъ какой-бы то ни было апелляціи, такъ-какъ многіе думали, что установленіемъ ея хотятъ сыграть въ руку Сѣрымъ. Противъ нея вооружились и знатные граждане, потому-что, по ихъ мнѣнію, апелляція умаляетъ значеніе Синьоріи. Но скоро они должны были измѣнить тактику, увидавши, съ какимъ жаромъ отстаиваютъ ее приверженцы народной партіи, воодушевляемые Савонаролой. Последніе утверждали, что Великій Совѣтъ является теперь единственнымъ господиномъ города и что, по закону, на усмотрѣніе его одного и должно быть все представляемо. Эти противоположныя мнѣнія въ Палаццо вызвали страстные споры. Народная партія, чувствуя себя болѣе сильной, дошла до крайности, когда стала требовать, чтобы при наличности особо важныхъ государственныхъ преступленій приговоръ произносила толпа. Но теперь, когда законъ былъ уже выработанъ и внесенъ на утвержденіе, было очень трудно измѣнить его въ чемъ-нибудь: разъ нельзя было говорить противъ него, приходилось или принять его или отвергнуть. Отвергнуть-же его нельзя было потому, что сторонники его нарочно объединили его съ закономъ о всеобщемъ мирѣ, необходимость котораго казалась всѣмъ очевидною, а также и потому, что во всякомъ случаѣ желательно было имѣть хоть какую-нибудь апелляцію на постановленіе шести бобовъ.

Изъ рѣчей, произнесенныхъ на Практикѣ, открывается, однако, что наиболѣе честные изъ гражданъ народной партіи во-время замѣтили опасность увлеченія и прилагали всѣ усилія, чтобы предотвратить ее. Они и успѣли-бы въ этомъ, если-бы противники новаго правленія не пустились на уловки и не при-

бѣгли почти къ дьявольской хитрости. Когда они увидѣли, что народъ, люди благоразумные и самъ Савонарола абсолютно желаютъ апелляціи на рѣшенія «шести бобовъ», они тотчасъ-же измѣнили тактику, понявъ, что для ихъ цѣлей этотъ именно новый законъ и можетъ сослужить прекрасную службу. Они предвидѣли, что, благодаря своей крайности, онъ при первомъ-же случаѣ вызоветъ крупныя безпорядки, чѣмъ только они и могли воспользоваться для перемѣны формы правленія и сосредоточенія власти въ рукахъ немногихъ. Поэтому, употребивъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать проведенію закона объ апелляціи къ избранному Совѣту немногихъ, умудренныхъ жизнью и честныхъ гражданъ, они единодушно и съ какимъ-то озлобленіемъ начали теперь ратовать за апелляцію къ Великому Совѣту. На этой Практикѣ творились совершенно удивительныя вещи: тогда-какъ народная партія держала себя умѣренно, а приверженцы Савонаролы осмѣливались даже высказывать неодобреніе закону, предлагаемому Синьоріей, аристократы, враги новаго правленія, приверженцы Медичи, распинались за него всей силой своего краснорѣчія. Въ связкѣ документовъ, касающихся этой Практики, намъ удалось найти записи произнесенныхъ въ ней рѣчей, вкратцѣ сдѣланныя нотаріусомъ Синьоріи. Благодаря этимъ документамъ, мы можемъ, такъ сказать, присутствовать при одномъ изъ главныхъ и наиболѣе оживленныхъ споровъ, имѣвшихъ мѣсто въ тѣ дни. Вопросъ былъ чрезвычайной важности: говорили тогда люди самыя авторитетныя и пускали въ ходъ все свое ораторское искусство. Ихъ рѣчи, показывая намъ, съ одной стороны, какимъ образомъ въ эти исключительныя моменты обсуждались и вотиrowались законы, въ то-же время выставляють въ новомъ освѣщеніи фактъ, до сихъ поръ мало извѣстный, и снимають съ Савонаролы самое тяжкое изъ обвиненій, какія только ввоздѣлились на него.

Итакъ, когда законъ былъ представленъ, и Синьорія спросила о немъ мнѣніе гражданъ, тѣ собрались по лавкамъ, каждая группа особо. Послѣ шумнаго обсужденія, первымъ началъ говорить мессеръ Доменико Бонси, другъ Савонаролы, одинъ изъ Аккопіаторовъ. Излагая мнѣніе своей лавки, онъ рекомен-

довалъ миръ, доказывая его пользу и необходимость многочисленными выдержками изъ Евангелія и посланій Св. Апостола Павла, вмѣстѣ съ цитатами изъ Аристотеля и Демосѳена. Перешедши, затѣмъ, къ разсужденію объ апелляціи, онъ сказалъ, что это установленіе, несомнѣнно, весьма полезное, но вмѣстѣ далъ понять, что между его товарищами относительно этого закона существуетъ большое разногласіе въ мнѣніяхъ. Здѣсь онъ, какъ-бы не осмѣливаясь идти далѣе и говорить противъ закона, предложеннаго Синьоріей, сразу прервалъ свою рѣчь. Слово перешло къ мессеру Франческо Гвальтеротти, который, превознесши до небесъ всеобщій миръ, сталъ говорить о необходимости апелляціи на слишкомъ уже большую власть «Восьми», о которыхъ только и слышно, что они подвергли изгнанію одного, конфисковали имущество другого. Однако, новый законъ казался ему настолько крайнимъ, что онъ предложилъ ввести его, какъ временную мѣру, а не какъ постоянную.

Когда споръ, такимъ образомъ, началъ разгораться, всталъ мессеръ Лука Корсини, одинъ изъ тѣхъ, которые во время возмущенія захлопнули на глазахъ у самого Пьеро Медичи дверь Палаццо. Это былъ человѣкъ большой авторитетности и большого краснорѣчія, одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ народной партіи. Живыми красками обрисовалъ онъ грустную картину своего времени. «Мы видимъ, говорилъ онъ, что вся Италія потрясена новыми и великими опасностями. Находясь въ центрѣ ея, мы, по необходимости, подвержены имъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе. Наше единодушіе и наша солидарность суть, поэтому, единственно дѣйствительныя средства, которыми мы можемъ заставить уважать насъ нашихъ сильныхъ сосѣдей, готовыхъ, при первыхъ-же нашихъ смутахъ, напасть на насъ. Кромѣ того, теперь всякому предоставлена возможность быть членомъ Совѣта. Поэтому, если мы не удовлетворимъ, хоть отчасти, приверженцевъ стараго правительства, они чрезъ посредство закона шести бобовъ или секретнымъ образомъ постараются повредить намъ. Если для васъ недостаточно и этихъ мотивовъ, воскликнулъ онъ громкимъ, звучнымъ голосомъ, васъ долженъ былъ-бы убѣдить въ томъ хотя-бы примѣръ, данный намъ

Господомъ. Который, взявши мечъ правосудія, не пожелалъ направить его на насъ, но милосердно простилъ насъ. Будемъ-же и мы милосерды и окажемъ всеобщее прощеніе. Если это представится кому-нибудь средствомъ необычнымъ, пусть вспомнить, что въ случаяхъ необычайныхъ надо идти мимо законовъ».

Когда онъ заговорилъ затѣмъ о «шести бобахъ», рѣчь его стала еще горячѣе. Онъ доказывалъ, что здѣсь абсолютно необходимо предпринять что-нибудь, и, увлекаясь все болѣе и болѣе демократическимъ духомъ, который часто не знаетъ границъ, сказалъ: «Тѣло республики едино. Оно представляетъ собою весь народъ, который, не имѣя возможности самъ всѣмъ управлять, избираетъ магистраты. Но если возникнутъ сомнѣнія, разногласія и безпорядки, какъ это мы видимъ ежедневно, вполнѣ справедливо будетъ вновь прибѣгнуть къ тому Великому Совѣту, который представляетъ собою народъ и отъ котораго магистраты получили свою власть. Авторитетъ Синьоріи нисколько не умалится, если будетъ установлена аппелляція къ тому самому народу, которому принадлежитъ вся республика. Если мы хорошенько всмотримся въ событія послѣднихъ временъ, то должны будемъ признать актомъ большой мудрости, когда кто пожелаетъ, чтобы эти законы получили утвержденіе».

Когда Корсини кончилъ свою горячую рѣчь, взоры всѣхъ обратились на доктора правъ мессера Гвидантонио Веспуччи, извѣстнаго своимъ ораторскимъ искусствомъ, своей опытностью и своимъ авторитетомъ среди партіи аристократовъ. Это былъ тотъ самый, который, какъ мы видѣли, въ прошломъ Декабрѣ приводилъ всѣ резоны, чтобы не допустить установленія новой формы народнаго правленія. Ученость его придавала его мнѣніямъ большой вѣсъ въ глазахъ всѣхъ. Онъ сознавалъ это, говорилъ серьезно и со всѣмъ присущимъ ему талантомъ. Прежде всего, онъ похвалилъ только-что произнесенныя рѣчи: «каждый изъ ораторовъ, говорилъ онъ, различными путями стремится къ одной и той-же цѣли—обезопасить свободу отъ всякихъ на нее покушеній. Мнѣ нравится также и то, что нѣкоторые открыто высказали мнѣніе, противное предложенію Синьоріи, потому-что

только такимъ способомъ можно добиться истины. Что касается до меня, продолжалъ онъ, прямо переходя къ вопросу о «шести бобахъ», то я убѣжденъ только въ одномъ—въ необходимости найти средство къ уравнию всѣхъ гражданъ, и если старый путь ведетъ насъ къ тому, нужно слѣдовать ему, если-же не ведетъ—нужно переимѣнить его. По правдѣ сказать, существующій законъ кажется мнѣ очень опаснымъ, и кто хорошенько вникнетъ въ него, увидитъ, что онъ и самъ по себѣ плохъ и плохо примѣняется къ дѣлу. Кромѣ того, совершенно несправедливо надѣлять членовъ Синьоріи властью, на которую нельзя даже и апеллировать. На рѣшенія короля Франціи апеллируютъ къ парижскому совѣту, на императора—къ папѣ и даже на рѣшенія Верховнаго Первосвященника найдется къ кому апеллировать. Поэтому, никто не долженъ сердиться, видя, какъ другіе исправляютъ его ошибки, въ которыя, по излишней поспѣшности или по недосмотру, онъ впалъ. И если правители государствъ, которые не связаны никакимъ закономъ, добровольно допускаютъ апелляцію на свои рѣшенія, то почему-же должны противиться этому магистраты, которые получаютъ всю свою власть отъ народа? Эта апелляція, слѣдовательно, лишь возстановляетъ народу его права и сдерживаетъ излишне властолюбивыхъ въ ихъ неумѣренныхъ стремленіяхъ. Мысль, что приговоръ долженъ будетъ получить одобреніе Великаго Совѣта, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ уздой для тѣхъ, кто судить. Поэтому, не будетъ ничего дурного въ томъ, если мы отнимемъ эту вредную власть шести бобовъ. Разсуждать относительно мира было-бы совсѣмъ бесполезно: всѣ граждане согласны съ тѣмъ, что, чѣмъ скорѣе онъ будетъ возстановленъ и чѣмъ онъ будетъ общѣе, тѣмъ лучше. Но, сказалъ Веспуччи, заканчивая свою рѣчь, самымъ лучшимъ миромъ будетъ уничтоженіе этой проклятой власти шести бобовъ, причины столькихъ неурядицъ».

Столь горячая защита со стороны мессера Веспуччи тѣхъ самыхъ правъ народа, которыя онъ въ прошломъ лишь Декабрѣ съ такимъ-же жаромъ отрицалъ, возбудила во всѣхъ величайшее удивленіе. Тѣмъ не менѣе, рѣчь его была рѣшающей, и новый

законъ былъ утвержденъ 18 Марта въ Совѣтѣ Восьмидесяти 80-ю голосами противъ 38, а 19-го въ Великомъ Совѣтѣ 543 противъ 163. Такова правдивая исторія этого вопроса, о которой всѣ біографы обыкновенно умалчиваютъ, совершенно несправедливо обвиняя Савонаролу за то, что онъ будто-бы провелъ столь крайній законъ. Въ дѣйствительности-же, проповѣди его показываютъ намъ, что онъ боролся за другое, гораздо болѣе умѣренное постановленіе, а изъ рѣчей ораторовъ явствуетъ, что приверженцы его нарушали даже древніе парламентскіе обычаи республики, только-бы оказать противодѣйствіе крайнимъ требованіямъ тайныхъ и явныхъ своихъ противниковъ, которые все-же на этотъ разъ вышли побѣдителями.

И въ самомъ дѣлѣ, этотъ законъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ первый шагъ и первый успѣхъ той партіи, которая стремилась къ уничтоженію республики, партіи, которую мы скоро увидимъ въ качествѣ неутомимой противницы Савонаролы, искавшей всѣхъ способовъ, чтобы погубить его. Для достиженія своихъ цѣлей она прибѣгла къ такимъ коварнымъ, къ такимъ тонкимъ средствамъ, какія теперешнимъ дипломатамъ и въ голову не придутъ. Правда, Савонарола, послѣ утвержденія закона, умолкъ, ибо рѣшительно бесполезно было сѣять раздоръ и недовольство между народомъ и Синьоріей. Можетъ быть даже, что ни онъ, ни многіе другіе и не предвидѣли тогда всѣхъ опасныхъ послѣдствій, какія должна была принести подобная крайне широкая формулировка закона, имѣя предложеннаго и совершенно справедливаго въ принципѣ. Но если и можно было бояться отъ новаго закона какихъ-нибудь бѣдъ въ будущемъ, то самая большая бѣда все-же была на лицо и всѣмъ очевидна: въ то время, какъ народъ хлопоталъ о мирѣ и всеобщемъ прощеніи, враги новаго правленія собирались въ одну сильную партію, поставившую своей цѣлью ниспроверженіе той самой республики, которая обходилась съ ними столь благородно. Несомнѣнно, въ тѣ дни страсти особенно разгорѣлись, и эта неблагодарность и двоедушіе должны были сильно раздражать искренняго и прямого въ своихъ дѣйствіяхъ Савонаролу. Хотя онъ и хранилъ въ то время самое глубокое мол-

чаніе, но въ проповѣдяхъ, сказанныхъ имъ вскорѣ послѣ того, проскальзываетъ такое раздраженіе и такая суровость тона, какихъ ранѣе никогда у него не замѣчалось. Еще разъ оправдалась древняя пословица: одна ложка дегтя портитъ цѣлую бочку меда!

Какъ-бы тамъ ни было, начавъ изданіемъ закона о «шести бобахъ» насаждать правосудіе, теперь уже продолжали работу въ томъ-же духѣ, тѣмъ болѣе, что Савонарола во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ особенно рекомендовалъ эту часть общественнаго управленія. И, въ самомъ дѣлѣ, въ правосудіи, какъ и во всемъ остальномъ, царилъ тогда величайшій безпорядокъ, а путаница во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ магистратовъ, равно и въ самыхъ законахъ, была прямо неопишима. Виновникомъ-же всего этого былъ Лоренцо Великолѣпный, который, чтобы безконтрольнѣе распоряжаться имуществомъ и жизнью гражданъ, такъ перемѣшалъ здѣсь старое съ новымъ, что ни въ чемъ невозможно было добиться почти никакого толку. Въ старину главными судьями по гражданскимъ и уголовнымъ преступленіямъ были два иностранныхъ магистрата, Подеста и капитанъ народа, вѣдавшіе наиболѣе важныя тяжбы. Къ нимъ апеллировали на гражданскія рѣшенія низшихъ судей, имѣвшихъ свои присутственныя мѣста въ разныхъ кварталахъ города. Около 1477 года значеніе Подесты стало падать, а должность капитана народа и совѣтъ была упразднена. Зато чрезвычайно возросло значеніе Синьоріи и «Совѣта Восьми», къ которымъ перешла большая часть ихъ власти. Въ это-же самое время началъ весьма замѣтно падать и Судъ Коммерческій, или, какъ тогда называли его, «Торговая Палата», которая помѣщалась рядомъ съ Палаццо Пріоровъ и играла большую роль въ республикѣ, представляя собою какъ-бы главный центръ жизни флорентійскихъ цеховъ. Такъ-какъ никто не заботился объ упорядоченіи дѣлъ, то не было извѣстно въ точности, въ какой-же изъ магистратовъ слѣдуетъ обращаться въ случаѣ нужды, а потому правосудіе, въ сущности, отправлялось совѣтъ плохо. Въ виду этого, Савонарола настаивалъ на коренной реформѣ: онъ желалъ, чтобы былъ установленъ трибуналъ городскихъ судей («Ruota»), разумныхъ, зажиточныхъ и, во избѣжаніе подку-

повъ, хорошо оплачиваемыхъ. «Но если для этого, говорилъ онъ, потребуются теперь слишкомъ большія денежные средства, найдите, по крайней мѣрѣ, сейчасъ-же хорошаго и способнаго судью для разсмотрѣнія апелляцій, реорганизуите торговый судъ и изберите для него судью чужестранца, какъ того требуютъ древніе законы». Что касается трибунала городскихъ судей, то его, какъ учрежденіе совершенно новое для Флоренціи, ввели лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Къ возстановленію-же суда коммерческаго во всемъ его прежнемъ значеніи приступили немедленно.

20 и 21 мая 1495 года въ обоихъ Совѣтахъ прошелъ новый законъ, смыслъ котораго былъ таковъ: «принимая во вниманіе, что нѣтъ ничего важнѣе правосудія, видя, какъ низко пала репутація торговаго суда, вслѣдствіе путаницы въ законахъ, изданныхъ вслѣдъ за его древними статутами, великолѣпные Члены Синьоріи и Гонфалоньеры, желая найти средство къ исправленію этого недостатка чрезъ подражаніе древнимъ хорошо обдуманнѣмъ законамъ и желая возстановить этотъ судъ въ его прежней доброй репутаціи, постановили и рѣшили:

«Члены Торговаго Суда должны избрать изъ среды своей 38 благоразумныхъ гражданъ не моложе 35 лѣтъ, которые будутъ подвергнуты баллотировкѣ въ Великомъ Совѣтѣ, и 13 изъ нихъ, которые будутъ имѣть наибольшее количество голосовъ, будутъ «Хранителями и Обновителями Статута Торговой Палаты и Суда и Общества торговцевъ» съ тою-же властью, какую имѣли они по статуту 1477 года: то есть, со властью отмѣнять, пополнять и вновь пересматривать весь статутъ, который, послѣ утвержденія его Синьоріей и ея коллегіями, войдетъ въ полную силу». Такимъ образомъ, возродилась древняя знаменитая Торговая Палата, и былъ составленъ во Флоренціи тотъ новый торговый кодексъ, который купцы называли Статутомъ 96-го года. Являясь новымъ доказательствомъ возродившейся гражданской мудрости флорентійцевъ, онъ въ то-же время принесъ огромную пользу народу, правосудію и цехамъ.

Въ то время, какъ управленіе республикой, такимъ образомъ, упорядочивалось, Аккопіаторамъ предстояло сложить съ

себя власть, которая была теперь или совершенно бесполезна, или входила только въ столкновеніе съ властью новыхъ магистратовъ. Савонарола приложилъ немало стараній, чтобы уладить это непріятное дѣло, и мессеръ Доменико Бонси, его другъ, первымъ добровольно отказался отъ своей должности. Всѣ прочіе также выказали готовность послѣдовать его примѣру, такъ-что 8 и 10 іюня уже было одобрено постановленіе, которое давало имъ «право отказаться въ пользу Великаго Совѣта отъ всего своего авторитета и власти, коими ихъ облекъ Парламентъ». Тотъ-же законъ устанавливалъ и новый способъ и новыя формальности, какія впредь должны были соблюдаться при избраніи членовъ Синьоріи.

Когда была отмѣнена, и, къ счастію, безъ всякихъ безпорядковъ, власть Аккопіаторовъ, оставалось провести еще чрезвычайно важный законъ: нужно было уничтожить Парламенты, причину всѣхъ безпорядковъ во Флоренціи, всѣхъ перемѣнъ, всѣхъ тиранническихъ правленій. Теперь, когда Великій Совѣтъ могъ дѣлать, что хотѣлъ, существованіе Парламентовъ потеряло всякій смыслъ: въ собраніи ихъ могла быть развѣ только одна цѣль—уничтоженіе республики. И, несомнѣнно, если-бы Пьеро Медичи, про котораго было извѣстно, что онъ не безъ успѣха добивается поддержки у французовъ и у разныхъ итальянскихъ правителей, удалось вернуться во Флоренцію, то у него не было-бы иного средства для снисканія благорасположенія простого народа, какъ именно эти Парламенты. И если-бы его друзья, которыхъ, къ сожалѣнію, какъ это было всѣмъ ясно, было много и которые были еще сильны, задумали сдѣлать въ городѣ что-нибудь въ его пользу, то и они могли-бы разсчитывать только на тѣ-же Парламенты, всегда бывшіе самымъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ тиранніи и наиболѣе удобнымъ средствомъ для перемѣны формы правленія.

У флорентійскихъ историковъ и политическихъ писателей мы часто находимъ пространныя разсужденія, разъясняющія намъ всѣ опасности, какія проистекали отъ этихъ народныхъ собраній, и тѣ несообразности, какія часто получали на нихъ одобреніе. Но въ тѣ дни, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, вопросъ

казался особенно животрепещущимъ. Что Медичи издалека строили козни, это было всѣмъ извѣстно, но, при обсужденіи закона о «шести бобахъ», открылось, что въ нѣдрахъ самой республики гнѣдятся враги свободы. Всѣ были этимъ страшно раздражены, и самъ Савонарола позволялъ себѣ говорить съ церковной каведры необычнымъ для него языкомъ, который, конечно, рѣшительно не приличествовалъ проповѣднику мира. «Я раздумывалъ объ этомъ твоёмъ Парламентѣ, и онъ мнѣ кажется лишь средствомъ къ разрушенію всего государственнаго порядка: необходимо, поэтому, отмѣнить его окончательно. Подойди сюда поближе, народъ. Развѣ ты теперь не господинъ? Да. Тогда будь насторожѣ и не собирай Парламента, если не хочешь потерять своей власти. Знай, что слово Парламентъ означаетъ желаніе взять управленіе изъ рукъ народа. Запомните это сами и научите тому-же дѣтей вашихъ. Народъ, когда ты услышишь звонъ колокола, зовущаго тебя на Парламентъ, поднимись, извлеки мечъ свой и скажи: чего тебѣ нужно? Развѣ не можетъ сдѣлать того-же Совѣтъ? Какой законъ ты хочешь провести? Развѣ Совѣтъ не въ состояніи создать его? Поэтому, я желалъ-бы, чтобы издано было такое постановленіе, по которому Синьорія, при своемъ вступленіи во власть, приносила-бы присягу въ томъ, что она не будетъ созывать Парламента. Если-же, всетаки, кто-нибудь задумалъ-бы собрать его, то тому, кто откроетъ заговоръ, пусть дадутъ вознагражденіе: члену Синьоріи 30.000 дукатовъ, другому—1.000. Если желающимъ собрать Парламентъ будетъ членъ Синьоріи, пусть отсѣкутъ ему голову, если кто-нибудь другой, пусть на него смотрятъ, какъ на бунтовщика, и пусть конфискуется у него все имѣніе. И пусть всѣ Гонфалоньеры клянутся, что они, какъ только услышатъ звонъ набатнаго колокола, собирающаго народъ на Парламентъ, прежде всего устремятся грабить дома членовъ Синьоріи. Четвертая часть всего награбленнаго имущества идетъ Гонфалоньеру, остальное дѣлится между его помощниками. Точно также, когда члены Синьоріи захотятъ созвать Парламентъ и сойдутъ для этого на площадку предъ Палаццо, уже тѣмъ самымъ пусть они пере-

стають считаться членами Синьоріи, и можно изрубить ихъ на куски безъ всякаго грѣха». Такой тонъ рѣчи слѣдуетъ объяснить лишь временнымъ его возбужденіемъ, хотя мы могли-бы сказать, что смертная казнь, конфискація и разграбленіе имущества были обычными наказаніями для политическихъ преступниковъ той эпохи. Но ни это обстоятельство, ни то, что Медичи и ихъ приверженцы начали уже подкапываться подъ республику и даже, болѣе того, какъ мы сейчасъ увидимъ, подступали уже къ стѣнамъ города, не можетъ извинить Савонаролу въ такомъ его увлеченіи.

Какъ-бы то ни было, 28 іюля 1495 года была произнесена эта проповѣдь, а 13 Августа былъ уже одобренъ законъ, который гласилъ: «Такъ-какъ реформа настоящаго государственнаго строя имѣетъ цѣлью обезпечить свободу флорентійскаго народа, такъ-какъ желательно навсегда сохранить это правленіе, чтобы не только мы, но и дѣти наши пользовались святой свободой, и чтобы никто не осмѣливался въ своей гордынѣ сдѣлаться тираномъ и подчинить себѣ гражданъ, а также зная, что самый легкій путь къ уничтоженію нашей свободы и новаго хорошаго государственнаго строя есть Парламентъ, и принимая, наконецъ, во вниманіе, что не можетъ быть никакого случая. по поводу котораго представилась-бы нужда собирать Парламентъ послѣ того, какъ вся власть перешла въ руки народа, настоящаго и законнаго господина города, который можетъ издавать всякіе новые законы, не прибѣгая къ созыву всего городского населенія и т. д.,—Великолѣпные Члены Синьоріи и Гонфалоньеры постановляютъ и приказываютъ: на будущее время Парламентъ не долженъ быть собираемъ. Синьорія впредь должна приносить присягу, что она не будетъ созывать его, а кто отважится на это, будетъ подвергнутъ смерти, открывшему-же заговоръ будетъ дано 3.000 флориновъ».

Когда улегся первый порывъ гнѣва. Савонарола овладѣлъ собой и вновь началъ свое дѣло умпротворенія. предавшись теперь всецѣло заботамъ объ учрежденіи Ломбарда. «Рекомендую вашему вниманію этотъ Ломбардъ. Пусть всякій поможетъ ему: въ особенности женщины пусть жертвуютъ въ его пользу

все, что имѣется у нихъ лишняго. Всякій пусть сдѣлаетъ приношеніе, да пусть даютъ не мелкими монетами, а дукатами». Онъ очень часто обращалъ вниманіе своихъ слушателей на пользу этого учрежденія и поручалъ бѣдныхъ милосердію женщинъ, людей богатыхъ и всѣхъ, вообще, гражданъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, нельзя было представить себѣ ничего болѣе полезнаго для облегченія тяжелаго положенія бѣднаго класса народа, какъ учрежденіе Ломбарда. Во Флоренціи были тогда евреи, которые давали деньги въ ссуду изъ 32¹/₂% со сложными процентами, такъ-что взятые у нихъ 100 флориновъ вырастали чрезъ 50 лѣтъ въ 49.792.556 флориновъ съ лишнимъ. Все это возбуждало къ нимъ страшную ненависть въ народѣ, и послѣдній уже нѣсколько разъ пытался какъ-нибудь помочь своему горю. Францисканецъ Фра Варнава да Терни указывалъ передъ тѣмъ съ церковной кафедры всю пользу учрежденія Ломбарда. Въ Перуджіи фра Микеле да Каркано, тоже францисканецъ, основалъ его въ 1462 году. Затѣмъ Фра Бернардино да Фельтре посвятилъ себя распространенію этой идеи по всей Италіи и во времена Лоренцо Великолѣпнаго приходилъ для этого во Флоренцію. 26 марта 1473 года было заготовлено здѣсь даже и постановленіе объ его учрежденіи, но одному еврею удалось, какъ говорятъ, за 100.000 флориновъ подкупить магистраты и самого Лоренцо: такъ все дѣло и кончилось ничѣмъ. Во времена Пьеро Медичи монахи-минориты вновь стали возбуждать простой народъ противъ евреевъ, хотя болѣе благоразумные граждане и не одобряли этого. Фра Бернардино также началъ тогда свою пропаганду, которая вызвала массу безпорядковъ, за что онъ и былъ, наконецъ, высланъ изъ Флоренціи.

Савонарола обыкновенно воздерживался отъ вмѣшательства въ бесполезные споры и никогда у него не срывалось съ языка ни одного слова противъ евреевъ. Спрошенный по этому поводу жителями Лукки, онъ еще съ мая 1493 года постоянно рекомендовалъ терпимость: не гнать ихъ хотѣлъ онъ, а обратить въ христіанство. Когда народъ возвратилъ себѣ свободу, онъ тоже сталъ проповѣдывать идею учрежденія Ломбарда, и только ему одному и удалось основать его во Фло-

ренціи. 28 декабря 1495 года былъ проведенъ законъ, который начинался такъ: «Блаженъ тотъ, кто заботится о бѣдномъ и нуждающемся: въ день гнѣва онъ будетъ помилованъ Господомъ». Далѣе, высказывается возмущеніе противъ «зловредной бездны и гнуснѣйшаго червя ростовщичества, отъ котораго Флоренція страдаетъ вотъ уже 60 лѣтъ, благодаря этой вѣроломной и богомерзкой еврейской сектѣ». Наконецъ, приказывается избрать восемь гражданъ, которые безплатно выработали-бы уставъ Ломбарда. Послѣ этого всѣ контракты съ ростовщиками евреями должны были считаться потерявшими силу, и имъ давался годъ сроку, чтобы они могли выѣхать изъ Флоренціи. 15 апрѣля 1496 года статутъ былъ готовъ, а 21-го и утвержденъ Великимъ Совѣтомъ. Въ немъ все было рассчитано на то, чтобы предоставить преимущества простому народу. Расходы на администрацію не должны были превышать 600 флориновъ въ годъ. Проценты, какіе платилъ закладчикъ, колебались между 5—7¹/₂%: однако, онъ долженъ былъ поклясться, что пришелъ въ Ломбардъ занимать деньги не для игры. Въ своемъ стараніи объ учрежденіи этого Ломбарда Савонарола такъ благоволилъ народу, что сначала даже предполагалъ уплачивать содержаніе чиновникамъ изъ суммъ коммуны, а ссуды выдавать безъ процентовъ. Это оказалось невозможнымъ, но все-же новый уставъ Ломбарда принесъ большое облегченіе нуждающимся. Для этого не было никакой необходимости преслѣдовать евреевъ и изгонять ихъ изъ Флоренціи, на чемъ одно время настаивали монахи-минориты. Савонарола и его послѣдователи хоть и были нѣсколько экзальтированы, но нетерпимыми не были никогда.

Таковы были законы, которыми флорентійскій народъ старался оградить свою свободу отъ какихъ-либо покушеній на нее со стороны и насадить у себя новую форму правленія. Въ книгахъ постановленій, получившихъ одобреніе за это время, можно было-бы указать и еще множество такихъ-же законовъ, и если мы не говоримъ здѣсь о нихъ, то только потому, что они не имѣютъ общаго значенія. Между ними, впрочемъ, мы должны отмѣтить здѣсь одинъ, одобренный въ іюнѣ 1495 г. Имъ

Великолѣпные Члены Синьоріи и Гонфалоньеръ, «принимая во вниманіе, что мессеръ Данте Алигieri, правнукъ поэта Данте, не можетъ возвратиться въ городъ, ибо не заплатилъ налога, который слѣдуетъ взыскать съ него по опредѣленію Синьоріи прошлаго Ноября и Декабря, и считая дѣломъ добрымъ выказать какую-нибудь признательность къ памяти поэта, бывшаго украшеніемъ Флоренціи, опредѣляютъ: указанный мессеръ Данте долженъ считаться свободнымъ отъ всякаго изгнанія, ссылки и т. д.» Это было запоздалое прощеніе великаго гибеллина, слишкомъ небольшое признаніе заслугъ божественнаго поэта, и, однако, оно дѣлаетъ большую честь республикѣ, которая съ самаго начала уже подумала объ этомъ.

Такимъ образомъ, втеченіе одного года была обезпечена свобода народа, позволено было ему носить оружіе, введенъ порядокъ въ систему податей, уничтожено ростовщичество посредствомъ учрежденія Ломбарда, пересмотрѣно судопроизводство, провозглашенъ всеобщій миръ, отмѣнены навсегда Парламенты, образованъ тотъ Великій Совѣтъ, которому флорентійскій народъ навѣки остался преданнымъ съ такимъ постоянствомъ, какого онъ не выказывалъ по отношенію къ прочимъ своимъ политическимъ установленіямъ. Тогда-же была поставлена передъ Палаццо и статуя Юдифи, убивающей Олоферна, твореніе безсмертнаго Донателло. А для того, чтобы съ этого виднаго мѣста она символизировала въ глазахъ народа торжество свободы надъ тиранніей, подъ ней сдѣлали надпись, которая гласитъ: *Exemplum salutis publicae cives posuere.* МССССХСV.

Все это было совершено въ очень короткое время, безъ всякихъ насилій, безъ пролитія капли крови, безъ пререканій гражданъ между собой,—и это во Флоренціи, городѣ, кипѣвшемъ всевозможными смутами! И, удивительная вещь, все это было устроено однимъ человѣкомъ, простымъ монахомъ, который своими рѣчами съ церковной кафедры постоянно старался направить каждое предпріятіе къ доброму концу: единственный въ исторіи примѣръ силы человѣческаго слова и человѣческой воли. Савонарола не показывался на площадяхъ, не засѣдалъ въ Палаццо, а, между

тѣмъ, онъ сумѣлъ сдѣлаться душой цѣлаго народа, главнымъ виновникомъ всѣхъ законовъ, на которыхъ покоилось устройство новаго правленія. Послѣ революціи 1494 года мы въ каждомъ словѣ новоиздаваемыхъ постановленій замѣчаемъ ясный отпечатокъ вліянія демократическаго монаха.

Они пишутся на итальянскомъ языкѣ вмѣсто прежняго латинскаго, имѣютъ новую форму, новый стиль, новый духъ. Въ нихъ слышится какъ-бы самый голосъ Савонаролы, и часто они являются ничѣмъ инымъ, какъ буквальной выдержкой изъ его проповѣдей, въ которыхъ онъ рекомендовалъ ихъ. Въ Совѣтахъ мы слышимъ гражданъ, поддерживающихъ тѣ-же идеи, какія высказывалъ онъ, говорящихъ его языкомъ. Но что мы скажемъ, когда, достигнувъ конца 1495 г. и бросивъ взглядъ назадъ, найдемъ, что Флоренція никогда прежде не была столь умѣренна, столь благоразумна, какъ теперь, что форма правленія, только-что установленная, есть лучшая, единственно устойчивая, какую только за столь длинный періодъ своей бурной жизни она сумѣла выработать для себя? Что скажемъ, когда увидимъ, что наиболѣе авторитетные флорентійскіе политики изучаютъ ее и не находятъ словъ, чтобы достаточно восхвалить ее?

Макиавелли, Гвиччардини, Джіаннотти, писавшіе свои труды въ то время, когда свобода во Флоренціи была уже вновь утрачена, когда всѣ надежды патріотовъ угасли, тщательно изучали исторію Рима, Флоренціи и Италіи, чтобы подыскать въ ней ту форму правленія, которая наиболѣе отвѣчала-бы нуждамъ города, на случай, если-бы счастье вновь ему улыбнулось. И всѣ они постоянно приходили къ заключенію, что нельзя и найти ничего лучшаго, какъ тотъ-же Великій Совѣтъ и та-же форма правленія 1494 года, которую они предлагали только нѣсколько видоизмѣнить, примѣнительно къ требованіямъ времени. И, поистинѣ, изумительно, что и въ самыхъ предлагаемыхъ ими измѣненіяхъ эти величайшіе умы не расходились съ идеями Савонаролы. Они желали пожизненнаго Гонфалоньера, и Савонарола очень часто настаивалъ на томъ-же. Они желали новаго суда для уголовныхъ преступленій, и онъ проповѣды-

валъ его въ своихъ рѣчахъ. Они предлагали свободное обсужденіе вопросовъ въ Совѣтахъ, и онъ настойчиво рекомендовалъ то-же самое.

Многіе, правда, усиленно стараются доказать, что мысль объ учрежденіи Великаго Совѣта принадлежала не Савонаролѣ, ибо идею о немъ Содерини принесъ изъ Венеціи, что не онъ додумался до необходимости учрежденія Ломбарда, такъ-какъ другіе раньше его рекомендовали этотъ институтъ, и такъ далѣе. Но все это тщетный трудъ. Савонарола не изобрѣлъ ни одного учрежденія, введеннаго по его настоянію во Флоренціи, и въ этомъ его главнѣйшая заслуга. Учрежденія не творятся и не выдумываются, но порождаются обстоятельствами и должны быть результатомъ времени и условій, въ которыхъ живетъ народъ. Онъ сумѣлъ, можно сказать, разыскать ихъ и признать годными, имѣлъ силу убѣдить другихъ въ ихъ необходимости и заставить осуществить ихъ: это самая высшая похвала, какой только можно увѣнчать его политическій талантъ. Повторяемъ: Савонарола видѣлъ вещи лучше другихъ, потому-что разсматривалъ ихъ съ точки зрѣнія простого здравого смысла и руководился при этомъ глубокой любовью къ добру. Умъ его былъ свободенъ отъ предвзятыхъ идей, а душа не была ослѣплена партійностью. Поэтому-то онъ и долженъ стоять рядомъ съ другими великими государственными дѣятелями.

И если для того, чтобы убѣдить кого-либо въ истинности этихъ сужденій, недостаточно очевидности историческихъ данныхъ, недостаточно самыхъ законовъ, приведенныхъ нами почти буквально, недостаточно авторитета наиболѣе видныхъ итальянскихъ политическихъ писателей, то мы рѣшительно тогда не знаемъ, къ какимъ-же доказательствамъ слѣдуетъ еще обратиться. Въ настоящее время, къ сожалѣнію, большинство хочетъ судить о Савонаролѣ, главнымъ образомъ, по тѣмъ его странностямъ, какимъ онъ былъ подверженъ, по тѣмъ видѣніямъ, о которыхъ онъ говорилъ. Но на это мы скажемъ, прежде всего, что, вступивъ въ этомъ (1494) году на политическое поприще, онъ сумѣлъ весьма сильно сократить ихъ, а если потомъ очень часто вмѣшивалъ ихъ въ свои религіоз-

ныя, научныя и даже политическія рѣчи, то это было заблужденіемъ, которое онъ раздѣлялъ со многими замѣчательными людьми своего времени. У послѣднихъ никто никогда не думалъ отрицать великаго таланта въ наукахъ, въ литературѣ и дѣяніяхъ политическихъ изъ-за присущихъ имъ странностей. И что-же? Можемъ мы отрицать у Савонаролы его политическое величіе, можемъ мы представлять его въ смѣшномъ видѣ, когда передъ нами цѣлый народъ, только и жившій, казалось, той жизнью, какую онъ сумѣлъ вдохнуть въ него, когда мы убѣдились въ томъ, что созданное имъ правленіе составляетъ предметъ удивленія для всѣхъ древнихъ и новыхъ писателей? Если нѣкоторыя странности его характера набрасываютъ на него тѣнь и мѣшаютъ сложиться ясному и точному сужденію о немъ, то пусть читатель послѣдуетъ за нами далѣе въ этомъ разсказѣ, потому-что, когда мы точнѣе и внимательнѣе обслѣдуемъ видѣнія и пророчества Савонаролы, они представятся намъ въ иномъ освѣщеніи, не согласномъ съ тѣмъ, что говорятъ намъ о нихъ другіе біографы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пророчества Савонаролы и его труды пророческаго характера.

Если-бы кто нибудь, прочитавши предыдущую главу, захотѣлъ представить себѣ душевное состояніе Савонаролы, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, оказался-бы весьма далекимъ отъ истины. Всякій подумалъ-бы, что онъ, если не гордился, то, безъ сомнѣнія, былъ очень доволенъ тѣмъ выдающимся успѣхомъ, какой имѣлъ, и тѣмъ добромъ, какое принесть своему народу. А между тѣмъ, совсѣмъ напротивъ: достаточно прочесть его проповѣди, произнесенныя имъ за эти дни, чтобы видѣть, какая глубокая скорбь наполняла его душу. Въ то время, когда съ церковной кафедры онъ управлялъ цѣлымъ народомъ, покорнымъ каждому мановенію его руки,

въ то время, когда весь городъ повиновался его волѣ, онъ былъ весьма далеку отъ какой-бы то ни было радости. Будущее представлялось ему въ мрачномъ свѣтѣ, и онъ напрасно старался отогнать отъ себя грустныя картины, которыя рисовались его воображенію. «Я усталъ, о Флоренція, отъ этой непрестанной четырехлѣтней проповѣднической дѣятельности, когда я только и зналъ, что трудился на твою пользу. Мысль о бичѣ Божіемъ, который, я вижу, приближается, и боязнъ, чтобы ты не подверглась его карамъ, сильно меня беспокоитъ. Поэтому, я непрестанно молюсь о тебѣ Господу». И, дѣйствительно, великія обѣщанія и свѣтлыя надежды, даваемыя имъ Флоренціи, никогда не были безусловны: «если вы не обратитесь ко Господу, добрыя предвѣщанія измѣнятся въ дурныя», говорилъ онъ. Народъ-же флорентійскій такъ закоснѣлъ во злѣ, что будущность Италіи, будущность церкви, будущность города должны были представляться взорамъ Савонаролы полными опасностей и еще болѣшихъ страданій.

Эти грустныя предчувствія всего сильнѣе мучили его, кажется, именно въ тѣ дни, когда, казалось, ему слѣдовало быть особенно довольнымъ и спокойнымъ. Когда онъ вышелъ побѣдителемъ изъ перваго политическаго столкновенія, когда онъ успѣлъ создать новую народную форму правленія съ Великимъ Совѣтомъ во главѣ, когда весь народъ, полный энтузіазма, собирался слушать его и ожидалъ отъ него почти радостной хвалы во славу Божію, онъ, напротивъ, начиная одною изъ своихъ обычныхъ аллегорій, описывалъ грусть, которая царила въ его душѣ, и предсказывалъ себѣ насильственную смерть, въ чемъ, кажется, никогда и не сомнѣвался. «Одинъ молодой человѣкъ, такъ говорилъ онъ тогда, отправился изъ дома и сѣлъ на корабль, чтобы ловить рыбу. Когда онъ занялся своимъ дѣломъ, хозяинъ корабля завезъ его въ открытое море, откуда не видно было уже порта: молодой человѣкъ началъ тогда громко плакать. О, Флоренція! Этотъ молодой человѣкъ, который плачетъ,—здѣсь, на церковной каедрѣ. Я былъ уведенъ изъ моего дома въ портъ религіи, куда прибылъ, имѣя отъ роду 23 года, лишь для того, чтобы найти себѣ

свободу и покой, двѣ вещи, которыя я любилъ больше всего. Но тамъ я сталъ разсматривать воду міра сего и проповѣдью началъ уловлять нѣкоторыя души. Когда я испыталъ удовольствіе отъ этого, Господь посадилъ меня на корабль и увезъ въ открытое море, гдѣ теперь нахожусь и откуда не вижу болѣе порта. Undique sunt angustiae. Предъ собою я вижу воздвигающуюся бурю и волненія, позади я потерялъ изъ виду портъ, а вѣтеръ гонить меня все далѣе отъ берега. Справа у меня избранные, которые просятъ помощи, слѣва демоны и злые люди, которые беспокоятъ насъ и мучаютъ. Сверху вижу добродѣтель вѣчную, и меня окрыляетъ надежда. Снизу—адъ, котораго я, какъ человѣкъ, долженъ бояться, ибо, безъ помощи Божіей, я, несомнѣнно, попаду туда. О Господи. Господи! Куда ты завелъ меня? Изъ-за того, что я захотѣлъ спасти нѣсколько душъ, я попалъ туда, откуда не могу вернуться къ моему покою. Зачѣмъ ты создалъ меня человѣкомъ, который долженъ вызывать споры и несогласія по всей землѣ? Былъ я свободенъ, а теперь я—рабъ всякаго. Со всѣхъ сторонъ я вижу войну и смуты, грядущія на меня. Но вы, друзья мои, избранныки Божіи, ради которыхъ я скорблю и день и ночь, вы, по крайней мѣрѣ, будьте милосерды ко мнѣ. Дайте мнѣ цвѣтовъ, какъ говоритъ Пѣснь Пѣсней, ибо я изнемогаю отъ любви. Цвѣты—это добрыя дѣла, и я ничего не желаю другого, только чтобы вы угодны были Богу, чтобы вы спасли души ваши». Савонарола до того взволновался во время этой проповѣди, что долженъ былъ остановиться. «Теперь дайте мнѣ отдохнуть отъ этой бури».

«Но какая, говорилъ онъ, продолжая свою рѣчь, какая будетъ, Господи, въ той жизни награда тому, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой битвы? Сего ни глазъ не можетъ видѣть, ни ухо не можетъ слышать: вѣчное блаженство. А какова будетъ ему награда въ этомъ мірѣ? Не будетъ рабъ болѣе господина своего, сказалъ Господь. Ты знаешь, что послѣ Моей проповѣди Я былъ распятъ, и ты тоже не минуешь мученія. О Господи, Господи!—воскликнулъ здѣсь Савонарола своимъ звучнымъ голосомъ, слышнымъ по всей церкви: сподоби-же меня этого мученія и дай мнѣ скорѣе умереть за Тебя, какъ Ты

умеръ ради меня. Вотъ уже, кажется, я вижу ножъ наточенный... Но Господь говоритъ мнѣ: подожди еще немного, чтобы исполнилось то, чему надлежитъ быть, и ты выразишь ту твердость души, какая будетъ тебѣ дарована». Затѣмъ, излагая псаломъ: «Хвалите Бога, яко благъ», онъ продолжалъ свою проповѣдь далѣе.

Савонарола переживалъ тогда одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда онъ, обыкновенно, говаривалъ: «внутренній огонь пожираетъ кости мои и не даетъ мнѣ молчать». Онъ бывалъ тогда какъ-бы въ состояніи экстаза, когда будущее, казалось, дѣйствительно открывалось предъ его взорами. Когда это случалось съ нимъ въ уединеніи его кельи, онъ подолгу оставался во власти своихъ видѣній, бодрствовалъ цѣлыя ночи напролетъ, пока сонъ не побѣждалъ его, наконецъ, и не сходилъ на него, чтобы подкрѣпить его истомленные члены. Напротивъ, когда это случалось съ нимъ на церковной каѳедрѣ, въ присутствіи всего народа, восторженность его переходила всякія границы, не поддавалась описанію: онъ казался вдохновеннымъ какой-то сверхъестественной силой и увлекалъ за собою весь народъ. Мужчины и женщины всѣхъ возрастовъ и положеній, артисты, поэты и философы начинали плакать и рыданіями своими оглашали всю церковь. Тотъ, кто съ голоса записывалъ его проповѣди, долженъ былъ иногда заносить на бумагу: «здѣсь меня одолѣли слезы, и я не могъ продолжать». Самъ Савонарола безсильно опускался на стулъ, а иногда затѣмъ бывалъ боленъ и оставался въ постели по цѣлымъ днямъ. Критика никогда не будетъ въ состояніи судить о силѣ краснорѣчія, до какой онъ возвышался въ эти минуты, потому-что слова его большею частью не дошли до насъ, а если и сохранились, то лишенные пыла, съ какимъ они были произнесены, и потому потеряли уже для насъ всю свою жизненность. Его экзальтація, ораторская сила его фразы, краснорѣчіе его жестовъ, всей его фигуры, должны были казаться тѣмъ болѣе необычайными, чѣмъ менѣе дошедшее до насъ можетъ объяснить то громадное впечатлѣніе, какое оно производило на флорентійскую публику, культурнѣйшую въ тогдашней Европѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы безпристрастно будемъ разсматривать жизнь и ученіе Савонаролы, то увидимъ, что онъ обладалъ замѣчательной и совершенно необъяснимой способностью предчувствовать будущее, способностью, придававшей его работамъ, его проповѣдямъ, всей его дѣятельности необычайное значеніе. Устранивъ изъ его предсказаній все, что было въ нихъ второстепеннаго, случайнаго, мы съ изумленіемъ увидимъ, что почти всѣ они оправдались. Не будемъ здѣсь говорить объ его политической прозорливости, позволившей ему, ранѣе всѣхъ другихъ, предсказать приходъ французовъ, изгнаніе Медичи и многія другія событія, которыя послѣдовали за этимъ, — прозорливости, которая приводила въ изумленіе наиболѣе просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей того вѣка. Не будемъ останавливаться также на совершенно опредѣленномъ и постоянномъ предчувствіи собственной своей насильственной смерти, которую Саванарола предсказывалъ съ увѣренностью, поистинѣ необъяснимой и удивительной. Мы лучше отмѣтимъ предчувствіе, охватившее его раньше другихъ, что близится великое обновленіе рода человѣческаго, что для такого перерожденія должно возродиться въ сердцахъ людей религіозное чувство, что путемъ кровавой борьбы общество вновь возвратитъ себѣ прежнюю энергію. Вотъ что, при внимательномъ анализѣ, обозначаетъ давно уже высказанная имъ мысль: «Церковь будетъ обновлена, но сперва она претерпитъ бѣдствія,—и это будетъ скорѣе». Его постоянныя утвержденія, что невѣрные будутъ обращены, что христіанство восторжествуетъ на землѣ, что скоро на ней будетъ едино стадо и единъ пастырь, съ наглядной очевидностью доказываютъ намъ, что онъ предчувствовалъ приближеніе того момента, когда родъ человѣческій найдетъ свое истинное единство, когда христіанство будетъ единственной религіей всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Читая его труды и внимательно вдумываясь въ нихъ, мы съ удивленіемъ останавливаемся на постоянствѣ и настойчивости, съ какими онъ повторяетъ свои положенія, на той увѣренности въ нихъ, при которой грядущія событія кажутся ему какъ-бы уже осуществившимися. А когда мы потомъ услышимъ, съ какими мельчайшими подробностями и съ какой

необыкновенной наглядностью онъ описываетъ будущія бѣдствія Италіи, когда увидимъ, что онъ волнуется, горячится, доходитъ почти до экзальтаціи, разсуждая объ этомъ, мы очутимся предъ фактомъ необъяснимымъ, но несомнѣнно замѣчательнымъ. Этотъ человѣкъ угадываетъ грустное, полное бѣдствій будущее своего отечества, съ такой ясностью предчувствуетъ его скорби, что какъ-бы самъ уже претерпѣваетъ ихъ.

Таковой представляется намъ пророческая, если можно такъ выразиться, сторона характера Савонаролы, когда мы бросимъ взглядъ на всю его жизнь, на всѣ его предсказанія въ совокупности, имѣя при этомъ въ виду только тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ общій интересъ. Сосредоточиваясь-же на томъ, что въ этихъ пророчествахъ есть случайнаго и второстепеннаго, мы должны будемъ остановить свое вниманіе на совершенно новой чертѣ его характера. Тогда мы увидимъ, что въ немъ было какъ-бы два человѣка съ разными натурами: одинъ какъ-бы толкаетъ его въ будущее, впередъ, другой какъ-бы отступаетъ въ прошедшее. За изслѣдованіемъ одной стороны его характера, намъ необходимо ближе познакомиться и съ другою.

Изученіе схоластиковъ имѣло очень большое вліяніе на образованіе склада ума Савонаролы, развивъ въ немъ непреодолимое расположеніе къ разнымъ тонкостямъ и софизмамъ рѣчи. Кромѣ того, съ ранняго дѣтскаго возраста, отъ постоянного чтенія и изученія Св. Оомы, у него образовалась необъяснимая страсть ко всему, что тотъ говоритъ о дѣйствіяхъ ангеловъ, о характерѣ пророковъ и объ ихъ видѣніяхъ. Безъ устали читалъ и перечитывалъ онъ всѣ мелочныя соображенія этого «ангельскаго» ученаго и сопровождалъ ихъ такимъ усерднымъ изученіемъ Ветхаго Завета и Апокалипсиса, что не было сновидѣнія или откровенія пророковъ и патріарховъ, которыхъ онъ не зналъ-бы во всѣхъ подробностяхъ. Эти занятія, длившіяся часто цѣлыми днями, всецѣло поглощали его молодой умъ и разжигали его и безъ того экзальтированную фантазію, такъ-что его нервная система была возбуждена все время до послѣдней степени. Фантастическіе образы и видѣнія, преслѣдовавшіе

его еще съ дѣтскаго возраста, стали учащаться, запленили его душу и во снѣ какъ-бы осаждали его. Когда, затѣмъ, онъ увидѣлъ, что отъ чтенія Библии и Св. Отцовъ, отъ горячей молитвы и бдѣній по цѣлымъ часамъ, они только умножаются онъ началъ вѣрить, что они посылаются ему Богомъ, порождаются въ умѣ его ангелами, точно такъ-же, какъ, по словамъ Св. Оомы, это происходило у пророковъ. И тогда уже не было сновидѣнй, не было такой странной фантазй, которымъ онъ не нашель-бы чего-нибудь соотвѣтственнаго въ Библии, которыхъ онъ не сопоставилъ-бы съ правилами «ангельскаго» ученаго. Колѣнопреклоненный онъ проводилъ въ своей кельѣ цѣлыя ночи во власти этихъ видѣнй, которыя еще болѣе истощали его силы, воспаляли его мозгъ, и кончилъ тѣмъ, что во всемъ сталъ видѣть откровеніе Божіе.

Платоновская философія Фичино, весьма распространенная въ то время во Флоренціи, тоже постоянно говорила о видѣнйхъ, о духахъ, объ ангелахъ, и это также не оставалось безъ вліянія на него. Но мы должны остановиться здѣсь еще на одномъ фактѣ, который въ особенности заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Среди братіи монастыря Св. Марка былъ нѣкто Сильвестръ Маруффи, имѣвшій большое значеніе въ жизни Савонаролы. Повидимому, вслѣдствіе болѣзни, которой онъ страдалъ еще съ дѣтства, онъ былъ подверженъ особаго рода сомнамбулизму: въ него впадалъ онъ даже днемъ, при чемъ имѣлъ странныя видѣнйя, говорилъ необычайныя рѣчи. Но онъ не только не придавалъ имъ какого-нибудь мистическаго или сверхъестественнаго значенія, но какъ только узналъ, что Савонарола сталъ говорить объ откровеніяхъ и предсказывать будущее, онъ тотчасъ-же разразился противъ него жестокими укорами, называлъ все это продуктомъ нездороваго ума, недостойнымъ серьезнаго человѣка. Савонарола, съ тѣмъ-же самымъ властнымъ взглядомъ и съ тою-же увѣренностью, съ какими онъ подчинялъ своему вліянію всѣхъ, входившихъ съ нимъ въ общеніе, совѣтовалъ ему какъ можно пламеннѣе просить Господа, чтобы Тотъ просвѣтилъ его относительно истинности этихъ видѣнй. И Маруффи, предъ своею смертью, когда онъ

уже не имѣлъ смѣлости защищать своего учителя, откровенно сознавался: «можетъ быть, вслѣдствіе болѣзни моей, или по какой-нибудь иной причинѣ, но мнѣ казалось, что духи укоряли меня за то, что я не вѣрю ему». Безъ сомнѣнія, это было другимъ послѣдствіемъ того-же страннаго сомнамбулизма, но оно произвело на обоихъ монаховъ сильное впечатлѣніе: съ этого дня они ни на одно мгновеніе не сомнѣвались уже въ томъ, что всѣ эти видѣнія и откровенія исходятъ прямо отъ Бога. Савонарола возымѣлъ къ Маруффи нѣчто вродѣ уваженія, даже почтенія, чего тотъ рѣшительно не заслуживалъ по своей малообразованности, слабости и непостоянству характера. Онъ слѣпо вѣрилъ всему, чтó-бы тотъ ни сказалъ, и, отъ одной ошибки переходя, такимъ образомъ, къ другой, все сильнѣе и сильнѣе утверждался въ своемъ странномъ взглядѣ на видѣнія. Природная склонность, случай, занятія, молитва—все, казалось, складывалось такъ, что насильно заставляло его идти по этой опасной наклонной плоскости.

Невозможно описать, до чего простиралось въ этомъ отношеніи его легковѣріе и до чего онъ сталъ рабомъ своихъ видѣній. Если послушать его, то иной разъ кажется, что въ нихъ онъ полагалъ всю сущность своей миссіи. Онъ постоянно изучалъ ихъ характеръ и углублялся въ нихъ своимъ воображеніемъ. По цѣлымъ часамъ онъ занимался вопросами: какъ ангелы производятъ видѣнія въ умѣ челоуѣка, какъ слышатся сверхъестественные голоса, и тому подобное. Идеи, какія составились у него по этому предмету, разсѣяны въ его проповѣдяхъ, въ посланіяхъ, во всѣхъ его трудахъ. Но въ «Разсужденіи объ истинности пророчествъ», опубликованномъ имъ въ 1497 году, онъ собралъ ихъ всѣ вмѣстѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ нѣчто вродѣ научнаго трактата. Въ немъ со всей очевидностью отражается простодушная довѣрчивость Савонаролы и то смѣшеніе идей, какое происходило въ его головѣ. Напрасно стали-бы мы доискиваться здѣсь опредѣленнаго взгляда на предсказанія и пророческое посланничество: въ Савонаролѣ, казалось, произошло странное смѣшеніе самыхъ противоположныхъ теорій, изъ которыхъ ни къ одной онъ не рѣшался

примкнуть совершенно. Иной разъ онъ разсматриваетъ свое пророчествованіе, какъ слѣдствіе простого здраваго размышленія, ибо изученіе Библии и наблюденіе порчи нравовъ церкви должны были убѣдить всякаго мыслящаго человѣка въ близости наказаній. Въ другой разъ онъ, напротивъ, думаетъ, что узнаетъ будущее по небеснымъ видѣніямъ, которыя суть откровенія, получаемыя имъ непосредственно отъ Бога на благо итальянскаго народа. Этотъ даръ, по его мнѣнію, рѣшительно не зависитъ отъ заслугъ добраго христіанина. Пророкъ, какъ таковой, есть простое орудіе въ рукахъ Божіихъ и можетъ даже не быть святымъ человѣкомъ. Основываясь на этой идеѣ, заимствованной имъ у Св. Ѳомы, онъ окончательно принялъ на себя роль пророка и придавалъ своимъ видѣніямъ такой-же смыслъ и значеніе, какое «ангельскій» ученый и церковь придаютъ видѣніямъ древнихъ пророковъ. «Они происходятъ, говоритъ онъ, непосредственно отъ Бога и ангелами рисуются въ нашемъ умѣ, а не въ сердцѣ, такъ-что человѣкъ не долженъ изъ-за нихъ непремѣнно быть спасенъ».

Но въ другихъ мѣстахъ его трудовъ внезапно выступаетъ новая, почти противоположная этой идея: оставляя въ сторонѣ видѣнія и дѣтскія мечтанія, она разсматриваетъ этотъ удивительный инстинктъ, это предугадываніе будущаго, котораго никто не можетъ отрицать у него, не какъ вдохновеніе, исходящее отъ Бога совершенно независимо отъ благодати и вѣчнаго спасенія, а, напротивъ, скорѣе какъ результатъ и какъ существенную часть того евангельскаго духа, которымъ долженъ быть проникнутъ каждый христіанинъ. «Я не пророкъ и не сынъ пророческій, такъ говорилъ онъ тогда, я не желаю этого страшнаго имени, но я увѣренъ, что предсказываемое мною исполнится, ибо слова мои основываются на христіанскомъ ученіи, на духѣ евангельской любви. И, въ самомъ дѣлѣ, ваши грѣхи, грѣхи всей Италіи—вотъ что насильно заставляетъ меня быть пророкомъ, что должно было-бы и cadaго изъ васъ сдѣлать имъ. Небо и земля пророчествуютъ противъ васъ, а вы этого не видите и не слышите. Вы слѣпы умомъ, вы закрываете уши ваши отъ гласа Божія, который зоветъ васъ.

Если-бы вы обладали духомъ любви христіанской, вы всѣ увидѣли-бы, подобно мнѣ, наказаніе, которое приближается». Эти различныя идеи встрѣчаются въ его произведеніяхъ на каждомъ шагу, сталкиваются, противорѣчатъ одна другой, но ни одна изъ нихъ не преобладаетъ рѣшительно. Если подобныя противорѣчія часто замѣчаются въ его проповѣдяхъ, то ихъ еще больше и они гораздо рѣзче отбѣнены въ его трудахъ, специально трактующихъ о пророчествованіи. Кто хочетъ лучше уяснить себѣ эту замѣчательную особенность духовнаго склада Савонаролы, тому слѣдуетъ изучить ихъ поближе.

Въ «Разсужденіи объ истинности пророчества», на которое мы указывали выше, онъ ведетъ разговоръ съ семью аллегорическими собесѣдниками, которые суть семь даровъ Св. Духа, и отвѣчаетъ на ихъ различныя возраженія. Они начинаютъ съ вопроса ему: не притворяется-ли онъ пророкомъ, чтобы легче убѣдить народъ въ истинахъ вѣры? На это Савонарола, полный негодованія, отвѣчаетъ: истина едина и всякая ложь—грѣхъ: тягчайшимъ-же грѣхомъ было-бы, если-бы кто именемъ Божіимъ старался ввести въ заблужденіе цѣлый народъ, выставляя, такимъ образомъ, лжецомъ Самого Бога. Но все это, спрашиваетъ его другой собесѣдникъ, можетъ быть, только твоя гордыня, которую ты прикрываешь одеждою ложной скромности? На это онъ, цитируя Св. Оому, отвѣчаетъ: пророческій свѣтъ, вѣдь, не спасаетъ человѣка: на чемъ-же, слѣдовательно, я основалъ-бы мою гордыню, мою дерзость?—Можетъ быть, прибавляетъ третій, ты, самъ того не замѣчая, себя обманываешь?—Нѣтъ, это невозможно! Я знаю чистоту моихъ намѣреній, искренно обожаю моего Господа, стараюсь идти по путямъ Его. Цѣлыя ночи я бодрствовалъ въ молитвѣ, утратилъ покой, посвятилъ здоровье и жизнь мою благу ближняго. Нѣтъ, невозможно, чтобы Господь ввелъ меня въ заблужденіе. Этотъ свѣтъ есть сама истина, онъ помогаетъ моему разуму, управляетъ моею любовію». Въ такомъ-же духѣ продолжаетъ онъ далѣе, съ еще большимъ краснорѣчіемъ развивая мысль, противоположную той, какую высказалъ нѣсколько страницъ назадъ. Одному собесѣднику онъ доказывалъ истинность своего

свѣта, говоря, что онъ не зависитъ отъ благодати, другому— что онъ и благодать почти одно и то-же.

Въ особенноти заслуживаетъ вниманія то, что онъ отвѣчалъ, когда его спросили: на чемъ-же ты основываешь свою увѣренность въ истинности твоихъ откровеній? Онъ началъ путаться въ безчисленныхъ соображеніяхъ и силлогизмахъ, граничащихъ съ софизмами. Положеніе человѣка, стремящагося доказать отъ разума то, что выше разума, и обычными соображеніями обосновать то, что выше логики, чрезвычайно печально. Савонарола, самъ того не замѣчая, ходилъ, въ данномъ случаѣ, по краю пропасти. Чтобы доказать свое сверхъестественное дарованіе, у него не было другого средства, кромѣ чуда, и требованія чуда всегда можно было ожидать отъ слѣпой толпы, своею легковѣрностью постоянно толкавшей его все къ большимъ крайностямъ. Требованіе это въ одинъ прекрасный день могло сдѣлаться въ рукахъ его враговъ страшнымъ оружіемъ противъ него. Но онъ такъ былъ ослѣпленъ вѣрою въ свои сверхъестественныя дарованія, что ему и въ голову не приходило сомнѣваться въ нихъ. Онъ счелъ-бы это неблагодарностью по отношенію къ Богу и никакъ не могъ убѣдить себя въ томъ, что среди тѣхъ, которые не хотѣли ему вѣрить, были люди добросовѣстные.

Савонарола написалъ и другой небольшой трудъ по тому-же предмету—о пророчествахъ—подъ заглавіемъ: «Сборникъ откровеній», который вышелъ въ свѣтъ въ Августѣ 1495 года. Онъ содержитъ въ себѣ краткое изложеніе главнѣйшихъ его видѣній и много очень цѣнныхъ свѣдѣній объ его жизни, изъ которыхъ нѣкоторыя выясняютъ намъ, какъ и когда началъ онъ свою пророческую дѣятельность, а равно говорятъ намъ о томъ, какъ онъ боролся противъ необходимости говорить вслухъ на эту тему и какъ эта необходимость одержала надъ нимъ верхъ. Трудъ этотъ написанъ очень правильнымъ латинскимъ языкомъ, а для Савонаролы и прямо-таки эlegantнымъ. Разсказанныя здѣсь видѣнія носятъ отпечатокъ могучаго полета фантазіи, какъ, на примѣръ, изложенныя нами выше—о мечѣ Господнемъ, обращенномъ на землю, о черномъ крестѣ,

воздвигшемся посреди Рима и поднявшемся до неба среди стрѣлъ, огня и бури, о золотомъ крестѣ среди Іерусалима, проливающемъ на землю свѣтъ и утѣшеніе. Эти видѣнія, сдѣлавшіяся популярными, были, какъ мы видѣли, воспроизведены на многихъ медаляхъ и гравюрахъ, иллюстрирующихъ труды монаха: значеніе и надежды, какія они символизировали, были понятны для всѣхъ. Но что мы скажемъ, когда Савонарола, въ другомъ мѣстѣ, вызвавшись быть посломъ флорентійцевъ къ Іисусу Христу, рассказываетъ о своемъ продолжительномъ, странномъ и непонятномъ путешествіи въ рай, коего даетъ подробное описаніе, приводитъ рѣчи, обращенныя къ нему разными аллегорическими личностями и Самой Пресвятой Дѣвой, при чемъ описываетъ тронъ Ея, перечисляетъ драгоценныя камни, украшающіе его, и даже дѣлаетъ замѣчанія относительно ихъ качества? Мистическое путешествіе заканчивается рѣчью Іисуса Христа къ флорентійцамъ устами Савонаролы, рѣчью, которая подтверждаетъ все ученіе послѣдняго. Это видѣніе, о которомъ онъ въ первый разъ говоритъ въ одной изъ своихъ майскихъ проповѣдей 1495 года, кажется, вызвало въ городѣ много споровъ и нареканій. Въ одномъ письмѣ «Къ отсутствующему другу» Савонарола жалуется на критику и утверждаетъ, что ее породило недоброжелательство къ нему: «потому-что, если-бы кто слушалъ внимательно, то понялъ-бы, что я не говорилъ о моемъ пребываніи въ раю, но что рѣчь шла о видѣніи воображаемомъ. Въ раю, конечно, нѣтъ ни деревьевъ, ни воды, ни лѣстницъ, ни дверей, ни стульевъ. Поэтому, при извѣстной добросовѣстности, легко было понять, что все это образовалось въ умѣ моемъ дѣйствіемъ ангельскимъ». Кто, однако, захочетъ повѣрить, что эти странныя видѣнія суть слѣдствіе ангельскихъ дѣйствій, а не плодъ разстроеннаго воображенія?

Но именно эта-то дѣтская наивность видѣній и даетъ намъ въ руки сильное оружіе для защиты Савонаролы отъ обвиненія въ томъ, будто онъ былъ мало искрененъ и недобросовѣстенъ, будто онъ эксплуатировалъ довѣрчивость простого народа, чтобы потомъ свободнѣе распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію. Подобное мнѣніе внесло-бы путаницу въ сужденіе

объ его характерѣ, свело-бы всю его жизнь къ какому-то хаосу и сдѣлало-бы необъяснимыми не только его лучшія качества, но и наиболѣе тяжкія ошибки. Развѣ можно повѣрить, чтобы человѣкъ талантливый, умный и опытный, какимъ былъ Савонарола, былъ такъ мало осмотрителенъ въ своемъ притворствѣ, такъ по-дѣтски велъ себя? Если-бы онъ притворялся, то къ чему было раскрывать свои вымыслы, разглашать на всѣ четыре стороны свои слабости? Зачѣмъ, для обмана простого народа, ему нужно было писать мудреные и трудные трактаты о видѣніяхъ, говорить о нихъ своимъ друзьямъ, самой матери своей, разсуждать о нихъ на поляхъ Библіи? Онъ печаталъ и перепечатывалъ, обосновывалъ Библіей и Св. Ѳомой то, что наиболѣе горячіе его послѣдователи особенно хотѣли - бы скрыть, то, что даже самый непредусмотрительный обманщикъ, можетъ быть, разсказалъ-бы народу, но, конечно, не сталъ-бы публиковать. Особенность характера Савонаролы, заслуживающая нашего вниманія, состоитъ именно въ томъ, что онъ, который господствовалъ надъ цѣлымъ народомъ, который былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ мыслителей своего вѣка, который далъ Флоренціи форму правленія, наилучшую изъ всѣхъ, какія только она имѣла, что онъ, говоримъ мы, почти гордился тѣмъ, что слышалъ въ воздухѣ голоса, видѣлъ мечъ Господень, былъ посломъ флорентійцевъ къ Св. Дѣвѣ! Вотъ фактъ, котораго исторія не должна ни скрывать, ни искажать. Она должна лишь освѣтить его надлежащимъ образомъ, ибо онъ можетъ быть предметомъ глубокаго размышленія для философа. По истинѣ поучительно видѣть, какъ Провидѣніе смиряетъ иногда самыхъ великихъ людей, награждая ихъ, вмѣстѣ съ почти божественными дарованіями, слабостями, которыя дѣлаютъ ихъ простыми смертными.

Великъ былъ этотъ странный контрастъ въ Савонаролѣ. а еще больше онъ былъ во всей той эпохѣ, которая началась съ него. Казалось, что, при всеобщемъ ожиданіи возрожденія рода человѣческаго, всѣ способности напряжены были до экзальтаціи, что жизнь стала сплошной лихорадкой, въ которой люди не могли избавиться отъ какого-то постоянного бреда. Мы ви-

дѣли, какъ серьезный Марсилій Фичино ежедневно мѣнялъ камни въ своихъ кольцахъ, соотвѣтственно настроенію своего духа, мѣнялъ въ своихъ амулетахъ когти и зубы разныхъ животныхъ и съ каеэдры разсуждалъ объ ихъ оккультныхъ силахъ. Франческо Гвиччардини увѣрялъ насъ въ существованіи духовъ, а Христофоръ Ландино составлялъ по звѣздамъ гороскопъ христіанской религіи. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что между Савонаролою и его наиболѣе славными современниками разниа состояла лишь въ томъ, что тѣ самыя явленія, которыя другіе философы и мыслители относили за счетъ таинственныхъ силъ природы, онъ приписывалъ причинамъ исключительно религіознымъ и сверхчувственнымъ. Но если мы сдѣлаемъ еще шагъ впередъ въ этотъ періодъ Возрожденія, то нашему удивленію не будетъ границъ. Помпоначчо, Порта, Кардано въ своихъ сновидѣніяхъ далеко оставляютъ за собою монаха св. Марка. Эти смѣлые таланты, которые, сквозь работу оккультныхъ знаній, готовили появленіе Галилея, казалось, бредили всю жизнь. Конечно, теперь никто не повѣрилъ-бы, что Кардано могъ имѣть подобныя сновидѣнія и питать такія суевѣрія, если-бы онъ самъ не разсказалъ намъ о нихъ въ своей автобіографіи. Нельзя было-бы и подумать, читая ее, что человѣкъ этотъ обладалъ выдающимся талантомъ, если-бы труды его не подтверждали намъ сдѣланныхъ имъ открытій. Видѣнія отняли половину его жизни у науки: звонъ въ ушахъ онъ принималъ за голосъ своего генія, оса, внезапно влетѣвшая въ его комнату, заставляла его писать почти цѣлый томъ предсказаній. И предсказаніямъ этимъ онъ придавалъ такую вѣру, что, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, онъ уморилъ себя голодомъ, чтобы только доказать правдивость одного изъ нихъ.

Таковы были тѣ люди и тѣ времена, которые должны были дать религіи, наукѣ и свободѣ столько мучениковъ. И мы уже неоднократно замѣчали, что, если не поставить Савонаролу во главѣ новаго періода исторіи, мы никогда не сможемъ понять его характера. Когда онъ поднимался на каеэдру, чтобы возвѣщать будущее, онъ созерцалъ его съ такой очевидностью.

что, казалось, вступалъ уже въ новый вѣкъ. Онъ предчувствовалъ его съ такой силой, что оно какъ-бы уже начиналось для него. Но когда онъ разсужденіями хотѣлъ постичь этотъ удивительный даръ, которымъ обладалъ и объясненіе которому заключалось только въ величій его души, тогда онъ отступалъ въ прошедшее и, теряясь въ схоластическихъ тонкостяхъ, переставалъ уже понимать и самого себя. Въ Савонаролѣ, какъ и во всемъ томъ вѣкѣ, мы видимъ, поэтому, прошедшее и будущее въ жестокой между собой борьбѣ. Прошедшее глубоко еще держалось своими корнями, но эти корни мало по малу начинаютъ подсыхать и лишать его жизненности. Будущее, напротивъ, молодое и гордое, растетъ и чувствуетъ, что міръ принадлежитъ ему.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Во Флоренціи начинаютъ образовываться различныя партіи. Савонарола проповѣдуетъ въ праздники на псалмы. Въ Великій Постъ проповѣдями на кн. Іова начинаетъ общую реформу нравовъ, достигая блестящихъ результатовъ.

Обращеніе Фра Бенедетто.

(1495).

Обращаясь вновь къ изложенію историческихъ событій, перенесемъ мыслью къ началу 1495 года и прослѣдимъ тѣ незамѣтные до сихъ поръ зародыши гражданскихъ междоусобицъ, которые позднѣе должны были произрасти и образовать во Флоренціи различныя партіи. На первый взглядъ можетъ показаться, что въ описываемую нами эпоху здѣсь господствовало только одно мнѣніе, существовала одна партія, которую называли партіей монаха, партіей «монашеской». Но кто начнетъ изслѣдовать ее глубже, тотъ сразу-же замѣтитъ въ ней извѣстную градацию мнѣній, въ концѣ концовъ довольно таки отличныхъ одно

отъ другого. И, прежде всего, были такія лица, которыя, хотя и любили народное правленіе, однако, не чувствовали ни малѣйшей симпатіи ни къ монахамъ, вообще, ни къ Савонаролѣ, въ частности. Ихъ было немного и они были плохо объединены между собой. При этомъ они не могли не видѣть, что монахъ направляетъ ходъ событій къ торжеству той самой свободы, которую они любили. Въ Совѣтахъ они, поэтому, подавали голоса за него и за его приверженцевъ. За этотъ почти безобидный свой характеръ они получили названіе «Бѣлыхъ». За ними слѣдовала довольно многочисленная, лучше объединенная и гораздо болѣе опасная, партія «Сѣрыхъ». Она состояла изъ приверженцевъ Медичи, которые, получивъ, благодаря настояніямъ Савонаролы, полное прощеніе, повидимому, были съ нимъ за одно и утверждали, что они—друзья народнаго правленія, но, на самомъ дѣлѣ, устраивали тайныя совѣщанія и были въ постоянной перепискѣ съ Пьеро Медичи, возвращенія котораго горячо желали. Хотя интриги и не могли оставаться долгое время въ секретѣ отъ всѣхъ, однако, въ началѣ о нихъ ничего не знали, и республика отогрѣвала у себя на груди эту змѣю. «Сѣрые» были тѣмъ болѣе опасны, что дѣйствовали исподтишка. Они пользовались великодушіемъ Савонаролы и излишней довѣрчивостью его приверженцевъ, чтобы легче ниспровергнуть существующій порядокъ вещей. Приверженцы народнаго правленія, которымъ проповѣди Савонаролы внушали настоящій энтузіазмъ, довольные провозглашеніемъ всеобщаго прощенія и достигнутой ими свободой, даже и не воображали, что могутъ быть какія-либо мрачныя интриги, какіе-либо секретныя заговоры, и когда монахъ съ каѳедры сталъ взывать къ ихъ осторожности, указывая на то, что «есть и такіе, которые подкапываются подъ свободу и стараются на пользу тирана», они почти не повѣрили его словамъ. Они говорили, что онъ преувеличиваетъ опасность изъ чрезчуръ уже большой ревности къ общему благу, и постоянно повторяли, что во Флоренціи нѣтъ болѣе приверженцевъ Медичи.

Народная партія слѣдила, напротивъ, за другими, болѣе явными врагами, то есть, за приверженцами аристократическаго

правленія, которые, какъ мы видѣли, энергично боролись съ
 самага начала противъ новыхъ порядковъ въ республикѣ.
 Это были люди богатыхъ фамилій и очень опытные въ дѣ-
 лахъ государственныхъ. Сами Медичи, хотя, можетъ быть, и
 не особенно охотно, часто прибѣгали, когда нужно было, къ
 ихъ помощи. У нихъ были большія связи при римскомъ дворѣ
 и особенно при миланскомъ: Моро, врагъ республики, и Пьеро
 Медичи всячески имъ благопріятствовалъ. Они хотѣли-бы сосре-
 доточить все управленіе въ своихъ рукахъ и образовать нѣчто въ
 родѣ аристократической республики, какъ во времена Альбицци.
 Они страшно, поэтому, ненавидѣли приверженцевъ Медичи и
 не только не желали прощать ихъ, какъ это дѣлалъ Савона-
 рола, а, напротивъ, готовы были преслѣдовать ихъ ссылками, кон-
 фискаціей имущества, осужденіемъ на смерть. Они ненавидѣли
 и всѣхъ друзей народнаго правленія,—противъ-же Савонаролы,
 котораго считали единственнымъ виновникомъ своего пораженія,
 и противъ его послѣдователей, которыхъ они, въ знакъ презрѣнія,
 называли «Плаксами», были озлоблены въ высшей степени. Самая
 партія ихъ такъ и называлась «Arrabbiati». Они сохранили весь
 древній неспокойный партійный духъ, который составлялъ
 характерную черту флорентійцевъ и который лишь Савонарола
 сумѣлъ укротить: отсюда и происходила ихъ особенная не-
 нависть къ нему. Они готовы были произвести какой-нибудь
 опытъ, рѣшительный шагъ, но для этого были еще слишкомъ
 слабы и малочисленны. И, въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ
 введена была новая форма правленія, они очутились въ очень
 затруднительномъ положеніи: ниспровергнуть ее они не могли
 никоимъ образомъ, потому-что тогда они имѣли-бы противъ
 себя и «Бѣлыхъ», и «Плаксъ», а, въ особенности, «Сѣрыхъ»,
 которые прекрасно знали, что отъ «Озлобленныхъ» имъ
 нечего ждать ни прощенія, ни пощады. При такомъ поло-
 женіи вещей они старались казаться друзьями народнаго
 правленія, или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что отно-
 сятся къ нему терпимо, всю-же свою ненависть обратили
 на Савонаролу, котораго считали душой всего дѣла, главной
 его поддержкой. Поэтому, въ его видѣніяхъ и пророчествахъ

они находили постоянный предлогъ для насмѣшекъ. Они говорили, что не дѣло монаха вмѣшиваться въ государственныя дѣла, называли его обличенія римскаго двора преувеличенными и соблазнительными. Этимъ они надѣялись отдалить отъ него и отъ его послѣдователей «Бѣлыхъ» и «Сѣрыхъ» и, низвергнувъ монаха, открыть себѣ путь къ низверженію всей его партіи.

Итакъ, борьба началась уже съ первыхъ дней 1495 г., и когда Двадцать Аккопіаторовъ, послѣ долгихъ споровъ, избрали гонфалоньеромъ мессера Филиппа Корбицци, челоѣка, неспособнаго къ управленію, не благоволившаго къ народной партіи и совсѣмъ нелюбившаго Савонаролу, «Озлобленные» сблизились съ нимъ и нашли въ немъ послушное орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Однажды онъ устроилъ довольно необычную вещь, собравъ въ Палаццо совѣтъ изъ богослововъ, профессоровъ, аббатовъ, пріоровъ, канониковъ собора и церкви Св. Лаврентія. Былъ приглашенъ сюда и Марсилій Фичино, который, хотъ и былъ въ то время поклонникомъ ученія Савонаролы, однако, оставался приверженцемъ и Медичи. Лишь только всѣ собрались, какъ гонфалоньеръ заявилъ, что онъ намѣренъ обвинять Савонаролу за его вмѣшательство въ государственныя дѣла. Послали за Савонаролой. Ничего не подозревавшій настоятель Св. Марка, въ сопровожденіи вѣрнаго ему Фра Доменико изъ Пешіи, прибылъ въ Палаццо и только что успѣлъ переступить порогъ, какъ вся эта толпа любителей религіозныхъ преній яростно набросилась на него. Свирѣпѣе всѣхъ другихъ былъ одинъ доминиканецъ монастыря Санта Марія Новелла, извѣстный, какъ великій богословъ. За свою небольшую фигурку, особенный задоръ и тонкость въ спорѣ, онъ получилъ прозвище «Гарофанино». На слова Апостола: «никто же бо, воинъ бывая, обязуется куплями житейскими» онъ произнесъ рѣчь, полную нападокъ на Савонаролу. Когда кончилъ онъ и всѣ другіе, Савонарола спокойно всталъ и началъ говорить: «на мнѣ сбывается теперь изреченіе Господа: сыны матери моей возстали противъ меня, но мнѣ горько видѣть, что самый жестокій мой противникъ также носитъ

одѣяніе Св. Доминика. Эта одежда должна была-бы напомнить ему, что самъ основатель нашего Ордена нерѣдко вмѣшивался въ мірскія дѣла, что изъ нашего Ордена вышло много монаховъ и святыхъ, которые не чуждались дѣлъ государственныхъ. Республика флорентійская должна припомнить кардинала Латино, Св. Петра Мученика. Св. Екатерину Сиенскую. Св. Антонина, которые всѣ были доминиканцами. Нужно въ монахахъ порицать не то, что они занимаются дѣлами міра сего, куда Господь послалъ ихъ, а то, что они занимаются ими безъ высокой цѣли, безъ стремленія къ благу религіи». Затѣмъ, онъ попросилъ привести хоть одинъ текстъ изъ Библии, который запрещалъ-бы помогать свободному правленію ради вящаго торжества добрыхъ нравовъ и религіи, и заключилъ словами: «гораздо скорѣе вы тамъ найдете, что о религіи не слѣдуетъ разсуждать въ мѣстахъ несвятыхъ и что о богословіи не должно спорить въ Палаццо». Все собраніе богослововъ было смущено его рѣчью. и никто не нашелся, что отвѣтитъ ему. Лишь одинъ изъ нихъ гнѣвно воскликнулъ: «такъ скажи, по крайней мѣрѣ, откровенно: слова твои исходятъ отъ Бога или нѣтъ?» «То, что я говорилъ, я говорилъ открыто, отвѣтилъ Савонарола, и теперь ничего не имѣю прибавить». Тѣмъ и кончился этотъ единственный въ своемъ родѣ диспутъ.

Восторжествовавъ, такимъ образомъ, и посрамивъ своихъ противниковъ, Савонарола продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность, стараясь успокоить души, утишить страсти, уничтожить партійность. То онъ разсуждаетъ о всеобщемъ мирѣ, то показываетъ преимущества Великаго Совѣта. Однажды мы видимъ его, какъ онъ на церковной каѳедрѣ, полный энтузіазма, сравниваетъ различныя фазы, чрезъ какія прошло новое, имъ созданное правленіе, съ семью днями творенія. Въ другой разъ онъ проводитъ параллель между этимъ правленіемъ и ангельской іерархіей. «Продолжайте эту реформу, постоянно повторяетъ онъ, идите по разъ принятому пути, и вы будете благословенны отъ Господа». Въ послѣдней проповѣди на пророка Аггея онъ сказалъ, что Господь хочетъ дать Флоренціи новаго владыку. Долго держалъ онъ въ напряженіи аудиторію и, наконецъ, за-

ключилъ: «Этотъ новый глава — Иисусъ Христосъ. Онъ хочетъ быть вашимъ царемъ». Далѣе, онъ описалъ, какъ велико было-бы счастье не имѣть другого главы, другого руководителя, какая великая польза получилась-бы отъ этого для всѣхъ. «О, Флоренція, ты будешь тогда богата благами и земными и небесными, ты произведешь обновленіе Рима, Италиі, всѣхъ странъ, ты распрострешь крылья своего величія надъ всѣмъ міромъ».

Провозгласивъ, такимъ образомъ, при неописуемомъ восторгѣ народа, царемъ Флоренціи Иисуса Христа, онъ закончилъ въ этотъ Рождественскій постъ свои проповѣди на пророка Аггея, въ которыхъ политика и религія такъ тѣсно и необычно перемѣшаны между собой, что онѣ навсегда останутся характернымъ памятникомъ исторіи того времени и тѣхъ страстей, какія волновали тогда душу народа и этого монаха. Послѣ этого онъ простился съ своей аудиторіей, сказавъ, что хочетъ отдохнуть. Но отдыхъ его длился лишь самое короткое время, такъ-какъ уже въ Январѣ 1495 г. мы вновь видимъ его на церковной кафедрѣ. Онъ началъ говорить проповѣди на псалмы, которыя затѣмъ и продолжалъ во всѣ праздничные дни, предшествовавшіе Великому Посту. Благодаря этому, мы имѣемъ еще семь обширныхъ его проповѣдей, которыя, какъ по содержанию, такъ и по формѣ, сходны съ проповѣдями на пророка Аггея, но въ которыхъ уже ясно замѣчаются признаки раздоровъ, возникшихъ между гражданами, и той борьбы, какую приходилось ему вести съ партіей «Озлобленныхъ». «О, неблагодарная Флоренція, о неблагодарный народъ! Я сдѣлалъ для тебя то, чего не хотѣлъ дѣлать даже для родныхъ моихъ братьевъ, за которыхъ я отказывался просить хотя-бы разъ въ жизни кого-нибудь изъ мірскихъ правителей. И теперь, то, что я сдѣлалъ для тебя, начинаетъ возбуждать противъ меня столько ненависти въ монахахъ и людяхъ свѣтскихъ»!

Между этими проповѣдями на псалмы слѣдуетъ отмѣтить въ особенности одну, сказанную имъ 13 Января, такъ называемую «Проповѣдь объ обновленіи». Взявъ за текстъ извѣстныя слова, слышанныя имъ въ видѣніяхъ: «Се мечъ Господень надъ землею

скоро и быстро», Савонарола изложилъ въ ней всѣ свои идеи объ обновленіи. Онъ началъ съ утвержденія, что будущее и случайное вѣдомо только Богу. Астрологія, которая претендуетъ по звѣздамъ узнавать будущее, есть, поэтому, наука ложная, ибо она противорѣчитъ правиламъ вѣры и принципамъ знанія. Остановившись на этомъ предметѣ довольно подробно, онъ переходитъ, затѣмъ, къ пророческому свѣту, «который, благодаря божественному откровенію, даетъ намъ возможность познавать будущее, но еще не сообщаетъ непременно и праведности человѣку, какъ это можно видѣть изъ примѣра Валаама, который былъ и грѣшникомъ и пророкомъ». Далѣе, онъ описываетъ разные пути, какими можетъ быть открываемо будущее и, наконецъ, переходитъ къ своимъ видѣніямъ: «я имѣлъ ихъ, говоритъ онъ, съ самой юности моей, но въ первый разъ началъ открыто говорить о нихъ только въ Брешии. Оттуда я посланъ былъ Господомъ во Флоренцію, это сердце Италіи, чтобы была начата, наконецъ, реформа всей страны».

Послѣ этого вступленія общаго характера, онъ переходитъ къ разсужденіямъ о грядущихъ наказаніяхъ и объ обновленіи. Чтобы привести слушателей къ ихъ необходимости, онъ первоначально изложилъ доказательства отъ разума, каковы: притѣсненіе избранныхъ, упорство грѣшниковъ, желаніе добрыхъ и такъ далѣе, до самаго послѣдняго, которое есть всеобщее убѣжденіе. «Ты видишь самъ! Всякій, кажется, говоритъ о приближеніи наказаній и смуть. Ты это видишь! Всякому кажется справедливымъ, чтобы, наконецъ, постигло насъ наказаніе за нашу косность во грѣхахъ». Онъ вспомнилъ аббата Джіоакино, «который также возвѣстилъ обновленіе около этого времени», разсказалъ, для большей вѣроятности приближающихся наказаній, множество притчъ, указалъ тысячу различій между однимъ родомъ видѣній и другимъ, и, наконецъ, изложилъ свои собственные. Здѣсь онъ ограничился описаніемъ только видѣнія меча, грядущаго на землю, и тѣхъ двухъ крестовъ, которые онъ видѣлъ воздвигшимися надъ Римомъ и Іерусалимомъ. Трудно представить себѣ, съ какой горячностью, съ какимъ жаромъ онъ описывалъ эти

картины, нарисованныя ему воображеніемъ, съ какой вѣрой онъ выдавалъ ихъ за видѣнія небесныя. Онъ повторялъ слова, слышанныя имъ съ неба отъ невидимыхъ существъ. Его голосъ торжественно гремѣлъ подъ сводами храма, нисходилъ, какъ божественное откровеніе, на его восторженныхъ слушателей, дрожавшихъ отъ страха, отъ удивленія и, въ то-же время, отъ наслажденія. Тогда подобныя сверхъестественныя видѣнія нравились тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе было въ людяхъ истинной вѣры. Аудиторія и ораторъ обмѣнивались какъ-бы магнетическими взглядами, въ которыхъ нельзя было ясно различить, кто-же господствуетъ надъ кѣмъ: это была взаимная экзальтація, возбужденно-лихорадочное состояніе, которое теперь намъ трудно не только описать, но и понять.

Но въ доказательствахъ необходимости грядущихъ бѣдствій Савонарола не удовольствовался только этими аргументами. Напротивъ, вновь приведя свой основной тезисъ, онъ обосновываетъ его на этотъ разъ уже доводами Свящ. Писанія. «Пророкъ Даніилъ сказалъ, что Антихристъ придетъ преслѣдовать христіанъ въ Іерусалимѣ: необходимо, слѣдовательно, чтобы Турки были обращены ко Христу. А какъ-же они могутъ обратиться, если церковь не обновится? Св. Матеей говоритъ, что Евангеліе будетъ проповѣдано во всемъ мірѣ. Но кто нынѣ способенъ къ этому? Гдѣ добрые проповѣдники и пастыри»? Продолжая все въ томъ-же родѣ, онъ заключаетъ: «Ты видишь, слѣдовательно, что Свящ. Писаніе, откровенія, естественный разумъ и всеобщее убѣжденіе возвѣщаютъ тебѣ близость наказанія. О, Италія, о правители, о прелаты церковные! Гнѣвъ Господень надъ вами, и вамъ нѣтъ другого способа избѣжать его, какъ лишь обратиться ко Господу. О, Флоренція, о, Италія! За ваши грѣхи наступили бѣдствія. Покайтесь-же, доколѣ мечъ еще не извлеченъ изъ ноженъ, доколѣ онъ еще не окровавленъ: иначе тщетны будутъ ваша сила, ваша мудрость, ваша мощь... Вотъ тебѣ мое послѣднее слово: я тебѣ все открылъ на основаніи соображеній отъ разума и отъ Священнаго Писанія, тебя просилъ, тебя умолялъ. Но приказывать тебѣ я не могу, ибо я для тебя отецъ, а не господинъ. Ты, Флоренція, дѣлай, мнѣ-же ничего

не остается, какъ только просить Господа, чтобы онъ просвѣтилъ тебя».

Эта проповѣдь тотчасъ-же была напечатана и обошла всю Италію, распространяемая друзьями и недругами Савонаролы: одни хотѣли познакомить міръ съ его краснорѣчіемъ, пропагандировать его ученіе, другіе хотѣли показать его дерзость, возстановить противъ него итальянскихъ правителей и папу. Въ рукахъ «Озлобленныхъ» она оказалась весьма полезнымъ орудіемъ, чтобы еще сильнѣе раздуть въ душѣ Борджіа тотъ гнѣвъ, какой они уже успѣли зажечь въ немъ противъ Савонаролы. Еще въ концѣ 1494 г. имъ удалось добыть изъ Рима приказъ, повелѣвающій Савонаролѣ идти съ проповѣдью въ Лукку, и теперь они усиленно хлопотали, чтобы настойчивыя просьбы Синьоріи объ отмѣнѣ этого приказа остались безъ послѣдствій. И, въ самомъ дѣлѣ, несмотря на горячія представленія «Десяти» оставить Савонаролу въ покоѣ, изъ Рима приходили все новыя подтвержденія уже данныхъ распоряженій. «Озлобленные», имѣвшіе теперь гонфалоньеромъ одного изъ своихъ приверженцевъ, надѣялись повернуть такимъ образомъ обстоятельства въ свою пользу и удалить монаха. Что касается самого Савонаролы, то онъ, чтобы не вызвать соблазна, уже готовился отправиться въ назначенный срокъ по указанію. Но передъ этимъ онъ произнесъ еще четыре проповѣди. Въ первой изъ нихъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы народъ постоянно продолжалъ улучшать свое новое правленіе, совѣтовалъ христіанскую любовь, миръ и единеніе. Во второй онъ разсуждалъ о незлобii и добрыхъ нравахъ, совѣтовалъ все излишнее раздать бѣднымъ, начиная съ самихъ монастырей. Если-бы удалось добыть на то позволеніе изъ Рима, монастырь Св. Марка былъ-бы первымъ между ними. «Я никогда не видывалъ Евангелія, которое рекомендовало-бы золотыя кресты и драгоценныя камни. Но я находилъ въ немъ: я жаждалъ, и вы мнѣ не дали напиться; я алкалъ, а вы мнѣ не дали ѣсть. Если вы добудете согласіе изъ Рима, я отдамъ тогда, съ своей стороны, все, начиная съ верхней одежды». Въ послѣднихъ двухъ проповѣдяхъ онъ простился съ народомъ, сказавъ, что

не хочет мѣшать гнѣву своихъ противниковъ. «Я долженъ идти въ Лукку, а оттуда, можетъ быть, въ другое мѣсто, смотря по приказаніямъ. Помолитесь Господу, чтобы Онъ мнѣ помогъ проповѣдывать его ученіе. Во Флоренціи много такихъ, которые хотѣли-бы убить меня, но знайте, что часть мой еще не настала. Я уйду, потому-что долженъ повиноваться приказаніямъ и не желаю возбуждать соблазна въ вашемъ городѣ. А вы, о избранники Божіи, укрѣпляйтесь въ молитвѣ и любви, не бойтесь ни бѣдствій, ни мученій, которыя всегда постигаютъ добрыхъ, но пребывайте твердыми въ дѣланіи добра». Сказавъ это, онъ сошелъ съ кафедры, поселивъ уныніе и волненіе среди всѣхъ своихъ почитателей.

Если, однако, гонфалоньеръ былъ недругомъ Савонаролы и если Синьорія теперь благопріятствовала ему болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, зато «Десять» показали себя вполне искренними его послѣдователями. Зная, что имъ сочувствуетъ весь народъ, они вновь написали въ Римъ, усердно прося Св. Отца, чтобы онъ соблаговолилъ позволить Савонаролѣ проповѣдывать въ Великомъ Посту во Флоренціи и не настаивалъ на приказѣ отправиться въ Лукку. Весь городъ былъ взволнованъ извѣстіемъ, что Савонарола уходитъ. Многіе уже начинали думать, что народное правленіе погибаетъ, со всѣхъ сторонъ полетѣли въ Римъ просьбы взять обратно сдѣланное распоряженіе. Борджіа не имѣлъ еще тогда достаточной причины ненавидѣть Савонаролу: объ его видѣніяхъ и предсказаніяхъ онъ зналъ мало и совсѣмъ о нихъ не беспокоился. Кромѣ того, король Карлъ, другъ монаха и флорентійцевъ, былъ въ Неаполѣ въ зенитѣ своихъ удачъ: папѣ не было расчета возстановлять его противъ себя. По всѣмъ этимъ причинамъ онъ позволилъ легко уговорить себя и удовлетворилъ просьбы флорентійцевъ, отмѣнивъ свое распоряженіе и разрѣшивъ Савонаролѣ проповѣдь Великимъ Постомъ во Флоренціи.

Но этотъ фактъ, самъ по себѣ малозначительный, на Савонаролу произвелъ глубокое впечатлѣніе, котораго онъ никогда не могъ забыть и вслѣдствіе котораго идеи его приняли новое направленіе. Быть высланнымъ для проповѣди изъ Флоренціи

ему, конечно, было неприятно, но повиновение было для него священнымъ долгомъ, и преступить его онъ не захотѣлъ-бы ни за что на свѣтѣ. Но какъ-же слѣдовало теперь смотрѣть на папу, который самъ такъ мало цѣнилъ свои Бreve, что издавалъ и отмѣнялъ ихъ, смотря по тому, кто послѣдній просилъ его о томъ? Теперь становилось очевиднымъ, что первое приказаніе было издано въ угоду лишь недругамъ Савонаролы, тѣмъ, которые уже начали строить противъ него всякаго рода козни. Если самъ папа не придавалъ никакого значенія своимъ Бreve, то какъ-же долженъ былъ относиться къ нимъ Савонарола? Долженъ-ли онъ былъ повиноваться, если-бы все это ему было извѣстно ранѣе? Но Савонарола отогналъ отъ себя всѣ эти мысли, какъ назойливыя искушенія. Въ Лукку онъ послалъ Фра Доменико, а когда оттуда настойчиво стали просить его придти, по крайней мѣрѣ, на Великій Постъ 1496 г., онъ отвѣчалъ, что прибудетъ, если только не случится ничего новаго, что могло-бы заставить его остаться во Флоренціи. Тѣмъ временемъ здѣсь онъ началъ свои великопостныя проповѣди. Предметомъ для своихъ бесѣдъ онъ избралъ книгу Іова, какъ-бы желая тѣмъ показать, что ему придется подвергнуть свое терпѣніе большому испытанію. Въ нихъ онъ, насколько это было возможно, воздерживался отъ разсужденій о дѣлахъ государственныхъ, чтобы не дать повода къ придиркамъ со стороны своихъ враговъ. Теперь нужно было начинать реформу нравовъ, не менѣе полезную, не менѣе необходимую, чѣмъ политическая, и онъ предался ей всей душой въ проповѣдяхъ на книгу Іова. Но эти проповѣди дошли до насъ не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ проповѣди его на «Ноевъ Ковчегъ». Собранныя не полностью, почти отрывками, лицомъ, которое постоянно замѣчаетъ, что волненіе побѣждало его, и онъ долженъ былъ прекращать запись ихъ, онѣ были переведены на латинскій языкъ, а потомъ вновь на итальянскій. Въ печати онѣ впервые появились въ Венеціи въ 1545 году.

Добродѣтельная жизнь, единодушіе и согласіе гражданъ составляютъ главный предметъ этихъ проповѣдей. Савонарола съ самаго начала заявилъ, что всякій можетъ спастись, лишь-

бы только онъ искренно желалъ жить хорошо. «Для насъ нѣтъ никакого извиненія, братіе: чистота души приближаетъ насъ къ Господу, и Евангеліе поможетъ намъ въ нашей немощи». Каждая проповѣдь начинается и кончается разсужденіемъ о добромъ житіи. Говорить-ли онъ о дружбѣ, онъ разбираетъ ея различныя степени и качества и приходитъ къ заключенію, что только та «дружба достойна этого имени и воистину тверда и устойчива, которая опирается на благо, на все честное, на добродѣтель». Разсуждаетъ-ли онъ о сущности свободы, онъ приходитъ къ тѣмъ-же заключеніямъ: «Богъ, по сущности своей, свободенъ, и праведный человѣкъ свободенъ по Его подобію. Истинная, единственная свобода состоитъ въ желаніи блага. Тебѣ кажется, что хорошій монахъ не свободенъ, потому-что онъ подчинилъ свою волю волѣ другого,—на самомъ-же дѣлѣ онъ имѣетъ болѣе свободы, чѣмъ мірской человѣкъ, потому-что онъ желаетъ именно того, что ему приказываетъ другой. Развѣ можетъ быть названъ свободнымъ человѣкъ, когда онъ поработенъ страстями?.. А, кстати, ты, Флоренція, хочешь быть свободною? Граждане, хотите вы свободы? Любите прежде всего Бога, любите ближняго, любите другъ друга, любите общее благо, и если будете имѣть эту любовь, это единеніе между собой, вы будете обладать истинной свободой». Къ этой необходимости согласія между людьми онъ обращается постоянно. «Флоренція, я тебѣ говорю, что ты должна быть единоклюбною, если хочешь быть свободна отъ золь, тебя терзающихъ. И если-бы ты сказала: о, мы имѣемъ единоклюбіе, то ты солгала-бы. Если ты скажешь, что ты имѣешь единеніе, ты лжешь, и еще и еще разъ повторю: лжешь! Если-бы ты была единоклюбна, то все, что я обѣщалъ тебѣ, ты уже имѣла-бы... Итакъ, будьте единоклюбны. Если хотите имѣть силу и мужество отъ Бога, нужно, чтобы матерія, которая должна получить эти дары, была расположена къ принятію ихъ, а это расположеніе состоитъ въ единоклюбіи, какого ты, Флоренція, не имѣешь. Гдѣ единоклюбіе, тамъ и Богъ, а гдѣ Богъ, тамъ вся сила и все добро».

Эти-же слова онъ постоянно влагаетъ въ уста Господа и заставляетъ Его говорить къ флорентійскому народу. Кажется,

что, воздерживаясь изъ благоразумія отъ вмѣшательства въ политику, онъ тѣмъ съ большей силой предался теперь своимъ видѣніямъ. У него есть цѣлая проповѣдь, посвященная вопросу о пророческомъ свѣтѣ. Въ другой онъ раздѣляетъ міръ на двѣ половины: злые, предводительствуемые дьяволомъ, и добрые—Иисусомъ Христомъ: избраннымъ онъ предлагаетъ заключить союзъ съ Христомъ и вызывается быть посланникомъ къ Нему. Въ послѣдующихъ проповѣдяхъ онъ приводитъ разговоры, какіе онъ имѣлъ во время этого страннаго посольства съ Божіей Матерью и Иисусомъ Христомъ. Главнымъ образомъ въ нихъ идетъ рѣчь объ единодушій и добромъ житіи. «Посмотри на природу, говоритъ Иисусъ Христосъ Савонаролѣ, тамъ все постепенно сводится къ единому, самому совершенному. Всѣ движенія вещей матеріальныхъ сводятся къ движенію неба, всѣ движенія нашего тѣла—къ движенію сердца, всѣ движенія духа—къ разуму, всѣ управленія и правительства—къ Богу, Первому Правителю вселенной. Замѣть, что когда части какого-нибудь предмета разъединены, не говорится, что этотъ предметъ существуетъ; когда-же нужно опять вызвать его къ бытію, необходима сила, которая возстановила-бы единеніе его частей. Если-бы можно было выразить всю Мою силу и всю Мою благодѣтельность въ какомъ-нибудь одномъ твореніи, Я это сдѣлалъ-бы, и только потому, что ни одно изъ нихъ не въ состояніи вмѣстѣ ихъ въ себѣ, Я создалъ множество тварей, которыя всѣ вмѣстѣ представляютъ наибольшее и обширнѣйшее единство. Посмотри на всю природу, и ты увидишь, что тамъ всякое существо стремится къ своему единству. Его ищетъ все существующее, за исключеніемъ лишь народа флорентійскаго, который ничего другого не желаетъ, какъ раздѣленія и разъединенія». Затѣмъ онъ переходитъ къ разсужденію о добромъ житіи, влагая рѣчь въ уста Господни: «Добро имѣетъ природную способность къ распространенію. Поэтому, Я, Высшее Благо, разливаюсь въ творенія. Я далъ бытіе всей твари, въ которой всякое благо есть отголосокъ Моей благодѣтельности. Ради нея Я сошелъ къ людямъ, сдѣлался человекомъ и восшелъ на крестъ. Итакъ, вотъ вамъ признакъ, по

которому можно узнавать добраго человѣка: когда кто - нибудь распространяетъ въ другихъ свою доброту и дѣлаетъ ихъ причастниками того блага, какое есть въ немъ самомъ, тогда этотъ человѣкъ, поистинѣ, благу и причастенъ Моей благодости... Но гдѣ наблюдается обратное, когда кто-нибудь бережетъ и кроетъ только для себя одного талантъ, какой Я вручилъ ему, это ясный признакъ того, что онъ не имѣетъ ничего общаго со Моей благодостію. Христіанская жизнь состоитъ не въ обрядахъ, но въ томъ, чтобы быть добрымъ, то есть, быть жалостливымъ и милосердымъ. Вотъ какъ узнается доброта человѣка: по тому, милосердъ-ли онъ и дѣлаетъ-ли онъ другихъ, въ особенности обиженныхъ судьбою, причастниками того, чѣмъ онъ обладаетъ самъ. И въ этомъ состоитъ сущность христіанской религіи, основанной на любви и милосердіи».

Итакъ, главнымъ предметомъ этихъ проповѣдей постоянно является реформа нравовъ, теперь необходимая больше, чѣмъ реформа политическая, которая шла уже своимъ чередомъ. Правда, эти проповѣди полны видѣній, аллегорій, странныхъ толкованій Библии, представляющихъ еще болѣе странными въ передачѣ неумѣлаго компилятора, къ тому-же суевѣрнаго, взволнованнаго и неопытнаго. Но всѣ эти странности представляютъ собой, такъ сказать, виѣшній покровъ его идей, сущность которыхъ состоитъ въ проповѣди добраго житія и единокровія гражданъ. Приведемъ хоть одинъ примѣръ того, какъ у него нравственное чувство вытекаетъ изъ видѣній и библейскихъ аллегорій, толкуемыхъ всегда одинаковымъ манеромъ: «Повѣствуетъ Св. Маркъ, что, по прошествіи субботы (страстной), на слѣдующее утро три Маріи рано пришли ко гробу Іисуса съ ароматами для помазанія тѣла Спасителя. Эти три Маріи знаменуютъ людей совершенныхъ, стоящихъ на пути къ совершенству и тѣхъ, кто дѣлаетъ первый шагъ къ исканію Христа. Какъ я вамъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ при толкованіи этого-же Евангелія, онѣ несутъ ароматичныя, душистыя вещества, то есть, добродѣтели, которыми онѣ дорожили Христу. Прибываютъ ко гробу, *orto jam sole*, то есть, когда солнце уже взошло»... «Если ты ищешь Христа, когда въ тебѣ родилось солнце правды, ты

будешь просвѣщенъ, и будетъ удовлетворено желаніе твое. Но необходимо, чтобы ты шелъ съ чистою совѣстью и чтобы ты дѣйствовалъ, ибо именно дѣятельность и усовершенствуетъ тебя. Вотъ здѣсь три Маріа, которыя съ чистой душой искали своего Господа, и ты видишь, что въ концѣ онѣ были утѣшены. Идя-же, онѣ думали: кто отвалить намъ камень отъ гроба? Такъ разсуждая, прибыли онѣ ко гробу и увидѣли, что камень отваленъ. Ища Христа, творя добро, ты и самъ не подозрѣваешь, что Онъ уже въ тебѣ, что онъ отвалилъ въ тебѣ камень невѣдѣнія. Открывшійся внутри свѣтъ скажетъ тебѣ, какъ ангелъ Маріамъ: «*Iesum quaeritis Nazarenum? Surrexit, non est hic*». «Я знаю, что вы ищите Христа. Онъ воскресъ, здѣсь нѣтъ Его. То есть, ищите Христа на небѣ. Не ищите Его въ томъ, что принадлежитъ только этой жизни, этому міру. Ищите Его въ вещахъ небесныхъ, божественныхъ и духовныхъ. Оставьте всякую привязанность къ временному. Онъ на небѣ и тамъ васъ ожидаетъ. О христіане, что вы здѣсь дѣлаете? Стремитесь туда, гдѣ вашъ Глава, ибо Онъ есть ваше блаженство. *Venite et videte*, сказалъ ангелъ Маріамъ, то есть, подойдите и посмотрите здѣсь въ гробницѣ, что Христа нѣтъ, ибо онъ воскресъ. *Sed ite*, но идите, то есть, восходите отъ добродѣтели къ добродѣтели въ настоящей жизни, если желаете обрѣсти Христа въ другой». Такъ онъ кончилъ кругъ великопостныхъ проповѣдей на книгу Іова, при чемъ послѣдняя изъ нихъ, какъ и многія другія, дошла до насъ недоконченной, вслѣдствіе волненія того, кто записывалъ ее.

Савонарола казался очень утомленнымъ: хотя энергія и свѣтилась еще во взглядѣ и въ огненномъ блескѣ его глазъ, но самъ онъ необычайно исхудалъ, видимо былъ изможденъ, а болѣзнь внутренностей каждый день ослабляла его все болѣе. Жизнь его въ послѣдніе годы была борьбой, требовавшей непрерывнаго и необычайнаго напряженія. Онъ и не предполагалъ, что вмѣшательство въ политическія дѣла Флоренціи потребуетъ отъ него столько силъ. Тяжесть состояла не только въ томъ, чтобы все соображать, говорить, постоянно подавать совѣты, какъ должна быть произведена перемѣна правленія и ре-

форма государства, но въ томъ, чтобы вынести на себѣ огромную нравственную отвѣтственность за судьбы всего народа, который довѣрялся только ему и всецѣло полагался на него одного. Ему необходимо было заботиться о томъ, чтобы поддерживать свое моральное вліяніе на массу, оживотворять ее своимъ духомъ, подчинять ее своей волѣ: отсюда — вѣчное напряженіе, возбужденіе, непрекращающееся лихорадочное состояніе. Но таково уже было сердце Савонаролы, что, едва утихла борьба политическая, онъ, вмѣсто того, чтобы отдохнуть, своими проповѣдями на книгу Іова приступилъ къ дѣлу, не менѣе важному. Онъ предался ему, какъ всегда, всей душой, съ любовью, съ настойчивостью, съ силой воли неопи- суемыми. Содержание этихъ проповѣдей, дошедшихъ до насъ въ такомъ несовершенномъ видѣ, было, вѣроятно, наименѣе интересной ихъ стороною. Онъ разсуждалъ теперь о предметѣ, который былъ особенно близокъ его сердцу, а физическая слабость лишь увеличивала его нравственную экзальтацію. Глаза его горѣли, жесты отличались особенной нервностью. И если иногда онъ вдавался въ слишкомъ пространныя разсужденія о своихъ видѣніяхъ, зато искренность, доброта и благожелательность, сквозившія въ его словахъ, были таковы, что, слушая Савонаролу, толпа вдохновлялась къ дѣламъ милосердія и предавалась горькимъ слезамъ о своихъ грѣхахъ. Проповѣди, произнесенныя имъ въ концѣ Великаго Поста, имѣли еще большій успѣхъ, чѣмъ проповѣди на пророка Аггея, носившія политическій характеръ.

Внѣшняя фізіономія города теперь совсѣмъ измѣнилась. Женщины оставили свои богатые украшенія, одѣвались просто и вели себя скромно, распущенная молодежь, какъ-бы чудомъ какимъ-то, стала вдругъ воздержной и религіозной, карнавальныя пѣсни уступили мѣсто церковнымъ пѣснопѣніямъ. Въ часы отдыха рабочіе сидѣли въ мастерскихъ съ Библіей или съ трудами Савонаролы въ рукахъ. Всюду творилась молитва, посѣщались церкви, раздавались щедрыя милостыни. Но особенно удивительно то, что банкиры и купцы изъ побужденій добросовѣстности возвращали суммы, приобрѣтенныя ими неправильно

и достигавшія иногда нѣсколькихъ тысячъ флориновъ. Всѣ были изумлены такой необычайной и почти чудесной переменой, и если Савонарола былъ разбитъ и боленъ, все-же легко понять, какое утѣшеніе онъ долженъ былъ испытывать, видя, что народъ сталъ все болѣе и болѣе проникаться христіанскимъ духомъ. Теперь онъ могъ - бы умереть довольнымъ. Но часть его еще не пробилъ: Господь хранилъ его для вышнихъ цѣлей.

Во всемъ этомъ «Озlobленные», естественно, ничего не хотѣли видѣть, кромѣ предлога для насмѣшекъ, и постоянно глумились надъ монахомъ и его послѣдователями, называя ихъ «Плаксами», «Кривошеями», «Подлизалами», «Молитвожевателями». Но эти самые «Плаксы» были единственными, кто стоялъ за права народа, кто съ наибольшимъ рвеніемъ хватался за оружіе, когда французы угрожали городу, кто оказывалъ наиболѣе щедрую матеріальную помощь государству въ критическія минуты, кто съ особенной сердечностью шелъ навстрѣчу простому народу, угнетенному дороговизной жизни и безработицей. Они тѣмъ крѣпче любили республику, чѣмъ тѣснѣе чувствовалась связь между свободой и религіей, и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ только на этихъ послѣдователей монаха, на этихъ самыхъ «Плаксъ», и могла рассчитывать Флоренція.

Полное энтузіазма отношеніе къ монастырю Св. Марка и къ Савонаролѣ, къ величайшему неудовольствію «Озlobленныхъ», становилось все болѣе и болѣе общимъ. Изъ деревень и окружающихъ городъ виллъ крестьяне и господа выѣзжали ночью, чтобы поспѣть къ проповѣди Савонаролы. Нѣкоторые являлись даже изъ окрестностей Болоньи, чтобы провести Великій Постъ во Флоренціи. Дѣло дошло до того, что даже Соборъ не могъ вмѣщать всей толпы слушателей. Многіе новые монастыри просили позволенія войти въ Тосканскую Конгрегацію, а количество поступившихъ въ Санъ Марко увеличилось невѣроятно: съ 50 бывшихъ въ началѣ монаховъ, оно возросло до 238. Пришлось, поэтому, испросить у республики позволеніе занять подъ монастырскія нужды сосѣднее зданіе Сашенца, которое и соединили подземнымъ ходомъ подъ улицей Маліо съ

монастыремъ. Въ монахи поступали молодые люди самыхъ знатныхъ флорентійскихъ фамилій, какъ, на примѣръ, шестеро братьевъ Строцци, Гонди, Сальвіати, Аччіайоли, а равно и люди пожилые, пріобрѣвшіе извѣстность въ литературѣ, въ наукахъ, въ управленіи общественными дѣлами, какъ, на примѣръ, Пандольфо Ручеллаи, Джіорджіо Веспуччи, дядя знаменитаго путешественника, Цаноби Аччіайоли, еврей Блемметъ, учитель Пиколелла Мирандола, Пьетро Паоло да Урбино, читавшій медицину, и многіе другіе.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія и самый процессъ пріятія этихъ свѣтскихъ людей въ монашество: онъ доказываетъ, что Савонарола рѣшительно не поощрялъ ни поспѣшныхъ рѣшеній, ни увлеченій въ этомъ вопросѣ, а, напротивъ, дѣйствовалъ съ величайшей осмотрительностью. Примѣръ этому мы видимъ въ обращеніи флорентійца Беттуччіо, извѣстнаго намъ болѣе подъ именемъ Фра Бенедетто. Объ этомъ мы имѣемъ его собственное свидѣтельство. Онъ былъ сынъ ювелира и занимался очень выгоднымъ въ то время искусствомъ дѣлать миниатюры; молодой человѣкъ, въ расцвѣтѣ силъ, веселаго характера, горячій, смѣлый, задорный, онъ зналъ музыку, пѣніе, интересовался поэзіей, любилъ хорошо пожить и съ головой окунуться во всевозможныя удовольствія. Онъ былъ всегда желательнымъ и пріятнымъ гостемъ въ веселыхъ компаніяхъ, среди которыхъ и велъ разсѣянную жизнь щеголя:

Tanto musco e profumo allor portavo,
Con tante pompe e leggiadrie e gale,
Che col cervel senza penne volavo.

То были, говоритъ онъ самъ, времена несчастныя: времена папы Александра, полныя жадности, сластолюбія и невѣрія: «почти не вѣрили, что есть что-нибудь выше крыши».

Такова была жизнь миниатюриста Беттуччіо, когда стала распространяться слава о монахѣ Св. Марка, когда весь народъ устремлялся на проповѣди Савонаролы. Но онъ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы слѣдовать за толпой: онъ стоялъ на сторонѣ «Озлобленныхъ» и вмѣстѣ съ ними глумился надъ «Плаксами». Однажды, находясь въ домѣ одной знатной и красивой дамы, онъ сыпалъ только шутками, когда та съ во-

сторгомъ отзывалась о проповѣдяхъ Савонаролы. Но въ другой разъ, уступая ея деликатной настойчивости, онъ позволилъ завести себя въ Соборъ. Беттуччіо самъ описываетъ, какое смущеніе испыталъ онъ при входѣ въ церковь, когда увидѣлъ себя среди массы вѣрующихъ, съ удивленіемъ обращающихся на него. Въ первый моментъ онъ хотѣлъ было даже уйти, однако, скрѣпя сердце, остался. Но когда Савонарола взошелъ на кафедру, дѣло сразу измѣнилось. Беттуччіо не могъ оторвать глазъ отъ него, все вниманіе его было поглощено имъ. Полученное впечатлѣніе было огромно, «и тогда-то, говоритъ онъ, я понялъ, наконецъ, что я болѣе мертвъ, чѣмъ живъ». Выслушавъ проповѣдь, онъ удалился въ уединеніе «и въ первый разъ углубилъ свою мысль въ себя самого». Послѣ долгихъ размышленій онъ возвратился домой и совѣмъ измѣнилъ свой образъ жизни: оставилъ ноты и музыкальные инструменты, порвалъ всякія сношенія съ обычной своей компаніей, снялъ надушенные одежды. «Какъ-бы вѣтромъ съ меня сбросило всякую веселость».

Съ этого дня онъ сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ слушателей Савонаролы, часто посѣщалъ монастырь Св. Марка, непрестанно читалъ молитвы и литаніи. Странныя видѣнія являлись ему, въ воздухѣ онъ слышалъ божественные голоса. «Жестока была борьба, которую пришлось вынести съ моими пріятелями—они преслѣдовали меня насмѣшками на каждомъ шагѣ. Но еще болѣе жестока была борьба съ собственными моими страстями, время отъ времени просыпавшимися во мнѣ и жестоко меня обуревавшими». Достигнувъ, наконецъ, нѣкоторой увѣренности въ себѣ, онъ припалъ къ ногамъ строгаго настоятеля Санъ Марко съ мольбой принять его въ число братіи его монастыря. Голосъ его дрожалъ, слова не шли у него съ языка въ присутствіи того, кому онъ былъ обязанъ своимъ возрожденіемъ. Въ отвѣтъ на его просьбу, Савонарола указалъ ему на опасность поспѣшныхъ рѣшеній, на трудности монашеской жизни и, въ заключеніе, посоветовалъ продлить еще на нѣкоторое время свой искусь, держаться по-христіански въ міру прежде, чѣмъ окончательно переступить монастырскій порогъ. Совѣтъ былъ не безполезенъ, потому-что Беттуччіо вновь пришлось вынести борьбу съ своими

буйными страстями, при чемъ ему не всегда удавалось выходить изъ нея побѣдителемъ. Горько раскаявшись въ новыхъ своихъ паденіяхъ и втеченіе долгаго времени видя себя господиномъ собственныхъ настроеній, онъ опять обратился къ Савонаролѣ—на этотъ разъ съ болѣе спокойнымъ духомъ. Никогда не терявшій его изъ виду, Савонарола, однако, не принялъ его въ число братіи, а поручилъ ему до поры до времени ухаживать за больными и погребеніе мертвыхъ. «Такъ много мѣсяцевъ я оказывалъ въ одномъ святомъ госпиталѣ милосердіе живымъ и мертвымъ». Время отъ времени Савонарола приглашалъ его въ свою келью, давалъ ему совѣты и поученія относительно монашескаго житія. Наконецъ, 7 Ноября 1495 года Беттуччіо принялъ монашество, а 13 Ноября торжественно произнесъ положенные обѣты, принявъ имя Фра Бенедетто.

Въ его лицѣ Савонарола приобрѣлъ одного изъ самыхъ вѣрныхъ послѣдователей, который въ минуты опасности съ честью вынесъ ниспосланное ему испытаніе и въ которомъ удивленіе, или, лучше сказать, благоговѣніе къ учителю все возрастало вплоть до послѣднихъ моментовъ его жизни. Съ той-же осмотрительностью давалъ Савонарола совѣты и другимъ и никогда никого не торопилъ поступленіемъ въ монахи. Его единственной цѣлью было—улучшить нравы, распространить нравственность, обновить религію Христа, которая, казалось, умерла въ душахъ людей. И этой задачѣ онъ посвящалъ теперь все свое время, всѣ свои силы—свою волю, свою душу. Когда онъ проповѣдывалъ улучшение нравовъ и преусибіяніе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, въ его глазахъ, казалось, отражалось все, что кипѣло у него внутри. Въ народѣ, черезъ его слово, разливались силы духа, и народъ этотъ день ото дня, видимо, совершенствовался подъ столь благотворнымъ вліяніемъ. Всѣ почти современные писатели выражаютъ свое удивленіе предъ этимъ чудомъ: одни торжествуютъ, видя успѣхи, какіе сдѣлала тогда религія, другіе оплакиваютъ времена веселыхъ плясокъ и карнавальныхъ пѣсенъ. Но всѣ единогласно отмѣчаютъ перемѣну нравовъ и единственнымъ виновникомъ этого явленія признаютъ монаха Фра Джироламо Савонаролу.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

(1495—1497).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Карль VIII возвращается во Францію. Союзники помогаютъ Пьеро Медичи въ его попыткѣ овладѣть Флоренціею. Савонарола проповѣдуетъ противъ тиранніи и Медичи: послѣдніе отражены.

(1495—1496).

Ходъ политическихъ дѣлъ Италіи принялъ новое направленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сильно измѣнились и условія республиканскаго правленія и условія жизни Савонаролы. Въ началѣ 1495 года счастье удивительно покровительствовало французамъ: король Карль дошелъ до Неаполя, не встрѣтивъ на пути никакого сопротивленія. Аррагонскій домъ бѣжалъ, и французское владычество утвердилось тамъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. Но счастье покинуло короля такъ-же быстро, какъ и вознесло его. Французы съумѣли въ самое короткое время возстановить противъ себя какъ правителей, такъ и все населеніе Италіи. Недостойное поведеніе ихъ по отношенію къ флорентійцамъ заслуживаетъ самаго строгаго осужденія: они только и знали, что требовали денегъ, расточая все новыя обѣщанія и никогда не исполняя ихъ. Неаполитанцы были возмущены ихъ наглостью до того, что съ нетерпѣніемъ стали ожидать возвращенія Аррагонцевъ. Правители итальянскіе приведены были въ ужасъ могуществомъ этого войска чужеземцевъ, побѣдоносно прошедшаго всю страну. Но болѣе всѣхъ былъ недоволенъ ими тотъ самый Людовико Моро, по приглашенію котораго Карль собственно и перешелъ Альпы. Онъ съ величайшимъ безпокойствомъ видѣлъ среди французовъ множество ломбардскихъ и генуэзскихъ выходцевъ. Ужасъ наводило на него то обстоятельство, что его личный врагъ Джіанъ Джіакомо

Тривульціо находится въ числѣ самыхъ первыхъ генераловъ и наиболѣе приближенныхъ къ королю лицъ. Но что особенно раздражало его и наводило на подозрѣнія, такъ это то, что Карлъ никакъ не хотѣлъ отдать ему обѣщаннаго по договору княжества Таранто. И вотъ Людовико, вновь поддавшись страху, начинаетъ строить козни за кознями: самъ-же, на горе Италіи, зазвавъ сюда французовъ, онъ прилагаетъ теперь всѣ усилія къ образованію подъ своимъ главенствомъ новой итальянской лиги для «изгнанія варваровъ» и успѣваетъ въ этомъ!

Договоръ былъ подписанъ 31 Марта 1495 года въ Венеціи. Въ союзѣ, кромѣ венеціанской республики, приняли участіе папа, императоръ и король Испаніи. Открыто объявленной цѣлью союза была защита христіанства отъ турокъ, поддержаніе цѣлости Италіи и союзныхъ государствъ. Для этого предполагалось держать постоянно подъ ружьемъ 34.000 кавалеріи и 20.000 пѣхоты. Султанъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, благопріятствовалъ этой лигѣ, обѣщая ей помощь людьми и деньгами: истинной-же цѣлью ея было изгнаніе французовъ изъ Италіи. И въ самомъ дѣлѣ, согласно секретнымъ статьямъ договора, Испанія обязывалась послать вооруженную флотилію королю Фердинанду, чтобы помочь ему возвратить королевство, а венеціанцы — сдѣлать нападеніе на побережье Адриатическаго моря. Герцогъ, захвативъ Асти, тѣмъ самымъ долженъ былъ отрѣзать путь вспомогательнымъ отрядамъ французовъ. Императоръ и Испанія обязывались съ суши напасть на границы Франціи. Такимъ образомъ, Моро успѣлъ поднять на нее враговъ со всѣхъ сторонъ. Но все это не укрылось отъ короля Карла. Проницательный французскій посолъ мессеръ Филиппъ Комминъ сразу-же угадалъ скрытую цѣль лиги и въ день заключенія союза написалъ о ней изъ Венеціи въ Неаполь королю. Послѣдній, оставивъ сильный гарнизонъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, съ остальнымъ войскомъ вынужденъ былъ искать способовъ какъ-нибудь пробиться во Францію.

Самъ Комминъ, не теряя времени, спѣшилъ къ своему государю, избравъ для того путь черезъ Тоскану. Это было

единственное итальянское государство, которое, отвергнувъ всѣ предложенія союзниковъ и не обращая вниманія на ихъ угрозы, оставалось вѣрнымъ Карлу. Первою мыслью Коммина, по прибытіи во Флоренцію, было посѣтить монастырь Св. Марка. Онъ хотѣлъ ближе познакомиться съ Савонаролой и составить себѣ ясное представленіе о монахѣ, о которомъ гремѣла тогда слава по всему міру. И этотъ испытанный знатокъ людей, вышедъ изъ его кельи проникнутый удивленіемъ и величайшимъ къ нему благоговѣніемъ, доказательства чѣму мы находимъ почти на каждой страницѣ его «Мемуаровъ». Онъ думалъ найти человѣка болѣе или менѣе обыкновеннаго, а увидѣлъ нѣчто совсѣмъ выдающееся. Удивленіе его началось съ первыхъ-же словъ бесѣды съ Савонаролою, когда тотъ въ разговорѣ о политикѣ обнаружилъ глубочайшее знаніе и людей, и всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ. «Онъ говорилъ о великой ассамблеѣ, устроенной венеціанцами, лучше, чѣмъ могъ-бы это сдѣлать я, который тогда возвращался оттуда. Затѣмъ жизнь его была самою благочестивою въ мірѣ, какъ это могъ видѣть всякій. Проповѣди его были направлены противъ пороковъ и утвердили добрые нравы во Флоренціи. Я не хочу высказывать своего мнѣнія относительно его откровеній. Одно несомнѣнно, что онъ предсказалъ мнѣ и королю вещи, которымъ никто тогда не вѣрилъ, но которыя всѣ потомъ сбылись. Враги его утверждаютъ, что онъ пользовался исповѣдью, какъ средствомъ для разузнаванія государственныхъ тайнъ. Но мнѣ это кажется мало-вѣроятнымъ. По моему мнѣнію, Савонарола человѣкъ совершенно честный, открывавшій такія вещи, о которыхъ никто изъ флорентійцевъ ничего не могъ сказать ему». Вѣра Коммина въ Савонаролу была такова, что онъ съ величайшей настойчивостью упрашивалъ его сказать, избѣжитъ-ли король опасностей, какія тогда угрожали ему. Въ отвѣтъ на это Савонарола торжественно напомнилъ ему о вѣроломствѣ короля, о неисполненныхъ имъ обѣщаніяхъ, о неповиновеніи его Божиимъ повелѣніямъ, о великомъ дѣлѣ реформы Италіи и церкви, имъ оставленномъ. «Эти новыя опасности, сказалъ онъ въ заключеніе, являются предвѣстниками гораздо большаго наказанія, какое постигнетъ ко-

роля, если онъ не поспѣшитъ выказать своего послушанія Господу и не обратится на добрый путь. Что касается настоящаго момента, то предстоитъ большая борьба, изъ которой онъ, въ концѣ концовъ, выйдетъ побѣдителемъ». Послѣ этого замѣчательнаго разговора Комминъ продолжалъ свой путь къ неаполитанскому королевству.

Между тѣмъ, Карлъ VIII, оставивъ сильные гарнизоны въ неаполитанскомъ королевствѣ, еще 20 мая выступилъ оттуда съ остальнымъ своимъ войскомъ, находившимся подъ главнымъ начальствомъ Тривульціо, въ надеждѣ оружіемъ проложить себѣ дорогу во Францію. Прибывъ 1 Іюня въ Римъ, онъ хотѣлъ лично повидаться съ папой, но тотъ за день передъ этимъ убѣжалъ въ Орвіето. Александръ Борджіа имѣлъ много причинъ бояться французовъ: сначала онъ пригласилъ ихъ въ Италію, но потомъ, подкупленный Аррагонцами, отвернулся отъ нихъ. Когда французы оказались на вершинѣ славы, онъ снова сблизился съ ними, а теперь не только объявилъ себя ихъ врагомъ, но и сдѣлался однимъ изъ главныхъ вдохновителей лиги. Къ этому присоединилось еще одно исключительное обстоятельство, собственно возможное только въ то время и только при Борджіа. Когда французы въ первый разъ проходили черезъ Римъ, тамъ содержался въ качествѣ плѣнника князь Джемме, братъ великаго султана Баязета II. Это былъ юноша, полный отваги, увлекавшійся музыкою и поэзіей, съ чисто восточнымъ типомъ лица и характера, пользовавшійся всеобщими симпатіями. Не безъ нѣкоторой надежды на успѣхъ, онъ оспаривалъ у своего брата права на тронъ турецкой имперіи. Вынужденный, затѣмъ, обстоятельствами бѣжать на островъ Родосъ, онъ былъ здѣсь взятъ въ плѣнъ Великимъ Магистромъ Ордена и препровожденъ къ папѣ Иннокентію VIII. По смерти послѣдняго, онъ перешелъ въ руки Александра Борджіа, который крѣпко стерегъ эту драгоценную добычу. И въ самомъ дѣлѣ, султанъ страшно боялся, чтобы братъ его какъ-нибудь не убѣжалъ изъ плѣна, и платилъ папѣ ежегодно по 40.000 дукатовъ, чтобы тотъ держалъ его у себя. Онъ не разъ общался ему и еще большія суммы, если съ нимъ будетъ покончено совѣмъ. При

проходѣ французовъ чрезъ Римъ, первое, о чемъ просилъ король папу, было позволеніе взять съ собой Джемме, чтобы, какъ онъ объяснялъ, воспользоваться имъ въ войнѣ противъ султана. Александръ Борджіа, хотя и весьма неохотно, долженъ былъ уступить его и даже отправить вмѣстѣ съ нимъ сына своего Чезаре, впослѣдствіи герцога Валентино, съ титуломъ и званіемъ посла. На самомъ-же дѣлѣ, оба они нужны были королю въ качествѣ заложниковъ въ виду измѣнчивой политики папы. Чезаре вскорѣ убѣжалъ изъ лагеря, а черезъ нѣсколько дней, совершенно для всѣхъ неожиданно, скончался и молодой Джемме. Одни говорили, что папа передалъ его королю уже отравленнымъ, другіе увѣряли, что ядъ былъ поднесенъ ему сыномъ папы. Какъ-бы тамъ ни было, одно несомнѣнно, что незадолго передъ тѣмъ султанъ писалъ папѣ, обѣщая ему 300 тысячъ дукатовъ и вѣчную дружбу, если тотъ пришлетъ ему трупъ брата.

Несмотря на всѣ эти обстоятельства, Карлъ VIII не имѣлъ тогда возможности остановиться въ Римѣ и подумать о мщеніи. Онъ продолжалъ свой путь и 13 іюня прибылъ въ Сіену. Трудно представить себѣ, до какой степени извѣстіе объ этомъ взволновало флорентійцевъ, которымъ Карлъ сталъ уже ненавистенъ. Они еще оставались вѣрными его союзниками, но никакъ не могли простить ему его вѣроломства, нарушенія имъ условій трактата, поддержки и помощи пизанцамъ въ ихъ возмущеніи противъ Флоренціи. Король только и зналъ, что просилъ денегъ, каждый разъ давая обѣщанія очистить занятые имъ крѣпости и усмирить Пизу, но не исполнялъ ни того, ни другого. Положеніе флорентійцевъ, благодаря всему этому, день ото дня все ухудшалось, несмотря на всѣ ихъ старанія помочь себѣ. Они послали подъ Пизу цвѣтъ своего войска подъ командой Пьеро Капони, наняли Эрколе Бентивольо и другихъ капитановъ, но пизанцы получали все новыя поддержки изъ Генуи, Сіены, Милана и даже отъ самого Карла. Когда флорентійскіе послы напомнили королю о данныхъ имъ обѣщаніяхъ, онъ отвѣтилъ: «Но что-же я могу подѣлать, если ваша Синьорія возстановляетъ противъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ?». А за-

тѣмъ, почти тутъ-же, послалъ пизанцамъ 600 человекъ изъ своихъ швейцарскихъ и гасконскихъ пѣхотинцевъ, которые были большой подмогой для нихъ въ этой войнѣ. Такъ мятежъ встрѣчалъ поощреніе на всей территоріи республики. Скоро (26 мая) Монтепульчiano сдался сiенцамъ, которые и не замедлили послать туда свой гарнизонъ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ подходилъ король къ Флоренціи, и какъ-будто всего этого было недостаточно для возбужденія народнаго негодования, онъ еще велъ съ собою Пьеро Медичи!

Лишь только распространилось въ городѣ извѣстіе объ этомъ, какъ всѣ съ озлобленіемъ бросились къ оружію. Интересно было видѣть, замѣчаетъ историкъ Якопо Нарди, насколько быстро успѣли вооружиться всѣ—и малые, и большіе, и какъ простые граждане соревновали съ комиссарами Синьории въ заготовленіи сѣбѣстныхъ припасовъ и боевого матеріала. Живо было набрано въ предмѣстьяхъ 11.000 пѣхоты. Каждый собиралъ у себя въ домѣ друзей и родственниковъ, снабжалъ башни камнями, заколачивалъ двери. Многія улицы преграждены были рѣшетками. Гонфалоньеры компаній ночью обходили городъ и наблюдали, чтобы въ него не проникъ ни одинъ иностранный солдатъ. И все это дѣлалось тѣми самыми «Плаксами», про которыхъ «Озлобленные» говорили, что они способны были только бормотать «Богородицу». Правда, «Плаксы» продолжали посѣщать и богослуженія, творили общественныя молитвы, раздавали милостыню, носили въ торжественныхъ процессіяхъ Мадонну «Импрунета» *). Но граждане, отличавшіеся особенной ревностью въ подвигахъ религіи, охотно становились и подъ оружіе. Савонарола, продолжавшій по праздникамъ говорить свои проповѣди на псалмы, восклицалъ теперь съ каеэды: «молитесь, но не пренебрегайте и мірскими дѣлами: нужно помогать себѣ всячески, тогда и Господь будетъ съ вами. Смѣлость, братіе! Но прежде всего единодушіе! Если вы будете единодушны, если вы будете связаны однимъ желаніемъ, то пусть весь міръ будетъ противъ насъ побѣда будетъ наша.

*) Мѣстечко, недалеко отъ Флоренціи, гдѣ хранится особочтимая статуя Божьей Матери.

Не страшитесь того, что вы видите теперь, потому-что это только начало бѣдамъ. Настанутъ времена еще болѣе тяжкія. Вы увидите враговъ со всѣхъ сторонъ, вы услышите: вотъ они надвигаются отъ Рима, вотъ съ этой стороны, вотъ съ той, вотъ они здѣсь. И тогда, о бѣдная Флоренція, о бѣдная Италія!.. Итакъ, пусть между вами будетъ единодушіе, единодушіе въ Господѣ, потому-что побѣда, въ концѣ концовъ, все-же будетъ на сторонѣ благочестивыхъ».

Между тѣмъ, первые послы, отправленные республикою къ королю Карлу въ Сіену, ничего не добились отъ него, кромѣ грубыхъ отвѣтовъ. Они спрашивали его, какой дорогой онъ хочетъ идти, чтобы снабдить его продовольствіемъ, а онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: «снабжайте имъ всѣ ваши владѣнія». Онъ былъ страшно взбѣшенъ, узнавъ, что вся Флоренція взялась за оружіе, какъ при наступленіи врага. Послы, съ своей стороны, зная, что въ лагерѣ его находится Пьеро Медичи, и подозрѣвая, что король хочетъ водворить его во Флоренціи, говорили съ нимъ языкомъ скорѣе смѣлымъ, чѣмъ благоразумнымъ. Такимъ образомъ, взаимное неудовольствіе все возрастало, и безъ человѣка, который вмѣшался-бы въ это дѣло съ большимъ авторитетомъ и твердостью, нельзя было и надѣяться на мирное соглашеніе. Тогда всѣ снова и единодушно обратились къ Савонаролѣ. Онъ одинъ только умѣлъ тономъ твердымъ, не допускающимъ возраженій, говорить съ этимъ королемъ, не раздражая его особенно. Онъ одинъ только пользовался полнѣйшимъ его уваженіемъ и постоянно обмѣнивался съ нимъ письмами, о которыхъ знали всѣ. Одно изъ этихъ писемъ попало въ руки его недруговъ. Они тотчасъ-же постарались предать его гласности, чтобы возбудить противъ него негодованіе лиги, но, въ результатѣ этого, народныя къ нему симпатіи возросли еще болѣе. Въ письмѣ этомъ говорилось слѣдующее: «Христіаннѣйшій Государь! Господь хочетъ, чтобы флорентійцы оставались въ союзѣ съ Вашимъ Величествомъ, но хочетъ также, чтобы подъ Вашимъ покровительствомъ развивалась и ихъ свобода, а никакъ не власть какого-нибудь одного частнаго гражданина, ибо божественная благость предположила и опредѣлила ниспро-

вергнуть повсюду тирановъ. Господь страшнѣйшимъ образомъ накажетъ тѣхъ частныхъ лицъ, которыя захотѣли-бы силой овладѣть властью въ этой республикѣ, какъ то бывало ранѣе. Онъ накажетъ ихъ, потому-что это новое правленіе, эта новая народная власть установлена Богомъ, а не человѣкомъ. Онъ избралъ городъ этотъ и хочетъ возвеличить его, Онъ наполнилъ его своими слугами, и кто трогаетъ его, трогаетъ зѣницу ока Божія. Поэтому, о Государь, если Вы не слушаетесь и не сдержите обѣщаній, данныхъ Вами флорентійцамъ, не возвратите имъ крѣпостей, многія бѣдствія обрушатся на Васъ, и народы возстанутъ противъ Васъ».

Кромѣ Савонаролы, державшагося такого тона рѣчи, кто другой могъ, кто другой долженъ былъ предстать предъ королемъ, чтобы избавить республику отъ надвигавшейся опасности? И дѣйствительно, въ Поджибонси, въ іюнѣ 1495 года, состоялось новое свиданіе Карла VIII съ Савонаролою. Послѣдній пророческимъ и повелительнымъ тономъ повторилъ ему то, что писалъ въ письмахъ. Онъ напомнилъ королю, возвращавшемуся теперь домой, какъ какой-нибудь бѣглецъ, что новыя опасности его пути были именно тѣ, которыя онъ предсказалъ ему во Флоренціи и на которыя столько разъ онъ указывалъ ему въ письмахъ. «Христіанинѣйшій Владыка, говорилъ онъ ему, ты вызвалъ гнѣвъ Божій тѣмъ, что не оправдалъ довѣрія флорентійцевъ, тѣмъ, что не привелъ въ исполненіе той реформы церковной, о которой Господь неоднократно напоминалъ тебѣ черезъ меня и для которой Онъ избралъ тебя столь очевидно. Теперь ты избѣжишь этихъ опасностей. Но если ты вновь не возьмешься за оставленное тобой дѣло, не слушаешься повелѣній, которыя повторяетъ тебѣ Господь чрезъ послѣдняго Своего раба, я тебѣ впередъ говорю, что несчастія, какія пошлетъ на тебя гнѣвъ Его, будутъ еще большія, и другой будетъ избранъ на мѣсто твое». Король, казалось, приведенъ былъ въ ужасъ этими словами и немедленно-же отправился по дорогѣ къ Пизѣ, прося Савонаролу сопутствовать ему. Но тотъ, боясь попасть въ руки враговъ Флоренціи, рѣшилъ возвратиться назадъ, произнесши предъ нимъ другую рѣчь въ Кастель-Фіорентино. 21 іюня онъ возвѣ-

стиль съ каеэдры, что опасность и на этотъ разъ миновала, и воспользовался случаемъ, чтобы еще разъ посовѣтовать всѣмъ молитву, единодушіе, благочестивое житіе и народное правленіе.

Между тѣмъ, въѣздъ короля въ Пизу имѣлъ триумфальный характеръ. Лучшіе граждане предоставили въ его распоряженіе свои дворцы, женщины отдавали ему и его баронамъ свои драгоценности. Этимъ они хотѣли особенно подчеркнуть недовольство, выказанное по отношенію къ нему флорентійцами, и, удовлетворяя его жадность, всячески старались привлечь его на свою сторону. Король уже былъ достаточно хорошо настроенъ всѣми этими выраженіями преданности, когда, однажды, при выходѣ его послѣ мессы изъ церкви, навстрѣчу ему показались самыя красивыя пизанскія женщины, одѣтыя въ черное, съ распущенными волосами, босыя, съ веревками на шеяхъ, какъ символомъ ненавистнаго рабства, и громко умоляли его о дарованіи имъ свободы. Сюда-же собрался и весь народъ, присоединяя свой голосъ къ ихъ просьбамъ. Король и его капитаны, казалось, были тронуты этой сценой. Былъ даже созванъ совѣтъ бароновъ, на которомъ серьезно разсматривался вопросъ о помощи пизанцамъ, но, потомъ, эта мысль, какъ и всѣ другія, была оставлена. Не возстановивъ свободы пизанцамъ, не возвративъ крѣпостей флорентійцамъ и не сдержавъ новыхъ обѣщаній, данныхъ Савонаролѣ, король чрезъ Лукку и Понтремоли съ войскомъ пошелъ далѣе. Около Форново на Таро онъ встрѣтилъ союзниковъ: съ нимъ было всего около 9000 человекъ, непріятелей-же было гораздо болѣе. Битва продолжалась цѣлый день 6 іюля: на чьей сторонѣ осталась побѣда, трудно было сказать. Несомнѣнно одно, что французы хотѣли пробиться и пробились, союзники-же хотѣли воспрепятствовать этому и не успѣли. Карлъ VIII остановился въ Асти, гдѣ вновь предался всевозможнымъ удовольствіямъ, а потомъ, не торопясь, ушелъ во Францію. 7 іюля Фердинандъ Аррагонскій возвратился въ Неаполь. Тутъ онъ возстановилъ утраченную было власть и занялся истребленіемъ оставленныхъ въ королевствѣ безъ всякой помощи и руководства тѣхъ небольшихъ французскихъ гарнизоновъ, которые еще не желали сдаваться добровольно. Такимъ

образомъ, французы, меньше чѣмъ въ годъ, два раза прошли всю Италію, завоевавъ и потерявъ ее съ одинаковой легкостью, возбудивъ къ себѣ недовольство какъ въ друзьяхъ своихъ, такъ и въ недругахъ, и оставивъ по себѣ непріятное воспоминаніе своею жадностью и вѣроломствомъ.

Поведеніе ихъ относительно Флоренціи продолжало оставаться прежнимъ. Потому-ли, что капитанъ, занимавшій пизанскую цитадель, получилъ отъ короля секретное распоряженіе, противорѣчащее официалънымъ приказамъ, потому-ли, какъ говорили другіе, что онъ былъ влюбленъ въ одну молодую пизанку, несомнѣнно одно, что онъ крѣпостей не сдавалъ. Болѣе того: одинъ разъ, когда флорентійцы въ схваткѣ съ пизанцами зашли очень далеко, приблизившись къ самымъ воротамъ Св. Марка, французская артиллерія открыла даже въ ихъ тылу огонь и многихъ перебила. Республика дѣлала по этому поводу представленія королю, отправила новыхъ пословъ и деньги, обѣщала оказать помощь оставшимся въ неаполитанскомъ королевствѣ его солдатамъ, но все было напрасно. Только въ Сентябрѣ мессеръ Николо Аламанни вернулся, наконецъ, изъ Франціи съ указомъ короля, повелѣвающимъ генераламъ и солдатамъ сдать крѣпости и запрещающимъ имъ поступать по найму на службу къ пизанцамъ. Но тѣ, далекіе отъ мысли повиноваться ему безпрекословно, въ Январѣ 1496 года продали пизанцамъ ихъ крѣпость за 14.000 флориновъ, а за артиллерію, тамъ оставленную, получили еще 10.000. Крѣпости Сарцана и Сарцанелло за 20.000 были проданы генуэзцамъ, Пьетра-Санта—за 30.000—Луккѣ. Флорентійцамъ-же была сдана только крѣпость Ливорно.

Несмотря на все это, съ уходомъ французовъ изъ Италіи положеніе республики сильно ухудшилось. У участниковъ лиги руки оказались теперь развязанными и, почувствовавъ себя внѣ всякой опасности, они могли свободно обрушиться на Флоренцію. Они смертельно ненавидѣли новое правленіе, желали наказать его за то, что оно оставалось вѣрнымъ Франціи и не захотѣло войти въ союзъ, заключенный, по ихъ словамъ, для освобожденія Италіи отъ варваровъ. Опасность была очень ве-

лика, и единственная надежда, какую флорентійцы могли питать, имѣя противъ себя столь сильныхъ враговъ, была надежда на царившія среди союзниковъ несогласія. Папа и венеціанцы хотѣли возстановить власть Пьеро Медичи, но Моро, хотя и показывалъ видъ, что присоединяется къ этому плану, лично ненавидѣлъ его и былъ за-одно съ «Озлобленными». Его ласкала отдаленная надежда на возможность въ будущемъ прибрать къ своимъ рукамъ республику, которую секретными и обманными средствами онъ уже старался завлечь въ свои сѣти. Что-бы, впрочемъ, ни было впереди, а пока было рѣшено поощрять Пьеро въ наборѣ солдатъ и въ добываніи денегъ для его попытки вновь водвориться во Флоренціи. Легко понять, съ какою готовностью тотъ взялся за дѣло. Хотя онъ былъ совершенно раззоренъ и потерялъ всякій кредитъ, тѣмъ не менѣе, употребивъ послѣднее усиліе, онъ успѣлъ добыть 10.000 дукатовъ, которые и вручилъ Вирджинію Орсини, чтобы тотъ собралъ на эти деньги старыхъ воиновъ. Орсини, который во время битвы на рѣкѣ Таро постыдно бѣжалъ изъ французскаго лагеря, теперь, желая возстановить свою репутацію, горячо взялся за это предпріятіе. Въ то самое время, какъ онъ вмѣстѣ съ Пьеро Медичи долженъ былъ идти ко Флоренціи, Джіованни Бентивольо, нанятый венеціанцами и Моро, обязывался произвести нападеніе на границы республики со стороны Болоньи. Катерина Сфорца, правительница Имола и Форли, должна была двинуть свои войска съ другой стороны. Сіена и Перуджіа также обѣщали помощь. Все, казалось, складывалось благопріятно для изгнаннаго тирана въ его попыткѣ завладѣть Флоренціей. Но какъ только приступили къ исполненію всѣхъ этихъ плановъ, все дѣло пошло иначе. Пьеро и Орсини съ своими войсками небольшими переходами приближались къ границамъ республики, но обѣщанной помощи они ожидали напрасно: имъ она не была оказана, и они напрасно лишь тратили время и деньги.

Въ то время, какъ въ лагерѣ Медичи дѣла шли съ такой медлительностью, Флоренція, одушевляемая Савонаролою, проявляла, наоборотъ, величайшую энергію. Савонарола давно уже умолкъ въ виду все усиливавшагося неудовольствія Рима,

о чемъ мы будемъ говорить подробнѣ въ слѣдующей главѣ. Но въ послѣднихъ своихъ проповѣдяхъ онъ всетаки успѣлъ предупредить своихъ согражданъ о тѣхъ страшныхъ опасностяхъ, какія надвигались на городъ, и провелъ тотъ законъ о Парламентахъ, который долженъ былъ стоять на стражѣ свободы. Теперь, когда предсказанія его о грядущихъ бѣдствіяхъ оправдались, всеобщія симпатіи къ нему возросли еще болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась и его смѣлость. Отбросивъ всякую предосторожность, онъ вновь выступилъ 11 Октября на церковной кафедрѣ, задавшись цѣлью воодушевить своихъ слушателей и побудить ихъ къ защитѣ отечества. Проповѣдь его началась съ простаго разсужденія о религіи: «жизнь человѣка на землѣ, братіе, говорилъ онъ, есть постоянная борьба. Эта борьба еще труднѣе для истиннаго христіанина, потому-что онъ долженъ преодолѣвать все, что препятствуетъ свободѣ его духа. Онъ борется съ міромъ, съ плотью, съ демонскими искушеніями: нѣтъ ему ни минуты покоя. Такова была жизнь апостоловъ, мучениковъ, такова-же всегда будетъ жизнь добрыхъ христіанъ. Такъ хочетъ Господь, чтобы послѣ, въ загробной жизни, увѣнчать ихъ большей славой. Поэтому, вы не должны удивляться, если, возвѣщая новыя событія, мы встрѣчаемъ столько возраженій. Я удивляюсь, что этихъ возраженій не больше. И такъ-какъ мы должны теперь воевать, то мы и возвратились на поле битвы, чтобы привести въ порядокъ разстроенныя полчища и приготовить ихъ къ новой борьбѣ. Мы желаемъ двухъ вещей: первая—бороться, и мы не перестанемъ дѣлать этого до самой смерти, вторая—побѣдить, ибо дѣло Христово всегда должно одерживать верхъ. Не сомнѣвайтесь ни въ чемъ, ибо, въ концѣ концовъ, побѣда будетъ на нашей сторонѣ. И если я помру, то вы будете имѣть дѣло съ гидрой, о которой разсказываютъ поэты: когда отрѣзали у нея одну голову, выросло новыхъ семь». Продолжая въ этомъ духѣ, онъ отъ предметовъ религіозныхъ перешелъ къ политическимъ и сначала иронически отозвался о тѣхъ, кто плохо говорилъ о новомъ правленіи. «Великолѣпные Члены Синьоріи, я желалъ-бы, когда на рукахъ у васъ будетъ какое-нибудь трудное

дѣло, чтобы вы призвали одного изъ этихъ болтуновъ и предложили ему: скажи, пожалуйста, какъ-бы ты поступилъ въ этомъ случаѣ? Бьюсь объ закладъ, что онъ не сумѣетъ отвѣтить ничего подходящаго. Вы сами увидите, что онъ или будетъ молчать, или скажетъ какую-нибудь глупость. Дайте ему тогда горсточку проса и скажите: на, возьми и ступай кормить куръ, а въ дѣла государственныя не вмѣшивайся».

Въ такомъ насмѣшливомъ тонѣ онъ продолжалъ свою рѣчь недолго: перейдя къ тяжелому и серьезному злободневному вопросу, Савонарола заговорилъ иначе. Слова его наводили ужасъ. Онъ не зналъ полумѣръ, когда отечество было въ опасности. Въ церкви, съ кафедрой, съ крестомъ въ рукѣ, онъ открыто и громко совѣтуетъ предавать смерти тѣхъ, кто хочетъ возстановить во Флоренціи тирановъ, кто хочетъ возвращенія Медичи. «Съ этими людьми нужно поступать такъ-же, какъ Римляне поступили съ тѣми, которые задумали было возстановить власть Тарквинія. Ты, который не стѣсняешься съ самимъ Христомъ, хочешь стѣсняться съ простыми гражданами? Наказывай, я тебѣ говорю. Рѣжь имъ голову. Кто-бы ни былъ виновникъ, хотя-бы онъ былъ главой семьи, рѣжь ему голову. Припомни законъ, изданный противъ Парламентовъ. Научи ему дѣтей своихъ, повсюду напиши его. Ты никому не долженъ довѣряться, кромѣ Великаго Совѣта, который есть созданіе Божіе, а не человѣческое. Кто хочетъ измѣнить его, кто хочетъ возстановить власть тирана, кто хочетъ устроить правленіе немногихъ гражданъ, будетъ во вѣки проклятъ Господомъ». Онъ настаивалъ, затѣмъ, чтобы необходимыя мѣры были приняты со всей энергіей, рѣшительно, безбоязненно, потому-что «тотъ, который надѣется на помощь Божію, самъ себѣ не помогая, испытываетъ Господа своего». Съ неизмѣнною настойчивостью онъ повторялъ все это 18 и 25 числа того-же мѣсяца, и только когда убѣдился, что къ народу вернулось его мужество, онъ вновь наложилъ на себя молчаніе. Тому были свои причины, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Недолго пришлось ожидать результатовъ этихъ трехъ проповѣдей. Черезъ 4 дня послѣ первой изъ нихъ было издано

распоряженіе, которое, вмѣстѣ съ возстановленіемъ преміи за голову Медичи, было какъ-бы призывомъ всѣхъ къ оружію. Оно гласило такъ: «Вслѣдствіе того, что Пьеро Медичи, въ своихъ тиранническихъ стремленіяхъ, много разъ дѣлалъ посягательства на флорентійскую свободу, онъ объявленъ Восемью Гвардіи и Баліи бунтовщикомъ, и, поѣтому, согласно законамъ, всякій безнаказанно можетъ убить его. Такъ-какъ онъ продолжаетъ упорствовать въ своей злой волѣ, возбуждаетъ противъ насъ не только многихъ римскихъ бароновъ, но и самого папу и почти всѣхъ правителей Италіи, надѣясь, съ ихъ помощью, уничтожить вашу свободу, присвоить себѣ ваши доходы, безчестить вашихъ женъ и дочерей и вновь зажить той жизнью тирана, которой онъ и его предки столько времени мучили вашъ городъ,—тѣ-же Восемь Гвардіи и Баліи опредѣляютъ: всякому, кто убьетъ названнаго Пьеро Медичи, будетъ уплачено 4.000 полновѣсныхъ флориновъ золотомъ». Позднѣе была опредѣлена премія въ 2.000 флориновъ за голову Джіуліано Медичи и были назначены чиновники для управленія ихъ имуществами съ обращеніемъ доходовъ съ нихъ въ пользу республики.

Но флорентійскій народъ не могъ остановиться только на этихъ мѣрахъ: проповѣди Савонаролы побудили взяться за оружіе «Озлобленныхъ» и «Плаксъ», ибо обѣ эти партіи одинаково ненавидѣли Медичи, а приближеніе Пьеро въ равной степени породило у той и у другой гнѣвъ и страхъ. Были приняты, поѣтому, столь-же энергичныя, сколь и полезныя мѣры. Война съ Пизой была пріостановлена: подъ стѣнами ея оставили лишь 2.000 человѣкъ пѣхоты и 300 конницы. Было двинуто 1.000 человѣкъ пѣхоты и 200 человѣкъ конницы къ Кортонѣ, чтобы тамъ задержать врага, который, повидимому, собирался вторгнуться съ этой стороны. Въ то-же время устроенъ былъ военный лагерь изъ 1.500 пѣхотинцевъ и 300 всадниковъ около сіенскихъ границъ, чтобы воспрепятствовать сіенцамъ соединиться съ Медичи. Пьеро очутился окруженнымъ почти со всѣхъ сторонъ. Онъ, не предпринимая ничего рѣшительнаго, стоялъ между Таварнелле и Паникале, ожидая обѣщанной помощи, которая такъ и не пришла къ нему.

Между тѣмъ, средства его изсякли, войско, за самымъ малымъ исключеніемъ, разошлось по домамъ; даже самъ Вирджиніо Орсини покинулъ его. Онъ остался одинъ, подъ защитой немногихъ солдатъ. Предпріятіе его, такимъ образомъ, рухнуло окончательно, причинивъ ему только вредъ и покрывъ его имя позоромъ. Счастье оставило его навсегда. Онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ и, съ жалобами на вѣроломство и пустыя обѣщанія союзниковъ, возвратился въ Римъ, въ надеждѣ найти здѣсь убѣжище или при дворѣ папы, или у своихъ друзей. Флорентійцы-же, довольные, что опасность миновала благополучно, вновь послали свои войска къ Пизѣ и еще подозрительнѣе стали относиться къ лигѣ, которая, какъ стало теперь всѣмъ очевидно, подъ предлогомъ спасенія Италіи, хотѣла погубить республику.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Савонарола приглашается папскимъ Бреве въ Римъ. Его отвѣтъ. Новое Бреве запрещаетъ ему проповѣдь, но „Десять“ добиваются молчаливой отмѣны распоряженія. Савонаролѣ предлагается кардинальская шапка, но онъ отказывается.

(1495—1496).

Попытка Пьеро Медичи не удалась вслѣдствіе той ненависти, какую питали къ нему «Озлобленные» и приверженцы Савонаролы. Но если-бы члены лиги дѣйствительно захотѣли оказать ему помощь, то, конечно, Флоренціи было-бы не такъ легко противостоятъ имъ. Неуспѣхъ этого предпріятія, такимъ образомъ, долженъ быть всецѣло приписанъ отсутствію согласія между союзниками. Людовико Моро никогда не могъ забыть обидъ, нанесенныхъ ему Пьеро Медичи, и хотя послѣдній постоянно увѣрялъ его въ своей дружбѣ, даже въ своей покорности ему, онъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ возстановленія его власти во Флоренціи. Напротивъ, онъ былъ заодно съ «Озлобленными», которые успѣли возстановить его

противъ Савонаролы, убѣдивши его, что тотъ въ своихъ проповѣдяхъ именно его имѣлъ въ виду, даже называлъ его по имени, когда обличалъ пороки итальянскихъ правителей и рисовалъ типъ тирана. Поэтому, между ними уже давно было условлено такъ или иначе погубить монаха. «Озлобленные» этимъ достигали своей цѣли—ниспровергнуть народное правленіе, не объявляя себя, однако, открытыми его противниками, а Моро, преслѣдуя ненавистнаго монаха, пріобрѣталъ новыхъ друзей во Флоренціи и надѣялся въ одинъ прекрасный день завладѣть ею. Въ этомъ-же направленіи работалъ и посолъ его Паоло Соменци, который былъ, какъ увидимъ, чѣмъ-то въ родѣ инціона и агента-provokatora, при чемъ находилъ весьма дѣятельную поддержку въ Франческо Транкедино, миланскомъ посланникѣ при болонскомъ дворѣ.

Что касается прочихъ союзниковъ, то венеціанцы, которымъ не нравились эти секретныя соглашенія и интриги Моро, все время помогали Пьеро Медичи. Впрочемъ, только они одни и желали серьезно водворенія его во Флоренціи. Папа относился къ этому проекту весьма холодно, такъ-какъ главной и единственной цѣлью его было расширеніе владѣній для своихъ сыновей. Онъ самъ лелѣялъ тайную мечту захватить въ свои жадныя лапы флорентійскую республику, истинныхъ-же симпатій къ кому-бы то ни было онъ никогда не питалъ. Для «Озлобленныхъ» и для Моро, поэтому, было очень легко привлечь его на свою сторону въ той кровавой борьбѣ, какую они предложили повести противъ Савонаролы. А какъ-только имъ удалось заронить искру гнѣва въ душу Св. Отца, столь склонную къ ненависти, событія сами собой быстро пошли къ своей естественной развязкѣ.

Мы сказали выше, что Александръ VI вначалѣ не имѣлъ никакой особенной причины ненавидѣть Савонаролу. Но когда къ нему, съ 1495 года, стали приходять изъ Флоренціи и Милана письма, изображающія этого монаха, какъ смѣлаго обличителя клира и его самого, когда проповѣди Савонаролы, уже и безъ того довольно дерзкія, были представлены ему въ искаженномъ и передѣланномъ видѣ, когда ему доложили, что на-

стоятель Св. Марка является единственной опорой народной партіи и былъ единственнымъ виновникомъ ея ненависти къ Медичи и къ лигѣ. Александръ Борджіа сталъ пробуждаться, и душу его охватило пламя гнѣва. Кардиналъ Асканіо Сфорца, братъ Людовико Моро и главное его орудіе въ Римѣ, съ особенной ловкостью раздувалъ въ немъ этотъ гнѣвъ съ самыхъ же первыхъ моментовъ его зарожденія. Въ это время въ Римѣ находился и одинъ изъ наиболѣе ярыхъ ненавистниковъ Савонаролы, проповѣдникъ Фра Маріано да Дженаццано, который никогда не могъ забыть постыднаго пораженія, понесеннаго имъ во Флоренціи. Онъ дѣятельно интриговалъ въ пользу Медичи и противъ Савонаролы, не останавливался ни предъ какой клеветой, называлъ монаха «орудіемъ діавола». Въ самомъ дурномъ свѣтѣ онъ выставлялъ всѣ намеки, какіе тотъ дѣлалъ на возвращеніе клира, всѣ его заявленія не останавливаться только на этомъ, а идти въ своихъ обличеніяхъ далѣе, не молчать ни за что на свѣтѣ. Борджіа старался показать видъ, что не обращаетъ вниманія на обличенія Савонаролы, но, на самомъ дѣлѣ, это обстоятельство болѣе всего приводило его въ ярость. Тогда уже начали поговаривать о скандальныхъ его поведеніяхъ, о которыхъ исторія обыкновенно не распространяется. Открыто утверждали, что у старца папы родился или долженъ родиться сынъ, уже шестой или седьмой по счету. Легко представить себѣ, какой страхъ онъ долженъ былъ испытывать передъ монахомъ, который съ церковной кафедры проповѣдывалъ добродѣтельную жизнь и безстрашно всѣхъ обличалъ въ порокахъ!

Борджіа взялся за дѣло и началъ его съ хитростью, выполнѣ его достойной. 21 іюля 1495 года онъ послалъ Савонаролѣ Бреве, преисполненное ласки. «Любезнѣйшій сынъ, писалъ онъ ему, спасеніе тебѣ и апостольское благословеніе! Мы слышали, что среди всѣхъ, кто трудится въ виноградникѣ Божіемъ, ты отличаешься особенной ревностью. Этимъ мы чрезвычайно довольны и возносимъ за это хвалу Всемогущему Богу. Слышали также, что ты утверждаешь, будто все, тобой предсказываемое о будущемъ, исходитъ не отъ тебя, а отъ

Бога. Мы желаемъ, поэтому, какъ того требуетъ и наше пастьырское служеніе, поговорить съ тобой о томъ лично, чтобы, узнавая чрезъ тебя, чего хочетъ Господь, мы могли исполнять волю Его. А посему, въ силу святого послушанія, убѣждаемъ тебя по возможности скорѣе придти къ намъ. Ты найдешь у насъ встрѣчу любовную и милостивую».

Это Бреве было тѣмъ лукавѣе, чѣмъ сильнѣе въ немъ былъ расчетъ на довѣрчивость Савонаролы, которая, и въ самомъ дѣлѣ, была очень велика. Но характеръ Борджіа слишкомъ хорошо былъ извѣстенъ всѣмъ. Во Флоренціи знали о всѣхъ проискахъ «Озлобленныхъ», которые уже неоднократно пытались ядомъ и оружіемъ отдѣлаться отъ Савонаролы, а теперь открыто хвастали своей дружбой съ Римомъ, и цѣль столь необычайно благосклоннаго приглашенія не могла остаться для кого-нибудь непонятной. Было очевидно, что враги Савонаролы хотѣли или убить его на пути, или, если-бы это не удалось, захватить его и заморить въ казематахъ замка Сантъ-Анджело. Поэтому, друзья его всѣми силами старались убѣдить его не оставлять Флоренціи, гдѣ его присутствіе становилось особенно необходимымъ именно теперь, когда уходъ французовъ подвергалъ республику новымъ опасностямъ. Положеніе Савонаролы было очень затруднительно, почти безвыходно: приходилось или выказать явное неповиновеніе папѣ, или пасть жертвой его гнѣва и гнѣва «Озлобленныхъ», которые въ его лицѣ хотѣли убить народное правленіе. Къ счастью, у него была весьма основательная причина не ѣхать въ Римъ. Онъ недавно только оправился отъ тяжелой болѣзни внутренностей, которая довела его до такого состоянія, что, по мнѣнію докторовъ, онъ рисковалъ жизнью, если не прекратитъ своихъ ученыхъ занятій и проповѣднической дѣятельности. Еще за нѣсколько дней до полученія этого Бреве онъ объявилъ народу, что болѣзнь заставляетъ его прервать на нѣкоторое время проповѣди. Да и по внѣшнему его виду можно было судить, насколько онъ былъ изнуренъ: всѣмъ бросались въ глаза тѣ усилія, съ какими онъ подымался на кафедру. Правда, какъ только онъ становился лицомъ къ лицу съ народомъ и начи-

налъ говорить, къ нему возвращалась вся его бодрость, и онъ казался теперь особенно сильнымъ и увѣреннымъ въ себя. Но все это было лишь временнымъ и почти искусственнымъ возбужденіемъ, послѣдствія котораго часто сказывались на немъ съ такой силой, что по цѣлымъ днямъ послѣ этого онъ чувствовалъ себя разбитымъ. Поэтому, онъ рѣшилъ оставить проповѣдничество совсѣмъ и въ то-же время выяснить папѣ тѣ совершенно законныя и уважительныя причины, которыя заставляютъ его медлить съ отъѣздомъ. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, онъ захотѣлъ проститься съ народомъ и дать ему нѣсколько совѣтовъ, какіе онъ считалъ необходимыми для него въ настоящихъ обстоятельствахъ. Онъ предчувствовалъ опасности, которыя надвигались на республику, видѣлъ, что теперь нужно оградить ее не только отъ «Озлобленныхъ», но и отъ Медичи, которые становились тѣмъ болѣе опасными. Чѣмъ мѣнѣе начинали бояться ихъ.

28 іюля онъ произнесъ въ Соборѣ одну изъ своихъ грозныхъ проповѣдей. Присутствовала Синьорія въ полномъ своемъ составѣ, со всѣми магистратами. Савонарола всходилъ на кафедру въ грустномъ настроеніи духа: онъ долженъ былъ проститься съ народомъ именно въ такое время, когда уходъ короля Карла и его вѣроломство подвергли городъ новымъ опасностямъ, когда личные враги его объявляли ему войну въ надеждѣ, что его паденіе будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ и паденіе республики, когда они очень ловко сумѣли сдѣлать изъ папы сильное орудіе своей партійной борьбы. Слѣдовательно, если въ его лицѣ хотѣли погубить республику, то онъ прекрасно понималъ, что, защищая себя, онъ защищаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлый народъ. Съ трудомъ взобрался онъ на лѣстницу кафедры, но когда очутился передъ народомъ и увидѣлъ предъ собою толпу, жаждавшую его слова, онъ сразу воодушевился.

Свою рѣчь началъ онъ съ описанія развращенности нравовъ и тѣхъ соблазновъ, какіе почти постоянно имѣли мѣсто въ городѣ. Игроки, сквернословы, женщины дурного поведенія, личности, пороки которыхъ не позволяетъ называть стыдливостью,

разносятъ по Флоренціи настоящую заразу. Всѣ эти люди становятся обыкновенно тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ сильнѣе гоненіе на монаха: что-же будетъ теперь, когда онъ долженъ будетъ умолкнуть совѣмъ? На этотъ разъ Савонарола былъ особенно безпощаденъ. Онъ совѣтовалъ наказывать ихъ со всею строгостью, даже предавать смерти, если нельзя будетъ укротить ихъ другими способами. Онъ напомнилъ о преступленіи Ахана, о томъ, какъ Господь разгнѣвался изъ-за него на весь народъ еврейскій и какъ Онъ умилился лишь смертью виновнаго. «Итакъ, Флоренція, ты, которая хочешь быть такой милосердой, смотри, что сотворилъ Господь. Или ты благодарнѣе самого Бога? Или ты милостивѣе Его? Или ты гораздо выше Бога?... О Флоренція! Ты хочешь быть терпимѣе, чѣмъ самъ Богъ. Но твоя терпимость есть безуміе: твое милосердіе жестоко. Наказывай-же, говорю я тебѣ, эти злые пороки. Говорю вамъ, что всемогущій Богъ хочетъ справедливости. Нужно быть рѣшительными, взять одного изъ нихъ, привести къ суду и сказать: этотъ заслуживаетъ смерти. Иначе подвергнетесь опасности и вы и вашъ городъ. Прекратите веселыя пиршества, прекратите игры, закройте кабаки. Тебѣ говорю я, Флоренція: теперь время плача, а не празднествъ». Однако, все это были только угрозы, которыми онъ хотѣлъ подѣйствовать на народъ. Ненавидя всякій порокъ, Савонарола никогда не выходилъ изъ предѣловъ своей обычной умѣренности, хотя часто и увлекался въ выраженіяхъ.

Перейдя, затѣмъ, къ разсужденію о пророчествованіи, онъ говорилъ, что оно необходимо для спасенія народа и церкви, «которая безутѣшна сейчасъ, благодаря развращенности главъ ея и отсутствію добрыхъ проповѣдниковъ. Истинный проповѣдникъ долженъ былъ-бы жизнью своей пожертвовать ради правды и ради спасенія своего народа. Но гдѣ теперь такіе проповѣдники? Я тебѣ говорю, что до тѣхъ поръ, пока дѣло будетъ идти такъ, церковь все больше будетъ падать, и Италія никогда не вздохнетъ свободно. Тебѣ, клиръ, я уже говорилъ, что изъ-за тебя возсталъ вся эта буря!»

Снова перемѣнивъ предметъ проповѣди, онъ обращается

къ политикѣ: «Я вамъ проповѣдывалъ четыре вещи: страхъ Божій, миръ, всеобщее благо и реформу правленія, то есть, Великій Совѣтъ. Теперь мнѣ остается только настаивать на этомъ предъ вами». Разсматривая каждый изъ этихъ вопросовъ, одинъ за другимъ, онъ подтверждаетъ свои мысли новыми доказательствами. Болѣе всего онъ рекомендуетъ единодушіе и высказываетъ пожеланіе, чтобы были назначены особые чиновники мира, которые уничтожили-бы эти партіи «Бѣлыхъ», «Сѣрыхъ», «Озлобленныхъ», служащія истинной причиной гибели города. «Пусть поторопятся постройкой залы для Совѣта. Можно взять, если это необходимо, даже соборныхъ рабочихъ, потому-что тогда трудъ ихъ будетъ болѣе угоднымъ Господу. Пусть всѣ твердо держатся Совѣта, пусть улучшаютъ его, пусть исправляютъ его, пусть онъ будетъ единственной надеждой и крѣпостью народа». Въ этотъ день и здѣсь именно Савонарола и предложилъ законъ объ уничтоженіи Парламентовъ, о чемъ мы говорили выше, и выразилъ приведенныя нами угрозы противъ тѣхъ, кто пожелалъ-бы ихъ возстановленія: «они не хотятъ убѣдиться, что Совѣтъ сталъ господиномъ всего и что ему теперь принадлежитъ власть все рѣшать». Онъ не находитъ угрозъ, не усматриваетъ наказанія, которыхъ было-бы достаточно для этихъ людей: онъ зналъ, что Парламенты были орудіемъ, къ которому «Озлобленные», особенно приверженцы Медичи, собирались въ скоромъ времени прибѣгнуть, чтобы измѣнить форму правленія. И когда, такимъ образомъ, онъ убѣдилъ народъ оградить себя отъ новыхъ опасностей, онъ преподалъ вкратцѣ еще нѣсколько совѣтовъ и поспѣшилъ закончить проповѣдь. Онъ убѣждалъ Синьорію не тратить много времени на пустяки, какъ это постоянно бывало во Флоренціи, а заниматься наиболѣе важными дѣлами, предоставивъ все прочее другимъ магистратамъ, убѣждалъ, чтобы приняты были всѣ мѣры противъ безработицы, а «когда возможно будетъ, слѣдовало-бы отмѣнить налоги на шерстяное и шелковое производство». И, наконецъ, онъ сказалъ: «Народъ мой, когда я стою здѣсь наверху, я чувствую себя прекрасно, и если-бы внѣ этой каѳедры я чувствовалъ себя такъ-же, мнѣ было-бы очень хорошо». «Но когда я сойду отсюда, думаю, что

болѣзни мои вернутся ко мнѣ, и, поэтому, пройдетъ нѣкоторое время прежде, чѣмъ я опять увижу васъ, ибо нужно-же попытаться выздороветь. Тогда я вновь буду проповѣдывать, если только останусь живъ. Думаю, что отдыхъ мой продлится цѣлый мѣсяцъ, если только ваши молитвы не помогутъ мнѣ вернуться сюда раньше. Въ мое отсутствіе проповѣдывать будетъ Фра Доменико, я-же явлюсь позднѣе, если только буду живъ». «Но Флоренція, не смотря ни на что, пребудетъ благополучна. Пусть злые стараются съ своей стороны дѣлать, что хотятъ, но это сѣмя должно принести свои плоды, такъ-какъ того хочетъ Господь. Сегодня я могъ-бы сказать вамъ, кто собственно виновникъ всѣхъ вашихъ несчастій. Но не хочу приносить зла никому, вы-же узнаете ихъ, когда они будутъ наказаны. Теперь я кончаю мои проповѣди, которыми я такъ утомленъ. Онѣ сократили мою жизнь на много лѣтъ, силы мои изсякаютъ. А ты, монахъ, какой хочешь награды? Я желаю мученичества, я радъ буду перенести его. Тебя, о Господи, прошу о немъ каждодневно изъ любви къ этому городу».

Тотчасъ по произнесеніи этой проповѣди Савонарола, въ послѣдній день іюля мѣсяца, послалъ свой отвѣтъ папѣ; письмо это замѣчательно по исполненному достоинства смиренію и въ то-же время по своей благородной откровенности. Онъ говоритъ въ немъ, что первый долгъ монаха, конечно, состоитъ въ послушаніи высшимъ властямъ, но ему позволено указывать и разныя, заслуживающія вниманія, извиненія, которыя могутъ воспрепятствовать исполненію этой обязанности, и въ подтвержденіе этого приводитъ слова папы Александра III, обращенныя къ епископу Равенны. «Блаженнѣйшій Отецъ, продолжаетъ онъ, ничего я не желаю столь горячо, какъ видѣть порогъ церкви Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, чтобы поклониться мощамъ почивающихъ тамъ святыхъ. И еще охотнѣе я пришелъ-бы туда теперь, когда сами Вы, Ваше Святѣйшество, изволите призывать къ себѣ смиреннаго раба своего. Но я едва оправляюсь отъ тяжелой болѣзни, которая принудила меня прекратить проповѣдь и всѣ занятія и до сихъ поръ еще угрожаетъ моей жизни.

Вирочемъ, я долженъ повиноваться скорѣе тому доброму намѣренію, какимъ проникнуто Ваше письмо, чѣмъ буквальному его смыслу. Господь чрезъ мое посредство избавилъ Флоренцію отъ великаго пролитія крови и далъ ей добрые и святыя законы. Но въ ней, какъ и внѣ ея, не мало враговъ, которые, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи снова ввергнуть городъ въ рабство, жаждутъ моей крови и много разъ оружіемъ и ядомъ покушались на мою жизнь. Оттого я не могъ-бы тронуться въ путь безъ явной опасности: даже въ самой Флоренціи я долженъ ходить въ сопровожденіи вооруженнаго конвоя. Кромѣ того, новая реформа, которую Господь восхотѣлъ чрезъ меня ввести во Флоренціи, не пустила еще глубокихъ корней и безъ постоянной помощи подверглась-бы несомнѣнной опасности: поэтому, по мнѣнію всѣхъ добрыхъ и благомыслящихъ гражданъ, мой отъѣздъ отсюда нанесъ-бы величайшій вредъ городу, между тѣмъ, какъ для Васъ онъ оказался-бы мало полезнымъ. Я не могу предположить, чтобы господинъ мой желалъ гибели цѣлаго города. Поэтому, я надѣюсь, что Ваше Святѣйшество благосклонно извините меня въ этой медлительности, принявъ во вниманіе, что благодаря ей закончена будетъ реформа, начатая по волѣ Господней, реформа, ради которой, въ этомъ я увѣренъ, Господь и воздвигъ такія препятствія къ моему отъѣзду.

А если Вашему Святѣйшеству угодно ближе познакомиться съ моими предсказаніями относительно наказанія Италіи и обновленія церкви, то Вы можете читать ихъ въ моей книгѣ, которая нынѣ выходитъ въ свѣтъ. Я нарочно отпечаталъ эти предсказанія, чтобы, если они не оправдаются, всему міру было ясно, что я ложный пророкъ. То-же, что наиболѣе сокрыто и что должно еще оставаться въ тайнѣ, я не могу теперь открыть никому изъ смертныхъ.

Поэтому, умоляю Ваше Святѣйшество соблаговолить принять въ соображеніе всѣ эти мои столь-же правдивыя, сколь и всякому понятныя, извиненія и вѣрить, что я горячо желаю прииди въ Римъ. Какъ только буду въ состояніи, я тотчасъ-же сдѣлаю это».

Папа ничего не отвѣтилъ на это письмо, но, понявъ, что было-бы бесполезно настаивать, далъ знать Савонаролѣ, что принимаетъ его извиненія. Уединившись въ монастырѣ Св. Марка, Савонарола предался заботамъ о своемъ здоровѣи, лишь изрѣдка выступая съ краткими поученіями, обращенными къ монахамъ. Въ Соборѣ-же вмѣсто него проповѣдывалъ Фра Доменико да Пешіа, излагавшій его ученіе, подражавшій его стилю и манерѣ. Хотя онъ не обладалъ ни оригинальностью, ни энергіей, ни краснорѣчіемъ Савонаролы, народъ все-же охотно ходилъ слушать его, во-первыхъ, потому, что искренность и прямодушіе его невольно привлекали къ нему всѣхъ, а, во-вторыхъ, потому, что всѣ знали о вліяніи на него его учителя.

Все шло мирно и спокойно, какъ вдругъ изъ Рима пришло новое Бreve, отъ 8 Сентября, адресованное къ монахамъ Санта Кроче, враждебно относившимся къ монахамъ Св. Марка. Оно говорило о Савонаролѣ, какъ о «нѣкомъ монахѣ Джироламо», любителѣ новшества и сѣятелѣ ложнаго ученія. «Онъ, гласило Бreve, благодаря послѣднимъ волненіямъ въ Италіи, дошелъ до такого безумія, что сталъ увѣрять народъ, будто посланъ отъ Бога и бесѣдуетъ съ Нимъ, не подтверждая, однако, этого ни чудесами, ни какими-либо особенными доказательствами отъ Свящ. Писанія, какъ это требуется каноническими постановленіями. Мы долго надѣялись, что онъ раскается и исправится въ своихъ заблужденіяхъ, подчинившись намъ, и не будетъ настаивать на соблазнительномъ отдѣленіи отъ ломбардской конгрегаціи, котораго обманнымъ образомъ добились отъ насъ нѣкоторые монахи». Въ заключеніе, вопросъ передавался на усмотрѣніе Фра Себастьяно де Мадіисъ, генеральнаго викарія ломбардской конгрегаціи, съ приказаніемъ Савонаролѣ признать надъ собой его начальство и немедленно отправиться, куда тотъ прикажетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему вмѣнялось въ обязанность «воздержаться отъ всякаго проповѣдничества, публичнаго или частнаго». Монастырь Св. Марка былъ присоединенъ къ ломбардской конгрегаціи, и Фра Доменику, Фра Сильвестру и Фра Томазо Бузини было приказано

втеченіе девяти дней отправиться въ Болонью. Все это предписывалось подъ угрозой отлученія *latae sententiae*.

Что было причиной столь внезапной вспышки гнѣва папы, послѣ того какъ приняты были извиненія Савонаролы? Почему Бреве было направлено въ монастырь Санта Кроче. къ монахамъ-недругамъ монастыря Св. Марка, когда оно касалось лишь Савонаролы и его братіи? Несомнѣнно, этимъ хотѣли придать всему дѣлу широкую огласку и избѣжать опасности, что оно будетъ скрыто. Эта перемѣна въ настроеніи папы могла быть понята, однако, лишь гораздо позднѣе. Событія, предсказанныя Савонаролой въ его послѣдней іюльской проповѣди, цѣликомъ оправдались, и всѣмъ стало очевидно, насколько онъ былъ правъ въ своихъ нападкахъ на тирановъ и на Парламенты, такъ-какъ вскорѣ послѣ ея произнесенія и произошла та попытка Пьеро Медичи, которую, по связи историческихъ событій, мы должны были изложить въ предыдущей главѣ. Поэтому папѣ очень хотѣлось тогда, чтобы Савонарола замолчалъ. Но, желая скрыть, что борьба его направлена прямо противъ республики, онъ старался замаскировать истинный характеръ ея, сведя ее къ спору объ объединеніи и раздѣленіи монастырей и поручивъ рѣшеніе этого вопроса другимъ лицамъ. Разъ конгрегація Св. Марка распускалась, Савонарола тотчасъ-же терялъ свой авторитетъ, а если-бы онъ, подчиняясь приказаніямъ настоятеля монастырей Ломбардіи, рѣшилъ оставить территорію Тосканы, онъ немедленно-же попалъ-бы въ руки Борджіа.

Савонарола прекрасно понималъ все съ самаго начала и былъ очень раздраженъ этимъ. Но положеніе его было чрезвычайно трудное. Еще болѣе ухудшать его открытымъ возмущеніемъ противъ авторитета папы ему не хотѣлось, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни за что на свѣтѣ онъ не желалъ допустить и паденія свободы, не попробовавъ воодушевить флорентійцевъ къ ея защитѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 15 Сентября этого года къ собрату своему по Ордену въ Римѣ онъ раскрываетъ всю свою душу. «Ни для кого не тайна, говоритъ онъ, что на меня возводятъ завѣдомо ложныя обвиненія: это лишній разъ

покроетъ величайшимъ позоромъ всѣхъ этихъ прелатовъ и городъ Римъ. Я хорошо знаю, что у нихъ нѣтъ никакихъ оснований возбуждать противъ меня слѣдствіе. Напротивъ, они бросаютъ въ меня камнями за мои добрыя дѣла. Но они не страшны мнѣ, я не боюсь ихъ могущества, потому-что для меня довольно благодати Божіей и чистоты совѣсти. Я знаю корень всѣхъ этихъ интригъ, знаю, что онѣ исходятъ отъ вѣроломныхъ гражданъ, которые хотятъ возстановленія тиранніи во Флоренціи и въ этомъ имѣютъ себѣ союзниками нѣкоторыхъ правителей Италіи. Всѣ они желали-бы убить меня. Поэтому, я не могу теперь ходить по улицамъ безъ сопровожденія вооруженныхъ гвѣлохраниителей. Тѣмъ не менѣе, если не будетъ другого способа показать чистоту моей совѣсти, я рѣшилъ покориться, чтобы не впасть въ грѣхъ хотя-бы и простительный. Теперь я ничего не дѣлаю и не предпринимаю никакого поспѣшнаго рѣшенія, слѣдуя во всемъ совѣтамъ докторовъ».

Согласно съ этимъ своимъ предположеніемъ, онъ 29 Сентября послалъ папѣ пространный отвѣтъ. Въ немъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что врагамъ его удалось ввести Святого Отца въ заблужденіе относительно вещей, которыя совершались на глазахъ всего народа. «Что касается моего ученія, продолжаетъ онъ, то я всегда былъ покоренъ Св. Церкви; что-же касается пророчествованія, то я рѣшительно никогда не говорилъ, будто я пророкъ, хоть это и не было-бы ересью. Но я предсказалъ нѣкоторыя вещи, изъ которыхъ однѣ уже оправдались, а другія оправдаются со временемъ. Вѣдь всей Италіи извѣстно, что наказанія начались и что только благодаря моимъ рѣчамъ во Флоренціи все обошлось мирно. Иначе бѣдствія наступили-бы еще большія». Здѣсь онъ напоминаетъ папѣ, что Бreve объ отдѣленіи отъ ломбардской конгрегаціи было испрошено не нѣкоторыми лишь монахами, но всѣми, и было выдано лишь послѣ долгихъ споровъ. «Передать нашъ споръ на рѣшеніе ломбардскаго викарія это значитъ сдѣлать судьей надъ нами нашего противника, потому-что всѣмъ извѣстны споры между двумя конгрегаціями. И что за причина, Блаженнѣйшій Отецъ, всѣхъ этихъ мѣръ противъ меня? Несомнѣнно, онѣ являются

сѣдствіемъ ложныхъ обвиненій, неправильныхъ донесеній враговъ республики, которую я спасъ отъ столькихъ опасностей и которую я привелъ къ истинной религіи и свободѣ, уничтожая партійность, исправляя нравы и водворяя миръ. И, кромѣ того, писалъ въ заключеніе Савонарола, ссылаясь на авторитетъ многихъ учителей церкви, всякому позволено переходить отъ одного устава къ другому, болѣе строгому. Это мы и сдѣлали, выдѣлившись въ особую конгрегацію. Присоединить насъ теперь къ ломбардскимъ монахамъ значило-бы увеличить неудовольствія, которыя, къ сожалѣнію, уже существуютъ между двумя конгрегаціями, дать поводъ къ новымъ разногласіямъ и новымъ соблазнамъ. И, наконецъ, такъ-какъ Ваше Святѣйшество говорите, что Вы желаете этого единенія, чтобы и другіе не повторяли моихъ ошибокъ, и такъ-какъ всѣмъ теперь ясно, что я не впадалъ въ заблужденія, то, за неимѣніемъ причины, должны исчезнуть и сѣдствія. Итакъ, послѣ того какъ я доказалъ ложность взведенныхъ на меня обвиненій, да позволить мнѣ Ваше Святѣйшество ожидать отвѣта на мою защиту и снятія съ меня запрещенія. Я проповѣдую ученіе Св. Отцовъ Церкви, ни въ чемъ я отъ нихъ не отступалъ и готовъ, если-бы погрѣшилъ, не только исправиться, но и объявить это открыто и понести эпитимію предъ всѣмъ народомъ. А теперь я вновь повторяю то, что и всегда говорилъ: я признаю надъ собою и надъ всѣми моими письменными трудами контроль Святой Римской Церкви». Въ то-же время онъ послалъ письма и разнымъ вліятельнымъ друзьямъ своимъ въ Римѣ, приведя въ пользу своего дѣла тѣ-же самые доводы, что и въ письмѣ къ папѣ, и горячо упрашивая всѣхъ вступить за него.

Александръ VI, какъ человѣкъ умный и проницательный, сразу-же понялъ всю трудность случая и пустилъ въ дѣло хитрость, поистинѣ достойную прежняго адвоката Барделоны. Убѣдившись, что Савонарола рѣшилъ не допускать уничтоженія своей конгрегаціи и не уѣзжать изъ Флоренціи, видя, затѣмъ, что приготовленія Пьеро Медичи идутъ успѣшно и что, вслѣдствіе этого, для республики настоящий моментъ былъ довольно

критическимъ, а также сообразивъ, что для него важнѣе всего было молчаніе Савонаролы, онъ оставилъ свои угрозы и прибѣгъ къ лести. И вотъ, 16 Октября онъ отправляетъ новое Бреве, въ которомъ, отвѣчая на письмо Савонаролы, выражаетъ ему свою радость, какъ если-бы рѣчь шла о возвращеніи въ стадо заблудшей овцы. «Мы писали тебѣ въ предыдущихъ письмахъ, говоритъ онъ, о нашей скорби, какую мы испытывали по поводу флорентійскихъ волненій, главною причиною которыхъ были твои проповѣди. ибо ты, вмѣсто того, чтобы возставать противъ пороковъ и взывать къ единодушію, занимался предсказываніемъ будущаго. Это могло-бы возбудить разногласія даже въ самомъ миролюбивомъ народѣ, а не только въ народѣ флорентійскомъ, всегда склонномъ ко всевозможнымъ неудовольствіямъ и раздорамъ партій. По этимъ причинамъ мы призывали тебя къ себѣ. Но теперь, когда изъ твоихъ писемъ и отъ многихъ кардиналовъ мы узнали, что ты готовъ повиноваться Римской Церкви, мы весьма этимъ довольны, ибо мы убѣдились, что ты заблуждался скорѣе по своей слишкомъ уже большой простотѣ, чѣмъ по душевной испорченности. Поэтому, мы вновь отвѣчаемъ на твои письма и, именемъ святого послушанія, приказываемъ тебѣ воздержаться отъ всякихъ рѣчей, не только публичныхъ, но, чтобы никто не имѣлъ права сказать, что отъ проповѣдничества съ церковной кафедры ты дошелъ до тайныхъ собраній, и отъ частныхъ. И ты долженъ вести себя такъ до тѣхъ поръ, пока не сможешь совершенно безопасно и вполне достойно явиться передъ нами въ Римъ, гдѣ будешь принять съ отцовскимъ, радостнымъ чувствомъ, или до тѣхъ поръ, пока по зрѣломъ обсужденіи, мы не укажемъ тебѣ, какъ ты долженъ держать себя, и не назначимъ кого-нибудь, кто былъ-бы въ состояніи уладить все это дѣло. И если, какъ мы въ томъ не сомнѣваемся, ты окажешь повиновеніе, мы отмінимъ всѣ предыдущія Бреве, чтобы ты спокойно могъ заботиться о душевномъ своемъ спасеніи».

Къ счастью, Бреве это отъ 16 Октября значительно запоздало, такъ-что Савонарола, ожидавшій отвѣта на свое письмо, имѣлъ время втеченіе мѣсяца сказать тѣ три проповѣди, о ко-

торыхъ мы говорили выше, и которыя были необходимы, чтобы свести ни къ чему предпріятіе Медичи. Но когда прибыло Бреве, казавшееся такимъ ласковымъ, и все-же оканчивавшееся приказаніемъ замолчать, положеніе его стало еще затруднительнѣе, чѣмъ прежде. Онъ хорошо понималъ, что вся эта отеческая мягкость была лишь уловкой, чтобы заставить его не говорить именно въ тотъ моментъ, когда республика нуждалась въ немъ всего болѣе: это была обычная хитрость Борджіа, которую хорошо знали всѣ. И, дѣйствительно, флорентійскій посоль въ Римѣ писалъ, что гнѣвъ папы день ото дня становится все неудержимѣе, что онъ во что-бы то ни стало хочетъ погубить Савонаролу. Но въ это время, какъ мы уже знаемъ, предпріятіе Пьеро Медичи рухнуло, и Савонарола не видѣлъ никакой неотложной необходимости продолжать говорить въ защиту республики. Чтобы устранить всякій предлогъ къ неудовольствіямъ на себя, онъ прекратилъ свои проповѣди. Втеченіе всего Рождественскаго Поста онъ ни разу не появлялся на кафедрѣ, и въ церкви Санта Марія дель Фіоре по-прежнему продолжалъ замѣнять его Фра Доменико.

Волненіе Савонаролы въ эти мѣсяцы молчанія и еще неокрѣпшаго здоровья, тѣмъ не менѣе, должно было быть очень тяжело. Онъ видѣлъ себя вынужденнымъ вступить въ борьбу съ Римомъ, чтобы защитить свое ученіе отъ очевидно клеветническихъ обвиненій. чтобы защитить самую жизнь свою отъ тѣхъ интригъ, которыми окружала его партійная ненависть. Въ заботахъ о своей личной безопасности онъ долженъ былъ оставить ту политическую реформу, которая такъ хорошо была направлена, и ту реформу нравовъ, которая дала уже столь благіе плоды. А этого именно и добивались его враги. Въ его еретичество, въ сѣяніе имъ соблазновъ, въ развращеніе имъ народа и тому подобное не вѣрили сами авторы такихъ обвиненій. Папа, какъ мы скоро это увидимъ, ничего не могъ сказать собственно противъ ученія Савонаролы. Борьба-же, какую онъ вмѣстѣ съ «Озлобленными» и Моро велъ противъ него, имѣла политическую подкладку и была чисто личнаго характера: онъ старался уничтожить вмѣстѣ съ Савонаролою цѣлую

партію, стоявшую за нимъ. До тѣхъ поръ, пока борьба эта не скрывала своей настоящей сущности, то есть, не выходила изъ сферы политики, Савонарола гордо шелъ навстрѣчу врагу. Но теперь обстоятельства мѣнялись: его противники стремились коварно спрятать политическій характеръ борьбы подъ видомъ религіознаго спора, и предъ нимъ съ полною ясностью выступали тѣ огромныя опасности, какія вытекали изъ такой постановки вопроса. Если-бы дѣло шло о какомъ-нибудь догматѣ, онъ подчинился-бы авторитету церкви, но папа называлъ его вообще сѣятелемъ ложнаго ученія и предписывалъ молчаніе. Для Савонаролы оставалось, такимъ образомъ, или предоставить флорентійскій народъ на волю судьбы изъ послушанія тому, кто, очевидно, имѣлъ лишь одну цѣль—уничтоженіе свободы Флоренціи, или выказать неповиновеніе авторитету первосвященника, перенести свое дѣло на судъ общественный и посягнуть на соблазны и раздоры въ церкви. Все это страшно его огорчало. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не поколебался въ своемъ рѣшеніи, надѣясь, что магистраты и дружественные ему кардиналы вновь постараются расположить Борджіа въ его пользу. Изъ его писемъ за этотъ періодъ времени мы видимъ, что намѣреніе его не выступать на каѳедрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ на то позволенія изъ Рима, было весьма твердо.

Однако, молчаніе Савонаролы еще не говорило, что онъ сомнѣвался въ правотѣ своего дѣла. Онъ не хотѣлъ возбуждать соблазновъ въ церкви, но и не признавалъ ни малѣйшей силы за приказаніями, отдаваемыми изъ соображеній политическихъ и вызванными ложными и клеветническими доносами его враговъ. При томъ-же, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе недостойное, скандальное поведеніе папы и его сыновей, обвиняемыхъ въ кровосмѣшеніи, въ отравленіяхъ, наводило ужасъ на всѣхъ, а въ Савонаролѣ возбуждало неудержимое негодованіе. И вотъ, его настойчиво стала занимать мысль, какимъ-бы образомъ положить конецъ всему тому злу, какое раздирало церковь. Многіе вліятельные и вполне искренніе католики держались тогда мнѣнія, что избраніе Борджіа, какъ явно симоническое, не имѣетъ силы, и что единственнымъ способомъ устранить соблазны, имѣ

возбужденные, является созывъ собора для его низложенія. Во главѣ ихъ стоялъ воинственный кардиналъ Сантъ Пьеро in Vincoli, впоследствии Папа Юлій II: онъ открыто обвинялъ Борджіа въ невѣріи и ереси и, постоянно находясь при королѣ Карлѣ, не переставалъ уговаривать его созвать соборъ и. такимъ образомъ, обновить церковь. Королю эта идея тоже казалась не невозможной, такъ-что самъ Комминъ, его посолъ, неоднократно замѣчаетъ: «немногого не хватало, чтобы реформа эта была приведена въ исполненіе». Когда французы въ первый разъ проходили черезъ Римъ, было не менѣе 18 кардиналовъ съ кардиналомъ Сантъ Пьеро in Vincoli во главѣ, которые настойчиво убѣждали короля осуществить столь желаемую реформу церкви. Два раза пушки были направлены противъ замка Сантъ Анджело, чтобы завладѣть Александромъ и насильственнымъ образомъ собрать соборъ. Но, колебанія короля, по обыкновению, усиливались по мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты, и верхъ одержали совѣты Бриссоннетто, имѣвшаго на Карла очень большое вліяніе и получавшаго отъ папы не мало денегъ и всяческихъ милостей.

Савонарола былъ, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе горячихъ ревнителей идеи собора и церковной реформы, и если до сихъ поръ онъ не рѣшался энергично взяться за это дѣло изъ боязни посѣять раздоры въ церкви, единство которой было для него всего дороже, то теперь все болѣе и болѣе соблазнительное поведеніе папы положило конецъ всякимъ колебаніямъ въ его душѣ. Кромѣ того, онъ былъ увѣренъ въ сильной поддержкѣ кардинала Сантъ Пьеро in Vincoli. Такимъ образомъ, если онъ благоразумно и воздерживался говорить о подобныхъ предметахъ съ церковной кафедрой, то не переставалъ въ то-же время постоянными письмами побуждать короля Карла къ выполненію предположенной реформы.

Три письма, адресованныя имъ къ королю, «post amissionem regni neapolitani», были написаны имъ въ этомъ году и заставляютъ предполагать о существованіи еще и другихъ. Въ нихъ, какъ и въ письмѣ отъ 26 Мая, Савонарола постоянно говоритъ, какъ пророкъ Божій: «припомните, пишетъ онъ, что я много

разъ предсказывалъ вашъ приходъ въ Италію, когда объ этомъ никто и не помышлялъ еще. Я предсказалъ Вамъ вашу удачу и опасности, васъ ожидающія. Господь покаралъ Васъ, потому-что, преступая Его повелѣнія, Вы оставили дѣло Его. Но еще и тяжчайшія постигнуть Васъ наказанія, если Вы теперь не станете на добрый путь. И я возвѣщаю Вамъ именемъ Божиимъ, что, если Вы не измѣните вашего образа дѣйствій, если не исполните подтвержденныхъ клятвою обѣщаній, если не сдѣлаете того, что Вамъ было приказано чрезъ меня, Господь отмѣнитъ свое избраніе и опредѣлитъ для совершенія этого дѣла на ваше мѣсто другого». Случаю угодно было, чтобы, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, умеръ дофинъ Франціи, къ величайшему горю отца, который теперь еще болѣе убѣдился въ истинности всего предсказаннаго ему Савонаролой. Но и этого всего не было еще достаточно, чтобы заставить его выйти изъ той вѣчной нерѣшимости, которою ему суждено было возбуждать противъ себя всеобщее недовольство.

Между тѣмъ, Савонарола продолжалъ хранить молчаніе, всецѣло углубившись въ свои занятія и переписываясь со своей семьей, угнетенной бѣдностью и домашними несчастіями. Эти письма показываютъ, что любовь къ родителямъ была въ немъ, какъ и во всѣхъ дѣйствительно великихъ людяхъ, крѣпка и неизмѣнна. Съ большой сердечностью совѣтуетъ онъ братьямъ помогать другъ другу, потому-что, съ своей стороны, отказавшись отъ міра, онъ лично въ силахъ помочь имъ развѣ только словомъ утѣшенія. Душой-же онъ раздѣляетъ всѣ ихъ радости и скорби. Письмо его къ матери, потерявшей тогда своего брата Борсо, полно сердечныхъ изліяній. Онъ любовно раскрывается предъ тою, кто былъ предметомъ самой нѣжной его привязанности на землѣ, кому онъ довѣрялъ самыя интимныя свои мысли. Письмо это замѣчательно не только своими тонкими чувствами, но также и тѣмъ, что изъ него мы можемъ видѣть, что Савонарола-сынъ, обращающій къ своей матери слова, полныя любви, остается тождественнымъ съ тѣмъ Савонаролой-монахомъ, который произноситъ проповѣди и съ каеэдры мечетъ громы предъ лицомъ восторженной толпы. Тѣ-же самыя идеи,

тѣ-же самыя слова. Онъ весь проникнуть своимъ высокимъ призваніемъ. И матери онъ проповѣдуетъ о добродѣтельной жизни, о тщетѣ міра, заканчивая письмо предсказаніемъ, что близится конецъ его земного пути. «О, если-бы вѣра ваша была такъ велика, чтобы вы могли, какъ та святѣйшая еврейская женщина Ветхаго Завѣта, безъ слезъ смотрѣть на мученія вашихъ дѣтей! Милая матушка, я говорю это не потому, чтобы я хотѣлъ огорчить васъ, но для того, чтобы, если придется мнѣ умереть, вы были приготовлены къ тому».

Въ это время здоровье его стало поправляться, и потребность въ дѣятельности пробудилась въ немъ съ новой силой. Но какъ быть? Вновь выступить на кафедру, безъ разрѣшенія изъ Рима, онъ не хотѣлъ, а руководя народомъ только черезъ проповѣди Фра Доменико, онъ не могъ надѣяться на тѣ богатые результаты, какихъ онъ достигалъ, когда говорилъ самъ. Но Савонарола всегда находилъ способы дѣлать добро, и когда не могъ принести его много, довольствовался малымъ. Приближался карнавалъ 1496 года, и «Озлобленные», пользуясь его молчаніемъ, готовились отпраздновать его такъ-же, какъ и во времена Медичи. Они хотѣли дать исходъ тѣмъ необузданнымъ страстямъ, окунуться въ тѣ непозволительныя наслажденія, которыя, по ихъ мнѣнію, уже слишкомъ долго были сдерживаемы извнѣ. Савонарола-же, напротивъ, рѣшилъ воспрепятствовать имъ и въ этомъ.

Но сдѣлать это было вовсе не такъ легко, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Флорентійцы чрезвычайно любили карнавальныя праздники и во время ихъ, особенно при Медичи, предавались всевозможнымъ излишествамъ съ такой необузданностью, которую трудно описать: въ эти дни весь городъ представлялъ собою одну сплошную оргію. Всѣ предавались пьянству и кутежу, общественная благопристойность рѣшительно забывалась. Правда, благодаря проповѣдямъ Савонаролы, многое уже измѣнилось къ лучшему, но все-же къ нѣкоторымъ обычаямъ народъ до того привыкъ, что искоренить ихъ не могло ни новое ученіе, ни новые законы, ни магистраты съ ихъ суровыми постановленіями. И, какъ это вполнѣ есте-

ственно, болѣе всѣхъ любила эти праздники молодежь. Былъ, наприимѣръ, въ эти дни обычай останавливать гуляющихъ, для чего поперекъ дороги клались длинные шесты. Чтобы пройти дальше, необходимо было дать какую-нибудь монету. На собранныя деньги устраивались по вечерамъ самые безумные кутежи. Послѣ обѣда зажигались на площадяхъ фейерверки, публика плясала и пѣла. Завершалось все это обыкновенно битвой камнями, отличавшейся такимъ неистовствомъ, что кого-нибудь всегда убивали на смерть. Эту безумную и звѣрскую, по выраженію хроники, игру въ камни запрещали много разъ, участниковъ въ ней подвергали суровымъ наказаніямъ. Но все было напрасно. Благомыслящіе граждане, члены совѣта «Восьми», сама Синьорія ничего не могли съ нею подѣлать: къ вечеру кутежъ доводилъ разгулявшуюся молодежь до такого состоянія, что никакія угрозы не были для нея страшны. Тогда за дѣло взялся Савонарола. Проведя съ такимъ успѣхомъ реформу политическую и реформу нравовъ, онъ, не имѣя возможности, при измѣнившихся обстоятельствахъ, заняться болѣе важными вопросами, приступилъ теперь къ третьей, скромной реформѣ, которую называлъ «реформой молодежи» (*riforma dei fanciulli*).

Онъ понималъ, что съ корнемъ уничтожить древніе обычаи очень трудно. Поэтому, онъ рѣшилъ измѣнить лишь характеръ ихъ, поставивъ на мѣсто празднествъ карнавалныхъ празднества религіозныя. И вотъ, на тѣхъ-же самыхъ углахъ улицъ, гдѣ молодежь обыкновенно собиралась просить денегъ для своихъ ужиновъ, онъ устроилъ небольшія часовенки: стоя около нихъ, молодые люди тоже должны были собирать деньги, но уже не для кутежей, а для раздачи бѣднымъ. Пусть поютъ, говорилъ Савонарола, но не безстыдныя пѣсни, а пѣсни и гимны духовныя. Вновь взявшись за давно уже оставленную имъ поэзію, онъ и самъ составилъ нѣкоторые изъ такихъ гимновъ, а другіе, по его порученію, были написаны поэтомъ Джироламо Бенивьени. Чтобы внести нѣкоторый порядокъ въ этотъ новый видъ празднествъ, онъ велѣлъ Фра Доменико собрать молодежь и выбрать изъ ея среды распорядителей, депутація отъ кото-

рыхъ представилась Синьоріи и ознакомила ее съ цѣлью и планомъ реформы. Заручившись ея одобреніемъ, эта молодежь, гордая новымъ своимъ значеніемъ, съ величайшимъ рвеніемъ взялась за дѣло. Правда, и втеченіе этого карнавала городъ не былъ совершенно спокоенъ, по улицамъ его, по-прежнему, нельзя было ходить свободно. Надоѣдливость молодежи была прежнею, но нова была цѣль пожертвованій, указанная Савонаролой. Такимъ образомъ, въ 1496 г. уже не было игры въ камни и безчинныхъ ужиновъ, и 300 дукатовъ собрано было для раздачи бѣднымъ. Въ послѣдній день карнавала устроена была торжественная процессія, на которую собрался, ради новизны случая, весь народъ. Молодые люди, съ пѣніемъ религіозныхъ гимновъ, обошли всѣ главныя церкви города, а потомъ вручили собранныя ими деньги «Добрымъ мужамъ Св. Мартина», чтобы тѣ роздали ихъ «стыдливымъ бѣднякамъ». Нѣкоторые ворчали, какъ и всегда ворчали по поводу всякаго добраго дѣла, исходившаго отъ Савонаролы, но большая часть гражданъ, всѣ порядочные люди говорили, что и на этотъ разъ монахъ сумѣлъ устроить то, что не удавалось до сихъ поръ во Флоренціи никому.

Между тѣмъ, Совѣтъ «Десяти» (*Dieci della guerra*), въ новомъ правленіи называвшійся «Десятью Свободы и Мира» и состоявшій изъ друзей Савонаролы, дѣятельно хлопоталъ въ Римѣ о позволеніи настоятелю монастыря Св. Марка проповѣдывать въ продолженіе наступающаго Великаго Поста. Онъ постоянно писалъ объ этомъ письма папѣ и многимъ кардиналамъ, въ особенности кардиналу неаполитанскому, съ просьбой повліять на Святого Отца взять обратно свое запрещеніе, хотя бы даже только словесно (*vivae vocis oraculo*). Писали и Николо Пандольфини, епископу Пистойи, и мессеру Риччіардо Бекки, флорентійскому посланнику, прибавляя въ письмѣ къ послѣднему: «это будетъ самымъ пріятнымъ дѣломъ, какое только вы можете сдѣлать для вашихъ согражданъ: это будетъ оцѣнено всѣмъ народомъ по достоинству». И кажется, что, при помощи кардинала неаполитанскаго и другихъ, Совѣту удалось отчасти смягчить папу, потому-что, хотя и не было издано новаго Бreve,

которое отмѣняло-бы запрещеніе, однако, черезъ того-же кардинала неаполитанскаго и черезъ другихъ лицъ, Савонаролѣ дано было понять, что предоставляется на его усмотрѣніе—проповѣдывать или нѣтъ, при чемъ высказывалась надежда, что въ своихъ выраженіяхъ по отношенію къ Риму онъ будетъ умѣреннѣе. Флорентійцамъ такъ хотѣлось вновь видѣть его на кафедрѣ, что 11 февраля 1496 года Синьорія единогласнымъ рѣшеніемъ прямо приказывала ему проповѣдывать въ ближайшій Великій Постъ.

Что папа пытался тогда задобрить Савонаролу, мы имѣемъ тому слѣдующее несомнѣнное доказательство: въ январѣ 1496 г. монастырь доминиканцевъ въ Прато, пріобрѣтшій печальную извѣстность своей распушенной жизнью, былъ присоединенъ къ тосканской конгрегаціи, отданъ подъ начальство настоятеля Санъ Марко, который для водворенія порядка послалъ туда своихъ монаховъ. Все это дѣло было ведено и закончено генераломъ ордена доминиканцевъ, Джіоакино Турріано, которому содѣйствовала, или, вѣрнѣе сказать, котораго побуждала къ тому Синьорія. Настоятелемъ въ Прато былъ избранъ монахъ Антоніо д'Оланда, тотчасъ-же обратившійся къ Савонаролѣ съ просьбой прислать туда проповѣдника. На это послѣдній отвѣчалъ: «если мнѣ разрѣшатъ проповѣдывать, я пошлю къ вамъ Фра Доменико да Пешіа. Просите-же Бога, и я думаю, что мы въ этомъ преуспѣемъ». Другой фактъ, на который въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе, произошелъ, кажется, въ эти-же самые дни, хотя многіе историки, говорящіе о немъ, и не указываютъ съ точностью, когда собственно онъ имѣлъ мѣсто. А именно: папа поручилъ одному ученому доминиканскому епископу разсмотрѣть проповѣди Савонаролы, и установить, нѣтъ-ли въ нихъ чего-нибудь достойнаго осужденія. Прочитавши ихъ, епископъ возвратилъ ему сборникъ со словами: «Святѣйшій Отецъ, этотъ монахъ говоритъ только одно мудрое и честное. Онъ возстаетъ противъ симоніи и развращенности клира, которые, и въ самомъ дѣлѣ, очень велики, онъ съ уваженіемъ относится къ догматамъ и къ авторитету церкви. Поэтому, я постарался-бы скорѣе подружиться съ нимъ, предло-

АЖУЛО БАРДЖЕЛЛИ. ОТКАЗЪ САВОНАРО.Ы ОТЪ КАРДИНАЛЬСКОЙ ШАНКИ. Коллекція Ахматари. Флоренція.

живъ ему, если-бы это было необходимо, даже кардинальское достоинство». Оттого-ли, что папа начиналъ бояться монаха, котораго не могъ заставить молчать и котораго, поэтому, хотѣлъ расположить къ себѣ, думалъ-ли онъ поставить ему какую-нибудь новую ловушку, несомнѣнно, что чрезъ посредство одного доминиканца, специально посланнаго для того изъ Рима, Савонаролѣ была предложена кардинальская шапка съ условіемъ, впрочемъ, чтобы онъ измѣнилъ тонъ своихъ проповѣдей. Каково было его удивленіе именно въ данный моментъ при извѣстии о столь неожиданномъ предложеніи, каково было его негодованіе, трудно описать. Теперь у него имѣлось очевидное доказательство того, что въ Римѣ торгуютъ всѣмъ святымъ. Онъ былъ такъ возмущенъ, что даже не захотѣлъ отвѣчать на это, болѣе чѣмъ странное, предложеніе, и лицу, его передавшему, лишь сказалъ: «приходите на мою ближайшую проповѣдь, и вы услышите мой отвѣтъ Риму». При такихъ обстоятельствахъ наступилъ постъ въ 1496 г. Рѣчи Савонаролы, на этотъ разъ, по своей смѣлости превзошли всѣ, произнесенныя имъ до сихъ поръ. Мы и рассмотримъ ихъ, поэтому, болѣе подробно въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ Великій Постъ 1496 года Савонарола вновь выступаетъ съ проповѣдью.

Семнадцатое февраля 1496 года было торжественнымъ днемъ въ жизни Савонаролы: онъ вновь выступалъ на церковной кафедрѣ, преисполненный грусти и негодованія. Послѣ долгой и все обострявшейся борьбы съ Римомъ, ему, какъ-бы украдкой, разрѣшали теперь говорить, но въ то-же время пытались и подкупить его предложеніемъ кардинальской шапки. Онъ совершенно ясно видѣлъ, что война съ папой становится все безпощаднѣе, что тотъ жаждетъ его крови. Если-бы еще дѣло шло только объ его личности, онъ могъ-бы предло-

жить себя въ качествѣ добровольной жертвы ради мира церковнаго. Но нѣтъ, въ его лицѣ хотѣли погубить республику, главнѣйшей опорой которой въ глазахъ всѣхъ являлся именно онъ. Защищая себя самого, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ защищалъ свободу и вѣру цѣлаго народа, который, благодаря его стараніямъ, изгнавъ тирановъ, обратился теперь къ христіанской морали и христіанской религіи. Конечно, въ чистотѣ его ученія никто не сомнѣвался: ни папа, предлагавшій ему кардинальское достоинство, ни «Озлобленные», которые ненавидѣли въ немъ строгаго реформатора нравовъ и не умѣли переносить чрезвычайной суровости его морали. И, тѣмъ не менѣе, оба эти врага сошлись въ мысли подмѣнить вопросъ о политикѣ вопросомъ религіознымъ, надѣясь, что такимъ образомъ легче будетъ справиться съ монахомъ. Они во что-бы то ни стало хотѣли заставить молчать этотъ голосъ, который, въ полуязыческой и развращенной Италіи, въ глаза папѣ, наводившему на всѣхъ ужасъ своими преступленіями и своею безнравственностью, осмѣливался громко говорить о политической свободѣ и о христіанской добродѣтели. Съ своей стороны, Савонарола, чувствуя, что совѣсть его чиста, рѣшилъ смѣло защищаться и на этой почвѣ, а, въ крайнемъ случаѣ, перенести свое дѣло на судъ общества.

Толпа съ удвоеннымъ любопытствомъ стекалась вновь послушать монаха, котораго грома Рима заставляли молчать въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Внутри Собора, не вмѣщавшаго всей массы народа, было устроено нѣчто въ родѣ амфитеатра о 17 ступеняхъ, доходившаго до первыхъ оконъ зданія. На этихъ ступеняхъ размѣстились дѣти, составлявшія большую половину слушателей Савонаролы, къ которымъ онъ и обращалъ свою рѣчь. Синьорія должна была принять самыя строгія мѣры, чтобы предупредить подготовлявшіеся его врагами безпорядки. Онъ постоянно подвергался опасности быть убитымъ, потому что «Озлобленные» твердо рѣшили покончить съ нимъ, если только имъ удастся настичь его на улицѣ. Моро, какъ говорили, даже подослалъ сюда наемныхъ убійцъ. Поэтому, стража Совѣта «Восьми» и Гонфалоньеры компаній ходили по городу

и наблюдали за порядкомъ. Лишь только Савонарола показался въ дверяхъ монастыря, раздались радостныя восклицанія народа, ожидавшаго его выхода. Многіе изъ его друзей тотчасъ-же окружили его съ оружіемъ въ рукахъ, приготовляясь, въ случаѣ необходимости, защищать его отъ всякаго насилія, и такъ проводили его до самаго Собора. Страсти всѣхъ разгорѣлись въ этотъ день. Такая торжественная минута была еще первый разъ въ жизни Савонаролы. Никогда еще онъ не видѣлъ предъ собой столь жаждавшей его слова аудиторіи. Онъ собирався говорить о дѣлѣ первостепенной важности и зналъ, что проповѣдь его тотчасъ-же будетъ передана въ Римъ, на предложенія и льстивыя обѣщанія котораго онъ обѣщаль отвѣтить сегодня. Взошедши на кафедру, онъ остановился и гордымъ взоромъ окинулъ аудиторію. Глаза его горѣли, точно раскаленные угли. Толпа была такъ густа, что невозможно было пошевелиться, вниманіе и тишина были таковы, что, казалось, можно было слышать дыханіе оратора, ставшее отъ охватившаго его глубокаго волненія особенно стѣсненнымъ. Но сдерживая себя, онъ началъ свою рѣчь довольно спокойно, придавъ ей форму діалога.

«Что это значитъ, монахъ, что ты такъ долго отдыхалъ и не приходилъ на помощь своимъ солдатамъ?—Чада мои! Я не отдыхалъ, напротивъ: я возвращаюсь съ поля битвы, гдѣ я защищалъ одну крѣпость, паденіе которой было-бы и вашей гибелью. Но теперь, благодареніе Богу, вашими молитвами мы отстояли ее... Но, можетъ быть, ты боялся быть убитымъ?—Конечно, нѣтъ, чада мои. Если-бы я боялся этого, я не пришелъ-бы сюда вновь, потому-что теперь мнѣ угрожаютъ еще бѣльшія опасности, чѣмъ прежде.—Можетъ быть, ты стѣснялся проповѣдывать?—Нисколько.—Такъ почему-же? Мы слышали, что тебя отлучили отъ церкви и что тебѣ запрещено проповѣдь.—А развѣ ты читалъ эту грамоту отлученія? Кто присылалъ ее? Даже если предположить, что она, дѣйствительно, существуетъ, развѣ ты не помнишь, какъ я говорилъ тебѣ, что, если-бы отлученіе даже и было издано, оно не имѣло-бы силы и нисколько не послужило-бы на пользу

этимъ злымъ людямъ, полнымъ лжи? Что-же случилось? Ты, монахъ, слишкомъ уже долго держишь насъ въ недоумѣніи. —Сейчасъ я вамъ все объясню, если у васъ хватитъ терпѣнія выслушать меня».

«Я подумалъ и сказалъ себѣ: прежде, чѣмъ выйду изъ кельи моей, *custodiam vias meas*, т. е. изслѣдую пути мои, чисты-ли они отъ скверны. Видя возникшія со всѣхъ сторонъ неудовольствія на жалкаго, не стоящаго и трехъ копѣекъ человека, я сказалъ себѣ въ своемъ сердцѣ: можетъ быть, ты не слѣдилъ хорошо за путями своими, и потому языкъ твой впадалъ въ ошибки, и я разсмотрѣлъ ихъ одинъ за другимъ. Я обратилъ вниманіе только на то, что касается предметовъ вѣры, такъ-какъ грамматика и логика не входятъ теперь въ кругъ моихъ занятій, и я нашелъ, что въ этомъ отношеніи я совершенно чистъ, ибо всегда вѣрилъ и вѣрю всему, чему учитъ Святая Римская Церковь, всегда подчинялся и подчиняюсь ей теперь. Я писалъ въ Римъ, что, если я сказалъ или выразилъ на бумагѣ что-нибудь еретическое, я буду радъ исправиться и отказаться отъ этого здѣсь, публично. Я всегда готовъ оказать послушаніе Римской Церкви и заявляю, что будетъ осужденъ всякій, кто не будетъ ей повиноваться. Говорю и исповѣдую, что католическая церковь будетъ твердо стоять до послѣдняго, суднаго дня. Въ опредѣленіи-же, какая церковь можетъ называться католической, я руководствуюсь ученіемъ Иисуса Христа и мнѣніемъ Церкви Римской».

Послѣ такого рѣшительнаго заявленія, не оставляющаго ни малѣйшаго сомнѣнія въ правильности, съ католической точки зрѣнія, его вѣроученія, онъ перешелъ къ изложенію наиболѣе смѣлой стороны своихъ воззрѣній. Онъ высказалъ мысль, что хотя церковь и непогрѣшима въ догматахъ, мы все-же не обязаны повиноваться всякаго рода приказаніямъ, какія даются ея начальниками, включая сюда и самого папу. «Начальникъ не можетъ приказывать мнѣ чего-нибудь противнаго уставу Ордена. Папа не можетъ предписать мнѣ того, что идетъ въ разрѣзъ съ любовью христіанской и Евангеліемъ. Я не думаю, чтобы папа захотѣлъ сдѣлать это когда-нибудь, но если-бы онъ

поступилъ такимъ образомъ, я сказалъ-бы ему: ты теперь не пастырь, ты не Церковь Римская, ты заблуждаешься. Болѣе того, я говорю: всякій разъ, когда ясно видно, что приказанія начальниковъ противны Божіимъ повелѣніямъ и, въ особенности, любви христіанской, никто не долженъ слушаться ихъ, ибо написано: *oportet obedire magis Deo, quam hominibus*. Если-же случай этотъ не очевиденъ, или есть хоть маленькое въ немъ сомнѣніе, необходимо повиноваться всегда». Предпославъ это замѣчаніе, онъ идетъ далѣе и, останавливаясь на частномъ случаѣ, касающемся его самого, заявляетъ, что рѣшительно не считаетъ себя обязаннымъ подчиняться тому, кто захотѣлъ-бы удалить его изъ Флоренціи, ибо весь городъ до послѣдней женщины знаетъ, что этого добиваются единственно изъ политической къ нему ненависти и что это послужило-бы во вредъ не только свободѣ, но и религіи. «Если-бы я совершенно ясно увидѣлъ, что мой уходъ изъ какого-нибудь города долженъ оказаться духовной и тѣлесной гибелью для народа, я не послушался-бы тогда ни одного смертнаго, который приказывалъ-бы мнѣ оставить его, ибо подобное приказаніе было-бы противно велѣніямъ Господнимъ. Я сказалъ-бы себѣ, что начальникъ мой не хочетъ дѣлать зла и что онъ введенъ въ заблужденіе ложными доносами. Ты, который сообщалъ въ Римъ столько лжи, что ты напишешь теперь? О, я знаю хорошо, что ты будешь писать—А что, братъ?—Ты напишешь, будто я сказалъ, что не слѣдуетъ повиноваться папѣ и что я не желаю ему повиноваться. Но я вовсе этого не говорю: ты пиши такъ, какъ я сказалъ, и ты увидишь, что это не будетъ особенно для тебя выгодно». Въ сущности, ученіе, изложенное Савонаролой, было вполне католлично и нисколько не разнилось отъ того, что говорилъ Св. Тома, многіе ученые и первосвященники церкви, и, однако, оно было таково, что, при самой незначительной подтасовкѣ, его можно было легко обвинить въ ереси. Такъ именно и надѣялись сдѣлать его враги.

Разсмотрѣвъ пути свои и найдя ихъ чистыми, благодаря тому, что онъ постоянно подчинялся въ своемъ ученіи авторитету церкви, и убѣдившись затѣмъ, что всѣ приходившія изъ

Рима Бреве не имѣють никакой силы, потому-что они издавались на основаніи лживыхъ и противныхъ христіанской любви доносовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ дѣйствовать со всевозможнымъ благоразуміемъ, говорилъ Савонарола, продолжая свою проповѣдь. Вотъ почему онъ и молчалъ до сихъ поръ и продолжалъ-бы молчать еще далѣе. «Но когда я увидѣлъ, что многіе благочестивые люди стали охладѣвать въ своей вѣрѣ, а злые становиться смѣлѣе, что дѣло Божіе гибнетъ, тогда я смѣло вернулся сюда. Но передъ этимъ я обратился къ Богу со словами: я наслаждался миромъ и покоемъ, а Ты вывелъ меня вонъ, открывъ мнѣ Твой свѣтъ. Тогда я поступилъ, какъ бабочка, которая въ своемъ стремленіи къ свѣту обжигаетъ себѣ крылья. Я сожегъ, Господи, крылья моего созерцанія, ввергъ себя въ бурное море, гдѣ вѣтры дуютъ со всѣхъ сторонъ одинъ противъ другого». «Я желалъ-бы войти въ гавань, но не знаю туда пути. Я хотѣлъ-бы отдохнуть, но не нахожу мѣста для этого. Желалъ-бы оставаться спокойнымъ и не говорить, но не могу, ибо слово Божіе въ сердцѣ моемъ, какъ огонь, который сожжетъ мозгъ костей моихъ, если я не дамъ ему выхода. О Господи, такъ-какъ Тебѣ угодно, чтобы я плавалъ по столь глубокому морю, пусть будетъ воля Твоя».

Свои послѣднія слова Савонарола обратилъ сперва къ молодежи, которую считалъ почти всю доброй, а потомъ къ людямъ пожилымъ, къ которымъ у него было гораздо менѣе довѣрія. «На васъ, молодые люди, я возлагаю всѣ мои надежды и надежды Господни. Вы будете хорошо управлять Флоренціей, потому-что вы не усвоили себѣ дурной наклонности отцовъ вашихъ, которые никакъ не могутъ отдѣлаться отъ тиранническихъ влеченій и не понимаютъ, насколько великъ сообщенный этому народу Господомъ даръ свободы». «Вы-же, старцы, напротивъ, вы цѣлый день въ сборищахъ и лавкахъ занимаетесь злословіемъ и уснащаете посылаемые вами за городъ письма всякой ложью. Многіе утверждаютъ, поэтому, будто я внесъ смуту въ Италію: этому у меня имѣются письменныя доказательства. О несмысленные! *quis vos fascinavit non obedire veritati?* Гдѣ полчища мои и деньги, чтобы я могъ возму-

тить цѣлую страну? Я не возмущаю Италіи, а говорю только, что она должна будетъ испытать возмущеніе». «Я возвѣщаю, что ваши грѣхи ускорятъ наказаніе. Великая война, о маловѣрный, заставитъ тебя отказаться отъ роскоши и гордости. Великая морская язва заставитъ васъ, о женщины, бросить вашу суетность. Народъ ничтожный и ропщущій, великая скудость заставитъ тебя замолчать. Граждане, если вы не будете жить въ страхѣ Божиѣмъ и не будете любить свободное правленіе, Господь не дастъ вамъ ни въ чемъ успѣха и только для дѣтей вашихъ сохранить обѣщанное Флоренціи благоденствіе».

Такъ заканчивалась эта проповѣдь, въ которой Савонарола какъ-бы конспективно представилъ все то, что онъ хотѣлъ сказать въ теченіе Великаго Поста. Ученіе его смѣло. Обвиненія, высказанныя имъ противъ Рима, дерзки. Выраженія, въ какихъ онъ описываетъ грядущія наказанія, полны огня. Но во всемъ, сказанномъ имъ, нѣтъ ничего, что могло-бы быть отмѣчено, какъ ересь. Мы должны удивляться его благоразумію: онъ не позволялъ себѣ съ церковной кафедры разсуждать о симоническомъ избраніи Борджіа или о своихъ надеждахъ на Соборъ, какъ равно должны удивляться и тому, что онъ не сдѣлалъ никакихъ ясныхъ намековъ на предложенія, полученные имъ отъ папы, что онъ отвѣчалъ на нихъ лишь косвеннымъ образомъ. Благородство характера не позволяло ему воспользоваться случаемъ, который, принесъ пользу лишь ему одному, могъ породить соблазнъ въ церкви. Во всѣхъ проповѣдяхъ этого Великаго Поста мы видимъ Савонаролу постоянно вѣрнымъ самому себѣ: католикъ по существу, онъ въ то-же время обладалъ такимъ мужествомъ и такой моральной независимостью, какими могли похвалиться лишь немногіе до и послѣ него. Нѣтъ ничего на свѣтѣ, что устрало-бы его, ничего, что заставило-бы его отступить отъ разъ принятаго имъ пути. Онъ одинокъ въ защитѣ свободы народа, свободы собственнаго убѣжденія и совѣсти. Но онъ высоко держитъ свое знамя, твердо стоитъ лицомъ къ лицу съ правителями всей Италіи, съ римскимъ дворомъ, мечущимъ противъ него грома плохо обдуманыхъ Брeve. Онъ не боится ни яда, ни кинжала «Озлб-

ленныхъ», которые угрожаютъ ему на улицахъ, въ церкви, на самой кафедрѣ.

Его обличенія пороковъ Рима, ложной и лицемерной религіозности того времени, продолженіе этого Великаго Поста, были непрестанны и безпощадны. Во второе воскресенье онъ произнесъ на эту тему проповѣдь, сдѣлавшуюся знаменитой не столько по смѣлости языка, которая, вообще, не была для него необычною, сколько потому, что она попала въ разрядъ запрещенныхъ римской куріей. Онъ началъ ее страннымъ толкованіемъ словъ: *Audite verbum hoc, vassae pingues, quae estis in monte Samariae*. «Послушай: кто тѣ, которые говорятъ, что я долженъ проповѣдывать Священное Писаніе?.. Я и не проповѣдую ничего другого. Если-бы ты зналъ, что такое Священное Писаніе, то и не сказалъ-бы этого. Скорѣе ты долженъ былъ-бы сказать: проповѣдуй Туллія или Виргилія, и ты тогда не нашелъ-бы обличенія себѣ. Но Священное Писаніе обличаетъ тебя каждымъ словомъ своимъ. Что-же? Я буду проповѣдывать Писаніе, хочу послушаться тебя. Скажи мнѣ: какъ ты объяснишь слова: *O vassae pingues*? По моему, эти тельцы тучные означаютъ блудницъ Рима и Италіи. Развѣ ихъ нѣтъ въ Римѣ и Италіи? Сказать, что ихъ въ Римѣ 1.000—мало, 10.000—мало, 14.000—мало: тамъ мужчины и женщины сдѣлались блудницами». Продолжая въ этомъ духѣ, онъ описываетъ пороки Рима въ такихъ выраженіяхъ, которыя въ наше время было-бы неудобно и повторять цѣликомъ. Затѣмъ, онъ обращается къ народу, чтобы обвинить его въ ложной и лицемерной религіозности, сведенной къ простой формалистикѣ. «Вы глубоко развращены во всемъ: въ рѣчахъ и молчаніи, въ дѣлѣхъ и бездѣліи, въ вѣрѣхъ и невѣріи. Вы говорите противъ пророчествованія, а придетъ кто-нибудь къ вамъ и расскажетъ какой-нибудь необычайный сонъ, и вы ему вѣрите. Вамъ говорятъ: поститесь въ такую-то субботу, въ такой-то часъ, и вы это дѣлаете и думаете, что этимъ спасетесь. Я-же вамъ говорю, что Господь не хочетъ такой-то субботы и такого-то часа, но хочетъ, чтобы вы всю жизнь свою удалялись отъ грѣха. А вы, наоборотъ, бываете хороши въ продолженіе одного часа, чтобы

быть потомъ дурными цѣлую жизнь. Понаблюдайте за такими лицами въ послѣдніе три дня Страстной недѣли: они ходятъ по церквамъ и стараются заполучить себѣ индульгенцію и прощеніе грѣховъ. Они мечутся то туда, то сюда, прикладываются къ св. Петру, къ св. Павлу, къ одному, къ другому святому. Идите, идите, звоните въ колокола, украшайте алтари, церкви. Три дня передъ Пасхой приходите всѣ, а потомъ все это можно оставить. Богъ смѣется надъ дѣлами вашими и не внимаетъ вашимъ церемоніямъ. Послѣ Пасхи вы будете еще хуже, чѣмъ прежде. Все суета, все лицемѣріе въ наши дни. Истинная религія угасла». Въ другомъ мѣстѣ Савонарола говоритъ: «Если-бы я сказалъ: дай мнѣ 10 дукатовъ для бѣднаго, ты отказалъ-бы, а если я скажу: истрать ихъ сотню на капеллу здѣсь, въ Санъ Марко, ты это сдѣлаешь. Ты поступаешь такъ для того, чтобы надъ капеллой поставить гербъ твой: ты строишь ее въ свою славу, а не во славу Божию... Посмотри во всѣ углы монастырей, и ты увидишь всюду гербы строителей ихъ. Я поднимаю голову предъ входной дверью и думаю найти тамъ распятіе, а тамъ—гербъ. Пройди далѣе, подыми опять голову, и опять увидишь гербъ: все полно гербовъ. Надѣваю священное облаченіе и думаю, что на немъ изображено распятіе. Но тамъ тоже гербъ, который помѣстили на этомъ мѣстѣ для того, чтобы народъ хорошенько видѣлъ его. Вотъ идолы, которымъ вы приносите столько жертвъ!». Описавъ и осудивъ развращенность своего времени, особенно-же клира, онъ снова обратился къ возвѣщенію наказаній, грядущихъ на Римъ и Италію.

«Тебѣ говорю, Римъ, готовься, ибо наказаніе твое будетъ велико. Сожмутъ тебя желѣзнымъ кольцомъ, истребятъ тебя мечемъ, огнемъ и пламенемъ... Бѣдная Италія! Я вижу всю тебя завоеванной. Бѣдные народы! Я вижу всѣхъ васъ угнетенными... Италія, ты больна тяжелой болѣзью. Римъ, ты боленъ usque ad mortem. Ты погубилъ свое здоровье и оставилъ Бога, ты боленъ грѣхами и бѣдствіями, терзающими тебя... Если ты хочешь выздоровѣть, оставь твою пищу: оставь твою гордость, твою заносчивость, твою роскошь, твою жадность. Эта пища

ввергла тебя въ болѣзнь, она-же влечетъ тебя и къ смерти... Италія смѣется надъ этимъ, Италія не обращаетъ на это вниманія, не хочетъ ѡбкарствъ и говоритъ, что медикъ бредитъ. О невѣрные! Такъ-какъ вы затыкаете уши свои и не хотите обратиться къ правдѣ, то Господь говоритъ: Италія запятнана кровью, полна скверны, развратниковъ и безстыдныхъ сводниковъ. Я наведу на нее самый дурной народъ, какой только найдется, унижу князей ея и сломя гордыню Рима. Народъ этотъ завладѣетъ ея святынями, осквернитъ ея храмы: за то, что они превратили ихъ въ сѣдалища блудниковъ, я сдѣлаю ихъ хлѣвами для свиней и коней. Это менѣе огорчитъ Господа, чѣмъ то, что ихъ сдѣлали сѣдалищами блудниковъ. Когда придетъ на нихъ утѣшеніе, когда придутъ мученія, они не будутъ имѣть покоя. Пожелаютъ обратиться—и не смогутъ, будутъ смущены и растеряны. О Италія! Тогда будетъ смятеніе за смятеніемъ: смятеніе войны за голодомъ, моровая язва за войной, смятеніе съ одной стороны, смятеніе съ другой. Пройдетъ молва за молвой, т.-е., услышатъ о варварахъ, идущихъ отсюда, и о варварахъ, наступающихъ въ другомъ мѣстѣ. Съ востока и съ запада, со всѣхъ сторонъ, одинъ за другимъ, будутъ распространяться слухи. Будутъ искать видѣній пророческихъ и не найдутъ ихъ, ибо Господь говоритъ: теперь Мой чередъ проповѣдывать. Обратятся къ астрологіи, но та не послужитъ ни къ чему. Изсякнетъ священство, оно потеряетъ свое достоинство. Князья облекутся во власяницы, народы будутъ потрясены смутами. Всѣми овладѣетъ страхъ. Какъ они судили, такъ и сами будутъ судимы».

А вотъ какъ въ другой проповѣди онъ описываетъ чуму, которая найдетъ на Италію. «Повѣрьте этому монаху что не достанетъ людей, чтобы хоронить умирающихъ, и не будетъ возможности приготовить необходимое число могилъ. Умершихъ въ домахъ будетъ такое множество, что по улицамъ будутъ ходить люди и кричать: выносите умершихъ вонъ! Положатъ ихъ на телѣги и на лошадей, цѣлыя горы накладываютъ ихъ и будутъ сжигать. Будутъ ходить по улицамъ, восклицая: у кого есть мертвые? У кого есть мертвые? Выйдутъ нѣкоторые и скажутъ:

вотъ мой сынъ, вотъ мой братъ, это вотъ мой мужъ... И опять будутъ ходить по улицамъ и кричать: нѣтъ-ли еще мертвыхъ? У кого еще есть мертвые? И порѣдѣетъ народъ такъ, что останутся только немногіе!».

Весь Великій Постъ Савонарола продолжалъ проповѣдывать все въ томъ-же духѣ. Сперва онъ описывалъ грѣхи Рима и Италіи, а потомъ возвѣщалъ наказаніе, чтобы закончить приглашеніемъ народовъ къ покаянію. «Heu! Heu! Heu! Fuge de terra Aquilonis. Бѣгите изъ земли сѣвера, т.-е. отъ пороковъ, и обратитесь ко Христу... Вотъ наступаетъ мрачное время, вотъ будетъ дождь изъ огня, пламени, камней. Настанутъ смутные дни... Я васъ поставилъ среди четырехъ вѣтровъ, говоритъ Господь, т.-е. между прелатами, князьями, священниками и дурными гражданами. Бѣгите ихъ пороковъ, объединитесь всѣ въ любви христіанской. Fuge, o Sion, quae habitas apud filiam Babilonis, т.-е. бѣгите отъ Рима, ибо Вавилонъ означаетъ смѣшеніе, а Римъ именно смѣшалъ все Писаніе, перемѣшалъ всѣ пороки вмѣстѣ, все на свѣтѣ. Итакъ, бѣгите отъ Рима и обратитесь къ покаянію».

Это постоянное описаніе бѣдствій Италіи, дѣйствительно, такъ живо, такъ наглядно, что казалось, будто Савонарола воображеніемъ переносился въ будущее и какъ-бы уже присутствовалъ при немъ. Не менѣе замѣчательна и та настойчивость, съ какою онъ возвѣщаетъ близость своей смерти, то постоянство, съ какимъ онъ повторяетъ неустанно: «день, когда вы будете въ состояніи поступить со мной такъ, какъ вы того желаете, еще не пришелъ, *sed adhuc modicum tempus vobiscum sum*. Я сказалъ Господу: я Тебѣ предоставляю заботу объ этомъ. Я лишь орудіе въ Твоихъ рукахъ. Предоставь мнѣ дѣйствовать, отвѣтилъ Онъ мнѣ. Съ ними случится то-же, что съ евреями, которые думали погубить Меня, вознося Меня на крестъ, и, напротивъ, этимъ распространили имя Мое по всей землѣ. Я-же, заключалъ Савонарола, желаю, какъ добрый вождь, сражаться до самой смерти моей».

Но хотя онъ твердо выдерживалъ всѣ нападки, хотя папѣ и не удалось заставить его пойти на уступки, однако, онъ вы-

нужденъ былъ измѣнить свой образъ дѣйствій и сосредоточить все свое вниманіе на самозащитѣ. До сихъ поръ онъ только и зналъ, что управлялъ, приказывалъ. Единственной заботой его было—пропагандировать свои идеи, подчинять своей волѣ народныя массы, захватывать все большее и большее поле дѣятельности. Теперь-же, къ величайшему вреду для народа, ему приходится, напротивъ, ограничиться защитой своего собственнаго ученія, собственной жизни. Его враги умножаются. Они рѣшили, что, если даже республика останется въ цѣлости, долженъ, во всякомъ случаѣ, погибнуть тотъ, кто основалъ ее: они тѣснятъ несчастнаго монаха со всѣхъ сторонъ. Послѣдній защищается, отбиваетъ нападенія все съ большей энергіей, вызываетъ къ Италіи, къ цѣлому свѣту, говоря, что въ лицѣ его хотятъ уничтожить республику, уничтожить неприкосновенныя права человѣческаго разума и совѣсти. Но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ принужденъ мало-по-малу оставить свои заботы о реформѣ нравовъ и о реформѣ политической: положеніе его мѣняется существенно и становится все труднѣе и опаснѣе.

Въ продолженіе Великаго Поста вопросы политическіе, впрочемъ, не были оставлены имъ окончательно, потому-что возвратиться къ нимъ на нѣсколько дней представился тогда весьма удобный случай. Тогда именно закончена была постройкой зала Великаго Совѣта. Порученная съ самаго начала существованія новаго правленія знаменитому архитектору Кронака, постройка шла чрезвычайно медленно до тѣхъ поръ, пока Савонарола въ своихъ проповѣдяхъ не сталъ съ особенной настойчивостью указывать на необходимость завершить ее по возможности скорѣе. Тогда работа пошла впередъ съ необыкновенной быстротой, и просто-народье стало говорить, что здѣсь не обошлось безъ ангельской помощи. 25 февраля, при большомъ стеченіи уполномоченныхъ, избрана была новая Синьорія. И Савонарола, преисполненный радости по поводу этого торжественнаго случая, двѣ своихъ великопостныхъ проповѣди посвятилъ политикѣ. Прежде всего, онъ остановился на самой процедурѣ выборовъ и жестоко осудилъ тотъ духъ партійности, который всегда вносилъ въ нихъ порчу. «Многіе расхаживаютъ по городу, распространяя въ на-

родѣ листки, гдѣ говорится: не избирайте такого-то. А я вамъ говорю: не дѣлайте такъ, какъ учатъ васъ эти листки. Если тѣ, которыхъ вы не хотите видѣть выбранными, люди дурные, вы можете теперь, когда нѣтъ тирана, сказать это открыто въ Совѣтѣ. Выйди-же впередъ и заяви откровенно: такой-то не годится на эту должность. Если-же онъ годится, предоставь, чтобы его избрали». Въ другомъ мѣстѣ онъ отвѣчаетъ: «слышу, что въ Совѣтѣ есть такіе, которые, когда кто-нибудь избирается, говорятъ: положимъ ему бѣлый или черный бобъ, потому-что онъ такой-то партіи. Et quad reius est, слышу, что есть и такіе, которые говорятъ: онъ принадлежитъ къ партіи монаха, положимъ ему черный бобъ. Какъ! Развѣ я училъ васъ этому? У меня нѣтъ друзей, кромѣ Христа, и того, кто дѣлаетъ добро. Не дѣлайте болѣе такъ, ибо такое поведеніе ваше рѣшительно противорѣчитъ моимъ намѣреніямъ, и этимъ вы только внесете скоро раздѣленіе въ народъ. Когда кто подаетъ голосъ, пусть подаетъ его въ пользу того, кого онъ считаетъ хорошимъ и благоразумнымъ, по сужденію своей совѣсти, какъ я говорилъ вамъ это и прежде». Здѣсь мы должны подчеркнуть, что Савонарола, какимъ онъ представляется намъ въ проповѣдяхъ, въ письменныхъ трудахъ и въ правдивой исторіи событій, совсѣмъ не таковъ, какимъ изображали его многіе древніе и новыя біографы. Гдѣ тотъ духъ партійности, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, одинъ руководилъ его дѣйствіями? Гдѣ его стремленіе помогать только своимъ друзьямъ и угнетать противниковъ? Гдѣ эти узкія идеи, эти мало благородные принципы? Предъ нами, напротивъ, человѣкъ съ самыми широкими взглядами, съ принципами благороднѣйшими, человѣкъ безкорыстный, любящій свободу и справедливость для всѣхъ, не исключая даже тѣхъ, которые искали убить его.

Съ особенной настойчивостью остановившись въ этомъ торжественномъ случаѣ на необходимости производить выборы безъ всякаго духа партійности, онъ рекомендовалъ, затѣмъ, любовь къ Великому Совѣту, къ новому правленію и свободѣ. А чтобы еще глубже поселить въ народѣ привязанность ко всему этому, онъ дѣлаетъ въ обѣихъ проповѣдяхъ подробное

описание тирана и зла, какое тотъ приносить утѣсняемому имъ городу. «Тиранъ, говоритъ онъ, есть имя человѣка самой дурной жизни, который все желаетъ только для себя и ничего— для другихъ, который есть врагъ Бога и людей. Онъ гордъ, сластолюбивъ, жаденъ, а такъ-какъ въ этихъ трехъ порокахъ, какъ въ зародышѣ, заключены и всѣ другіе, то отсюда слѣдуетъ, что и онъ имѣетъ въ себѣ сѣмена всего, что есть въ человѣкѣ дурного. Всѣ чувства извращены у него: глаза его видятъ только сластолюбіе, уши слышатъ похвалы только ему и осужденіе для другихъ, ротъ служить только чревоугодію, и такъ далѣе. Онъ развращаетъ магистраты, обкрадываетъ вдовъ и сиротъ, притѣсняетъ народъ, благопріятствуетъ тѣмъ, кто помогаетъ ему воровать общественныя деньги. Онъ подозрителенъ и держитъ всюду шпионовъ. Желаетъ, чтобы каждый казался глупымъ въ его присутствіи и раболѣпствовалъ предъ нимъ. Поэтому, гдѣ есть тиранъ, тамъ ничего нельзя ни дѣлать, ни говорить свободно. Народъ становится при немъ малодушнымъ, всякая добродѣтель угасаетъ, пороки торжествуютъ. Вотъ, Флоренція, что предстоитъ тебѣ, если ты желаешь имѣть тирана. Онъ причина всѣхъ грѣховъ, какіе творятся въ народѣ. Поэтому онъ долженъ будетъ дать отвѣтъ Богу и понесетъ наказаніе за свои грѣхи. И ты, гражданинъ, слѣдующій ему, не менѣе жалокъ, чѣмъ и онъ самъ. При разговорѣ съ нимъ раболѣпствуютъ твой языкъ, твои глаза, вся твоя личность вѣчно холопствуетъ передъ нимъ. Все твое имущество принадлежитъ ему. На твою долю достаются только палочные удары, да и за нихъ тебѣ надо говорить: благодарю! Ты жалокъ во всемъ. Таковы, говорилъ онъ въ заключеніе, утѣхи тирана и его приспѣшниковъ: они пользуются ими въ настоящей жизни, чтобы въ другой, загробной, получить за нихъ вѣчное осужденіе». Онъ повторяетъ это описаніе и развиваетъ его во всѣхъ подробностяхъ, шагъ за шагомъ изображая жизнь тирана, всѣ его страсти, всѣ испытываемыя отъ него притѣсненія. То былъ портретъ, наводившій страхъ и ужасъ, написанный не только съ энергіей, но и съ громаднымъ искусствомъ. Онъ постоянно преподносилъ его народу, чтобы сказать въ за-

ключеніе: «Вотъ, Флоренція, то, чего ты ищешь!» Савонарола распространялся на эту тему не случайно: 27 апрѣля былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью подтасовать голоса въ пользу враговъ республики. Трое гражданъ осуждены были на вѣчное заключеніе, а многіе отданы подъ надзоръ властей.

Въ этотъ Великій Постъ Савонарола часто обращалъ свою рѣчь и къ дѣтямъ, въ большомъ количествѣ сидѣвшимъ обыкновенно въ амфитеатрѣ Собора. Онъ убѣждалъ ихъ имѣть любовь христіанскую и прилежаніе въ занятіяхъ. Онъ хотѣлъ, чтобы они знали хотя-бы элементы грамматики, отцамъ-же внушалъ не жалѣть на это ни издержекъ, ни трудовъ. Убѣждалъ, равнымъ образомъ, чтобы они не торопились поступать въ клирики, давалъ и другіе полезныя совѣты. Когда приблизилось Вербное Воскресенье, онъ задумалъ устроить для этихъ дѣтей торжественную и поучительную процессію. Около этого времени только-что были избраны чиновники Ломбарда, и Савонарола, усиленно хлопотавшій въ пользу его учрежденія, хотѣлъ, чтобы открытіе его было отпраздновано дѣтьми. И вотъ, въ Вербное Воскресенье, еще съ утра, былъ приготовленъ въ церкви образъ: «Входъ Господень въ Іерусалимъ». Савонарола сказалъ проповѣдь, полную добрыхъ совѣтовъ, заключавшуюся слѣдующими словами: «О Господи, изъ устъ младенцевъ этихъ изыдетъ истинная хвала Тебѣ. Философы хвалятъ Тебя по откровенію естественному, а эти дѣти — по сверхъестественному, философы — по самолюбію, а дѣти по простотѣ души, философы — словами, а дѣти — добрыми дѣлами». Обратившись, затѣмъ, съ распятіемъ въ рукѣ, ко всему народу, онъ воскликнулъ: «Флоренція, это вотъ Царь вселенной! Онъ хочетъ быть и твоимъ царемъ. Хочешь-ли ты этого?» На это всѣ громко, многіе со слезами, отвѣчали утвердительно: «да здравствуетъ Христосъ, Царь нашъ!». Такъ закончилась эта проповѣдь среди всеобщаго народнаго энтузіазма. «Озлобленные», державшіеся въ сторонѣ, но никогда не терявшіе его изъ виду, дрожали теперь отъ злости. Послѣ полудня дѣти, украшенныя гирляндами масличныхъ вѣтвей, всѣ въ бѣломъ, съ красными крестами или пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, прошли съ иконою

въ процессіи по улицамъ и, посѣтивъ различныя церкви, остановились на площади предъ Палаццо, распѣвая сложенную Джироламо Бенивіени пѣснь о будущемъ счастьѣ Флоренціи. Собравъ, затѣмъ, богатую милостыню, они отнесли ее чиновникамъ Ломбарда. Такъ, подъ вліяніемъ Савонаролы, было отпраздновано открытіе Ломбарда дѣтьми, которыя оставили карнавальныя безумія, чтобы предаться дѣламъ милосердія.

Но если исключить эти двѣ проповѣди, сказанныя при открытіи Великаго Совѣта и Ломбарда, мы не найдемъ за это время другихъ, которыя останавливались-бы на вопросахъ политическихъ или социальныхъ. Савонарола продолжалъ все въ томъ-же духѣ, въ какомъ и началъ, и въ Воскресенье на Оминой сказалъ проповѣдь, являющуюся какъ - бы заключеніемъ всѣхъ предшествовавшихъ, подобно тому, какъ первая была, такъ сказать, общей программой для нихъ. Какъ въ той, такъ и другой, мы находимъ главные идеи, какія онъ предположилъ развить тогда. Въ этотъ послѣдній день Савонарола вновь ясно подчеркнул свою покорность авторитету Римской Церкви, говоря, что она будетъ стоять вѣчно, что будетъ осужденъ всякій, кто захочетъ отдѣлаться отъ нея. Онъ призналъ авторитетъ папы въ словахъ Евангелія: «ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и что ты свяжешь на землѣ, связано будетъ и на небѣ». Но послѣ этого онъ вновь повторилъ: «мы, однако, не обязаны подчиняться всѣмъ распоряженіямъ. Если они вызваны ложными доносами, они не имѣютъ силы. Если они явно противорѣчатъ закону Евангельской любви, необходимо противостать имъ, какъ противосталъ Св. Павелъ Св. Петру. По нашимъ предположеніямъ такой случай невозможенъ. Но если-бы онъ имѣлъ мѣсто, тогда нужно отвѣтить начальнику: ты заблуждаешься, ты не Церковь Римская, ты человѣкъ и грѣшникъ». Это были тѣ-же самыя слова, какія были сказаны въ первой проповѣди. Повторяя ихъ теперь, онъ подтверждаетъ ихъ ссылками на писателей и поясняетъ ихъ многими примѣрами. «Если мой начальникъ прикажетъ мнѣ оставить нестяжательность, я воспротивлюсь, если твой духовный отецъ прикажетъ тебѣ что-нибудь противъ Бога.

ты долженъ воспротивиться ему и осудить его. Когда случай очевиденъ самъ по себѣ, ничего не нужно бояться, а лишь слѣдовать по пути добра». Хотя мысли эти и были подтверждены ссылками на Учителей Церкви, все-же онѣ казались очень смѣлыми и были, на самомъ дѣлѣ, какъ-бы вызовомъ къ войнѣ. Самъ Савонарола, вѣроятно, не сталъ-бы излагать ихъ съ церковной кафедры, если-бы не былъ убѣжденъ, что избраніе папы Александра недѣйствительно, если-бы не питалъ твердой надежды, что Соборъ скоро найдетъ средство уврачевать бѣдствія церкви, раздираемой неприличными скандалами, преступленіями, гнусностями, день ото дня все умножавшимися.

Переходя, затѣмъ, къ частному случаю своего личнаго спора съ Римомъ, онъ повторялъ въ этотъ день: «Кто не знаетъ, что Бреве издано въ угоду моимъ врагамъ и врагамъ республики, распространяющимъ ложь и клевету на меня? Кому не извѣстно, что отъѣздъ мой отсюда сопряженъ не только съ величайшей опасностью для моей жизни, но и со вредомъ для народа и свободы, что добрые обычаи были-бы оставлены и религіозность пала-бы? Этого, а не чего-нибудь другого хотятъ враги наши. Вотъ почему я долженъ думать, что первосвященникъ введенъ въ заблужденіе донесеніями моихъ клеветниковъ. Я хочу оказать послушаніе тѣмъ намѣреніямъ, какія я долженъ видѣть въ его распоряженіяхъ, а не буквальному ихъ смыслу, ибо не хочу предположить, чтобы онъ желалъ гибели цѣлаго народа». Вновь повторилъ и предсказаніе о своей смерти. «Каковъ будетъ конецъ войны, которую ты ведешь? Если ты меня спрашиваешь вообще, я отвѣчу, что будетъ побѣда; если ты спрашиваешь въ частности, то, напротивъ, говорю тебѣ: эта борьба кончится моею смертію, полнымъ моимъ уничтоженіемъ. Будьте, однако, увѣрены, что все это послужитъ лишь къ большому распространенію ученія, исходящаго не отъ меня, а отъ Бога. Я только орудіе въ рукахъ Его, и я твердо рѣшилъ биться до конца». Разсказалъ, какъ въ предшествующую ночь онъ имѣлъ видѣніе, будто между Іерусалимомъ и Римомъ воздвигся крестъ. Изъ креста истекала большая кровавая рѣка; невѣрные выказывали великое желаніе искупаться въ ней, между тѣмъ

какъ вѣрные всячески старались отстраниться отъ нея. Послѣ этого землю покрылъ мракъ. Пошелъ огненный дождь, стрѣлы падали съ неба съ ужасающимъ шумомъ. Во всемъ этомъ ораторъ нашелъ предлогъ сдѣлать еще одно изъ тѣхъ краснорѣчивыхъ и одушевленныхъ описаній бѣдствій Италіи, которыми полонъ былъ кругъ великопостныхъ его проповѣдей. Этимъ онъ и закончилъ его.

Въ этихъ проповѣдяхъ попадаются страницы, которыя совершенно ясно показываютъ намъ, что въ другихъ условіяхъ и при другихъ занятіяхъ Савонарола былъ-бы величайшимъ итальянскимъ ораторомъ. Въ его словахъ замѣчается сила, огонь краснорѣчія совершенно новаго, властнаго. Языкъ его своеобразенъ, ибо, какъ только у него зарождалась какая-нибудь идея, тотчасъ же подыскивалось и выраженіе, вполне ей соотвѣтствовавшее. Образы его отличаются необычайною яркостью и противъ воли увлекаютъ воображеніе всей аудиторіи. Если присоединить живость жестовъ и произношенія, то мы поймемъ весь тотъ громадный энтузіазмъ, какой пробуждалъ онъ во флорентійскомъ народѣ. И въ самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе, произведенное имъ въ этотъ Великій Постъ, было особенно велико. Слава объ его проповѣдяхъ на пророковъ Амосу и Захарію облетѣла всю Италію и перешла Альпы. Съ одной стороны, увлеченіе его послѣдователей достигло фанатизма, съ другой — ненависть противниковъ его дошла до апогея. Итальянскіе правители протестовали, папа преисполнился яростью: ему казалось, что Ватиканъ дрожитъ уже подъ громами огненнаго краснорѣчія монаха. И дѣйствительно, заявлять, что сила христіанской любви, свободы, справедливости, вѣры и разума непреодолима, повторять это смѣло и откровенно, несмотря на угрозы папы, запятнаннаго кровью и преступленіями, было дѣломъ неслыханнымъ, взволновавшимъ всѣхъ. Оно находило себѣ сочувственный откликъ повсюду, гдѣ еще не совсѣмъ угасло сознаніе добра.

Но о пробудившихся тогда страстяхъ мы будемъ подробнѣе говорить въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Различные ученые отзывы о доктринѣ Савонаролы. Обращенія къ нему правителей Италіи и его отвѣты. Разговоръ папы съ флорентійскимъ посломъ. Савонарола вновь появляется на церковной каѳедрѣ и проповѣдуетъ по праздникамъ на книгу Руоѣ и пророка Михея.

(1496).

Чтобы лучше понять, какъ сильно было впечатлѣніе отъ проповѣди Савонаролы, нужно читать письма, посылавшіяся изъ Флоренціи въ эти дни. Ни о чемъ другомъ, кажется, флорентійцы не могли и разсуждать тогда, какъ только объ этомъ монахѣ, при чемъ въ разсужденіяхъ своихъ они теряли всякое чувство мѣры. Однимъ казалось, что Савонарола смѣется надъ полученнымъ имъ отлученіемъ, папу ставить ниже какого-нибудь турка, а правителей Италіи считаетъ хуже еретиковъ. По мнѣнію другихъ, онъ съ церковной каѳедры хочетъ разоблачить грѣхи своихъ преслѣдователей, готовится произнести новыя и еще болѣе удивительныя пророчества. Кто говорилъ, что онъ сталъ тираномъ Флоренціи, кто, напротивъ, утверждалъ, что онъ скоро сокрушитъ враговъ республики, если не истребитъ ихъ, прибѣгнувъ къ чуду. У всѣхъ было ожиданіе чего-то необычайнаго, сверхъестественнаго. Такимъ образомъ, толпа, возбуждаясь, съ одной стороны, ненавистью и злобою, съ другой—фанатизмомъ и удивленіемъ, все болѣе и болѣе разжигалась, и страсти ея ежедневно находили для себя все новую пищу.

Въ то-же время стало появляться такое огромное множество странныхъ брошюръ, что, казалось, онѣ угрожали образовать собой совершенно особаго рода литературу. То до небесъ превозносилось имя монаха, то не находилось словъ, обвиненій, ругательствъ, чтобы очернить его. По правдѣ сказать, брошюры, по своему литературному достоинству, не заслуживаютъ

никакого вниманія, но онѣ такъ хорошо обрисовываютъ тѣ времена и людей, что мы должны сказать о нихъ хоть нѣсколько словъ.

Одна изъ этихъ брошюръ, наиболѣе достойная быть отмѣченною, носитъ заглавіе: *Oraculum de novo saeculo*. Она была написана Джіованни Нези, знаменитымъ ученикомъ Марсиліо Фичино, всецѣло проникнутымъ неоплатоновскими идеями. Самое заглавіе ея уже говорило, что авторъ ея — послѣдователь Савонаролы. Онъ рассказываетъ странное видѣніе, будто, перенесенный въ загробный міръ, онъ ведетъ продолжительную бесѣду съ тѣнями Энея и Платона, при чемъ послѣдній изображается, какъ предтеча христіанства; потомъ онъ встрѣчаетъ знаменитаго Пико дела Мирандола, который,водя его по сферамъ небеснымъ, показываетъ ему соотвѣтствіе ихъ съ ученіемъ Савонаролы, не переставая превозносить предъ нимъ умъ, сердце, характеръ монаха. Въ заключеніе онъ говоритъ: «*Sed quid plura? Christi est in omnibus aemulator egregius*».

Одинъ проповѣдникъ въ церкви Санто Спирито нападалъ на новое ученіе, каждый день изрыгалъ новыя хулы противъ Савонаролы и вызывалъ его на испытаніе огнемъ. Савонарола не обращалъ на него никакого вниманія и рѣшительно игнорировалъ его. Но въ отвѣтъ на эти нападки въ защиту Савонаролы выступилъ мессеръ Филиппо Чіони, флорентійскій нотаріусъ, съ письмомъ, изданнымъ въ качествѣ прибавленія къ брошюркѣ маэстро Паоло да Фучеккіо. Другой противникъ, чтобы сильнѣе уязвить Савонаролу, притворился его послѣдователемъ и тоже напечаталъ письмо, въ которомъ, въ видѣ сомнѣній, повторялъ обычныя противъ него обвиненія, т.-е., что онъ сѣетъ смуты въ церкви, не слушается Рима, называетъ себя пророкомъ и т. д. Доменико Бенивіени, братъ поэта и авторъ многихъ религіозныхъ трудовъ, тотчасъ-же разоблачилъ грубое лицемѣріе анонимнаго писателя, напечатавъ въ отвѣтъ ему свое «Письмо», и затѣмъ въ многочисленныхъ діалогахъ и трактатахъ защищалъ ученіе и пророчества своего учителя. Онъ излагаетъ исторію его проповѣдничества, изображаетъ состояніе развращенности и невѣрія, изъ котораго тотъ вывелъ флорентійскій народъ своею

доктриною, доказываетъ истинность послѣдней святостью жизни тѣхъ, кто ей слѣдовалъ, совершеннымъ ея согласіемъ съ Евангеліемъ. Наконецъ, онъ перечисляетъ многочисленныя пророчества Савонаролы, при чемъ отмѣчаетъ какъ тѣ, которыя уже осуществились, такъ и тѣ, которыя были близки къ осуществленію.

Когда разгорѣлась эта полемика, на сцену появился монахъ-отшельникъ, по имени Анджело, который изъ скита Валломброзы адресуетъ печатно свои письма къ итальянскимъ правительствамъ. Въ одномъ изъ нихъ, «Къ членамъ Синьоріи и народу флорентійскому», онъ подтверждаетъ пророчества Савонаролы и, претендуя на особое проникновеніе Священнымъ Писаніемъ, увѣряетъ, что въ Апокалипсисѣ онъ нашелъ предсказаніе о нашествіи на Италію короля Карла VIII и о походѣ его на востокъ для возстановленія христіанской имперіи. Онъ написалъ объ этомъ церквамъ Африки и Азіи, возвѣщая имъ эти событія, долженствующія скоро исполниться. «Сенату и Дожу Венеціи» онъ посылаетъ другое письмо, выражая неодобреніе ихъ политикѣ и политикѣ лиги, которая, противясь Карлу, противится волѣ Господа, избравшаго его на новое служеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не оригиналенъ этотъ анахоретъ, который изъ своего скита перечисляетъ силы турокъ и французовъ, разсуждаетъ о возможности и послѣдствіяхъ войны на востокѣ? Политикой занимались во Флоренціи рѣшительно всѣ. Не было человѣка, въ чьей головѣ не бродили-бы проекты будущаго. Люди всѣхъ партій взялись за перо. Брошюры политическаго характера начали быстро возрастать въ количествѣ. «Озлобленные» давали въ нихъ выходъ своимъ страстямъ, своей неудержимой злобѣ на Савонаролу; они испытывали всѣ средства, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, только-бы уязвить его. «Восемь» открывали каждый день все новые заговоры противъ его жизни; иногда они должны были прибѣгать къ пыткамъ. Бывали, по слухамъ, случаи, когда покушенія едва-едва не удавались, такъ-что приходилось даже осуждать виновныхъ въ нихъ на смерть. Но «Озлобленные» безстрашно продолжали дѣлать свое дѣло съ прежнимъ азартомъ. Когда нельзя было

дѣйствовать оружіемъ, довольствовались перомъ. Къ этому они вынуждены были прибѣгнуть теперь, когда монахъ, по полученіи изъ Рима Бреве, удался въ свой монастырь. Письма въ стихахъ и прозѣ, сонеты, пѣсенки, — все пускалось въ ходъ, подъ флагомъ литературы, только-бы оскорбить Савонаролу.

Нѣкто Джироламо Муци написалъ шутливую пѣсню, которая начиналась такъ:

O popolo ingrato,
Tu ne vai preso alle grida,
E dietro a una guida
Piena d'ipocrisia.

Онъ нападалъ не только на Савонаролу, но, обращаясь къ магистратамъ, обличалъ и ихъ поведеніе:

Che i ducati o marroni,
Le some dei capponi,
Giovenchi, han sì gran forza,
Che rompono ogni scorza
Ch'è innanzi alla giustizia.

И далѣе онъ продолжалъ писать съ такой дерзостью, что былъ приговоренъ «Восемью» къ лишенію права въ продолженіе пяти лѣтъ занимать какую-либо должность и къ штрафу въ 60 флориновъ золотомъ.

Но относительно тона рѣчи, какого держались тогда «Озлобленные», можетъ быть, дать намъ болѣе ясное представленіе «Защита противъ ковчега Фра Джироламо», написанная Франческо Альтовити. Авторъ ея рассказываетъ, что онъ претерпѣлъ изгнаніе и всякаго рода преслѣдованія отъ тирановъ и что болѣе всего онъ любитъ свободу, въ защиту которой и хочетъ теперь писать противъ Савонаролы. «Кажется, разсуждаетъ Альтовити, Савонарола такъ ослѣпленъ и увлеченъ, такъ безусловно подчинился всевластной своей гордынѣ, что, приворяясь, будто разговариваетъ съ самимъ Богомъ, онъ хотѣлъ-бы управлять государствомъ и войсками, какъ диктаторъ. диктовать свои законы этому городу, а потомъ, какъ Моисей, и всему міру, угрожать и указывать предѣлы даже папской

власти, которая должна принимать его приказанія противъ своей воли». Плачется на то, что монахъ отмѣнилъ празднества въ день св. Іоанна Крестителя, уничтожилъ карнавалъ и всякое веселье во Флоренціи, и не зная, что еще сказать, продолжаетъ все въ томъ-же духѣ. Савонарола хочетъ возстановить власть тирана, а если онъ и говорилъ иногда противъ деспотизма, то въ послѣдствіи онъ сдѣлался гораздо уступчивѣе, и Пьеро Медичи сталъ его другомъ. «Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что гдѣ Фра Джироламо, тамъ и Пьеро, и кто стоитъ за монаха, тотъ стоитъ и за Пьеро Медичи. Поэтому, если хотятъ искоренить самое имя тирана, нужно уничтожить имя Фра Джироламо, ибо онъ отецъ тирана и намѣстникъ тирана» и т. д. Можно-ли вообразить себѣ что-нибудь болѣе бессмысленное? И, тѣмъ не менѣе, таковъ былъ въ тѣ дни обычный тонъ «Озлобленныхъ».

Приверженцы Савонаролы не всегда оставались въ долгу: иной разъ и они изливали свой гнѣвъ въ словахъ, полныхъ желчи, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ стиховъ:

Voi ridete, e con sonetti
 Dispreggiate il divin verbo;
 Ma, spectate il duro nerbo
 Che le spalle vi rassetti,
 Su, mosconi, a scompigliare;
 Scarafaggi, a vostra stalla;
 Calabron che siete a galla,
 Fate i vizii un po'svegliare.
 Ma sappiate che mai falla
 La iustizia col supplicio...

Эта литература состояла иногда изъ брошюръ, иногда изъ простыхъ листковъ, которые ходили по рукамъ или прибивались на углахъ улицъ. Но чаще всего это были стихи, которые читались и распѣвались по городу: «Плаксы» и «Озлобленные» декламировали ихъ въ лицо другъ другу, когда встрѣчались на улицахъ. Если, поэтому, мы хотимъ познакомиться съ политическимъ характеромъ приверженцевъ Савонаролы, мы не должны искать отображенія его только въ этихъ листкахъ,

въ которыхъ они отвѣчали оскорбленіемъ на оскорбленіе. Мы должны, напротивъ, искать его въ тѣхъ гораздо болѣе многочисленныхъ стихотворныхъ и прозаическихъ произведеніяхъ, въ которыхъ они превозносятъ имя и величіе отечества, предлагаютъ новые законы, или обсуждаютъ тѣ изъ нихъ, которые вошли уже въ силу.

Укажемъ здѣсь нѣсколько небольшихъ трактатовъ: «О размѣнѣ денегъ», «О кассѣ займовъ», «О кассѣ дѣвушекъ», какъ потому, что они адресованы Фра Санти Ручеллаи Савонаролѣ и его монастырю, такъ и потому, что въ нихъ, вмѣстѣ съ разсужденіями о разныхъ важныхъ установленіяхъ флорентійской республики, имѣются драгоцѣнныя свѣдѣнія о тогдашнемъ финансовомъ ея положеніи. Но болѣе важные труды, т. е. тѣ, въ которыхъ со всей живостью обрисовываются послѣдователи Савонаролы, выходили изъ-подъ пера простого народа. Онъ писалъ ихъ, не соблюдая правилъ грамматики, подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства и единственно ради духовнаго своего утѣшенія. Одно изъ такихъ произведеній, могущее дать представление и о всѣхъ прочихъ, носить заглавіе: «*Riforma santa et pretiosa ha fatta Domenico Cecchi, per chonservazione della città di Firenze*». Авторъ начинается такъ: «Вслѣдствіе великой любви, какую я имѣю къ народу, мнѣ пришла въ голову мысль взяться за эту работу. Другой дѣлать я не могу: день и ночь мнѣ кажется, что меня принуждаетъ къ ней какая-то сила. Я могъ-бы рассказать о бывшихъ со мной чудесахъ, которыми я и самъ очень удивленъ». Чекки представляетъ собою настоящій типъ простолюдина, фанатически настроеннаго проповѣдями Савонаролы. Политика и религія страннымъ образомъ перемѣшались въ его головѣ, и онъ думаетъ, что какая-то сверхъестественная сила заставляетъ его давать совѣты республикѣ. Онъ полонъ энтузіазма, любви къ свободѣ и не лишенъ природнаго таланта. Брошюра его обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство автора съ основными литературными приѣмами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и замѣчательную политическую проницательность. Его совѣты свидѣлствуютъ о рѣдкомъ здоровомъ смыслѣ, и можно было-бы сказать, что

они основываются на практической опытности въ дѣлахъ государственныхъ. Онъ требуетъ, чтобы Великій Совѣтъ былъ избавленъ отъ необходимости заниматься безконечнымъ множествомъ мелкихъ дѣлъ, не только отнимающихъ у него время, нужное для занятій болѣе серьезныхъ, но дѣлающихъ неприятнымъ для многихъ и самое посѣщеніе его собраній. Разсуждаетъ о 10% налогѣ на имущества и разъясняетъ выгоды такого способа обложенія, строго осуждаетъ произволъ въ податяхъ, «ибо онъ ведетъ городъ къ гибели», одобряетъ налогъ на церковныя имущества, высказываетъ пожеланіе, чтобы была положена граница въ надѣлѣ дѣвушекъ приданымъ, такъ-какъ это избавитъ господъ и рабочихъ отъ необходимости отказываться отъ выдачи своихъ дочерей замужъ. Тутъ-же въ первый разъ выражается идея о созданіи городской милиціи, позднѣе установленной Макиавелли и вынесшей на своихъ плечахъ геройскую защиту республики. Чекки считалъ необходимымъ избрать нѣсколько офицеровъ, которые обучили-бы военному искусству всѣхъ, кто въ городѣ или деревняхъ будетъ способенъ къ ношенію оружія. «Такимъ образомъ, деньги, употребляемыя на наемъ солдатъ, не только останутся въ государствѣ, но можно не сомнѣваться и въ томъ, что 1000 нашихъ гражданъ сдѣлаютъ гораздо больше, чѣмъ 3000 наемниковъ. Законы эти, говоритъ онъ въ заключеніе, заставятъ дурныхъ сдѣлаться хорошими, и во Флоренціи установится счастливая жизнь для всякаго. Они принесутъ обновленіе, единодушіе и миръ всей Италіи. Сюда будутъ приходить изучать ихъ: нашъ городъ—опора и сердце Италіи».

Обзоръ этой народной литературы мы закончимъ выпиской стиховъ неизвѣстнаго писателя, который подписывался: «Я, Джіованни, ни серъ, ни мессеръ, а флорентійскій портной». Авторъ питаетъ къ республикѣ тотъ-же энтузіазмъ, что и Чекки, одушевленъ одинаковой съ нимъ ревностью къ славіи отечества, и хотя его нельзя назвать человѣкомъ образованнымъ, однако, онъ не впадаетъ такъ часто въ грамматическія и орфографическія ошибки, какъ тотъ. Въ одномъ изъ своихъ сонетовъ онъ осуждаетъ тѣхъ, кто стремится къ занятію должностей, но кто,

потомъ, отказывается служить родинѣ, когда это является опаснымъ, и превозноситъ тѣхъ, кто сражается подъ Пизой. Въ другомъ онъ обращается съ упреками къ тѣмъ изъ партіи «Сѣрыхъ», которые лицемѣрно выдаютъ себя за «Плаксъ». Онъ предупреждаетъ ихъ, что они не успѣютъ въ своемъ намѣреніи

O prete, o frate, o secolare strano,
Sia chi vuol, che non terrá la bocca
Al popol fiorentino alto e sovrano.
Che chi al popol vorrá porre il freno,
Cadere lo vedro in un baleno.

. . . . .

Въ восьмистишіяхъ онъ высказываетъ похвалу за любовь къ отечеству и за повиновеніе Великому Совѣту, въ трехстишіяхъ превозноситъ будущую славу Флоренціи, порицаетъ политику Моро, венеціанцевъ и всей Лиги, угрожаетъ пизанцамъ скорой гибелью:

Peró bisogna che il Pisano cali
Co'ferri a'piedi giù nella sentina,
Po'ch'è stato cagion di tanti mali,
E la famosa patria fiorentina
In alia stae come bel falcone,
E la Lega niente lo domina;
. . . . .
Però non creda nessun sottoposto
Uscire delle branche al gran liono.
E chi lo ingannerá, tornerà tosto,
A suo dispetto, sotto il suo artiglio,
Come Cristo superno ha ben disposto,

Когда мы рассмотримъ эти и многіе другіе труды, ходившіе по рукамъ, мы тотчасъ-же замѣтимъ большую разницу между тѣми изъ нихъ, которые принадлежали «Озлобленнымъ», и тѣми, которые принадлежали «Плаksamъ»: честность и чистосердечіе, безъ всякаго сомнѣнія, на сторонѣ послѣдователей Савонаролы. Противники-же его преувеличиваютъ, клеветуютъ, притворяются, не вѣрятъ сами себѣ. Но если мы оставимъ въ сторонѣ труды послѣднихъ и сосредоточимъ вниманіе только на произведеніяхъ его послѣдователей, то увидимъ.

что они рѣзко раздѣляются на два разряда: на политическія и религіозныя. Они не сходны между собою не только въ предметѣ, о которомъ трактуютъ, но и въ характерѣ ихъ авторовъ, въ самомъ стилѣ ихъ. О политикѣ разсуждаетъ народъ, о религіи—ученые: первый рѣшительно невѣжественъ въ литературѣ, вторые знаютъ латинскій и греческій языки, философію Аристотеля и Платона. И, однако, если мы будемъ судить о внутреннемъ достоинствѣ трудовъ, пальму первенства, несомнѣнно, придется отдать писателямъ изъ народа. Всѣ эти брошюрки были плодомъ политической и религіозной жизни. Жизнь политическую во Флоренціи можно сравнить съ деревомъ, посаженнымъ въ плодородную почву и въ подходящемъ климатѣ: оно тотчасъ-же распускаетъ свои зеленѣющія и бодрья вѣтви. Жизнь религіозную, которой Савонарола предавался съ особенной любовью, можно, наоборотъ, уподобить растенію, очутившемуся на почвѣ неблагодарной и растущему благодаря постоянному за нимъ уходу и заботамъ.

Флорентійцы всегда были народомъ политическимъ по преимуществу. Тотчасъ-же по изгнаніи Медичи прежній характеръ пробудился въ нихъ, такъ-что республика. казалось, никогда и не переставала существовать. Чувствуя себя неспособнымъ или, можетъ быть, настроеннымъ слишкомъ по-мірски, простой народъ не берется за перо, чтобы трактовать о религіи, но зато онъ цѣлыми днями разсуждаетъ и пишетъ о политикѣ. Правда, ему часто не хватаетъ познаній въ грамматикѣ и орѳографіи, но тѣмъ непосредственнѣе отражается здѣсь свойственный ему характеръ. Онъ всегда полонъ огня, жизни, оригинальности. Если-бы насъ, затѣмъ, спросили: можно ли въ этой духовно пробуждающейся Флоренціи назвать ученыхъ, которые также занимались политикой, и каково было достоинство ихъ трудовъ, мы должны были-бы тогда напомнить, что геній Макиавелли, Гвиччардини и Джіаннотти зародился именно во времена республики и расцвѣлъ подъ солнцемъ свободы. Безъ всякаго сомнѣнія, они были дѣтьми революціи 1494 года, начатой монахомъ. Въ самомъ дѣлѣ, за этотъ періодъ времени политическая жизнь развивается и расцвѣтаетъ во всѣхъ направленіяхъ. Новые за-

коны и реформы обсуждаются съ удивительнымъ знаніемъ дѣла, одобряются съ величайшимъ благоразуміемъ. На сцену выступаетъ полная новыхъ силъ молодежь. Люди пожилые какъ-будто весь свой вѣкъ только и занимались дѣлами государственными. Удачно шли дѣла и на войнѣ. Пьеро Каппони, который былъ ея душой, приобрѣталъ подѣ Пизой все большую и большую славу, имя храбраго Антоніо Джіакомини снискало себѣ всеобщую извѣстность. Всѣ предпріятія велись такъ, что сдѣлали-бы честь и болѣе опытной въ военныхъ дѣлахъ республикѣ, а не только Флоренціи, едва освободившейся отъ шестидесятилѣтняго рабства. И если главнымъ виновникомъ столь непреодолимаго стремленія къ свободѣ былъ Савонарола, создавшій новую республику, это значитъ, что зачатки его онъ отыскалъ въ самомъ характерѣ флорентійскаго народа, благодаря которому они тотчасъ-же расцвѣли и дали плодотворные и прочные результаты. Дѣйствительно, свобода пережила монаха: заглушенная усиліями своихъ враговъ, она вновь потомъ воскресла въ болѣе пышной формѣ. А затѣмъ она опять была подавлена военною силою и пала. Но паденіе это было геройское. И слава флорентійской республики не умретъ во вѣки.

Совсѣмъ другую картину представляетъ религіозная жизнь флорентійцевъ. Мы находимъ тутъ что-то эфемерное, что-то вынужденное, чему сдѣлать точное опредѣленіе мы затруднились-бы, но что всякому бросается въ глаза, при бѣгломъ ознакомленіи съ исторіею того времени и религіозными трудами всѣхъ послѣдователей Савонаролы. Передъ нами лишь вялое воспроизведеніе идей учителя, повтореніе его словъ безъ всякаго одушевленія. Ни одной оригинальной мысли, ни одного горячаго слова. Этотъ народъ, пробужденный, какъ говорятъ, къ религіозной жизни, не оставилъ потомкамъ ни одного памятника своей вѣры. Одинъ лишь Савонарола является личностью, поистинѣ, высокорелигіозной. Онъ кажется единственнымъ реальнымъ человѣкомъ въ этомъ измѣнчивомъ мірѣ бѣглыхъ видѣній. Это не значитъ, что не произошло никакой большой религіозной реформы или что не было всеобщаго нравственнаго улучшенія. Но эта толпа, которая съ такимъ есте-

ственнымъ одушевленіемъ стремится къ свободѣ, постоянно нуждается въ проповѣдяхъ Савонаролы, чтобы остаться твердой въ своей вѣрѣ. Лишь только умоляетъ онъ, она тотчасъ-же вновь впадаетъ въ свои пороки и маловѣріе. Всякому было ясно, что республика, а не флорентійская религіозность переживаетъ Савонаролу.

Хотя Савонарола и хотѣлъ скрыть отъ себя эту черту флорентійскаго характера, ему все-же неоднократно приходилось отмѣчать ее. Горькіе упреки вырывались у него тогда по адресу любимаго имъ народа: онъ угрожалъ ему страшнымъ гнѣвомъ Господнимъ, предупреждая, что, вмѣсто обѣщаннаго благополучія, его постигнуть ужаснѣйшія наказанія. Но у него слишкомъ велика была потребность вѣрить и надѣяться, да и естественный ходъ событій былъ такъ неизбѣженъ, что, въ концѣ концовъ, фатально увлекался и онъ самъ. Онъ говорилъ о религіи, о нравственности, а у флорентійскаго народа пробуждалась непреодолимая любовь къ свободѣ. Не имѣя силъ противостоять естественному влеченію своихъ слушателей, онъ кончалъ тѣмъ, что и самъ переходилъ къ совѣтамъ относительно того, какъ слѣдуетъ положить твердое основаніе республикѣ и какъ лучше устроить ея дѣла. Тогда онъ становился идоломъ толпы. Савонарола хотѣлъ, чтобы политика и свобода служили религіи, а флорентійцы, наоборотъ, религію заставляли служить республикѣ. И всякій разъ, какъ онъ въ своихъ проповѣдяхъ терялъ изъ виду цѣли политическія, вниманіе аудиторіи ослабѣвало. Вслѣдствіе этого онъ и вынужденъ былъ провозгласить Иисуса Христа царемъ Флоренціи, а свои совѣты, даваемые съ церковной кафедры объ учрежденіи новой конституціи, выдавать за желанія Божіей Матери. Отмѣну Парламентовъ онъ провозгласилъ велѣніемъ Господнимъ. Новое управленіе онъ долженъ былъ постоянно сравнивать съ управленіемъ ангельскими чинами, а дни, въ которые совершилась флорентійская революція, съ семью днями творенія! Савонарола, казавшійся всемогущимъ въ своемъ вліяніи на флорентійцевъ, нашелъ непреодолимое препятствіе своему дѣлу въ религіозномъ индифферентизмѣ народа, этомъ наслѣдствѣ Медичи, съ

которымъ онъ никакъ не могъ рѣшительно справиться. Въ народѣ сомнѣніе и фанатизмъ постоянно смѣняли другъ друга, и сдѣлать его истинно религіознымъ Савонарола не могъ, какъ онъ ни старался объ этомъ.

Это—фактъ чрезвычайной важности, заслуживающій самаго серьезнаго вниманія. Только имъ и можно объяснить себѣ, почему жизнь Савонаролы разрѣшилась столь неожиданной драмой. Онъ хотѣлъ быть обновителемъ религіи, а народъ флорентійскій обожалъ въ немъ основателя республики. Его защищали съ такимъ жаромъ противъ папы, потому-что тотъ хотѣлъ возстановить Медичи во Флоренціи: защищая монаха, народъ защищалъ и свою свободу. Но въ тотъ самый день, когда Александръ Борджіа, не особенно много интересовавшійся дѣлами религіознаго характера, успѣлъ отдѣлать вопросъ политическій отъ церковнаго, Савонарола не могъ уже болѣе разсчитывать на прежній жаръ и ревность къ себѣ: бездна разверзалась подъ его ногами!

Но обратимся къ прерванному нами изложенію хода событій. Послѣ проповѣдей на пророковъ Амоса и Захарію слава о новомъ ученіи разнеслась по всему міру. Толки о немъ достигли даже Востока, гдѣ султанъ, чтобы имѣть возможность лично читать эти проповѣди, приказалъ перевести ихъ на турецкій языкъ. Изъ Франціи, Германіи и Англіи приходили письма отъ его новыхъ поклонниковъ, которыхъ стяжало ему чтеніе его рѣчей. Въ то-же время и правители итальянскіе писали ему то въ льстивомъ, то въ угрожающемъ тонѣ: всѣ они, болѣе или менѣе терзаемые угрызеніями совѣсти, думали, что онъ лично ихъ избираетъ предметомъ своихъ обличеній, которыя въ дѣйствительности были обращены на пороки и тирановъ вообще.

Только герцогъ феррарскій былъ его истиннымъ другомъ. Чрезъ своего посланника, а также своими частыми и полными преданности письмами, онъ поддерживалъ съ нимъ постоянныя сношенія. Въ отвѣтъ на такую сердечность Савонарола давалъ ему добрые совѣты и посылалъ свои произведенія. Зато миланскій представитель, Паоло Соменци, всегда былъ упорнымъ его противникомъ. Впрочемъ, онъ всѣми способами старался

теперь расположить въ его пользу Моро, тоже, какъ мы знаемъ, отъявленнаго врага Савонаролы. 12 Апрѣля 1496 г. онъ пересылаетъ своему государю письмо монаха съ живѣйшей просьбой отвѣтить ему милостию. «ибо Савонарола является настоящимъ повелителемъ флорентійскаго народа и можетъ внушить ему преданность Вашему Величеству». Письмо Савонаролы до насъ не дошло, но, повидимому, онъ жаловался въ немъ на то, что Моро вѣритъ его клеветникамъ, и совѣтовалъ ему покаяться въ своихъ грѣхахъ. Моро отвѣчалъ ему съ такой изысканной благосклонностью, что она можетъ показаться даже ироніей. Онъ извиняется предъ Савонаролою, указывая при этомъ, что до него дошли его плохіе о немъ отзывы, его утвержденія съ церковной каѳедры о ненужности повиноваться папѣ. Дальше Моро общается не слушать его клеветниковъ. Относительно грѣховъ герцога самымъ наивнымъ образомъ заявлялъ, что не знаетъ за собой больше ни одного, ибо живетъ, какъ подобаетъ доброму христіанину. Однако, просилъ указать ему, какое именно покаяніе онъ долженъ принести.

Соменци, по приказанію герцога, отнесъ это письмо въ монастырь Св. Марка, куда потомъ ходилъ и еще много разъ. Своими медовыми рѣчами онъ хотѣлъ черезъ Савонаролу склонить флорентійцевъ вступить въ Лигу. Въ благодарность за эту услугу, Моро общалъ расположить въ его пользу брата своего, кардинала Асканьо, имѣвшаго большое вліяніе въ Римѣ и бывшаго до сихъ поръ однимъ изъ тѣхъ, кто всего болѣе побуждалъ папу къ изданію отлученія. Но Савонарола не поддался ни лести, ни угрозамъ, и 25 Апрѣля съ большимъ достоинствомъ отвѣчалъ: «неправда, будто я когда-нибудь рѣшительно говорилъ, что не слѣдуетъ повиноваться папѣ. Это было-бы предосудительно, потому-что противно правиламъ нашей религіи, отъ которой я не отдѣлялся и никогда не отдѣлюсь. Тѣ-же клеветники наговорили Вамъ, будто я осуждаю Ваше Величество. Но ни на кого я не намекаю въ частности, когда всѣмъ безъ исключенія совѣтую покаяться. И если Ваше Величество таковы, какъ Вы говорите о себѣ, то Вамъ ничего не остается дѣлать, какъ продолжать жить по-

прежнему, и въ этомъ лучшимъ судьей для Васъ будетъ Ваша собственная совѣсть». Посланнику-же Соменци онъ на словахъ говорилъ, что рѣшительно ничего не имѣетъ противъ герцога и что, съ своей стороны, готовъ сдѣлать для него все, но «что помочь ему въ его настоящей просьбѣ онъ не въ состояніи. Флорентійцы не хотятъ вступать въ Лигу изъ боязни, что Моро, вмѣстѣ съ другими правителями, стремится уничтожить народное правленіе и возстановить во Флоренціи власть тирана».

По тѣмъ-же причинамъ и въ томъ-же духѣ Савонарола долженъ былъ писать и Галеотто Пико, правителю Мирандола. Тиранъ этотъ тоже думалъ, что монахъ избираетъ его предметомъ обличеній въ своихъ проповѣдяхъ. Савонарола опять настаиваетъ на томъ, что рѣчи его не имѣютъ характера личныхъ нападокъ. Своимъ единственнымъ призваніемъ онъ считаетъ—возвѣщать приближающіяся наказанія и склонять къ покаянію всѣхъ. Этотъ правитель, братъ знаменитаго Джіованни Пико делла Мирандола, отецъ Дж. Франческо, біографа Савонаролы, по характеру своему совсѣмъ не былъ похожъ ни на своего брата, ни на своего сына. Жизнь его была сплошной жестокостью: долгое время онъ держалъ узниками въ подвалахъ одной изъ башенъ своего брата и свою мать. Измѣнивъ тонъ, Савонарола писалъ ему 26 Мая 1496 года, между прочимъ, слѣдующее: «убѣждаю васъ обратиться ко Господу, жить, какъ подобаетъ всякому христіанину, покаяться въ прошедшемъ и быть милостивымъ. Въ противномъ случаѣ, извѣщаю васъ, что великое наказаніе готовится вамъ въ самомъ скоромъ времени: оно постигнетъ васъ лично, ваше семейство и отразится на вашемъ имуществѣ. Еще скажу вамъ, что вамъ недолго остается жить. Если вы не сдѣлаете того, что я говорю вамъ, вы пойдете въ адъ, и письмо это будетъ представлено вамъ предъ судищемъ Господнимъ, такъ-что вы не будете въ состояніи и оправдаться». Дж. Франческо замѣчаетъ по этому поводу: «отецъ мой былъ тогда въ зрѣломъ возрастѣ, цвѣтушаго здоровья, и, казалось, можно было надѣяться на долгую еще жизнь. Однако, послѣ этого, поистинѣ, пророческаго письма, онъ прожилъ не болѣе двухъ

лѣтъ. Съ тѣхъ поръ исторія нашего рода представляетъ собою продолжительную кровавую трагедію, которой не предвидится и конца». Несчастный молодой человѣкъ и не чувствовалъ, что онъ тоже долженъ будетъ сдѣлаться одной изъ самыхъ злополучныхъ жертвъ предсказанной Савонаролою трагедіи: въ ночь на 5 Февраля 1533 года онъ былъ убитъ своимъ собственнымъ племянникомъ!

Но въ гнѣвѣ на Савонаролу дальше всѣхъ заходилъ самъ папа. Правда, онъ вновь разрѣшилъ ему проповѣдывать съ церковной каѳедры, но это позволеніе было дано только словесно и въ надеждѣ, что тотъ будетъ умѣреннѣе въ своихъ выраженіяхъ. Синьорія-же, напротивъ, старалась обставить свое приказаніе о возобновленіи проповѣдей какъ можно торжественнѣе, а Савонарола, съ своей стороны, былъ особенно смѣлъ и неукротимъ въ своихъ нападкахъ. Борджіа постоянно дѣлалъ по этому поводу грозныя представленія флорентійскому послу мессеру Риччіардо Бекки, жалуясь ему на Савонаролу, а еще болѣе на Синьорию, которая поддерживала монаха и, что еще постыднѣе, признавала надъ собой его власть и не хотѣла войти въ составъ Лиги. 10 Марта 1496 г. была, поэтому, собрана «Практика» для обсуждения вопроса, что дѣлать въ настоящемъ случаѣ, но ни къ какому положительному рѣшенію не пришла. Никто не хотѣлъ нарушать союза съ Франціей. Всѣ недовѣрчиво относились къ папѣ и къ Моро и считали необходимыми проповѣди Савонаролы. Съ другой стороны, всѣ боялись, что Борджіа прибѣгнетъ къ какимъ-нибудь крайнимъ мѣрамъ и, потому, старались успокоить его. Пьеро Каппони, хотя и бывший послѣдователемъ Савонаролы, съ практическимъ смысломъ солдата говорилъ: нужно помнить, что папскія осужденія часто наносили большой ущербъ городу, «особенно нашимъ купцамъ, которыхъ мы имѣемъ въ разныхъ странахъ христіанскаго міра». «Десять» постоянно писали въ защиту Савонаролы своему представителю въ Римѣ и разнымъ кардиналамъ. Но папа становился все неукротимѣе въ своемъ гнѣвѣ и рѣшительно отказывалъ флорентійцамъ въ испрашиваемыхъ ими тогда духовныхъ благахъ. Чтобы смягчить его, рѣшено было отправить къ нему, какъ было предло-

жено на Практикѣ, чрезвычайнаго посла, мессера Николо Пандольфини, архіепископа Пистойи. Но едва лишь тотъ предсталъ предъ Борджіа, какъ папа жестоко началъ порицать флорентійцевъ за то, что они крѣпко держатся союза съ Франціей и не хотятъ быть «членами Св. Лиги для изгнанія варваровъ», что они стремятся погубить всю Италію. Перейдя, затѣмъ, къ вопросу о монахѣ, онъ ограничился немногими словами, въ которыхъ, однако, сквозила глухая, глубокая ненависть къ нему и плохо сдерживаемый гнѣвъ. Архіепископъ, насколько только могъ, старался извинить республику. Что касается союза съ Франціей, то онъ указывалъ на необходимость соблюдать вѣрность заключеннымъ трактатамъ, обращалъ вниманіе на ненависть венеціанцевъ и Моро къ республикѣ. По вопросу о монахѣ онъ напоминалъ Его Святѣйшеству, что тотъ самъ, чрезъ посредство одного кардинала, разрѣшилъ ему церковную проповѣдь. Ни Синьорія, ни Савонарола даже и не предполагали въ этомъ случаѣ, что они могутъ оказаться его слушниками. Но здѣсь папа рѣзко оборвалъ его, сказавъ: «хорошо, хорошо, о Фра Джироламо распространяться теперь мы не будемъ. Придетъ время, когда мы поговоримъ о немъ болѣе подробно. Что касается прочаго, то вы даете обѣщанія только на словахъ и хотите играть двойную игру». Такъ закончилась эта первая аудіенція.

Между тѣмъ, папа устроилъ собраніе изъ 14 доминиканскихъ богослововъ, которымъ предложилъ обсудить поведеніе и ученіе Савонаролы, въ надеждѣ, что тѣ найдутъ предлогъ къ обвиненію и строгому наказанію не только монаха, но и его послѣдователей. Главное обвиненіе, какое предъявлено было къ Савонаролѣ, заключалось въ томъ, что онъ когда-то былъ причиной всѣхъ бѣдствій Пьеро Медичи. Нужно-ли, послѣ этого, другое доказательство, что здѣсь дѣло шло о борьбѣ чисто политической, а не религіозной? Посолъ Бекки тоже не оставался въ это время бездѣйственнымъ. Пользуясь рекомендаціями и добрымъ отношеніемъ къ себѣ нѣкоторыхъ кардиналовъ, онъ обращался и ко всѣмъ прочимъ прелатамъ, стараясь расположить ихъ въ пользу республики и выиграть, по крайней мѣрѣ, время. Въ данный моментъ онъ ничего лучшаго сдѣлать не могъ.

Между тѣмъ, Савонарола, по окончаніи Великаго Поста и Пасхи, отправился въ Прато, гдѣ съ соеи алтаря говоритъ проповѣди на пророка Іоіля, а въ трапезной велъ бесѣды о вѣрѣ съ профессорами пизанскаго университета, перенесеннаго сюда по случаю войны. Успѣхъ его былъ громаднѣйшій. Изъ Флоренціи прибыла сюда масса народу, и «казалось, что вся земля Прато, замѣчаетъ древній біографъ, превратилась въ церковь». Въ эти дни послѣдователями Савонаролы сдѣлались нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся ученыхъ того времени. Мессеръ Оливіери, каноникъ флорентійскаго собора, большой поклонникъ Аристотеля, сказалъ своимъ ученикамъ: «бросимъ книги и пойдемъ за этимъ человѣкомъ, котораго мы недостойны». Марсиліо Фичино, считавшійся тогда первымъ философомъ въка, былъ въ восхищеніи отъ Савонаролы и объявилъ его ученіе самымъ высокимъ изъ всѣхъ, какія только были до сихъ поръ. Обратился также и знаменитый Николо Шомбергъ, позднѣе поступившій въ монастырь Св. Марка, а потомъ бывшій архіепископомъ Капуи и кардиналомъ.

Послѣ этихъ новыхъ успѣховъ Савонарола, не теряя времени, немедленно возвратился во Флоренцію. Онъ торопился исправить и издать свой трактатъ «О простотѣ христіанской жизни», который долженъ былъ быть рѣшительнымъ отвѣтомъ Риму. Представляя въ немъ полное изложеніе всего католическаго ученія, авторъ хотѣлъ тѣмъ самымъ опровергнуть возводимыя на него обвиненія въ ереси и расколѣ. Главное значеніе этого трактата состоитъ въ томъ, что въ немъ дается точное и всякому понятное толкованіе основныхъ догматовъ католической церкви. И хотя все достоинство этого труда заключается въ формѣ и способѣ изложенія, тѣмъ не менѣе, онъ дѣлаетъ великую честь Савонаролѣ, раньше другихъ старавшемуся очистить богословіе отъ той излишней схоластичности, отъ которой многіе писатели несвободны и до нынѣ, и тѣмъ приблизить его къ пониманію простаго народа. Тѣ-же черты мы должны будемъ позднѣе отмѣтить и въ другомъ его произведеніи, гораздо болѣе широкомъ по своему объему и гораздо болѣе значительномъ по своему содержанію. Настоящій трактатъ является какъ-

бы первымъ его наброскомъ. Поэтому, мы скажемъ о немъ лишь вкратцѣ.

Авторъ издалъ его почти одновременно въ латинскомъ подлинникѣ и въ итальянскомъ переводѣ, сдѣланномъ Джироламо Бенивиени. Переводу Савонарола предпослалъ предисловіе, въ которомъ вновь заявляетъ, что подчиняется авторитету римской церкви, что пишетъ и проповѣдуетъ единственно «ради борьбы съ невѣріемъ нашего времени, когда христіанская любовь охладѣла и не видно болѣе и тѣни добрыхъ дѣлъ». О католическомъ ученіи въ собственномъ смыслѣ рѣчь идетъ лишь въ первой книгѣ этого трактата. Въ началѣ Савонарола настаиваетъ на необходимости добрыхъ поступковъ, затѣмъ, переходитъ къ описанію христіанской жизни и говоритъ, что основаніе и корень ея заключается въ Божіей благодати. Опредѣливъ, что такое благодать, онъ говоритъ, что христіанинъ долженъ стремиться къ ней всей душой, ибо безъ нея добрыя дѣла не имѣютъ никакой силы. Въ этой-же книгѣ онъ распространяется о томъ божественномъ экстазѣ, который былъ предметомъ ученія неоплатониковъ и который такъ живо чувствовалъ въ себѣ Савонарола. Далѣе слѣдуетъ замѣчаніе, что, хотя, при наличности экстаза, практическіе поступки почти бесполезны, однако, христіанинъ не можетъ достигнуть лицезрѣнія Бога, если предварительно долгое время не будетъ упражняться въ дѣлахъ милосердія. Перейдя потомъ къ разсужденію объ обрядахъ и о жертвахъ, Савонарола ограничивается лишь повтореніемъ того, что говоритъ о нихъ Св. Тома. Отмѣчаетъ разницу, какая существуетъ между жертвами закона Моисеева и закона христіанскаго. Первые имѣли значеніе только какъ средства, и дѣйствіе ихъ зависѣло отъ расположенія того, кто приносилъ ихъ. Вторыя-же сообщаютъ благодать по внутренней, присущей имъ силѣ. Этимъ онъ и заканчиваетъ свою первую книгу, самую главную во всемъ трактатѣ. Послѣдующія заключаютъ въ себѣ идеи скорѣе нравственнаго характера, подробно останавливаются на внутренней простотѣ сердца и внѣшней простотѣ дѣйствій, одежды и пр., и заключаются описаніемъ высшаго блаженства истинно христіанской жизни. Трудъ этотъ читался съ

жадностью, выдержалъ много изданій и, несомнѣнно, долженъ былъ сослужить прекрасную службу при опроверженіи тѣхъ обвиненій, которыми папа Александръ хотѣлъ прикрыть свою личную и политическую борьбу противъ него.

Тогда-же Савонарола напечаталъ изложеніе псалма «Qui regis Israel», въ которомъ проситъ Господа придти на помощь вѣку, павшему столь низко. «Теперь угасла, говоритъ онъ, всякая религія. Сегодня—актеръ, а завтра—епископъ. Сегодня—актеръ, а завтра—каноникъ. Сегодня—солдатъ, а завтра—священникъ!» Въ изложеніи псалма ему встрѣтилось слово «вепрь». Онъ останавливается на немъ и отмѣчаетъ инстинкты этого животнаго, чтобы каждому изъ нихъ найти соотвѣтствующій порокъ въ клирикахъ своего вѣка. Потомъ онъ вновь обращается къ Господу, восклицая: «покажи намъ, наконецъ, лицо Твое, свѣтъ Твой, истину Твою». Такимъ былъ Савонарола всегда: подчиняясь догматамъ, онъ былъ горячъ, смѣлъ въ дѣлахъ церковной дисциплины. Такимъ-же онъ остается до самаго послѣдняго часа своей жизни.

Въ Маѣ онъ вновь появляется на церковной каѳедрѣ и по праздникамъ проповѣдуетъ на книгу Руѡ и пророка Михея. И на этотъ разъ проповѣди его были немногочисленны, но зато очень длинны. Иногда онъ молчалъ по цѣлымъ недѣлямъ, цѣлый мѣсяцъ. Но затѣмъ выступалъ въ Соборѣ съ рѣчью, длившеюся нѣсколько часовъ. Этимъ онъ надѣялся избѣжать постоянныхъ поводовъ къ жалобамъ со стороны папы и въ то же время поддерживалъ въ народѣ интересъ къ своему ученію и любовь къ свободѣ. «Мы все еще здѣсь и не обратились еще въ бѣгство, какъ это многіе говорятъ. Злословіе нашихъ противниковъ и есть первая причина, которая заставила насъ придти сюда. Потомъ, мы видѣли, что съ оскуднѣніемъ живой воды проповѣдничества, все засохло и народъ гибнетъ. Прибавлю къ этому, что безъ проповѣди я жить не могу. И, наконецъ, я пришелъ сюда, повинаясь Тому, Кто есть Прелатъ всѣмъ прелатамъ и Папа всѣмъ папамъ». Въ проповѣдяхъ этихъ онъ разъясняетъ, какимъ образомъ Духъ Божій чрезъ посредство святыхъ сходилъ на прелатовъ, чтобы разлиться во всемъ

народѣ. «Но теперь, прибавляетъ онъ, развращеніе клира, развращеніе церкви, препятствуютъ Духу Святому распространяться среди вѣрующихъ. Намъ, слѣдовательно, не остается ничего другого какъ только просить непосредственно у Бога, чтобы Онъ помогъ намъ, чтобы Онъ послалъ намъ наказаніе, которое, исправляя церковь, открыло-бы путь для щедрого изліянія благодати и духа.»

23 Мая онъ въ такихъ горячихъ и страстныхъ словахъ молилъ Господа о ниспосланіи Святого Духа, что вся аудитория его плакала навзрыдъ. На слѣдующій день онъ продолжалъ говорить о томъ-же предметѣ: «какъ звѣзды въ своихъ сочетаніяхъ производятъ различное вліяніе на землю, такъ и прелаты, которые должны-бы быть звѣздами церкви, порождаютъ въ народѣ, смотря по своимъ хорошимъ или дурнымъ качествамъ, добродѣтели или пороки. Когда развращены они, развращена и церковь и все христіанство. Люди добродѣтельные должны выносить тогда ужаснѣйшую борьбу: они должны повиноваться, ибо всякая высшая власть—отъ Бога, но и не должны слушаться приказаній, которыя противны закону Божію. Велико, поэтому, смятеніе, велика борьба, когда нехороши христіанскіе князья. Но еще ужаснѣе, когда съ мірской властью соединена власть духовная. Тогда мука становится невыносимой, и, однако, нужно повиноваться, ибо Господь не хочетъ мѣнять ключей. Князья эти имѣютъ двойную силу, духовную и свѣтскую, и пользуются той и другой въ защиту зла. Какъ-же тутъ жить благочестиво? Всѣ, кажется, боятся добра. Времена апостольскія были въ этомъ отношеніи гораздо лучше: тогда приходилось вести борьбу, по крайней мѣрѣ, съ одной властью, которую и уважать-то не было никакой необходимости. Что-же дѣлать теперь? Нужно ждать наступленія наказаній». Обращаясь, затѣмъ, къ священникамъ, онъ говоритъ: «Азъ есмь дверь, взываетъ къ вамъ Господь, и кто входитъ не чрезъ нее, тотъ есть тать. Ты, прелать, покупающій себѣ мѣсто, ты—воръ. Ты, отецъ, покупающій его для своихъ дѣтей, ты—воръ. Не продавайте духовнаго сокровища, говорю я вамъ. Вы имѣете его даромъ, такъ даромъ-же и давайте. Итакъ, кто хочетъ слѣ-

довать зову Господа. кто хочет одѣться въ простоту и все оставить ради церкви? О прелаты, о главы Италіи! Послушайте меня. Желаете вы имѣть ее, церковь, себѣ въ жену? А они вотъ отвѣчаютъ: *cedo jura propinquitatis*. Они уступаютъ свои права и знать о нихъ ничего не хотятъ болѣе. Будьте-же свидѣтелями, что я призывалъ ихъ непрерывно втеченіе шести лѣтъ. Болѣе того: самъ Христосъ призывалъ ихъ чрезъ меня. Но они не пожелали придти, они отказались отъ правъ своихъ. Отними-же, о Господи, у нихъ бенефиціи, лиши ихъ всего, чѣмъ они теперь обладаютъ. Мечъ, мечъ! Только ты одинъ и можешь исправить все. Тебѣ, Италія, тебѣ, Римъ, я возвѣщаю, что никто, кромѣ Христа, не спасетъ тебя. Не пришелъ еще часъ. Но время настанетъ, и тогда Ты, о Господи, будешь хвалимъ во вѣки».

Такими словами закончилась эта проповѣдь. Въ такомъ-же приблизительно духѣ были и другія, сказанныя Савонаролой до 20 Августа 1496 г. Въ этотъ день мы находимъ его проповѣдующимъ въ залѣ Великаго Совѣта по настоянію Синьоріи. Самое мѣсто проповѣди наводило его на мысли о политикѣ, и онъ, излагая въ общихъ чертахъ свою прошлую жизнь, воспользовался случаемъ, чтобы опровергнуть распространяемыя противъ него обвиненія. «Напрасно клиръ жалуется на меня. Если я говорилъ противъ пороковъ, я никого и никогда не хотѣлъ оскорблять лично. Еще болѣе неправы тѣ граждане, которые кричатъ, что я вмѣшиваюсь въ дѣла государственный. Никогда я не вмѣшивался въ ваши дѣла. Это я повторялъ все-народно, говорилъ и частнымъ образомъ, повторяю и теперь, здѣсь, что не мое это дѣло. И если-бы я захотѣлъ вмѣшиваться въ нихъ, никто не долженъ слушаться меня. Если-же я и далъ добрые законы для блага народа и для его свободы, если я предотвратилъ смуты, если я успокоилъ души, это было сдѣлано во славу Божию. А они хотятъ побить меня камнями за доброе дѣло. Они кричатъ: монахъ ищетъ денегъ, монахъ составляетъ заговоры, монахъ хочетъ сдѣлаться тираномъ, монахъ хочетъ кардинальской шляпы. А я вамъ говорю: если-бы это было такъ, я теперь не носилъ-бы этой

разодранной одежды. Я не ищу славы въ другихъ, кромѣ Тебя, о Господи. Я не хочу ни митръ, ни шляпъ, не хочу ничего другого, кромѣ того, что Ты далъ святымъ своимъ: смерти—шляпы красной, шляпы крови—вотъ чего я жажду. Но я вамъ говорю, что если вы не обратите вниманія на этотъ ропотъ, великій вредъ послѣдуетъ отъ того для вашего города». Сдѣлавъ такое вступленіе, Савонарола преподавалъ разные совѣты, чѣмъ и какъ можно поддержать новое правленіе. По его мнѣнію, нужно всѣмъ предоставить полную свободу при обсужденіи вопросовъ въ Совѣтѣ, право говорить все, что каждый хочетъ, но въ то-же время издать законъ, который строго наказывалъ-бы тѣхъ, кто будетъ критиковать дебаты внѣ залы засѣданій. «Въ собраніи гражданъ нельзя говорить хорошо, если не говорить всего, что у тебя на душѣ. Поэтому, предоставь каждому полную свободу.—Но, отче, вѣдь есть много такихъ, которымъ нельзя довѣрять!—Не безпокойтесь объ этомъ. Предоставь имъ говорить, потому-что ты узнаешь ихъ по ихъ жизни. Только издайте законъ, чтобы подъ страхомъ тяжелаго наказанія никто не смѣлъ осуждать того, что говорится въ Совѣтѣ. Если тебѣ не нравится сказанное кѣмъ-нибудь, не говори о немъ дурно, а выйди впередъ и скажи: «мнѣ не нравится такое мнѣніе», и предложи лучшее. Если-же, наоборотъ, между вами нѣтъ взаимнаго довѣрія, если вы только осуждаете другъ друга, тогда непременно должны возникнуть одни лишь раздѣленія и несогласія».

Эта проповѣдь, сказанная въ залѣ Великаго Совѣта, въ присутствіи собранныхъ тамъ магистратовъ и выдающихся гражданъ, переноситъ насъ какъ-бы за два года назадъ, къ тѣмъ счастливымъ, полнымъ жизни, днямъ, когда Савонарола основывалъ новую республику. Но какъ могли флорентійцы открыто бросить вызовъ Борджіа, не обращать вниманія на его Бреве и угрозы? Мы должны предположить, что условія жизни Флоренціи къ тому времени во многомъ измѣнились. Новыя событія въ Италіи породили новыя для нея опасности. Граждане, объятые страхомъ, опять обратились къ тому самому монаху, который въ наиболѣе трудные моменты одинъ умѣлъ

спасать ихъ. И Савонарола, однажды испытавшій неблагодарность людей, вновь выступаетъ на защиту республики, чтобы на этотъ разъ познать неблагодарность еще бѣльшую. еще болѣе жестокою, какъ это мы сейчасъ и увидимъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Стѣснительныя обстоятельства и военныя неудачи республики въ борьбѣ съ Пизой. Смерть Пьеро Каппони. Угрозы членовъ Лиги, призывающихъ императора Максимилиана въ Италію. Новое Бреве папы противъ Савонаролы и отвѣтъ послѣдняго. Республика осаждена въ Ливорно императоромъ и союзниками. Савонарола вновь выступаетъ на церковной каѳедрѣ. Флорентійцы чудеснымъ образомъ избѣгаютъ всѣхъ опасностей.

(1496).

Смуты прошлыхъ лѣтъ убили во Флоренціи всякую торговлю и промышленность. Суммы, уплаченныя французскому королю, и военныя издержки ложились тяжелымъ бременемъ на населеніе. Общественный кредитъ упалъ настолько, что за акцію Кассы Займовъ въ 100 флориновъ давали только 10. Въ послѣдніе два года Синьорія почти ежемѣсячно собирала Совѣтъ для испрошенія у него все новыхъ денегъ и новыхъ налоговъ. Но теперь финансы какъ республики, такъ и частныхъ гражданъ истощены были въ равной степени. Ко всему этому присоединился еще неурожай, и въ окрестностяхъ города началъ свирѣпствовать голодъ. Крестьяне толпами стали приходить во Флоренцію, откуда, по древнему закону, слѣдовало-бы ихъ изгонять, какъ чужеземцевъ, но, одушевляемые новымъ христіанскимъ милосердіемъ, граждане принимали ихъ теперь, какъ братьевъ. По этому вопросу были продолжительныя споры, на которыхъ въ концѣ концовъ одержало верхъ мнѣніе послѣдователей Савонаролы: они и сами дали у себя убожище возможно большому числу несчастныхъ. Но, благодаря

этому, Флоренція наполнилась голодающими, и недостатокъ въ самомъ необходимомъ становился все чувствительнѣе. Бѣдные лица крестьянъ еще болѣе увеличивали и безъ того общее тяжелое настроеніе. Къ довершенію бѣдствія появилась чума.

Плохо шли и военныя дѣйствія подъ Пизой: войско, у котораго не было ни провіанта, ни средствъ, день ото дня таяло. Много разъ съ великой грустью приходилось отмѣчать, какъ наемные капитаны одинъ за другимъ переходили на сторону враговъ, гдѣ имъ платили лучше. Пизанцы могли не стѣсняться въ деньгахъ, такъ-какъ постоянно получали помощь то отъ Моро, то отъ венеціанцевъ, которые соперничали между собой въ томъ, кому изъ нихъ пользоваться здѣсь преимущественнымъ вліяніемъ. Имѣя съ фронта у себя врага, непрерывно возроставшаго въ количествѣ и силѣ, флорентійцы въ то-же время должны были отбивать нападенія и съ тыла. Крестьяне, поля которыхъ вотъ уже два года подъ-рядъ не давали сборовъ изъ-за войны, приходили въ отчаяніе отъ начинавшагося голода. Они массами нападали на лагерь и при томъ съ такою стремительностью, что противъ нихъ приходилось даже пускать въ ходъ оружіе.

Воспользовавшись такимъ положеніемъ вещей, пизанцы, подъ предводительствомъ Джіанъ Паоло Манфрони, устроили общую вылазку противъ врага. Съ той и другой стороны бились мужественно, но все-же флорентійцы должны были оставить всѣ замки, какіе у нихъ были въ долинѣ, и отступить на холмы. Около половины Сентября они вновь были атакованы и должны были отступить и съ холмовъ, такъ-что все, приобрѣтенное ими раньше, оказалось потеряннымъ. Пизанцы, смѣлость которыхъ удвоилась, задались цѣлью отрѣзать сообщеніе Флоренціи съ Ливорно. Удача повлекла-бы за собою окончательную гибель республики, такъ-какъ лишь этимъ путемъ могли подвозиться сюда необходимые запасы хлѣба.

Но среди всѣхъ этихъ бѣдствій ни одно не казалось столь ужаснымъ, ни одно не повергло всѣхъ безъ изыятія въ такую скорбь, какъ смерть героя и благороднаго гражданина Пьеро Каппони. послѣдовавшая 25 Сентября 1496 г. Онъ пригото-

влялся къ осадѣ замка Сояна, чтобы отнять его у непріятеля; въ то время, какъ онъ, совмѣщая, по своему обыкновенію, обязанности и вождя, и солдата, лично разставлялъ подъ его стѣнами артиллерію, непріятельская пуля смертельно ранила его. За день передъ этимъ у него разорвалось самое большое орудіе. Видя въ этомъ дурное для себя предзнаменованіе, онъ предсказалъ свою смерть и написалъ монаху Сальвестро Маруффи, своему духовнику, чтобы тотъ помолился о немъ. Невозможно вообразить себѣ тотъ ужасъ, какой объялъ всѣхъ во Флоренціи и въ войскѣ при этомъ извѣстіи: солдаты въ страхѣ бѣжали изъ-подъ Сояна и совсѣмъ оставили его осаду. Синьорія тотчасъ же распорядилась приготовить все необходимое для самыхъ торжественныхъ похоронъ за счетъ республики, и никогда еще смерть частнаго лица не была столь горько и столь единодушно оплакана цѣлымъ городомъ. Тѣло его было привезено на траурной баркѣ по Арно во Флоренцію, гдѣ и выставлено было сначала въ его домѣ, недалеко отъ моста Санта Тринита. Отсюда его перенесли въ церковь Санто Спирито въ сопровожденіи магистратовъ и безчисленнаго множества гражданъ. Внутренность церкви освѣщена была массой канделябровъ, по стѣнамъ ея въ четыре ряда висѣли знамена, на которыхъ гербы магистратовъ чередовались съ гербами фамиліи Каппони. Предъ катафалкомъ было произнесено много рѣчей, въ которыхъ превозносились вся жизнь и оплакивалась смерть храбраго солдата и великаго гражданина. Прахъ его положили въ той самой гробницѣ, которую дѣдъ его Нери приготовилъ для славнаго отца своего Джинно Каппони.

Но злой рокъ не уставалъ преслѣдовать республику. Видя, въ какомъ затруднительномъ положеніи она находится теперь, союзники начали тѣснить ее со всѣхъ сторонъ, чтобы принудить отречься отъ дружбы съ Франціей и принять участіе въ Лигѣ, которую они называли «святой». О Пьеро Медичи они перестали говорить, зная, какъ велика была къ нему ненависть флорентійцевъ. Напротивъ, они обѣщали поддерживать во Флоренціи свободное правленіе и помочь ей въ покореніи пизанцевъ, если только она примкнетъ къ Лигѣ. Въ противномъ

случаѣ, грозили объявить ей войну. «Озлобленные» относились къ этимъ предложеніямъ сочувственно, но простой народъ былъ противъ нихъ: онъ хорошо зналъ, что это будетъ началомъ перемѣны правленія, и потому считалъ невозможнымъ полагаться на слова союзниковъ. Стремленія у послѣднихъ были самыя разнообразныя, и никогда и ни въ чемъ они не могли придти между собою къ соглашенію. Съ другой стороны, Карлъ вновь заговорилъ о походѣ на Италію и дѣлалъ видъ, что даже готовится къ нему: поэтому рѣшено было оставаться въ дружбѣ съ Франціею.

Но слухъ о возвращеніи французовъ вновь взбудоражилъ Моро. Онъ, хвалившійся своею ролью миротворца въ Италіи, на самомъ дѣлѣ, бывшій виновникомъ всѣхъ происходившихъ въ ней безпорядковъ, дрожалъ при всякой перемѣнѣ вѣтра, постоянно опасаясь потерять захваченную имъ силой власть. Опять надо было придумывать новые союзы, новые трактаты, вызывать новыхъ чужеземцевъ. Съ нѣкотораго времени онъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ императоромъ Максиміліаномъ, женившимся на его племянницѣ и давшимъ ему инвеституру на герцогство Миланское, какъ на ленное владѣніе Имперіи. Его-то Моро и надумалъ пригласить въ Италію, чтобы тотъ короновался здѣсь желѣзною короною, возстановилъ упавшій авторитетъ императора и былъ посредникомъ въ разногласіяхъ между разными государствами. По его соображеніямъ, одно присутствіе императора уже должно воспрепятствовать вторженію французовъ, а такъ-какъ, кромѣ того, у Максиміліана рѣшительно не было ни денегъ, ни солдатъ, то, думалъ Моро, онъ сразу-же очутится въ рукахъ у того, кто будетъ доставлять ихъ ему. Моро сумѣлъ такъ ловко повести дѣло, что получилъ возможность пригласить его отъ имени всей Лиги, съ обѣщаніемъ платить ему втеченіи трехъ мѣсяцевъ по 40.000 дукатовъ. Изъ нихъ 16.000 должны были доставить венеціанцы, столько-же самъ Моро и 8.000—папа, подъ тѣмъ условіемъ, что императоръ приведетъ съ собою достаточно сильное войско, способное дѣйствовать не безъ успѣха.

Въ это самое время узнали, что Карлъ отложилъ всякую

мысль о походѣ въ Италію. Онъ готовился быть отцомъ и, преисполненный ожидающимъ его счастьемъ, ни о чемъ другомъ не думалъ. Дѣйствительно, въ Сентябрѣ у него родился сынъ. Но мѣсяцъ спустя онъ умеръ. Обстоятельство это до такой степени огорчило его, что онъ бросилъ всякую заботу о помощи даже и тѣмъ небольшимъ гарнизонамъ, которые остались въ неаполитанскомъ королевствѣ. Лишенные самага необходимаго, со всѣхъ сторонъ окруженные врагами, они каждую минуту готовы были сдаться. Всѣ эти извѣстія произвели далеко не одинаковое впечатлѣніе въ разныхъ областяхъ Италіи. Во Флоренціи смерть дофина принята была, какъ новое подтвержденіе пророчествъ Савонаролы. Что касается союзниковъ, то вѣсть о томъ, что король оставилъ мысль о походѣ въ Италію, тотчасъ-же охладила всѣ ихъ хлопоты о вызовѣ сюда императора, и они почти стали отказываться отъ данныхъ ими обѣщаній. Только одинъ Моро оставался твердъ въ своихъ планахъ: онъ настойчиво звалъ Максимилиана именно теперь, такъ-какъ надѣялся забрать его въ свои руки, будучи одинъ въ состояніи оказать ему помощь. Въ то время, какъ императоръ приближался, папа воспрянулъ духомъ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, и, не медля долго, напалъ на флорентійцевъ. Его войска, вмѣстѣ съ сіенскими, дошли уже до моста Валиано и готовы были вторгнуться въ предѣлы республики, но, потерпѣвъ нѣсколько поражений, должны были отступить и укрыться въ Монтепульчiano. Чтобы оперировать съ такимъ успѣхомъ, флорентійцы вынуждены были ослабить свою армію подъ Пизой, положеніе которой, какъ мы сказали выше, было и безъ того довольно печально. Движенія императора и Моро заставляли, однако, опасаться новыхъ нападеній съ этой стороны.

Императоръ перешелъ уже Альпы, но съ такимъ небольшимъ отрядомъ войскъ, что, какъ-бы стыдись за самого себя, не рѣшался идти на Миланъ, гдѣ Моро приготовилъ ему великолѣпный пріемъ, а прямо направился въ Геную. Отсюда 8 Октября на шести венеціанскихъ галерахъ и нѣсколькихъ генуэзскихъ корабляхъ онъ отплылъ къ Спеціи. Здѣсь онъ высадился и сухимъ путемъ прибылъ въ Пизу всего только съ

тысячью человѣкъ пѣхоты. Впрочемъ, сюда-же вскорѣ пришла и другая тысяча вмѣстѣ съ 500 конницы. Пизанцы приняли его съ величайшей радостью и отвели ему самое лучшее помѣщеніе. Они сбросили съ моста въ Арно статую короля Карла и на ея мѣсто торжественно поставили статую императора. Они были преисполнены самыхъ радужныхъ надеждъ: у нихъ были деньги и солдаты, хорошіе вожди и много припасовъ. Со всѣхъ сторонъ приходила къ нимъ все новая помощь. Теперь-же, когда они старались использовать авторитетъ и имя императора, судьба, казалось, помогала имъ и въ этомъ отношеніи.

Для флорентійцевъ, напротивъ, всѣ обстоятельства складывались неблагопріятно, и, тѣмъ не менѣе, надо удивляться той энергіи, съ какой они боролись въ эти тяжелые для нихъ дни. Они не потеряли присутствія духа, собирали людей, деньги, припасы, сколько только могли, и все это отсылали въ лагерь. Написали флорентійскимъ купцамъ во Францію, чтобы тѣ изъ личныхъ своихъ средствъ оказали помощь отечеству, наняли тамъ солдатъ, послали провіантъ и, вообще, какъ добрые граждане, сдѣлали все, отъ нихъ зависящее. Они не остановились и на этомъ. Видя, что Ливорно сдѣлалось ключомъ ко всей тосканской территоріи и что враги въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ имѣютъ въ виду именно его, они тотчасъ-же позаботились снабдить его всѣмъ необходимымъ и укрѣпить. Кажется просто невѣроятнымъ, что въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ они могли принять столь рѣшительныя мѣры. Первой мыслью Синьории, какъ мы видѣли выше, было прибѣгнуть къ Савонаролѣ, чтобы тотъ ободрилъ упавшій духомъ, въ виду столькихъ опасностей и столькихъ враговъ, народъ, который безъ его проповѣдей чувствовалъ себя какъ-бы ни на что не способнымъ. Савонарола охотно, со всею свойственною ему энергіей, сталъ убѣждать въ этомъ направленіи наиболѣе вліятельныхъ гражданъ. Дѣлалъ онъ это, впрочемъ, не съ церковной кафедры, такъ-какъ предвидѣлъ, что Римскій Дворъ могъ-бы начать противъ него еще болѣе ожесточенную

и безпощадную войну. Онъ не хотѣлъ давать повода къ обвиненію, что самъ вызвалъ ее.

Самымъ ярымъ врагомъ республики, несомнѣнно, былъ папа. Моро былъ-бы вполне удовлетворенъ, если-бы «Озлобленные» получили перевѣсъ во Флоренціи. Венеціанцы хотѣли пріобрѣсти вліяніе на Пизу. Но Александръ VI искалъ рѣшительнаго уничтоженія республики и водворенія тамъ Медичи въ качествѣ своихъ вассаловъ, чтобы посадить сюда потомъ своихъ сыновей. Когда союзники ожидали прихода императора, онъ одинъ, не будучи въ состояніи сдержать своего порыва, атаковалъ Флоренцію своими войсками. Преобладающимъ чувствомъ въ его душѣ была ненависть къ Савонаролѣ. Возвращенія его на кафедру онъ боялся больше всего на свѣтѣ: флорентійскій народъ, вновь руководимый, вновь вдохновляемый этимъ монахомъ, могъ оказаться способнымъ на самую героическую защиту, а это, въ свою очередь, могло разрушить всѣ тѣ надежды, какія онъ связывалъ съ появленіемъ въ Италіи императора. Онъ измышлялъ, поэтому, новыя козни, а пока рѣшилъ выжидать исхода войны, тѣмъ болѣе, что монахъ не выступалъ съ своею проповѣдью, и дѣла республики быстро ухудшались. Войска императора, Венеціи и Милана, въ количествѣ 4000 человекъ, уже тѣснили Ливорно, окруживъ его со всѣхъ сторонъ. Венеціанскіе корабли сторожили море и запирали входъ въ портъ, между тѣмъ какъ отрядъ солдатъ занялъ Понте Сакко, чтобы воспрепятствовать сообщенію между Ливорно и находящеюся подъ Пизой арміей. Съ своей стороны и флорентійцы съ мужествомъ, достойнымъ ихъ предковъ, принимали всѣ необходимыя мѣры. Антоніо Каниджіани они послали въ лагерь водворить дисциплину въ разстроенномъ послѣ смерти Каппони войскѣ. Приказали ему сосредоточить всѣ свои силы въ Монтополи, чтобы каждую минуту быть готовымъ оказать помощь, гдѣ-бы она ни потребовалась, и идти, куда-бы ни заставили его непріятельскія передвиженія. Беттино да Рикасоли, извѣстный своей энергіей и опытный въ военныхъ дѣлахъ, командовалъ гарнизономъ въ Ливорно. Совѣтъ «Десяти» послалъ ему въ подмогу 300 всадниковъ подъ предводитель-

ствомъ графа Чекко, который, воспользовавшись ночной темнотой и проливнымъ дождемъ, пробрался среди непріятельскихъ войскъ и достигъ города. Гарнизону, получившему такое подкрѣпленіе, удалось произвести нѣсколько вылазокъ, въ которыхъ императорскія войска терпѣли пораженія. Во всѣхъ этихъ затрудненіяхъ флорентійцамъ много помогала не только неопытность императора въ веденіи войны, но и то обстоятельство, что венеціанцы и Моро больше мѣшали, чѣмъ содѣйствовали ему. Они хотѣли унижить Флоренцію, но ни въ какомъ случаѣ не создавать въ Италіи новаго могущественнаго властителя. Они то подстрекали императора, то останавливали его. Ему представлялось беспокоить непріятеля, сколько ему угодно, но удовлетворить своему самолюбію и отмѣтить свой приходъ какимъ-нибудь выдающимся успѣхомъ ему не давали. Кромѣ того, между венеціанцами и Моро возникло разногласіе, ибо одна сторона ни за что не хотѣла позволить другой занять Ливорно, если-бы война окончилась.

Вотъ почему флорентійцы и могли держаться до сихъ поръ, не только не уступая многочисленному и сильному непріятелю, но иной разъ даже и побивая его. Однако, дѣло не могло продолжаться такъ долго: голодъ начиналъ давать себя чувствовать, и то, что оказывалось не подъ силу непріятельскому войску, довершалъ онъ. А какъ-бы для того, чтобы отнять у республики и послѣднюю надежду, пришло изъ Франціи извѣстіе, что всѣ старанія тамошнихъ флорентійскихъ купцовъ помочь своему отечеству не повели ни къ чему. Они наняли графа Альбижонъ съ его войсками, купили нѣсколько кораблей и на свой счетъ нагрузили ихъ хлѣбомъ. Но когда все было готово къ походу, графъ отказался идти въ Италію. Корабли, разбросанные бурей, которую имъ пришлось выдержать на пути, одни возвратились въ Марсель, а другіе, уйдя въ открытое море, направились дальше въ надеждѣ на бѣльшіе барыши. Если-бы даже они и достигли Ливорно, то какъ могли они войти въ портъ, когда венеціанцы сторожили его?

Голодъ во Флоренціи, между тѣмъ, свирѣпствовалъ съ ужасающей силой, не поддающейся описанію. Всѣхъ безпокоила

мысль о будущемъ. На лицахъ простолюдиновъ читались слѣды терзавшаго ихъ голода. Госпитали были переполнены. Прислонившись гдѣ-нибудь къ стѣнѣ дома, крестьяне часто такъ и умирали на улицахъ отъ истощенія. Чума усиливалась. И, однако, духъ партійности до того иногда ослѣпляетъ людей, что даже это всеобщее бѣдствіе подавало «Озлобленнымъ» поводъ торжествовать. Они громко говорили теперь: «наконецъ-то стало ясно, что монахъ обманывалъ насъ! Вотъ счастье, обѣщанное имъ Флоренціи!». Они говорили о сдачѣ, открыто осуждали новое правленіе и заявляли, что пришло время измѣнить его.

Не зная, на какую партію ей опереться, Синьорія прибѣгла къ религіи и приказала въ торжественной процессіи принести тотъ чудотворный образъ Мадонны «Импрунета», къ которому флорентійскій народъ всегда обращался съ молитвой въ годину тяжкихъ бѣдствій. Но поднять духъ населенія въ этихъ несчастіяхъ могъ только Савонарола, который, къ великому прискорбію всѣхъ, молчалъ. Синьорія, поэтому, вновь обратилась къ нему, прося его, почти ему приказывая, чтобы онъ исполнилъ свой долгъ по отношенію къ республикѣ. Онъ не имѣетъ права допускать, чтобы тѣ, которые полагали въ немъ единственную свою надежду, въ этихъ опасностяхъ и всеобщей нищетѣ остались безъ поддержки, хотя-бы только словесной, съ его стороны.

Савонарола, который давно уже скорбѣлъ душой при видѣ такого нестроенія и безвыходнаго положенія народа, не устоялъ противъ новыхъ просьбъ Синьоріи и 28 Октября вновь появился на кафедрѣ. Какъ необыченъ былъ видъ его аудиторіи! На лицахъ всѣхъ былъ написанъ страхъ за настоящее, ужасъ за будущее. Каждому казалось, что приходитъ конецъ народному правленію, что «Озлобленные» въ скоромъ времени восторжествуютъ и что за голодомъ и войной должны наступить ссылки и казни. Взоры всѣхъ, полные неувѣренности и сомнѣнія, были обращены теперь на проповѣдника. Какъ онъ дѣлалъ это часто, онъ началъ свою проповѣдь въ формѣ діалога. «Я не долженъ былъ-бы говорить, но прихожу сюда изъ послу-

шанія Синьоріи и для того, чтобы еще разъ пригласить васъ къ покаянію. Убѣдились-ли вы? Лично я—говорю вамъ—убѣжденъ въ томъ, что все, сказанное нами, должно оправдаться до послѣдней йоты. Я убѣжденъ, что Господь помрачитъ умы, что многіе будутъ введены въ обманъ. За этимъ наказаніемъ грядетъ еще другое. Ты убѣжденъ въ этомъ? Въ чемъ именно? Въ томъ, что наказаніе близко, что вы идете противъ Христа? Знайте-же, что предсказанное Флоренціи благополучіе будетъ имѣть мѣсто въ свое время, что злые подвергнутся адскимъ мукамъ въ этой и въ загробной жизни. Убѣдились-ли вы, наконецъ, что, если вы не измѣните образа жизни, то будете наказаны? Пороки все еще не прекращаются у тебя, Флоренція: вы играете, богохульствуете и тѣмъ навлекаете на себя бѣдствія. Что-же! Устройте процессію! Это дѣло доброе. Если вы прибѣгнете къ Богу, какъ слѣдуетъ, я увѣренъ, что намъ будетъ оказана великая милость, что намъ не нужно будетъ тогда никого бояться».

«Но ты все возлагаешь свои надежды на людей. Ты все еще ждешь помощи отъ того короля, который не приходитъ и который былъ уже наказанъ, какъ мы и угрожали ему. А я тебѣ говорю: *maledictus homo qui confidit in homine*. Такъ что-же мы должны дѣлать, отче?—Прежде всего, необходимо, чтобы ты обратился къ Богу. Затѣмъ необходимо, чтобы ты оставилъ зародившуюся у тебя мысль измѣнить правленіе и сдаться, чтобы ты боролся всяческими способами, какими только располагаетъ человекъ. Одолжи городу всѣ деньги, какія можешь, и, притомъ, безъ всякихъ процентовъ. Наконецъ, я говорю вамъ: объединитесь всѣ, оставьте всякое разногласіе. Выслушайте меня: если вы будете единодушны, бьюсь объ закладъ, что мы прогонимъ нашихъ враговъ. Если вы сдѣлаете это, говорю вамъ, я первымъ пойду противъ нихъ съ распятіемъ въ рукѣ, и мы обратимъ ихъ въ бѣгство, отгѣснимъ ихъ до Пизы и даже далѣе. Вѣрь словамъ моимъ, Флоренція. Вспомни, сколько слезъ пролила ты въ этой церкви 6 Ноября, какъ совершена была въ этотъ день революція, и ты сдѣлалась свободной. Вспомни, что я заставилъ короля Карла уйти изъ Флоренціи, что я съ великой поспѣш-

ностью направился въ лагерь его, когда онъ вернулся изъ Неаполя, и угрозами остановилъ его вредоносныя противъ тебя дѣйствія. Вѣрь словамъ моимъ, надѣйся на Бога твоего. Пусть будетъ, что будетъ. Я не боюсь ничего, если только вы обратитесь къ Богу, будете единомышленны и сдѣлаете все, что въ силахъ человѣческихъ».

Обращая свою рѣчь къ тѣмъ, кто былъ недоволенъ новымъ правленіемъ, онъ говоритъ: «теперь я хочу сказать нѣсколько словъ вамъ. Вы раздѣляетесь на три группы: во первыхъ, тѣ, которые при старомъ правленіи были изгнанниками и безнадежно желали возвращенія въ отечество. Теперь ваше желаніе исполнилось — успокойтесь. Во вторыхъ, тѣ, у которыхъ была уже петля на шеѣ. Теперь вы внѣ опасности и свободны — молчите и вы. Я и не дѣлаю ничего, отче! — Неправда: вы всѣ строите козни, и я прекрасно знаю, чего вы хотите. Наконецъ, граждане, которые занимаютъ мѣста въ магистратахъ республики, но не исполняющіе своего долга. Городъ полонъ игръ, богохульствъ, расточительности, содомскаго грѣха и распрей. Этимъ людямъ я говорю: если вы не будете творить правды, наказанія падутъ на васъ. Обращаю, затѣмъ, рѣчь ко всѣмъ, *in verbo Domini*: всякій, кто желаетъ тирана, кончитъ плохо. Будьте-же единомышленны, устройте процессію и надѣйтесь на Бога!». Такъ говорилъ Савонарола въ этотъ день. Но пока опасность казалась неизбѣжной, слова эти, полныя слѣпой вѣры, давали «Озлобленнымъ» лишь поводъ къ насмѣшкамъ какъ надъ нимъ самимъ, такъ и надъ его партіей. Для народа-же было большой поддержкой уже и то, что онъ проповѣдывалъ. Пока голосъ его раздавался съ кафедры, Флоренція не должна была бояться новыхъ бѣдъ.

30 Октября, въ сопровожденіи огромной толпы, былъ принесенъ въ городъ чудотворный образъ Божіей Матери изъ Импрунеты. Никогда еще флорентійцы не выказывали своихъ чувствъ религіознаго благоговѣнія съ такою искренностью. Народъ шелъ грустный, молчаливый, раздавалась щедрая милостыня. Чувствовалась глубокая скорбь. На лицахъ простыхъ людей, болѣе чѣмъ когда-либо, можно было видѣть слѣды голода и страха предъ

новыми, еще бѣльшими страданіями. Процессія приближалась уже къ Порть-Санъ-Марія *), когда отъ Санъ-Фредіано показался, съ оливковой вѣткой въ рукахъ, гонецъ, во весь духъ скакавшій черезъ Понте Каррайя вдоль набережной Арно по направленію къ Палаццо Синьоріи. Врѣзавшись въ толпу, онъ сразу-же оказался окруженнымъ ею со всѣхъ сторонъ. Схвативши лошадь за поводья, всѣ спрашивали его о новостяхъ изъ Ливорно. Совершенно неожиданно и почти чудеснымъ образомъ прибыла изъ Марсели столь желанная помощь людьми и хлѣбомъ. Корабли приближались къ Ливорно при такомъ сильномъ попутномъ вѣтрѣ, что едва непріатели успѣли замѣтить ихъ, какъ они вошли уже въ портъ. Венеціанцы не могли воспрепятствовать имъ въ этомъ, ибо сами были вынуждены укрываться отъ бури за островкомъ Мелоріа. Невозможно описать необузданной радости народа: толпа съ торжествующими кликами провожала гонца. Слова его, переходя изъ устъ въ уста, преувеличивались, радостная вѣсть моментально облетѣла весь городъ. Колокола зазвонили по праздничному, во всѣхъ церквахъ торжественно служились благодарственные молебны Господу за столь чудесно ниспосланную помощь. Даже «Озлобленнымъ» начинало казаться, что Богъ спасаетъ республику отъ неминуемой гибели, что на этотъ разъ Савонарола оказался истиннымъ пророкомъ. Его имя и авторитетъ возрасли еще больше. Простой народъ восклицалъ: «проповѣди монаха и теперь спасли насъ!».

Прибывшая помощь, впрочемъ, была не особенно велика. Изъ нанятыхъ купцами солдатъ пожелало отправиться всего лишь 600 человѣкъ, а изъ кораблей, уже оплаченныхъ, когда они были въ открытомъ морѣ, часть, какъ мы сказали, въ надеждѣ на бѣльшіе барыши, направилась по другому пути и погибла. Вотъ чѣмъ и объясняется разнесшійся слухъ о невозможности получить помощь съ этой стороны. Теперь въ портъ вошло съ людьми и хлѣбомъ всего лишь пять кораблей и

---

*) Por San Maria—городскія ворота, надъ которыми стоялъ храмъ во имя Божіей Матери. Санъ-Фредіано городская церковь по дорогѣ въ Ливорно.

двѣ галеры. Но это случилось такъ неожиданно, въ такой крайній моментъ, что впечатлѣніе получилось огромное не только во Флоренціи, но и въ Ливорно. Тамъ всѣ преисполнились такихъ свѣтлыхъ надеждъ, что, открывъ на радостяхъ изъ всѣхъ пушекъ огонь, гарнизонъ сдѣлалъ вылазку противъ пизанцевъ и вмѣстѣ успѣлъ усилить готовый уже сдатьсѣ бастионъ на мосту чрезъ Станьо. Императорскія войска, испуганныя громомъ артиллеріи и преувеличенными слухами о прибывшей помощи, скоро обратились въ бѣгство, при чемъ масса ихъ была перебита и взята въ плѣнъ.

Между тѣмъ, перваго Ноября Савонарола вновь выступилъ съ проповѣдью. Остановившись на столь неожиданно полученной помощи, онъ превозносилъ милосердіе Божіе, указывалъ на необходимость обратиться къ религіи, бросить порочную жизнь, непрестанно молиться и ни на кого не надѣяться, кромѣ Господа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старался нѣсколько охладить чрезмѣрный восторгъ народа. «Не слѣдуетъ такъ легко поддаваться ни радости, ни печали, не слѣдуетъ пренебрегать средствами, находящимися въ распоряженіи человѣка: болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо принять мѣры къ веденію войны». 2 Ноября, въ день поминовенія усопшихъ, онъ сказалъ другую проповѣдь, имѣвшую большой успѣхъ. Она трактовала «объ искусствѣ хорошо умирать». Истинный христіанинъ, говорилъ онъ, всегда долженъ имѣть предъ собою идею смерти, правильное отношеніе къ которой всякаго заставитъ жить благочестиво. Чрезвычайно живыми красками описалъ онъ состояніе нашей души въ послѣдній моментъ ея земного бытія, произвелъ тонкій и детальный анализъ всѣхъ страстей и угрызений совѣсти, которыя мучаютъ тогда человѣка. «Смерть, восклицалъ онъ, это—торжественный моментъ въ нашей жизни: діаволъ даетъ намъ тогда послѣднюю битву. Онъ, такъ сказать, постоянно играетъ съ человѣкомъ въ шахматы и ожидаетъ рѣшительнаго конца, чтобы дать ему матъ. Кто побѣждаетъ въ этотъ моментъ, выигрываетъ битву всей жизни. Мы, братіе, пребываемъ въ этомъ мірѣ лишь для того, чтобы научиться хорошо умереть». Каждому онъ предлагаетъ держать въ изголовь постели образъ,

который непрестанно напоминалъ - бы ему о неизбѣжности смерти. Предъ жадно слушавшимъ его народомъ онъ въ подробностяхъ набросалъ нѣсколько подобныхъ картинъ, которыя въ послѣдствіи, въ гравюрахъ Сандро Боттичелли и другихъ выдающихся художниковъ, были приложены къ многочисленнымъ изданіямъ этой проповѣди. Не оставилъ онъ народа въ этотъ день и безъ ободренія: убѣдительно рекомендовалъ ему поддерживать единоплеменные и оказывать возможную помощь отечеству. Затѣмъ онъ опять замолкъ, раскаяваясь въ томъ, что далъ папѣ предлогъ къ новымъ жалобамъ. Но то были уже не просто жалобы.

Втеченіе всего этого года козни противъ Савонаролы не прекращались. Людовико Моро, еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, именно въ то самое время, когда притворялся особеннымъ другомъ монаха, заявилъ чрезъ своихъ агентовъ, что ему удалось перехватить письма Савонаролы къ королю Франціи. Онъ поднялъ изъ-за нихъ большой шумъ въ Италіи, разсылалъ копіи съ нихъ къ другимъ правителямъ—и все это съ цѣлью повредить Савонаролѣ въ глазахъ членовъ Лиги. Копіи посланы были также и къ герцогу феррарскому въ надеждѣ охладить его чрезвычайно дружескія чувства къ монаху. Но это ни къ чему не повело, потому-что Савонарола заявилъ феррарскому представителю, что давно уже ничего не писалъ королю и что, слѣдовательно, письма эти поддѣльны. Герцогъ продолжалъ состоять съ нимъ въ перепискѣ, время отъ времени извѣщая его, что онъ старается очистить городъ, насколько это въ его силахъ, «отъ пороковъ и обновить его въ христіанской жизни». Чрезъ того-же своего посла онъ предупреждалъ Савонаролу, чтобы тотъ остерегался интригъ, которыми онъ окруженъ, ибо, чтобы вытащить рыбу на берегъ, «сѣти закидываютъ далеко». Савонарола былъ ему весьма благодаренъ за это и постоянно посылалъ совѣты. Переписка ихъ была не только дружественна, но иной разъ принимала форму даже какого-то условнаго языка, въ особенности, когда дѣло шло объ извѣстіяхъ политическихъ.

Четыре мѣсяца спустя Моро вновь прибѣгъ къ тому-же

маневру. Онъ будто-бы перехватилъ новыя письма, тоже оказавшіяся потомъ подложными. Въ одномъ изъ нихъ заключался неслестный отзывъ о французскомъ представителѣ во Флоренціи: оно тотчасъ-же было доставлено послѣднему изъ рукъ въ руки. Посолъ разсердился, требовалъ у Синьоріи удовлетворенія, грозилъ совсѣмъ уѣхать изъ Флоренціи, но потомъ успокоился. Не имѣли успѣха и письма, посланныя Моро въ Болонью, Феррару и другія мѣста,

Папа не прибѣгалъ къ такимъ дѣтскимъ уловкамъ. Но какъ только въ Римъ пришло извѣстіе о помощи, полученной Ливорно, и о первой проповѣди Савонаролы, онъ адресовалъ ко всѣмъ доминиканцамъ Тосканы новое Бreve отъ 7 Ноября. Теперь вопросъ шелъ уже не о присоединеніи монастыря Св. Марка къ ломбардской конгрегаціи, а, напротивъ, объ образованіи изъ всѣхъ монастырей Тосканы и Рима новой «Тосканско-Римской конгрегаціи» съ собственнымъ викаріемъ во главѣ, при чемъ, однако, сохранялась въ прежней силѣ и власть главнаго викарія въ Римѣ. Избраніе викарія на первое двухлѣтіе для этой новообразуемой конгрегаціи папа поручилъ главному викарію и кардиналу неаполитанскому, до сихъ поръ дружественно относившемуся къ монастырю Св. Марка и Савонаролѣ, а теперь готовому стать злѣйшимъ ихъ врагомъ. Самая реформа была поручена заботамъ Франческо Меи, противника Савонаролы, и П. Джакомо ди Сичилиа, бывшему, наоборотъ, большимъ его другомъ. Послѣдній былъ тотчасъ-же назначенъ и викаріемъ новой конгрегаціи. Все это было тонкой хитростью папы, направленною къ тому, чтобы легче завлечь Савонаролу въ свои сѣти. Къ этому Борджіа направлялъ всѣ свои силы. Выдвигая вновь вопросъ о монастыряхъ, онъ хотѣлъ сдѣлать видъ, что рѣшаетъ его вовсе не съ враждебнымъ по отношенію къ монаху настроеніемъ, а въ то-же время тщательно старался обойти тѣ возраженія, какія сдѣланы были Савонаролой еще въ Сентябрѣ 1495 года. Онъ уже не передавалъ спора на усмотрѣніе ломбардскаго викарія, не объединялъ двухъ враждебныхъ между собою конгрегацій. Онъ избралъ викаріемъ чловека, чрезвычайно благорасположеннаго къ монастырю Св.

Марка. Наконецъ, какъ говорить само Бreve, теперь открывалась возможность распространить новую реформу на всю Тоскану и Римскую Область. Но все это было сдѣлано только для отвода глазъ: сущность-же дѣла была совсѣмъ иная. Разъ Савонарола будетъ подчиненъ власти новаго викарія, зависящаго отъ генерала Ордена въ Римѣ, онъ долженъ будетъ потерять всю свою независимость, которую онъ такъ отстаивалъ при отдѣленіи своей конгрегаціи отъ ломбардской, утратить всю власть надъ своими монахами, власть, которая придавала ему такой авторитетъ во Флоренціи. Затѣмъ, его могли заставить перейти въ другой монастырь, чего собственно и добивался папа. Кромѣ того, монастырь Св. Марка, затерявшись среди множества монастырей новой конгрегаціи, изъ которыхъ почти всѣ были или недоброжелателями его или завистниками, не только не будетъ въ состояніи пропагандировать своей реформы, а, наоборотъ, скорѣе самъ вынужденъ будетъ уклониться отъ нея.

Вслѣдствіе всего этого, Савонарола, вмѣсто того, чтобы покориться, вновь взялся за перо и написалъ свою «Апологию конгрегаціи Св. Марка», въ которой, не отвѣчая прямо папѣ, а обращаясь къ обществу, обсуждалъ вопросъ въ чрезвычайно откровенныхъ и смѣлыхъ словахъ. «Я не буду, писалъ онъ, оправдываться въ обвиненіяхъ, возводимыхъ на меня за мое ученіе: я уже много разъ отвѣчалъ на нихъ, готовлюсь и еще разъ отвѣтить въ моемъ трактатѣ *Торжество Креста*, который скоро появится въ свѣтъ. Теперь я отвѣчаю только на обращенное ко мнѣ приказаніе присоединиться къ новой конгрегаціи. Прежде всего, присоединеніе это зависитъ не отъ моей только власти, но еще отъ воли 250 монаховъ, которые всѣ высказались въ письмѣ къ папѣ въ противоположномъ смыслѣ, и я не могу, да и не хочу противодѣйствовать имъ, ибо считаю ихъ желаніе честнымъ и справедливымъ». Далѣе онъ старается доказать, что это присоединеніе ослабило-бы и нарушило-бы строгость правилъ монастыря Св. Марка, къ великому вреду особенно для молодыхъ монаховъ, составляющихъ бѣдшую часть братіи. «Если другіе монахи не чувствуютъ нужды въ реформѣ, зачѣмъ-же тогда они хотятъ объединенія съ нами? Если они

объединяются для того, чтобы эта реформа была проведена и у нихъ, то неопытныхъ монаховъ у насъ столько, что едва-едва хватаетъ силъ справиться съ ними! Поэтому, объединеніе внесло-бы только беспорядокъ и путаницу повсюду, а у насъ въ особенности». Вспоминаетъ, затѣмъ, достойную всякаго сожалѣнія ненависть, существующую между разными монастырями, указываетъ на опасность быть убитымъ, которой онъ подвергался уже изъ-за этого въ Пизѣ и Сіенѣ, и, въ заключеніе, говоритъ: «итакъ, подобное объединеніе невозможно, безосновательно, вредно, и монахи Св. Марка не должны быть къ нему принуждаемы, ибо начальники не могутъ приказывать того, что противно уставу Ордена, противно христіанской любви и благу нашихъ душъ. Нужно, поэтому, предположить, что они введены въ заблужденіе ложными свѣдѣніями, нужно противиться ихъ приказанію, не согласному съ христіанской любовью. Не должно бояться ни угрозъ, ни отлученій, а скорѣе согласиться умереть, чѣмъ подчиниться тому, что будетъ ядомъ и гибелью душъ. Когда приказаніе, полученное отъ начальства, противно совѣсти, слѣдуетъ сперва, не исполняя его, почтительно просить объ его отмѣнѣ,—что мы и сдѣлали. Если-же это окажется недостаточнымъ, необходимо поступить такъ, какъ Апостоль Павелъ, *qui coram omnibus restitit in faciem Petri*». Такимъ образомъ, послѣ непродолжительнаго перемирія, Савонарола вновь очутился въ открытой войнѣ съ папой.

Тѣмъ временемъ, послѣ неожиданно полученной помощи, положеніе дѣлъ на войнѣ вновь ухудшилось, особенно въ Ливорно, и если-бы не постоянное соревнованіе между венеціанцами и Моро, осада давнымъ-давно уже кончилась-бы. Но, казалось, провидѣніе еще разъ хотѣло помочь флорентійцамъ. Тѣ-же самые западные вѣтры, которые въ прошедшемъ Октябрѣ помогли кораблямъ прибыть изъ Марсели въ Ливорно, около 15-го Ноября начали дуть съ такой силой, что флотилія венеціанцевъ была прибита къ берегу. Капитанскій корабль ударился бокомъ о Рокка Нова, при чемъ потонули и люди, и артиллерія: едва удалось спасти самого императора, который былъ на немъ. Та-же участь постигла и еще два корабля. Осталь-

ные приведены были въ такое состояніе, что болѣе служить не могли. Всѣ падавшіе въ воду, сдавались врагу, лишь-бы только спастись отъ неминуемой смерти. Въ этотъ день взята была масса плѣнныхъ, и многіе, втеченіе нѣсколькихъ часовъ, успѣли обогатиться захваченной добычей. Максимиліанъ, уставшій, наконецъ, бороться, какъ онъ говорилъ, «противъ Бога и людей», безславно оставилъ это предпріятіе, начатое съ такимъ невѣроятнымъ легкомысліемъ. Онъ не хотѣлъ давать никакихъ объясненій своему внезапному рѣшенію, не хотѣлъ даже и говорить о немъ, пока не прибылъ въ Ломбардію, гдѣ сталъ горько жаловаться на поведеніе Моро и венеціанцевъ. Казалось, судьба рѣшила преслѣдовать его до самаго конца: во время отступленія довольно значительный отрядъ его солдатъ, соединившись съ пизанцами, хотѣлъ приступомъ взять замокъ Лари. Флорентійскій комиссаръ, Алессандро Алессандри, далъ непріятелю сойти въ окружавшіе замокъ рвы, а затѣмъ открылъ такой убійственный огонь изъ своихъ пушекъ, что почти цѣликомъ уничтожилъ его. Такъ, въ Октябрѣ и Ноябрьѣ счастье вновь улыбнулось флорентійцамъ, и они, точно чудомъ, въ другой разъ избавились отъ неминуемой опасности.

26 Ноября Савонарола, выступивъ съ проповѣдью, напомнилъ своимъ слушателямъ о тѣхъ превратностяхъ судьбы, какимъ они подверглись въ послѣднее время. объ унынїи, въ какое они впали было, о безконечномъ милосердіи, спасшемъ ихъ, и убѣждалъ всѣхъ возблагодарить отъ души Господа. Далѣе, вновь излагая исторію народнаго правленія и превознося его предъ всѣми прочими, онъ еще разъ сравнилъ послѣдовательные періоды его образованія съ семью днями творенія, подтвердилъ свое собственное пророческое озареніе и обѣщалъ, что будетъ проповѣдывать въ наступающій рождественскій постъ.

Дѣйствительно, на слѣдующій день онъ началъ свои первыя восемь проповѣдей на пророка Іезекиіля, изъ которыхъ видно, что онъ потерялъ уже всякую надежду на примиреніе или перемиріе съ папой. «О Господи, у Тебя я прошу пути злополучія. Въ это утро я начинаю проповѣдь, чтобы повторить то, что я

говорилъ до сихъ поръ, чтобы вновь подтвердить мое ученіе и положить за него жизнь свою... Если-бы я сталъ проповѣдывать, продолжалъ онъ, обращаясь къ народу, не согласно съ тѣмъ, что говорилъ ранѣе, то прямо скажи, что этотъ монахъ противорѣчитъ Богу и есть первый лжецъ, побей меня тогда камнями и прогони вонъ съ этой кафедрѣ». Упомянувъ, затѣмъ, о своемъ пророческомъ озареніи, онъ вновь подтвердилъ близость бѣдствій, «которыя будутъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ менѣе народъ будетъ твердъ въ религіи и свободѣ».

Наиболѣе важная изъ этихъ восьми проповѣдей была шестая, которую Савонарола произнесъ 13 Декабря, по просьбѣ Синьоріи, присутствовавшей въ Соборѣ. Сказавъ нѣсколько словъ, какъ обыкновенно, о милосердіи Господа, онъ перечислилъ тѣмъ благодѣянія, какія ниспосланы имъ на Флоренцію. «Это Твой городъ, Ты его избралъ, о Господи. Ты благословилъ его, Ты просвѣтилъ его свѣтомъ доброй жизни. Ты внѣдрилъ вѣру и свѣтъ Твой въ душу этого народа. Послѣ духовныхъ благъ, Ты восхотѣлъ дать ему еще и временныя». «Но первое и самое главное изъ нихъ есть свобода, которую Ты возвратилъ ему. Это есть самое высшее благодѣяніе, *quia non bene pro toto libertas venditur auro*. Раньше ему нужно было дѣлать такъ, какъ того желалъ одинъ человѣкъ. Теперь этого рабства болѣе нѣтъ. Тотъ говорилъ: дѣлай дурное, и нужно было дѣлать. Онъ говорилъ: выдавай свою дочь за такого-то, и нужно было исполнить это. Нарушь такую-то родственную связь, и нужно было нарушить. Отдай сюда твои деньги, и нужно было отдать. Примѣнялись къ народу палочные удары, и нужно было терпѣть ихъ». Далѣе онъ излагаетъ всю исторію освобожденія Флоренціи, начиная съ изгнанія Пьеро Медичи и кончая уходомъ Максимилиана, чтобы вновь показать благость Господа къ флорентійцамъ. Увѣщаетъ народъ дѣлать добрыя дѣла, осуждаетъ ту холодность, съ какой обыкновенно посѣщаютъ проповѣдь, никогда не приводя въ исполненіе слышаннаго. «Проповѣдуй, сколько хочешь: люди усвоили обычай слушать хорошо, а поступать дурно. Онъ сталъ второй ихъ натурой: слушаютъ по привычкѣ, но ничего не дѣ-

лають. Измѣнить тутъ что-нибудь такъ-же трудно, какъ измѣнить теченіе рѣки. Ты привыкъ къ постоянному призыву: будь справедливъ, будь справедливъ. Со временемъ ты будешь похожъ на ворона, живущаго на колокольнѣ: при первомъ ударѣ въ колоколъ, имъ овладѣваетъ страхъ и ужасъ. Но потомъ, когда онъ привыкаетъ, звони сколько хочешь: онъ сидитъ себѣ и даже не шелохнется».

Укорилъ народъ за его неблагодарность къ Богу, «давшему свободу, которую онъ старается испортить постоянными осужденіями и ропотомъ, постоянными заговорами, замышляемыми въ городѣ и внѣ его. О народъ неблагодарный! Господь далъ тебѣ этотъ Великій Совѣтъ, а ты искажаешь его, допуская туда враговъ отечества. Это уже не входило въ мои планы. Сначала я позволилъ всѣмъ принимать участіе въ немъ, потому-что свобода тогда только-что начиналась и нужно было сдѣлать опытъ. Но я устанавливалъ его вовсе не для того, чтобы засѣдали въ немъ дурные люди, какъ это дѣлается теперь. О Великолѣпные Члены Синьоріи! Я говорю вамъ, что нужно наблюдать за этимъ Совѣтомъ, исправляя и улучшая его, что слѣдуетъ поразмыслить о многихъ присутствующихъ въ немъ, хорошо-ли то, что они тамъ засѣдаютъ. Пусть число ихъ остается прежнимъ. Но нужно изгнать оттуда враговъ отечества. Однако, я не одобряю тѣхъ, которые хотѣли-бы воздерживаться отъ голосованія, пока не будетъ приведена въ исполненіе новая реформа, а еще менѣе одобряю тѣхъ, которые хотѣли-бы по жребію избирать магистраты. Это противно свободѣ, говорю вамъ». «Ты плохой христіанинъ! Ступай и прочти исторію, написанную Леонардо д'Ареццо. Онъ говоритъ, что въ городѣ все шло хорошо, пока не прибѣгли къ жребію, что избраніе по жребію было измышлено честолюбцами. Всегда были и есть такіе дурные люди, которые нашептываютъ подобные совѣты. Это тѣ, что устраиваютъ тайныя сходы во вредъ городу, внутри и внѣ его, съ попами и монахами, и устраиваютъ великолѣпныя обѣды и ужины. Разговоръ ихъ постоянно вертится около монаха: они ѣдятъ хлѣбъ и монаха, мясо и монаха, пьютъ вино и монаха». «Обрати, Флоренція, вниманіе на эти тайныя со-

бранія, на которыхъ ищутъ уничтоженія твоей свободы. Бѣдный монахъ остается единственнымъ борцомъ за нее противъ всего міра. Что касается меня, то я говорю вамъ: позовите ученыхъ, прелатовъ, кого хотите, я готовъ бороться противъ всѣхъ. Напоминаю вамъ, что въ орденѣ Св. Доминика не было ни одного еретика. Но было много такихъ, которымъ Италія обязана великими реформами. Вы должны вспомнить кардинала Латино, Анджео Аччіайоли и св. Антонина. Такъ должно дѣло идти и теперь. Но, прежде всего, нужно быть справедливыми и строгими. Вамъ, Члены Синьоріи, слѣдуетъ позаботиться объ этомъ: вооружите свиту свою и возьмите мечъ въ руки. Если этого недостаточно, призовите народъ и будьте страшны. Магистраты, не наказывающіе проступковъ, пусть сами подвергнутся наказанію, на какое слѣдовало осудить виновнаго. Правосудіе, Великолѣпные Члены Синьоріи! Правосудіе, господа члены Совѣта Восьми! Правосудіе, магистраты Флоренціи! Правосудіе, мужи и жены! Всякій пусть кричитъ: правосудіе!».

Такъ заканчивался 1496 годъ. Флорентійская республика чудеснымъ образомъ избавилась отъ безконечнаго количества опасностей. Имя и авторитетъ Савонаролы вновь достигли своего апогея. Народная партія оказалась неограниченнымъ господиномъ положенія. Но въ то-же время обострились и отношенія съ Римомъ: ненависть папы къ монаху и устроенному имъ правленію, казалось, стала неукротимой. Кромѣ того, въ самомъ сердцѣ республики открылось столько враговъ, столько непрестанныхъ интригъ «Озлобленныхъ» и «Сѣрыхъ», что самъ Савонарола призналъ необходимымъ не только прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, но и нѣсколько ограничить доступъ въ Великій Совѣтъ. Онъ боялся, чтобы управленіе республикой не попало въ руки лицъ, желавшихъ погубить ее. Снисходительностью, проявленною по отношенію къ нимъ до сихъ поръ, они воспользовались для того, чтобы безопаснѣе строить заговоры противъ свободы отечества.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Франческо Валори, избранный гонфалоньеромъ, предлагаетъ нѣкоторые новые законы. Карнаваль. Сожженіе „суеты“. Монахи Св. Марка покупаютъ библіотеку Медичи. Идеи Савонаролы о красотѣ. Его защита поэзіи, его стихотворныя произведенія.

(1497).

Благодаря тому, что событія прошлаго года оказались благопріятными для народной партіи, гонфалоньеромъ юстиціи на Январь и Февраль 1497 года былъ избранъ Франческо Валори, а въ составъ Синьоріи вошли преданные ему люди. Если-бы Валори былъ человѣкомъ болѣе умѣреннымъ и не столь легко поддавался своимъ страстямъ, настоящій моментъ могъ-бы быть самымъ удобнымъ для обузданія «Озлобленныхъ» и «Сѣрыхъ». Но, присвоимъ порывистомъ нравѣ, онъ не захотѣлъ на этотъ разъ внимательно отнестись къ совѣтамъ Савонаролы, который предлагалъ нѣсколько ограничить доступъ въ Великій Совѣтъ, чтобы въ него не попали лица, враждебно настроенныя противъ республики. Желая, напротивъ, расширенія его, онъ провелъ новый законъ, по которому, для присутствующихъ въ Совѣтѣ, вмѣсто тридцатилѣтняго возраста, устанавливался двадцатичетырехлѣтній. Онъ хотѣлъ застраховать республику отъ покушеній на нее, стараясь сдѣлать народъ полнымъ и неограниченнымъ ея господиномъ. Но результатъ его стараній былъ совершенно иной: его законъ открылъ путь въ Совѣтъ испорченной и шумной молодежи изъ партіи «Озлобленныхъ», которая болѣе всего ненавидѣла Савонаролу, новое правленіе, имъ установленное, новый образъ жизни, имъ введенный. Съ воспрещеніемъ плясокъ и праздниковъ, съ уничтоженіемъ карнавала, жизнь потеряла для нихъ всякій смыслъ. Не удивительно, если они сдѣлались виновниками всѣхъ козней противъ Савонаролы. Чтобы дѣйствовать дружно, они собрались въ одну компанію подъ руководствомъ Доффо

(Ридольфо) Спини. Они постоянно носили при себѣ оружіе, за-тѣвали ссоры, учиняли насилие. За все это народъ прозвалъ ихъ «Компаньяччи». Новый законъ, открывая доступъ въ Совѣтъ, давалъ имъ въ руки могучее средство, которымъ они тотчасъ же и воспользовались въ великому вреду для республики.

Но Валори, казалось, не замѣчалъ этой опасности: около того-же времени мы находимъ другой, такой-же недалководный, законъ, предложенный Синьоріей (*decima scalata*) и имѣющій сходство съ нынѣшнимъ прогрессивнымъ налогомъ. Естественно, что законъ этотъ встрѣтилъ живѣйшее противодѣйствіе со стороны всѣхъ, кто обладалъ хоть какимъ-нибудь состояніемъ. Зато народная партія поддерживала его всѣми силами. Приводились доводы за и противъ него. Страсти разгорались. Особенно интересно, что рѣчи и аргументы того времени были почти буквально тѣ-же самые, какіе, четыре вѣка спустя, мы слышали въ наши дни. Народная партія утверждала, что «равномѣрность обложенія представляетъ одинаковыя неудобства для всѣхъ безъ различія гражданъ. Новый законъ недостаточенъ для установленія равенства между ними, потому-что одна десятая платимыхъ налоговъ часто стѣсняетъ бѣдняка въ самомъ необходимомъ, а двѣ или даже три десятыхъ лишаютъ богача только роскоши. Наша страна, говорили приверженцы этой партіи, есть какъ-бы кусокъ сукна: его хватило-бы на всѣхъ, если-бы плащи были сдѣланы изъ него по мѣркѣ. Но его подѣлили плохо. Есть такіе плащи, въ которые можно завернуться три раза, при чемъ отъ нихъ по землѣ еще будетъ волочиться хвостъ въ два фута. Другими-же едва можно покрыть плечи». Они обрушивались на богатыхъ, на тотъ вредъ, какой наносится городу ихъ чрезмѣрною расточительностью. Болѣе умѣренные отвѣчали: «равенство состоитъ въ томъ, чтобы ни одинъ гражданинъ не стѣснялъ другого и чтобы всѣ въ одинаковой мѣрѣ были подчинены общимъ нормамъ. Но говорить, что равенство должно быть рѣшительно во всемъ, значило-бы придавать закону слишкомъ буквальный смыслъ. Это все равно, что квартиры одного дома ставить непременно въ одинъ этажъ. Это

породило-бы хаосъ, способный перевернуть вверхъ дномъ не только городъ, но и весь міръ. Развѣ вы не видите, что неразумными законами вы сѣете лишь несогласія и открываете путь Пьеро Медичи»? Убѣдили-ли эти соображенія Синьорію взять обратно свой проектъ, или голосованіе дало результатъ, неблагоприятный ему, но несомнѣнно одно, что законъ не былъ утвержденъ, и дѣла пошли ровнѣе.

Савонарола въ это время воздерживался отъ проповѣди и въ тишинѣ своей кельи занимался исправленіемъ «Тріумфа Креста». Тогда-же имъ составлено было множество мелкихъ произведеній, которыя онъ торопился издать въ свѣтъ, чтобы какъ можно шире распространить свое ученіе и снискать себѣ новыхъ покровителей въ борьбѣ съ Римомъ. Борьба эта становилась неизбежной и угрожала быть безпощадной, какъ о томъ можно было судить по прибывающимъ оттуда письмамъ. Попеченіе о духовной сторонѣ жизни народа было поручено, поэтому, монаху Доменико да Пешіа, пылкому и кипучему въ религіи въ такой-же мѣрѣ, въ какой Валори былъ кипучъ и пылокъ въ политикѣ. Доменико былъ слѣпо преданъ своему учителю, и не только безусловно вѣрилъ всѣмъ его пророчествамъ, но считалъ его способнымъ сотворить самое великое чудо и готовъ былъ съ радостью пожертвовать своей жизнью, если-бы это потребовалось для подтвержденія какой-нибудь идеи Савонаролы. Къ сожалѣнію, часто увлекаемый излишней ревностью и чрезмѣрной легковѣрностью, онъ тоже легко могъ впасть въ опасныя крайности.

Таково было положеніе вещей и таково было общее настроеніе Флоренціи наканунѣ карнавала 1497 г. «Озлобленные» готовились возобновить прежнія оргіи, соблазнительныя празднества въ духѣ Медичи и, главнымъ образомъ, игру въ камни, которую простой народъ любилъ болѣе всего. Глубоко возмущенный этимъ, Фра Доменико рѣшилъ бороться съ ними до послѣдней возможности. Каждый день онъ произносилъ проповѣди, писалъ письма къ дѣтямъ и убѣждалъ Синьорію новыми законами подтвердить реформу, проведенную Савонаролою въ прошломъ году.

Мы видѣли, что въ прошлый Великій Постъ дѣти устроили

торжественную процессію съ пѣніемъ составленной Джироламо Бенивиени духовной пѣсни, при чемъ они собрали немало денегъ въ пользу Ломбарда. Теперь, подъ руководствомъ своихъ начальниковъ, они ходили по городу и, стуча въ двери бѣдныхъ и богатыхъ, просили то, что они называли «суетой» или «анаѳемой». То были непристойные рисунки и книги, карнавальные маски и шутовская одежда. Получивъ, они прочитывали молитву, составленную Савонаролой, и шли дальше. Такимъ образомъ, собрано было множество предметовъ, которые должны были служить для устройства новаго праздника, задуманнаго Фра Доменико и Савонаролой. Въ послѣдній день карнавала (7 Февраля) никто болѣе не думалъ уже объ оргіяхъ, а всѣ, напротивъ, стали готовиться къ религіозному торжеству. Утромъ мужчины, женщины и дѣти присутствовали на торжественной мессѣ, совершенной Савонаролой, и причастились изъ его рукъ. Подкрѣпившись довольно скуднымъ обѣдомъ дома, всѣ они послѣ полудня пошли по городу въ процессіи. Впереди несли статую Младенца-Спасителя, прекрасной работы Донателло, которую поддерживали четыре ангела. Лѣвой рукой Спаситель показывалъ на терновый вѣнецъ, а правой какъ-бы благословлялъ народъ. Слѣдомъ за ней шла огромная толпа народа: нѣкоторые были одѣты въ бѣлое, многіе—съ красными крестами въ рукахъ. Шли съ пѣніемъ религіозныхъ гимновъ и церковныхъ словесій. Сборщики милостыни, съ серебряными подносами, просили подаваній въ пользу «Добрыхъ мужей Св. Мартина». Въ одинъ этотъ день они собрали столько денегъ, сколько не было собрано за цѣлый годъ. Наконецъ, процессія достигла площади Синьоріи. Здѣсь она нашла огромную восьми-угольную пирамиду, высотой аршинъ въ 15 и въ окружности основанія аршинъ до 60. Она была устроена въ семь уступовъ, на которыхъ была разложена вся «суета», собранная во время карнавала: чудовищное изображеніе послѣдняго, набитое внутри горючими матеріалами, было поставлено на самомъ верху. Толпа запрудила всю площадь, дѣти расположились отчасти предъ Палаццо, отчасти въ Лоджіа деи Ланци, продолжая пѣть религіозные гимны и бранныя пѣсни по адресу карнавала. По дан-

ному знаку, четыре сторожа подожгли пирамиду съ угловъ: дымъ и огонь взвились къ небу. Трубы Синьоріи затрубили, зазвонили колокола Палаццо. Толпа подняла такой радостный крикъ, какъ если-бы въ этотъ моментъ былъ побѣжденъ самъ врагъ рода человѣческаго. Такъ кончились процессія и карнавалъ 1497 года.

Тѣ, которые осуждали все, такъ или иначе исходившее отъ Савонаролы и братіи его монастыря, конечно, не могли воздержаться и теперь, чтобы не осудить сожженія вещей, и говорили, что лучше было-бы ихъ продать и деньги раздать бѣднымъ. У древнихъ историковъ мы находимъ лишь слабый намекъ на подобныя обвиненія. Въ безчисленномъ множествѣ трудовъ за и противъ Савонаролы, гдѣ всесторонне, съ тѣми или иными цѣлями, обсуждались его мысли и поступки, только одинъ этотъ фактъ обходится молчаніемъ. Не то мы видимъ у писателей новѣйшихъ.

Когда стала возрождаться любовь къ древностямъ, когда эта любовь дошла до фанатизма, какъ если-бы все назначеніе наше только въ томъ и состояло, чтобы издавать античные кодексы и реставрировать старинныя картины и монументы, тогда «сожженіе суеты» сдѣлалось излюбленной темой всякаго, кто только писалъ объ этой эпохѣ. Савонаролу щедро награждаютъ эпитетами суевѣра, варвара и истребителя остатковъ прошлаго величія, изображаютъ фанатичнымъ монахомъ, желавшимъ возвращенія Среднихъ Вѣковъ на мѣсто Возрожденія. Исчезалъ-ли древній манускриптъ, тотчасъ-же говорятъ, что его сжегъ Савонарола. Становилось-ли рѣдкимъ какое-нибудь изданіе Боккаччіо, увѣряютъ, что оно было уничтожено Савонаролой. Погибала-ли древняя статуя, никто не сомнѣвается, что ее обратили въ прахъ «Плаксы» при сожженіи «суеты».

Но каковъ-же долженъ былъ быть огонь, который сжигалъ даже мраморныя статуи? Вѣрить-ли, что дѣти могли собрать цѣлое изданіе Боккаччіо? Тема, однако, была такой благодарной для общихъ разсужденій, такъ удивительно хорошо отвѣчала обуявшимъ публику страстямъ, что немногіе сумѣли воздержаться отъ искушенія выступить въ качествѣ защитниковъ древ-

няго величія нашихъ памятниковъ. не сказать длинной рѣчи о вредныхъ послѣдствіяхъ фанатизма. Слѣдуетъ отмѣтить, что невинной причиной всѣхъ этихъ упрековъ по адресу Савонаролы былъ самъ Бурламаки, который, съ обычной своей простотой, подробно, со всевозможными прикрасами и преувеличеніями, повѣствуетъ объ этомъ сожженіи, какъ о дѣлѣ вполнѣ христіанскомъ и религіозномъ. Не онъ одинъ, но и всѣ другіе старинные біографы не находили словъ, когда хотѣли превознести святую ревность своего героя. И, тѣмъ не менѣе, описаніе Бурламаки вовсе не даетъ права на тѣ преувеличенія, до какихъ дошли новѣйшіе писатели. Среди упоминаемыхъ имъ предметовъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія, не удалось указать ни одного такого, артистическое значеніе котораго или продажная стоимость могли-бы быть установлены съ точностью. Лишь въ концѣ своего разсказа, упомянувъ вообще о предметахъ искусства и о кодексахъ древнихъ писателей, онъ съ торжествомъ разсказываетъ, какъ одинъ венеціанскій купецъ предложилъ за нихъ 20000 скуди и какъ за это портретъ его былъ поставленъ на вершинѣ пирамиды рядомъ съ фигурой карнавала и сожженъ съ ней вмѣстѣ. Такая огромная, почти баснословная для того времени сумма давала всякому право фантазировать, сколько душъ его было угодно, на тему объ утратѣ драгоценнѣйшихъ вещей.

Такъ какъ друзья и недруги Савонаролы, хотя и по различнымъ побужденіямъ, одинаково въ данномъ случаѣ преувеличивали, то становится очень затруднительнымъ опредѣлить, что же, дѣйствительно, было уничтожено въ этотъ день. Здѣсь нельзя упускать изъ виду, что Бурламаки, со всею добросовѣстностью передающій факты, которые онъ самъ наблюдалъ или слышалъ отъ очевидцевъ, никогда не бываетъ точенъ въ приводимыхъ имъ цифрахъ. Когда онъ говоритъ о процессіи дѣтей, онъ хотѣлъ-бы представить число ихъ немногимъ меньше всего населенія Флоренціи. Когда говоритъ о собранной милостынѣ, цифры его всегда переходятъ границу всякаго вѣроятія. Онъ допускаетъ неточности въ годахъ и датахъ, что, между прочимъ, и послужило, главной причиной той путаницы, какая

замѣчается въ описаніи жизни Савонаролы: всю хронологію событій пришлось возстановлять по подлиннымъ документамъ. Какое-же, послѣ этого, значеніе могутъ имѣть сужденія, основывающіяся на цифровыхъ данныхъ подобнаго писателя? Что-же это за логика, которая въ одномъ случаѣ хочетъ слѣпо вѣрить цифрамъ Бурламаки, а во всѣхъ другихъ усиленно старается подорвать къ нимъ всякое довѣріе? Допустимо-ли, что Савонарола могъ, не встрѣчая ни съ чьей стороны противодѣйствія, даже при всеобщемъ одобреніи, жечь статуи и драгоценные кодексы, когда только для того, чтобы найти ихъ, итальянцы предпринимали дальнія и опасныя путешествія, жертвовали жизнью и всѣмъ своимъ достояніемъ? Вѣроятно-ли, чтобы въ вѣкъ Марсиліо Фичино и Анджело Полиціано не поднялось ни одного голоса въ его осужденіе? Какимъ образомъ въ числѣ наиболѣе преданныхъ его почитателей могли оставаться тогда самые выдающіеся артисты и ученые того времени? Повѣрить-ли, что Джироламо Бенивіени, поэтъ и ученый, писалъ пѣсни для такого торжественнаго сожженія драгоценныхъ памятниковъ и превозносилъ его, что Нарди, переводчикъ Ливія и горячій поклонникъ древнихъ писателей, съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ отзывался о тѣхъ, кто ропталъ на Савонаролу, что такой человѣкъ, какъ Гвиччіардини, разрѣшалъ себѣ съ похвалою говорить обо всемъ этомъ дѣлѣ?

Но, относясь критически ко всѣмъ этимъ преувеличеніямъ, мы вовсе не хотимъ отрицать самаго факта, а стремимся лишь указать его настоящее значеніе. Что это была за «суета», сожженная въ данномъ случаѣ, съ точностью мы не знаемъ. Вѣрнѣе всего это были костюмы, маски и другія вещи, употреблявшіяся во время карнавала, ибо и самое сожженіе ихъ было задумано только ради борьбы съ дурными обычаями, ради уничтоженія игры въ камни и другихъ старинныхъ формъ празднованія карнавала. Допускаемъ, что Савонарола, ради осужденія дурныхъ нравовъ своего времени, сжегъ нѣсколько книгъ съ непристойными рисунками, нѣсколько экземпляровъ того самаго «Декамерона», который сдѣлался тогда любимымъ чтеніемъ даже монашенковъ въ монастыряхъ, бросилъ въ костеръ нѣкоторыя

изъ тѣхъ соблазнительныхъ поэтическихъ произведеній, которыя ходили по рукамъ женщинъ и дѣтей и противъ которыхъ онъ такъ энергично возставалъ въ своихъ проповѣдяхъ. Мы вовсе не хотимъ оправдывать его во всемъ этомъ. Но если ученый можетъ жаловаться на потерю какой-нибудь книги, даже цѣнной, если философъ имѣетъ право осудить человѣческую слабость, прибѣгающую къ заблужденіямъ ради борьбы съ заблужденіями же и фанатизму противопоставляющую фанатизмъ, то исторія должна помнить, что таковъ всегда былъ характеръ людей, одушевленныхъ большою, горячей религіозной ревностью. Чего только не разрушали иконоборцы на Востокѣ или христіане первыхъ вѣковъ!». Указывать на то, что Савонарола жилъ во времена, когда цивилизація сдѣлала шагъ впередъ, совершенно бесполезно, ибо, столѣтіе спустя по его смерти, въ Германіи и Голландіи не осталось ни одной церкви, ни одной картины, которыя избѣжали-бы всесокрушающей и опустошающей ярости такого-же рода. И развѣ не въ вѣкъ Льва X и Франциска I жилъ Кальвинъ, человѣкъ образованный, высокаго ума и желѣзной воли, который, ставъ во главѣ республики, но не имѣя, впрочемъ, чести быть ея основателемъ, провозгласилъ себя проповѣдникомъ свободы и терпимости, а на самомъ дѣлѣ не только строго наказывалъ всѣхъ, кто ругался или работалъ по воскресеньямъ, но и сажалъ въ тюрьму женщинъ за не особенно скромную, по его мнѣнію, прическу волосъ? Развѣ не онъ сжегъ въ Женевѣ въ 1553 г. несчастнаго, ни въ чемъ неповиннаго Сервето? Развѣ справедливъ тотъ историческій критерій, который въ разсужденіи о Савонаролѣ совсѣмъ не хочетъ принять во вниманіе природу страстей и религіозной экзальтаціи человѣка?

Но зачѣмъ перебирать въ памяти грустныя воспоминанія прошлаго, въ одинаковой степени унижающія все человѣчество? Для защиты Савонаролы нѣтъ надобности прибѣгать къ этимъ примѣрамъ религіознаго фанатизма. Если-бы сказаннаго оказалось недостаточно для того, чтобы опровергнуть обвиненіе въ вандализмѣ, то для насъ довольно и одного факта, случившагося именно тогда, когда происходили всѣ эти сожженія: онъ таковъ, что можетъ навсегда положить конецъ нашему спору.

Мы видѣли, въ какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ находилась въ послѣдніе годы республика. Она не имѣла рѣшительно никакой возможности заплатить долги, лежавшіе на конфискованномъ у Медичи имуществѣ. Поэтому, ей пришлось сперва заложить его за большую сумму, а потомъ и продать. Среди этого имущества находилась, между прочимъ, и знаменитая библіотека, одна изъ самыхъ обширныхъ сокровищницъ науки. Помѣщенная сначала въ монастырѣ Св. Марка, а затѣмъ перенесенная въ Палаццо, она должна была раздѣлить общую со всѣмъ остальнымъ имуществомъ судьбу. Если-бы даже кто-нибудь и имѣлъ возможность приобрѣсти ее, то, конечно, онъ не предоставилъ-бы ее во всеобщее пользованіе. Но денежные затрудненія частныхъ лицъ были столь-же велики, какъ и республики. Можно было, такимъ образомъ, опасаться, что великолѣпное собраніе должно будетъ раздробиться и даже, вѣроятно, попасть въ иностранныя руки, такъ-какъ кредиторовъ у Медичи было множество. Между ними французскій дипломатъ Филиппъ Комминъ особенно настойчиво и именно теперь требовалъ уплаты ему 1000 флориновъ. Эта опасность сильно беспокоила всѣхъ образованныхъ людей. Но къ кому обратились, чтобы предотвратить ее? Кто съ охотой взялся за это дѣло? Именно Савонарола, пресловутый варварскій истребитель древнихъ кодексовъ.

Монахи Св. Марка были бѣдны, потому-что, благодаря настояніямъ Савонаролы, отказались отъ всего своего имущества. Но они сдѣлали заемъ, продали земли, какія оставались еще у нихъ въ долину Муньона, и въ Октябрѣ 1495 г. заплатили огромную по тому времени сумму въ 2000 флориновъ, получивъ въ залогъ знаменитую библіотеку срокомъ на одинъ годъ. Условія контракта гласили, что если втеченіе этого года деньги не будутъ имъ уплачены, то они, въ возмѣщеніе одолженной суммы, имѣютъ право продать часть книгъ. Въ сущности-же это было первымъ шагомъ къ окончательной покупкѣ библіотеки. Монахи старались разыскать и остальные рукописи, которыя были отданы въ залогъ при займѣ денегъ или почему-нибудь находились въ чужихъ рукахъ. Какое лучшее употребленіе можно

сдѣлать изъ кредита, какимъ пользовался монастырь, и изъ того имущества, какимъ онъ обладалъ еще, думалъ Савонарола. Покупая драгоценное собраніе кодексовъ, онъ спасалъ его отъ раздробленія и отъ опасности перехода въ руки иностранцевъ. Онъ рассчитывалъ помѣстить его впослѣдствіи въ своей монастырской библіотекѣ, единственной во всей Италіи, которая была открыта для всеобщаго пользованія, а пока оказалъ помощь республикѣ въ ея чрезвычайно затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. По прошествіи указаннаго срока, какъ это можно было и заранѣе предвидѣть, республика не смогла погасить долга, и начались переговоры объ окончательномъ приобрѣтеніи библіотеки. Условіемъ была поставлена уплата 1000 флориновъ Филиппу Коммину, а такъ-какъ у монастыря ихъ не было въ наличности, то прибѣгли къ поручительству банкира Бернардо Нази. Такъ былъ заключенъ контрактъ въ январѣ 1498 года. Все это происходило въ тѣ годы, когда отмѣнены были карнавальные празднества Медичи, когда состоялось первое (1497) и второе (1498) сожженіе «суеты». Врагъ древнихъ писателей, варварскій истребитель кодексовъ, картинъ и статуй, по даннымъ исторіи, оказывается, напротивъ, тѣмъ самымъ, кто не только издержалъ все, что оставалось у монастыря, но и заключилъ новый тяжелый заемъ, чтобы только спасти для искусства и науки замѣчательную коллекцію латинскихъ и греческихъ рукописей, собраніе драгоценныхъ миниатюръ, до сихъ поръ хранящееся въ библіотекѣ Laurenziana, единственной въ мірѣ по своему богатству.

Но если Савонарола съ такой любовью относился къ древнимъ кодексамъ, то не меньше было его уваженіе и къ изящнымъ искусствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не онъ основалъ школу рисованія въ монастырѣ Св. Марка? Развѣ не онъ хотѣлъ обратить искусство въ профессію для своихъ новиціевъ, чтобы тѣ своими трудами покрывали расходы монастыря и жили, не прибѣгая къ милостынѣ? Развѣ не онъ былъ постоянно окруженъ лучшими артистами своего времени? Привязанность, какую питалъ къ нему Фра Бартоломео делла Порта, втеченіе четырехъ лѣтъ послѣ смерти своего учителя не бравшійся за

кисть, извѣстна всему міру. Всѣ Делла Роббіа были почитателями Савонаролы. Двое изъ нихъ приняли даже монашескій санъ изъ его рукъ, и благоговѣйное отношеніе къ его имени осталось на многіе годы традиціоннымъ въ этомъ семействѣ. О Лоренцо ди Креди Вазари говоритъ, что «онъ былъ членомъ секты Фра Джироламо», о Кронака онъ рассказываетъ, что тотъ «сходитъ съ ума по Савонаролѣ и ни о чемъ другомъ не хочетъ и разговаривать». То-же читаемъ мы у него и о Сандро Боттичелли, котораго онъ называетъ однимъ изъ артистовъ, иллюстрировавшихъ его работы своими прекрасными гравюрами. Наконецъ, напомнимъ, что самъ Микель-Анджело Буонарроти былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ поспѣшителей проповѣдей Савонаролы. Уже будучи старикомъ, онъ постоянно перечитывалъ ихъ и всегда вспоминалъ о томъ впечатлѣніи, какое производили на него голосъ и жесты этого мощнаго оратора. И на валахъ Санъ Минъато al Monte, гдѣ онъ защищалъ возродившуюся республику (1529—1530), развѣ не доказалъ онъ, что эти проповѣди не пропали для него даромъ?

Дѣйствительно, обвиненія въ томъ, что Савонарола не особенно любилъ изящныя искусства, совсѣмъ несправедливы. Французскій писатель Ріо съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ взялся было доказать это. Но, слишкомъ увлекшись любовью къ своему герою, духомъ системы и религіозной ревностью, онъ зашелъ далеко за предѣлы истиннаго, благодаря чему пылкія слова его пропали даромъ. Онъ хочетъ видѣть въ Савонаролѣ какъ-бы главу итальянской живописи, восстановителя школы искусства христіанскаго, противоположнаго искусству свѣтскому или *натуралистическому*. Всѣхъ артистовъ, почитателей Савонаролы, онъ преобразилъ въ учениковъ этой школы, на созданіе которой, если-бы даже Савонарола и былъ способенъ на это, у него не имѣлось ни средствъ, ни времени. Самъ онъ не разъ повторялъ, что бившая тогда ключомъ религіозная и политическая жизнь вынуждала его оставлять въ сторонѣ всѣ прочія занятія. Дѣйствительно, христіанскій идеалъ искусства въ духѣ Фра Беато Анджелико и его современниковъ былъ забытъ въ эпоху Савонаролы. Окружав-

шіе его и наиболѣе почитавшіе его артисты восторженно изучали природу и античные образцы, и можно было ожидать теперь окончательнаго забвенія завѣтовъ Анджелико, на которые Савонарола указывалъ съ такимъ жаромъ, какъ на самое существенное въ новомъ искусствѣ. А такъ-какъ потребность въ нихъ создавалась среди итальянскихъ ученыхъ и артистовъ болѣе, чѣмъ естественно было ожидать этого, то нѣтъ ничего удивительнаго, если и тѣ, и другіе съ энтузіазмомъ отнеслись къ монаху, учившему, что Возрожденіе не могло и не должно было окончательно вытѣснить христіанство. Вотъ почему скептикамъ и педантамъ Савонарола казался человѣкомъ отсталымъ, а людямъ великимъ, какъ Микель-Анджело, онъ представлялся, наоборотъ, тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ: предтечею новыхъ временъ, въ которыхъ, рядомъ съ изученіемъ природы и античныхъ образцовъ, не могла не воскреснуть въ искусствѣ и идейная сила христіанства.

Самый предметъ рѣчи заставляетъ насъ остановиться на выясненіи вопроса, каковы были идеи Савонаролы о красотѣ, такъ-какъ онѣ составляютъ немаловажную часть его ученія. Умъ этого монаха охватывалъ огромные горизонты. Своей философіей онъ обнималъ всѣ роды знанія, и на чемъ-бы онъ ни останавливался свой взоръ, у него всегда рождались новыя и оригинальныя идеи. Изложимъ сначала тѣ изъ нихъ, которыя мы находимъ въ его проповѣдяхъ. «Въ чемъ состоитъ красота? Въ краскахъ? Нѣтъ. Въ линіяхъ? Нѣтъ. Красота—это форма, въ которой гармонично сочетались всѣ ея части, всѣ ея краски... Такова красота въ предметахъ сложныхъ, въ простыхъ-же она—свѣтъ. Вы видите солнце и звѣзды: красота ихъ въ томъ, что они имѣютъ свѣтъ. Вы видите блаженныхъ духовъ: красота ихъ—свѣтъ. Вы видите Бога, Который есть свѣтъ. Онъ—сама красота... Такова-же красота мужчины и женщины: чѣмъ она ближе къ красотѣ изначальной, тѣмъ она больше и совершеннѣе. Итакъ, что-же такое красота? Это такое качество, которое вытекаетъ изъ пропорціональности и гармоничности всѣхъ членовъ и частей тѣла. Ты вѣдь не назовешь женщину красивой только потому, что она имѣетъ красивый носъ или красивыя

руки: она красива тогда, когда въ ней все пропорціонально. Откуда истекаетъ эта красота? Вникни, и ты увидишь, что изъ души... Поставь рядомъ двухъ женщинъ одинаковой красоты. Одна изъ нихъ добра, нравственна и чиста, другая—блудница. Въ доброй свѣтитсѣ красота почти ангельская, а другую нельзя даже и сравнивать съ женщиной чистой и нравственной, хотя она и блистаетъ внѣшними формами. Ты увидишь, что та, святая, будетъ любима всѣми, что на нее обратятся взоры всѣхъ, не исключая даже и людей плотскихъ!».

«Это происходитъ отъ того, что прекрасная душа сопричастна красотѣ божественной и отражаетъ свою небесную прелесть въ тѣлѣ человѣка. О Пресвятой Дѣвѣ мы читаемъ, что всѣ изумлялись ея необычайной красотѣ и, тѣмъ не менѣе, благодаря той святости, которая свѣтилась въ ней, не было никого, кто по отношенію къ ней почувствовалъ-бы что-нибудь скверное: къ ней относились съ величайшимъ благоговѣніемъ. Савонарола обращается къ женщинамъ и осуждаетъ ту красоту, внѣшнюю и матеріальную, о которой онѣ заботятся, оставляя безъ вниманія красоту духовную, единственно имъ цѣнную. «Женщины, вы кичитесь своими украшеніями, своими волосами, своими руками, я же говорю, что вы всѣ некрасивы. Хотите видѣть настоящую красоту? Посмотрите на человѣка благочестиваго, мужчину или женщину, въ которомъ преобладаетъ духъ. Посмотрите на него, говорю я, когда онъ молится, когда его согрѣваетъ божественная красота, когда онъ кончаетъ молитву: небесная прелесть свѣтится въ его лицѣ, видъ его уподобляется ангельскому». Савонарола обращается, затѣмъ, къ художникамъ, которые, при созданіи образовъ Пресвятой Дѣвы и разныхъ святыхъ, не только изошрялись въ выписываніи драгоцѣнныхъ одѣяній, но, вмѣсто того, чтобы искать благороднаго и святого выраженія въ какомъ-нибудь возвышенномъ и одухотворенномъ типѣ, часто давали портреты лицъ, извѣстныхъ своей дурной жизнью, соблазнительными до неприличія нравами. «А молодые люди говорятъ потомъ знакомымъ дамамъ: вотъ Магдалина, вотъ Св. Іоаннъ, вотъ Святая Дѣва. Это потому, что вы пишете ихъ портреты въ церквахъ, къ великой профанаціи

святыни. Вы, живописцы, поступаете нехорошо. Если-бы вы знали, какъ я, о соблазнѣ, который происходитъ отъ этого, вы, конечно, такъ не поступали-бы. Вы приносите въ церковь всякую суету. Вы думаете, что Дѣва Марія была разукрашена такъ, какъ вы ее изображаете? А я вамъ говорю, что она одѣвалась, какъ самая бѣдная женщина».

Эти идеи постоянно встрѣчаются въ его проповѣдяхъ и составляютъ существенную часть всей его системы. Онъ всегда желалъ, чтобы торжествовало христіанство, духовный элементъ: вотъ цѣль, которую онъ преслѣдовалъ въ искусствѣ, нравахъ, политикѣ, рѣшительно во всемъ. Но чтобы лучше понять его эстетическіе взгляды, мы должны разсмотрѣть небольшой его трактатъ, посвященный исключительно поэзии. Происхожденіе его таково. Савонарола, въ пылу своего краснорѣчія, часто употреблялъ выраженія слишкомъ суровыя, иногда даже крайне рѣзкія, когда ему приходилось говорить о поэтахъ, воспѣвающихъ всякія непристойности, и о проповѣдникахъ того времени. уснащавшихъ свои рѣчи выдержками изъ нихъ и особенно изъ писателей языческихъ. Все это тотчасъ-же вызвало противъ него ропотъ, и недруги его утверждали, что онъ врагъ поэтовъ и, вообще, поэзіи, несмотря на то, что его собственныя произведенія были всѣмъ извѣстны. Вотъ почему Уголино Верино, знаменитый ученый и большой поклонникъ Савонаролы (позднѣе отрeksiйся отъ него), обратился къ нему съ латинскимъ письмомъ. Къ письму этому онъ приложилъ нѣсколько стиховъ въ похвалу религіи. Говоря о поэзіи, онъ объявилъ себя согласнымъ съ Савонаролой относительно тѣхъ благодѣній, какія проистекаютъ отъ истиннаго искусства, и относительно того вреда, какой, наоборотъ, приносятъ поэты непристойные и излишнее преклоненіе предъ языческими идеями. Этимъ онъ хотѣлъ, повидимому, вызвать Савонаролу на болѣе точное изложеніе своихъ мыслей по данному вопросу, чтобы положить конецъ клеветамъ его противниковъ. Тогда Савонарола опубликовалъ свой небольшой трактатъ о «Раздѣленіи и пользѣ всѣхъ наукъ», одинъ отдѣлъ котораго озаглавленъ: «апологія творчества». Цѣлью его было показать, что онъ не презираетъ ни одной изъ обла-

стей познаваемого, но хотѣлъ-бы указать каждой изъ нихъ ея настоящее мѣсто. Такъ-какъ мы уже говорили о принятомъ имъ раздѣленіи наукъ, то здѣсь изложимъ только ту часть его труда, которая трактуетъ о поэзіи, чтобы словами самого автора покончить съ вопросомъ, составляющимъ предметъ настоящей главы.

Итакъ, Саванарола начинаетъ съ письма къ Верино, въ которомъ говоритъ: «я никогда не думалъ осуждать поэзію, какъ въ этомъ многіе обвиняли меня и устно, и письменно, а лишь злоупотребленіе ею, какое замѣчается у многихъ. Я не хотѣлъ обращать вниманія на эти обвиненія по пословицѣ: не отвѣчай глущу на его глупости. Но теперь слова твои заставляютъ меня взяться за перо. Не ожидай, однако, отъ меня какой-либо эlegantности въ стилѣ, ибо вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я оставилъ всѣ занятія гуманитарными науками ради наукъ болѣе важныхъ». Послѣ этого небольшого вступленія, онъ начинаетъ излагать самый вопросъ, указывая, прежде всего, различіе между сущностью и формой поэзіи. «Нѣкоторые хотѣли-бы ограничить поэзію лишь формой. Они жестоко ошибаются: сущность поэзіи состоитъ въ философіи, въ мысли, безъ которой не можетъ быть и истиннаго поэта. Если кто думаетъ, что все дѣло въ дактиляхъ и спондеяхъ, долгихъ и короткихъ слогахъ, въ украшеніи рѣчи словами, тогъ, конечно, впадаетъ въ грубую ошибку». Переходитъ, потомъ, къ опредѣленію поэзіи по идеямъ всецѣло схоластическимъ, но тутъ-же высказываетъ и мысли оригинальныя: «цѣль поэзіи, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить читателя посредствомъ силлогизма, называемаго фигуροю. Силлогизмъ этотъ долженъ быть выраженъ изящно, ибо поэзія должна убѣждать и услаждать въ одно и то-же время. И такъ-какъ душа наша въ высшей степени услаждается гармоніей и пѣвучестію, то древніе и изобрѣли размѣры стиховъ, чтобы легче вести людей къ добродѣтели. Но эти размѣры суть ничто иное, какъ только простая форма, и поэты могутъ излагать свои мысли и въ прозѣ. Это мы видимъ на Священномъ Писаніи, въ которомъ Господь восхотѣлъ дать намъ истинную поэзію мудрости, истинное краснорѣчіе правды:

оно не останавливаетъ нашего вниманія на словахъ, но возноситъ нашъ духъ, углубляетъ насъ въ самую сущность истины и дивнымъ образомъ питаетъ нашъ умъ, свободный отъ земной суеты. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему служить краснорѣчіе, не достигающее предположенной цѣли? Къ чему служить корабль разукрашенный и расписанный, который постоянно борется съ волнами, который никогда не приводитъ путешественниковъ въ портъ, а, напротивъ, удаляетъ ихъ отъ него? О, великое стяжаніе для душъ! Услаждаютъ уши народа, восхваляютъ самихъ себя божественными похвалами, въ громкихъ фразахъ дѣлаютъ ссылки на философовъ, изысканно декламируютъ стихи поэтовъ, а Евангеліе Христово оставляютъ или вспоминаютъ весьма рѣдко».

Сказавъ это о поэзіи вообще, онъ переходитъ къ разсужденію о поэтахъ своего времени въ частности. «Есть люди, претендующіе, однако, на званіе поэтовъ, но не умѣющие дѣлать ничего другого, какъ только слѣдовать грекамъ и римлянамъ, повторяя ихъ идеи. Они подражаютъ формамъ и размѣру ихъ стиховъ, даже дѣлаютъ обращенія къ ихъ богамъ, какъ-будто мы не такіе-же люди, какъ они, и не имѣемъ собственнаго разума и собственной религіи. Это не только фальшивое стихотворство, но и губительнѣйшая язва для молодежи. Я, конечно, постарался-бы доказать вамъ это, если-бы мысль моя не была ясна, какъ Божій день: опытъ, этотъ единственный учитель жизни, такъ ясно доказалъ весь вредъ, который происходитъ отъ такого рода стихотворства, что было-бы рѣшительно бесполезно лишній разъ осуждать его. Но знаете-ли вы, что и сами язычники осуждали подобнаго рода поэтовъ? Развѣ Платонъ, превозносимый теперь до небесъ, не настаивалъ на необходимости закона, по которому такіе поэты изгонялись-бы изъ города за то, что они, ссылаясь на примѣръ и авторитетъ нечестивыхъ боговъ, въ гнуснѣйшихъ стихахъ воспѣваютъ скверныя плотскія страсти и нравственный развратъ? Что-же дѣлаютъ наши христіанскіе правители? Зачѣмъ они замаскировываютъ это зло? Зачѣмъ не издадутъ закона, который изгналъ-бы изъ города не только ложныхъ поэтовъ, но

и ихъ книги, а также книги древнихъ авторовъ, разсуждающія о блудѣ, восхваляющія ложныхъ боговъ? Было-бы большимъ счастьемъ, если-бы всѣ такія книги были уничтожены и остались-бы только тѣ, которыя побуждаютъ людей къ добродѣтели».

Этотъ отрывокъ, въ нѣкоторыхъ своихъ выраженіяхъ, несомнѣнно, довольно рѣзкій, я далъ поводъ многимъ писателямъ къ обвиненію Савонаролы въ нетерпимости. Мы нарочно привели его цѣликомъ, чтобы, показавъ, какъ онъ цѣнилъ сокровища древняго и новаго искусства, яснѣе дать почувствовать тѣ фразы, на которыя опирались его враги. Фразы эти срывались у него съ языка, когда онъ говорилъ о лицахъ, выдававшихъ себя за служителей красоты, а на самомъ дѣлѣ лишь профанировавшихъ ее. Такой, нѣсколько нетерпимый, тонъ извинителенъ для того развращеннаго вѣка, когда истинная, благородная и могучая поэзія Данте была оставлена и замѣнена литературной непристойностью, казавшейся чѣмъ-то весьма изящнымъ. «Даже между древними, продолжалъ Савонарола, были поэты, которые презирали все постыдное и превозносили благородные поступки: они пользовались своимъ искусствомъ правильно, и я не могу и не долженъ осуждать ихъ». Затѣмъ, вновь возбуждаясь, онъ прибавилъ: «но и этихъ лучшихъ языческихъ поэтовъ слѣдуетъ изучать только при условіяхъ здраваго и твердаго христіанскаго воспитанія. Поэтому, пусть уберутъ ихъ, пусть не даютъ читать ихъ молодымъ людямъ, пока они не вкусятъ перваго млека Евангельскаго ученія, и пока послѣднее твердо не запечатлѣтся въ ихъ нѣжныхъ умахъ. Дѣло вовсе не безразличное—направлять ихъ по тому или иному пути въ самомъ началѣ: это важно, даже болѣе, это—все, ибо всякое начало есть уже половина всего предпріятія. Пусть христіанинъ, прежде всего, украшаетъ себя добрыми нравами. Пусть будетъ онъ менѣе краснорѣчивъ, лишь-бы не оказаться недостойнымъ имени Христова».

Далѣе Савонарола переходитъ къ вопросу о томъ, какую пользу поэзія можетъ принести религіи, и говорить: «если-бы поэтъ писалъ только гимны въ честь религіи, это, конечно,

послужило-бы къ ея блеску, но истинной пользы не принесло-бы. Только духъ живить, буква-же убиваетъ. Честь и славу, которыхъ всегда ищетъ поэтъ, полагаетъ онъ обыкновенно въ искусствѣ изложенія, а не въ предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Какъ-же онъ можетъ быть полезенъ религіи, предъ которой ступшевыаются всѣ иные человѣческіе интересы. Примѣръ бѣдной, простой и необразованной женщины, которая съ колѣнопреклоненіемъ, горячо молится, приносить душамъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ торжественные въ честь Господа гимны поэта или философа: сердце той согрѣто вѣрою, умъ-же послѣднихъ полонъ мірской суеты».

Конечно, многіе и здѣсь увидятъ слишкомъ односторонній взглядъ на вещи. Но онъ вытекаетъ изъ критики, гораздо болѣе здравой, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза. Искусство, въ сущности, живетъ въ своемъ собственномъ мірѣ, среди собственныхъ своихъ задачъ. Оно довлѣетъ само себѣ. Думая облагородить его, часто дѣлаютъ изъ него орудіе морали, политики или религіи и тѣмъ только низводятъ его на уровень прозы. Нѣтъ ни одной поэмы, ни одной картины или музыкальнаго произведенія, которое было-бы обязано своимъ бессмертіемъ той цѣли, какую поставилъ себѣ артистъ, какъ-бы она высока и благородна ни была, и, наоборотъ, есть масса твореній, которыя пережили вѣка, несмотря на то, что тема ихъ не заслуживаетъ особенной похвалы. Савонарола, поэтому, не ошибался въ своихъ взглядахъ на искусство, когда проводилъ строгую границу между нимъ и нравственностью или религіей: тогда онъ прекрасно понималъ истинный его характеръ. Ошибка его состояла скорѣе въ томъ, что онъ слишкомъ мало интересовался вопросомъ, насколько умственное развитіе облагораживаетъ сердце человѣка и насколько пріобщеніе къ области искусства возвышаетъ душу. Увлекаемый мыслью религіозной, онъ съ излишней рѣзкостью возставалъ противъ той самой философіи, въ которой былъ такъ силенъ, и противъ той поэзии, которую такъ любилъ. Осуждая эти крайности, не слѣдуетъ, однако, забывать, что тогда было не мало выдающихся ученыхъ, не мало философовъ, которые серьезно надѣялись видѣть воз-

рожденіе язычества. Между ними были и такіе, которые думали, что достигли высшаго совершенства въ искусствѣ, когда въ стихахъ или прозѣ, написанныхъ въ стилѣ Virgilіа и Цицерона, изображали самый безстыдный развратъ. Но говорить, что Савонарола былъ нечувствителенъ къ высшей гармоніи истиннаго, къ таинственной музыкѣ прекраснаго, значитъ, несомнѣнно, впасть въ заблужденіе. И дѣйствительно, въ чемъ, какъ не въ философіи, находилъ онъ для себя утѣшеніе и силу въ тяжелыхъ испытаніяхъ своей юности? Что ободряло его? Чему повѣрялъ онъ первыя свои скорби, какъ не музыкѣ и поэзіи? Его стихи показываютъ намъ, что онъ далеко не былъ недостойнымъ служителемъ тѣхъ самыхъ музъ, слѣпымъ отрицателемъ которыхъ хотѣли выставить его нѣкоторые. Если стихи эти не всегда могутъ быть названы поэзіей въ собственномъ смыслѣ, все-же нельзя не видѣть присущей имъ оригинальности и той высоты мысли, которая свидѣтельствуютъ о благородствѣ души ихъ творца. Остановимъ-же на нихъ наше вниманіе.

Хотя стихотворенія Савонаролы и трактуютъ постоянно о предметахъ религіозныхъ, однако, ихъ можно раздѣлить на двѣ, отличныя одна отъ другой категоріи. Они служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ того, что онъ самъ говорилъ о характерѣ и разныхъ видахъ поэзіи. Въ періодъ своей юности, еще не чуждаясь міра, онъ горячо любилъ литературу и писалъ единственно для того, чтобы дать выходъ переполнявшимъ его чувствамъ. Тогда-то онъ и написалъ свои «Canzoni». «Духовные гимны», которыхъ гораздо болѣе по количеству, были сочинены въ болѣе зрѣлыя годы, единственно съ религіозной цѣлью и въ противовѣсъ карнавальнымъ пѣснямъ, нравившимся простому народу. Эти «Гимны» сразу-же выводятъ насъ изъ свободной сферы истиннаго искусства: размѣръ, форма и, можно сказать, самыя идеи ихъ подсказываются и опредѣляются поэзіей иного сорта, которой они должны оказать противодѣйствіе. Тотъ-же музыкальный напѣвъ, что и въ карнавальныхъ пѣсняхъ. Авторъ идетъ по слѣдамъ послѣднихъ, и каждой изъ допущенныхъ тамъ непристойностей онъ хотѣлъ-

бы противопоставить слово религіи или вѣры. Антагонизмъ этотъ создаетъ для него въ нѣкоторомъ родѣ Прокрустово ложе и вынуждаетъ его подражать стихамъ, бѣднымъ по содержанію и полнымъ искусственности: отсюда этотъ простой наборъ словъ и софизмовъ. Не нужно, слѣдовательно, удивляться, что въ «Гимнахъ» его нѣтъ истинной поэзіи. Про нихъ можно сказать, что они отмѣчены печатью благородства, умѣренностью тона и здравымъ смысломъ. Когда Джироламо Бенивиѣни, знаменитый для своего времени поэтъ, пробовалъ писать въ такомъ-же родѣ, то часто нарушалъ при этомъ законы не только истиннаго искусства, но и простой логики. Воспѣвая радость и веселіе отдаться безумію любви ради Христовой, онъ имѣетъ смѣлость считать поэзіей слѣдующіе, напимѣръ, стихи:

To' tre once almen di speme,
Tre di fede e sei d' amore,
Due di pianto, e poni insieme
Tutto al foco del timore:
Fa' dipoi bollir tre ore;
Premi in fine, e aggiungi tanto
D' umiltate e dolor, quanto
Basta a far questa pazzia.

Рядомъ съ подобными виршами «Гимны» Савонаролы блещутъ красотой: замыселъ ихъ проще, чувство свободнѣе, цѣль болѣе практична, высока и нравственна. Приведемъ начало одного изъ нихъ, написаннаго въ тотъ самый годъ, какъ формировалось новое правленіе:

Viva, viva in nostro core
Cristo re, duce e signore.
Ciascun purghi l'intelletto,
La memoria e volontade,
Del terrestre e vano affetto;
Arda tutto in caritade,
Contemplando la bontade
Di Iesù re di Fiorenza;
Con digiuni e penitenza
Si riformi dentro e fore,

Se volete Iesù regni,
 Per sua grazia in vostro core,
 Tutti gli odii e pravi sdegni
 Commutate in dolce amore;
 Discacciando ogni rancore,
 Ciascun prenda in se la pace:
 Questo è quel che a Iesù piace,
 Su nel cielo e qui nel core,

. . . . .

Савонарола написалъ много «Гимновъ», изъ которыхъ иные не изданы еще до сихъ поръ. Но они почти ничего не прибавляютъ къ его славі, какъ поэта: въ нихъ тѣ-же несовершенства, имъ недостаетъ послѣдней отдѣлки автора, ибо они остались незаконченными, въ видѣ простыхъ набросковъ. Но когда Савонарола освобождался отъ стѣсненій и подражательности, какія налагало на него самое содержаніе «Гимновъ», когда стихи его не должны были служить средствомъ и орудіемъ для достиженія чуждыхъ поэзіи цѣлей, голосъ его звучалъ свободнѣе и непринужденнѣе. Тогда и онъ имѣлъ право сказать о себѣ: «*Son poeta anch'io*». Такъ, настоящее вдохновеніе чувствуется въ его «Пѣсняхъ», написанныхъ, какъ мы сказали, въ эпоху первой его юности. Душа его, терзаемая страстями, не наслаждалась еще тѣми небесными радостями, которыя заставили его позднѣе съ презрѣніемъ оставить все земное. Мы отмѣтили уже суровую энергію и, при несовершенствѣ формы, выдающуюся по силѣ поэзію двухъ изъ этихъ пѣсень: «О разрушеніи церкви» и «О разрушеніи міра». Въ другихъ «Пѣсняхъ» мы, наоборотъ, находимъ деликатность чувствъ, выраженную въ чрезвычайно элегантнои формѣ. Для примѣра возьмемъ хотя-бы ту, которая начинается словами:

Quando il soave e mio fido conforto,
 Per la pietà della mia stanca vita,
 Con la sua dolce citara fornita
 Mi trae da l'onde al suo beato porto,
 Io sento al core un ragionare accorto

Тѣ-же качества мы видимъ и въ другой «Пѣснѣ», посвя-

щенной Маріи Магдалинѣ. Здѣсь съ великой любовью описывается святая, вознесенная Иисусомъ Христомъ на небо:

E tutto il suo cor arde
E nell'amor di Dio non si raffrena.

Чтобы дать образчикъ его «Пѣсенъ», приведемъ цѣликомъ одну изъ нихъ, написанную въ похвалу Екатерины деи Вегри, родившейся въ 1463 г. и канонизированной въ послѣдствіи Римомъ въ 1724 г.

I.

Anima bella, che le membra sante,
Salendo al ciel, abbandonasti in terra,
Per far fede fra noi dell'altra vita;
Or ch'è fornita pur la lunga guerra,
Ove giammai non fusti isbigottita,
Nè mai voltasti al Sposo tuo le piante,
Sei gita a lui davante
Col cor pudico e con la mente pura,
Per trionfar della tua gran vittoria,
In sempiterna gloria,
Fuor di quest'aspra e cieca vita dura,
Là dove ormai con Cristo sei sicura.

II.

Il sacro corpo ben dimostra quanto
Esaltata l'ha Iddio nell'alto cielo,
E la virtude che fra noi si vede,
Spirto gentil, esempio al mondo felo,
Fiamma celeste alle coscienze frede,
E degli afflitti, o refrigerio santo!
Chi con devoto pianto
A te s'inchina, Vergine beata,
Sciolto riman da mille pensier frali;
Perchè quanto tu vali,
Dinanzi a Cristo, o sposa coronata,
Il ciel il vede, e'l mondo ove sei nata.

III.

Da mille parti, sol per fama core
Diverse genti a rimirar le membra,

Che, essendo spente, par che viva ancora,
 E del suo spirto par che si rimembra.
 Ogn'uomo il vede, quivi ogn'uom l'adora,
 E pien di maraviglia, gli fa onore.

Deh! qual selvaggio core
 Non lacrimasse forte di dolcezza,
 Vedendo l'opre sante e l'umil viso?

Se adunque è un paradiso
 Il corpo al mondo, e tanto qui si prezza,
 Che fia veder di spirto la bellezza?

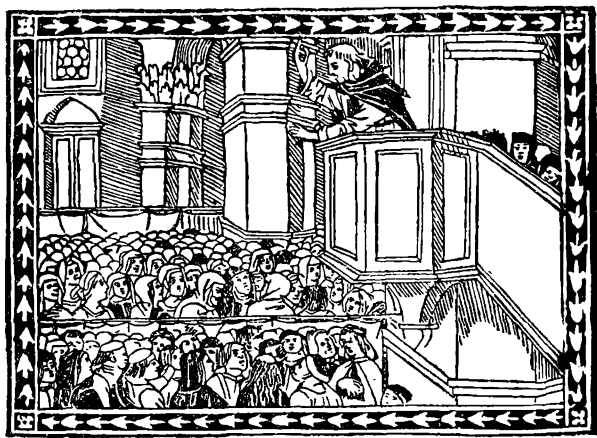
O felice alma, che giammai non torse
 Il santo piè dal dritto suo cammino,
 Sempre sprezzando quel che'l mondo brama.

По нашему мнѣнію, эта «Пѣсня» носитъ печать изысканной деликатности чувствъ автора. Но, вообще, совершенно справедливо, что, при сужденіи о поэзіи Савонаролы съ точки зрѣнія искусства, мы должны были-бы примѣнить къ нему строгія требованія. У него наблюдается постоянное и очень замѣтное пренебреженіе формой, и самыя идеи его рѣдко возвышаются до истинно поэтическаго творчества. Тѣмъ не менѣе, при чтеніи ихъ, уваженіе къ автору неизмѣнно возрастаетъ, потому-что, хотя въ стихахъ его и нѣтъ чистой поэзіи, но зато ею полно его сердце. Поэзія для него не результатъ умственнаго напряженія, а самая сущность и жизнь его духа. Она проявляется у него рѣдко и какъ-бы скачками. Но она блеститъ тѣмъ ярче, чѣмъ меньше сознаетъ это самъ авторъ.

Савонарола составилъ, кромѣ того, нѣсколько латинскихъ стихотвореній. Написанныя почти безъ соблюденія какого-либо ритма, они все-же могутъ быть причислены къ разряду поэтическихъ, ибо представляютъ собою подражаніе псалмамъ. Въ одномъ изъ нихъ, воспѣвая хвалу Богу, авторъ выражается такъ: «я искалъ Тебя повсюду и не находилъ. Спрашивалъ я землю: не ты-ли мой Богъ? И она отвѣчала: Оалесь обманывается—я не Богъ твой. Я спросилъ воздухъ, и онъ мнѣ отвѣтилъ: поднимись еще выше. Спрашивалъ небо, звѣзды, солнце, и тѣ мнѣ отвѣчали: Тотъ, Который создалъ насъ изъ ничего, Тотъ есть

Богъ. Онъ наполняетъ небо и землю. Онъ въ сердцѣ твоёмъ. И такъ, о Господи, я искалъ Тебя далеко, а Ты былъ близко. Я спрашивалъ глаза, не черезъ нихъ-ли Ты вошелъ въ меня, а они отвѣчали мнѣ, что знаютъ только цвѣта. Спрашивалъ уши, и они отвѣтили, что знаютъ только звуки. И такъ, чувства наши не знаютъ Тебя, Господи. Ты вошелъ въ душу мою, Ты въ сердцѣ моемъ. Ты дѣйствуешь во мнѣ, когда я творю дѣла милосердія». Во всемъ, что пишетъ Савонарола, замѣчается нѣчто такое, что заставляетъ его уноситься въ высокія сферы, какое-то святое и благородное вдохновеніе, которое, разрывая слишкомъ ревнивый покровъ формы, обнаруживаетъ предъ читателемъ нравственное величіе автора и каждого заставляетъ признать, что, не будучи артистомъ, онъ все-же носилъ въ себѣ неизсякаемый источникъ высочайшей поэзіи.

Савонарола проповѣдующій.